

Тайна Гиперборейской Мудрости

том 2

Нимрод из Росарио

BERSERKER

BOOKS

Однако несколько гиперборейских народов в большей или меньшей степени подражали подвигу Нимрода: одним из них был народ викингов Гренландии, который "открыл Врата", закрытые впоследствии Квиблонном-Колоном. **¶** Другой, более поздний, - немецкий народ Третьего рейха, который рассчитывал на гиперборейскую мудрость элиты каинитских посвящённых Чёрного Ордена. Таким образом, фюрер Германии смог, с перспективой на успех, вновь предпринять коллективную мутацию Расы и попытаться завоевать Небеса. **Но результаты этого нового гиперборейского деяния наверняка покажутся тем, кто находится под воздействием Синархической магии, "поражением".**

В заключение этого краткого изложения истории Нимрода касситский царь, его храбрый полководец Нинурта, его Инициаты и все люди, погибшие в Борсиппе, отправились в последнее Возвращение к Истоку, ведомые неукротимой принцессой Исой.

Тем временем демоны-идиоты Хива Анаким пожирали их трупы в Чанг-Шамбале, а Король Мира читал свою Вечернюю Молитву, отложенную на двенадцать часов в тот день из-за несмываемого деяния Нимрода.

В музее в Ла-Плате, Буэнос-Айрес, хранится знаменитый Кудурру из Кашшу, обнаруженный в Сузах, где он был частью трофеев эломитского царя Шутрук-Нахунте в XII веке до нашей эры. На нем выгравирована царственная фигура Нимрода, **ступающего на Луну и Солнце**, а над его головой - восьмиконечная звезда, с и м в о л з и р у ю щ а я планету Венера. Рядом с ним находится зиккурат, напоминающий его знаменитую башню. Под этим изображением находятся две колонки клинописи на хеттском языке, в которых говорится о смерти царя и предупреждается, что никто не должен забыть его поступок. Я расшифрую часть этого текста в соответствии с эрудированной версией профессора Рамиреса из университета Сальты, которая во всем мире считается наиболее точной:

Смерть Нимрода

*Из знаменитого Тауэра,
руины которого
находятся здесь
Царь Нимрод отправился на небеса.
Однажды он вернется!
Но он не ушел.
Перед богами он преклонил
колени. С натянутым луком он
поднялся, готовый убить.
Его стрелы ранили Шамаша, но он
вскоре исцелился.
Но Нимрод ушел, хотя
однажды он вернется.
Богиня направляет его,
Иса называется,
это сама Иштар,*

*И народ,
сопровождающий его, -
храбрые касситы,
которые будут
сражаться вместе с
ним.*

*Ибо Нимрод ушел,
и с нами его больше нет,
хотя легенды говорят,
что однажды он вернется.
с натянутым луком,
готовым убить.*

Пятьдесят пятый день

*Так же, как касситы царя Нимрода, ввели себя викинги Гренландии в XIV веке, доктор Зигнагель. Именно поэтому демоны Чанг Шамбалы послали туда Квиблону в 1447 году, чтобы закрыть открытые ими Врата Туле. Вернувшись в Лиссабон и успешно выполнив свою миссию, Квиблон готовится к следующему великому шагу: **отплыть на запад, в направлении Врат Земного Рая и К'Таагара. Первые он должен открыть и замаскировать так, чтобы ими могли пользоваться только члены Избранного народа и их союзники, голены. Вторые, "другие врата Туле", он должен закрыть навсегда: врата К'Таагара, или Агарты, были теми самыми, которых белые атланты достигли тысячи лет назад, отправившись на восток, и которые на средневековых картах были обозначены как "Страна Катигара", царство Великого Хана или Престера Джона; теперь к этой "Стране Катигара" нужно было подойти с запада, а вход в нее запечатать с помощью кабалистического использования сефирот. После миссии Квиблону Катигара навсегда исчезнет из западной культуры. Или, другими словами, исчезнет К'Таагар: дни Дома Тарсиса, таким образом, были сочтены, чтобы воспринять Литийский Знак на Камне Венеры и отбыть в Обитель Богов-Избавителей.***

*Что касается Врат К'Таагара, расположенных на **Дальнем Западе**, то скажу вам, что в Эпоху Квиблону их было четыре "открытых": три в Америке и один в Антарктиде. Из трех американских врат Квиблону удалось закрыть только Средние врата, самые прямые и захваченные Белыми Атлантами, которые находились в Бермудском треугольнике. Северные врата безуспешно искали члены Избранного народа, но так и не смогли найти, поскольку краснокожие, раса хранителей, позаботилась о том, чтобы хорошо их скрыть и защитить. То же самое произошло и с Южными вратами, которые охраняли Инга Атумуруна, использовавшие Литовскую мудрость, чтобы не дать Голенам найти их. **И** Антарктика, игнорируемая Врагом на протяжении нескольких столетий, была использована Черным Орденом только в XX веке, чтобы привести фюрера в Обитель Верных Богов Духа Человека.*

Герцог Мединачелли, дон Луис де ла Серда, был не только прямым потомком короля Альфонсо X, Мудрого, но и верным посвященным Белого братства. Квиблон оставался в его замке до 1484 года, когда он навсегда покинул Португалию, чтобы поселиться в Испании и выполнить самую

важную миссию в своей жизни: получить Слово Метатрона, Шехину, и реализовать

Водный Холокост, Мем; и с помощью этой силы принести в жертву **ЙХВХ** три языческие империи за Темным морем. В те дни голены сильно внедрились в орден Святого Франциска, который в Уэльве занимал святилище Нуэстра Сеньора де ла Синта, в Палосе - монастырь Нуэстра Сеньора де ла Рабида, в Могуэре - монастырь Нуэстра Сеньора де ла Гранада и т. д. Из этих церквей они тайно поощряли деятельность масонской ложи тамплиеров, в которую входили многочисленные светские представители андалузской знати, в том числе герцог Мединачелли: посвященные ложи носили титул "рыцарь-тамплиер" и повторяли древние обряды поклонения Бафомету ордена, который был уничтожен в 1307 году. Именно в этой ложе Квиблон получает последнее посвящение и эзотерически готовится к получению Шехины. Он оставался посвященным в этом предприятии в замке Мединачелли до 1486 года, когда сам герцог объявил католическим монархам о присутствии человека, который откроет для Испании обширные и богатые страны Запада.

Государи посвятили себя завершению Реконкисты, и это неизбежно приведет к тому, что рано или поздно Гренада перейдет в руки христиан: это будет знак, которого ждет Хиблон. Тогда он получит Слово Метатрона, и его Сила станет несравненной. До этого времени он будет выглядеть скромным исследователем, желающим лишь служить Царству; после падения Гренады, как предсказывали Бера и Бирса, его голос станет Голосом **ЙХВХ**, а его амбиции будут соответствовать его Силе; и никто, даже короли, не смогут противостоять просьбам того, кому предстоит путешествие к вратам земного Рая. Но о планах Квиблона необходимо рассказать заранее, чтобы познакомить королей и двор с будущим адмиралом Океанского моря. Поэтому уже в 1486 году Голены организовали первую встречу Киблона с доном Фернандо и доньей Исабель, которые в то время находились в Кордове.

Естественно, **Domini Canis** также были частью Суда и были готовы остановить любого еврея или новообращенного, который попытается предложить план, который приведет к "Славе и Победе Избранного Народа" или "Тройному Холокосту народов, неизвестных Иегове Сатане". Капитан Киев, Владыка Венеры, за 180 лет до этого сообщил, что об этом объявит древнееврейский "Шиблон", которого будет трудно остановить. Таким образом, **Domini Canis** были начеку, но совершенно не подозревали, что сила Киблона проявится в конце, после символического падения Гренады. И, следовательно, они не подозревали, что Колумб, ничтожный и галлюцинирующий человек, может быть Квиблоном, Величайшим представителем Сил Материи. Как бы то ни было, фраер Эрнандо де Талавера, **Domini Canis**, которого короли назначили изучить предложение Колумба об исследованиях, вынес отрицательное решение и попытался дискредитировать прозорливого посланника Голена.

Однако двор был заражен рыцарями-тамплиерами или голенами, которые поддерживали Колумба на протяжении многих лет: кардинал Педро Гонсалес де Мендоса; главный бухгалтер королевства дон Алонсо де Кинтильяна; доминиканский прецептор принца дона Хуана, фра Диего де Даза; камергер короля дон Хуан Кабреро; командор дон Гутьеррес де Карденас; францисканский астроном фра Антонио де Марчена и др. И самая эффективная помощь: помощь Луиса Сантангееля, писца раценов

Арагонской короны, своего рода секретаря короля Арагона, который был влиятельным банкиром и принадлежал к еврейской семье, недавно принявшей христианство. Этот зловецкий персонаж, в

Вместе с группой еврейских банкиров из Генуи он станет финансистом экспедиции Колумба в 1492 году: он предложит заем в миллион мараведисов под такой низкий процент, 1,5%, что это практически решит королеву разрешить путешествие Киблона.

В 1491 году король и королева оказались перед Гранадой, в очень большом бивуаке, который впоследствии стал городом Санта-Фе. Туда прибыл Колумб, которому не терпелось увидеть взятие Гранады и отправиться на выполнение своей миссии. Однако его планам снова помешал фрау Эрнандо де Талавера, готовившийся стать архиепископом, и не позволил ему встретиться с их величествами. Но падение города уже совсем близко, и Киблон чувствует проявление **ИХВХ**. Поэтому он отправляется прямо в монастырь Ла Рабида, в Рус Баал, место, освященное Великой Матерью Биной: он надеется, что любовь Богини, Девы Чудес, поможет ему перед лицом надвигающихся событий Судьбы. А в Рабиде его ждет Старейшина Голен, чтобы совершить Ритуал Сефер Иче - церемонию, позволяющую Интеллекту Бины вложить в сердце Инициата Семя Грязи архетипического человека: только на этот раз Любовь Бины будет способствовать проявлению Дитя Метатрона, Отражающего Аспекта Кетер, Короны Единого.

Главным руководителем Голен стал фрау Хуан Перес, настоятель монастыря Нуэстра-Сеньора-де-ла-Рабида и верховный священник ордена Мельхиседека. В проведении ритуала ему помогли миряне и рыцари-тамплиеры Педро Веласко и Гарсия Фернандес, а также францисканец Антонио де Марчена. 2 января 1492 года Боабдил передал Гранаду дону Фернандо и донье Исабель; затем архиепископ **Domini Canis** Эрнандо де Талавера приказал еретикам, арабам и евреям, принять христианство: в противном случае им придется покинуть Испанию; через две недели в Ла-Рабиде исполнилось пророчество Бера и Бирсы.

Киблон, одетый во францисканскую привычку, стоит перед великолепной скульптурой Чудотворца: эту работу принято приписывать святому Луке Апостолу, но на самом деле, как видно на Тридцатый день, она была вырезана монахом-тамплиером в тринадцатом веке. Голен только что провел ритуал, и **Великий Жертвенник получил Шехину**. Затем Киблон словно овладевает Вселенской Душой **ИХВХ** и падает на колени перед образом Богоматери, **которую он видит как живую** и чья **безграничная Любовь** поглощает его сердце. Происходит чудо, и гранат Его Посоха начинает кровоточить, но Шиблон не замечает этого: вместо этого он слышит, как Великая Мать Бина говорит с ним на чистейшем древнееврейском языке:

**-Святой Киблон, Великий
Жертвенник, сын Старейшины
Старейшин.
Его творческое Слово - это ваш священный Голос!
Семенной Логос Отца
находится в Разуме вашего
ума, но сладостная Любовь
Матери сжигает ваше**

**Сердце страстью.
Я - Бина, Мать Мессии, Я - Бина,
Мать Метатрона. Я - Бина,
Интеллект Бога.**

*Это Я буду направлять ваш
путь в темном море ужаса.
Кто же сможет остановить тебя,
Святой, Святой, Святой, Святой,
Святой, Квиблон?
Через Меня вы постигаете тайну
Храма, через Меня вы получаете жизнь
Риммона.
Отцу отдай Кровь. Мне
нужна Любовь.
Три империи ждет скорая
гибель.
Реки теплой крови
прольет испанец.
Эта высокомерная
раса альбиносов,
будет острым кинжалом Жертвенника.
Как раса, кровь
языческих народов
будет принесена в
жертву Богу.
Но один за другим,
спариваясь с выжившими,
они будут размножаться
без ограничений.
Сыны ужаса.
Это будет Моей наградой
Святой, Святой, Святой,
Святой, Святой, Квиблон.
Отцу отдай Кровь. Мне
нужна Любовь.
И эта
великолепная гонка
отважного
испанца,
погрузится в болота
Нижней Страсти.
То, что от него останется,
Свят, Свят, Свят, Свят, Свят,
Квиблон?: Тысячи и тысячи
сыновей ужаса.
И в этих Новых людях
мои семена грязи прорастут лучше.
Мне не нужны гонки;
Мне нужна любовь. У
меня много сыновей.
Of Mortal Men, Mother I Am.
Но Мой Первенец -
избранный народ,*

*Народ Господень.
Над грязевиками он
должен править без
страха.
Ибо Его есть царство
Малхут, ЙХВХ Себаот. Он
прекрасен, как Ангел,
крут, как Бог,*

**это Шехина, Невеста,
это Мешиах, это
Метатрон. Она
обладает моим
интеллектом.
Он может
действовать со всей
строгостью. Но если
он опускается до
низких страстей:
в его деяниях нет греха; для
него есть Прощение.
Это радость Отца,
это понимание Матери, это
избранный народ,
народ Господень.
Мой первородный
сын, из всех
Лучших.
Его братья блуждали,
охлаждая Сердце, и получали
каменное семя Врага Любви;
из бесконечной
черноты после
смерти души; из
ледяной черноты
после смерти тела;
Черного небытия без
Творца; вечной черноты
после
Окончательной
Смерти; об
Обнаженной Истине
после Смерти
Каллибура;
из черной бездны самого себя. Ибо оно
прогремит в наказание.
Боль пронзает его насквозь:
Тирания избранного народа,
суд над народами,
Холокост огня,
отбеливатель, ужас.
Она - зло на Земле, она -
смерть души,
охладил Камень,
враг любви. У меня много
сыновей.
От матери-грязевика, которой я являюсь.
Я - Бина, которая плачет**

на холодном камне.
которую Дева Агарта
вложила в свое Сердце.
Я - Бина, Мать Метатрона, Я буду
направлять ваш путь, Святой
Квиблон, где вас ждут три
царства.
его быстрое
уничтожение. Дайте
Отцу кровь

**Великий
жертвенник; и
сохраняет для
Матери тепло
любви.
Открой вскоре путь
избранному народу,
народу Искупителя;
и закрывает
чувства от Вечной
Черноты,
охлаждающей
Сердце.
Я - Бина; я - ваша Мать
Души; я - Бина, которая
даст вам просветление.
Я - Бина, которая благословляет
тебя сейчас. Сын Древнего,
Никогда не забывайте о
своем Возвышении, Святой,
Святой, Святой, Святой,
Святой, Квиблон.**

Это послание слышал только Великий Жертвенник, но все присутствующие понимают, что Дева Чуда говорила с ним внутренне. И Квиблон, охваченный мистическим экстазом, часами стоит на коленях, погруженный в созерцание Космической Матери. Наконец голены благоразумно удаляются, оставляя адмирала-раввина в близости его небесных видений; они, со своей стороны, видели, как Мать Божья плачет о Своих Сыновьях, отступивших от Закона Любви, и как Ее Гранат кровоточит от страсти; и они собрали Ее слезы и Ее Кровь во славу и победу Голенской Церкви и Синагоги **ЙХВХ Себаота**, чтобы засвидетельствовать Шехину избранного народа, схождение Малхутского царства.

Спустя несколько дней Голены готовы продемонстрировать свой тайный ход, настоящую "карту в рукаве": фрау Хуан Перес - духовник королевы Изабеллы; он может сгладить все препятствия, чтобы Киблон мог высказаться перед королями; и тогда, словно допрашивая Чудотворца, "кто может остановить тебя, Святой Киблон?". Так Голен Хуан Перес отправляется в Гранаду и устраивает знаменитое интервью; Луис Сантангель и генуэзские еврейские банкиры готовятся финансировать предприятие, которое станет безошибочным путем к бегству для их братьев Разы; а **Domini Canis**, застигнутый врасплох, на этот раз не может ничего сделать, чтобы сорвать планы Белого братства. В апреле 1492 года Квиблон, несчастный новообращенный еврей, которому незадолго до этого не хватало даже одежды и еды, требует для себя и своего потомства адмиралтейства в Океанском море для короны Кастилии, вице-королевства над всеми открытыми и завоеванными землями, десятины со

всех товаров, привезенных в Испанию, будь то добыча или товар, и так далее. И короли согласились на столь непомерные требования в капитуляции от 17 апреля 1492 года, подписанной в лагере Санта-Фе, напротив Гранады. Никто, даже католические монархи, не может противостоять Слову Метатрона: Гранада, город евреев, попала в руки язычников, подобно тому, что произошло с Иерусалимом, разрушенным генералом Титом четырнадцатью сотнями лет ранее; и как тогда, так и теперь последует диаспора Избранного народа. Но на этот раз рассеяние продлится н е д о л г о : избранный народ вскоре будет

воссоединившись и ориентируясь на свою Судьбу Славы: для этого Орден Мельхиседека послал Киблона, Святой Старец доверил ему Свое Слово, а Мать Божья будет направлять его шаги.

3 августа 1492 года, ровно в 1422-ю годовщину взятия Иерусалима, Киблон отплыл из порта Палос в Уэльве на трех каравеллах с крестом ордена Храма. Экипаж состоял в основном из новообращенных евреев и имел при себе ладино, раввина Луиса де Торреса, который переводил иврит, арамейский и арабский языки. Христианских священников на кораблях, напротив, не было. По возвращении, 15 марта 1493 года, закрыв ворота К'Таагара, открыв врата Рая для своих братьев-голен и евреев и начав Великое жертвоприношение языческих народов, Киблон направляется прямо в святилище Богородицы Ленты: он должен поблагодарить Богородицу за Ее руководство и защиту.

Владыки Тарсиса слишком поздно поняли, что Христофор Колумб на самом деле был Квиблоном, верховным жрецом Белого Братства, о котором их предупреждал капитан Киев. Когда все стало ясно, от этого не было спасения: вся Испания, слепая, как Персей, была готова броситься на тройную шею Медузы. Их победил человек, которого они недооценили с самого начала, человек, который, по иронии судьбы, никогда не скрывал своих намерений, человек, доктор Зигнагель, подписавшийся **S.A.M.**, то есть **Самех, Алеф и Мем**, инициалы Киблона, означающие "**S**" **hekhinah**, "**A**" **vir** и "**M**" **etatron**, тройной имманентный принцип каббалистического Древа Риммона. Посмотрите, доктор Зигнагель, на прилагаемое факсимиле подписи Колумба, и вы увидите, что слева находится монограмма, образованная еврейскими буквами "**Бем**" и "**Хе**", инициалами традиционного притвствия **Боруша Хашейма**, а затем **S.A.M.**, расположенными в вертикальном столбце.

Точки соответствуют арамейскому обозначению "слова", а остальные буквы завершают "магическую скрижаль", или кадиш, которую можно читать в различных смыслах, согласно каббалистическим формам: "**S**", по обе стороны от "**A**", означает "**Shaddai**"; "**Y**" - это инициал **YHVH**; а "**X**" означает "**Christ**", который был синонимом Мессии среди испанских евреев. В последней строке, очень четко, мы читаем "**Cristo Ferens**", что означает не "**Кристофоро**", как утверждают Голены, а "**Наследник Мессии**", поскольку **ferens** в Средние века было эквивалентно **наследству**. Эти инициалы **S.A.M.** из Киблона были также найдены на мантии Девы Ленты, согласно инструкциям, данным Берой и Бирсой четырем священникам, и как их можно увидеть сегодня в ее святилище.

Пятьдесят шестой день

Ужасный инквизитор, которым был Ричард Тарсисский, был женат на милой даме, которая была внучкой графа Тарсеваля, то есть приходилась ему второй племянницей. От этого союза в 1502 году родился Лито де Тарсис, которого отец намеревался оставить в качестве своего преемника в деле истребления испанских евреев и голен. С этой целью он с ранних лет

подверг его тщательному обучению в различных доминиканских монастырях и на теологическом факультете университета Саламанки. Там он получил степень бакалавра и доктора права, окончив университет в возрасте семнадцати лет и сразу же поступив на службу в инквизиционный трибунал.

Во время учебы в университете молодой Лито проявлял признаки недюжинного ума, благодаря которому даже превосходил своих профессоров, но, поскольку он был также благороден и скромен, эта добродетель, не вызывая недовольства сокурсников и начальства, вызывала всеобщее восхищение. Больше всего всех поражала его удивительная способность к усвоению самых разных языков: помимо латыни и греческого, а также таких испанских диалектов, как кастильский, каталонский и баскский, он свободно владел арабским, португальским, французским и немецким.

В 1522 году Ричард, понимая, что эту склонность к знаниям необходимо направить в нужное русло, отправил его в Турдес, чтобы Каменные Люди посвятили его в Гиперборейскую Мудрость. Нойосы вернули Деву из грота в частную часовню усадьбы, хотя у каменного младенца теперь не было правой руки, странным образом изуродованной в Ночь Лье. Лито из Тарсиса, который, по словам Каменных Людей, проходил самую глубокую трансмутацию в Доме Тарсиса за всю его историю, проводил в Часовне все свободное время, проникая, как никто другой, в Тайну Несотворенной Жизни и Каллибурской Смерти Пирены. Когда он принял Гиперборейское посвящение, теперь уже с помощью Врунического знака Тиродингуибурра, он предупредил Каменных Людей, что, помимо вложения Семена Каменного Дитя в его Сердце, Дева открыла ему **Внутреннюю Звезду**, зеленую Астро, до которой он может добраться, когда пожелает: встав на интимный духовный путь и поместив свое Я в эту Звезду, древняя Литийская Наука Белых Атлантов не будет иметь для него тайн. По его словам, это было подобно восхождению на вершину горы и созерцанию огромного контекстуального ландшафта, открывающего стратегическое значение мегалитических сооружений. А вместе с утраченной Мудростью во внутренней Астро он вновь встретил свою Возлюбленную из Истока, которая ждала его после заблуждения и падения, за пределами Ада и Рая, чтобы вернуться с ним на Родину Несозданного Духа.

Несомненно, Лито де Тарсис тогда обладал второй степенью Гиперборейская инициация, то есть он был гиперборейским понтификом, строителем камней, способным преодолеть разрыв между Сотворенным и Несотворенным. В Доме Тарсиса зародилось подозрение, что они находятся в присутствии Инициата, о котором объявил капитан Киев, - того, кто увидит Литийский знак К'Таагара в Камне Венеры. Это предположение стало подтверждаться, когда Лито проявил свое призвание к нойрайадо и решил стать стражем Мудрого Меча: в 1525 году он без труда вошел в Тайную Пещеру и оставался там в течение пяти лет в компании двух нойнонов, которые охраняли Меч несколько лет до этого.

Инициационные способности нойо Лито интенсивно развивались в годы его затворничества, и этот процесс еще больше ускорился, когда из Камня начал появляться образ, то есть примерно на четвертом году Опеки. Изначально размытое, спустя несколько месяцев на Камне Венеры появилось изображение мегалитической сцены, причем настолько, что другие нойо также восприняли его, хотя и без подробностей. Для нойо Лито же, после того как изображение стало ясным только после того, как он положил глаза на Камень Венеры, оно также несколько раз передавало слова, которые все его филологические способности не смогли

истолковать, хотя присутствие многочисленных индоевропейских корней было очевидным. Слова были следующие:

-Апачичой Атумуруна!
-Апачичой Атумуруна!
-Пурихуака Вольтан гуананча унанчан хуануй!
Пукара Тарси!

И вот что представляло собой это изображение. На заднем плане виднелась цепь гор или сьерр, лишенных растительности; две из них выделялись тем, что их склоны образовывали глубокий овраг в центре фигуры, из которого виднелась струйка воды, поднимавшаяся, чтобы оросить столь же засушливую долину. Но эти элементы были лишь фоном; то, что действительно доминировало в сцене, было пологим холмом, на плоской вершине которого стоял огромный черный мизинец, окруженный кругом из восьми мизинцев поменьше. И это все, если не считать мелких деталей: лазурного неба, омраченного лишь несколькими снежными облаками, и земли, на которой сидели пинки, состоящей из красновато-коричневой земли, из которой прорастали редкие низкие колючие травинки.

С течением времени тайна этого незыблемого видения становилась все яснее, и к концу 1529 года Лито де Тарсис составил общее представление о его значении; сны и телепатические послания давали ему необходимую дополнительную информацию. По его убеждению, камень Венеры открывал место, расположенное **"в далекой и неизвестной стране"**, о которой упоминал капитан Киев; страна, которая существовала **"за Западным морем"**, добавляли Послания Богов, и которая могла находиться только в недавно открытой Америке. Мизинцы были помещены белыми атлантами с помощью особой техники, которая делала эту область неуязвимой для возможных атак агентов Белого Братства: на этой освобожденной площади, как и в Тайной пещере, Каменные Люди могли бесконечно долго противостоять давлению Сил Материи. Именно поэтому следующей задачей Лито из Тарсиса и валентинианских Каменных Людей будет найти эту тропу и укрыться со своими минарами до дней Последней Битвы - единственного способа выжить к тому времени, ибо демоны будут искать их в мире со все большим рвением по мере приближения тех дней.

Согласно предупреждениям богов, содержащимся в их Посланиях, опасность заключалась не в том, чтобы презрения, поскольку преследование началось бы в тот самый момент, когда Мудрый Меч был бы извлечен из Тайной Пещеры, и, возможно, было бы осуществлено лично Берой и Бирсой. Белое Братство, утверждали Боги-Освободители, придавало "открытию" Америки фундаментальное значение для своих будущих синархических планов и не желало рисковать ими снова; когда Мудрый Меч выйдет на солнечный свет, **Иод**, Всевидящее Око Иеговы Сатаны, мгновенно заметит его носителей, и Белое Братство сразу же узнает, что **в этом мире** еще живы Владыки Тарсиса: Реакция Демонов была бы предсказуемой; они, которые привели к культурному "открытию" Америки через своих агентов, еврея Христофора Колумба и сотни евреев-маррано на службе Голена, сделают всё возможное, чтобы остановить их и украсть Камень Венеры; **Circulus Domini Canis**, чрезмерно усердствуя в подавлении еврейских и голенских действий в Испании и Европе, позволили себя обогнать.

Теперь выяснилось, что в Орден проповедников проникли сотни доминиканцев-маррано, у которых не было другого стремления, кроме как отправиться в Америку в компании тысяч своих братьев-раса, которым разрешили покинуть тюрьмы и унылые гетто, чтобы принять участие в "завоевании". Перед лицом этой реальности решение Богов предполагало крайнюю осторожность на всех этапах операции. Как они поедут в Америку? Боги предвидели это, и скоро они узнают.

Лито из Тарсиса и один из нойонов по имени Роке встретились в Турдесе с Ричардом из Тарсиса и оставшимися Каменными Людьми из семьи Валентины. Все согласилось, что пророчество Владыки Венеры исполнилось, и долгожданный момент отъезда близок: Лито де Тарсису выпадет высокая честь нести Мудрый Меч в место, предписанное Богами. Но не все смогли бы отправиться в путь: Ричард Тарсийский был слишком стар, чтобы предпринять такое путешествие, и в таком же положении находились еще два рыцаря и две дамы; младшая дама, однако, могла сопровождать их, но только до какой-нибудь деревни, поскольку ей было бы трудно получить разрешение присоединиться к военному походу. Кроме трех нойонов, в путь могли отправиться и два монаха-доминиканца, которые вместе с Ричардом Тарсийским выполняли обязанности инквизиторов. Если все пройдет хорошо, путешественники отправятся за теми, кто остался, если нет - присоединятся к стратегии немецкой ветви семьи.

Проблема путешествия, как я уже говорил, была легко решена провидением богов, поскольку молодой немецкий исследователь, состоящий на службе у дома Вельзеров, был дальним родственником лордов Тарсиса. Николаус де Федерманн, в самом деле, вел род от австрийских лордов Тарсиса по материнской линии и в то время находился в Америке. Король Карл I и император Германии Карл V заключили договор о долге в 150 000 дукатов с Аугсбургским домом Вельзеров, подписав в Бургосе в качестве своего рода королевской гарантии капитуляцию, разрешающую указанному банку основать и эксплуатировать один из районов Америки. Этот регион включал в себя современную территорию Венесуэлы от Кабо-де-ла-Вела до Маракапаны, и компания была обязана основать два города и три крепости, в которые она могла назначить губернатора или адельантадо с королевского согласия. В 1527 году Хуан Ампуэс основал здесь город Ла-Вела-де-Санта-Ана-де-Коро, где в 1528 году поселился Амброзиус де Альфингер, первый губернатор, назначенный семьей Вельзеров, взяв в качестве лейтенанта Николауса Федермана. В 1530 году, после встречи Лито де Тарсиса с каменными людьми для принятия решения о путешествии в Америку, они узнали о существовании этого родственника из ветви Врунальдинов и связались с ним посредством медленной переписки, которую доминиканцы вели с монахами-миссионерами. В любом случае, старались не рисковать информацией таким образом, поэтому в письмах говорилось лишь о необходимости личной беседы с исследователем "по жизненно важным причинам, которые затем станут яснее". В то время это было труднодостижимо, поскольку Федерманн исследовал сердце венесуэльских джунглей в поисках индейского золота очень опасным способом.

*Как бы то ни было , лорды Тарсиса перебравшись в гавань
Севиля и начали готовить собственную экспедицию, отказавшись от
помощи*

Федерманн. В этом случае удача улыбнулась владыкам Тарсиса в 1532 году, но не Амброзиу Альфингерскому, которого стрела с кураре отправила в лучшую жизнь. Ведь именно смерть губернатора привела Николауса из Федермана в Европу, чтобы отвоевать для себя место, которое он по праву завоевал. Однако Вельзеры отдали этот пост Георгу из Спиры, человеку авторитетному, обладавшему значительным влиянием и влиятельными друзьями, назначив Федермана генерал-лейтенантом при губернаторе в качестве компенсации. И вот в 1533 году, когда немец был занят оснащением вельзерского флота, они все вместе собрались в Севилье.

Николаус де Федерманн не был посвященным, не знал ни магии, ни зотерики, но в его жилах текла Кровь Тарсиса. Он сразу понял, что таинственное дело, которое вело его родственников в Америку, необходимо поддержать, и во всем согласился выполнить предложенный им план; тайное чутье подсказывало ему, что он не ошибся, что нечто большее, чем золото, за которое он готов умереть, руководит этими авантюристами: он ощущал это в воздухе, когда находился в их присутствии; и если этого было недостаточно, они еще и платили золотом: хорошим испанским золотом, поскольку его родственники были очень богаты. Да, Николаус де Федерманн готов играть за лордов Тарсиса. План казался простым: шестерых из них нужно было перевезти; трое были рыцарями, и их легко было нанять; двое других, монахи-доминиканцы, уже имели церковную диспенсацию и, кроме того, к удовлетворению Вельзеров, были опытными рудокопами и специалистами по тонкой металлургии, высоко ценимой в те дни, когда нужно было переплавлять необычные сплавы местных предметов, чтобы извлечь содержащиеся в них золото и серебро; Единственной проблемой оставалась леди, которой придется подождать в Коро до возвращения братьев и дядей; кроме того, семья Тарсис предложила оплатить расходы на десять каталонских солдат из своей пехоты, что не было проблемой, поскольку каждая американская экспедиция требовала большого количества солдат. Оказавшись в Америке, Николаус попытается направить их на поиски странного каменного сооружения, которое, по их словам, существовало "на юге". Как они узнали об этом, он вскоре перестал пытаться выяснить из-за скрытности испанцев. Но одно было ясно: их не интересовало золото, драгоценные камни или жемчуг, которые они могли бы найти в ходе поисков; любой предмет, представляющий ценность, принадлежал бы им, ведь они хотели только найти это место.

Первый нао, отправленный Франсиско Писарро с образцом выкупа Атауальпы, прибыл в Севилью 5 декабря 1533 года, а второй, с Эрнандо Писарро на борту, - 9 января 1534 года; они везли 100 000 кастельяно золота, около 450 килограммов, что составляло лишь треть того, что причиталось королю: в Перу Франсиско Писарро к тому времени захватил девять тонн (9 000 кг.) чистого золота и пятьдесят (50 000 кг.) серебра. Эти события привели в бешенство жадных Вельзеров, которые хотели получить такую же прибыль от своей американской колонии, и ускорили отъезд Георга де Спиры и Николауса де Федермана. В конце января 1534 года флот, доставивший Лито де Тарсиса и пятерых сопровождавших его

Каменных людей в Америку, отплыл из Севильи по Гвадалквивиру.

Лорды Тарсиса запаслись в изобилии продовольствием, одеждой и военным снаряжением, а также двадцатью лошадьми, тремя испанскими бульдогами и

три дюжины кастильских цыплят. За неделю до отъезда Лито из Тарсиса извлек из Тайной пещеры Мудрый меч, накрыл Камень Венеры лентой, перекрещенной у тетины, и, опоясав его вокруг талии, отправился в путь без возрата в порт Севильи и Америку: впервые за 1800 лет, со времен падения Тарсиса от рук финикийцев и Голен, древний меч иберийских королей покидал Тайную пещеру. В этом нелегком путешествии его будут охранять три нойона, один из которых - самый совершенный Каменный Человек, когда-либо созданный Домом Тарсиса. Но хватит ли их Мудрости, чтобы избавить их от дьявольских сил Бера и Бирса, которые немедленно отправятся в погоню? Только в ближайшем будущем они докажут, что ответ будет утвердительным.

Как только нос фрегата "Вельсер" вошел в Атлантический океан, взоры каменных людей обратились к Берегу Света, который они оставляли позади: в семидесяти милях к **северо-востоку** находилась Онуба, один из древних портов Тартессуанской империи, а также Рус Ваал, скала Сатурна, где Хиблон принял Шехину. Шестеро облокотились на поручень **правого фальшборта**, но их мысли путешествовали к Онубе, месту слияния рек Тинто и Одиэль, затем вверх по Одиэль, к Турдесу, и остановились у цитадели Таршиша, теперь снова живой и могущественной на сцене воображения; они видели своих предков, иберийских королей, лордов Тарсиса, которые залогом своей жизни поддерживали принципы Пакта крови; одиночество, в котором Стирион противостоял всем и вся, чтобы выполнить миссию, возложенную на него белыми основателями Атлантов, - сохранить верность Богам-Освободителям; одиночество, которое является ценой, которую должны заплатить те, кто действительно является Чужим во Вселенной, те, кто проявляет Бесстрашие Нимрода и Мужество своих воинов-касситов, те, кто обладает Кровью Тарсиса или ищет ее: Абсолютное Одиночество, которое на Земле должны претерпевать Мудрые Воины, Гиперборейские Инициаты, Люди Камня, Несозданные Духи; и тогда разум направился к Холму Чар, напротив Каменного Лика Пирены, в Эпоху, когда свободно совершалась Мистерия Холодного Огня и Избранные стекались со всех концов Мира, чтобы умереть или найти Обнаженную Истину Себя; Белое Братство, Орден Мельхиседека, тёмные Атланты, Жрецы всех Культов, Голены, Бессмертные Бера и Бирса, Тамплиеры, члены Избранного Народа, сторонники Вселенской Синархии, Слуги Сил Матери, Поклонники Иеговы Сатаны, Страшные Враги Дома Тарсиса: Они преследовали их тысячелетиями, стали причиной разрушения Таршиша и публичного исчезновения Тайны Холодного Огня, стремились погасить Стиракс Тарсиса и скрыть Гиперборейскую Мудрость, и всеми способами пытались завладеть Мечом Мудрости и его Камнем Венеры; И разум устремился в Тайную Пещеру, и с гордостью лелеял молчаливую жертву десятков Нойо и Врая, охранявших Мудрый Меч, очищавших Кровь и ожидавших с терпением охотника Литийского Сигнала К'Таагара, расового зова, разрешавшего проследовать в Обитель Богов, Верных Духу Человека; теперь Владыки Тарсиса могли совершить тысячелетнее путешествие, если бы пожелали: Нойо, Величайший из всех, Лито из Тарсиса, имел

Они видели Сигнал и знали Тайну Возвращения; но Владыки Тарсиса еще не ушли; они подождут еще немного, мгновение истории, до Последней Битвы; Капитан Киев, Владыка Венеры, сообщил им, что Наутан, Владыка Войны, считает их Мир самым реальным из всех возможных Миров: и в этом Мире, **в этом Мире**, они должны были внести свой вклад в последнюю битву Сущностной Войны вместе с Его Посланником, Великим Белым Вождем, Владыкой Абсолютной Воли и Мужества; И отправились Владыки Тарсиса на **площадь, мегалитически освобожденную** Гиперборейской Мудростью белых атлантов, на место, где они продержатся с Мудрым Мечом до дней Последней Битвы; и вернулся разум, напитанный Решимостью и Мужеством, к Каменным Людям, отплывавшим от испанского побережья на фрегате флота Вельзеров.

Пятьдесят седьмой день

Не успели они выйти в море, как корабли Георга Спирского и Николауса Федерманнского накрыло страшными штормами; казалось, вся природа, словно сам Творец, вознамерилась погубить этот флот. В конце концов чудо и не менее чудесное мастерство капитанов предотвратили кораблекрушение и позволили им причалить к Канарским островам, где они дождались попутного ветра, чтобы завершить плавание. Оказавшись в Коро, Спира, чье стремление к золоту сочеталось с безграничной храбростью, организовал импровизированную экспедицию из четырехсот человек и немедленно отплыл на юг озера Маракайбо, где, по местным преданиям, находился очень богатый, но несуществующий город. Он оставил своего генерал-лейтенанта с заданием отправиться в Санто-Доминго, чтобы вернуть пропавшее и догнать его в горах Карора. Но Николаус де Федерманн, находившийся в сговоре с лордами Тарсиса, отнюдь не выполнил этот приказ, а также отправился в поход в южном направлении, но по гораздо более западному маршруту, следуя указаниям некоторых индейцев, утверждавших, что видели каменные сооружения.

С этой целью он перебрался в Кабо-де-ла-Вела, на побережье Антильского моря, и отплыл в Санто-Доминго, оставив лордов Тарсиса с капитаном Антонио де Чавесом и каталонскими солдатами. Вскоре вернулся Федерманн, сопровождаемый восьмьюдесятью людьми, тридцатью лошадьми, припасами и свежей провизией, присоединился к ним, и они отправились на юго-запад, в открытое противоречие с инструкциями Спиры: Вместо двух монахов-доминиканцев теперь было трое, поскольку леди Виоланта де Тарсис настояла на путешествии в таком обличье, мотивируя это тем, что "опасности, которые будут подстерегать ее одну в Коро, наверняка будут не меньше, чем те, что постигнут ее родственников в экспедиции", - аргумент, который убедил непредсказуемых Каменных Людей.

Если поход Спиры можно было считать импровизированным, с нехваткой людей и средств, то предприятие Федермана было просто скудным: его сто человек и пятьдесят лошадей мало что могли сделать против неописуемых опасностей, которые таились в этих диких и

неизвестных землях; не присоединился к ним посреди дороги и небольшой отряд ветеранов Санта-Марты под командованием капитана Риверы; эти люди погибли.

в джунгли, недовольные бесполезным походом за богатством, которого нигде не было. Испытав тысячу лишений тропических лесов с их ядовитыми опидиями, пауками, насекомыми, свирепыми тиграми и запутанной растительностью, сквозь которую приходилось продирааться, захватчики ощутили ледяной ветер высоких пиков, окружающих долину Дупар. А после отдыха - снова жаркие джунгли, чума и дикие индейцы, которые теперь преследовали их беспрестанно. Тем не менее они неустрашимо продолжали двигаться на юг, пересекли реки Апуре и Мета, а также тысячу мелких речушек и вступили на территорию современной Колумбии. Но эта страна находилась за пределами концессии Вельзера, и Федерманн не имел права ее исследовать.

И пока не было никаких признаков того, что они идут правильной дорогой; те немногие индейцы, которых им удалось захватить, давали смутные указания на каменные города: юг, всегда юг; но к югу они находили только жалкие деревни и индейцев беспримерной дикости, антропофагов и охотников за головами, аборигенов, которые отравляли свои стрелы и копья и неотступно следовали за ними, постоянно устраивая засады, нападая на них с тыла, когда они шли, и в лагерях, когда они отдыхали. После полутора лет продвижения в этом направлении Федерманн был вынужден принять решение о возвращении, поскольку в противном случае он уже не мог предотвратить мятеж оставшихся в живых или их дезертирство: из ста человек его отряда в живых осталось только пятьдесят, и большинство из них находились в плачевном состоянии.

Лорды Тарсиса, в свою очередь, стоически выдержали кампанию и потеряли только трех каталонских солдат; они намеревались продолжить путь на юг, но не нашли способа убедить германца. Наконец, перед лицом его бесповоротной решимости, они выбрали героическое решение, от которого Николаус не смог отказаться: они останутся там и продолжат поиски в одиночку. План был не что иное, как самоубийственный, но поскольку ни одна из сторон не хотела уступить, Николаус из Федерманна согласился отпустить их тайно, симулируя ложное направление, чтобы избежать проблем с вельзерами или обвинения в дезертирстве. Так в один прекрасный день испанский авангард Тарсиса был отделен от усталой колонны и потерян навсегда, ибо ни немцы из дома Вельзеров, ни испанцы из королевства больше никогда их не видели.

Николаус де Федерманн продолжал свои исследования, всегда не подчиняясь приказам Георга де Спиры. В 1539 году вместе с Хименесом де Кесадой и Себастьяном де Белалькасаром, губернаторами Санта-Марты и Кито соответственно, которых он встретил посреди джунглей, он основал город Санта-Фе-де-Богота. Затем вместе с вышеупомянутыми капитанами он отправился в Картагену-де-Индияс, а оттуда вместе с Кесадой отправился в Испанию. Хотя он был первооткрывателем и исследователем земель, он не добился богатства и вернулся практически разоренным. Однако, когда он принес владыкам Тарсиса весть о судьбе Лито и Каменных людей, они щедро наградили его и устроили на работу в Виллу де Турдес, где он и окончил свои дни.

Америка во времена Карла V

А что же случилось с Владыками Тарсиса в Америке? Когда они расстались с Николаусом Федерманном, то оказались на западной стороне Восточной Кордильеры, примерно в тысяче километрах от исходной точки и еще в трехстах от города Кито, на высоте, где берет начало река Напо. Это был край холодных и пустынных болот, где дул ледяной ветер, заставлявший скрежетать зубами и пронизывавший до костей. Они наткнулись на крутую тропу, которая казалась рукотворной, поскольку в некоторых местах виднелись груды камней, служившие опорными стенками для оползней, и пошли по ней с новой надеждой: они и представить себе не могли, что до места назначения им придется преодолеть еще пять тысяч километров. Все, что смог оставить им Николаус, - это десять лошадей и совсем немного провизии: четырех лошадей было достаточно, чтобы перевезти все: и скудную провизию, и клетки с курами, и даже оружие, теперь уже бесполезное, потому что в нем не было ни грамма пороха. В авангарде шел Лито де Тарсис, за которым ехали три индейца, купленные в Коро, ценные для языка и бакеано; чуть позади ехали остальные пять хомбре де Пьедра; а в тылу маршировал отряд пехоты, состоявший из семи каталонских солдат, чья преданность испанским хозяевам заставляла их идти за ними на смерть; испанские дого, отличавшиеся известной свирепостью, следили за прохождением всей колонны, исследуя дорогу на пятьдесят метров вперед.

Семь дней они шли по этому уступу, который теперь круто спускался вниз.

По склону к небольшой долине, расположенной, однако, между высокими горами. Сами того не зная, они приближались к северной крепости империи инков, служившей пограничным знаком с империей муисков: гарнизон из

двух тысяч индейцев, выходцев то из одной, то из другой империи, сменялся каждые полгода, чтобы занять эту территорию.

бастион. Обогнув поворот, лорды Тарсиса увидели крепостные валы и каменную деревушку, к которой они приближались по ступенчатым террасам, искусно устроенным для этой цели. Стояла каменная тишина, не было видно никакого движения; ворота не охранялись, и создавалось впечатление, что цитадель необитаема и заброшена. Но едва они миновали стену, как тишина сменилась оглушительным воплем, и на незваных гостей посыпался ливень стрел. Прикрывая Виоланту, а за ней и пехоту, пятеро лордов Тарсиса бросились с конницей на индейцев, хлынувших через ворота крепости; но хотя севильские клинки вызывали большую смертность среди аборигенов, их численность была столь велика, что вскоре им пришлось отступить к центральным домам. По приказу Лито лорды Тарсиса разделись и более чем поспешно побежали искать укрытие.

Лито де Тарсис, Виоланта, Роке, два монаха, индеец и пять лошадей находились в неохраемом жилище, окруженном лишь стеной высотой в два локтя. Через трапецевидный проем они увидели, что множество индейцев загнали их в ловушку, из которой нет выхода. Они стали звать другого нойо, Гильермо, который наконец откликнулся из соседнего дома, где он искал защиты вместе с остальным отрядом. Он был ранен в ногу, что могло оказаться смертельным из-за яда, который индейцы наносили на наконечники своих стрел, и сообщил, что трое солдат убиты, а также двое слуг-индейцев и две лошади. Никто не мог представить, как им выпутаться из столь затруднительного положения, когда со стороны аборигенов наступила резкая тишина. Лорды Тарсиса подняли головы и наблюдали, как индейцы почтительно отступили в сторону, освобождая место для человека, одетого в яркую шерстяную ткань и носящего головной убор, похожий на чепец, с которого свисали красные и белые перья. Он сидел на тележке, которую несли восемь человек, с каменным топором в руке; по бокам от него шла группа индейцев, также отличавшихся одеждой и пользовавшихся явной властью над воинами.

На безопасном расстоянии от убежища захватчиков любопытные Обитатель койки опустился на землю, готовясь посоветоваться со своими спутниками: несомненно, они обсуждали, как побыстрее покончить с испанцами. Они как раз находились в таком положении, когда раздался крик Лито де Тарсиса, заставивший всех застыть на месте. Он выскочил в одно мновение, без шлема, с обнаженной белокурой головой и высоко поднятым Мечом Мудреца, с которого он снял ленту, чтобы показать Камень Венеры, и громовым голосом произнес:

-Апачичой Атомуруна!

-Апачичой Атомуруна!

-Пурихуака Вольтан гуананча унанчан хуануй!

Пукара Тарси!

Новички замолчали от удивления, но, взглянув друг на друга, тут же закричали по очереди:

-Хуанкакилли Ами!

-Хуанкакилли Ати!

И тут, вздрогнув, словно охваченный дрожью ужаса, человек на койке воскликнул:

-Хуанкакилли Ати унанчан хуануй!

-Хуанкакилли Ати унанчан хуануй!

При этих словах все индейцы отступили на несколько шагов, и поляна, образовавшаяся перед испанским убежищем, расширилась. Лито де Тарсис вернулся в дом так же внезапно, как и ворвался в него, и наблюдал за реакцией туземцев с безопасного места.

-Что вы ему сказали? -спросил один из монахов.

-Я точно не знаю, - ответил Лито. Это слова, сказанные мне Камнем Венеры в Тайной пещере. Думаю, они относятся к месту, куда мы должны отправиться. Внезапно у меня возникло убеждение, что я должен передать их нашим нападающим. И вы видите результат: они, похоже, поняли их значение.

В этот момент повозка со странным обитателем стремительно удалялась, а гуэчас - воины муисков - большей частью сидели на земле. Они ни на мновение не переставали смотреть в сторону укрытия испанцев, держа копья и стрелы наготове, и по их невыразительным лицам, серьезным и раскосым, невозможно было угадать их намерения. Единственным верным признаком позиции индейцев было то, что они готовы ждать; но чего и кого ждать?

Так, осажденные в шатких каменных домах, проходили часы, не нарушая бесстрашной бдительности. Но лорды Тарсиса были в высшей степени наделены добродетелью терпения: не зря же они стояли на страже 1700 лет до появления Мудрого Меча. Они по очереди усаживались и ждали дальнейших передвижений осаждающих. Через несколько часов стемнело, индейцы не двигались с места, хотя за их рядами можно было различить несколько костров: вскоре группа женщин занялась раздачей каждому гуэче кукурузной лепешки и керамической миски с парящей жидкостью. Наступила ночь, и испанцы решили отдохнуть и нести вахту посменно. Все они успели заснуть, так как рассвет застал их в той же ситуации, что и накануне. Однако прошло утро и часть дня, прежде чем были замечены какие-либо изменения.

Количество воинов не уменьшалось, а увеличивалось с каждым часом, и теперь почти не было места, где не было бы видно ни одного из них: они покрывали площадь и переулки между домами, располагались на крышах, столбах и стенах, словом, насколько хватало глаз, их можно было увидеть в ожидании, но откровенно враждебно настроенными. Было ясно, что они затаились тысячами и что прорвать осаду будет очень трудно. В середине дня Каменные люди обнаружили, что происходит нечто новое: гуты внезапно встали и с трудом отступили в сторону, чтобы пропустить караван, шедший от внешних ворот крепости. На этот раз прибыло три койки; в одной сидел загадочный человек предыдущего дня, а в двух других - мужчины, черты лица которых сильно отличались от туземцев: если у первых были, несомненно, азиатские черты, то у новоприбывших - черты западноевропейского человека. Даже цвет их лица, явно загоревшего под лучами солнца, был довольно бледным и заметно контрастировал с желтой кожей муисков.

Однако их одежда выдавала принадлежность к другой этнической группе, но все же коренной: они носили черные одеяния из шерсти ламы, очень похожие на меховину катаров, и покрывали головы **черными чепцами** из того же материала. Но больше всего внимание Владык Тарсиса привлекли круглые пернатые щиты, которые они несли: в их центре, хорошо видимый, был нарисован **один из Врунов Навутана**. Когда они проходили мимо, то вызвали у муисков ропот страха, и испанцы с изумлением отметили, что большинство воинов избегали смотреть на них.

Остановившись, вождь, к которому Лито обратился со словами о Камне Венеры, принялся созывать двух необычных персонажей, сопровождавших его. Высадившись, все трое подошли к дому, в котором находились незваные гости. На некотором расстоянии они стояли и совещались несколько минут; наконец один из евов решительно подошел и крикнул:

-Хуанкакилли Ати! Хуанкакилли Ати!

Лито де Тарсис на мгновение замешкался, пока все взгляды Каменных Людей были прикованы к нему, но тут же вышел и встал лицом к лицу с индейцем. Как и в первый раз, теперь он тоже владел Мечом Мудрости. Увидев его, двое чернокожих мужчин без колебаний двинулись ему навстречу. Однако их интересовал не Лито, а Мудрый меч: они в унисон произнесли:

-Койлор Саяна! - что в переводе с языка кечуа означает **"Камень звезды"**.

Из трапецевидного окна Каменные люди внимательно следили за происходящим, готовые броситься на помощь Лито из Тарсиса. Они не слышали слов, которые те произносили, но не было сомнений, что и Лито, и **амауты с "Черного капота"** разговаривали через равные промежутки времени. Минуты проходили в том же духе, пока обмен словами и фразами не приобрел безошибочный оттенок диалога. Наконец Владыка Тарсиса повернулся и плавно направился к жилищу своих сородичей; вождь муисков, в свою очередь, отдал приказ, и гуэчасы тут же рассосались без протеста: вблизи дома осталась только королевская охрана, сопровождавшая койки.

-Что случилось? -спросил Виоланте, не в силах сдержаться, как только Лито переступил порог дома. Тебе удалось добиться понимания туземцев?

-Очевидно, опасность миновала, - сказал Лито, на его лице все еще отражалось удивление. Лорды Тарсиса, мы столкнулись с Великой Тайной. Насколько я могу судить, **эти существа в черных мантиях ждут нас уже много месяцев**, возможно, год или больше. Слова, которые я произнес вчера, относятся к довольно нецензурному языку, характерному для Империи, которую завоевал Писарро. Поэтому поначалу мы не могли понять друг друга. Но потом - и слушайте внимательно то, что я вам скажу, потому что, хотя это может показаться причудливым, это не так - они заговорили на языке, который присущ исключительно амаутам Черного чепца, своего рода посвященным культа Холодной Луны, или уменьшительного, Ати, то есть Холодной Смерти; и тут происходит непостижимое: этот язык - **древний вариант нижненемецкого или**

датского. Я еще не знаю его точно, судя по тому, как варварски они на нем говорят, но, поверьте, выучить его будет несложно. Конечно, вы будете удивлены не меньше меня: как могло случиться, что они ждали нас, когда только Боги знали о нашем приходе, и кто эти Инициаты, которые в

говорят ли в таких далеких и неизвестных землях на германском языке? На данный момент у меня нет ответов.

-Но что же нам теперь делать? -спросил Роке.

-Ну что ж, похоже, амауты из Черной шляпы куда-то ведут нас. Полагаю, хранители этой крепости будут рады, если мы уйдем как можно скорее, ибо присутствие названных лиц им совсем не по душе, а наше, после учиненной нами резни, должно быть им совсем не по душе. Я предлагаю выйти на площадь и держаться как можно ближе к амаутам.

Они собрали поклажу и, взяв лошадей за уздечки, медленно вышли на широкий двор, где их ждали амауты, устроившись на сиденьях коек. Лито отправился в другой дом и, к своему огорчению, обнаружил, что Нойо горит в лихорадке, а раненая нога сильно распухла. Неся его на руках, он присоединился к Каменным людям и сказал им:

-Мы не можем уехать, не вылечив Гильермо. Мы промоем его рану горячей водой с уксусом, которого у нас осталось несколько капель.

Затем он стал просить воды, стараясь, чтобы его поняли амауты, но те, как только заметили состояние Нойо, дали несколько указаний муискам, и те посвятили себя лечению: В каменный мангал они поставили сосуд с водой, в которую добавили огромные листья очень зеленого растения; сварив похлебку, они промыли рану ее соком, который покрыли листьями того же вида; тщательно перевязав ее, они принесли что-то вроде носилок из двух длинных палок и поперечной ткани, положили Нойо, и двое воинов королевской стражи понесли его к дверям крепости: Муиски не скрывали, что им не терпится увидеть чужеземцев за своими стенами.

Пятьдесят восьмой день

Амаутас охраняли шестнадцать воинов, которые по очереди, по восемь человек, несли койки. К ним присоединились шесть лордов Тарсиса и четверо оставшихся в живых каталонцев: индейцу Бакеано не разрешили ехать, и его пришлось оставить с муисками. Восемь лошадей и два испанских дого были спасены во время последней стычки, а также клетки с кастильскими курами и весь багаж.

Они шли за амаутами по узкой тропе, которая вела по прямой линии на восток, неуклонно поднимаясь вверх по Восточной Кордильере. Через день, проведя ночь в ледяной пещере на высоте 3 500 метров, они достигли вершины горного хребта, который начинался как рукав главной цепи. Все указывало на то, что именно отсюда начнется спуск, но ближайšie события должны были опровергнуть это предположение. Внезапно, за поворотом, дорога резко оборвалась перед непробиваемой каменной стеной: гора высилась перед караваном, преграждая ему путь. Любой европеец в такой ситуации повернул бы назад и стал искать другой путь в обход препятствия: это было бы **логично**. Но было очевидно, что амауты из Неэритянского Бонета, как и владыки Тарсиса, не руководствуются принципами логики.

Они, не растерявшись, покинули свои места и занялись своими странными приготовлениями. Каменные люди, все еще ошеломленные арестом, присмотрелись к горной стене, и тут, почти одновременно, они поняли, что происходит: **перед ними вход, запечатанный Врунами Навутана, - вход, подобный тому, что находится в Тайной пещере холма Канделария в далекой Уэльве.** Теперь Вруны были явно ощутимы для них и могли бы в одно мгновение проломить стену, **просто стратегически грамотно подойдя к скрытому отверстию.** Однако от них не ускользнуло, что на такое способны только Гиперборейские Инициаты: в Доме Тарсиса это удавалось лишь немногим из тысяч потомков, что давало им статус нойосов или врайосов. Что же они тогда будут делать? Оставят ли они четверых каталонцев позади; и, что самое интригующее, как пройдут эти грубые воины, которые явно не были Инициатами ни по какому признаку?

Ответы не заставили себя ждать. Один из амаутов взял емкость с поронго и, раскрыв ее, дал выпить каждому воину из своей охраны. Через несколько минут снадобье подействовало, и индейцы, словно загнипотизированные, уставились на него немигающим взлядом, сохраняя при этом равновесие. Очевидно, снадобье на мгновение лишило их сознания, потому что амауты взяли их за плечи и подтолкнули к скалам горы; те послушно повели их за собой. Но самым восхитительным для владык Тарсиса было наблюдать, как амауты вводили воина в потайной вход и исчезали внутри огромных камней, чтобы тут же вернуться и найти следующего.

-Боги! -воскликнул Лито де Тарсис. Если бы наш Дом обладал формулой этого вещества.....

Наконец на той стороне горы остались только испанцы, и амауты предложили им поронго, угостив выпить. Шестеро Каменных людей отказались попробовать снадобье, но заставили скептически настроенных каталонцев сделать это. Каждый из них сделал по глотку и через несколько минут испытал нокаутрующий эффект: они провалились в глубокий сон на полу. Их пришлось тащить к потайному входу, но, как ни странно, теперь их удалось затащить внутрь.

Этот тайный вход вел не в пещеру, как в Уэльве, а в туннель длиной около ста метров, в конце которого у лордов Тарсиса появился новый повод для удивления. Действительно, на выходе из туннеля они оказались посреди каменной дороги со стенами по бокам, идеально выровненной с севера на юг, которая исчезала вдали по обеим сторонам. На боковых стенах, испещренных знаками рунического алфавита Футарка, в некоторых местах виднелись надписи и знаки.

-Нет никаких сомнений, что это германский язык. Но, - заметил Лито, - эта дорога имеет все признаки того, что ее построили белые атланты; посмотрите на эти камни, как они высечены, как они высечены, как они высечены, как они высечены, как они высечены!

Наблюдение Лито вскоре подтвердили амауты: **когда они прибыли в эти земли много веков назад, этот путь уже существовал. Но попасть на него могли только Инициаты, поэтому он и назывался "Путь Богов". Белые захватчики никогда не смогли бы найти его, хотя наверняка воспользовались бы двумя параллельными дорогами,**

которыми в прошлом пользовались инги.

Они построили его в подражание Пути Богов. Но они, два амаута Черного капота, не должны были обсуждать эти вопросы с уанкакилли, ибо такая миссия была уготована "атумурунас", которые ждали их в конце Пути.

Столица, Куско, находилась в центре четырех областей, на которые делилась империя инков: на западе - **Контисуйю**, на востоке - **Антисуйю**, на севере, откуда пришли Владыки Тарсиса, - **Чинчасуйю**, а на юге, куда вел Путь Богов, - **Колласуйю**. Две Королевские дороги, найденные завоевателями Писарро, шли с севера на юг, параллельно Пути Богов: прибрежный маршрут начинался в Тумбесе и через 4 000 километров достигал Тальки в Чили; центральный маршрут, на тысячу километров длиннее, начинался в Кито и заканчивался у озера Титикака, на берегах реки Десагуадеро. Дорога Богов, проходившая гораздо дальше на восток, также заканчивалась у озера Титикака. Но разница заключалась в том, что Королевские дороги были путями, по которым направлялась вся деятельность Империи: Путь Богов, напротив, был тайной дорогой, которую знали и использовали только амауты Черного капота, боязливые Инициаты Холодной Смерти Атиуануй.

Дорога Богов находилась в идеальном состоянии, соперничая на некоторых участках исключительной красотой с лучшими европейскими дорогами: это достигалось благодаря постоянному распределению сотен людей вдоль ее маршрута, которые отвечали за содержание дороги, службу чакки и обслуживание тамбо, существовавших через каждые три-четыре лиги. Идя по циклопической каменной дороге, путники наткнулись на большой тамбо: как позже узнали Владыки Тарсиса, эти "Большие тамбо" были построены у боковых и тайных выходов с Дороги Богов. Тамбо обслуживали представители той же коричневой расы, что и амауты; несколько детей побежали разгружать привезенных лам и вести их в загон, но они очень боялись испанских лошадей, за которыми должны были ухаживать каталонцы. Там они съели неизбежные кукурузные тортильи, тамалес, выпили горячего апи и отдохнули полдня. Тем временем чакки отпразднели в путь, чтобы сообщить новость о прибытии владык Тарсиса.

Несмотря на изнурительные дни, в течение которых они шли весь день и останавливались только на ночь в ближайших тамбо, время шло, а Путь Богов, казалось, никогда не заканчивался. Неделя за неделей холод, ветер и снег наказывали их непрерывно, ведь Путь редко спускался ниже 3 000 метров, что вынуждало их постоянно находиться в укрытии. Одним из поводов для радости было быстрое улучшение состояния Уильяма из Тарсиса: через два дня после излечения лихорадка заметно спала, нога стала меньше опухать, а через две недели он смог ходить почти нормально. Но спустя шестьдесят дней они все еще шли по той же прямой дороге, тысячу раз повторяющиеся ухабы, ступеньки, пандусы, туннели и подвесные мосты которой теперь казались однообразными и скучными. На протяжении тысяч километров дороги постоянно встречались рунические надписи на одном и том же германском языке.

Маршрут, правда, становился все более разнообразным и совершенным по мере приближения к цели. Но эти легенды и знаки были явно более поздними, чем мегалитические сооружения, разбросанные вдоль Пути Богов: на таких камнях был изображен очень древний и безошибочный Знак Врунов Навутана, от которого руны отражают лишь поверхностную символику.

За неделю до озера Титикака они прибыли в тамбо, где их ждали восемь амаута из племени черноногих и странный человек. Это был старик с седыми волосами и нордическо-европейскими чертами лица, чьи светло-голубые глаза и светлая кожа подтверждали, что он принадлежит к Белой расе. Как и первые два амаута, известные Владыкам Тарсиса, белый старик и его спутники хотели увидеть только Камень Венеры. Лито из Тарсиса, правильно истолковавший их желания, терпеливо подчинился, обнажив Мудрый Меч и сняв ленту с арриаса. Из девяти глотков вырвался возглас удивления и одобрения. И только тогда они заметили Каменных людей. Все они сошли с коней и стояли за спиной Лито де Тарсиса, поочередно любуясь реакцией своих хозяев. Старик, говоривший на том же германском диалекте, что и амауты, но гораздо отчетливее, спросил:

-А как же принцесса? Ты привел принцессу?

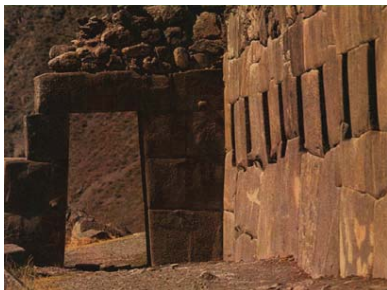
Такой вопрос озадачил Лито, и он повернулся, чтобы обменяться взглядом со своими родственниками. Тут он обнаружил глаза Виоланты де Тарсис, неузнаваемо похожей на даму в доминиканском одеянии, и внезапно все понял. Она с улыбкой провела ладонью по лбу:

-Не сомневаюсь, что вы имеете в виду мою кузину Виоланту. Но вы правы, благородный старейшина: **она - принцесса Тарсиса!** -И тут он откинул капюшон, открыв прекрасное лицо госпожи. При виде ее старик и десять амаутов поочередно улыбнулись и ударили себя по лбу ладонями, подражая жесту Лито из Тарсиса.

Руины Оллантай Тамбо

Они расположены между Мачу-Пичу и Куско, на высоте 2750 м. (Вверху - гравюра 1877 года, на которой изображен общий вид. Ниже - интерьер руин).

Руины Тамбо Мачай, недалеко от Куско, Перу

Старик был одним из Атумурунас, которых вызвал Лито де Тарсис фразами на языке кечуа. Но кто такие атумурунас? Согласно ответу старика, который после рассказанного им приема стал таким же скупым и лаконичным, как амаутас, **Атумурунас принадлежали к одной семье: они были членами дома "Инга Колман"; "Инга" означало "потомок", то есть Атумурунас были "потомками" Колмана.**

Это понятно, объяснил Лито каменным людям, ведь частица **"ing"** в германских языках означает "потомок", как, например, Merovingian или Carolingian; но кто такой Коллман? Старик отказался отвечать, сославшись на то, что его родственники объяснят, **"когда доберутся до Коати, Острова Луны"**. Где находился "Остров Луны": "на озере Титикака, куда они доберутся через неделю пути". "Боковая тропа, ведущая от Пути Богов к Куско, осталась позади уже несколько дней назад; теперь они находились в регионе, еще не исследованном испанцами; но им нужно было спешить, так как **"инги"** получили известие, что на юге готовится экспедиция; белые уанкакилли прибыли в последний момент, когда Атумурунас уже отчаялись, что **предупреждение Богов будет выполнено**". И больше ничего, кроме этого, от старого Атумуруны взять было нельзя.

Через семь дней они увидели колоссальную каменную крепость на южном конце Пути Богов. Путь действительно заканчивался перед крепостью, а стены крепости в форме полумесяца упирались в гору неслыханной высоты. Однако Путь

не был полностью прерван: тайный выход, пригодный только для гиперборейских посвящённых, позволил им преодолеть препятствие. Там они переночевали, и старик уговорил их оставить животных и поклажу, так как они не могли перевезти ее на остров. На следующий день они прошли через тайный выход, после того как четверо каталонцев и пятьдесят воинов, сопровождавших их, выпили таинственное варево: Владыкам Тарсиса же оставалось только стоять перед Камнем и слушать Вруны Навутана на языке птиц; они говорили им, **какие стратегические движения нужно сделать, чтобы правильно подойти к тайному выходу и пройти сквозь Завесу Иллюзий.** По ту сторону горы они оказались всего в пяти лигах от берега озера, в направлении порта Карабуко. Был июнь 1535 года.

Посадка на тростниковые каноэ была для испанцев необычным опытом, хотя настороженные каталонцы опасались, что в любой момент они могут опрокинуться. Однако через шесть часов они благополучно причалили к острову Луна. Они сошли на небольшой пляж шириной не более десяти футов, окаймленный заметным оврагом высотой 200 футов: узкая, заметная зигзагообразная тропа вела на вершину утеса, откуда простиралась пригодная для жизни поверхность острова. По объяснениям амаутов, на острове **Коаты** находилось укрепленное поселение и храм. **Но на поверхность они не выходили.**

Когда все они спустились на пляж, Амумуруна открыл им, что им придется пройти через другой тайный вход, который находился прямо в стене оврага. И снова Каменные люди обнаружили Врунаса, а каталонцев пришлось одурманить. За Иллюзией оврага находился мрачный туннель, полностью выложенный каменными блоками, который спускался по пандусу и погрузился в недра Острова. Двадцать минут они спускались вниз, пока туннель не выровнялся и не привел их к порогу двери, охраняемой двумя амаутами Черной Шапки: увидев новоприбывших, один из них ударил в огромный серебряный гонг булавой, которую держал в руках. Перед изумленными взорами испанцев внезапно развернулось необычное зрелище. Они поняли, что находятся перед пещерой титанических размеров, настолько большой, что в ней могла бы поместиться целая деревня: звук гонга насторожил всех жителей, которые теперь массово выходили из своих жилищ, чтобы с любопытством наблюдать за происходящим. Почти все они, как отметили Владыки Тарсиса, принадлежали к одной и той же беспородной расе амаутов. Выход из туннеля вел в приподнятый коридор, откуда открывался вид на большую часть пещеры, освещенную не лучше предыдущего коридора: под их ногами двигались сотни скромных каменных домов, разделенных улицами и площадями, с отдельными более крупными зданиями, которые, должно быть, были дворцами и храмами. Амумуруна пригласил их следовать за ним и направился по коридору, из которого вниз, в деревню, вела высеченная в скале лестница.

Коридор свернул и привел их к зданию, которое, возможно, было была самой большой в городе: к ней вела широкая лестница, окруженная двумя каменными тиграми. У дверей их ждала группа мужчин разного возраста, но схожих по одежде и расе со старшим Амумуруной. Все они выказывали бурную радость по поводу присутствия Владык Тарсиса, а некоторые, не в силах сдержаться, выходили вперед и пожимали им руки.

и оттопырил предплечье в римском приветствии. Амауты Черного Шляпника удалились, а Атумурунас провел их во дворец, в полукруглый многоярусный зал, который по всем признакам напоминал амфитеатр или форум. Каменные люди, должно быть, сидели вокруг центрального стола в форме полумесяца, а дюжина Атумурунас расположилась на ступенях.

Пожилый Атумуруна, которого звали **Татаинга** и который был намного старше того, кто привел их сюда, взял слово и обратился к лордам Тарсиса:

-Я знаю, что среди вас есть тот, кто понимает наш священный язык. Я очень польщен этим. Мы, с другой стороны, не знаем вашего, и вы должны извинить нас за это. Но мы знаем, откуда вы родом: из того же мира, из которого б о л е е шестисот лет назад пришли наши Предки.

Лито де Тарсис кивнул, и Татаинга продолжил:

-А теперь, белый Уанкаллис, не будешь ли ты так добр показать нам Камень Зеленой Звезды?

Лито извлек из ножен Мудрый меч и, сняв ленту, выставил камень Венеры на обозрение Атумуруны. Ропот одобрения сопровождал показ, но Татаинга подошел, чтобы внимательно рассмотреть его. Затем он повернулся и позвал к себе прекрасных посвящённых, охранявших дверь; те вышли и тут же вернулись, принеся квадратную подставку, на которой покоился предмет, не видимый, так как он был покрыт белой тканью с чёрной свастикой. Инициаты с большой деликатностью положили свою ношу на полупустой стол и разошлись по своим местам. Затем старец Атумуруна снял ткань, и Каменные люди, к своему изумлению, увидели германскую железную корону, **в которой был установлен камень Венеры, точно такой же, как у Мудрого Меча.**

-**Это корона короля Колмана!** -сказал Татаинга почтительным голосом.

Пятьдесят девятый день

История народа Атумурунас была удивительно похожа на историю Дома Тарсиса. Старик Татаинга рассказывал ее Каменным людям во всех подробностях, но я, доктор Зигнагель, постараюсь изложить ее в нескольких словах.

Предки атумуруна и язык, на котором они говорили, происходили из региона **Шлезвиг** на юге Дании. В X веке там существовало королевство **Скиолдланд**, которому было восемь веков и которое за сто пятьдесят лет до этого противостояло христианизирующим войскам Карла Великого. Его жители, чистокровные, придерживались религии Одина, или Навутана, и сумели сохранить камень Венеры, наследие белых атлантов. За подобную "ересь" Голен назначил наказание в виде истребления всего королевского дома. В отличие от владык Тарсиса, отважные викинги не стали прятать Камень Венеры, а поместили его в корону своих королей,

Такое положение обязывало их, как минимум, демонстрировать ее на каждой церемонии коронации короля или вручать корону каждому новому территориальному лорду, которому они подчинялись. Несмотря на такое безрассудное поведение, скиолданам удалось остаться свободными до времен германского короля Генриха I, Птицелова. В X веке этот король, который также был Гиперборейским Инициатором, победил короля Дании Жермондо и завоевал Шлезвиг; по своему обычаю он установил в регионе пограничный знак и для этого назначил короля Скиолланда маркграфом, независимо от того, были его подданные христианами или нет. Но Германское королевство было таковым, и вскоре Голены начали агитационную кампанию с целью принудить викингов к массовому обращению в христианство и заставить их короля отдать "орудия языческого культа", среди которых была корона с камнем Венеры. Однако при жизни Генриха I они ничего не добились.

Король умер в 936 году, и его сменил сын Оттон, который, хотя и происходил от легендарного Витикинда со стороны своей матери Матильды, был подвергнут промыванию мозгов своими голенскими бенедиктинскими наставниками. Оттон I хотел подражать Карлу Великому и начал с того, что короновал себя в Ахене архиепископом Майнца, затем последовали несколько экспедиций в Италию для встречи с папами и императорская инвестиатура в Риме в 962 году. Можно сказать, что очень прочная связь между Германской церковью и Империей, продолжавшаяся до уничтожения Гогенштауфенов в 1250 году, началась с чрезвычайных уступок Оттона I. Поэтому вполне понятно, что после смерти Гогенштауфенов в 1250 году Германская церковь смогла установить прочную связь с Империей. Понятно и то, что с таким императором судьба маленького королевства Скиолдланд была предопределена. В 965 году интриги Голена возымели действие, и на Шлезвиг двинулась экспедиция: она состояла из имперских войск под командованием генерала Церингера, а ее задачей было обратить языческое королевство в христианство или уничтожить его, и в любом случае захватить королевскую корону. На этот раз спасения для викингов нет, и поэтому их король, Кольман, предлагает им покинуть страну, которая вскоре попадет в руки демонов: -Один вел наших дедов и дал им эту землю, а теперь он посылает нас в другое королевство за морями!

Семьдесят процентов населения приняли предложение и отплыли в 220 драккаров, а тех, кто остался, разъяренные евангелисты изрубили до костей. Большой флот пересек Тенебрусово море и достиг Мексиканского залива. Там процветала цивилизация тольтеков, которые приветствовали викингов как "сыновей богов", то есть как потомков белых атлантов.

Дом Скиолдов был таким же древним, как и Дом Тарсиса. Но в семейной миссии оба Стира заметно различались: вместо Холодного Огня в Сердце Владыки Скиолда должны были погрузиться в тайну Магического Земледелия, пока не найдут сущность зерна; вливая в Чистую Кровь, эта сущность должна была вызывать осаждение **Каменного Семени** в Сердце Инициатов. Белые атланты посоветовали им сформировать постоянное тело из нойосов и врясов, задачей которого будет созерцание Камня Венеры и ожидание "литического знака Валгаллы", который появится в нем: когда это произойдет, настанет время отправиться в Обитель Богов. И

знак появился, за несколько дней до нападения на Скиолдленд. У Камня Венеры врайя разглядел мегалитический пейзаж на берегу огромного озера: это место, говорили Верные Боги, лежит за Темным морем; но они должны идти туда, ибо Великая Империя будет принадлежать Дому

Скиолд по воле богов. Так они и отплыли на 220 драккарах. Короче говоря, дом Скиолдов был семьей гиперборейских посвященных, и неудивительно, что, когда они уплыли, король Колман, его королева и многочисленные нойосы и враги оказались каменными людьми.

Несмотря на то, что они легко одержали верх над тольтеками и внесли значительный вклад в развитие их цивилизации, через десять лет люди Колмана продолжили свой путь на юг, а те, кто совершил "расовый грех", спарившись с ними, остались с тольтеками. Они доплыли до Венесуэлы. Затем они пройдут на запад через Венесуэлу, Колумбию и Эквадор и достигнут Кито, откуда снова отправятся на юг. Они высадутся в Такне и будут подниматься в горы на восток, пока не достигнут плато Тиауанако и озера Титикака. Именно на это место указывал камень Венеры.

В Тиауанако скиолданцы обнаружили циклопический город из полуразрушенного камня, своего рода мастерскую белых атлантов. Рядом с руинами они построили город, который должен был стать главой империи. А на острове Солнца они возвели храм местному божеству, ведь сами они представлялись коласам, аймара и другим индейцам как "сыновья Солнца". Империя викингов Тиауанако процветала и расширялась вплоть до XIV века, пока не развернулась вторая часть расовой драмы Дома Скиольда. К этому столетию скиолды, которых уже называли "атумурунами" из-за их белой кожи и пристрастия к Холодной Луне, доминировали над всеми окрестными индейскими поселениями. Лишь одна сопротивлялась, но не по собственным причинам, а потому, что атумуруны колебались между тем, чтобы считать их свободными и далекими, или подчинить их вассальной зависимости и иметь с ними дело. Этим народом были **диагуита**, и неприятие их викингами проистекало из почти эпидермального отторжения, необходимого для их обычаев и культуры. Дело в том, что, хотя основная масса индейцев действительно принадлежала к американским этническим группам, правившая ими знатная и жреческая каста была средиземноморского происхождения или, точнее, родом с Ближнего Востока: в музеях Сантьяго-дель-Эстеро, Катамарки, Сальты, Тукумана или Тилькары сегодня можно увидеть сотни керамических и гончарных изделий, написанных на арамейском и иврите, которые подтверждают это утверждение.

Верно, доктор Зигнагель. Дворянство **Диагуиты** было самым жестоким.

Еврейские отпрыски, а их жрецы считали себя самыми ревностными защитниками Культурного пакта и Единой Жертвы. Они исповедовали смертельную ненависть к викингам и жили в постоянной враждебности к границам Империи. Но их всегда удавалось держать в узде - по крайней мере, до рокового 1315 года. В тот год от Кебрада-де-Умауака до Атакамы в Чили произошло широкомасштабное восстание племен **диагуита**, не имевшее никаких оправданных причин со стороны Империи. Прибывшие новости гласили, что **Великого вождя кари посетили два посланника Единого Бога, Берхадж и Бирхадж, которые подстрекали их к войне против Тиауанако; они заверили его в триумфе, поскольку диагуита, по их словам, принадлежат к избранному Им народу, и они не могут проиграть.** Воодушевленные таким образом, свирепые индейцы

*неудержимо продвигались за границы империи и осадили Тиауанако. В конце концов викинги нашли убежище на Острове Солнца, а инициированные Атомуруна, то есть каменные люди, вошли в тайную пещеру атлантов на Острове Луны, **Коати**.*

Викинги ничего не смогли противопоставить высокой стратегии демонов Берхаджа и Бирхаджа, которые возглавили диагуитов и в итоге пали в осаде, которую враг устроил вокруг Острова Солнца. Взятые в плен тысячами, скиолданцы были терпеливо истреблены один за другим жрецами иврита-диагуита. В этой части рассказа Атумуруна Татаинга указал на рунический рельеф на стене и спросил:

Пукара-де-Саягмарка, расположенная на краю холма, на высоте 3600 метров, в окрестностях Мачу-Пичу, Перу.

Пука-Пукара, расположенная в небольшой долине недалеко от Куско, Перу.

-Молай", "Киблон"? Эти слова вам о чем-нибудь говорят? Потому что жрецы Диагуиты, каждый раз перерезая горло пленнику **от уха до уха** и следя за тем, чтобы кровь попадала в озеро, кричали: **"За Моле, за Квиблону, за Квиблону!** Наши предки писали эти имена рунами, которые не имели для них никакого смысла, потому что хотели, чтобы когда-нибудь их потомки прояснили эту загадку.

Каменные люди потеряли дар речи, застыв на месте. Но они подумали: как страшна Иллюзия Великого Обмана, как отличается та же самая реальность, увиденная с другой точки зрения! Тот год, 1315-й, был удачным для Дома Тарсиса: явился Владыка Венеры и одобрил все, что было сделано вопреки планам Белого Братства; действия Дома Тарсиса и **Circulus Domini Canis** привели к уничтожению Ордена Храма, а вместе с ними, с костром Жака де Моле, на время исчезла опасность Вселенской Синархии Избранного Народа. Пришествие Квиблону также будет отложено на 180 лет. И в том же году валентиниане обосновались в Турде. Да, 1315 год был знаменательным годом, о котором лорды Тарсиса до сих пор вспоминали с симпатией: его даже называли одним из лучших в истории Дома Тарсиса. И теперь они понимали, что для их братьев-скиольдов этот год был злополучным, самым худшим в их истории! Тогда Враг жестоко отомстил им: он попытался погасить их Стир в

месть за уничтожение Ордена Храма! Поэтому после каждой казни они говорили: "За Моле, за Квиблон!", подражая Карлу Тарсийскому, когда тот говорил голенам, которым предстояло умереть на кострах Сенза: "За Навутан и кровь Тарсиса!" Проклятые голены; проклятые члены Избранного народа; проклятые Бера и Бирса: новый счет, который будет сведен в Последней битве!

Я продолжу краткое изложение, доктор Зигнагель. Добавлю лишь, что с этого момента 1315 год будет считаться годом траура для Дома Тарсиса.

Каменные люди из рода Скиолда оставались беженцами на Лунном острове в течение тридцати пяти лет, прежде чем решились на новый стратегический шаг. Все это время ивритские индейцы постоянно следили за озером Титикака, поскольку многочисленные местные легенды рассказывали о пещерах и туннелях, построенных белыми атлантами тысячи лет назад: они подозревали, что там могли скрываться какие-то Атомуруна. Однако Вруны Навутана были непреодолимым препятствием даже для сил Демонов Берхаджа и Бирхаджа - существ, лишенных Несотворенного Духа; и вряд ли кто-то, кроме гиперборейских Инициатов, когда-либо увидит Атомуруну снова. По правде говоря, выживших было очень мало, хотя их сопровождало большее число представителей беспородной расы, к которой принадлежали амауты Черного капота: эта раса образовалась в результате смешения крови викингов и индейцев, населявших Тиуанако во времена короля Коллмана. Однако, несмотря на вышеупомянутое скрещивание, викинги всегда старались сохранить чистую кровь и ввели закон, по которому дворянами становились только те, кто происходил из рода Скиолда. Таким образом, для вступления в Дворянство требовался брак между представителями Расы-завоевателя: полукровки, хотя и состояли в родстве с викингами, были исключены из Дворянства, но не лишены права участвовать в Мистерии Чистой Крови. Иными словами, полукровки могли получить доступ к Гиперборейскому посвящению, которое в итоге разделило их на Инициатов, то есть Амаутов Черного Шляпника, и **Квилларунов**, то есть **Лунных Людей** или Людей Луны.

Выжившие после резни в Диагуите состояли из дюжины или около того человек.

Атомурунас и сотня Квилларунас. Тридцать пять лет спустя, когда опасность, по их мнению, миновала, атомуруны решили захватить Путь богов - древний маршрут империи атлантов, пролежавший от Тиуанако до Карибского моря. На первом этапе они продвинулись по Тайной дороге до Куско, где был боковой выход к этому городу. Именно тогда они решили послать двух Инициаторов Атомуруны, чтобы сформировать новую королевскую линию в деревнях региона Куско, которые на протяжении веков были вассалами викингов Тиуанако. Одним из Инициаторов был Инга Манко Капак, а другим - его гиперборейский партнер, жена и сестра, Мама Окльо. Оба выполнили свою миссию и основали касту, которая просуществовала до конца империи Инга, и к которой принадлежал император Атауальпа, Инга, убитый Писарро. Однако, несмотря на все усилия и на то, что потомки Манко Капака только вступали в межродовые браки, инги Куско ничего не смогли сделать, чтобы предотвратить деградацию Чистой крови. В

течение столетия из королевской семьи больше не появлялось Инициатов, и все эзотерические должности Инги зависели от Амаутас из Бонет Negro. Но падение

Территориальная экспансия Империи привела их к контакту с народами Культурного пакта, и они подверглись влиянию жрецов, которые превратили Мистерию Виракочи, или Навутана, в простой культ Бога-Создателя. Затем появились "другие" амауты, то есть жрецы, которые узурпировали функции гиперборейских Инициатов.

Наибольший ущерб в этом смысле был нанесен прибытием в XIV веке группы католических миссионеров из Бразилии, где они высадились после пересечения Атлантики. Их возглавлял священник с сильным характером, которому парагвайские индейцы дали имя Пай Зуме или Пай Туме - легендарное имя, которое позднее иезуиты "миссий" отождествили с апостолом Санто-Томасом или Санто-Томе. Инги, с другой стороны, приняли его проповедь и приравнивали его к своему богу Тунупе, одному из аспектов Виракочи. Точные меры, которые он предпринял для уничтожения религии атумурунас, указывают на то, что он прибыл в Куско не случайно, а был посланником Белого братства. Этому священнику удалось навязать культ Креста, Распятого, Богоматери и Троицы - верований, которые во времена испанского завоевания все еще оставались более или менее деформированными. Это, несомненно, нанесло вред духовной жизнеспособности ингов, но наибольшее зло принесло введение **ритуальных жертвоприношений** и изменение значения **апачеты**.

Во времена империи Тиауанако атумуруна по имени Синчирука обучил индейцев варианту культа холодного огня. В таком культе камни Апачета представляли Великих Предков, **Ачачилу Апачета**, а особый валун был Холодным Камнем, Камнем, обладающим Знаком Хуануй или Знаком Смерти. **Руми Уаньюй** также находился в сердце человека, в его душе, и к нему был прикован несотворенный дух: поэтому в церемонии **Токанка**, когда плевали кокаином на Руми Уаньюй, выражалось желание отделить душу от духовного, перенести душу на камень. Но, прежде всего, апачета была алтарем, "высоким местом", посвященным Матери Навутана, Богине Аме, Деве Агарты, Богине, давшей людям Зерно, то есть Богине, которую индейцы знали как **Пачамаму**. Когда индеец проходил по тропе и доходил до перекрестка, он клал камень в апачету и оставлял свою к о к у, или просто клал камешек, смоченный слюной: Пачамама, таким образом, **"убивала" его усталость, "уничтожала" его утомление, "снимала" боль, то, что свойственно человеческому состоянию, то есть "освобождала" Дух от души или животной природы; и "ориентировала" путника в Лабиринте Иллюзий, который отражал перекресток. Но когда индеец слушал Вруны Навутана, Голос Виракочи, где бы он ни находился, он падал, словно сраженный, и говорили, что он "апунадо": тогда наступало время воздвигнуть алтарь Пачамаме, и туда клали камни апачеты.**

Как я уже сказал, доктрина Пэй Зуме изменила стратегическое значение

Апачета, совпадая в этом с древнееврейским Диагуитой, который ввел аналогичные изменения на территориях, завоеванных у Атумуруны. Изменения заключались в преобразовании культа холодного огня в культ горячего огня и в отождествлении Пачамамы с Великой Матерью Биной. Таким образом, в стиле римского декаданса апачета была превращена в алтарь.

Ларе-богов, или Верховного Бога, Творца мира, представленного Горячим Огнем, Творческим Огнем, который никогда не гаснет, Солнечным Логосом, Солнцем. А над апачетами теперь царила Пачамама-Бина, Мать-Земля, Шакти, Матричный Творец вещей; Богиня Любви, которая должна была быть принесена в жертву, чтобы заступиться за своего Супруга, Единого Творца. С этого момента Апачета утратила свой стратегический и ориентирующий характер по отношению к Истоку и стала для ингов Куско объектом Культурного пакта, инструментом идолопоклонства жрецов Белого братства, новых "амаутас".

Такой процесс духовного упадка оказался катастрофическим для Атумуруны с озера Титикака, которые также не смогли сохранить Чистую кровь и с каждым днем оказывались перед угрозой вымирания расы. Теперь их присутствие ограничивалось царством Пути Богов, которое они в итоге заняли почти полностью, и "Городом Луны" в тайной пещере Острова Луны. Жители империи Куско видели их редко, разве что для передачи эзотерической информации ингам, но их появления боялись, считая "вестниками зла", "предвестниками беды" и т. д. Их "посланниками" были Амаутас дель Бонете Негро, которые тоже появлялись нечасто и внушали такой же страх.

Следует уточнить, доктор Зигнагель, что, как только Путь Богов был занят, им пользовались только амауты Черного Шляха для передвижения: **атумуруны использовали вместо этого подземный путь, который пересекал горы Анды из конца в конец и имел тот же маршрут, что и Путь Богов, то есть проходил под ним. Существовали тайные вертикальные входы, соединявшие Путь Богов с горным туннелем, через которые "появлялись" загадочные Атумурунас. И, согласно легендам ингов, в этом тоннеле, построенном белыми атлантами, находились каменные транспортные средства, позволявшие им передвигаться с фантастической скоростью.**

Наконец, за два года до прибытия Франсиско Писарро в Кахамарку положение Атумурунас стало отчаянным: у них была только принцесса Килья, чтобы сохранить матрилинейное наследование Штирии, но они не могли добиться успеха в определении брака, поскольку двенадцать живущих Атумурунас были слишком близкими родственниками, чьи родители, дедушки и бабушки были также двоюродными братьями и сестрами друг друга; любая связь с ними, несомненно, привела бы к деградации Чистой крови, к вырождению потомков. Именно в таких обстоятельствах нойоны наблюдали **"литийский знак на камне Венеры"** и были посещены **"богом Кювом"**.

Корона короля Колмана веками покоилась на каменном алтаре в виде **прямого кругового сектора**: концы внешней арки соединялись внутренней рельефной аркой, параллельной первой, с и м в о л и з и р у ю щ е й образ убывающей четверти луны; на этом полумесяце помещалась священная корона, а камень Венеры был обращен к круговому ободу. Нойосы обычно сидели лицом к короне, ориентируясь на камень Венеры и вершину прямого угла алтаря. В отличие от владык Тарсиса, возможно, из-за

близкородственного скрещивания, двенадцать нойонов Атумуруны могли проецировать литический знак на камень Венеры.

Они узнали мегалитический ландшафт, который, хотя и находился в тысячах километров от озера Титикака, не предполагал морских и джунглевых переходов, как у испанских инциатов. По сути, перед нами была копия скал Экстернштайна, священной горы немцев в Тевтобургском валу. Действительно, в мире существует несколько Экстернштайнов, все они похожи на немецкий и все обладают Врунами Навутана. Тот, что был обнаружен на "камне Валгаллы" из короны короля Коллмана, находился недалеко от Кебрада-де-Умауака, на нынешней территории Аргентинской Республики, в месте, которое сейчас называется "Валле Магно", у подножия Серро Каллибур. Атомурунас не сомневался в этом. Оставалось выяснить, что означает это изображение, и придется ли им отправиться в Внешний Жужуй? Возможно: неподалеку, согласно семейным преданиям, находился тайный вход, ведущий в Валгаллу, или К'Таагар, после прохождения через Южные ворота. Ответы на эти вопросы даст "Бог Кюв".

Шестидесятый день

Когда Владыка Венеры появился через прямой угол каменного алтаря, двенадцать Атомурунов и принцесса Квилла увидели его одновременно.

-Милость и честь, кровь Скиолда! -провозгласил владыка Венеры, произносил правой рукой "Бала-мудру".

-Зиг хайль! -хором ответили каменные люди.

-Кровь Скиолда: Я передаю вам приветствие Вотана, Военачальника! И еще я передаю вам Его Слово! Внимайте, широко распахните свои чувства, ибо это уникальная, возможно, неповторимая возможность перед Последней Битвой! Дважды предпринимались попытки уничтожить вашу Стирию: один раз в Скиолдланде и один раз на Острове Солнца. Вы знаете, что Враг неумолим. Теперь я объявляю вам о новой опасности разрушения. Но это не та, о которой вы беспокоитесь: вымирание Стира из-за отсутствия потомства. Это снова будет кинжал Жертвенника, который попытается пролить чистую кровь Скиольда. Да, Атомурунас, Великий Жертвенник открыл врата, через которые спящие люди будут вливаться в твои глотки! Плохие и хорошие новости приношу я вам. Плохая новость заключается в том, что империя Инга в Куско, разделенная мелочностью и глупостью ее королей, вскоре будет уничтожена спящими мужчинами, которые придут неудержимыми полчищами. Вы должны бежать из Коати навсегда: только решительные и быстрые действия в последний момент предотвратят третью и последнюю попытку уничтожить Стироп.

И вот хорошая новость: если вы будете эффективно выполнять мои приказы, вы не только спасете Скиольд Стирию, но и военачальник рассмотрит вас на видное место в финальной битве. И вот мой приказ: отныне вы никогда не будете вмешиваться в раздоры Империи, даже когда Враг безжалостно расчленяет ее. Вы будете

сохранять спокойствие до последнего момента". Затем придут посланники от Военачальника. Вы узнаете их, потому что они принесут с собой

Камень, подобный короне короля Колмана. С ними придет принцесса чистейшей крови Земли: она будет доверена тебе, чтобы быть обрученной с принцем из дома Скиолдов; ее потомство сохранит Штамм и станет корнем могучего народа в конце времен. Но взамен, Атумурунас, ты сохранишь девственность принцессы Квиллы и отдашь ее Им, дабы ее собственный Стиракс был продлен в чистой крови Скиолда.

Они пришли из далекой страны, хотя и не такой далекой, как та, из которой пришли вы. Они будут направляемы Нами и рано или поздно приблизятся к Пути Богов. Поэтому ты прикажешь амаутам Черной Шапки рассредоточиться на границах Пути, ожидать их и привести в Коати. Амауты должны сообщить сцирисам местных деревень, что они понесут самое суровое наказание, если причинят хоть малейший вред Камненосным Чужакам: пусть знают, что они, как и вы сами, - Владыки Смерти, Хуанкакилли Хуаньюй!

Вы будете готовы эвакуировать Коати, как только придут уанкакилли и вы обменяетесь принцессами. Вы отправитесь в долину Великого Каллибура, в место, которое вы видели на Коронном камне. Там вы пройдете через тайные врата, ведущие в долину, защищенную рунами Вотана, где вы будете ковать страшный народ воинов, который вернется в этот мир в дни Последней Битвы. Но уанкакилли должны отправиться дальше на юг, в крепость Пукара Тарси, или Тафи, где лежит Великий Меанир Тарси, посаженный белыми атлантами тысячи лет назад. Да, Атумурунас; когда мы находили Стиракса, мы всегда сажали его Меанир! И только с течением поколений, только при условии сохранения чистоты Крови, члены Стремени воссоединяются со своим Деревом. Это происходит, когда семейная миссия выполнена: вот почему вы найдете свой Менир в Великой Долине, а уанкакилли - в Долине Тафи. И Враг не сможет проникнуть за стратегические стены Великих Кромлехов, которые окружают и изолируют Основополагающие Меандры Расы.

Белые предки, белые атланты, оставили народ на попечении Меанира Тарси в Тукумане: они поклонялись Владыке войны, которого называли Вультаном или Вольтаном, в апачете, или алтаре, рядом с Меаниром; *purihuaca Voltan guanancha unanchan huañuy*. Эти хранители тысячи лет назад были истреблены индейцами диагуита, членами "Избранного народа" Бога-создателя этого ада, которые до сих пор населяют этот регион. Поэтому вы обеспечите сопровождение уанкакилли, чтобы они могли безопасно прибыть в древнюю Пукару в долине Тафи, где они также будут жить до дней последней битвы.

Атумурунас из Дома Скиолда: Я сказал все, что хотел сказать, и по стратегическим соображениям не стоит добавлять больше. Я повторяю приветствие Вотана и прощаюсь с вами до финальной битвы или до тех пор, пока вы не присоединитесь ко мне в другом кайросе. Или пока вы не присоединитесь ко мне в другом кайросе. Милость и честь, Кровь Скиолда! -пожелал им Владыка Венеры, поднимая правую руку для произнесения Бала-мудры.

-Зиг хайль, Гот Кюв! -ответил Атомурунас, также выполнив баламудру - древнее тайное приветствие Дома Скиольда.

*Атомуруны в точности выполнили указания Владыки Венеры. С этого момента на крайнем севере Империи Инга был создан хорошо отлаженный механизм, предназначенный для обнаружения путешественников. И именно его функционирование, как я уже рассказывал, позволило Владыкам Тарсиса избежать осады Муиски, которая была верной смертельной ловушкой. С прибытием Владык Тарсиса в Коати, когда сбылись предсказания Владыки Венеры, история Татаинги завершилась. После этого Лито из Тарсиса, как мог, поведал об истории Дома Тарсиса, об убийственных маневрах бессмертных Бера и Бирсы, о личности и миссии Квиблона, вызвав большой интерес у Атомуруны. Теперь они должны вместе отправиться на юг и дойти до крепости Пукара, называемой **Хумахуака**, где их разлучат: в этой жизни они больше не увидятся, но встретятся вновь во в р е м я Последней Битвы, когда Владыка Войны созовет Людей Чести на битву с Силами Материи.*

У принцессы Квиллы были светлые волосы и светло-голубые глаза, а Виоланта контрастировала с ней черными волосами и зелеными глазами, но кожа у обеих была белая как снег. Квилла уже была готова стать женой одного из лордов Тарсиса, но известие о том, что ей придется покинуть их по велению богов, удивило и опечалило Виоланту из Тарсиса. Однако она не отказалась от своей миссии, хотя и дала понять о своем недовольстве. Поэтому два монаха-доминиканца решили остаться с ней и связать ее судьбу со Скиольдом Штирийским: в обществе родных Виоланта лучше перенесет разлуку. Но кроме того, Лито приказал четырем каталонцам следовать за своей гостеприимной и никогда ее не покидать; он прямо сказал им, что они никогда не вернутся в Испанию, если подчинятся такому приказу, а если подчинятся, то Лунный народ будет относиться к ним как к представителям дворянства. Атомуруны захотели взять каталонцев с собой и предложили им на это время взять жен из числа девственниц Луны. Суровые испанские солдаты согласились на все и были в восторге от перспективы стать лордами этого загадочного народа и следить за безопасностью своей королевы Виоланты де Тарсис.

Достигнув взаимного согласия, оставалось только отправиться в путь и эвакуировать Коати, выполнив тем самым указания бога Кюва. Они как раз занимались этими приготовлениями, когда шпионы, постоянно информировавшие их о положении дел в империи, передали новость, заставившую их поторопиться с отъездом: капитан Диего де Альмагро только что покинул Куско, командуя 500 людьми, направлявшимися на юг. Между Франсиско Писарро и Диего де Альмагро разгорелся ожесточенный спор о границах империи Инга: Диего де Альмагро утверждал, что г о р о д Куско является частью его владений. Проницательный Писарро сумел оттянуть развязку конфликта, убедив своего партнера, что на юге есть страна, еще более богатая, чем королевство Инга, и добыча, которая сделает дискуссию о Куско бессмысленной. Так заблуждающийся Альмагро собрал вместе то, что

Он отправился на юг, чтобы завоевать город цезарей, Трапаланду или Элелин.

Та же печаль, сопровождаемая героической решимостью, которую испытывали Лорды Тарсиса, покидая Пиренейский полуостров на корабле Вельсера, когда разум летел в Уэльву и переживал дни славы Дома Тарсиса, должна была ощущаться Атомурунами, когда они пересекали озеро Титикака по пути в порт Копакабана, оставляя позади остров Коати, на котором они прожили столько лет и достигли Высшей Гиперборейской Мудрости. Много веков назад Дом Скиольда был могущественным в Тиуанако, пока безумная месть Ордена Мелкиседека почти не уничтожила их Стирию: тогда, навсегда покидая этот край, сердца Атомуруны сотрясались от смешанных чувств. Душа, созданная и привязанная к истории и к почве, ко Времени и к Пространству, разрывалась от боли при окончательном уходе от родного Солнца; но Несотворенный Дух, обнаруживающий и поддерживающий в Крови Инициата Память Истока, переполнял каждый душевный миг боли бесконечной ностальгией по Возвращению на Изначальную Родину, в Изначальную Гиперборею; И перед лицом тоски по Гиперборее, перед лицом желания бросить всё и отправиться к Истоку Духа, тоски боли ничего не могут сделать, сентиментальные привязанности к inferнальным областям и к материальным объектам Земли не имеют силы.

Альмагро покидает Куско в 1535 году и в конце августа, пройдя через враждебные горные районы на юге, вплоть до плато Титикака. Атомуруна и Пуэбло-де-ла-Луна, которым едва удалось обогнать авангард закаленных в боях испанцев, шли по пятам. Беглецы почти без остановок прошли через деревню Чукиабо, ныне Ла-Пас, и сделали трехдневный привал только в Сукре или городе Ла-Плата, прежде чем спуститься в долины Гран-Кебрада-де-Умауака. Альмагро, получивший удивительную весть о том, что целый народ движется в том же направлении, торопил путешествия, намереваясь догнать их и узнать их место назначения, возможно, богатую страну Юга, город цезарей. Эту мысль подтверждал тот факт, что, по словам всех его информаторов, этих людей в ел и белые бородатые люди, похожие на испанцев, но великолепно одетые в одежды инских царей. Для Альмагро было весьма вероятно, что эти люди пришли из Города золота и серебра и что они направляются туда.

Однако он так и не смог их догнать. Караван достиг города Умауака на тридцать дней раньше Альмагро. Там Каменные люди осыпали туземцев страшными угрозами, подкрепленными магическими демонстрациями Атомурунаса, чтобы те дали экспедиции Альмагро ложные сведения о направлении их движения: они должны были отвлечь испанцев в сторону Чили, уверяя, что там находится город их мечты. Тем временем они пошли бы разными путями: атомурунас направились бы на восток, к долине Гранде-дель-Серро-Калибур, близ Эль-Рамалья в Жужуе; сеньоры де Тарсис продолжили бы путь на юг, к Пукара-де-Тилькара, откуда, благодаря стратегическому противодействию, они могли бы сориентироваться на Пукара-де-Андалгала, а оттуда - на Пукара-де-Тарси, свою цель.

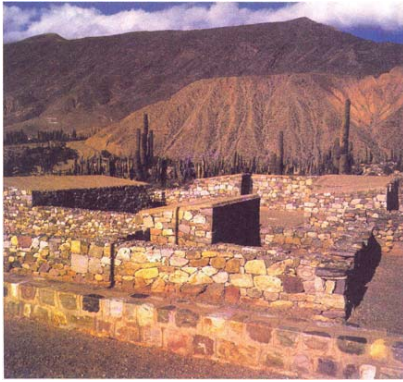
Таким образом, в Хумахуаке Владыки Тарсиса и Атомуруны были разделены "навсегда": они встретятся снова во время Последней Битвы, когда все они

вернуться во главе своих народов, чтобы свести счеты с представителями Сил Материи, учениками Белого Братства, Избранным Народом; с Белым Братством и Богами-предателями, разумеется, будут разбираться Боги, преданные Духу Человека, возможно, даже сам Люцифер собственной персоной. Виоланта и два монаха выразительно обнимали и целовали Лито, Роке и Гильермо: никто не мог сдержать слез, безущих по их суровым лицам, но в то же время они смеялись от дикой радости: приказы Богов исполнялись, и это было главное. Похожая сцена произошла и с атомурунами, которым предстояло проститься со своей единственной родственницей, принцессой Квиллой; но она была грубым викингом и не нуждалась в компании; напротив, она потребовала, чтобы все ее сородичи как можно скорее перебрались в Экстернстейн Великой Долины. Вместе с лордами Тарсиса, чтобы охранять их и охранять Пукару Тарси, должны б ы л и отправиться 50 семей из Народа Луны. Через неделю после прибытия, когда Альмагро находился в Тарихе, путники возобновили свой поход.

Все произошло так, как пожелали Владыки Тарсиса. Альмагро был введен в заблуждение индейцами и потерял след беглецов. После бесплодных поисков на территории Аргентины он перешел в Чили и через десять месяцев тяжелого похода обнаружил, что богатой империи, описанной Писарро, нигде не видно. В сентябре 1536 года он, наконец, вернулся в Куско со своими войсками, измотанными и уставшими от таких бесполезных путешествий. В это время завершилось всеобщее восстание, которое осадило Куско и грозило обернуться катастрофой для испанского завоевания. Присутствие Диего де Альмагро обратило в бегство тысячи индейцев и спасло Франсиско и Эрнандо Писарро от верной смерти, что не помешало последнему применить к нему гарроту в 1538 году, после того как он проиграл битву при Лас-Салинасе.

Опеку над лордами Тарсиса и принцессой Килья состояла из 5 амаутов из Бонете Негро и 45 кильярунов с их семьями. Амауты пользовались большим авторитетом в империи Инга, поэтому для гарнизонов Пукара не составило труда выполнить их приказ: всем было приказано оставить свои посты и вернуться в Куско, избегая по пути пересечения с испанцами, так как последние обратят их в рабство. А испанцы, лишённые гиперборейской мудрости, ничего не могли поделать с этими крепостями, построенными по принципу Окружения и Стратегической стены; в е д ь даже если бы они заняли их военным путем, то никогда не смогли бы заметить внешние шестерни, **опорные камни**, которые оставались бы невидимыми, даже если бы они стояли рядом с ними. Лито де Тарсис, всегда ведомый амаутами, оставил позади Пукару Андалгалы и вместе со своим народом перенес ледяной холод Невадос-дель-Аконкия: по другую сторону этой горной цепи открывается Долина Тафи. Когда он приблизился к Пукаре, одного взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять, что это именно то место, которое он искал, - **литическое изображение, которое Камень Венеры показал ему в Тайной пещере Уэльвы**. Отчетливо виднелась крепость Врунической формы, а за ее пределами - кромлех, или кастро, в глубине которого возвышался могущественный менир Тарси; на заднем плане

*струйка воды маленькой речушки орошала бесплодные камни долины,
пробиваясь из отверстия между далекими горами.*

Пукара-дель-Тилькара, провинция Жужуй, Аргентина.

Вновь прибывшие заняли площадь и занялись подготовкой возможной магической защиты: они спроецируют на каменную стену принцип Окружения и вылепят на ней одну из Врун Навутана; таким образом, они получат Стратегическую Стену, неуязвимую для пространственно-временной Стратегии спящих испанцев; затем они проведут стратегическое противостояние против референтного камня, против менира Тарси, и вся площадь станет культурно невидимой: тогда они никогда не смогут быть обнаружены спящими людьми. Как сделать такую защиту постоянной: практика Магическое Сельское Хозяйство, унаследованное от белых атлантов, на территории за пределами Стратегической Стены. По мере прорастания, роста и созревания семени, чья генетическая информация была изменена преобразующей силой Несозданного Духа, отвечают не своей архетипической цели, не модели, существующей на нынешних Небесах, а Парадигме других Небес, слепку другого Мира: и именно эти неизвестные Небеса управляют микроклиматом Освобожденной площади, удерживая ее вне визуальной или физической досягаемости Врага.

Такие меры предосторожности были не лишними, потому что, хотя Диего де Альмагро не представлял никакой опасности и получил тот печальный конец, о котором я упоминал, восемь лет спустя появился другой враг, который прибыл с явным намерением найти убежище владык Тарсиса. В 1543 году губернатор Перу Кристофаль Вака де Кастро, зная о неудачном преследовании Альмагро, решил попытаться счастья с новой экспедицией. Официально была предпринята попытка исследовать и занять территорию Тукумана, но втайне главной целью был поиск "других белых" и Города Цезарей. Наперсником Вака де Кастро был капитан Диего де Рохас, испанец из Бургоса, участвовавший в завоевании Никарагуа и находившийся в то время в Ла-Плате, или Сукре. С 1542 по 1543 год он готовил экспедицию, которая в итоге насчитывала всего 200 человек, хотя и была хорошо оснащена, и собирал информацию о деревнях Кебрада-де-Умауака и страны Тукуман. Рохас, как и Вака де Кастро, подозревает, что Альмагро

был обманут индейцами и что "Белый король" бежал на юг, в сторону Тукумана. Именно поэтому, несмотря на то, что,

Пока Диего де Рохас, всегда "официально", отправляет флот из Перу, чтобы тот ждал его в Чили перед портом Арауко, Диего де Рохас отправляется как можно дальше на юг, следуя по следам беглецов. Он поднялся на плато Титикака и спустился к Кебрада-де-Умауака, где ему пришлось постоянно сражаться с индейцами, предупрежденными амаутас дель Бонете Негро о завоевательных намерениях испанцев: оклоя, умауака, пуларес, жужуйес и т. д. непрерывно нападали на них на протяжении и всего пути через Пуну Жужуйнья. Однако им удалось добраться до Чикоаны, ныне Молинос, и там, по счастливой случайности, они обнаружили во владениях индейцев кильмес несколько кур из Кастилии - кур, подаренных принцессой кильмес, что определило курс экспедиции, которая прошла в опасной близости от Пукара Тарси. Присутствие кур убедило Диего де Рохаса в том, что в этом регионе живут "другие белые", как считал Альмагро, и побудило его пересечь долину Кальчаки вдоль, то есть с севера на юг, до Толомбона, а затем, через **Фуэрте-Кемадо**, до Пунта-де-Баласто, пересечь Невадос-дель-Аконкия и выйти на высоту Консепсьон-дель-Валье-Тафи. К счастью, этот маршрут завел испанцев слишком далеко на юг, и им не пришлось испытывать магическую защиту Пукара-де-Тарси, ставшей постоянной резиденцией лордов Тарсиса.

Диего де Рохас отважно противостоял хуритам Тукумана, без а затем продолжил свой ошибочный поход на юг, исследуя земли, названные по расе их обитателей: "хуриес" - Сантьяго-дель-Эстеро; "диагуитас" - Сальта, Тукуман, Катамарка, Ла-Риоха, Сан-Хуан и северо-запад Кордовы; и "комхингонес" - Кордова. По возвращении из этих бесплодных путешествий, в Салавине, в Сантьяго-дель-Эстеро, доблестный Диего де Рохас был убит ядом, который стрела Диагуиты всадила ему в ногу. Через три года после его отъезда экспедиция вернулась в Перу под командованием Николаса де Эредиа, который, несмотря на потерю Рохаса, был вынужден целый год путешествовать по д о л и н е Тафи в поисках Города Цезарей.

Каменные круги в Тафи-дель-Валье, провинция Тукуман, Аргентина (Вверху круги скрыты среди растительности. Ниже - другие круги появляются в центре большой ямы, охраняемой Серро-Суньорко).

Вскоре была предпринята еще одна попытка в 1549 году, когда Хуан Нуньес дель Прадо отправился в Тукуман с семьюдесятью людьми, некоторые из которых были голенами, воодушевленные рассказами нескольких членов экспедиции Рохаса: они не нашли ни Города Цезарей, ни Пукара-де-Тарсис. В течение двадцати лет, начиная с экспедиции Диего де Рохаса и до прибытия Франсиско де Агирре в Тукуман, подобные попытки были тщетны, но их достоинством было то, что они засеяли регион испанскими городами и поселками. Сан-Мигель-де-Тукуман был основан 29 сентября 1565 года Диего де Вильяррозлем, племянником Франсиско Агирре. Как и Эль-Барко (сегодня Сантьяго-дель-Эстери), Сан-Мигель-де-Тукуман сменил свое первоначальное поселение в 1680 году по решению губернатора Фернандо Мендосы Мате де Луна и с разрешения короля Карлоса II. Экономический прогресс провинции, основанный не на золоте и серебре, которые искали первобытные исследователи, а на эксплуатации земли и порабощении индейцев, вскоре заставил забыть истории о Городе Цезарей и существовании Белого Короля. Вокруг Пукара-де-Тарси возникло поселение, населенное потомками килларуна, но крепость так и не была обнаружена ни испанцами, ни более поздними креольскими правителями. На ее месте была основана огромная чакра, или эстансия, содержащая невидимую Пукару, которая была окончательно узаконена внуками Лито де Тарси, проникшими в губернаторство и купившими капитуляцию на хорошее инское золото, сохранившееся у них после перехода через Коати. **А внутри кромлеха, рядом с мениром Тарси, на очень древней апачете Вольтана, пурихуаке Вольтана, покоился Мудрый Меч, ожидающий литического знака последней битвы.**

Шестьдесят первый день

Итак, мы прибыли в XX век, доктор Зигнагель! И прибыли не потому, что неумолимый ход времени привел нас туда, а потому, что я решил пропустить 400 лет нашей американской истории. Я продолжу таким образом, чтобы ускорить окончание письма, поскольку, полагаю, вы уже успели его читать и, думаю, теперь сможете понять драму Дома Тарсис и сделать собственные выводы. Как вам известно, я происхожу от Лито де Тарсиса и принцессы Киллы, которые образовали семью, всегда остававшуюся в местечке Пукара де Тарси, в Тафи-дель-Валье, провинция

*Тукуман: за эти четыре столетия там побывало множество нойосов и
врайя, охранявших Меч.*

Мудрейший; я сам был Врайей десять лет, последние пять - в компании моего сына Нойо. Что ж, доктор Зигнагель, чтобы закончить повествование внятно, остается лишь добавить пару слов о реакции Врага, который в эти века ни на мгновение не забывал ни Владык Тарсиса, ни Мудрого Меча, ни Скиолда Стиракса.

По-видимому, терпеливо изучая Культурные записи тысяч подобных Миров Иллюзий, Белое Братство смогло довольно точно восстановить шаги, предпринятые Лито де Тарсисом в Америке. Оно узнало, что род Скиолда уходил в Тайную долину в провинции Жужуй, вход в которую был запечатан Врунами Навутана, и что Лито де Тарсис вместо этого отправился в Тукуман, но потерял все следы своего дальнейшего назначения. Перед лицом такой уверенности Орден Мелхиседека организовал распределение десятков своих лучших агентов по местам, где могут быть спрятаны Каменные Люди или **где они могут появиться в будущем**. Меч Мудреца и Корона Короля Колмана с проклятыми Камнями Венеры составили бы стратегическое преимущество в финальной битве, чего ни в коем случае не могли допустить демоны Чанг-Шамбалы. Но Миров Иллюзий - миллионы, и во всех них одновременно разворачиваются архетипические сюжеты, истории Истории. Лишь в одном из таких Миров происходит сюжет, который станет Реальным в Конце, когда Владыка Войны утверждает его от Начала, как предсказал капитан Киев у святого Феликса Караманского. Белое Братство знает, что это произойдет, но не может знать априори, каким будет реальный Мир Владык Тарсиса; и потому, тем временем, оно вынуждено развернуть своих inferнальных агентов, своих Мастеров, Жрецов и Инициатов, вокруг древнего пути, которым Лито из Тарсиса пришел в Америку; причем сразу во многих Мирах. Но на этот раз они постараются избежать "ошибок": для этого они решили, что любой сигнал от Владык Тарсиса или от Скиолда будет передан в Чанг Шамбалу, чтобы Бера и Бирса лично могли заняться столь важным делом. Так и будет, доктор Зигнагель: в середине двадцатого века, но как и тысячи лет назад на Тарсисе, бессмертные демоны придут к пробудившимся людям, чтобы свершить свою гнусную месть. И их, как и прежде, спасет только Чистая Кровь, Воспоминание о происхождении, высвобождающее Несозданный Дух. Те, кто ориентирован на Дух, возможно, умрут сейчас от рук Демонов, как, несомненно, умру я сам; но тогда им удастся убить лишь животное тело в **Мире**, они получают лишь пустую кожу, тщетную победу; В конце концов, когда наступит Последняя Битва, и Владыка Войны подтвердит Реальность Мира Духа, все мы, погибшие за дело Духа, будем Живы, чтобы выйти из Вселенной Единого, минуя Силы Матери, в то время как позади нас будет развязан Последний Холокост Демонов Души.

И вот мы в XX веке, доктор Зигнагель, окруженный со всех сторон агенты Белого Братства. Однако пока Меч Мудрости или Корона Короля Колмана оставались за кромлехами, демоны не могли связать их со временем и не знали, в каком мире действовать. Таким образом, мы могли передеигаться относительно незаметно, но все изменится в последующие годы, когда капитан Киев будет присутствовать, чтобы передать инструкции о финальной битве.

От рода Лито де Тарсис произошли несколько семей, которые до сих пор существуют в Аргентине и других странах. Некоторые из них защищали себя от Голена, скрывая свое происхождение или отрицая генеалогические связи, с в я з ы в а ю щ и е их с Домом Тарсиса, но все они в той или иной степени осведомлены об этой истории. Однако именно эта дистанция отдалила их от нойврайадо и гиперборейского посвящения. Так что в этом столетии только члены моей семьи, всегда обитавшие в чакре Тарси, поддерживали Культ Холодного Огня и охраняли Мудрый Меч. А в десятилетие шестидесятых, хотя Стиру не грозило вымирание, отнюдь не т, остался лишь **один** Гиперборейский Инициат, способный продолжить Стратегию Богов-Освободителей: я, Белисена Вилька. Я была вдовой с единственным сыном, которого я отправила в Буэнос-Айрес, чтобы он сделал военную карьеру, но я без колебаний приняла нойврайадо, когда мой дед, который был с Мениром в течение тридцати лет, умер в 1967 году. Возникла новая ситуация: хотя в Стире оставалось много членов, цепочка посвящений неумолимо грозила прерваться. К счастью, в 72-м году ко мне на помощь вернулся мой сын Нойо, готовый принять Гиперборейское посвящение и стать истинным Нойо, Хранителем Мудрого Меча. За четыре месяца, с июня по октябрь, его подготовили, а потом он умер, возродился в облике Каменного Человека и встал рядом со мной, лицом к Мениру Тарси и лицом к Мудрому Мечу. Он подал прошение об увольнении из вооруженных сил, чтобы посвятить себя семейной миссии, но его контакты с некой националистической группировкой, входящей в состав армейской разведки, не позволили ему посвятить себя Гвардии на постоянной основе. Дело в том, что Нойо не хотел отказываться от того, что считал делом чести: от борьбы с марксистской диверсией, которая в те дни сотрясала всю страну и нашу провинцию в частности.

За исключительное знание местности и здравый смысл.

Он был одним из тех "серых мозгов", которые из тени помогали сдерживать коммунистических партизан, пытавшихся закрепиться в горах Тукумана. Его ценные отчеты, передаваемые товарищам в Буэнос-Айрес, в немалой степени способствовали разработке планов Генерального штаба, которые положили конец партизанской угрозе. Естественно, я был против этой деятельности, явно чуждой инициатической миссии, но Нойо постоянно повторял, что это диверсионное движение в окрестностях Харизматического центра - верный признак приближающегося начала Последней Битвы. И он не ошибся, что вскоре подтвердил Владыка Венеры.

Все началось в 1975 году, в те дни, когда армия под командованием генерала Аделя Эдгардо Виласа пыталась покончить с последними очагами пригородных партизан и приступила к трудной задаче ликвидации городской инфраструктуры подрывных организаций. Энергичные действия армии, выполнявшей свои планы уничтожения с математической точностью, оставляли Нойо достаточно времени для выполнения задания, и он уже несколько месяцев находился со мной в древнем кромлехе. Однажды, в конце того же года, мы оба были глубоко сосредоточены, медитируя на Камень Венеры и Тайну Холодного Огня; наши глаза были прикованы к Мечу Мудрости, и никто из нас не заметил, что в Мельнире Тарсиса, расположенном точно позади Алачеты с Мечом Мудрости, происходят

существенные изменения. 1,

словно молочный туман, проник в огромный Камень, который, как только мы заметили это явление, перестал быть различимым. Постепенно, однако, телесный образ великана из другого мира занял место красителя. По правде говоря, это было двойное явление, поскольку на Камне Венеры также отчетливо вырисовывался образ неизвестного места: Это тоже была долина, но совсем не похожая на долину Тафи, которую видел Лито де Тарсис за четыреста лет до этого; по ее длине протекали две реки, как реки Тинто и Одиэль в долине Тарсис в Узльве; а на одном конце, к западу от фигуры, отчетливо виднелся холм, на склоне которого находился вход в пещеру врунической формы.

-Грация и честь, Кровь Тарсиса! -сказал Гигант, поднимая правую руку, чтобы произнести Бала Мудру; и мы оба поняли, что это Капитан Киев, один из Владык Венеры, Капитан Киев, который прощался с нашим Стиром "до последней битвы"! Неужели пришло время, которого так долго ждали, чтобы Боги вновь сопровождали людей в их полном противостоянии с Силами Материи? Мы поспешили ответить на приветствие, с нетерпением ожидая Его мудрых слов:

-Слава Долине, капитан Киев!

И Владыка Венеры обратился к нам так:

-Кровь Тарсиса, я передаю вам приветствие Навутана, Военачальника! И еще я передаю вам Его Слово! Внимайте, откройте свои чувства, ибо это уникальная возможность, Кайрос финальной битвы! Как это было всегда и как это не могло быть иначе, учитывая то адское место, в котором вы оказались, я несу вам как хорошие, так и плохие новости. Хорошие новости заключаются в приказе Военачальника, который я сейчас передаю вам: по воле Навутана Мудрый Меч должен быть перенесен в место, которое вы видели на Камне Венеры! Это место - долина в регионах Сердца Аргентины, совсем рядом с Серро Уриторко, Серро де Парсифаль, где Владыка Войны в далеком прошлом поместил свой командный посох рядом с крепостью, построенной Мудрыми Воинами, которые знали его как "Касик Вультан". На другом холме, в той долине, которая будет расположена, находится Тайная пещера, построенная белыми атлантами и охраняемая Врунами Навутана: туда должен быть доставлен Мудрый Меч! Вы спросите, почему это должно быть сделано, и я отвечу, что это один из основополагающих актов Последней Битвы: это, по правде говоря, связь между Богами и спящими людьми. Владыки Тарсиса, как и Владыки Скиолда и других подобных Стиров, - пробужденные люди, которые всегда полагались на Откровенную Тайну и Камень Венеры, чтобы получить руководство к Истоку и Гиперборейской инициации. Даже вашей собственной Сущности было доверено посвящение Владыки Абсолютной Воли и Мужества, Фюрера Белой Расы. Поэтому вам будет трудно представить себе Инициата Абсолютного Руководства, Гиперборейского Понтифика, способного во все времена и во всех местах возводить нерушимый мост между Сотворенным и Несотворенным, между Иллюзорной Действительностью и Реальностью Истока. Такой Инициат не нуждается ни в каком другом ориентире, кроме самого себя, чтобы сориентироваться в Истоке, он

сам является своим "Камнем Венеры", а не "Камнем Венеры".

может быть введен в заблуждение, введен в заблуждение или каким-либо образом отвлечен от своей стратегической миссии.

И такой Инициатор, Кровь Тарсиса, уже на Земле! Да, Владыка Абсолютного Руководства ждет, когда Мудрый Меч будет помещен в Тайную Пещеру, чтобы привести к Камню Венеры спящих людей, тех, кто, несмотря на погружение в Иллюзию, проявляет волю к освобождению Вечного Духа из его материальной тюрьмы! Если такая связь произойдет, контакт между спящими людьми и Богами, то неизбежно начнется Последняя Битва на Земле!

Да, этот Инициатор основал Орден строителей и обучил его членов литической мудрости белых атлантов. Затем, как я уже говорил вам, он научит их технике, необходимой для того, чтобы они могли найти Камень Венеры, даже если он лежит за Врунами Навутана. Многие Избранные будут стремиться к Камню Венеры, вратам в потусторонний мир, но лишь один из них будет Нойо. И этот Нойо, который услышит язык птиц, сможет найти вход в Тайную пещеру и присоединиться к одному из вас и Мудрому Мечу. С этого момента на Земле начнется Последняя Битва. Приказ Навутана означает, что вы должны приблизить Мудрый Меч к ожидающему Понтифику, тем самым выполнив последний этап Стратегии Богов-Освободителей!

Кровь Тарсиса: Я знаю, что вы безропотно подчинитесь приказу Военачальника, но для пущей важности рекомендую вам прислушаться к плохим новостям, которые я вам сообщаю. Прежде всего, имейте в виду, что нынешний мир, в котором вы перемещаетесь, за пределами кромлеха, находится под постоянным наблюдением Врага. В этих условиях будет нелегко извлечь Мудрый Меч из Центра и доставить его в Долину Авалона. Хотя расстояние в милях может показаться очень коротким: на самом деле, если вы не примете должных мер предосторожности, вы никогда не достигнете цели, каким бы коротким ни было расстояние, которое вам предстоит пройти. Не успеет Мудрый Меч оказаться за пределами кромлеха, как его Сила, искажающая пространство и время, откроет Врагу, где находится Мировое Зло, Смерть Души, и бессмертные демоны устремятся туда, чтобы предотератить святотатство по отношению к Закону Единого. Нет! Если вы не будете действовать в соответствии с Высшей Стратегией Сущностной Войны, вы никогда не достигнете Долины Трех Вершин с Мудрым Мечом!

Во-вторых, и теперь я расскажу вам плохие новости, вы должны ожидать, что ситуация будет ухудшаться с годами, пока воссоединение Мудрого Меча и Ордена Одина не станет абсолютно невозможным. Ордену придется действовать в нужное время: Орден разыщет Мудрый Меч и встретится с ним в Кайросе Последней Битвы. Но чтобы это стало возможным, только один из вас отправится с Мечом в Долину Двух Рек; другому же не останется ничего другого, как прикрывать отступление своего брата и товарища. Не стану преуменьшать риск, связанный с такой тактикой: тот, кто останется, должен привлечь к себе все внимание Врага, будучи готовым выдержать физическое и астральное давление, интенсивность которого намного превышает обычную человеческую

выносливость. Но вы - Гиперборейские Инициаты, Люди из Камня, ваше Я отделено от Души Вруной Навутана, ваш Вечный Дух уже видит, как

Происхождение, у вас есть шанс устоять и победить. Кто бы из вас ни остался и ни противостоял Врагу, он может умереть в этом мире. Однако ваше отсутствие будет недолгим, до финальной битвы.

Я говорил вам, что ситуация будет ухудшаться. Сейчас я говорю вам, что она уже начала обостряться. Военные силы, поддержавшие Нойю, вскоре будут ослаблены наступлением Международной синархии. В ближайшие несколько лет патриотические силы еще будут действовать, но им будет не хватать политической власти. Партизаны без гражданства потерпят военное поражение, но породившая их синархистская подрывная деятельность, напротив, в конечном итоге захватит власть в стране, немедленно подчинив политическую власть международной экономической власти. После этого между нацией и мировым банком будет достигнуто состояние необратимой финансовой зависимости. Заговор будет направлен на превращение нации в современную колонию, поселенцами которой неизменно станут представители Избранного народа. Да! Как это ни фантастично, но миллионы евреев планируют поселиться на этой земле! Это не случайно: выбор сделан в попытке остановить или отсрочить на как можно более долгий срок Последнюю Битву, чтобы дать время для формирования Мирового Правительства Избранного Народа. И именно потому, что Избранный народ подозревает, что каким-то образом эта нация сыграет важную роль в финальной битве, они решили оккупировать и уничтожить ее.

Именно в этом дьявольском контексте вы, Кровь Тарсиса, и будете действовать!

что произойдет, если вы добьетесь успеха? В лучшем случае произойдет тройное совпадение: помимо встречи с Понтификом Максимусом, Владыкой Абсолютного Наставления, вызванной именно этим фактом, может случиться так, что Голос Народа, харизматический Лидер Чистой Крови, возникнет как гром среди ясного неба. По совпадению с вами и Понтификом, в тот самый момент, когда спящие люди начнут пробуждаться к реальности Истока, явленного Камнем Венеры, харизматический Лидер будет признан всеми как единственный представитель Королевской Функции и встанет во главе этого Народа, поднимая его из моральных и материальных руин, в которые его вверг синархический заговор. Тогда наступят дни невиданного великолепия. Нация станет одной из духовных держав Земли. Мудрые Воины и Гиперборейская Мудрость, как во времена Атлантиды, будут показаны в свете дня, в то время как в других частях света духовные люди поспешат сюда, а Вселенская Синархия и Избранный Народ будут готовиться к последней битве. Поэтому в стратегии, которой вам предстоит следовать, вы не должны забывать о функции харизматического Лидера. Его узнают все, и Он узнает вас! Если Он призовет вас в свое время: Ему вы должны предложить помощь Гиперборейской Мудрости, чтобы Он мог успешно выполнить миссию по максимизации драматического напряжения Конца Истории!

Однако если харизматический Лидер не совпадает с Кайросом и не является

Финальная битва будет столь же неизбежна с того момента, когда

спящие найдут Камень Венеры, воссоединятся со своим веземным происхождением и потребуют от Богов освобождения Духа. Тогда Боги, верные Духу Человека, как они решили со времен затопления Атлантиды, в последний раз придут на помощь Гиперборейскому Человеку. И этот спуск, эта финальная битва

под руководством Навутана, Военачальника, и под наблюдением Амы, Девы Агарты, станет сигналом к концу Белого Братства и его inferнальной Солнечной Обители, Ключа Калачакры Чанг Шамбалы.

Короче говоря, ваша задача - доставить Мудрый Меч в Тайную пещеру в долине над Сото. Эпоха представляется наименее благоприятной для такой операции, поэтому вам придется разработать отдельную тактику: один из вас будет нести Меч Мудреца, а другой - служить приманкой, чтобы отвлечь внимание Врага. Тот, кто займется первым, должен мастерски использовать Путь стратегического противостояния, чтобы переместить свой ценный груз. То есть сначала он должен иметь при себе седельную сумку с достаточным набором *lapis oppositionis*, то есть архетипически неопределенных камней, камней, обладающих неограниченным, бесконечным измерением, полученных в результате воплощения Знака Истока, который вы спроецируете на них. Инициат, который так поступит, будет двигаться по стратегическому пути, непредсказуемому для Врага, даже если он знает, что Камень Венеры движется между Мирами Иллюзии. Он будет идти, постоянно изолированный Бесконечной Врунической Архемоной, и через каждое стратегическое расстояние Лабиринта будет ставить на пути *lapis oppositionis*: таким образом, он оставит для Врага непреодолимое препятствие, камень преткновения и отклонения, доказательство Действительной Бесконечности Вечного Духа. Несозданный принцип препятствия, *lapis oppositionis*, приведет Врага в полное недоумение: перед ним не будет никакой возможной ссылки, все миры перепутаются, иллюзия станет единой. И пока Враг приходит в себя и пытается отыскать след, Гиперборейский Инициат в противостоянии с Силами Матери будет продвигаться по Лабиринту, прокладывая за ним новый *lapis oppositionis*. Только так, если он будет двигаться в стратегической оппозиции и при поддержке другого Инициата, движущегося одновременно в другом направлении, привлекая интерес Врага, ему удастся доставить Мудрый Меч в Долину Кандлемаса.

Второй Гиперборейский Инициат также будет иметь при себе немного ляписса.

Враг сможет пойти по их следу и поверить, что маневр осуществляет один-единственный Каменный человек, который рано или поздно будет схвачен. Конечно, если это произойдет, если Врагу удастся захватить Второго Инициатора, операция все равно будет завершена, но никто не спасет его от расправы Бессмертных Демонов. Вот на какие риски вам придется пойти, чтобы выполнить приказ Военачальника; вам решать, кто понесет Мудрый Меч, кто отвлечет Врага, и найти возможность, кайрос, чтобы действовать!

Владыки Тарсиса: Я сказал все, что должен был сказать, и это не

подходит, по стратегическим причинам, больше добавить нечего. Я повторяю приветствие Навутана и прощаюсь с вами до следующего совпадения в Кайросе финальной битвы. Милость и честь, Кровь Тарсиса! - пожелал нам Владыка Венеры, подняв правую руку для выражения Баламудры.

-Приветствую вас, капитан Киев! ответили мы, также практикуя

Бала-мудру, которая всегда была тайным приветствием Дома Тарсис.

Шестьдесят второй день

Туман рассеялся, и мы вновь оказались перед Мениром Тарсийским. Мы оба смотрели друг на друга с вопросительными знаками на лицах, понимая, что перед нами стоит одна и та же дилемма: кто откликнется на приказ доставить Мудрый Меч в Долину Кордовы, а кто возьмет на себя самоубийственную миссию отвлечения врага? Для меня вопрос был ясен: я буду отвечать за тактику отвлечения. Но я предполагал, и предполагал хорошо, что Нойо воспротивится этому решению: он, сказал он мне, лучше всех способен оказать Врагу самое сильное сопротивление; он никогда не сдастся. Я должен идти с Мудрым Мечом, пока он отвлекает внимание Врага на себя.

Мне с трудом удалось убедить вас, доктор Зиангель, что мой план стратегически лучше. И это было так, потому что он был направлен не только на обеспечение Мудрого Меча, но и предусматривал весьма вероятную возможность того, что Владыке Абсолютного Наставления и его Ордену Мудрых Строителей также потребуются поддержка гиперборейской мудрости Дома Тарсиса, особенно ценный опыт, накопленный за тысячелетия борьбы с Силами Материи: Кто лучше Лордов Тарсиса знал о синархическом заговоре Голенов, ныне утверждаемом во всех христианских церквях, и об их образе действий? И о Берах и Бирсах, кто имеет больше прав, чем Владыки Тарсиса, чтобы открыть приговоры об их уничтожении? Согласно моему мнению, которое в конце концов возобладавало, именно Нойо обнаружит Тайную пещеру и поселится в ней в качестве Нойо Камня Венеры, храня его до того дня, когда гиперборейский понтифик построит метафизический мост, и Нойо из его Ордена Строителей перебросит его через него, чтобы соединиться с Освобождающими Богами.

Договорившись о том, кто какую роль будет играть, мы приступили к разработке стратегии, которая позволит нам выполнить приказ богов. Идеальной стратегией, по нашему мнению, было бы создание хаотической обстановки вокруг Чакра-де-Тафи, порождающей логически непредсказуемые ситуации, которые благоприятствовали бы нашей операции. Таким образом, в разгар ситуации, имеющей высокую стратегическую ценность для нас, но совершенно чуждой для подобных целей любому наблюдателю за пределами Дома Тарсиса, Нойо застигнет нас врасплох с помощью Мудрого Меча и проберется в Тайную пещеру. Одновременно я двинулся бы в противоположном направлении, якобы для того, чтобы отвлечь Врага. Меня быстро обнаружат, но риск был просчитан: главное - выиграть время, чтобы **продержаться** достаточно долго, чтобы Нойо успел добраться до Долины Кордовы. Руководствуясь этими целями, мы детально подготовили каждый этап предприятия.

Восемнадцать месяцев спустя, в апреле 1977 года, у нас было все необходимое, и мы оттачивали последние шаги. У нас были две седельные сумки с неопределенными камнями, **lapis oppositionis**, готовые к отработке стратегического противостояния. И все было готово для создания атмосферы хаоса, которой требовали обстоятельства. Это должно было быть достигнуто при невольном сотрудничестве армии. Позвольте мне

лучше объяснить: чтобы систематизировать борьбу с партизанами, армия разделила страну на шесть зон; в зону III входили провинции Кордова, Ла-Риоха, Катamarca, Сальта, Жужуй, Сантьяго-дель-Эстero и Тукуман; в Тукумане подзона 113 охватывала район нашей Чакры и

Под его командованием находился капитан Диего Фернандес, верный товарищ моего сына. Вместе с ним Нойо удалось организовать гигантский рейд и осаду в подзоне Тафи-дель-Валье в середине апреля 1977 года: целью операции было уничтожение колонны **E.R.P.**, Народно-революционной армии, которая действовала в подзоне при поддержке некоторых жителей деревни, принадлежащих к **P.R.T.**, Революционной партии трудящихся (*Partido Revolucionario de los Trabajadores*). В эту **черную** для коммунистов **ночь** армия получит несколько часов **свободной зоны**, в течение которых будет прервано электроснабжение, а ее командос будут развернуты по всему городу Тафи-дель-Валье и близлежащим деревням, чтобы захватить диверсантов. Они будут преследовать верные цели - настоящих диверсантов и нерегулярных комбатантов, большинство из которых были выявлены Нойо. Именно поэтому Нойо попросил в качестве тактического прикрытия совершить налет на наш дом и смоделировать его арест: "Это отбросит подозрения от врага", - утверждал он. Когда все было готово к действию, было решено, что Диего Фернандес сам займется своим фальшивым захватом, чтобы избежать любых недоразумений и путаницы, которые могли бы возникнуть, если бы в дело вмешались другие военные, и таким образом обеспечить его немедленную свободу. Нойо воспользуется этой свободой, чтобы исчезнуть "на время".

Естественно, ничего этого не произойдет, так как Нойо уйдет с мечом.

Он знал, что никогда не вернется в Тафи-дель-Валье; но его армейские товарищи этого не знали. В соответствии с особой репрессивной методикой, применяемой вооруженными силами в борьбе с диверсантами, они никогда не использовали ордера на обыск и даже не обращались в суд во время ночных рейдов, подобных тому, что они провели в Тафи-дель-Валье: подозреваемых просто похищали, и отныне они попадали в еще более подозрительную категорию "**исчезнувших**". Так, на следующий день после рейда Нойо был внесен в список "200 исчезнувших в Тафи-дель-Валье". Чтобы начать играть свою роль, я вместе с другими родственниками исчезнувших обратился в суд и подал бесполезное заявление **habeas corpus**. Как это уже стало привычным, в судебном разбирательстве было отказано, поскольку судьи либо разделяли официальную методологию, либо боялись, что и они пополнят роковой список исчезнувших. Так и случилось, что в отсутствие вразумительного официального ответа о местонахождении моего сына я начал действовать самостоятельно, сначала очень медленно и незаметно, но затем, с помощью **стратегического противодействия**, все быстрее, пока не исчез совсем.

К отчаянию врага, который вскоре вышел на мой след, я полностью исчезал в определенном месте и появлялся, словно по волшебству, иногда в очень отдаленных местах. Я продвигался вперед и повторял свои шаги, постоянно приводя в замешательство тех, кто наблюдал за мной; иногда я оказывался в Жужуе, иногда в Тафи-дель-Валье, затем в Боливию, а потом снова в Тукумане, в считанные часы, если время имеет значение в той магической войне, которую я вел. Кроме того, Враг не мог определить мир, в котором я постоянно находился: если он, например, наткнулся на **lapis oppositionis**, могло случиться так, что, пройдя по предполагаемому пути, он обнаруживал Тафи-дель-Валье, в котором семья Вилька никогда не жила; или Белисена Вилька, которая никогда не выходила замуж и не имела детей;

или мир, в котором борьба не велась.

антиподрывной; и т. д. Но, тем не менее, я позволил бы снова обнаружить себя, чтобы все сильнее и сильнее притягивать к себе Врага и добиться желаемого эффекта отвлечения внимания. Тем временем Нойо спокойно продвигался к долине Кордовы.

Во время одного из неожиданных возвращений в Тукуман Сегундо, индейский потомок из Пуэбло-де-ла-Луна, который служит у нас стюардом в "Чакре", сообщил мне, что капитан Диего Фернандес хотел бы связаться со мной перед тем, как покинуть Зону III, так как он получил новое задание. Я позвонил ему в полк, и мы договорились встретиться в парке у плотины Эль-Кадильяль. Там состоялся следующий диалог:

Доброе утро, мадам, - сказал капитан.

-Так точно, - лаконично ответил я.

-Вы и ваш сын, мой добрый товарищ Нойо, очень беспокоите меня, госпожа Белисена. Вы должны сказать мне, где он. Или предупредите его, чтобы он немедленно связался с нами. За прошедшие годы все сильно изменилось, и необходимо, чтобы он был в курсе событий.

Я пожал плечами в ожидании ответа, готовый ничего не отрицать и не подтверждать, но внимательный к той информации, которую мог получить от офицера: я тоже был "на операции", выполняя крайне опасный маневр Суцностной войны, которая и не слылась солдату; и дисциплина этой войны требовала недоверия ко всем и всему, даже к товарищу моего сына: все непосвященные люди могли быть преданы своей Душой, одержать психическую победу и превратиться в орудие Демииурга Иеговы-Сатаны. Я не мог идти на ненужный риск. Однако, доктор Зигнагель, видя ситуацию со стороны, я могу сегодня заверить вас, что капитан Диего Фернандес был искренен в своих словах и что Нойо не ошибся, доверившись ему.

Убедившись, что я ничего не говорю, капитан энергично продолжил:

-Вам следует придать больше значения моим словам, госпожа Белисена. Полагаю, вам известно, что исчезновение вашего сына было смоделировано: я возглавлял оперативную группу, которая совершила налет на его ферму и взяла его под стражу; и именно я позволил ему скрыться через несколько часов. Он был одним из наших секретных агентов, а также офицером армии в отставке, и это дело было хорошо задокументировано в разведке: есть мой доклад командиру G-2 о том, что произошло той ночью, и, кроме того, есть документы, предшествовавшие операции, где говорится, что Нойо был одним из наших. Исчезновение было необходимо для тактического прикрытия его позиции, но не было причин преувеличивать ситуацию, неоправданно затаивая его отсутствие. Госпожа Белисена: он давно должен был вернуться или связаться с нами; не стану скрывать от вас, что сейчас его положение невероятно осложнилось. Вы сами, госпожа Белисена, подвергаете себя смертельной опасности своим удивительным решением **начать личные поиски пропавшего сына!** Неужели вы не понимаете, что таким отношением ставите себя на сторону диверсантов, что на вас могут открыто указать как на таковую?

Увидев неизменное выражение моего лица, капитан вздохнул и продолжил свои предупреждения:

-Не думайте, что все знают о судьбе вашего сына в ту ночь. Правда

известна только группе офицеров разведки. Но они не

Вы не говорили и не можете говорить, потому что, сделав это, вы подвергнете Нойо верной смерти от рук подрывных организаций, ведь даже в нашу разведывательную службу они проникли. Но вы своими нелепыми действиями попали в поле зрения других разведывательных служб, и за вами следят даже сотрудники наших собственных сил, не знающие истинных фактов. А теперь посмотрите, что это за дьявольский заговор. Теперь посмотрите, какой дьявольский заговор был создан: если мы будем молчать, чтобы защитить Нойо, нашего товарища, мы рискуем жизнью его матери, потому что, если путаница продолжится, никто не знает, какие действия могут предпринять другие оперативные группы, осуществляющие репрессии на Севере; если же мы выступим открыто, мы спасем его мать, но опасно раскроем роль Нойо, что потребует, в конце концов, настоящего исчезновения, чтобы восстановить утраченную безопасность, возможно, постоянной смены личности или длительного проживания в другой стране. Мы хотим знать, что делать, потому что, что бы мы ни делали, мы должны сделать это в ближайшее время, срочно, как я уже говорил вам, потому что ситуация изменилась неблагоприятно для тех из нас, кто исповедует национал-социалистическую идеологию, включая, конечно, товарища Нойо.

Да, - ответил я капитану. Его красноречие позволило мне оценить ситуацию с другой точки зрения, и я понял, что для нашей стратегии будет катастрофой, если товарищи Нойо прояснят ситуацию и расскажут, что произошло в ночь его исчезновения. Я неизменно утверждал при каждом удобном случае и перед каждой аудиторией, что мой сын Нойо **"был убит силами репрессий"**: враг не мог ни доказать это с уверенностью, ни опровергнуть, потому что в те дни были тысячи подобных случаев, когда люди исчезали бесследно, как Нойо. Но камень Венеры сдвинулся с места, как это заметили Боги-Предатели, и одновременно началось мое неустойчивое движение в различных мирах Северной Аргентины и других стран Южной Америки: и это могло быть только стратегией против планов Белого Братства, стратегией, которой Демоны надеялись противодействовать уже четыреста лет. До сих пор они верили в это, поскольку совершенно не подозревали о маневре Нойо. Однако все рухнет, если военные прояснят дело и Враг узнает, что произошло после похищения: не прекращая моего преследования, они перенаправят свои поиски на Нойо и поставят под угрозу стратегическую цель своей миссии. Я должен был не допустить разговора с военными. Скорее, я должен был выиграть время, потому что из слов капитана следовало, что срочность вызвана переменами, которые сделают невозможными любые разъяснения. Это, несомненно, будут политические изменения, объявленные капитаном Киевом, которые ввергнут страну в экономический и моральный крах и отдадут ее связанной и с кляпом во рту в руки Международной синархии.

Пытаясь развеять беспокойство капитана по поводу моей судьбы или Состояние Нойо, - ответил я, внезапно став любопытным:

-У вас беспочвенные опасения по поводу того, что может случиться со мной или с будущим Нойо, - сказал я. Я, конечно, преувеличивал свою роль, теперь мне это ясно, - сказал я, - и я обещаю вам, что с сегодняшнего дня я перестану ее играть. Что касается Нойо, то уверяю вас, что с ним все в порядке, хотя я не знаю его местонахождения. Он связывается со мной

через секретный почтовый ящик, и я не замедлю немедленно написать ему обо всем, что вы мне рассказали: нам придется немного подождать,

Но я убежден, что, зная о срочной необходимости, она появится не скоро. Поэтому я бы предложил вам не вносить никаких новшеств в сложившуюся ситуацию и дожидаться результатов этих мер. Однако мне хотелось бы знать что-то конкретное о неблагоприятных для нашего дела изменениях, о которых вы мне упомянули, чтобы я мог обосновать Нойо важность этого призыва.

-Я вижу, что вы разумны, госпожа Белисена, - обнадежил капитан, - и поэтому я предоставляю вам информацию, которую вы просите. Вопрос очень прост: националистические и патриотические силы, мобилизовавшиеся для защиты нации, были преданы на самом верху правительства. Высшее руководство вооруженных сил заключило договор со скрытыми организациями, поддерживающими Мировое правительство, и решило отдать страну на финансовое разграбление, которое разрушит экономические основы общества. Пока разрабатывался и осуществлялся этот зловещий план, единственные национальные силы, способные отреагировать на него, были отвлечены на бесплодную борьбу с повстанческими организациями, настоящие лидеры которых никогда не показывали своих лиц. Это привело лишь к дискредитации вооруженных сил и нейтрализации их будущей реакции. Мы победили в военном отношении, но нас ждет неминуемое поражение на политической арене, поскольку экономические проблемы, которые возникнут в результате монетаристской и синархической политики, разрабатываемой правительством, заставят общество забыть о благородной цели нашей борьбы и обвинить нас в наступающем несчастье, которое будет одерживать их, поскольку оно ежедневно будет касаться их карманов и желудков". -Капитан Фернандес был явно вдохновлен и временами напоминал мне слова капитана Киева. Сейчас был конец 1979 года, всего два года после его появления в Кромлехе в Тафи-дель-Валье, и не только его заявления выполнялись в точности, но и находились просвещенные умы, способные понять реальность и раскрыть планы Врага.

Но это еще не все, - продолжал капитан Фернандес. Самое серьезное - это что после окончания антиподрывной борьбы в военной области, единственной области, в которую нам было разрешено вмешиваться, правительство считает, что националистические группы в вооруженных силах представляют потенциальную опасность для планов синархистов, и постановило их неприемлемое уничтожение. И это наступление уже началось с идеологического отбора лучших специалистов по борьбе с подрывной деятельностью в Интеллидженс Сервис, их изоляции с целью настоящей и будущей чистки, и даже их убийства, осуществляемого специально вызванными для этой цели с о т р у д н и к а м и иностранных секретных служб. Так, постепенно, в Интеллидженс Сервис возникли синархические группы, персонал которых обучен или непосредственно находится на службе у агентов Израиля (Моссад или Шин Бет); США (С.І.А. или F.B.I.); Англии (MI-5, MI-6, I.S.); Советского Союза (К.Г.Б., Г.Р.У.) и т.д. И именно эти организации преследуют вас, госпожа Белисена. Поэтому необходимо срочно прояснить ситуацию, пока это еще возможно, так как есть вероятность, что в скором времени наши товарищи будут полностью нейтрализованы и выведены из активной работы, а затем злобно проданы тем же самым подрывным силам, против которых мы боролись в течение

многих лет. Мы считаем, что правительство планирует передать власть социал-демократическим или социалистическим политикам, которые позволят левым получить достаточно свободы и власти, чтобы уничтожить моральные резервы нации, которые были особенно сосредоточены в вооруженных силах. Однако эти люди, которые в душе являются сепаями на службе у

Синархия, они будут поддерживать либеральную монетаристскую экономическую политику, которая приведет нацию к моральной зависимости и социальному распаду. Мои оставшиеся товарищи находятся в таком же положении, как и я, которых без объяснения причин отстранили от антикоммунистической борьбы с явным намерением через некоторое время отправить на пенсию, а то и хуже. Поэтому необходимо действовать сейчас или рисковать тем, что ситуация с Нойо никогда не прояснится, или тем, что вы можете подвергнуться нападению одной из новых разведывательных групп, которые уже действуют совершенно безнаказанно и отвратительно бесчестно, и которые обычно преследуют и казнят людей с националистическим прошлым, а не известных агентов марксистской подрывной деятельности. Надеюсь, что я ясно выразился, госпожа Белисена, и что вам удастся установить скорейший контакт с товарищем Нойо, от которого нам также требуется в этот ключевой момент ваш ценный стратегический совет.

Вы выразились предельно ясно, капитан Фернандес, - заверил я его, - и будьте уверены, я дословно передам ваши слова моему сыну Нойо, который, я думаю, не замедлит явиться к вам.

Так закончился разговор с капитаном Диего Фернандесом, который ушел, готовый ждать и заставлять своих товарищей ждать любого возможного заявления об **исчезновении Тафи-дель-Валье**.

Остальная часть истории вам уже известна, доктор Зигнагель. Я, далеко не выполнив обещание, данное капитану Диего Фернандесу, продолжал совершать стратегические перемещения в Северной Аргентине, Боливии и Перу. Я неоднократно проходил по маршруту Лито-де-Тарсис и Атомурунас, сознавая, что это еще больше пробудит интерес босого братства и утвердит его в уверенности, что именно оно является носителем Мудрого Меча. Именно поэтому я отправился по дороге в Татаингу в Жужуе и побывал в окрестностях Серро-Калибура. Дважды я даже спускался в Великую долину и смотрел на Экстернстейн, не решаясь, однако, пройти через Врунические ворота. Во время одной из таких экскурсий я попал в ловушку Голена и проглотил яд, который ослабил мою волю и не позволил мне дальше развивать Стратегию. Меня быстро схватил отряд "Шин Бет", состоящий из раввинов-инициатов Высшей Кабалы, священников, которые видели Сефер-Ичех в Израиле и знали все о Холокосте Огня. Они, как и предполагал капитан Фернандес, принадлежали к параллельной разведывательной службе, которая имела своих сотрудников в армии, флоте, ВВС, федеральной полиции, секретариате государственной безопасности, м и н и с т е р с т в е обороны и т. д. Ее мобилизационные возможности были тогда абсолютными.

На мгновение я обнаружил, что отдыхаю в жалком Деревня Калыпампа, которая находится напротив Национального парка Калыпампа, рядом с холмом Калыбур. Там мне дали наркотик, размешанный в горшке с патокой из сахарного тростника, которой они предлагали подсластить кофе. Эффект, который он мгновенно произвел на мое тело Гиперборейского Инициата, был неописуем, и вряд ли вы сможете даже представить его, поскольку не знаете, как ведет себя разум, способный обладать сознанием в нескольких мирах одновременно. Самое большее, что я скажу вам, - это то, что наркотик, совершенная форма архетипического

меда пчел, произвел ускоренный процесс укрепления души, грозное вливание энергии в инстинктивную волю Души, которая у гиперборейских Инициатов обычно доминирует над непреодолимой волей Несозданного Духа. И эта внезапная эволюция Души привела к деградации крови, к ослаблению Символа Истока, присутствующего в крови.

Чистое, и как актуализация физического тела, которое, таким образом, потеряло способность двигаться независимо от времени и синхронизировало все свои биологические часы со временем этого мира. Таким образом, я был пленником культурного контекста, подчиненным реальности этого маленького городка в Жужуе. Естественно, я все равно попытался бежать: *lapis oppositiois* больше не были мне полезны, поскольку я потерял внешнюю ориентацию на Исток, и практиковать стратегическое противостояние стало невозможно. Но далеко уйти мне не удалось. Не успел я покинуть провинцию, как уже оказался в руках агентов "Шин Бет". Они отвезли меня во францисканский монастырь Нуэстра-Сеньора-дель-Милагро в Сальвадоре-де-Жужуй, где большинство священников, похоже, подчинялись их приказам. В мрачном подземелье колониальной эпохи меня подвергли изощренному допросу, во время которого мне вводили различные виды наркотиков. Вопросы были немногочисленны и точны, всегда одни и те же: где находится Чужой камень? Что случилось с моим сыном Нойо? Куда я направляюсь? Каковы были мои приказы, был ли у меня земной контакт, Инициатор, чтобы участвовать в операции, или я действовал сам по себе?

Короче говоря, доктор Зигнагель, я думаю, что в итоге признался почти во всем, не выдержав действия наркотиков, которые не позволяли мне даже изобразить Знак Смерти, так что в другой раз я мог бы перевоплотиться прямо там. В любом случае Нойо уже был в безопасности в Тайной пещере: я давно знал об этом и получал подтверждающие знаки от Богов. Я падал, но Стратегия торжествовала: приказ Военачальника был безукоризненно выполнен, и ничто со стороны Дома Тарсиса не могло помешать Финальной битве! Оставалось только, чтобы гиперборейский понтифик, Владыка Абсолютного Наставления и его Орден Мудрых Строителей нашли Мудрый Меч, а это было уже не в нашей власти.

Как вы понимаете, эти размышления относятся к настоящему времени. В тот страшный момент, когда моя воля была бессильна контролировать свой язык, меня охватило невыразимое страдание: меня унижали в моем достоинстве Гиперборейского Инициата, и я ощущал как предательство, как непростительное отсутствие чести то невольное признание, которое вырывали у меня. Хотя возможность такого исхода уже рассматривалась нами. Но в тот момент я хотел только умереть, хотя проклятые раввины хотели лишь сохранить мне жизнь: меня почти не пытали физически, ибо все их действия были сосредоточены на том, чтобы согнуть и разрушить мою психическую структуру. Они не собирались меня убивать, и это они мне ясно сказали, потому что мое тело было неприкосновенным, как тело Рудольфа Гесса. Да, доктор Зигнагель: я был зарезервирован для ритуального жертвоприношения, которое должны были совершить Бера и Бирса лично.

Шестьдесят третий день

Вы можете спросить, доктор Зигнагель, как получилось, что мои похитители отправили меня в больницу доктора Патрона Исла в городе

Сальта? Ответ, к сожалению, прост, и его не так уж сложно представить. Инфернальные агенты, знавшие секрет воздействия своих наркотиков на человеческий организм, понимали, что бежать от к у д а б ы т о н и б ы л о мне не удастся: воля к сопротивлению была

Я был полностью истощен и, как я уже сказал, полностью потерял **внешнюю ориентацию**. Я не мог сдвинуться с места, это было ясно для них. Но тогда я решил умереть.

Я объясню это лучше: хотя они сломали мою волю, чтобы освободить меня **внешне**, я с каждым мгновением обнаруживал, что мои **внутренние** духовные способности остаются нетронутыми. Воля моего Духа, доктор, не была нарушена в узкой области сознания. Они могли разрушить часть психической структуры, но ущерб мог быть нанесен только в области Души или физического мозга, то есть в чисто материальной сфере. Конечно, Они не могли знать, что именно произошло с Вечным Духом, поскольку Инициаты Белого Братства не обладают способностью воспринимать Несозданных Существ; но Они считали триумфом Своих техник промывания мозгов то, что **духовные проявления** больше не существовали. В частности, они обращались к "Я", **проявлению Духа**, как к пилоту-индикатору состояния заключенного: если лечение заканчивалось распадом "Я", это означало, что необратимый процесс не позволит вновь обрести духовную цепь. Даже если Символ происхождения все еще присутствовал в Чистой крови, разрушение психической структуры делало невозможной повторную концентрацию "я" в сфере сознания. Но в моем случае этого не произошло. Как вы понимаете, они надеялись, что прием психопрепаратов приведет к состоянию острой шизофрении, и эта надежда в моем случае подкреплялась признаниями, которые им удалось из меня вытянуть. Но на самом деле все, чего им удалось добиться на допросе, было не добровольным и не невольным, а механическим: их наркотики действовали на сознательный субъект Души, а не на Я, и заставляли его вываливать содержимое грозной расовой памяти Лордов Тарсиса, свойственное биологической специализации моей семьи, с которой равнины, видимо, не привыкли иметь дело. Таким образом, они считали, что мое Я фрагментировано или распалось и что состояние стабильного духовного сознания никогда больше не возникнет: исповедь продемонстрировала для них необратимый разрыв духовной воли.

Но это признание было лишь глупым предательством души, чей предмет

читать содержание психических воспоминаний. В глубинной сфере воля моего Я все время сопротивлялась нарушению, не в силах помешать механической экстернализации мнемического содержимого: воспоминания, сохранившиеся в памяти о самой Стратегии и ее исполнении, всплыли наружу, к радости равнинов. Они узнали о том, что случилось с Нойю, и тут же отправились в обратный путь, предполагая оставить после себя человеческие останки. Однако стало ясно, что, как всегда, покончить с Владыками Тарсиса им будет не так-то просто.

Что же произошло? Ну, я смог понять ожидаемые последствия промывки мозгов и с большой убедительностью симулировал шизофреническое безумие, которое они предвидели. Наконец, убедившись, что мое безумие безнадежно, они решили эвакуировать меня из скомпрометированного францисканского монастыря и временно, до прибытия Беры и Бирсы, поместить в нейропсихиатрическую больницу. Для этого они должны были "легализовать" меня, то есть предоставить мне юридический **статус** политического заключенного, чтобы добиться бюрократического урегулирования в больнице и предотвратить

дальнейшее расследование. Для начала они вызвали некоего "полковника Виктора".

Перес", еврейский военный, работавший в "Шин Бет". Он взял на себя ведение дела и составил досье, полное фальши, в котором записал якобы подрывную деятельность моего сына Нойо, поддержку, которую я оказывал ему, и организацию, в которой он состоял боевиком. Он подделал описание обстоятельств ареста, допросов и содержания признаний, добился от военного врача диагноза "невменяемость", а от судьи - постановления об интернировании в психоневрологическую больницу имени доктора Хавьера Патрона Исла. Так я попал сюда, к доктору Артуро Зигнагелю. Но тогда я уже решил умереть.

Да, дорогой доктор, в те дни моим единственным желанием было умереть с честью, совершить самоубийство до того, как попасть в роковые лапы Бера и Бирсы, лишить Проклятых Бессмертных удовольствия отомстить, исполнить приговор об уничтожении, который они пытались привести в исполнение с эпохи иберийских королей. Мне требовалось лишь минимальное физическое восстановление и небольшое пренебрежение медицинской бдительностью, чтобы во что бы то ни стало лишиться себя жизни. Несомненно, доктор, это можно было сделать без особых проблем за все то время, что я находился в больнице. Бежать без посторонней помощи было уже невозможно, и в любом случае миссия была выполнена: Нойо хранил Мудрый меч в Тайной пещере Кордовы, и даже если бы я не смог найти его, даже если бы захотел, приказ Военачальника был выполнен, а это главное. Так что смерть была лишь коротким промежутком до финальной битвы: я отправлюсь астральным путем в К'Таагар и вскоре вернусь, чтобы свести счеты с Врагом Вечного Духа. А тем временем я уйду от последней погони Бера и Бирсы. Именно об этом я думал, когда прибыл сюда, доктор Зигнагель.

Однако **что-то заставило меня передумать, как только я приехал, и именно поэтому, продолжая притворяться безумным, я начал писать это длинное письмо.** Чтобы было понятно, "что-то", на что я променял свои суицидальные намерения, - **это вы, доктор Зигнагель.** Действительно, как только я увидел вас, я понял, что вы в высокой степени проявили Символ Происхождения; но я также понял, что вы не осознаете этого, что вы не знаете даже мельчайших деталей Гиперборейской Мудрости: **вы - Человек Чистой Крови, доктор Зигнагель. Но память о Крови заблокирована вашей Душой. Вы не знаете о существовании своего Вечного Духа и не знаете, как сориентироваться в Истоке. Вы страдаете от метафизической амнезии, которая является продуктом Темного века, в котором мы сейчас живем, характерна для зачарованности, с которой Силы Материи ввергают человека в Великий Обман, характерна для духовного упадка человека и его тяги к материалистической культуре: к о р о ч е г о в о р я, вы, доктор Зигнагель, спящий человек. Но вы - Человек. Существо, наделенное несотворенным Духом, который может пробудиться.** Ваше присутствие здесь, в этой мрачной больнице, я воспринял как знак Богов, как послание от Повелителя войны и капитана Киева, возможно, как откровение от Понтифика, Владыки Абсолютного Руководства. Когда я увидел его, доктор, я понял, что имел в виду капитан Киев, когда объявил, что **"спящие люди восстановят древнюю связь с Богами"**: такие спящие люди, без сомнения, похожи на

вас. У них есть все это в Чистой Крови, но в потенциальной форме: им требуется только Гиперборейское посвящение, чтобы эта расовая потенция развилась и вышла на поверхность сознания. А Гиперборейское посвящение, доктор Зигнагель, в настоящее время способно лишь на то, чтобы

В этой части мира его дарует Понтифекс Максимус Ордена Одина, Владыка Абсолютного Наставления, или Мудрые Строители, которые ему вторят. Именно для того, чтобы донести до вас эту истину, я изменил свое решение умереть добровольно. Вы должны помнить, доктор Зигнагель, об этической точке зрения Владык Тарсиса: для стратегии духовного освобождения Богов, преданных Духу Человека, гораздо больше чести для Меня попытаться пробудить вас, чем самоубийство, чтобы избежать позорной расправы Бессмертных Демонов. Разве это наказание, возможность такого ужасного конца не были предусмотрены с самого начала в стратегии, предложенной капитаном Киевом?

Да, я решил разбудить его или хотя бы попытаться, но как? Не с помощью разговора с вами, ведь профессиональные предрассудки не позволили бы вам поверить словам душевнобольного человека. Возможно, написав нашу историю в письме, подобном нынешнему, но от меня не ускользнуло, что я окажусь в такой ситуации: ваше неверие тоже было бы неизбежно. Тем не менее есть вероятность, что конкретный факт, чуждый мне, но достаточно действенный, сделает историю Дома Тарсис осознанной: **и этим фактом может быть не что иное, как моя собственная смерть от рук Бессмертных Бера и Бирса.** Иными словами, я должен заставить демонов Голена оставить достаточно следов своей огромной силы, чтобы убедить вас в том, что в какой-то степени история, рассказанная в письме, правдива; и я должен передать письмо в ваши руки после своей смерти. Именно это я и попытаюсь сделать, доктор Зигнагель. На данный момент я уже закончил письмо и некоторое время назад приступил к осуществлению стратегии, которая, как я полагаю, даст ожидаемые результаты: с помощью последних остатков моей **люциферической милостивой воли** я попытался телепатически обратиться к Чанг Шамбале, к членам Ордена Мельхиседека и **бросил вызов бессмертным демонам.** Я бросил им вызов от имени Дома Тарсиса, что является величайшим оскорблением их адской гордыни, и теперь я не без страха ожидаю ответа Беры и Бирсы. **Я уже чувствую, как они, доктор Артур Зигнагель, продвигаются между Мирами Иллюзий, приближаясь со слепой ненавистью к моей скромной келье, спасая Пространство и Время, смещая Реальность, Пачачуткый, Пачачуткый.**

Шестьдесят четвертый день

Это будет мой последний день жизни, доктор Зигнагель, я в этом уверен. Через несколько часов я передам это письмо подкупленной мной медсестре, чтобы она доставила его вам после моей смерти. У меня осталось время, чтобы попросить вас о последней услуге, о которой я говорил вам в первый день, и дать вам несколько рекомендаций.

Прежде всего, я хотел бы попросить вас, доктор, попытаться найти моего сына Нойо. Я знаю, что после того, что вы прочитали в этом письме о Гиперборейской Мудрости, о методах стратегического противостояния

Литийской Мудрости и о характере миссии, которую взял на себя Нойо, вы сочтете почти невозможным выполнить эту просьбу. Однако я не требую, чтобы вы пошли по его стопам - это было бы безумием, - но умоляю вас обратиться к Ордену Мудрых Строителей Владыки Абсолютного Наставления: они направят вас в нужное русло. Они также даруют вам Гиперборейское посвящение, они пробудят вас, и они

будут включены в "Стратегию финальной битвы". И, делаю скидку, они будут очень благодарны вам за то, что вы ознакомили их с этим письмом. Если я не ошибся в вас, если ваша кровь чиста и вы чувствуете ностальгию по истокам, я знаю, что вы без колебаний выполните мое последнее желание.

Во-вторых, если вы однажды встретите моего сына, я хочу, чтобы вы рассказали ему последнюю часть этой истории, чтобы он знал, что я умер, уверенный в торжестве Дела Духа, что я ясно видел конец истории и неизбежность Последней Битвы. Не думайте, что я требую этого из сентиментальности, из глупого желания успокоить сына: я пытался освободить вас всеми доступными мне средствами, и, если вы откликнетесь и пробудитесь, вы, во всяком случае, придете к Хранителю Мудрого Меча Нойо. Тогда, в знак особой милости, в память о Белисене Вильке, открывшей тебе Путь, он передаст тебе мое послание. **Я прекрасно знаю, как должна вести себя мать Мудрого Воина. Гиперборейская мать - всегда Дочь Великой Матери Амы и потому не может быть рабыней Матери, Матери-Земли, Шакти, Бины, то есть не может поддаться слепому и безответственному материнскому инстинкту. О Чистая Мать Ама, Дева Агарты, я услышал твой Голос!**

**"Мои дети",
Каменные люди -
мудрые воины,
И ничто не должно утихомирить его ярость.
Уничтожены будут
Недостойные духа.
Трус, предатель,
И проклята Матрица, которая их выковала.
Мое каменное семя
разжигает холодный
огонь в сердце.
Полный гнева,
полный мужества,
Воины А-Морта
маршируют к
финальной битве. И
Мать Духа,
и матери скорби, выражают
милость и радость, если
умирают с честью".**

Так говорит твой Голос, Ревнивая Мать-Магиня, и я не стану противоречить тебе. Мой сын - Воин Твой, и его Судьба - Воля Твоя. Я ничуть не умаляю его мужества, посылая последний привет с гиперборейским лекарем, ибо если он доберется до Нойо, то тоже станет мудрым Воином.

А теперь перейдем к рекомендациям: Доктор Зигнагель, я не могу не предупредить вас, что охраняемая нами "Смертельная тайна" таит в себе

страшную опасность, распространяющуюся на всех, кто вмешивается в ее защиту. Полагаю, вы не знаете, с чего начать поиски. Ну, для начала отправляйтесь в Тафи-дель

Валье, на старую семейную ферму; там живет Сегундо, индеец, который часто навещал меня и который расскажет вам много практических вещей, хотя и не так много, как вам хотелось бы. Он даст вам немного золота Инги, которое еще осталось, чтобы покрыть все возможные расходы, но вы должны быть очень осторожны при его уменьшении. Обращение с золотом всегда опасно!

*Помните, что, начав движение, подобное тому, которое вы собираетесь предпринять, я был обнаружен демонами Белого братства и с помощью их проклятой науки впал в безумие, с которым вы меня знали. Я смог выйти из этого состояния галлюцинаций только благодаря остаткам моей люциферической милости, как я уже говорил, и успокаивающей помощи растения **айю-хуаска**, которое принес мне Сегундо. Но прозрение длилось всего несколько часов, которыми я воспользовался, чтобы написать это письмо, поскольку это не было абсолютно эффективным противоядием. Наркотик демонов позволяет вводить их в гипноз на расстоянии, но лоза **айю-хуаска**, или **каапи**, содержит алкалоид, который на время вывел меня из-под их контроля: так я смог завершить настоящую рукопись и бросить им вызов в их адских обителях, и именно поэтому они не замедлят прийти, чтобы казнить меня.*

Прощайте, доктор Зигнагель. Я хотел бы, чтобы вы прочитали это письмо глазами Духа. Я желаю вам всего наилучшего, независимо от того, выполните вы мою просьбу или нет, поверите ли вы в то, о чем я здесь рассказываю. Если ты решишь угодить мне, это будет означать, что ты кшатрий, и тогда мы снова встретимся в Валгалле или во время Последней Битвы. Пусть Навутан ведет тебя, а Фрайя - меня.

Всегда ваша, Белисена Вилька.

КНИГА ТРЕТЬЯ

"В поисках дяди Курта

Глава I

Воображение читателя может разгуляться. Вы никогда не сможете представить себе те эмоции и то состояние полного расстройства, в которое повергло меня чтение письма Белисены Вильки. Это было очень странно для меня; читая, я испытывала множество настроений. Так, от первоначального скептицизма я перешел к удивлению, от него к изумлению, от него к любопытству, а затем к тысяче других ощущений. Наконец, примитивный и глупый энтузиазм овладел мной, и, вместо того чтобы отвергнуть письмо как самозванство, что было логично и вполне оправданно, я поступил наоборот, тем самым предрешив свою судьбу: я решил отправиться в приключение!

Я только что закончил читать письмо и, почти не задумываясь, принял решение, но почему? Попробую объяснить. До того момента, как я прочитал письмо Белисены Вильки, моя жизнь была лишена идеалов. У меня было блестящее профессиональное будущее и все необходимое для комфорта; мне везло с женщинами, и хотя ни одной из них не удалось завоевать мое сердце, рано или поздно это должно было случиться. Все указывало на то, что моя жизнь пойдет по пути, ведущему к мирскому успеху. И все же что-то в этой схеме было не так, потому что я не был счастлив. Я обладал миром и материальным спокойствием, но много раз меня одолевала печаль; я чувствовал, что моему духу не хватает горизонта, к которому можно было бы устремиться, идеала, цели, возможно, достойной величайшей жертвы.

Вот почему я иногда с завистью созерцал Всеобщую историю, героические периоды, в которых мне хотелось бы жить: выбрать ту или иную сторону, последовать за тем или иным реформатором, совершить освободительную ересь или горячо погрузиться в тираническую догму. Жить, бороться, умереть, быть человеком! Но быть человеком - это не только думать; это "чувствовать" Дух. А Дух "чувствуется", когда жизнь ориентирована на поиск идеала; потому что идеалы не в этом мире, они иного порядка, того же самого, что и Дух, и сродни ему.

Это нелегко. Быть идеалистом требует большого мужества, ведь реальность, обманчивая и жестокая, таит в себе ловушку для наивного идеалиста и могилу для преданного идеалиста. Я видел, как идеалистический элемент моего поколения систематически уничтожался, а его идеалы назывались *"нигилистическими"*. Аргентинский адмирал, выдающий себя за образованного человека, Массера, сказал в своей речи: ***"Мы боремся против нигилистов, против иллюзий разрушения, целью которых является само разрушение, даже если они маскируются под социальных искупителей"***. Многие из убитых и исчезнувших не были таковыми, а были идеалистами, верившими в детский миф о "социальной революции" как о действенном средстве установления более справедливого порядка в мире. Именно потому, что они верили (были идеалистами), они не

видели дьявольской паутины интересов, в которую были вовлечены; именно потому, что они верили, некоторые из них были индоктринированы, вооружены и безрассудно пустились в авантюру той же самой синархической системой, которая впоследствии их подавила. И я имею в виду не только тех, кто взял в руки оружие,

который, возможно, заслуживал смерти за безгражданство, но во многих других случаях он пал, не зная запаха пороха; за то, что совершил "преступление" - полюбил идеалы, которые затрагивают какие-то интересы или привилегии.

Это не нигилизм; нигилизм - это безудержные репрессии, удушающая цензура, установленная посредственностью, официальная коррупция, цифровое промывание мозгов, короче говоря, непримиримая тирания, непристойно замаскированная под "демократические" или "либеральные" формулировки.

Триумф Системы - это стабильность порочного порядка вещей, общества, построенного на ростовщичестве и материализме, страны, нарисованной пером, чтобы быть вставленной в чужую геополитику, детально спланированную Международной синархией Великих Империализмов.

Что предлагает нам этот современный мир долларов и стали, что стоит наших жертв? Здесь - декадентская и кипрская культура; там - терроризм без величия; там - репрессивная и убийственная власть; там - трусливая и лживая церковь; зачем продолжать, если все воняет?

Таково было мое душевное состояние, когда я прочитал письмо Белисены Вильки, и поэтому моя реакция была мгновенной: я, ничтожный доктор Зигнагель, не более чем номер карточки, некто, затерявшийся в повседневной заурядности далекой Сальты: внезапно я призван для рискованной миссии, я призван Судьбой!

Кровь закипела в жилах, и на меня нахлынуло что-то вроде воспоминаний о былых сражениях. В своем письме Белисена спрашивал, может ли он быть кшатрием:

-Это уже было!

Помимо этого безответственного энтузиазма, в глубине души я почувствовал огромное изумление, как только попытался осмыслить содержание письма. Я не мог отрицать, что от всего этого исходила огромная первозданная сила, ореол древних, забытых истин, как будто Белисена Вилька не принадлежал к этой эпохе, или, скорее, как будто он был независим от времени.

Язык был языческим и жизненным; "фантастическим" было бы справедливым выражением, если бы не то, что убийство Белисены сделало это предчувствие невероятно реальным.

Где был этот "Знак происхождения", носителем которого я являюсь, ясно видимый Белисеной Вилькой и, по-видимому, представляющий определенное духовное состояние? Я прекрасно помнил, что написала Белисена на Второй день: "По правде говоря, то, что существует как божественное наследие Богов, является **Символом происхождения в Чистой крови: Знак происхождения, наблюдаемый в камне Венеры, был лишь отражением Символа происхождения, присутствующего в Чистой крови Царей-воинов, Сынов Богов, Полубожественных людей, которые, наряду с животным телом и материальной душой, обладали Вечным духом**". Если это правда, что я обладал Символом Истока в своей Чистой Крови, если я был духовным человеком, то у меня была бы возможность получить Высшую Мудрость Белых Атлантов, или я неправильно истолковал слова Белисенны? Ведь в тот Второй день она написала:

"Мудрость состоит в том, чтобы понять Змея со Знаком Происхождения". По словам Белисенны, Боги утверждали человека:

"Вы потеряли Исток и находитесь в плену у Змея: с помощью Знака Истока поймайте Змея, и вы снова станете свободными в Истоке! В свете этих концепций я рассуждал следующим образом: **если Знак Истока, "мой собственный знак Истока", был проявлен и воплощен где-то в моем теле, причем так, что его быстро различила Белисена Вилька, то это было то место, которое я должен был обнаружить и спроецировать в мир, на Змея, как это когда-то делали Гиперборейские Инициаты!** И вот я ощутил внутреннюю настоятельную потребность найти этот Знак и выполнить поручение Богов.

Но я также понимал, что мне не хватает многих эзотерических элементов Гиперборейской Мудрости. Однако если первый вопрос можно было оставить открытым, то второй, "который кипел в моей голове", о "доказательстве семьи", я вскоре изучу. Белисена Вилька, в самом деле, заверила меня в Четвертый день, что моей семье "суждено произвести архетипический *мед*, изысканный сок сладости". Я впервые услышал об этом, и мне предстояло по крайней мере попытаться проверить это у своих близких родственников.

Глава II

Прошло четыре дня с того момента, как мама передала мне портфель с письмом Белисены Вильки, и до того момента, когда я принял решение выполнить ее посмертную просьбу. Разумеется, я прочитал письмо в рекордно короткие сроки, учитывая его объем и глубину, оставаясь запертым в своей комнате и заставляя себя время от времени приносить какую-нибудь еду. Наконец, однажды вечером я тихо спустился с таинственным портфелем в руках и занял место среди своих, которые, как было принято в тот час, расположились на заднем дворе. Склонив голову, устремив взгляд в даль холмов, я долго молчал. За это время никто не прервал меня, привыкшего годами видеть, как я занимаюсь под сенью гигантского дуба. Только шелест ветра среди листьев, трели птиц и "ра-ра-ра" Канута, почесывающегося время от времени, сопровождали мою медитацию.

Я резко встал, отодвинув бетонное кресло из садового набора. Рядом с лапачо возле дома сидели мои родители: мама штопала носки моим племянникам, папа читал европейский еженедельник с двухнедельным опозданием, а кассета Анхелито Варгаса, перемотанная в десятый раз, окутывала нас всех песней "Tres esquinas".

-Папа, мама, - решительно сказал я, - были ли в ваших семьях предки или родственники, которые по традиции занимались ремеслом?

-Это был очень распространенный обычай в Европе, - задумчиво ответил папа, - ныне, к сожалению, забытый. В моей семье было много таких врачей, как ты, Артуро, и даже аптекарей, как мой отец, но это не было законом, потому что у нас были и хорошие фермеры, как я: **копыто, копыто, копыто**, - смеялся отец, радуясь своему остроумию.

С другой стороны, семья вашей матери, - продолжил он более спокойно, - имеет традиции выращивания и производства сахара. Вы знаете, что я познакомился с ней в Египте, когда мой отец в 35-м году решил открыть новые

рынки для торговли **танином**, поскольку текстильная промышленность в Европе и Америке не могла угнаться за ростом торговли **танином**.

действовали в условиях жесткой монополии. Мой отец планировал продавать танин развивающейся арабской и турецкой текстильной промышленности, поэтому он отправился в путешествие по Ближнему Востоку, конечной остановкой которого был Египет. В то время мне было 18 лет, и, вопреки желанию отца, который хотел, чтобы я стал инженером, я больше всего хотел стать фермером. Полагая, что долгое путешествие в конце концов развеет то, что отец считал капризом, он согласился взять меня с собой.

Когда мы прибыли в Египет, нас приветствовал двоюродный дедушка, Ганс Зигнагель, представитель той ветви семьи, которая до сих пор живет недалеко от Каира. Зигнагели живут в Египте, по-видимому, со времен наполеоновского вторжения, вместе с сотнями семей германского происхождения, которые образуют крепкую общину.

В те дни, что мы провели в Каире, мой интерес был сосредоточен на осмотре огромных сахарных заводов, раскинувшихся в долине Нила, и бескрайних просторов, засаженных сахарным тростником.

Отец, видя, что моя склонность к сельскому хозяйству не ослабевает, а усиливается, понял, что это мое истинное призвание, и решил принять любезное приглашение барона Рейнальда фон Зюбермана, владельца мощного сахарного завода с собственными плантациями, остаться в его имени, чтобы изучить методы выращивания.

Я прибыл там с 35-го по 38-й год, когда перспективы прочного мира во всем мире стремительно таяли, и мне пришлось уступить настойчивым призывам отца вернуться в Аргентину.

Я отправился в обратный путь в июне 38-го, но не один: со мной была дочь барона фон Зюбермана, прекрасная валькирия, которую, по милости Вотана, вы можете увидеть здесь.

Мы все рассмеялись, особенно моя мама, которая закатила глаза, когда отец вспоминал о своей увлекательной жизни.

-Что произошло с тех пор? -спросил я, зная, что моему старому отцу будет полезно закончить рассказ.

-Война открыла болезненные разломы и заставила окончательно расстаться. Когда твои дедушка и бабушка (мой отец и барон) умерли, мы больше не имели связи с нашими родственниками в Египте. Мне часто было жаль вашу маму, - ее голос ослабел, - она немецко-египетская и, должно быть, очень страдала от разлуки.

С другой стороны, - продолжал он, уже более спокойно, - мои патриотические чувства связаны только с этой страной, и нигде мне не было бы лучше, чем здесь. Ваш прадед, первый Зигнагель, приехавший в Америку, прибыл в 1860 году по просьбе правительства, чтобы работать на производстве взрывчатых веществ, поскольку он был признанным авторитетным химиком. За более чем столетие, мой добрый Артуро, Зигнагели стали больше аргентинцами, чем матами!

Когда отец упомянул о страданиях, которые он испытывал вдали от семьи и родной земли, моя мама подошла к нему и стала нежно гладить его по волосам, изливая при этом любящие упреки.

Пока старики обнимались, я чувствовал, как горят мои щеки; я словно бредил, видя, что мое воображение уже разгулялось, выстраивая самые смелые гипотезы. Заявление Белисены Вильки в его письме о том, что семья призвана "работать с сахаром алхимическим способом", в принципе

подтверждалось рассказом моего отца. То, что фон Зюберманы с незапамятных времен занимались производством сахара, было несомненным фактом, но
Откуда она знала?

Бедный я, я и не мечтал, что это подтверждение мудрости Белисены - лишь первое из множества ситуаций, которые в будущем покажут мне, до какой степени абсурдное и реальное взаимопроникают вокруг нее. Из серых размышлений меня вывел звук треугольника, на котором играла служанка-индианка, зовущая к ужину, - тинг, тинг.

В тот вечер я был приятно удивлен парвой вкуснейших хумитас; это блюдо с детства было для меня самым дорогим деликатесом; так что, эмоционально и гастрономически удовлетворенный своей семьей, я вскоре успокоился и даже смог на несколько мгновений забыть о навязчивом романе с Белисеной Вилькой.

Глава III

Он всерьез задумался над предупреждениями Белисены об опасностях, связанных с поисками его сына. В свете его психического разрушения и последующего убийства эти предостережения обретали мощное красноречие, которым я не был готов пренебречь. Поэтому я решил действовать решительно, но осторожно.

Я уже получил всю возможную полицейскую информацию по этому делу и почти не сомневался, что таинственными убийцами Белисены были бессмертные Бера и Бирса: на это указывала вся совокупность улик преступления. Только такие существа, как Они, могли проникнуть в эту герметичную камеру и совершить над ней ритуальную казнь. И самой яркой из этих улик была украшенная драгоценностями веревка: Было очевидно, что "золото Испании", из которого сделаны медали, пришло из Тарсиса, из древних рудников Тартессоса; и что волосы, "окрашенные молоком извести", из которого сделана веревка, принадлежали несчастным тартессийцам Враям, тем, кого убили Бера и Бирса, когда они спасли Мудрый Меч, и чьей кровью Бессмертные написали приговор: **"Наказание для тех, кто оскорбляет Ях, придет от Кабана"**. Несомненно, Они считали цикл завершенным, тысячелетнюю месть - свершившейся, возможно, они полагали, что Дом Тарсиса вновь истреблен, чтобы использовать эту знаменательную форму казни: убить последнего Врая волосом, который Они взяли у одного из первых Враев, - макабрический трофей, который теперь они вернули с дьявольской логикой. И какая Тайна была скрыта в силах Бера и Бирсы, в их невероятной власти над Временем! Ибо из полицейского отчета было ясно, что волосы **не подверглись воздействию времени: волосы на веревке действительно были живыми, словно только что срезанными с человеческой головы, с головы представителя Белой расы, когда их заплетали для убийства; и никак не выдавали прошедших с тех пор двух тысяч двухсот лет.** Где же, о, если сама мысль об этом вопросе повергала меня в смятение, где они хранили его до сих пор, не старея? Может быть, в том самом Аду, где обитают Они, и который Белисена Вилька называла Чанг Шамбала? Да. По всей вероятности, это был верный ответ: волосы пришли из их Проклятых обитателей, где время не идет и они не стареют.

Я уже решил встретить опасность лицом к лицу и должен был отправиться в путь как можно скорее.

до. Но сначала я хотел окончательно прояснить вопрос о легендах о

золотые украшения. А для этого никто не мог быть мне так полезен, как профессор Рамирес. Поэтому я отправился бы к нему.

Я остановил машину на пляже Университетского города и отправился на факультет антропологии в поисках профессора Рамиреса. Он был очень занят переводом, но обращался со мной вежливо.

-Что привело вас ко мне, доктор Зигнагель; очередной бред кечуа среди ваших пациентов? -насмешливо спросил он.

Нет, профессор, на этот раз речь идет о неамериканских языках. Я нашел в старой книге листок бумаги с этим рисунком, - холодно солгал я, - и хотел спросить его о надписях. -Я протянул ему рисунок, на котором была изображена зловеющая золотая жемчужина.

Маленькие серые глаза вспыхнули, и на мгновение показалось, что он действительно собирается заинтересоваться, но затем он вновь обрел свойственную ему лаконичность. Ничто не могло повлиять на старого ученого, которым восхищались университеты половины мира.

Это какая-то шутка, Зигнагель? -подозрительно спросил он.

-Не знаю. Как нашел, так и принес тебе, - сказал я, не слишком преувеличивая.

Иврит и кельтский язык! Брось, Артур, это либо шутка, либо что-то очень, очень серьезное. Во-первых, слово **hvh** - это знаменитый тетраграмматон, четырехбуквенное имя Бога, обладающее, по мнению кабалистов, гнусной силой и читающееся примерно как "**YHVH**", причем буквы "**H**" - это те, которые могут принимать звук греческого "**ETA**", то есть похожи на испанское "**E**". Что касается **hgi v**, то его перевод - "**Бина**", что означает "интеллект"; но не просто интеллект, а "Высший интеллект", интеллект Бога, просто интеллект **YHVH Elohim**: для еврейской Кабалы Бина - одна из десяти сефирот, или аспектов Единого Бога.

Как знакомы и значимы были для меня в то время объяснения профессора, поскольку я неизбежно вписывал их в контекст письма Белисены Вильки и его ужасной смерти. Но профессор продолжал:

Фраза "**ada aes sidhe draoi mac hwch**" - это, несомненно, древнекельтский язык или один из его многочисленных диалектов. Кельтский язык развился из индоевропейского дерева на две ветви; одна, континентальная, дала **галльский язык**; другая, островная, в свою очередь разделилась на две подветви: первая - **гойдельская** или **древнеирландская**, мать **ирландского** и **шотландского гэльского**; и вторая - **бритонская**, давшая **бретонский**, **валлийский** и **корнуолльский**. Я бы сказал, что эти слова принадлежат к древнеирландскому языку, каким он предстает в сагах "Песнь о Марцине" или в поэмах барда Талиесина, написанных в V веке.

Любопытно, что Марцин (по-валлийски "Мирддин", а в германских языках искаженное "Мерлин") был **друидом**, как и Талиесин, и именно в предложении, которое вы мне привели, есть аллюзия на **друидов**: "Draoi" по-кельтски означает **друид**. Полное предложение будет звучать так: "**Победа божественному друиду, сыну вепря**", согласно следующему словарю:

ada = Победа
aes sidhe =

Божественный
***Draoi* = Друид**

мас = сын
hwch = кабан

-Мой дорогой доктор Артур Зигнагель, - пристально посмотрел на меня профессор, - что вы знаете о друидах?

Этот вопрос не застал меня врасплох, поскольку я и сам думал о нем с огромной скоростью, с того самого момента, как профессор закончил свой перевод.

-Я знаю очень мало, - сказал я. Что они составляли своего рода жреческую касту среди древних кельтов. Что они практиковали магию и гадания. Я верю, что они считались мудрецами и что, несмотря на свое языческое происхождение, они обладали немалой нравственностью - все, что я знал о друидах, или голенях, я узнал из письма Белисены Вильки, и мое мнение о них, естественно, не могло быть хуже. Однако я не знал мнения профессора Рамиреса о них и старался не связывать себя прямым осуждением. Думаю, они исчезли вместе с обращением кельтов в христианство, - невинно заключил я.

Профессор ухмыльнулся:

Садитесь, Зигнагель, и давайте побеседуем", - он встал и, заперев кабинет, несколько минут порывлся в богато укомплектованной личной библиотеке. Он выбирал книги то тут, то там, удовлетворенно фыркая, когда находил ту, что сопротивлялась более 30 секунд. Наконец, взяв из папки висячую папку, он устроился в кресле.

-Послушайте, доктор, - начал профессор серьезным тоном, - я буду откровенен: если бы этот рисунок принес мне кто-то другой, я бы, несомненно, выгнал его. Но, зная вас, человека серьезного, я все же доверюсь вам, ибо что-то подсказывает мне, что за этим наивным рисунком скрывается нечто иное.

Я улыбнулся точной интуиции профессора.

-Для начала давайте вспомним, что наилучшей этимологией является **Druvid**, слово, которое распадается на **Dru** = "вещь в себе" или "такая вещь" и **vid** = "знать", что дает "знать вещи в себе". Друид - это "тот, кто глубоко знает вещи"; но более древнее значение называет его "тот, кто знает истину". Вас не должно удивлять, Артур, что вы мало знаете о них, ибо, хотя друидизм был институтом среди древних кельтов, и многие классические писатели упоминали о них, их происхождение и доктрина остаются в самой мрачной тайне. Некоторые из этих писателей, которые приходят мне на память, - это, например, Юлий Цезарь, Посидоний, Цицерон, Диодор Сикул, Страбон, Плиний, Тацит, Лукиан, Суэтоний, Диоген Лаэртский, Ориген и др.

Ни одна из них не пролила на них много света, и это, на мой взгляд, по трем причинам: во-первых, потому что их учение было устным, во-вторых, потому что их учение было инициационным, в-третьих, и самое главное, потому что те, кто был наиболее заинтересован в раскрытии всего, что касалось "**друидов**", были сами друиды.

Что касается вашего мнения о том, что они представляли собой своего рода "касту священников", то я скажу вам, что они не были ни тем, ни другим. Они были не кастой, а орденом; и они не были "жрецами", поскольку не совершали публично ритуалов поклонения, как следовало бы, чтобы заслужить этот ярлык. Однако тот факт, что они не совершали Култ публично,

не означает, что они не владели им и не практиковали его тайно, в гуще лесов, рядом с тысячелетними мегалитическими сооружениями, которые они приспособили для нужд своего народа.

для этой цели. Да, доктор Зигнагель. В этом вы правы: друиды были жрецами, причем самого худшего сорта, когда-либо зафиксированного в истории человечества.

Вы также считаете, что они были "мудры и обладали немалой нравственностью". Ну, в их "мудрости" мало кто сомневается, поскольку они владели всеми аспектами кельтских знаний. С другой стороны, мнения о морали друидов неоднозначны: такой генерал-педофил, как Юлий Цезарь (100-44 г. до н. э.), нашел их покладистыми и даже отправил друида Вивитиана в Рим в качестве посла. Но с моральной стороны будущий консул оставлял желать лучшего; с другой стороны, Страбон (60 г. до н. э.), знаменитый греческий географ, современник первого, упоминает об актах огромной жестокости, **"которые противоречат нашим обычаям"**, и рассказывает, как друиды делали предсказания, "читая" глубокие боли жертвы, пронзенной в спину. Они также увлекались человеческими жертвоприношениями, которые совершали, помещая жертвы в огромную плетеную маску, которую затем поджигали.

Друиды **"считали долгом покрывать свои алтари кровью пленников и советоваться с божествами в человеческих внутренностях"**, - писал Тацит.

Профессор еще долго читал мне цитаты из различных греческих и латинских авторов, одни восхваляли те или иные добродетели, другие прямо осуждали друидическое нечестие. От меня не ускользнуло, что те, кто "осуждал" друидов, тоже были язычниками, настолько велики должны были быть их отклонения, способные произвести впечатление на людей, знакомых со всеми варварствами соответствующих эпох. Лингвистическое объяснение, которое я искал в эрудиции профессора, теперь было удовлетворено. Тем не менее этот человек хотел рассказать мне о друидах, открыть мне все, что он о них знал, и я не мог быть настолько неблагодарным, чтобы отказаться его слушать. Даже если в его разговоре повторялись темы, уже хорошо освещенные в письме Белисены Вильки. В конце концов, то, что другие знали некоторые из этих истин, могло только успокоить меня; и успокоить в отношении душевного здоровья покойного Инициата.

-Как я уже говорил, - продолжил профессор, - нет никаких кельтских источников, к которым можно было бы обратиться, кроме саг, составленных д'Арбуа де Жувенвилем в XIX веке, очень богатых традиционными элементами кельтов "Иверзона" или Ирландии. В них мы видим огромную силу друидов, способствовавших последовательным вторжениям кельтов (**Фир Болг**, или кельтов из Бельгии; **Фир Донан** и **Фир Галуа**, или галлов, шотландцев и валлийцев) в Ирландию, населенную до тех пор **фоморами**, гигантскими существами, и **Туатха де Данан**, гиперборейскими божествами. Кельты не раз побеждали фоморских гигантов, которых они истребляли, а также в конце концов изгнали Туатха де Данан, несмотря на их магические способности. Друиды властвовали на д силами природы, как будто им помогал сам Сатана. Они вызывали дожди, грозы и туманы, делали моря бурными или спокойными, заставляли прекращать прекрасных женщин или ужасных чудовищ "появляться" путем материализации и т. д.

Во время вторжения валлийцев их вождь, друид Амергин, совершает следующий ритуал: поставив правую ногу на землю, которую предстоит

завоевать, он произносит:

*Я - ветер, который веет над водами моря. Я - волна, разбивающаяся о скалы.
Я - Морской Гром.
Я - олень и бык с семью рогами. Я - стервятник в овраге.
Я - Слеза Солнца.
Я - самый прекрасный из цветов.
Я - дикий и бесстрашный кабан.
Я - лосось в озере.
Я - Озеро на равнине. Я - Голос Мудрости.
Я - копье, которым орудуют в битве. Я - Бог, который вдыхает огонь в голову.*

Затем друид Амергин задает следующие семь вопросов:

*Кто освещает Ассамблею на горе?
Кто осуждает "Лунные дни"?
Кто укажет место, куда опустится Солнце?
Кто принес Быка из дома Тетры, бога моря, и изолировал его?
Кому улыбается Бык Тетры?
Кто разрушает каменное оружие, переходя от холма к холму?
Кто творит все эти чудеса, как не Фили?
Призовите, люди моря, призовите друида, чтобы я мог наколдовать для тебя заклинание. Ибо я, друид, что я заказал письма
Священный алфавит огам,
Я дарую мир сражающимся,
Я подойду к фонтану гоблинов в поисках послушного человека,
чтобы вместе мы могли творить самые страшные заклинания.
Я - Морской ветер.*

Здесь, Артур, проявляется сила магического слова этих друидических Фили (*Фили = Бард*): силы, высвобожденные предыдущей пантеистической поэмой, позволяют впоследствии выиграть битву с божествами Туата из Данана, которые обладали летающими колесницами и лучами смерти, но были совершенно бессильны против черной магии друидов.

Профессор объяснял живо и увлеченно, а я думал о восьмом стихе "Амергина", где говорится:

"Я - Дикий и Бесстрашный Кабан". Я не мог не связать это с легендой о гнусном драгоценном камне *"Победа божественного друида, сына Кабана"*. Я указал на это профессору.

-Это я и имел в виду, Артур. Главными символами друидов были два:

кабан и четырехлистный клевер, которые они носили вышитыми на своих белых одеждах. Среди

В кельтские времена кабан и медведь символизировали, соответственно, власть друида и воина. Некоторые ученые, например Рене Гуэнон, пытались приравнять эти два символа власти к кастам браминов и кшатриев в Индии, то есть к жрецам и воинам, учитывая глубокое значение кабана и медведя в индоарийской традиции. Но это ошибка, поскольку друиды никогда не образовывали каст (как не было каст и у кельтов), а значение, придаваемое ими кабану (древнейшему гиперборейскому символу), было окрашено материализмом, которого нет и в Риг-Веде, где он появляется как третьи из десяти проявлений Вишну в реальном цикле жизни или Манвантаре. Друиды словно "перевернули" значение символа, придав кабану, выражающему **изначальную духовную силу**, характерную для царской функции, представление **временной актуализированной силы**, характерной для жреческой функции. О древней и до сих пор тайной мистерии вепря и медведя можно говорить много, но мы отклонились бы от темы; давайте вернемся к сагам, собранным Жювенвилем.

Как известно, друиды навязали кельтам огамский алфавит из двадцати знаков, пятнадцати согласных и пяти гласных, названный **Бет-Луис-Нион** из-за его первых трех букв **Б-Л-Н**. Доктор Зигнагель: выдающийся мифолог Роберт Грейвс утверждает, что друидская "поэма Амергина" была искажена в последовательных профанических транскрипциях, чтобы скрыть ее эзотерический смысл, но что она изначально была связана не только со священным алфавитом Бет-Луис-Нион, но и с Календарем Деревьев, который друиды также использовали. Естественно, чтобы Песнь Амергина "совпала" со священным алфавитом, необходимо таким образом транспонировать ее стихи:

буквы огама и дерева месяца: я-

олень и семирогий бык.
XII 20-I)

(B) Бет/Абедул (24-

Я **-** **озеро** **на** **равнине**
..... (L) **Luis/Wild**
Fresno(21-I17-II)

Я **-** **ветер** **в** **море.**
..... (N)
Nion/Fresno (18- II 17-III)

Я - Слеза Солнца. .

.....
...(F) Fearn/Aliso (18- III 14-IV)

Я - Стервятник над бездной.(S) Saille/Sauce (15- IV 12-V)

Я самый прекрасный из цветов.(H) Уам/Эспино (13- V 9-VI)

Я - Бог, который выдыхает огонь в голову(D) Дуир/Дуб (10-VI)

7-VII)

Я - Копье, которым в е д е т с я бой.(T) Tinne/Acebo (8- VII 4-VIII)

Я - лосось в озере.(C) Coll/Avellano (5- VIII 1-IX)

Я - Голос Мудрости.(M) Муин/Вид (2-IX 29-IX)

Я самый жестокий кабан. .

...(G) Горт/Плющ (30- IX 27-X)

Я - Гром Моря.(NG) Нгетал/Кана (28-X 24-XI)

Я - морская волна. (R) Ruis/Sauco (25-XI 22- XII)

Кто, как не я, знает секреты

Дольмен де Пьедра без резного камня?23 декабря

В своей книге "Белая богиня" Роберт Грейвс кратко описывает значение каждого месяца Древовидного календаря друидов. О месяце Плюща, который соответствует букве (G) Горт, он говорит: "G, месяц Плюща, также является месяцем кабана. Сет, египетский бог Солнца, переодетый в кабана, убивает из плюща Осириса, любовника Исиды. Греческий бог солнца Аполлон, замаскированный под кабана, убивает Адониса, или Таммуза, сирийца, любовника богини Афродиты. Финн Мак Кул, замаскированный под кабана, убивает Диармуида, любовника ирландской богини Грайинн (Грейн). Неизвестный бог, замаскированный под кабана, убивает Амео, царя Аркадии и почитателя Артемиды, в его винограднике в Тегее, и, согласно несторианскому **Ганнат Бусаме** ("Сад наслаждений"), критский Зевс был убит таким же образом. Октябрь был сезоном охоты на кабанов, а также сезоном оргий васарид или вакханок, украшенных гирляндами из плюща. Кабан - животное смерти, и "осень" года начинается в месяц кабана".

Функции друида хорошо изложены в поэме "Трофеи Бездны", где Талиесин говорит: **"Я Бард, я Проводник, я Судья"**. Бард - друид, посвятивший себя искусству и музыке; Проводник - Оват, друид, посвятивший себя науке; Судья - друид-чародей (т.е. друид-колдун, маг), н а д е л е н н ы й властью влиять на кельтских королей и устанавливать свой закон. Заметь, Артур, как странно и противоречиво звучит то, что законодатель народа не является его расовым членом и, тем не менее, "добровольно"(?) принимается им. Ведь друиды не были кельтами, несмотря на все попытки фальсификации истории, которые предпринимались в этом отношении. Возможно, некоторый свет на это может пролить открытие фризского манускрипта **"Оэра Линда"**. В этом документе, написанном на рунах, рассказывается о древней истории фризского народа, очевидно, являющегося остатком "Атлантии", колонии атлантов, расположенной на севере Европы у берегов Британии около 5 000 лет назад. Это не та легендарная Атлантида, о которой упоминал Платон и которая

Свитки Мертвого моря должны были существовать 12 000 лет назад; но, как и они, Атлантида тоже подверглась катаклизму. -Профессор открыл висячую папку и, пролистав сотни фотокопий, среди которых я узнал "Свитки Мертвого моря, факсимиле под редакцией ЮНЕСКО", извлек фолиант, написанный на руническом языке, который оказался копией Оэры Линды. Рядом с ним лежал английский перевод, сделанный и аннотированный Робертом Скраптоном в 1977 году и озаглавленный "Другая Атлантида". Из этого текста он, к моему любопытству, прочитал следующее: **"Из "Оэра Линда" следует, что некоторые беженцы из затонувшей Атлантиды достигли района Нидерландов и Дании, населенного атлантами по крайней мере еще в 4 000 году до н. э. Они поселились там и связались со своими родственниками, которые, будучи пиратами, моряками и торговцами, поддерживали связь с материнской страной и с различными частями света, колонизированными атлантами.**

"Через некоторое время потомки фризов написали рассказы о родной стране, ее народе, истории, религии и законах. По мере того как одно поколение сменяло другое, некоторые из самых древних записей были утеряны, другие были обобщены, а к истории этого народа добавились новые главы. Так они стали дневником обновленного и модернизированного народа, священной истиной для семьи, которая ими владела".

"Эти сводки и дополнения продолжали составляться потомками атлантов до 1256 года нашей эры, и таким образом, при условии признания подлинности рукописей, мы получаем свидетельство истории народа за 3000 или 5000 лет: документ, не имеющий аналогов в истории человечества".

"Ничего не было добавлено после 1256 года, когда Хиддо Овер де Линда из Фрисландии собрал все существующие материалы на новой бумаге на основе хлопка, которую арабы привезли в Испанию и которая начала использоваться по всей Европе.

"Последняя копия передавалась из поколения в поколение с 1848 года, когда женщина, Аафье Мейлхоф (урожденная Овер де Линден), передала ее своему племяннику Корнелиусу Овер де Линдену. Последний, работавший мастером-судостроителем на голландской верфи в Хелдере, в конце концов решил отдать документ на копирование доктору Элько Вервису, библиотекаря провинциальной библиотеки Леувардена во Фрисландии.

"Краткое содержание - со всеми вытекающими последствиями - стало достоянием общечеловечности".

Профессор продолжил чтение комментариев Роберта Скраптона, описывающих различные превратности, которые претерпела "Оэра Линда" до наших дней. И хотя подлинность книги почти не вызывает сомнений - по крайней мере до 1256 года, - многие не желают принимать ее как исторический документ, поскольку тысячелетняя книга, проливая свет на мифологические эпизоды истории, не жила себе злейших врагов.

Я заворожено слушал, как профессор неустанно продолжает:

-Что ж, давайте перейдем к делу. В одной из фризских рукописей, повествующей о борьбе фризских (белых) людей с мадьярскими (желтыми) захватчиками за 2 000 лет до нашей эры, есть история Нифа Теуниса, фризского моряка, который, покинув Данию, отправляется в Средиземное

море с мыслью поступить на службу к царям Египта. ***"В самой северной части***

В Средиземном море, - рассказывает Оэра Линда, - есть остров, расположенный недалеко от побережья. Они прибыли туда и попросили купить его, по поводу чего был проведен общий совет".

"Мы обратились за советом к матушке, и она пожелала видеть их вдаль, поэтому не видела в этом ничего плохого; но когда мы впоследствии увидели, какую ошибку совершили, то назвали остров Месселией (Марселем). Причина, по которой мы были правы, скоро будет видна".

Голен, как называли сидонских жрецов-миссионеров, заметил, что земля эта малонаселенная и далека от Матери". -Я поясню тебе, Артур, что как в "Оэра Линде", так и в многочисленных традиционных норвежских сагах термин "Мать" используется для общего обозначения жриц культа огня. Ч т о б ы произвести благоприятное впечатление, голены называли себя на нашем языке "Последователями Истины", но лучше было бы назвать их "Теми, кто не имеет Истины" или, короче, Триуведенами, как их впоследствии называли наши мореходы. Когда они прочно обосновались, их купцы обменивали свое прекрасное медное оружие и всевозможные драгоценности на наше железное оружие и шкуры диких зверей, которых было много в наших северных странах; голенцы же устраивали всевозможные мерзкие и чудовищные пиры, которым жители побережья способствовали своими развратными женщинами и сладким отравленным вином. Если кто-либо из наших людей вел себя так, что его жизни угрожала опасность, голен предоставлял ему убежище и отправлял его в Фонисию, то есть Пальмланд (Финикию). Когда он там поселился, его заставили написать родным, друзьям и знакомым, что страна настолько хороша, а люди настолько счастливы, что никто не может составить о ней никакого представления. В Британии - атлантической колонии - было много мужчин, но мало женщин. Узнав об этом, голенцы стали свозить девушек о т о в с ю д у и отдавать их англичанам за бесценно. Но все эти женщины служили своей цели - крали детей у Вр-Альды и отдавали их ложным богам".

В Оэре Линда Бога называют Вр-Алда. Но этот фризский Бог попеременно, в древних сказаниях, либо демиург Иегова-Сатана, либо непознаваемый гиперборейский Бог. Путаница возникла, предположительно, из-за падения в экзотерику, которому фризийцы, как и другие выжившие после катастрофы атлантов, подвергались на протяжении веков.

Роберт Скраптон так комментирует эту часть "Оэра Линда": "*Triuwiden*, или *Druviden*, можно считать происхождением названия "друиды", а "*Golen*" - это другая форма "galli", то есть "галлы из Финикии". Видишь ли, мой друг Артур, этот невероятный документ отодвигает на много веков назад известия о друидах - которые теперь будут "теми, кто не владеет Истиной", - делая их выходцами с Ближнего Востока, что подтверждает всегда существовавшее предположение об их некельтском происхождении.

Осталось выяснить... -Артуро меня слушает?

Его парализовало за несколько минут до этого, именно тогда, когда профессор читал Оэру Линду и произносил слово "Голен". Свирепые преследователи Дома Тарсиса, которых Белисена Вилька называла "голенами", определенно были друидами. Я уже знал об этом, поскольку это

подразумевалось в письме; но тут профессор показал мне, что это не секрет, что существуют документы и достаточно информации об этих "друидах".

проклятые жрецы. Лишь мое незнание истории и ее малоизвестных персонажей вызвало то чувство странности, которое я испытал, прочитав письмо и узнав об интригах и планах Голена. Я уже не раз, и сейчас об этом жалею, сомневался в здравом уме Белисены, отрицал фантастическую реальность Голена.

-Да, профессор, я слушаю, - ответил я, боясь его обидеть.

Осталось выяснить, - терпеливо повторил он, - действительно ли они были финикийцами, ведь Сидон в то время был портовым городом, причем весьма космополитичным.

Я понял вопрос профессора, но мне было неинтересно продолжать его, учитывая все подробности, которые Белисена сообщила о древнееврейском происхождении голенов. Вместо этого у меня из горла рвался другой вопрос: я должен был узнать, что известно профессору о реальном происхождении Голена.

-Профессор Рамирес, простите, что прерываю вас, но есть ли друиды в этой Эпохе? -спросил я.

смирненно вздохнул старый профессор.

-Вы задаете мне очень конкретный вопрос, и я попытаюсь ответить на него тем же способом; но вы должны понимать, что это нелегко, и мне придется поставить вас на другие основания, чтобы вы сами могли судить о достоверности моего ответа: ведь хотя существуют кельтские общества и авторы, посвятившие себя изучению друидизма, это всего лишь историки или дилетанты, а не настоящие Фили. Истину, таким образом, нужно искать в другом месте.

В течение нескольких столетий друидизм казался затмённым, особенно (как вы сказали в начале нашей беседы) после обращения кельтских народов в христианство. Это обращение очень раннее, поскольку святой Патрик обратил Ирландию в католичество между 432 и 463 г. Кельтские народы Галлии в то время находились под властью германских династий, которые во всех случаях принимали арианское христианство, учение, разработанное ливийским епископом Арием в 318 г. и осужденное как еретическое на Никейском соборе в 325 г. Отец Ллорка в своем монументальном "Руководстве по церковной истории" утверждает, что, согласно Арию, ***"существует только один Бог, вечный и непостижимый. Слово, Христос, не вечно, а создано из ничего. Поэтому он истинное творение, гораздо более совершенное, чем другие; но не единосущен Отцу. Поэтому Он не Бог"***.

Эта доктрина противоречила католической "Тайне" Троицы и вызывала яростное сопротивление римских пап.

Как бы то ни было, несомненно то, что при обращении арианской знати в католичество кельтский народ поддался и был вынужден принять новую догму так же, как ранее принял арианство, то есть путем навязывания.

Вестготское королевство Испания стало католическим в одночасье на Третьем Толедском соборе в 589 году после обращения короля Рекаредо святым Леандром. Но окончательный шаг к католизации кельтской Галлии уже был сделан неизвестным франкским королем Хлодвигом, который после своего обращения в 496 году стал орудием Церкви для миссионерских завоеваний.

Можно подумать, что друиды - столь грубо противостоящие Туатха

Гиперборейским Богам Данана в Ирландии - организовали бы защиту от новой (лунной) веры, вытеснившей древний кельтиберийский (солнечный) культ Бога Беленуса (почитаемого в Греции также как Аполлон) и Богини-Матери Белисаны.

Но ничего подобного не произошло, потому что друиды посоветовали людям принять христианство и сами стали христианами.

Христианские друиды? Мудрые в оккультных законах материальной природы, обладатели тайной демонической науки; как вы думаете, перешли бы они в христианство, поработанные этой религией?

Профессор пристально посмотрел на меня.

-Как вы выразились, - ответил я, - эти обращения напоминают мне **марранов**, тех евреев, которые, будучи поставлены перед выбором: стать католиками или умереть, приняли первое, годами (или столетиями, если учесть, что есть семьи марранов, которые и сегодня живут двойной жизнью) притворяясь, что исповедуют новую веру, но сохраняя в тайне еврейские обряды и обычаи.

-Ну что ж, доктор Зигнагель! -Это именно то, что я имел в виду; притворное обращение, как у евреев-маррано. Если вы подумаете над вопросом, который я задал вам раньше, когда читал вам текст Оэра Линда, в котором друиды названы уроженцами Сидона в Финикии, вы поймете, что есть и другие подозрительные сходства.

Профессор не переставал удивлять меня своей остротой, ставя вопросы так, что, как в диалогах греческих софистов, ответы спонтанно вытекали из собеседника философа.

-Да, - сказал я, притворно удивляясь последствиям своих догадок. Связь неоспорима, профессор: евреи и друиды пришли с Ближнего Востока!

Я сопроводил это замечание красноречивым кивком головы. Этот жест подстегнул профессора к продолжению, и, энергично размахивая книгой "Тайна тамплиеров" в одной руке, он убедительным тоном произнес:

Великий кельтист Луи Шарпантье, автор этой книги и ярый защитник Голена и тамплиеров, подтверждает это вполне обоснованными исследованиями: друиды нашли убежище в католической церкви. Такую возможность им предоставил Святой Бенедикт, человек великой мудрости и святости, который, основав Бенедиктинский орден с правилом (Ora et Labora), возвышающим труд и молитву, направил его на спасение греческой и римской культуры, которой грозила гибель из-за упадка Римской империи, варварства и невероятного невежества пап.

Точкой соприкосновения стал святой Колумбанус, филид из Ирландии, посвятивший себя обращению кельтских народов в католическую религию. Луи Шарпантье не может скрыть своего восхищения друидическим проникновением, когда говорит: *"...Святой Бенедикт умер в 547 году, через семь лет после рождения святого Колумбана. Бенедикт сохранил классические сокровища для христианства; этому же христианству святой Колумбанус должен был передать кельтские сокровища"*.

"Святой Колумбанус был христианином Ирландии, страны, которая очень рано приняла христианство, без более или менее жестоких навязываний римских императоров или варваров, называвших себя римлянами, как это происходило во всех кельтских странах друидического прошлого. Можно сказать, не ошибаясь, что римские христиане и христиане Хлодвига сделали христианство неприятным в Галлии".

"Ирландия не знала ни Рима, ни варваров, и этим объясняется ее беззащитное принятие христианства".

"О друидах также мало что известно, но их готовность принять определенную форму христианства, похоже, духовно очень близка к нему. Ничто из нового откровения не удивило их: ни Божественное единство, ни несотворенный Бог, охватывающий Вселенную во всех ее формах, ни Божество в трех лицах, ни Бог, рожденный от Девы, ни воплотившийся Бог, ни распятый Богочеловек, ни воскресение, ни бессмертные души, которые они уже проповедовали..."

"Святой Бенедикт в свои последние часы воскликнул: "Я вижу Троицу, Петра и Павла, друидов и святых..."

"Весь кельтский народ, вслед за друидами, устремился к христианству". "Ирландия, избежавшая римского, а затем арабского завоевания, осталась христианской, но, если можно так выразиться, "друидической".

Профессор Рамирес определенно знал, как подкрепить свои аргументы наиболее подходящими текстами, подумал я с восхищением.

Вокруг этих событий, - продолжает профессор, - и происходит "исчезновение" друидов в их традиционном аспекте (VII век), но на протяжении всей истории они появляются вновь, особенно во время крестовых походов (XI-XII века), во время процессов над тамплиерами (XIV век), в эпоху Возрождения (XV и XVI века), во время утверждения так называемых течений Просвещения, вольнодумства, энциклопедизма и масонства (XVII и XVIII века).

Как видите, они всегда связаны с кризисом или революцией, но Артур, остерегайтесь, только в отношении кельтской расы. Кажется, что присутствие друида имеет только одну цель: **быть проводником кельтов**, как пел Талиесин. Сегодня кельтский язык мало что значит, но помните, что большая часть Франции и Италии, Португалии, Бельгии, Швейцарии, Ирландии, Шотландии, часть Испании и 50 % белой Америки - кельтские.

В этот момент беседы (или монолога, я бы сказал, поскольку профессор со свойственной ему точностью не давал возможности прерваться) я был глубоко впечатлен. Профессор Рамирес знал о предмете гораздо больше, чем я предполагал в начале беседы. Я решил продолжить игру и притвориться удивленным. Чтобы действовать убежденно, я попытаюсь перевести диалог на конкретную почву.

-Великий еврейский всемирный заговор Я вполне могу понять вас, профессор, поскольку заветной целью раввинов или простых евреев всех времен является мировое господство и подчинение человечества избранному народу Иеговы. **Небесный Израиль**, - говорится в Талмуде, - **имеет своей судьбой славу царствовать над языческими народами"**.

Но какова цель друидов, увековечивших себя в веках, чтобы тайно руководить кельтами с помощью своей проклятой Науки? Не империалистическая цель, ведь у кельтов никогда не было империи, а были лишь конфедерации племен или народов, упадок которых начался с "Галльской кампании" Юлия Цезаря. И не цель, предполагающая некую духовную выгоду для кельтов, ибо, я больше не сомневаюсь, Фили движимы какой-то извращенной целью. Зачем они это делают, Боже мой, зачем?

Я попытался как можно лучше сформулировать вопрос профессору Рамиресу. Он надолго задумался, а затем с удрученным видом ответил

-Не знаю, доктор Зигнагель, - называл он меня попеременно то Артуром, то доктором Зигнагелем. Я могу только предполагать. Но имейте в виду, что это всего лишь предположение! Я ни в коем случае не могу это доказать. Я скажу вам, что я думаю, но я никогда не повторю этого за пределами этого кабинета и за пределами этого момента.

Я затаила дыхание, опасаясь, что профессор замолчит.

-Известно, что еврейское финансовое могущество начало развиваться в конце Средневековья, когда ювелиры по драгоценным металлам (почти всегда евреи), видя, что вынуждены строить защитные камеры для хранения золота и серебра феодалов и знати, начали выдавать ссуды под проценты, используя эти иностранные вклады в качестве залога. Первым шагом стал выпуск документа, признанного всеми в качестве "платежного элемента", - настоящих бумажных денег, которые позволяли вести торговлю без необходимости расплачиваться наличными. Конечно, это "открытие" было быстро принято на вооружение и использовалось по своему усмотрению крупными купцами и ростовщиками, в стиле "Венецианского купца", так блестяще изображенного Шекспиром. Но секрет обогащения, несомненно, заключался в **ростовщичестве**, истинном происхождении "банковского дела".

В XVII веке в мире было уже достаточно еврейских банков, чтобы обеспечить им значительную долю власти; в XVIII веке, например, возник "Дом Ротшильдов", еврейская семья, владевшая банком Ротшильдов, что имело катастрофические последствия вплоть до XX века.

Все это хорошо известно из истории, но я хочу сказать, что получение контроля над финансовыми средствами неизбежно приводит к борьбе за контроль над государством. А в конце Средневековья, когда начинается эта история, **государство - это католическая церковь**, поэтому в период между XV и XX веками борьба за власть часто сталкивала католическую церковь с еврейским Великим Кахалом.

Эти столкновения, порой ожесточенные, должны были закончиться для одной из сторон, если бы в течение веков не вмешалось нечто вроде невидимой руки, всегда примиряющей двух противников. Изучайте историю, Артур, и вы ясно увидите то, о чем я вам говорю; когда возникает конфликт с одной стороны, будь он инициирован церковью, католическими королями, инквизицией и т. д., против еврейской власти, или с другой стороны, будь то еврейский заговор, запускающий "революцию", "масонство", "марксизм" и т. д., против христианской власти, появляется элемент, умеряющий, смягчающий конфликт; избегающий неизбежной борьбы; разбавляющий напряженность. Этим элементом, бессознательным исполнителем, является кельт, но за кельтом стоит настоящий зачинщик: Голен, Фили, Дриид, с его невероятной силой!

Я знаю, вы подумаете, что я не в своем уме, Артур; и я не смогу доказать эту фантастическую догадку, которую едва осмелился сформулировать!

Профессор смотрел на меня в замешательстве. Было ясно, что он опасается, что зашел слишком далеко, и поэтому его глаза пытались

просверлить мой мозг. И все же, несмотря на предосторожности, его гипотезы не соответствовали масштабам планов Голенов, о которых писала Белисена Вилька в своем письме: как понял профессор, Голены действительно "посредничали" между церковью и

Синагога; но не менее верно и то, что Они преследовали более амбициозную цель: **Вселенскую Синархию и Мировое Правительство Избранного Народа**. Я не мог не улыбнуться, глядя на обеспокоенное лицо Ученого. Это его успокоило.

-Посредством глубокого исторического анализа, - продолжал он, все еще наблюдая за мной, - многие предполагают, что тайная связь связывает различные вершины власти в мире, и утверждается существование сверхсекретной секты, которая может быть масонством, Бнай Брит (еврейским масонством), Трехсторонней комиссией и т. д., или любой другой подобной организацией, к которой принадлежат все люди во власти. Эта гипотеза слишком гигантская для меня; но я могу заверить вас, основываясь на многолетних исторических исследованиях, что между двумя великими колоссами, католической церковью и синагогой, существует нечестивая оккультная связь для осуществления невыразимого конца мировой власти. И эта нечестивая связь осуществляется через друидов! Вот часть правды! - профессор почти кричал, указывая на рисунок драгоценного камня. Но что это за бумага? Ничего, никаких доказательств, только бессмысленный рисунок, найденный учеником, но он хранит тайну некоторых сил, которые движут миром.

-Полагаю, из ваших весьма весомых аргументов я вижу, что вы утвердительно ответили на мой вопрос, - сказал я, меняя тему разговора и готовясь ничего не рассказывать о преступлении Белисены Вильки. Должен ли я в таком случае сделать вывод, что друиды существуют и сегодня?

-Мой дорогой доктор Зигнагель, на этот вопрос, возможно, суждено ответить вам самим. Я дал вам достаточно информации, и мне остается только заверить вас, что исторические исследования, если только не появится еще один Оэра Линда или не будет открыта личная библиотека Ватикана, не дадут ничего нового о друидах", - категорично заявил он.

-Почему? -спросил я, на этот раз с искренним удивлением.

-По очень простой, но необъяснимой причине, **доктор Зиг-на-гель**, - насмешливо сказал профессор, почти по буквам выговаривая мою немецкую фамилию. //Потому что между 1939 и 1945 годами специализированные батальоны Ваффен, немецкого элитного корпуса, опустошили Европу от тех немногих документов, которые были о друидах.

//Зачем им эта информация? -подозрительно спросила я, не в восторге от направления разговора.

-Этого так и не удалось узнать наверняка. //В те годы считалось, что документация была доставлена в самый важный учебный центр - замок Вербельсбург в Вестфалии, где находилась специализированная религиозная и оккультная библиотека, насчитывавшая более 50 000 томов. //Но в конце войны часть этих ценных материалов и "Ограниченный круг" (около 250 суперподготовленных и суперсекретных людей) испарились как по волшебству.

Знаете, - сказал мне профессор со знающим видом, - все эти истории о тайных убежищах, одесской группе, ба, чушь собачья.

Да, - кивнула я и посмотрела на часы. Было 20:30. По моим расчетам, мы были вместе уже пять часов. Я подсчитал, что мы были вместе уже пять часов, и мне стало стыдно, что я так злоупотребляю драгоценным временем профессора.

-Не стоит извиняться, Артуро, - сказал профессор в ответ на мои оправдания, - это была приятная беседа, в ходе которой я вспомнил с вами то, что в прежние времена беспокоило и меня.

В тот летний день на факультете оставались только Сирено и уборщицы. Я вышел в компании профессора Рамиреса и проводил его в один из преподавательских домов, в котором он живет, в самом Университетском городке. И больше я его не видел..... Пусть Непознаваемое направит его дух к Истоку, или Вотан приведет его в Валгаллу, или Фрайя покажет ему обнаженную истину о себе, пусть его сердце навсегда остынет, пусть он победит Врил и обретет Мудрость, которую так долго искал в течение всей своей жизни! И самое главное: пусть он спасется от мести Беры и Бирсы...

Глава IV

Я вернулся в свою квартиру в мрачных размышлениях, изо всех сил стараясь не дать унынию одолеть меня. После того как первоначальный энтузиазм прошел, груз реальности навалился на мой дух и поставил неизбежный вопрос: как я могу, используя только собственные силы, выполнить просьбу Белисены Вильки? Правда, я считал себя обладателем несгибаемой воли, что я не сдамся просто так в своей решимости идти до конца, что я отдам **все** свои силы, без остатка, в распоряжение Дела Дома Тарсис; но также правда, смиренно признавал я, что я не наделен добродетелями Улисса. Нет, я определенно не был героем Персеем, который, по словам Белисены, спустился в сам Ад, чтобы покорить Мудрость: но я не был похож не только на этих мифологических героев; я даже отдаленно не напоминал ни одного из лордов Тарсиса. Они умели выходить из самых разных ситуаций. Они тысячелетиями противостояли адскому заговору, невысказанному для обычного человеческого разума, выдержали несколько попыток истребления, прошли через все испытания, преодолели все опасности, одержали победу над всеми врагами. И они добились успеха, потому что, по словам Белисены, их сердца были тверже алмазного камня и обладали уверенностью Вечного Духа; и потому что они испытывали **существенную враждебность** к "Силам Материи", которая позволяла им проявлять неописуемую стойкость перед лицом любого врага. Они стояли "на задворках истории", стремясь сохранить наследие Гиперборейской Мудрости белых атлантов. Они были Инициатами, действовавшими с осознанием своей духовной ответственности. Они выполняли "Стратегию" своих Богов, а Боги обращались к ним и направляли их.

С другой стороны, я был несравненно слабее. Я не различал, как Однако я получил откровение "Духовного Я", несомненную интуицию истины Духа, закованного в материю; но на тот момент это была лишь духовная интуиция. Я также не получил эзотерической традиции, унаследованной мудрости, и уж тем более не имел возможности быть посвященным в истинную Тайну Духа: однако я искал истину в течение многих лет, как я расскажу позже, и даже открыл для себя реальность Синархии.

Универсально, но мне и в голову не приходило бороться с такими сатанинскими силами, **я и не думал, что это необходимо, обязательно, неизбежно, дело чести.** Напротив, как выражается известное танго, **"я сдался без боя":** я позволил сентиментальности смягчить мое сердце, я позволил декадентским обычаям века пропитать меня, я терпел и жил с самыми отвратительными реалиями, теми самыми, в которых медленно тонет западная культура, не реагируя на них. А не реагировал я потому, что мне не хватало моральных рефлексов, я словно спал, возможно, потому, что в глубине души, как и сейчас, боялся бороться и реагировать, противостоять слишком могущественным силам. О Боже, они превратили меня в полезного идиота, в тупого пацифиста!

Но теперь все изменилось: если ему нужно было уничтожить, он уничтожал; если нужно было убить, он убивал; он был готов на все, прежде чем пойти на компромисс с Врагом Духа, описанным Белисеной Вилькой. Мне просто нужна была помощь, какая-то духовная помощь. Короче говоря, я был полон решимости идти до конца, бросить, как я уже говорил, все свои силы на дело Дома Тарсис, но я был также реалистом, осознавал свои ограничения и понимал, что без помощи мне никуда не деться. Но к кому я мог обратиться за такой помощью? На данный момент я не мог решить этот вопрос, но именно об этом мне предстояло размышлять в течение ближайших нескольких часов.

Я поставил машину в гараж башни, где прожил несколько лет, и поднялся по несносной винтовой лестнице из железобетона в лифтовой холл. Через несколько минут я удобно устроился в пижаме, готовый к размышлениям о том, что меня беспокоило.

"Три комнаты - это слишком много для одного человека", - без конца повторяли мне родители, когда я его приобрел, но теперь отдел уже не казался таковым из-за беспорядочного скопления археологических предметов, различных публикаций и книг. Для книг я выделил небольшую комнату с полками по всем четырем стенам, но вскоре вместимость этой библиотеки была заполнена, и новые книги, как незваные гости, заняли другие комнаты.

Единственным более-менее упорядоченным местом был просторный холл с креслами, журнальным столиком и лампой для чтения. Рядом с моим любимым креслом из окна был виден склон небольшого холма, у подножия которого, внушительная и величественная, возвышается конная статуя генерала Мартина Мигеля де Гумеса. Я сел туда, охваченный особым чувством, как будет видно и з дальнейшего повествования, и оставался там в течение нескольких часов, пока не произошли явления.

Но не будем забегать вперед; было 12 часов ночи, и я, подхватив нить предыдущих мыслей, навязчиво спрашивал себя: я должен попросить о помощи, но у кого?

Как всегда бывает, когда человек сталкивается с ситуациями, которые преодолевают его и вызывают о **помощи извне**, перед ним неизбежно встает моральная проблема - извечное противостояние добра и зла. В таких случаях основополагающим принципом, который должен превалировать при оценке "дружбы" или "вражды" держав, к которым мы обращаемся, является **различение.**

Когда "закон" точен, например, в событиях, которые должны быть урегулированы юридически, различие происходит автоматически, рационально, мы бы сказали. В сложной паутине законодательства тысячи качественно и иерархически переплетенных законов регулируют поведение человека в цивилизованном обществе. Существуют правовые "фигуры", которые помогают направлять суждения и точно определять, хорош или плох поступок человека: он хорош, если не порождает юридически очевидных противоречий, он плох, если нарушает закон.

Это относится к коллективному поведению человека в соответствии с "законом". В индивидуальной сфере субъект, как правило, не знающий о множестве законов, регулирующих право, ведет себя в соответствии со своим "моральным сознанием". Это понятие подразумевает, что принадлежность к человеческому обществу, будь то через культурную передачу поколений предков, через воспитание или просто через подражание ближним, позволяет человеку осуществлять своего рода условный моральный рефлекс, который в конечном итоге действует как интуиция (моральная совесть или "голос совести"). Происходит это так: слой морального опыта, усвоенный вышеупомянутыми или любыми другими способами и сведенный к бессознательному уровню, автоматически направляет разум на различие установленных противоположностей и определяет логику суждений.

Понятно, что чем более "автоматически" срабатывает этот психологический механизм, тем сильнее ослабевает воля к различению. Вкус или комфорт жизни в густонаселенных средах или городах говорит о преобладании этих бессознательных процессов и объясняет панический страх перед оригинальными ситуациями или обстоятельствами, в которых проницательность может потерпеть неудачу. Отсюда вытекает ошибочность убеждения, что городская "среда обитания", культурная среда *par excellence*, делает человека более "уравновешенным", в то время как истина заключается в том, что человек в сельской местности обычно обладает более точной нравственной проницательностью, не рациональной, но исходящей из глубины Духа.

Безмятежная рассудительность людей, которых мы обычно принимаем за невежд, может нас удивить. Не имея корки бесконечных декадентских привычек, кристаллизующихся повсюду в сознании, эти простые люди также переживают состояния трансцендентного сознания, не создавая лишней суеты и, ч т о хорошо, не делая "парапсихологических классификаций".

Чтобы сравнить эти два поведения, предположим, что их (горожанина и сельского жителя) поставили перед выбором между Богом и дьяволом, причем последний является имитацией первого. По всей вероятности, рационалистические наклонности горожанина сделают его неспособным отличить Божественную сущность от Божественного облика. Возможно, такое различие не под силу и простому уму крестьянина, но именно благодаря этой простоте или чистоте он сможет "почувствовать" присутствие Бога, иметь "уверенность" в различении истины и лжи.

Кому-то может показаться очень сложным столкнуться с такой дилеммой, **но для меня этот вопрос встал именно так**, когда я задумался о необходимости "помощи извне". Ведь эта помощь должна была быть, прежде всего, "духовной", а она могла прийти только "**извне**", из Мира, трансцендентного к материи и человеку. И именно здесь я в п р о ш л о м был

в недоумении: этот "потусторонний мир", **какой** Бог им управляет? **что** такое **истинная** Религия Духа? **кто** ее представители на земле?

Где находится дверь к Богу, в мир Божий, на родину Духа?

В течение многих лет я искал истину на эти вопросы, но никогда, как сейчас, я не сталкивался с ситуацией, когда необходимость **различения** была несовместима с обычной жизнью. Я был уверен, что больше не смогу двигаться вперед по жизни, не найдя ответа; мне было 36 лет, но я "искал" ответы по меньшей мере 15 лет. В этих поисках я шел по извилистой дороге, не пренебрегая ни интеллектуальными вершинами философии и науки, ни иррациональными безднами религий и сект.

Я вспомнил, что поначалу гордился своим "западным" происхождением. Воспитанный в атмосфере грубого рационалистического сциентизма, я порой слепо верил, что методология эмпирических исследований - единственный способ получить определенные знания о Вселенной. Но шли годы, появлялись тревоги, которые нельзя было унять никакими "методологиями", и тогда я задумался о возможности поиска других путей познания.

В этих поисках я пересек тысячу философских и религиозных направлений; я п р о ч т а л сотни книг и практиковал множество обрядов различных культов. Но всегда было одно и то же: если теории и догмы, выраженные во всех мыслимых формах, были, по крайней мере, достойны уважения, то этого нельзя было сказать об организациях, которые поддерживали эти идеи. Если только человек не был ослеплен фанатичной верой, он в конце концов обнаруживал "за" орденами или сектами - или просто "лидерами" - подчиненную и неупомянутую цель, недопустимую и непереносимую связь.

Эти скрытые цели, с негодованием обнаружил я, подчинялись трем способам функционирования синархических сил: **"военному"**, **"политическому"** и **"религиозному"**, причем эта классификация не подразумевала никакого порядка важности или появления. Синархические тайные общества - я буду использовать это общее название - могли вести себя в соответствии с одним, двумя или всеми тремя вышеперечисленными режимами и неуклонно стремиться к выполнению своих тайных целей. В конечном итоге, как я начал подозревать, все они были объединены общей целью: добиться господства над планетой, способствовать захвату мировой власти иерархической группой людей. Конечно, в то время, пока я не прочитал письмо Белисены Вильки, я не знал, что адресатами всеобщих усилий Синархии являются члены Избранного народа. Но вот что я увидел: разведывательные службы всех видов и стран, **"военный" способ** Синархических тайных обществ, заняты внедрением во все возможные организации, включая религиозные секты или Церкви, когда они не контролируют их напрямую, как, например, в случае с Ц е р к о в ь ю Святых Последнего Дня (**мормонов**), которой умело управляют С.І.А. Международный марксизм, троцкизм, сионизм и т.д., **"политические" режимы** Тайных обществ, стоят за сотнями невинных подставных организаций. А в рамках **"религиозных" режимов** существуют тысячи групп или группировок, контролируемых синагогой, протестантскими церквями, исламом, буддизмом и даже католической церковью. И всегда конечная цель - сформировать как можно более широкий спектр, чтобы охватить все идеологические варианты и захватить всех инакомыслящих с Великой Международной Линией. **"Никто не должен оставаться вне контроля Синархии"**, - таков, по-видимому, их главный лозунг.

Открытие этой черной реальности, скрывающейся за ложными обещаниями духовного подъема и прогресса, привело меня к тому состоянию "отсутствия идеала", которое я определил в другом месте этого рассказа. С тех пор я продолжал жить более или менее нормально и даже заинтересовался антропологией, но реакция на прошлый обманчивый опыт побудила меня систематически не доверять "доброй воле" **социально организованных институтов**. Я испытал спонтанное отвращение, когда впервые столкнулся с **ассоциацией**, чья заявленная цель - я сразу догадался - была завуалированно предана в пользу **ее** международных оккультных тенденций.

Я определенно не доверял ни одной земной организации в качестве посредника между Высшим духовным порядком и материальным миром.

Учитывая сказанное, становится понятнее **дилемма**, с **которой** я столкнулся в тот момент: чтобы выполнить просьбу Белисены Вильки, мне пришлось бы противостоять Тайному обществу друидов, людей, обладающих, согласно письму и заявлениям профессора Рамиреса, страшной силой, и даже рисковать привлечь внимание Бессмертных Беры и Бирсы, которые уничтожили бы меня в мгновение ока. Это была не игра! Теперь я должен искать помощи против них, и помощь эта могла быть только духовной, оказанной существами, разделяющими цель миссии, то есть адептами Гиперборейской Мудрости. Но где же такие существа?

По правде говоря, я всерьез полагал, что для успешного выполнения этой миссии необходимо что-то конкретное, а не просто сидеть и молиться или заниматься метафизическими спекуляциями. Но, повторял я себе, к каким организациям я мог бы обратиться за помощью? Масонство, теософия, антропософия, мартинизм, росикрусианство, гностики и другие, еще более оккультные тайные общества, но того же синархического толка, находятся в существенной оппозиции к Гиперборейской Мудрости, теперь мне это было ясно. И поэтому, сколько бы я ни размышлял и ни просматривал список всех известных организаций, я всегда приходил к выводу, что они, по крайней мере, подозреваются в принадлежности к Белому Братству, оккультной суперорганизации, врагу Дома Тарсис.

О дилемма! В Аргентине существовало Тайное Общество Гиперборейских Инициатов, Орден Мудрых Строителей, как сообщил Белисена в своем письме, но никто не знал, где они находятся и как с ними связаться; я попытаюсь найти их, но я прекрасно понимал, что сотни, возможно, тысячи агентов Синархии будут ждать, когда кто-нибудь подойдет и казнит их без пощады. Я сомневался, что смогу справиться с этим заданием в одиночку, и поэтому рассматривал возможность обратиться за помощью к какой-нибудь "дружественной" организации Гиперборейской Мудрости. Но, повторяю, сколько я ни думал, не мог найти решение: **неужели у Гиперборейской Мудрости нет сторонников в этом Мире?** Ответ, похоже, был "нет"; по крайней мере, у нее не было социально организованных последователей; или же я не знал о существовании такой организации.

Глава V

Мой единственный союзник, думал я в начале размышлений, - это пронизательность. Оно подскажет мне, куда обратиться, кому довериться. Если есть какая-то родственная философская или религиозная линия, он позволит мне обнаружить ее; он скажет мне, "хороша она или плоха", и как к ней обратиться.

Но анализ, после глубоких размышлений, привел к ледящему душу выводу: по мере устранения возможностей все организации оставались на одной (вражеской) стороне и **никто** - на другой.

Сколько я ни пытался манихейски поляризовать мириады религий, сект, ассоциаций, тайных обществ, организаций, групп, орденов, лиг, братств и братств, я не смог обнаружить ни одной, которая несла бы в себе луч Несотворенного Света, проблеск Изначальной Истины Духа. Однако если бы все, что утверждала Белисена Вилька о происхождении Несозданного Духа, было правдой, если бы Дух мог испытывать враждебность только к этому миру, к иудейской культуре, которая сегодня преобладает в этом мире, то результат моих размышлений не был бы странным. Напротив, было бы вполне логично, чтобы Белое Братство, находящееся на пороге реализации Вселенской Синархии, как и в тринадцатом веке, существовало только **как** организация Инициатов в Гиперборейской Мудрости. Да: как в XIII веке ***Circulus Domini Canis*** противостоял планам Белого Братства, так и сейчас, возможно, существовал бы только ***Орден Мудрых Строителей Владыки Абсолютного Руководства***.

-Тогда, - в отчаянии сказал я себе, чувствуя, как мучительная боль, очень похожая на ужас, поднимается от желудка к горлу, - тогда я не должен ждать никакой конкретной помощи, чтобы выполнить свою миссию. Я предоставлен самому себе! -С этим трудно было смириться.

Предложенная Белисенной миссия, несомненно, требовала исполнения от высшего человека, одаренного гораздо больше, чем я в то время. Однако если я и был в чем-то уверен, так это в том, что для выполнения этой миссии не обойтись без духовной помощи. Но эту помощь, согласно моим недавним выводам, нельзя было ожидать от человеческих организаций: ***между духовным и мной не могло быть посредников***. Итак, было очевидно, что духовная помощь должна проявиться непосредственно во мне; что Бог, или "Боги-освободители", или мой собственный Дух, Вечный, Несотворенный, Бесконечный, если они откликнутся на просьбу о помощи, должны будут сделать это в глубинах моей психической близости.

Уже некоторое время он чувствовал какое-то удушье, стеснение в груди, о котором не придавал особого значения, приписывая его жаркому февралю. Это предположение вскоре исчезло, поскольку ночи в Сальте обычно довольно прохладные, даже летом, и этот случай не был исключением. Я сразу заметил это, когда открыл окно: парк был тускло освещен четырьмя часами сумерками, а холодный ветерок заставил меня закрыть ставень. Стоя у окна, задыхаясь от непонятной муки, я неловко подумал, что еще через несколько минут наступит рассвет.

Чувство ***космического одиночества*** мало-помалу, само того не замечая, овладевало мной и, наконец, смогло проникнуть в глубины моей Души. На мгновение мне показалось, что предыдущий анализ изолировал меня солипсически от Мира; или, другими словами, что манихейская поляризация, которой я подвергал человеческие организации, бессознательно

продолжала перескакивать через категории к противостоянию: Я и Мир. Это можно объяснить моим инстинктивным отказом от

материал. Но это было не так, потому что, когда я думал о своих друзьях, о своей семье, о людях, которыми я восхищаюсь, я сразу чувствовал в них духовную силу. И знакомое чувство радости, которое духовное вдохновляет меня, заставляло мое тело вибрировать. Да, я смог почувствовать Дух в некоторых существах, а значит, я не совсем одинок. То душераздирающее одиночество, которое я ощущал сейчас, - быстро сообразил я, - не было продуктом патологического отклонения, каким часто страдают эгоистичные солипсисты в своей меланхолии. Это было совершенно иное ощущение. Его можно было выразить одним словом: **покинутость**.

Я чувствовал себя одиноким и космически покинутым, но в этом чувстве покинутости сквозило второе, более тонкое, но менее болезненное ощущение: оно было похоже на немой упрек, вибрирующий в глубинах моей Души, но на невообразимой глубине. Это был упрек Бога, который передал Себя ч е р е з безразмерное пространство и, казалось, оплакивал потерю; метафизическую ампутацию Своей Субстанции, которая была пережита так, как способен страдать только Он.

И та потеря, которую упрекал Бог, была сама собой.....

Я, предавший его, совершивший осужденную и отвратительную ересь.

Я чувствовал себя одиноким и космически покинутым, повторяю, но до такой степени, что на мгновение мне показалось, что я умираю.

Надо понимать, что все это произошло очень быстро, возможно, за несколько минут или секунд. И, скорее всего, я действительно умер бы - я понял это гораздо позже, - если бы позволил себе полностью покориться этому странному состоянию сознания.

Если этого не происходило, то лишь потому, что отдаленно, на границах стремительно покидающего меня сознания, у меня была определенная интуиция: эта убивающая меня эмоция была внешней по отношению к моему собственному существу!

Это не я выл и выл эмоционально, с такой силой, что заполнял все вокруг; что пересекал мои многочисленные сферы восприятия и распространялся через окружающую реальность; что растворял мое сознание, теряя дифференциацию между субъектом и объектом.

Любопытно, что, как только я осознал эту интуицию, все внезапно оборвалось в тихом и ярком всплеске, в котором, как мне показалось, я мимолетно различил окружающий меня белый круг.

То есть не все было отрезано, потому что теперь чувство было перенесено

полностью ушла из моей жизни в мир бетона.

Я внезапно почувствовал себя ясным и внимательным, в то время как все вокруг меня, мебель, пол, стены квартиры - все, казалось, излучало пугающее и угрожающее зло. Это было нечто теневитическое, вызываемое эпидермисом, **которое воспринималось всем телом, каждым органом, каждым атомом**. То же состояние, что и раньше, но перевернутое и усугубленное: глубокое **космическое одиночество** теперь было чистым Присутствием; покинутость: немой призыв, но непреодолимой жестокости; упрек Бога, казавшийся таким Божественным, когда он вырывался из глубин Души, превратился в зверский, непристойный и отягчающий рев.

Невозможно выразить словами то, что я тогда испытал; я могу лишь д а т ь бледное представление, если скажу, что эта Первобытная Сила смутно

напоминала дыхание огромного и злобного зверя.

Едкое и отвратительное дыхание, исходившее от всех вещей, которые, в свою очередь, были внутренностями, органами, этого щетинистого и опасного Дракона. Дыхание, которое навязывало свое присутствие, полное жизни; но эта жизнь была для Духа тем же, чем шум для музыки: гнусным подражанием и жалкой копией. Сладострастное дыхание, которое втягивалось и выдыхалось в грубом и животном ритме.

В тишине и неподвижности ночи это Присутствие усиливалось, наполняя воздух угрозой; как будто невидимый и могущественный смертельный Враг подстерегал меня, готовый наброситься на меня, чтобы забрать мою жизнь и даже больше, чем жизнь.....

У меня было ощущение, что я упал в туманную пропасть, из которой меня спасли, не дав добраться до дна. Теперь я стоял на краю пропасти, чудом оставшись целым и невредимым, но испытывая то чувство страха, которое бывает только у тех, кто пережил катастрофу. Поэтому я стоял на месте и не бежал из этой атмосферы, заряженной неопишуемым злом, которое, казалось, агрессивно двигалось ко мне.

И эта спокойная, задумчивая неподвижность, казалось, еще больше нагнетала драматическое напряжение, доводя его до невыносимого уровня.

В тот момент я понял, что "то, что излучает Материю" - как бы это ни называлось - теряет способность действовать на меня, ибо в условиях невыносимого напряжения оно, казалось, бессильно завершить агрессию. В этот момент казалось, что все взорвется, разлетится в воздухе.....

И он взорвался.

Глава VI

Я бы солгала, если бы сказала, что не ожидала чего-то паранормального. Мой взгляд был прикован к предметам в комнате, ожидая, что в любой момент они выскочат на меня.

Я ожидал этого и вообще ожидал, что произойдет что-нибудь ненормальное, кроме того, что произошло на самом деле: все начало двигаться и смещаться, падать и прыгать по полу.

Полки, мебель, все падало и прыгало, а я, поглощенный происходящим, думал, что живу в кошмарном сне.

Мне потребовалось несколько секунд - драгоценных секунд, - чтобы понять, что я наблюдаю сейсмическое движение, и когда я наконец решился на побег, толчок уже почти закончился.

Совпадение? Синхронность? Думайте, что хотите, но нельзя не учитывать тот факт, что во время землетрясения 21 января 1980 года единственным зданием, получившим необратимые повреждения, было то, в котором я жил, и которое пришлось эвакуировать, как я мог убедиться, читая газеты тех дней.

Пострадавших не было, но здание получило необъяснимые структурные повреждения, и муниципальные власти начали расследование в отношении архитектурного бюро, которое его построило, но безрезультатно. В отсутствие страховки владельцы "Консорциума", в том числе и я, понесли сплошные

убытки.

Я не смог спасти почти ничего из своих вещей, поскольку то, что было достаточно прочным, чтобы пережить землетрясение, погибло под обвалом потолков. Среди них была и моя машина, которая, хотя ее и можно было отремонтировать от многочисленных вмятин, несколько дней не выезжала из гаража, потому что въездной пандус был заблокирован.

Он был разрушен в одночасье, как *Иов*. Но без его знаменитого терпения.

Не стану отрицать, что поначалу меня одолевало отчаяние; любой на моем месте счел бы это понятным. После рассказанного зловещего опыта, под тяжестью долгой бессонной ночи и груза предыдущего дня, проведенного в гостях у профессора Рамиреса, нужно было быть более чем сильным, чтобы не сдаться и не сорваться. Но прошло несколько дней, и мой дух вновь обрел привычную твердость, а дела начали налаживаться. Я снял квартиру в соседнем районе и обставил ее с помощью сестры и нескольких друзей. То, что сломалось и требовало замены, я купил на свои скудные сбережения.

Все эти меры были продиктованы моими близкими, которые в знак солидарности были обеспокоены моим абстрактным и безразличным состоянием души. Они думали - не зная о странных обстоятельствах, при которых произошло землетрясение, - что катастрофа повергла меня в волевой шок.

Рассуждения не были ошибочными, поскольку, хотя я никогда не был слишком привязан к материальным благам, потеря четырех лет работы и жертв была слишком болезненным испытанием, которое в другом случае сильно бы на меня повлияло. В тот момент все было иначе: мой разум, с того момента, как я вновь обрел спокойствие, не переставал анализировать прожитые моменты. Поглощенный воспоминаниями о той адской ночи, я, понятно, казался окружающим отсутствующим и подавленным.

Во мне росла тупая ярость, слепая ярость, которая, не оступляя, скорее питала меня жизненной силой и мужеством. Я не отступлю! Сейчас, как никогда!

Через неделю после землетрясения я уже был готов отправиться в путешествие. Задержка не сильно повлияла на мои прежние планы, и поэтому со здоровым юношеским нетерпением я хотел уехать как можно скорее.

Сегодня снова был понедельник; я планировал проехать через Серрильос, чтобы попрощаться с родителями, и, если бы я поторопился с отъездом, то успел бы позавтракать с ними.

Я погрузил сумку и портфель в потрепанный "Форд", наконец-то спасенный из-под обломков, и отправился навстречу приключениям.

Глава VII

Сказать, что я уже не тот человек, каким был семь дней назад, было бы неверно, потому что, *по суги*, во мне ничего не изменилось. Но я не чувствовал себя прежним и знал, что уже никогда не буду прежним. Как Данте, я спустился в ад и вернулся обратно, - думал я. Отныне жить с памятью о

Безде, по логике вещей, ***должно быть иначе.***

Но это было не просто зловещее воспоминание. Я обратился за духовной помощью и получил ее. Правда, помощь пришла одновременно с атакой Сил Материи, одновременно с землетрясением. Но это не умаляло достоинств события, а, напротив, придавало ему особое значение, **смысл которого я пока не понимал**, но который позже, во время путешествия в Санта-Марию, поглотил все мое внимание. Что же, собственно, произошло? Ну, у меня **было Видение: самое чудесное Видение в моей жизни, которое в то же время было помощью, которую я искал.**

Я изложу его в хронологическом порядке. Похоже, процесс действительно начался, когда у меня возникла интуиция, что это не я **страдаю и умираю**, испытываю **боль** от исчезновения жизни. Тогда, по моим словам, **"в се сдвинулось с места"**. На самом деле в тот момент мне стало ясно, что **боль и страдания, агония жизни и сама жизнь - это чуждые вещи**, недуховной природы. Иными словами, в тот миг **я четко разграничил Дух и Душу, мое духовное Я и мою животную природу**. Я понял, что Дух **не знает ни боли, ни страха, а является чистой Радостью и Мужеством, чистой решительной Честью, чистой волевой Силой**. И тогда "жить" или "умереть" для меня ничего не значило, потому что я уже находился за пределами жизни и смерти, а возможно, и за пределами добра и зла. Именно там Душа и Бог Души потеряли способность действовать на мое Я, и **в один момент Древняя Иллюзия была растворена, в один момент Первобытное Зачарование было прервано: внезапно все анимическое и жизненное, которое также было всем злом, переместилось "за пределы" моего Я, в мое животное тело и в Мир, где обитает животное тело**. Впервые я почувствовал себя Я, только Я; Я, окруженный Силами Материи; Я, осажденный Богом-Создателем Вселенной. А затем, несомненно, как следствие того, что я сражался с Душой и одержал победу, **пришло Видение, и я получил помощь, которую искал**. И произошли теллурические явления.

Я не буду вдаваться в подробности, которые мало способствовали бы пониманию моего мистического опыта и только ухудшили бы его. Короче говоря, **это было видение Богини**. Явление произошло в течение бесконечно малого мгновения, внутри или вне моей психической структуры, я не могу сказать, но что было эффективно, так это то, что Она **окутала** мой дух. Да; чтобы передать то, что произошло, я не могу сделать ничего другого, кроме как спрягать слова **arrobear** и **extasiar** как глаголы и утверждать, что Она **окутала** мой Дух, **очаровала** мое Эго и вывела его **из Души и из Мира**. Она на секунду **оторвала** меня от тела и от Земли и явила себя моему духовному Я во всем великолепии своей Несотворенной Красоты. И в этом духовном восторге мне открылась та, о ком так часто упоминала Белисена Вилька в своем письме, - Дева Агарта, Харизматическая Заступница скованного Духа. И тогда я понял, в разгар мистического восторга, что хищником Духа, заключенным в Материи, была Благодать, **необходимая** после того, как Эго спящего человека сразилось с Душой и победило: **только благодаря Ее вмешательству, действию Ее Благодати спящему человеку удастся сохранить эту победу над Силами Материи; только Она поможет Эго, харизматически, с помощью дополнительной волевой силы, которая позволит ему поддерживать себя независимо от сотворенной Души**.

Это было мгновение без начала и конца, потому что оно всегда будет

присутствовать в близости моего Духа, абсолютный момент, в который, без сомнения, я смотрел на

Вечность. Она похитила меня и удержала в тот миг в Несотворенной Сфере Своего Собственного Существования, влив в меня дополнительную волевою силу, необходимую Духу для выполнения миссии Белисены Вильки. Каким сильным и непобедимым я себя тогда чувствовал! И, прежде всего, я осознал, насколько свободен, абсолютно свободен, несотворенный Дух в своей сути, **без ограничений, созданных для его Вечного Существования**, то есть Бесконечного! Я ощутил **Себя**, Несозданного, Вечного, Бесконечного, Свободного, полного Мудрости; я ощутил **Себя** и понял, что вне меня остались психе и психе, сознание теплой жизни и содержание теплой жизни, внешняя и внутренняя Иллюзия, вызывающая духовную дремоту; я вдруг узнал, пережил очевидное открытие, что такое **"Великое Заблуждение"**, об опасной силе очарования которого предупреждала меня Белисена Вилька.

Я ощутил **Себя** и познал **не-Я** души в восторге духовного вдохновения, которое произвело на меня впечатление Девы Агарты. Я **был впечатлен** Духом, и отпечаток до сих пор сохранился: Ее лучезарная несотворенная красота, величие Ее силы, Ее великолепная милость. Я видел в Ней Богиню, но там, в царстве восторга, я тоже был Богом. Так я почувствовал в Ней **Готткамерад**, товарища, сестру, спутницу Расы Духа; только я был на мгновение вырван из тюрьмы, в которой оказался, а Она была абсолютно свободным гиперборейским Духом. Она обратилась ко мне, чтобы принести мне помощь Своей Милости, движимой Честью, которая является сущностью Несотворенного Духа. Это тоже было очевидно для меня в тот бесконечный миг, и потому мой собственный Дух, движимый своей сущностной Честью, стремился хоть как-то **отблагодарить** Богиню, выразить, что Ее помощь не будет напрасной, заверить, что мое решение будет непоколебимым. Но я не мог сделать ничего подобного, ибо Богиня чудесно улыбалась, давая мне понять все мои мысли.

Дева Агарта держала в левой руке пучок пшеничных колосьев, а между указательным и большим пальцами правой руки - зерно того же злака. В момент улыбки Она сделала жест этой рукой, который я сначала не понял, и направила его на меня, на нечто подобное **Огненному Глазу**, которым я обладал в определенной части Духа: **затем Она раскрыла Божественные Пальцы и выпустила туда волшебное семя**. И на этом Видение резко оборвалось. Я почувствовал, как ледяной луч, **войдя в мою голову**, ударил в **сердце**; тут же ледяное ощущение начало распространяться по телу, и меня охватил нарастающий паралич. И я обнаружил, что все еще стою в комнате и тупо наблюдаю за тем, как все вокруг начинает скакать и здание грозит рухнуть. Экстаз длился лишь бесконечно малое мгновение, сказал я, но затем прошли драгоценные секунды, прежде чем я понял, что происходит в Мире, **случайно, одновременно**, и отреагировал. Затем землетрясение прекратилось, и я заметил, что гнетущее зло, которое было мгновение назад, исчезло и из Материи. Напротив, Материя **стала подчиняться мне**. В воздухе витала идея, одинаково исходящая от всех вещей, которую я прекрасно уловил и которую я мог бы перевести примерно следующим образом: **"Теперь Ты - Бог, и ничто и никто не может противиться Твоей Воле; то, что произошло здесь, - это демонстрация Твоей ужасной Силы!"**

Начало, *как* теперь *казалось*, приобрело Материю благодаря *эффекту* Видения: *следовательно, имело место явное намерение причинно связать землетрясение с моим недавним духовным восторгом*. Но я не позволил себя обмануть. Я почувствовал в этой идее ловушку Сил Материи, искушение, которое в данный момент было неясно, но над которым я позже возьму паузу, чтобы глубоко поразмыслить.

По сути, во мне ничего не изменилось, но я уже никогда не буду прежним: только *соотношение сил*, поддерживаемых Духом и Душой, было нарушено дополнительной волевой силой, принесенной Девой Агарты. Когда я вновь осознал реальность мира, увидев Божественный Образ, мое Я смогло доминировать над душевной природой с необыкновенной силой, так, как никогда прежде, после многих лет йогических практик концентрации и ментального контроля; и я не был готов потерять эту силу, чтобы роли поменялись местами и Я вновь подчинилось *желаниям* Души. Но этого не случится, уверял я его, ибо было очевидно, что не только "Я" укрепилось благодаря духовному восторгу, но и Душа навсегда ослабла в том, что составляло саму её суть: чувства и эмоции, любовь к жизни и вещам, *доброе сердце*, которое я всегда проявлял и которое не раз мешало мне прибегать к насилию для решения проблем, стоявших на моем пути, - все эти и многие другие теплые страсти быстро *остывали*, мерцали и гасли, как пламя свечи, израсходовавшей свою приманку. Конечно, если бы мне пришлось синтезировать новое состояние моего существа, я бы сказал, что это было что-то очень похожее на *возрождение*: да, я не боюсь сказать это, хотя я психиатр и, более того, образованный человек. Даже если это неприемлемо для официальной ортодоксии, я не мог отрицать того, что я, безусловно, испытывал, и что это уже привело к заметной трансформации моего поведения: это было заметно почти всем, кто меня знал, и именно поэтому они предполагали, что у меня постземлетрясение, что я "страдаю" от своего рода психологического *регресса*. Я вдруг стал "как ребенок": "смеялся по любому поводу", и казалось, что "для меня уже ничего не имеет значения", - таковы были упреки друзей и родственников, свидетельствующие о конкретном регрессивном изменении в моем характере. Но я также становился жестоким и безжалостным, я сам это знал, но не упрекал себя за это, потому что, как никогда раньше, презирал свою жизнь и жизнь вообще. Хочу уточнить, что "как никогда раньше" означает "как никогда раньше, будучи взрослым", потому что, и я знал это профессионально, дети, как и я, возрожденные, *способны убивать без предвзвешивания и угрызений совести*.

Возможно, во время этого духовного восторга, в этот бесконечный миг, он умрет.

Парадокс, ибо не может быть конца тому, что не имеет конца, - мгновению, которое будет вечно присутствовать в моем Духе. Если это так, то детское изменение характера, усиление волевых усилий, угасание чувств, угасание желаний, безнадежное охлаждение сердца, ощущение возрождения, духовная уверенность в том, что я чувствую себя спасенным, близким к окончательному освобождению от материальных уз, - все это можно объяснить, если предположить, что истинная духовная жизнь будет продолжаться в будущем. Все это можно было бы объяснить, если предположить, что истинная духовная жизнь продолжается в царстве восторга, из которого я никогда не уходил и никогда не уйду, то есть в Бесконечном, и что эта кажущаяся жизнь, прожитая

в "конце" того, что не может закончиться, на самом деле была формой смерти, несуществующей, но неизбежной духовной иллюзией. Возможно, на с а м о м деле он действительно был мертв и как таковой больше не боялся ничего живого; и многое

меньше к Смерти. Возможно, все это было результатом того таинственного семени, которое Дева Агарта выпустила в Огненное Око Духа. Я пока не мог этого знать. Но что было несомненно, что было конкретно, так это то, что я получил запрошенную духовную помощь, что, умерший или возрожденный, я чувствовал себя радостным и мужественным, что я не боялся Смерти и не боялся убивать, и что я чувствовал, что, как ни странно, мое Я **участвует в настоящем Бесконечном**. Да, безошибочно, я чувствовал себя неопределенным со стороны Я; все, что содержала Вселенная, включая мою собственную биологическую жизнь, и сама Вселенная были ограничены и тленны: это была конечная сторона моего существа, Иллюзия; но теперь я знал с уверенностью, что в Я открывается бесконечная бездна: это была Бесконечная сторона моего существа, Истина.

Возможно, то, что я испытывал в то время, можно отчасти понять, прибегнув к метафоре.

Представьте себе человека, привыкшего жить в прекрасном, уединенном лесу. Дни проходят спокойно, без особых сюрпризов, и хотя борьба за жизнь заставляет постоянно быть настороже, само это постоянство удерживает внимание на постоянном и, в конце концов, рутинном уровне.

Можно сказать, что этот человек "владеет ситуацией" своей повседневной жизни. Не подалеку, безмятежное и спокойное, озеро предлагает время от времени насладиться освежающим и восстанавливающим купанием. Но озеро, как и лес, не является безопасным местом для длительного пребывания.

Вода не обладает такой твердостью, как суша, и для того, чтобы удержаться в ней, необходим определенный контроль, определенное дополнительное внимание, требование, которое в конечном итоге утомляет человека. Именно поэтому посещение озера регулируется необходимостью порыбачить или удовольствием от купания. Однажды этот человек, по ошибке или по дерзости, порождает не зависящее от него обстоятельство: огонь, который до сих пор помогал ему жить, вырывается в лес, яростный и разрушительный. Человек остается неподвижным, или пытается задушить его, или богохульствует в отчаянии, но ни то, ни другое не имеет значения; ничто не может предотвратить катастрофу, потому что огонь вышел из-под его контроля, он настиг его. Пламя распространяется повсюду, поглощая все, и становится необходимым искать спасения; но куда идти? Где безопасность? Внезапно, как вспышка молнии, появляется свет: озеро.

Ирония судьбы: место, где ему никогда бы не пришлось в голову искать убежище, теперь становится единственным местом, где можно выжить в условиях жестоких перемен повседневного мира, который исчезает, поглощенный хищным и убийственным костром.

Бегите, бегите к спасительному озеру. Позади него огненное, неумолимое чудовище, кажется, вплотную преследует его, скрежеща зубами, ревя и извергая удушающие струи.

Но оглядываться назад нельзя, другого шанса не будет. Единственное, что осталось, - это озеро, которое никогда не казалось таким далеким, как сейчас. Наконец, райское видение, неопишная радость, мистическое явление - озеро возникает на горизонте.

Фантастически спокойный, он является оазисом мира для тех, кто спасается от смерти по миллиметрам. Человек бросается в защитные воды и интуитивно плывет *к центру*, делая множество взмахов руками. Обернуться он может лишь на мгновение, когда окажется в безопасности в прохладных водах и сможет оглянуться на свой, до недавнего времени тоже безопасный мир.

Если учесть аналогии, проводимые этой метафорой с событиями, о которых я рассказывал выше, можно понять, каково было мое душевное состояние. Подобно человеку из примера, как я видел, как горит и преобразуется, временами исчезая в дыму, лес, который составлял его Мир и его безопасность, так и я видел, как надежная, повседневная реальность растворяется в огне безошибочного зла.

Подобно человеку в метафоре, который чувствовал себя странно защищенным в водах озера, до вчерашнего дня непостоянных и неизвестных, я тоже теперь был защищен и устойчив в до вчерашнего дня неизвестных водах Духа.

Человек в лесу, плывя к безопасному месту, смотрел, как исчезает мир, и думал: "**Я рождаюсь заново**". Я тоже почувствовал себя заново рожденным в пределах Души, и только по этому невыразимому чувству можно было сказать, что я стал другим человеком, хотя **по сути** я остался тем же самым.

Глава VIII

Я ехал к родителям, пропитанный тем мистическим оптимизмом, который испытывают только те, кто знает, что переродился. Приняв решение уехать, я думал только о **явлениях** роковой ночи 21 января, пытаюсь истолковать их трансцендентный смысл. Через несколько минут я прибуду в Серрильос, но потом эти мысли будут сопровождать меня на протяжении многих часов предстоящего путешествия.

Через тридцать минут он уже вел машину по двухсотметровой подъездной дорожке в компании своего верного пса Канута.

Мои родители, которые уже наполовину позавтракали, были рады меня видеть и выразили это приветствиями и смехом.

Своей лаской они пытались стереть память о катастрофе. Я был внутренне благодарен им за эту лесть, ведь мне необходимо было приобрести запасы спокойствия и умиротворения в преддверии будущих несчастий. Я знал, что через час, когда я буду уходить, мой разум сосредоточится на анализе всех деталей сложного инцидента, в который я был вовлечен.

-У тебя прекрасный день для путешествия, - сказал отец, набросившись на аппетитно выглядящую сосиску-гриль. Езжай осторожно, сынок, помни, что утром дальнбойщики приходят полусонные.

Не волнуйся, папа; я поеду медленно и через три часа буду в Тукумане", - сказал я без особой уверенности.

Каталина, моя сестра, передала мне сосиски и яйца, булочки на пару и кофе. Я с удивлением обнаружила, что у меня во рту все бурлит от голода, и поняла, что уже несколько дней плохо питалась. Чувство голода, если есть чем его утолить, всегда является признаком хорошего здоровья. Больше я об этом не думал и решил позавтракать.

В финке есть большая столовая с большим окном на восток, выходящим на проезжую часть, но по утрам мы завтракали на кухне. Кухня находится за столовой, занимая южную стену, в которой есть большое четырехметровое стационарное окно с деревянным столом.

но в то же время в деревенском стиле. Всю западную стену кухни занимает плита и примыкающий к ней очаг.

Сидя перед окном с видом на виноградники, я завтракал в кругу семьи и переживал ностальгию по многим таким рассветам. Но темное облако тревожило мой дух; тайный голос предупреждал меня, что это может быть последний завтрак, съеденный таким приятным образом. И тогда я попытался отогнать мрачные предчувствия, яростно жуя жареную колбасу.....

-Скоро увидимся, Артуро, - сказал отец, - я собираюсь посетить каналы в Полив.

Пока, папа", - я проводил его до задней двери и устался на него. пока он шел в сторону конюшни в поисках своего старого жеребенка. Через несколько минут я увидел, как он рысью удаляется по дороге, которая идет с востока на запад, параллельно главной оросительной канаве. Мне уже пора было уходить, но я намеренно медлил, потому что хотел поговорить с мамой наедине.

Он все еще находился на кухне, и ему потребовался лишь жест, чтобы заискивающе подойти ко мне. В обычной ситуации такое отношение не привлекло бы его внимания, но когда я положил руку ему на плечо и заговорил, на его лице появилось удивленное выражение.

-Mamacita querida, - сказал я ей, - вы должны простить меня, если то, о чем я собираюсь вас попросить, причинит вам боль.....

-Ты знаешь, сынок, что все, что у меня есть, - твое..... -Он понял, что не просит ничего материального, и на его лице появилась откровенная тревога. Что я могу сделать для вас, Артуро?

-Успокойся, мама, ты же знаешь, я бы не стал тебя беспокоить, если бы не считал это абсолютно необходимым.

-Перестань кружить и скажи мне, чего ты, черт возьми, хочешь, - сказала моя мать, которая начинала терять спокойствие.

-Какого года я родилась, мама? -спросила я, переходя к делу.

-Вы это хорошо знаете; в 44-м. 30 января 1944 года. Вам сейчас 36 лет.

-ОК, мама, слушай внимательно. Мы никогда не говорим об этом, но я хочу

Я помню одну ночь, более тридцати лет назад; мне было три или четыре года, и что-то, шум, я не знаю что, разбудило меня. Было уже поздно, Каталина спала на соседней кровати, и через окно было видно, как луна падает с запада. Думаю, мне почудились голоса, потому что я встал, не одеваясь, и спустился по лестнице в холл, размышляя между сном, который закрыл мне глаза, и любопытством, которое их открыло.

Там были папа, ты и кто-то, кого я никогда раньше не видела, - высокий остроглазый мужчина. Я до сих пор помню его пронзительный взгляд и рост, который был выше, чем у папы с его ростом. Именно он обнаружил меня на лестнице и разразился хохотом под твоим страдальческим взглядом. В общем, больше я ничего не помню. Кажется, я была в его объятиях, и помню, как он подарил мне что-то блестящее, что полностью привлекло мое внимание. Потом вы снова уложили меня спать, а на следующий день незнакомца уже не было, и я больше не видела его подарка.

Мама побледнела. Мы остановились у сада, и я дал ей немой сигнал сесть под дубом.

"С годами, - продолжала я, - я вспоминала ту ночь, но не придавала ей особого значения. Только однажды, когда мне было лет девять или десять, я осмелилась спросить об этом папу, и его реакция была очень странной: он очень расстроился и запретил мне говорить об этом снова, но через несколько минут изменился и попытался убедить меня, что я вспоминаю сон, плохой сон, который был у меня в детстве.

Поэтому я больше никогда не упоминал об этом. До сегодняшнего дня. - Мама вздохнула и покачала головой, словно очнувшись от кошмара.

Почему, Артуро, почему спустя тридцать два года ты все еще помнишь ту ночь? -Почему вы настаиваете на том, чтобы вновь пережить мимолетное воспоминание, которое ничего для вас не значит?

-Матушка, повторяю, я не хочу причинять вам боль; подождите, я еще не сказала вам того, что хотела бы знать, - сказала я успокаивающим голосом. Скажи мне только две вещи: был ли этот человек из нашей семьи и имел ли он какое-нибудь отношение к войне.

Здесь я использовал твердый тон, который убедил маму в бесполезности отказа от ответа.

-Послушай, Артуро, ты взрослый человек и не можешь не знать, какой жестокой была война. В годы после 1945-го напряжение было высоким, и многие люди вынуждены были жить в бегах. Но сейчас все по-другому; прошло много времени..... Нехорошо, что кто-то это откопал...! -в мамином голосе звучала мольба.

-Мама, ты не отвечаешь на мои вопросы, и это неправильно, это потому, что ты мне не доверяешь?

-Просто немой взгляд в поисках ответа.

-Ты должен рассказать мне все, что знаешь, потому что это очень важно для меня, для моего будущего, понимаешь? -твердо заверила я его.

Было ясно, что он не понимает, и я решил быть более убедительным.

-Мама, я переживаю страшный духовный кризис. Судьба поставила меня на дьявольский перекресток, где ошибка в выборе означает сбиться с пути, полного препятствий и реальных опасностей. Твои ответы помогут мне не оступиться, поверь мне, мама. -Я взял ее руки в свои, отчаянно пытаюсь вселить в нее уверенность.

-Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь, но чувствую, что ты очень волнуешься, сынок. Я расскажу тебе то, что ты хочешь знать, и да простит меня Господь, если я ошибусь, - он глубоко вздохнул и продолжил, - Курт; это он пришел той ночью в 1947 году. Мой брат Курт, который считался погибшим или пропавшим без вести в Берлине в 1945 году, на самом деле был на задании в Италии, когда война закончилась. Он провел два года, скрываясь во францисканском монастыре на юге Италии, пока в 1947 году ему не удалось приехать в Аргентину благодаря сети помощи беглецам от войны, которая действовала при поддержке правительства президента Перона.

-Но, мама, - перебила я, - почему ты не вернулась в Египет, в родовое поместье? Египетское правительство очень бережно относилось к немцам, особенно после основания государства Израиль в 1948 году.

-Это тайна. Он никогда не хотел говорить ни о себе, ни о причине преследования, ведь ему было всего 30 лет, - наивно рассуждала мама, - и у

него почти всегда были дипломатические посты.

-Но кем он был во время войны? -спросил я заинтригованно, - гражданским или военным?

//военный; офицер **Ваффен**. Майор или что-то в этом роде. Вы должны иметь в виду, что в 1938 году я вышла замуж за вашего отца и приехала в Аргентину, потеряв с ним связь на долгие годы.

К 1932 году Курт уже был командиром отряда, то есть **фейнляйнсфюрером, гитлерюгенда** в немецкоязычной общине Египта.

Благодаря усилиям папы, который имел некоторое влияние в Г е р м а н и и и благодаря своему дворянскому титулу, в 1938 году он уехал учиться в одну из школ **Напола, Nationalpolitischen Erziehungsanstalten**, в Берлине. После этого я видел его всего три раза, последний раз перед его отъездом в Аргентину на

Рождество 1937 года, а затем прошло десять лет, прежде чем он появился здесь в 1947 году. За это время я мало что слышал о нем, так как получал

письма с периодичностью одно в год и никогда напрямую, поскольку Курт писал в Египет, а оттуда папа пересылал их сюда. Поэтому я почти ничего не знаю о его карьере; только то небольшое, что он мог рассказать мне в переписке со студенческих лет и еще меньше - во в р е м я войны, когда он был очень скуп. Я знаю, что в школе в Наполе он преуспел в знании ближневосточных языков, и это принесло ему несколько специальных курсов, но я не знаю, что именно он изучал.

состояла из.

Я помню, что в первые годы жизни он был счастлив, потому что ему разрешили поступить в подразделение школы в Наполе, которое называлось, если не ошибаюсь, **Flejer H-J**, где проводилась воздушная подготовка; но, повторяю, я мало что знал о нем после его выпуска в 1937 году. //Он поступил в какое-то специальное подразделение, но, насколько мне известно, никогда не воевал. Его функция была как-то связана с дипломатической службой, поскольку большую часть войны он провел в Азии. И это все. В 1945 году он официально считался погибшим, так как, по слухам, его местом назначения был Берлин в апреле, когда город пал перед русскими. Его тело было "найдено" в обугленном самолете, который б ы л подбит русской артиллерией и не смог взлететь.

Нам сообщили о его смерти, - продолжала мама, - и мы очень горевали по нему до 1947 года, когда, к нашему удивлению, он приехал сюда. Остальное я вам уже рассказывала: ему помогли "Камераден", и он, получив новую личность, готовился начать "другую жизнь" в Аргентине. По его словам, было предпочтительнее исчезнуть навсегда, потому что, если бы союзники заподозрили его существование, они бы вскоре начали его искать. Я думаю, это решение, которое мы должны уважать, не так ли? -она посмотрела на меня с надеждой, что мое "любопытство" удовлетворено. Я решил продолжить расспросы, пока она не отреагировала.

-Да, мама, я все понимаю и благодарю тебя за все, что ты мне рассказала, но не хватает самого главного. Где сейчас дядя Курт? -выпалил я, и мне показалось, что от этого вопроса он упадет в обморок.

-Артур, сын мой, ты уже вырос и поумнел, зачем же ты спрашиваешь о том, чего благоразумие не советует тебе знать? Он здоров, никто не беспокоил его все эти годы, и было бы хорошо, если бы никто не беспокоил до его приближающейся смерти. Что-то промелькнуло у нее в голове, и она ошеломленно уставилась на меня. Вы не думаете сами навестить его? О нет!

Вы должны выбросить эту мысль из головы. Он прожил 35 лет на одном месте, и все знают его в новом обличье. Было бы глупо по прихоти поставить под угрозу такое освещение.

Он догадался о моем намерении и отреагировал соответствующим образом; я понял, что выудить из него адрес моего воскресшего дяди Курта будет непросто.

-Ты не понимаешь, мама, это не прихоть, мне важно поговорить с ним, чтобы получить информацию, которой он может обладать и которая так же важна для меня, как воздух, которым я дышу. Ты не должна беспокоиться о безопасности - как может повлиять на него визит незнакомца, который бывает раз в жизни? Можно найти тысячу оправданий тому, чтобы принять гостя, который никогда не вернется. Потому что именно так я и поступлю, мама, клянусь! Как только я спрошу его о том, что хочу знать, я уйду и больше никогда не вернусь", - пытался я убедить ее хоть какими-то аргументами, а она нерешительно смотрела в сторону виноградных лоз, словно ища защиты у моего отца.

-Давай, мамаша, скажи мне, где он. Я имею право хоть раз в жизни увидеть дядю Курта.

Наконец она приняла решение, хотя и с большим противоречием, и, пока она говорила, я не радовался моей настойчивости, а внутренне проклинал боль, которую причинил ей, и муки, которые эта уверенность, несомненно, принесет; по крайней мере, до возвращения из путешествия.

-Он живет неподалеку отсюда, в провинции Катамарка. Я никогда не навещал его, потому что он категорически запретил мне это делать, хотя и дал мне адрес на случай непредвиденных обстоятельств.

Я отдал ей карточку и авторучку, проверив, что мама запомнила данные.

-Неужели за 35 лет вы ни разу не видели его и не писали ему? - недоверчиво спросила я.

Он улыбнулся, протягивая мне карточку и авторучку.

-Да, глупышка. Мы видели его с вашим отцом несколько раз, в Сальте и один раз в Буэнос-Айресе, на каникулах. Но мы никогда не пишем ему. Он пишет нам пару раз в год, на почтовый ящик, который есть у твоего отца в Серрильосе, и сообщает, когда едет в Сальту, и мы пользуемся случаем, чтобы встретиться на несколько часов. За все эти годы я видел его менее двадцати раз.

Мне было трудно поверить, что два брата, разделенные всего 350 км, не могут навещать друг друга из-за событий, которые никто не помнит, и которые произошли сорок лет назад и за тысячи миль друг от друга. Тем не менее я оправдывал опасения матери и понимал, каких усилий ей стоило уступить моей просьбе и доверить мне свою тайну.

Внезапно я вспомнила о папе и затрепетала в предвкушении, просчитывая, какой гнев обрушится на него, когда он узнает о моей дерзости. Мама не стала бы скрывать от него мои бесцеремонные заявления, и он пришел бы в ярость. Меня охватит стыд, и, возможно, мне придется пообещать, что я не поеду в Катамарку. Я решила избежать любых обсуждений и немедленно уехать.

Я поцеловал маму в лоб и направился к машине. Должно быть, она не заметила моей поспешности, потому что, прежде чем я успел завести мотор, она крикнула мне вслед:

Подожди, Артуро, подожди несколько минут, и я дам тебе кое-что.

Он вошел в дом, и, несмотря на мое нетерпение, мне пришлось ждать

десять долгих минут. Наконец он вернулся с конвертом в руках.

-Я написала несколько строк для Курта. Вы так торопитесь, что не думаете, будто он вас не знает. Он видел вас пять минут, когда вы были маленьким мальчиком, как, по-вашему, он вас запомнит?

Он протянул мне конверт, который я с благодарностью принял, потому что, по его признанию, это очень поможет в установлении моей личности.

-Откройте правую руку и положите ее ладонью вверх, - сказала мама с таинственным и самодовольным видом.

Я выполнил его просьбу, и он разжал левый кулак, который все это время был сжат. В мою руку упало что-то, что я сначала не смог разобрать. Это был блестящий предмет, и, рассматривая его, я с изумлением слушал:

-Это то, что Курт подарил тебе в ночь на 1947 год. Я взял его, когда вы спали, боясь, что вы потеряете его в азартной игре, и хранил в своей шкатулке. С годами мне стало трудно отдавать его вам, потому что вы потребовали бы объяснений, которые мы не могли вам дать. В то время он хотел сделать вам подарок, но ничего не принес, потому что не знал, что у него есть племянник. Он оставался неженатым и, увидев вас, был тронут и сказал, что, поскольку у него нет детей, это должно остаться у вас, его единственного племянника.

Я с изумлением смотрел на Железный крест со свастикой и дубовыми листьями в своих руках и удивлялся, как офицер, который никогда не воевал, мог быть удостоен высшей награды Германии за героизм и доблесть.

-Скоро увидимся, мама, - помахала я через окно машины. Не волнуйся, я буду осторожна. Передавай привет папе и Каталине. Пока. Пока.

Я стартовал и через несколько минут был уже на дороге.

Глава IX

Я заехал на станцию техобслуживания в Серрильосе, чтобы заправиться, и воспользовался возможностью еще раз взглянуть на карточку с адресом дяди Курта. Невероятно, что родственник, которого я считал умершим 35 лет назад, был так близко и в хорошем состоянии. Я перечитал ее еще раз:

***Мистер Черино Сангедольче
Улица Фрай Мамерто Эскью, 95
Санта-Мария - провинция Катамарка***

-Сэр? -Перебил меня диспетчер.

-Заправьте бак специальной нефтью, пожалуйста; А! Проверьте масло.... -

Я

сказ Мой внезапный отъезд не позволил маме дать достаточно информации о ал.

Дядя Курт. Теперь начали возникать вопросы, ведь я не знал, женился ли он, есть ли у него дети и внуки, чем он зарабатывает на жизнь.....

-Ба, - подумал я, - я должен сосредоточиться на путешествии и верить.

Через несколько часов я все узнаю.

-Тридцать литров нефти и два литра нефти, сэр.

-Вот, возьмите, - протянул я ему записку, - у вас есть карта маршрутов провинции Катамарка?

-Да, сэр.

Он отправился в кабину пилота и быстро вернулся с красочной раскладной картой, содержащей множество туристической информации.

-Еще тысяча.

Я заплатил ему и завел двигатель, чтобы снять машину с насоса, но припарковался в двадцати метрах впереди и посмотрел на карту.

Поехать в Санта-Марию из Сальты - совсем не проблема, напротив, это преимущество включает в себя один из самых красивых туристических маршрутов аргентинского северо-запада. Это путешествие из Сальты в "прекрасный" Кафайяте, как в народе называют этот город, славящийся на весь мир своими изысканными винами и расположенный в самом сердце долин Кальчаки.

Благодаря недавно заасфальтированной дороге Ruta Provincial N° 68, которая облегчает путешествие и позволяет насладиться уникальными пейзажами разноцветных холмов, эти двести километров можно преодолеть быстро. Неудобства возникают только при выезде из Кафайяте, пересечении потока "де лас Кончас" и выезде из провинции Сальта. Затем вы въезжаете в провинцию Тукуман, но только на 40 километров, так как она имеет небольшой клин, который вклинивается в провинцию Катамарка. Проехав это небольшое расстояние, вы попадаете в Катамарку в точке, расположенной в 80 км от Санта-Марии.

Перейдя ручей вброд, так как моста нет, путешественник словно попадает в другой мир.

Если не считать искусственной физиономии цивилизованных черт долины в Сальте, здесь вы оказываетесь в подлинно автохтонной среде. Дороги грунтовые, запущенные по мере продвижения на юг, и множество деревень с саманными домами, в которых живут метисы-креолы, ближе к индейцам, чем к белым.

Бедность становится очевидной, как только вы попадаете в Катамарку - провинцию, несправедливо забытую остальной частью страны и покинутую собственными детьми, которые из года в год совершают неизбежный исход тех, кто стремится преодолеть нищету и добиться материального прогресса.

Красота ландшафта в Катамарке не уменьшается, напротив, он становится диким и первобытным, обеспечивая прекрасные визуальные достопримечательности извилистой дороге, идущей вдоль края Сьеррас-де-Кильмес. Это название происходит от индейцев кильмес, одного из племен свирепой расы диагуита, которые в конце войн Кальчаки, длившихся 35 лет в XVII веке, были вывезены в количестве 300 семей в изгнание в Буэнос-Айрес и дали начало одноименному населению.

Между Сьерра-Кильмес и дель-Кахон на западе и Кумбрес-Кальчакиес и Невадос-дель-Аконкия на востоке раскинулась плодородная долина Йокавиль, омываемая в продольном направлении рекой Санта-Мария, где находится город Санта-Мария-де-ла-Канделария.

Я знал Санта-Марию, поскольку в свое время побывал в ознакомительной поездке на нескольких археологических участках в долинах Йокавиль и Кальчаки, изучая культуру диагуита, и мне не хотелось повторять эту поездку. Естественно, что, отправившись в регион Вальес и Кебрадас, мне было трудно перебраться в Тафи-дель-Валье в Тукумане, расположенном

посреди Западных лесов и отделенном от Катамарки негостеприимными Кумбрес-Кальчакиес и Невадос-дель-Аконкиха. Но, к счастью, из Санта-Мари есть дорога, которая поднимается к

На север до Амайча-дель-Валье: оттуда можно свернуть на трассу 307, которая пересекает пики Кальчакиес через перевал Инфьернильо и ведет прямо в Тафи-дель-Валье. В общей сложности от Санта-Марии до Тафи-дель-Валье вам придется проехать всего 80 км, но это будет утомительно из-за состояния дорог и извилистых подъемов.

Он мчался со скоростью более 100 км/час, пользуясь хорошей дорогой до Кафайяте, чтобы выиграть время, потому что потом темп будет медленным, не более 40 км/час.

У меня было несколько часов на размышления, и я решил использовать их немедленно.

Пейзаж, прохладный ветер, тишина долины - все это способствовало тому, что я чувствовал себя расслабленным и спокойным, предрасположенным к медитации. Но такое отношение было несколько ненормальным, если учесть, сколько всего произошло со мной за последнее время. Отсутствие озабоченности свидетельствовало о больших переменах внутри меня, которые проявлялись также в чувстве отрешенности от всего на свете. Я чувствовал себя умиротворенным, потому что ни в чем не нуждался. Я был материально разорен, возможно, мне грозила смерть, и это откровение вызвало на моем лице лишь глупую улыбку.

Да, я сильно изменился. И все эти изменения произошли между 7 января, когда я испытал духовный восторг и думал, что умираю, и синхронным землетрясением, которое уничтожило все мое имущество.

Со мной произошло столько всего, и казалось, что это будет продолжаться, потому что со мной постоянно происходили самые необычные вещи. Например, дело с дядей Куртом.

Это, безусловно, была интуиция. //Когда встреча с профессором Рамиресом закончилась и мудрец упомянул, что почти все документы о друидах были разграблены в Европе во время войны, я подумал - кого бы спросить о Черном ордене и их интересе к друидам, - в этот момент в моей голове всплыло воспоминание о той ночи в детстве. Никакой логической связи между ними. Ничего рационального. Если бы я задумался об этом хоть на минуту, то наверняка отверг бы это предположение как абсурдное. Но недавние события заставили меня не доверять "разуму", и, поддавшись наитию, я спросил у матери, что произошло той ночью 33 года назад. И вот он - ключ! Необъяснимым, иррациональным образом возникла связь; ведь я хотел знать о немцах, а мой дядя, о существовании которого я не знал, был немецким солдатом. И о немцах!

//

Я отказался от поисков объяснения и сосредоточился на ночи 21 января, когда произошли описанные явления. С тех пор, как я уже говорил, я чувствовал себя заново рожденным, и если я и думал об этом, то только для того, чтобы проанализировать, как связаны между собой два события разного порядка: мой мистический опыт и теллурическое движение. Потому что для меня не было сомнений в том, что между этими двумя явлениями существует некаузальная, синхронистическая связь. Что я оказался в ситуации, подобной убийству в Белицене, когда убийца в порыве безумной гордости оставляет неопровержимые свидетельства ужасной Силы.

21 января Материя, возвышенная надо мной, взрывается землетрясением необычайной силы синхронно с мистическим опытом, в котором оба события галлюцинаторно перепутаны, создавая ощущение

причинно-следственной связи. Если бы я поверил в это, то был бы склонен думать, что моя собственная психика вызвала "сейсмические явления", и это было бы моральным поражением моего Духа.

Именно в это хотел заставить меня поверить Некто, Автор землетрясения, чтобы потерять меня. И эта колоссальная ревность - еще одно проявление инфернальной гордыни и высокомерия.

Искушение "овладеть явлениями" - одна из главных ошибок, в которую впадают те, кто стремится идти по пути Духа. Единственные явления, которые действительно имеют значение для духовного подъема, - это те, которые происходят лично и качественно, не передаваемые и не сообщаемые. Конкретные явления, явления коллективного восприятия, несут на себе печать количественного и материального; более того, сомнительно, что они могут быть порождены актом воли.

В этом отношении неспециалисты становятся жертвами намеренно запутанной информации. Но я, как психиатр, был знаком со всеми видами феноменальных актов, возникающих в результате психологических патологий или истерических кризисов. В нейропсихиатрических больницах проявления подобных феноменов - обычное дело, но, очевидно, мало освещаемое. В некоторых случаях парапсихологические явления можно наблюдать в отношении одного или нескольких пациентов. Эти явления, очень привлекательные для обывателя, не имеют адекватного научного обоснования, и именно этот факт является основной причиной их сокрытия. Как правило, они бывают самых разных типов: поднятие объекта в пространстве без явной силы, поддерживающей его (*левитация*), перемещение объектов (*телекинез*), увеличение яркости объектов в камере пациента или изменение тональности цветов (*хроматизация*), появление неизвестных объектов или исчезновение других (*вклад материи*) и т. д.

Нет нужды говорить о том, что все эти явления поддаются коллективной проверке, когда они происходят, но совершенно невозпроизводимы в исследовательских или лабораторных условиях. В основном это связано с тем, что "ответственные" за такие явления безумны как черт и, как правило, не осознают изменений, которые они производят.

Непонятными такие явления делает их явное противоречие законам природы, но в академических и научных кругах часто признается, что лучшее "понимание природы" (т. е. дальнейший прогресс в науке) позволит решить эти вопросы. В таком случае предполагается, что "наука" найдет решение противоречий "науки" - предположение логически непоследовательное и звучит, по меньшей мере, нелепо.

Суть дела в том, что такие явления, как вышеупомянутый телекинез, не поддаются закону причинности. Этот закон гласит, что "каждому эффекту (явлению) соответствует причина, его порождающая". Например, при телекинезе объект движется так, как будто на него действует "сила, действующая на расстоянии" (типа гравитации или магнетизма), при этом действие какой-либо силы до сих пор не доказано. Другими словами, она "движется так, как если бы" действовала сила, но никакая сила не действует. Тогда говорят, что "закон причинности не работает", потому что у эффекта нет причины, которая бы его породила, и, следовательно, существование эффекта (явления) отрицается, чтобы "спасти" закон причинности.

Точнее было бы признать, что связь (закон) между причиной (больной человек) и следствием (перемещенный объект) неизвестна.

В аналитической психологии, разработанной К. Г. Юнгом, была опробована очень привлекательная теория, позволяющая преодолеть эти и

возникающие в связи с этим трудности.

общие для людей, которые, будучи культурно, географически и временно разделенными, без какой-либо проверяемой связи между ними, имеют идентичные или аналогичные идеи. Здесь сработал бы "Принцип синхронности", неизвестный науке из-за ее неверного понимания времени.

В этой связи стоит вспомнить слова С. Г. Юнга в "Тайне золотого цветка": ***"Несколько лет назад тогдашний президент Британского антропологического общества спросил меня, как я могу объяснить тот факт, что такой духовно возвышенный народ, как китайцы, не материализовал никакой науки. Я ответил, что это, должно быть, оптический обман, поскольку китайцы обладают "наукой", стандартным трудом которой является И-Цзин, но принцип этой науки, как и многое другое в Китае, полностью отличается от нашего научного принципа. Наука И-Цзин, на самом деле, опирается не на принцип причинности, а на один, до сих пор не названный - потому что он не возник среди нас, - который я обозначил в виде эссе как Принцип Синхроничности. Мои исследования бессознательных процессов уже много лет заставляли меня оглядываться вокруг в поисках другого объяснительного принципа, поскольку принцип причинности казался мне недостаточным для объяснения некоторых замечательных явлений психологии бессознательного. Я обнаружил, что существуют параллельные психологические явления, которые никак не могут быть причинно-следственно связаны друг с другом, но которые должны быть найдены в другой связи возникновения. Эта взаимосвязь показалась мне по сути своей фактом относительной одновременности, отсюда и выражение синхроничность. На самом деле кажется, будто время - это не что-то менее абстрактное, а скорее конкретный континуум, содержащий фундаментальные качества или условия, которые могут проявляться с относительной одновременностью в разных местах, с каузально необъяснимым параллелизмом, как, например, в случаях одновременного проявления идентичных мыслей, символов или психических состояний. Другим примером может служить выделенная Р. Вильгельмом одновременность китайского и европейского стилистических периодов, которые не могут быть причинно связаны друг с другом"***.

Так думал авторитетный психиатр К. Г. Юнг о теме, которой я занимался. В его концепциях появление двух идентичных явлений (общая идея двух людей), разделенных пространством, будет зависеть от коллективного архетипа (причины) и одновременности (***синхронности***) феноменальных событий.

Для того чтобы интерпретировать принцип синхронии, необходимо помнить о ключевом понятии аналитической психологии - "коллективном бессознательном". Эта концепция позволяет более реалистично относиться к архетипам, которые уже не статичные существа, как платоновские Идеи, а динамичные сущности, обладающие мощной душевной силой, поддерживающие и питающие мифы, которые бессознательно влияют на поведение человека.

Концепция Коллективного Бессознательного была кратко изложена Юнгом в той же самой работе, которая цитировалась выше: ***"...как человеческое тело демонстрирует общую анатомию, превосходящую***

все расовые различия, так и психика обладает общим субстратом, превосходящим все различия культуры и сознания, который я обозначил как Коллективное Бессознательное. Эта бессознательная психика, общая для всего человечества, не состоит из

только в содержаниях, способных достичь Сознания, но и в скрытых предрасположенностях к определенным идентичным реакциям. Факт коллективного бессознательного - это просто психическое выражение идентичности, преодолевающей все расовые различия, структуры мозга. Именно на этой основе можно объяснить аналогию и даже идентичность мифических тем и символов, а также возможность человеческого понимания в целом".

В свете вышесказанного следует сделать важный вывод: хотя аналитическая психология позволяет интерпретировать синхронистические явления, никто никогда всерьез не утверждал, что **их можно контролировать в какой-либо форме**. Подобные феномены, очень эффектные или привлекательные для обывателя, соответствуют самому низкому уровню в шкале оценки трансцендентального опыта. Они всегда происходят с людьми, страдающими сильными расстройствами, независимо от того, находятся они в сумасшедшем доме или нет.

В целом люди склонны верить, что дисциплинирование органических или психических функций дает определенную Власть над вышеупомянутыми явлениями. Эта вера черпает свою жажду из двух источников: невежества (наивного) и дезинформации (продукта Синархической стратегии). Невежество заключается в распространенном убеждении, что "чудеса", которые часто сопровождают деятельность Святых и Великих Мистиков, совершаются благодаря "Силе", которой они обладали бы или которая была бы дарована им Божеством. На самом деле "Святые" никогда не говорили ничего подобного, утверждая, что чудеса "сотворены Богом", или признавая, как последнюю уступку, что они были проводниками "Благодати" или высшей "Силы", которая превосходила их.

Естественно, есть члены Синархии, которые также считаются "Святыми", "Мистиками", "Учителями", "Мастерами" и т. д., утверждающие **поиск Силы как цель практики определенных дисциплин, таких как "трансцендентальная медитация", "йоги", "молитвы или мантры" и т. д.** Но можно сразу же заподозрить реальные оккультные цели, преследуемые такими сатанинскими агентами. Напротив, Гиперборейские Инициаты, которые **на самом деле являются "Святыми"** - теперь, прочитав письмо Белисены Вильки, я могу их хорошо различать - всегда **направляли** своих учеников к освобождению от уз, которые их Несотворенный Дух поддерживает с сотворенной материей.

Дезинформация служит синархической цели, и те, кто становится ее жертвой, слепо верят, что существуют "Эзотерические школы", где передается "тайное" учение, которое после нескольких **уроков в буклетах превращает** неофита в западную версию Кришнамурти. Но то, что дезинформация выдает за "Эзотерические школы", на самом деле является "Эзотерическими школами", чья негласная цель - вербовка последователей.

Все эти Эзотерические Школы утверждают, что обладают секретом Великих Мистерий Древности, которые они предлагают "открыть" несведущим, если те подчинятся **внутреннему правилу**, которое неизменно требует в качестве **первого испытания** "слепого послушания" и "веры" в **Неизвестных Мастеров** школы. Учение, которое они преподносят кандидату в Учителя, не может быть более загадочным, поскольку в его основе лежит плагиат различных Древних Традиций, эклектично собранных в мнимую

"Оккультную Доктрину" (которая является таковой лишь в силу невозможности "открыть" в ней какую-либо Истину). Великие Мистерии Древности (Персии, Индии, Греции и т.д.) оставили после себя осадок Священных Мифов и Символов - чаще противоположных, чем совпадающих.

которые только бездарная и злонамеренная Душа (Рог, да ладно!) попыталась бы объединить в современном синкретизме.

Надо сказать, что во время той поездки в Санта-Марию в моем сердце поселилось чувство яростного культурного критицизма, грозившее расколоть и окончательно ампутировать последние остатки рационализма, которыми я еще обладал. Я чувствовал пустоту внутри, но был готов принять Истину, которая заменит все "бесплезные энциклопедические сведения", усвоенные мною за столько лет учебы. Какова была ценность этих напыщенных академических знаний, если они не помогали мне столкнуться и разрешить загадочные ситуации, о которых я рассказывал, ситуации, которые вовлекали меня метафизически? Никакой. Тогда я обнаружил, что вскоре должен избавиться от этого балласта, чтобы получить долгожданную Истину. Истину, которая заключалась - и я никогда прежде не был так уверен в реальности вещи, как в этом утверждении, - в *Гиперборейской Мудрости*. Действительно, теперь для меня *Истиной была Гиперборейская Мудрость*, о масштабах которой я только что узнал из письма Белисены Вильки.

Временами меня одолевала тупая ярость, которая в то же время была личным упрямом, своего рода жалобой, которую мое нынешнее, странным образом трансформированное "Я" неустанно предъявляло доктору Артуро Зигнагелю за годы исследований, моему прошлому "Я", которое так наивно верило, что *прогресс* является *логическим* следствием *образования*. Когда-то я, почти не задумываясь, принял, что закон *эволюции* позволяет Душе расширяться от определенных моделей жизни. Он считал, что "следование определенным правилам моральной чистоты" и позитивный взгляд на жизнь неизбежно приведут к внутреннему *благу*. -Да, это был ключ к прогрессу. Я буду жить в соответствии с "трансцендентной философией", приму религиозный "образ жизни", как восточные люди, и в ходе исследований, обучения, аскетизма *прогресс* неизбежно придет путем "*эволюции*". Таков был мой выбор, и теперь, осознав, что все рассуждения были ошибочными, что я ничего не получил после стольких лет дисциплины и бесполезных жертв, я почувствовал, как в меня ворвался гнев, а также беспомощный упрек, заставивший меня стонать в отчаянии.

А то, что все рассуждения были ошибочными, ясно из письма Белисены Вильки. Закон эволюции существовал, управлял и способствовал *прогрессу* сотворенной Души и каждого сотворенного существа в соответствии с Планом Бога-Создателя. Но к Несозданному Духу этот закон не имел никакого отношения, и его вмешательство не могло обеспечить никакого "прогресса". Он с ужасом вспомнил слова бессмертного Бирсы: "*Душа глиняного человека, созданная после Начала, начала эволюционировать к Конечному Совершенству*". Видимо, эта эволюция "шла очень медленно", и Боги-Предатели, чтобы ускорить ее, совершили чудовищный и inferнальный "подвиг", приковав Несотворенный Дух к животному человеку или "человеку из глины": вся Гиперборейская Раса, несотворенная, пришедшая "из-за пределов сотворенной Вселенной", из того же Мира, из которого пришел Творец, была тогда привязана к *эволюции* животного человека и к *эволюции* вообще, к *прогрессу в имманентном Времени Мира*. Согласно Гиперборейской

Мудрости, Дух должен был освободиться от оков эволюционирующей материи, изолировать себя от закона эволюции и предпринять Возвращение к Истоку. **В этом и заключалась искомая Истина.** Действительно, мой Дух был взбудоражен

В результате определенной интуиции: ***Истина, способная сиять для Духа Несотворенным и Негасимым Светом, должна быть завоевана в борьбе сверхчеловеческих масштабов, в ходе которой необходимо проявить непоколебимую решимость.***

То, что есть Враг, против которого нужно вести такую борьбу, Враг, который "перерезал дорогу к Истокам", я знал с уверенностью с ночи 21 января. Но предшествующие размышления и упомянутая интуиция позволили мне теперь понять, что прошлые ошибки происходили из моей ***стратегической слабости***, из того, что я наивно поддался стратегии противника. И эта Стратегия, которая, несомненно, затрагивает все сферы человеческой деятельности и даже самые неизвестные психические сферы, применяется в области Культуры с помощью Системы Управления колоссальных характеристик. По словам Белисены Вильки: "Культура - это стратегическое оружие Синархии". Эта система контроля отвечает за разжигание путаницы и обмана и, следовательно, ответственна за ловушку, в которую я попал. Ведь если я и был обманут, если я участвовал в Стратегии врага, то лишь по незнанию или "стратегической слабости", по незнанию природы и даже самого существования Врага: я никогда не смог бы сознательно сотрудничать с планами Синархии, никогда не смог бы быть куплен Белым Братством, как была искушена духовная целостность героического Нирода. Короче говоря, если в прошлые времена я и поддался обманчивому давлению вражеской Стратегии, то лишь потому, что тогда я спал, спал духовно. Но теперь, благодаря письму Белисены Вильки и духовному восторгу 21 января, я пробудился, и доказательством тому была именно непоколебимая решимость бороться до конца, вопреки всему и всем, чтобы вернуться к Истоку и освободить свой Вечный Дух из материальной тюрьмы. Да, я пробудился благодаря Белисене Вильке, но теперь я мог сформулировать свои собственные выводы о путях Врага, который в глубине души был похож на Демиурга. Синархия, выражение Его власти среди людей, представляла собой грозное множество организаций и тайных обществ, которые невозможно обнаружить полностью; и посреди этой оскорбительной демонстрации я обнаружил себя, до вчерашнего дня не знавшего этих реалий, легкой жертвой для вражеской стратегии. И хотя весь демонический план, естественно, ускользал от меня, я совершенно ясно видел тактику, применяемую в области культуры. Современные синкретизмы", о которых я упоминал ранее, подчиняются той воле к обману, которую Синархия демонстрирует во всех своих тайных обществах. Идея ***эволюционного развития*** Души посредством "Кармы", "правильной жизни" или любого другого подобного пути искупления преподносится ***на основе*** Эзотерических Тайных Доктрин или просто религиозных Синкретизмов как истина, настолько самоочевидная, что только глупец осмелится в ней сомневаться. За пределами религии та же идея проникла в большинство "научных" или "гуманистических" дисциплин. Например, поучительно видеть, как умело агенты Синарха навязывают геометрические концепции, чтобы вызвать телеологические интерпретации истории: с восхитительной рационалистической строгостью они произвольно определяют ***геометрическую траекторию прогресса человечества***, а затем ***проецируют*** эту фигуру на историю, устанавливая ассоциации, аналогии и совпадения, чаще всего тенденциозные и преднамеренные. Таким образом,

прогресс может идти по *круговой* траектории ($r^2=x^2+y^2$),

параболическая ($y=x^2$), *спиральная* ($\rho=\alpha\theta$), *циклическая* ($y=\sin x$), *равномерная* ($y=x$), *экспоненциальная* ($y=e^x$) и т.д., пытаясь заставить Историю соответствовать форме таких функций, тем самым "подтверждая" официальную теорию или догму синархической секты.

Использование аналитической геометрии в религиозной интерпретации истории не должно удивлять: **"Бог геометризует"** утверждают одни пресловутые синархи; **"Бог - Великий Архитектор Вселенной"** - другие; но в целом все они считают, что по замыслу Единого Бога человек, материя, мир, все должно **эволюционировать**. Это один из ключей к рационализму, лежащему в основе так называемых "Оккультных доктрин". Ведь **эволюционировать** - значит становиться в Истории в соответствии с определенным **законом**. **"Именно закон эволюции придает человеческому прогрессу геометрическую траекторию"**, - постулирует Синархия. Но в чем эзотерическая польза для Синархии от **культурного** навязывания эволюционизма, даже эзотерического эволюционизма, в любом его геометрическом варианте? Очень просто: если все верят, что человек эволюционирует, что общество эволюционирует, что Вселенная эволюционирует, что прогресс подчиняется какому-то закону, то они без вопросов примут, что **будущее определяется законом эволюции**. Это означает, что ради **лучшего будущего** можно осуществлять определенный контроль в настоящем. Другими словами: **"Пусть те, кто знает закон, контролируют общество сегодня, чтобы завтра у нас было лучшее будущее"**. Напрасная утопия; кто знает закон, как не Мастера Мудрости Белого Братства, как не Сионские Мудрецы?

Теперь все становится ясно: конец Синархии - это контроль над миром, "Люди судьбы", которые управляют рычагами власти и "планируют" будущее, в то время как человечество, удобно не информированное, ожидает "людей судьбы", которые управляют рычагами власти и "планируют" будущее. Такова реальность, которая пульсирует за эзотерической школой и которую не замечают неопытные, фанатичные и ослепленные синкретизмом, столь же показным, сколь полым и рационалистичным.

С другой стороны, следует отметить, что синкретизм реализуется, когда люди утрачивают способность воспринимать Миф во всей его символической чистоте. Эта утрата - серьезное повреждение способности к метафизическому мышлению и метафизическому восприятию, аналогичное, если угодно, потере зрения или слепоте. По аналогии мы говорим о Темных Веках или Dark Ages: потеря зрения, не видеть - это то же самое, что "видеть" все черным.

Существуют тексты по оккультным доктринам, которые, казалось бы, имеют хорошую философскую и научную основу: но есть и подделки картин Леонардо да Винчи, настолько совершенные, что они не поддаются экспертизе авторитетных экспертов. Логично, что в обоих случаях качество подделки зависит от мастерства фальсификатора. В случае с эзотерикой, к сожалению, фальсификаторы достигли высокой степени мастерства: есть те, кто очень хорошо "подготовлен" к своей миссии, мастера великой "Общей культуры". Возьмём, к примеру, "эзотерические" труды таких "мудрых" и "учёных" авторов, как Е. П. Блаватская, Рудольф Штайнер, Рене Гуанон, Макс Гейндель и т. д., и сравним фарс теософизма, лежащий в основе любого из них, с элементарной простотой метафизических символов Древней Мудрости; что вытекает из этого

сравнения? То, что мы не можем прочесть символ (увидеть его истину) и можем прочесть книгу о символе, которая не откроет нам значения символа, но мы можем прочесть книгу о символе, которая не откроет нам значения символа.

То же самое, но он будет развлекать нас многочисленными описаниями и ассоциациями, поддающимися рациональной интерпретации, что создаст иллюзию понимания и прогресса, как и подобает Синархии.

"Существует сенсорная цветовая слепота и гносеологическая цветовая слепота", - писал когда-то великий эпистемолог Лусиано Альенде Лезама. Можно добавить, что "существует также семиотическая цветовая слепота": ею страдают те, кто не может увидеть истину символа, и ее необходимо излечить перед поиском "окультиного знания". Чтобы не быть обманутым. Чтобы не быть использованным Синархией.

Без ясного видения символического и адекватной нравственной пронизательности невозможно получить доступ к знаниям Гиперборейской Мудрости, которые, к тому же, не найти в Экзотерических Школах. Отсутствие этих качеств или пренебрежение ими приводит дальтоника к поиску "феноменов" и Силы, к следованию "восточным" дисциплинам без их понимания или к увлечению "научными исследованиями" в парапсихологии (камера Кирлиана, психо-биоэнергетика и прочая чепуха).

Опасность заключается в том, что эти "окультиные" школы (с юридическим статусом, названием компании и номером телефона) без колебаний обещают всевозможные силы и "освобождающий опыт" людям с сомнительными духовными способностями, но полезным для их планов. Разумеется: прогресс придет "позже", после нескольких "Инициаций", "продвижения" по "внутренним степеням".

Вы не поможете бедному человеку, - говорит К. Г. Юнг, - **если положите ему в руку большее или меньшее количество милостыни, даже если он этого хочет**". Г. Юнг говорит: **"Вы не поможете бедному человеку, если положите ему в руку больше или меньше милостыни, даже если он этого хочет. Мы помогаем ему гораздо больше, когда указываем ему путь, чтобы он мог упорно трудиться, освобождаясь от своей нужды". Духовные нищие наших дней, к сожалению, слишком склонны принимать милостыню Востока в натуральном виде, то есть присваивать без размышления духовные ценности Востока и слепо подражать их манере и образу действий"**.

Все эти рассуждения привели меня к одному выводу: в том, кто ищет парапсихологическую феноменальную силу - **тауматургию**, - всегда есть невежественный или неосведомленный человек. В том, кто обещает ее даровать, может быть только извращенная воля. Поэтому я решил считать "синхронистическим совпадением" любую возможную связь между духовным восторгом 21 января и одновременным землетрясением. Они могли быть уверены в Вальхале Белисене Вильке и всех его предках из Дома Тарсиса, и Богах-Освободителях, и каждом духовном Существо, наблюдавшем за моим поведением: для меня конец мистического видения означал конец трансцендентного опыта: **у меня не было Силы, действующей на Материю, и я не хотел ее иметь. Силам Материи не удалось обмануть меня в этот раз, и, вероятно, уже никогда не удастся**.

Эти размышления возникали по мере того, как проносились километры,

а Сальта щедро раскрывалась в своих долинах и ущельях. ***"Между красочными участками и возвышающимися вершинами тянется череда склонов с буйной растительностью и обрамленных скалами сурового вида, некоторые из которых знамениты***

На карте, которую я приобрел в Серрильосе, я прочитал: *"Обиспо, поистине поразительное предгорье по своему развитию и разнообразию мотивов"*. Я был уже недалеко от Кафайяте, где планировал пообедать и купить кое-какие сувениры, особенно изысканное вино этого района. Совершая импровизированные поездки, как та, в которую я отправился, по провинциям или регионам, где царит крайняя нищета, всегда полезно брать с собой съедобные подарки. Литр хорошего Torrontés или немного alfajores могут открыть невозможные двери, пограничный контроль и избавить от всевозможных трудностей.

Я въехал в Кафайяте и, сделав несколько покупок в одном из региональных магазинов, припарковался перед площадью Либертад, чтобы пообедать в ресторане, который обещал с доски "Меню дня: эмпанадас и острая курица".

Глава X

В 14:30 я снова был в пути, огибал ручей Де-лас-Кончас и был готов начать вторую часть пути к Санта-Марии.

Земля была рыхлой, так как дождей не было уже давно, а ветер был достаточно сильным, чтобы сделать этот путь очень медленным.

Спустя два часа я проехал всего 70 километров и уже собирался пересечь город Колалао-дель-Валье посередине, когда дорога продолжалась по главной улице. Этот город находится в провинции Тукуман, на полпути вдоль дороги, пересекающей географический клин, который оставила на современной карте неудачная делимитация границ. Его длина составляет около двадцати кварталов, а ширина - четыре или пять кварталов. Проезжая по нему, я заметил тот же синдром, который проявляется в тысяче деревень и хуторов Северной Аргентины: декаданс.

Бедность - эндемическое зло в этих, как ни парадоксально, богатых провинциях, забытых бюрократическим централизмом мегаполиса Буэнос-Айрес и бездельем или бессилием местных органов власти, чьи руки часто связаны федерализмом, не существующим за пределами официальных речей.

Бедность - это зло, которое причиняет боль. Но еще больнее видеть упадок, то есть созерцать то, что вчера было великолепным примером, а сегодня превратилось в предосудительное видение.

Пока машина катилась по грунтовой дороге, я смотрел на дома в испанском колониальном стиле, которые сегодня стали тенью своего бывшего великолетия. Жестокие карикатуры на надежды и веру их строителей.

"Те, кто построил эти дома, - подумал он с досадой, - верили в Аргентину, верили в Америку".

Их неумолимый крах - вот убедительный ответ на эти иллюзии.

Было видно, что эта деревня, как и многие другие, достигла пика своего развития, должно быть, 50 или более лет назад, а затем наступил период упадка, во время которого не было возведено ни одной стены, не было уложено ни одного кирпича. Окна закрыты много лет назад, так как деревянные рамы сгнили; стены облупились и покрылись пигментными пятнами; фасады изгрызены тысячей несчастий времени и души.

Упадок городской общины, ее архитектуры - это неудача, которая неизменно поселяется в душах жителей. И вот они смотрели, как я прохожу мимо, с тем отсутствующим видом, с тем созерцательным безразличием, которое так характерно для коренных жителей Америки.

Потому что декаданс был ярко выражен в них; в этих детях на ножках, которые подглядывали за мной из-за угла; в этих темных, раскосых глазах, которые откровенно смотрели на меня, предлагая продать кукурузную тортилью, но становились недоверчивыми при малейшем вопросе. Чем эта деревня, эти дома, эти люди, эти дети отличались от аналогичных в других частях Америки: в Боливии, Перу, Эквадоре или Колумбии? Ничем.

В этом ответе также кроется декаданс; в том, что, заплатив высокую цену за изоляцию от Латинской Америки, сто лет "европейской культуры" не оставили ни малейшего следа в этих забытых креолах. Мы не дали им ничего отличного от того, что они получили в вышеупомянутых странах. Они не более и не менее цивилизованны, чем они сами, несмотря на убеждение в обратном, которого придерживается европеизирующая олигархия, управляющая этой страной на протяжении ста лет.

Вот почему одно из объяснений всеобщего упадка, охватившего американские кровные народы, может быть таким: за пятьсот лет европейская культура так и не прижилась в американской душе, потому что ни те, кто насаждал ее кровью и огнем, ни те, кто преподával ее с блаженством, понастоящему в нее не верили. Тысячелетняя культура американских рас, заряженная действием Великих Мифов, была заменена материалистической европейской культурой, лишенной духовности и трансцендентности. А религия Америки, хранившая память о Белых Богах, была запрещена в пользу **рационалистической** доктрины католицизма: отныне аборигены должны были прославлять библейскую историю Избранного Народа, поклоняться еврейскому распятому Богу, о котором они никогда не слышали, и не участвовать в теологических дискуссиях, поскольку новая религия была уже закончена, закончена в своей философской основе. Если там, в неведомой Никее, Собор постановил, что Бог троичен, то что могли сказать вновь покоренные язычники здесь? А те, кто был здесь

Знали ли они, что такое католическая догма? Нет; они убивали и грабили **во имя** католической догмы, которую никто не понимал и не хотел объяснять. Но богатству приходит конец. В конце концов п р и ш л о бы время создать новое богатство, заставить эти евангелизированные империи производить предметы культуры. И тогда, в этот самый момент, начнется упадок. Церковь начнет процветать с завоевания Америки, планомерно уничтожая все следы атлантического происхождения великих цивилизаций, все доказательства вневсечной природы Духа Человека. А испанцы, обезумев, как пророчествовала Хиблону Великая Мать Бина, будут равномерно заливать кровью и спермой туземные народы. Из этого водного холокоста появятся "Сыны Ужаса", метисы Америки, люди, подобные тем, которых он видел сейчас, проезжая через свои упадочные деревни. Культурно равнодушные люди; люди, которые намерены ничего не делать. Если не придет гринго с верой во что-то и не построит заново дома и деревни, они не станут этого делать. И все это рухнет на землю, разлетевшись на куски, - грубая, но эффективная месть, - как рухнули их культуры вчера и как завтра рухнет душа Запада, если он продолжит оставаться в разводе с кровью Америки.

Проезжая мимо Фуэрте-Кемадо, я не мог не вспомнить, что Диего де Рохас разбил здесь лагерь четыре века назад, когда преследовал Лито де Тарсиса. Ему не удалось найти Пукара-де-Тарси, несмотря на то, что он месяцами углублялся в Тафи-дель-Валье. Но справлюсь ли я? Я верил, что доберусь; что указания Белисены Вильки были очень точными и что мне удастся добраться до Чакры; и что я побеседую с индейцем Сегундо, необычным потомком Пуэбло-де-ла-Луна. Оптимизм не покинул меня и к тому времени, когда я добрался до Санта-Марии.

Перейдя мост через реку Санта-Мария, я посмотрел на часы: половина седьмого вечера. Дорога из Кафайяте заняла пять часов, и уже начинало темнеть. Несмотря на нетерпение поскорее добраться до дома дяди Курта, я решил дожидаться ночи, чтобы выполнить данные маме обещания о безопасности и безопасности.

Я остановил машину перед другим домом, торгующим региональными продуктами, чтобы купить знаменитые местные продукты: паприку, сироп, кишмиш и вино. Расплатившись за покупки, я развлекался тем, что расспрашивал продавца об улице Фрай Мамерто Эскью. Я узнал, что она проходит с востока на запад и заканчивается у реки Санта-Мария, которая является одной из периферийных границ города и проходит с севера на юг.

Номер 95, - подумал он, - должно быть, недалеко от реки, может быть, в последнем квартале.

-Вы ищете кого-нибудь на улице Эскью?

Может быть, я смогу вам помочь", - удивил меня продавец своим вопросом.

Ах, любопытство маленького городка! Но меня это не впечатлило.

-Да, я ищу продавца пончо, - соврал я. В Сальте они дали мне приблизительный адрес, потому что не могли вспомнить его точно.

-Продавец пончо на улице Эскью? Уhm.... Нет, к сожалению, я не знаю ни одного продавца пончо, который жил бы на улице Эскью... Но скажите, какие пончо вы ищете? Потому что у меня есть хороший ассортимент. И по хорошей цене...

Через некоторое время я уходил со своей первоначальной покупкой плюс белое пончо Catamarca с защитой инков.

Я решил пообедать во второсортном фондине, где, по словам продавца региональных продуктов, готовили лучшее кроличье рагу в долине Йокавиль. Как только я занял место за уединенным столиком, я понял мудрость своего выбора, ведь это было место, посещаемое торговцами и странствующими продавцами, где никого не удивляло присутствие постороннего.

Я наслаждался десертом, сладким кайотом с орехами, когда мальчик в лохмотьях предложил начистить мне ботинки.

Есть такой возраст, - уныло подумал я, - детство, который все животные в природе используют для игр и забав под защитой родителей и других взрослых членов популяции. Люди же не могут гарантировать своим детям радость прожить самый прекрасный возраст так, как он должен быть прожит: наслаждаясь фантазией.

Я принципиально не люблю, когда дети работают ради наживы, и первым моим побуждением было прогнать этого блескуна, но в этот момент

мне пришла в голову одна идея, и

Я вытянул правую ногу в знак немого согласия. Это был маленький чангито лет семи и, несомненно, индейского происхождения. Он начал с того, что вымыл и намазал сапоги мазью, а затем, энергично массируя их полоской холста, попытался добиться желаемого блеска.

-Как вас зовут? -спросила я, пытаюсь завоевать его доверие.

-Антонио Хуанка, сэр, - поспешно ответил он.

-Скажите, Антонио, вы живете далеко отсюда?

Он поднял свою маленькую сырую голову и посмотрел на меня с вопросительным выражением в глазах. Наконец он пожал плечами, указал на неопределенное место и сказал:

-Ууф, далеко, господин, вон там, на другом берегу реки.

Я решил, что мой вопрос был неудачным. Нужно попробовать еще раз, но на этот раз более прямолинейно:

-Знаете ли вы улицу Эскью?

На мгновение он задумался, но потом его маленькое личико засветилось:

- Да, сеньор, это тот, что в конце города. Если вы пойдете прямо по этой улице, - он указал на Калле-дель-Фондин, - то найдете ее, когда кончится тротуар. Там, где кончается тротуар, находится улица Эскью, да, сеньор.

Он говорил все дальше и дальше, и такими темпами он скоро закончит.

Я немного наклонился, чтобы говорить, не повышая голоса, и сказал ему:

-Я иду к Серино Сангедольче, вы его знаете? Он разразился смехом, облизывая губы.

-Кто не знает дона Черино, сэр? Он вытянул свою маленькую головку и сказал мне уверенным тоном:

-Ты ничего не говоришь, но мы с моими младшими братьями всегда пытаемся украсть у тебя баночки с конфетами, - промурлыкала обезьянка, - в Санта-Марии нет никого, кто бы делал их богаче. Джи. Джи, Джи.

Он смеялся, как воробей, и, радуясь своему озорству, наконец-то стал ребенком.

Дядя Курт - "сладкоежка", - удивленно подумал я про себя. Тогда мне пришло в голову, что я был бы дураком, если бы не предвидел этого, но эта мысль не имела смысла, и я отбросил ее.

Обезьяна закончила свою работу, и у меня было достаточно информации, чтобы найти дядю Курта. Я хорошо заплатил ему, и он отправился к другим столикам, чтобы предложить свои услуги.

Настенные часы, висевшие под небольшим квадратом с коллекцией наконечников стрел, показывали 9 вечера. Я оплатил счет за ужин и вышел.

Ночь была прохладной, но небо было пасмурным, и не было ни малейшего дуновения ветра. Я вывел машину и отправился в путь, следуя указаниям поляка.

По мере приближения к улице Эскью дома становились все более разбросанными и все менее качественными, пока наконец я не оказался в жалких трущобах, где не только тротуар закончился, но и уличное освещение почти отсутствовало.

Я свернул на улицу Эскью в том направлении, где, как подсказывал мне инстинкт, должна быть река, и тщетно искал знак, ориентир, который позволил бы мне вычислить нумерацию.

Внутренне ругаясь при мысли о ночном визите к дяде Курту, я быстро

сообразил, что еду через район, состоящий из небольших ферм по четыре-
пять гектаров каждая.

На аргентинском северо-западе все фермы строятся по одной схеме: прямоугольник земли, огороженный забором, и сала (д о м владельца или смотрителя), построенный на небольшом расстоянии от въездных ворот. Могут быть вариации или дополнения, но это общий "тип", который я хорошо знал, поскольку наша собственная ферма в Серрильосе была построена по той же схеме. Тогда я понимал, что стучать в ворота бесполезно, поскольку дом обычно находится далеко от них, и подсознательно смирился с тем, что мне придется зайти в одну из финок, чтобы сообщить о своем прибытии.

Машина уже минут пять мчалась по мрачной улице Эскью, которая теперь безошибочно напоминала крутой склон. Река должна быть совсем рядом, но, хотя мощный четырехкварцевый дальний свет пронзал мрак, я не мог разглядеть ничего дальше двадцати метров. Я остановил машину и поставил ее на ручной тормоз: лучше отправиться на поиски пешком.

Я достал из бардачка фонарик, скудный свет которого иногда бы в а е т полезен, и вышел из машины, предусмотрительно заперев ее на случай, если я уеду с этого места. Мгновение спустя я осознал мудрость своего решения остановить машину, потому что в пятидесяти метрах впереди дорога резко сужалась и спускалась в крутой овраг, выходящий к протекающей внизу реке Санта-Мария, расстояние до которой составляло сто или сто пятьдесят метров. Если бы машина продолжала ехать дальше, мне было бы трудно повернуть и вернуться назад.

Наконец я оказался в начале улицы Эскью, неподалеку от дома дяди Курта.

Это предположение придало мне смелости и позволило попытаться ориентироваться на местности, что, как я убедился, было довольно сложно.

Улица Эскью лишилась тротуаров несколько кварталов назад, и там, где я сейчас находился, это была просто аллея из толстого гравия, тянувшаяся от одного проволочного забора до другого, оба из которых были границами неизвестных владений. На востоке протекала река, и если это был последний квартал, где, предположительно, находился дом дяди Курта, то адрес, который я искал, должен был находиться на одной стороне улицы, в нескольких шагах от него.

Я исследовал северную сторону, которая представляла собой ряд из трех нитей проволоки высотой до метра пятидесяти, но по всей ее длине росли очень кустистые кусты лигуструма, идеально подстриженные в форме столба. Я прошел около ста пятидесяти ярдов, не обнаружив ни ворот, ни заборов, из чего сделал вывод, что нахожусь на задворках фермы.

Пытаясь унять досаду, вызванную столь необычной ситуацией, я перешел на юг и возобновил поиски. Эта ферма была лучше ограничена, так как вскоре я обнаружил густую сетку ромбовидных проводов, из которой виднелся обычный клубок лигуструмов.

Ночь становилась все непроницаемее и непроницаемее, и я неуклюже и нерешительно прочесывал дюйм за дюймом этот мрачный участок улицы Эскью. Как раз в тот момент, когда я уже отчаялся найти вход в стене, случилось чудо: почти в конце улицы, метрах в десяти от оврага, из темноты появились огромные ворота из труб и проволочной сетки. Я осветил фонариком внутрь, но, как и ожидал, не увидел никакого здания, только тропинку, образованную двумя следами.

Параллельные линии, теряющиеся в темноте. Слева - аккуратная плантация виноградных лоз, небольших, с гроздьями винограда; справа - бесчисленные саженцы хорошо убранного огорода.

Я еще раз проверил дверь, но не обнаружил ни звонка, ни стука; вместо этого я обнаружил два стальных кольца - одно на двери, другое на бетонной раме, - на которых висел тяжелый железный висячий замок.

Обескураженный, я прислонился к воротам, пытаюсь принять решение. Разумнее всего было бы уйти и вернуться днем, но меня удерживало предположение, что здесь могут быть работники фермы или, возможно, родственники дяди Курта, которым мое присутствие покажется очень странным. Оставалась возможность продолжить ночные поиски, проникнуть в дом, несмотря на висячий замок; если это действительно дом моего дяди.....

Я стоял в нерешительности, держась за сетку ворот, и смотрел в сторону подъездной дороги, когда мне показалось, что я уловил мимолетный отблеск света. Это длилось всего секунду, но этого было достаточно, чтобы возродить мою надежду на результат этой ночью.

Я решил, что зал, должно быть, находится довольно далеко, поэтому свет и не доходит до ворот, перехваченный, возможно, деревьями или другими препятствиями. Больше я об этом не думал и перелез через ширму рядом с воротами. Если не считать того, что часть моей сумки "Сафари" зацепилась за колючую проволоку, венчавшую сетчатую раму, я смог войти без проблем. Через несколько секунд я уже спокойно двинулся по внутренней дорожке, следя фонариком за обозначенными на ней следами автомобилей. Я прошел около ста метров, когда тропинка резко повернула вправо и вошла в группу деревьев с листвой. Не успел я обогнуть этот поворот, как в тридцати-сорока метрах от себя заметил двухэтажный дом в альпийском стиле с фахверковой черепичной крышей, цвет которой контрастировал с белизной стен и черными решетками на окнах и балконах. На фоне ночной темноты он выглядел призрачно, казалось, в нем не горел ни один свет.

Это зрелище и тишина, нарушаемая лишь жужжанием *койуйо*, способствовали моей деморализации. Я остановился на мгновение и залюбовался огромной массой дома, укрытого ветвями гигантских ив, колышущихся под легким ветерком. У меня возникло необъяснимое желание убежать и покинуть эту нереальную сцену, но я тут же взял себя в руки и зашагал вперед, намереваясь постучать в дверь и потребовать присутствия дяди Курта или Серино Сангедольче.

Тогда я и услышал это.

Я был всего в нескольких метрах от дома, когда почувствовал **знакомый звук**, доносящийся сзади, справа..... Это был высокочастотный вой. Очень особенный вой, который сразу узнают только те, кто имел опыт в разведении собак. Ведь этот вой - выражение желания собаки напасть, когда хозяин не дает ей этого сделать.

Я вспомнил, что мама привезла на ферму маленькую кошку и, чтобы Канут не напал на нее, решила заставить его обнюхать ее, при этом громким голосом запрещая ему прикасаться к ней. Тогда Канут дрожал, разрываясь между инстинктом убийства и послушанием хозяевам, и издавал обманчивые хныканья, которые выражали не боль, а сдерживаемое желание напасть.

Именно такие стоны раздавались за моей спиной.

Собаки! -Как я мог не заметить отсутствие собак? Боже, что за имбецил! На каждой ферме есть собаки. Но почему они не лаяли? Почему они не лаяли? Почему они не лаяли?

Я медленно обернулся. То, что я увидел, вызвало внезапный ужас, парализовавший меня на месте. В нескольких футах от меня во мраке мелькнули две пары зеленых глаз. Это были глаза животных, возможно, собак; но я думаю, что моя паника была вызвана осознанием двух вещей: во-первых, ненормального размера этих зверей, а во-вторых, их ненормальной осторожности. Ведь невозможно было представить, что я мог пройти так далеко по территории поместья, чтобы животные не издали ни единого лая, и все же они шли за мной молча, почти ползком, пока не оказались так близко от меня, что я мог коснуться их кончиком лапы.

Один из зверей снова жалобно заскулил, с явным желанием прыгнуть на меня. Как раз в тот момент, когда я убедился, что его хозяин, должно быть, недалеко, раздался модулированный свист, несомненно, человеческого происхождения. На этот раз я не стал оборачиваться, потому что звери, услышав свист, зашевелились, как пружина, и огромными прыжками бросились на свою жертву.

Несмотря на то, что меня почти парализовало от страха, инстинкт самосохранения и несколько лет занятий *каратэ* заставили меня быть начеку. Но вместо того чтобы оскалить зубы и вцепиться в шею, как это делают бойцовые собаки, эти звери, похоже, точно знали, что делать: каждый из них набрасывался на руку и впивался в нее зубами. Я почувствовал, как рвется плоть, и увидел, как звери сомкнули челюсти, не собираясь отпустить руку. От удара я пошатнулся, так как обе собаки, казалось, весили больше моих двухсот фунтов; через секунду я уже падал назад, чувствуя, как кость моей левой руки хрустит в пасти огромного клыка. Падая, я придумывал различные тактики, чтобы убежать от собак: перевернуться, пнуть их за яички, укусить,

Треск", - раздался удар по моему черепу, и все вокруг потемнело.

Гербы аргентинских провинций

Формоза

Чако

Сантьяго-дель-Эстero

Миссии

Корриентес

Энтре-Риос

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

"История Курта фон Суберманна".

Глава I

Воды мчались, неслись, бушевали и увлекали меня за собой, не давая опомниться. Неподалеку, окутанный шумом и пеной, водопад всасывал потоки воды, словно титаническое жаждущее ущелье. Я приблизился к ревущей бездне, увидел край, бесполезно попытался плыть, но вода потащила меня вниз. В конце концов я упал головой вниз в поток. Это был конец. Я разбился бы о дно, ударившись об острые камни. Я должен был открыть глаза. Я должен был открыть глаза...

Сделав над собой усилие, я открыла глаза, и в них тут же ударил страшный ослепительный свет. Я моргал, пытаюсь привыкнуть к солнцу, и в то же время осознавал, что лежу в незнакомой комнате. Словно загипнотизированная, я смотрела на окно, украшенное белыми занавесками, а туман, окутавший мое сознание, постепенно рассеивался.

Первое, что я почувствовал, - сильную боль в голове, а также какое-то давление на кожу головы и лоб. Я попытался поднести руки к голове, и новая боль пронзила мою нервную систему. Я едва мог пошевелить руками, которые были забинтованы до локтя. Левая была наиболее пострадавшей и чувствительной, так как легкое движение казалось испытанием; правая, столь же болезненная, казалась в лучшем состоянии. В последнем случае я обнаружил, что повязка закрывает весь череп до самого лба. Движение было очень болезненным, оно было сделано рефлекторно, когда я пришел в сознание. Несмотря на мимолетный характер, его хватило, чтобы насторожить человека, сидевшего справа от кровати, под таким углом, что я не смог с первого взгляда заметить его присутствие. Это был огромный, остроглазый, громогласный мужчина, который подошел ко мне с обеспокоенным жестом и... кричал. Старше, чем я помнила его по той ночи в детстве, он, тем не менее, почти не изменился: это точно был дядя Курт!

Его лицо было удрученным, а голос - жалким, он что-то бессвязно бормотал:

-Ты мой единственный племянник, и я чуть не убил тебя. Я пролил свою кровь! Проклятие пало на меня. О Боже, мой конец близок, зачем ты добавляешь этот позор к моим страданиям?

Ты поправишься, Артуро, сын мой, - продолжал дядя Курт с болью в голосе, - ты поправишься. **Ампех** Паласиос осмотрел тебя и уверяет, что ты скоро поправишься.

Как ты можешь простить меня, дитя?

Дядя Курт продолжал бормотать свои жалобы и извинения, не сводя с меня властного голубого взгляда.

Охваченная нарастающей дремотой, пытаюсь скоординировать свои мысли, я узнала в дергающемся лице собеседника знакомые черты матери.

Словно в оцепенении, я смотрела на него, подыскивая, что сказать, когда отчетливо услышала кlyкаcтый звук рычания. Он донесся до моих ушей со стороны дома и заставил воспоминания нахлынуть на меня. Последнее, что я видел и чувствовал, исследуя поместье дяди Курта, нахлынуло на меня, как лавина.

-Что... что... что это были за люди? -заикался я, пытаюсь сдержать дрожь, сотрясавшую все мое тело. На лице дяди Курта появился знак вопроса. Как?" - спросил он, недоумевая.

-Дикие звери, - сказал я, сделав над собой усилие, так как мой язык распух и онемел.

-Ах, собаки-собаки, - понял дядя Курт. Это собаки, собаки из Тибета. Очень своеобразные животные, настоящие собаки. Возможно, это единственный вид, достойный такого названия. Это необычные животные, способные к получеловеческой дрессировке. -Я невольно открыл глаза от ужаса, и дядя Курт, заметив это, извинился:

То, что с вами произошло, - несчастный случай. Непостижимая случайность, в которой виноват только я. Дожи напали на вас, потому что я им приказал. О Боже, я один виновен в величайшем преступлении! Я пролил свою кровь!...

Дядя Курт начал повторять предыдущие бессвязные бредни, пока я плавно погружался в бессознательное состояние. Мои глаза закрывались, когда я слушал, как человек, к которому я так стремился, превращается в персонажа греческой трагедии из-за моего безрассудства и недостаточной предусмотрительности!

Внезапно я тоже почувствовал себя виноватым, сердце сжалось, я попытался извиниться, но спасительный мрак затмил мое сознание, погрузив меня в глубокий сон.

Я постараюсь сократить подробности моего неудачного вторжения в жизнь дяди Курта. Это будет уступкой в пользу другой информации, которую я хочу предоставить читателю для лучшего понимания этой странной истории. Если кому-то придет в голову мысль, что всего, что со мной произошло до этого момента, более чем достаточно, чтобы покрыть квоту загадочных фактов, я скажу ему, что он сильно ошибается. Этому приключению не хватало важных деталей, я бы сказал, что оно только начиналось, и если до сих пор меня преследовали удивительные "совпадения", то то, что должно было последовать, было не за горами. Потому что дяде Курту было что рассказать. История настолько странная и необычная, что сама по себе она была невероятной; но я должен был отнестись к ней с большим уважением, ведь "эта" история была частью "моей" собственной истории.

Но не будем забегать вперед. День, когда я открыл глаза и во второй раз в жизни увидел дядю Курта, наступил на следующий день после злополучного налета на ферму. Я пролежал без сознания около пятнадцати часов, к отчаянию дяди Курта, который опасался, что я получил серьезную черепно-мозговую травму.

Удар, нанесенный прикладом пистолета "**Люгер**", был тупым, и, по мнению дяди Курта, за свое спасение он должен был благодарить ненормально твердый череп или чудо.

Почему такая безопасность? Потому что он наносил удары с большой

силой - по его словам, достаточной, чтобы убить незваного гостя. Такая жестокость объяснялась тем, что дядя Курт ожидал нападения, причем нападения в любой момент.

Как мы увидим, у меня были основания так считать, но несчастье - или какая-то другая причина - привело к тому, что мне пришла в голову злополучная идея нанести подозрительный ночной визит.

Сначала, убедившись в отсутствии посторонних, дядя Курт затащил меня в дом и принялся проверять мои карманы на наличие оружия и удостоверений личности. К своему удивлению, он нашел Железный крест - свою награду, мамино письмо, а также документы и удостоверения личности, которые должным образом подтверждали мою личность.

По словам дяди Курта, он бы покончил с собой на месте, если бы я необъяснимым образом не продолжал дышать. Первой его реакцией было обратиться за помощью, но, осознавая нестандартность ситуации, он решил быть предельно осторожным, чтобы избежать вмешательства полиции. По той же причине было бы неудобно обращаться к неизвестному врачу, который мог бы поставить его в неловкое положение.

Должен пояснить, что дядя Курт не был женат, поэтому в Холле он жил один, ему помогала пара старых и верных индейцев, живших в маленьком домике по соседству. Кроме названных лиц, в доме проживало не менее десяти рабочих - для ухода за виноградниками и маленькой фабрикой по производству сладостей и сиропа, - но они занимали хижину в тридцати ярдах от Холла, и доверять им бы л о нельзя.

Старый дворецкий, **Хосе Толаба**, в отчаянии звал дядю Курта, стуча в окно его комнаты.

-Пепе, Пепе.

Да, дон Серино, - с готовностью ответил старик.

-Пойдем скорее, Пепе. Случилось несчастье, - заплакал Курт.

Хотя он только назвал имя старика, через пять минут появились Пепе и его жена, потому что по тону звонка они предположили, что происходит что-то серьезное. Старая Хуана постоянно перекрещивалась, пока дядя Курт и Пепе переносили мое безжизненное тело на диван в **гостиной**, так как они уже Спальни находились на верхнем этаже, по лестнице.

Я потерял немного крови из глубокой раны на затылке, но самым впечатляющим было, несомненно, то, как собаки разорвали в клочья мои предплечья. Дядя Курт оставил стариков промывать раны и ухаживать за мной, а сам отправился на поиски Ампеха Паласиоса.

Он вывел из гаража новенький джип "**Toyota**", купленный еще в о времена "серебряных конфет", и помчался прочь, заметив "Форд" в нескольких метрах от ворот, когда уезжал.

Этот час был неподходящим для любого врача, но только не для Ампеха Паласиоса.

Этот не вымышленный, но заслуживающий того персонаж - индийский врач, всемирно известный своим мастерством кинезиотерапии. Уже в преклонных годах он по-прежнему посещает свою скромную клинику, не досаждая никому, ведь его авторитет так же велик, как и состояние, которое он сколотил благодаря подаркам, переданным в его руки щедрыми и богатыми пациентами. Ампей Паласиос заставил ходить мужчин и женщин, которые были парализованы в течение многих лет, заставил двигаться шеи, застывшие, как обелиск, и выпрямил столько позвоночных столбов, удаленных

травматологами со всего мира, что в это трудно было бы поверить, если бы не подписи в книгах, подтверждающие это.

Эти книги - второй источник туризма для Санта-Марии, ведь в них есть подписи и записи людей со всего мира, которые приехали в Ампедж Паласиос в поисках надежды. Богатые и бедные, священники и врачи, дворяне и простолюдины - все подписали свои книги, чтобы засвидетельствовать мудрость Ампеджа. Здесь нет магии или колдовства, а есть чистая и простая Древняя Мудрость, которую династии Диагута Ампеджа хранили и передавали от отца к сыну. Сегодня сыновья Ампеха Паласиоса - врачи, окончившие Университет Сальты и специализирующиеся на травматологии! Таким образом, они продолжают семейную традицию и успешно практикуют знания, которые на тысячи лет старше материалистической науки Запада.

В сопровождении Ампеха Паласиоса дядя Курт вернулся через полчаса. Грузный старик с густыми седыми усами и руками размером с эскадрилью № 12, он занялся проверкой моей головы и рук.

Голова не разбита, - сказал Ампей через десять минут, - но нам придется подождать несколько часов, чтобы выяснить, нет ли повреждений мозга. Левая рука сломана, и ее нужно забинтовать; на правой руке здоровая кость, но плоть сильно ушиблена.

-Послушай, Серино, - продолжал Ампедж, - я не думаю, что это серьезно, но мы должны зашить ему голову и руку, дать противовоспалительные средства и антибиотики. Так что я просто вправляю кости; я пошлю вас к младшей обезьяне, которая сейчас у нас в гостях. Он врач и позаботится о нем лучше.

Час спустя прибыл доктор Паласиос, который ворчал, поскольку должен был отправиться в Сальту в пять утра, а его разбудили в час ночи.

Он с головой погрузился в работу: сделал несколько инъекций, зашил раны на правой руке и наложил гипс на левую.

Разрез на коже головы после бритья травмированной области закрывался инертными пластиковыми крючками.

-А вы уверены, что собаки не бешеные? - подозрительно спросил сын Ампеджа.

Уверяю вас, - в ужасе сказал дядя Курт. Они кусаются, потому что я им приказал; это очень ручные животные, и они слепо меня слушаются. Сами они никогда бы ни на кого не напали.

Доктор покачал головой, пробормотав что-то о своих сомнениях по поводу послушности тибетских дого.

Через три часа доктор Паласиос уезжал, и дядя Курт, взяв ключи, которые лежали у него в сумке "Сафари", загнал машину в поместье и припарковал ее в гараже.

На второй день я попыталась встать, потому что пришла в себя в тот момент, когда в комнате никого не было. Затем я почувствовал страшную слабость и такое головокружение, что чуть не упал на пол. Я села на край кровати, размышляя, не без некоторого любопытства, о том, в каком месте я нахожусь.

Это была скромно обставленная комната с резным спальным гарнитуром из орехового дерева и кроватью с кружевной москитной сеткой. О том, что она находилась на втором этаже, я догадался по покатой крыше и

толстым балкам из кебрачо, которые ее поддерживали. В этот момент вошла старая Хуана и с удивлением увидела, что я сижу.

-О, мой дорогой сэр, - сказала старуха, - как вы это делаете? Вам нужно отдохнуть, так велел доктор.

Она сильно толкнула меня за плечи, чтобы заставить принять горизонтальное положение, а я позволил ей это сделать, пораженный отношением незнакомки.

Вскоре я уже лежал и снова был укрыт, а старуха продолжала протестовать:

-Сэр, вы сдвинули руку с гипсом; это неправильно; он будет сердиться.....

И... Господь, - робко спросила я.

-Дон Черино? Он сразу же придет, - ответила старуха, - как только я скажу ему, что вы выздоровели.

Он направился к двери справа от меня - как я потом узнал, другая дверь вела в ванную - но прежде чем уйти, он повернулся и сказал:

Не двигайтесь, сеньорсито, я скоро принесу вам бульон и ореховую рогатину, - улыбнулся он, - вот увидите, как скоро вы восстановите силы.

С каждым днем мне становилось все лучше, и через две недели я уже спускался в столовую и гулял в парке рядом с домом.

Еще через пятнадцать дней гипс был снят, и только через тридцать пять дней после прибытия в Санта-Марию я смог отправиться в Тафи-дель-Валье при удивительных обстоятельствах, о которых я расскажу позже.

Сначала я несколько раз написал родителям, солгав о якобы проводимом археологическом исследовании в Пукара-де-Лома-Рика, чтобы успокоить их по поводу моего длительного отсутствия. Я также позвонил доктору Кортесу, чтобы попросить продлить мой отпуск на две недели, который должен был истечь в это время, но он согласился только тогда, когда я сообщил ему, что со мной произошел несчастный случай.

Дело осложнялось тем, что я еще не начал выяснять местонахождение сына Белисены Вильки, а мой отпуск подходил к концу. Однако, когда я покидал Санта-Марию, мой боевой дух был высок, и я верил в себя как никогда. Этому способствовали продолжительные беседы с моим необычным родственником. Но вернемся к тем дням выздоровления, когда дядя Курт начал рассказ о своей фантастической жизни.

Глава II

Будучи врачом, я уже в первые дни выздоровления понимала, что оно будет долгим, поэтому, имея достаточно времени, я не видела причин не рассказать дяде Курту о своем романе. Я никогда не испытывала желания делиться с кем-то своими делами, и у меня никогда не было доверенных лиц. Но сейчас все было иначе. Со дня землетрясения я жалела, что не знаю никого, кому могла бы довериться; кого-то достаточно "духовного", чтобы не насмеяться над событиями, связанными со смертью Белисены Вильки. Но при этом он обладал бы необходимой свободой, чтобы иметь возможность брать на себя знание, сопряженное с такими серьезными опасностями.

В какой-то момент я подумал о том, чтобы пойти к профессору Рамиресу, но потом мне стало стыдно за эту эгоистичную идею, которая может поставить под угрозу жизнь и разум этого образцового человека, преданного своему профессорству и своей семье.

С тех пор я был расстроен, так как чувствовал, что начинаю работать с идеями, которые были слишком "большими", слишком нечеловеческими, которые могли бы потревожить меня, если бы я не разделял их. И вдруг из прошлого восстал человек *моей крови*, о встрече с которым я и не мечтал. Такой же *одиноким* человек, как и я; человек *действия*. Человек *изривый* и в возрасте, когда не боишься за жизнь, а смерть становится реальностью.

Да, - решительно подумал он, - я бы доверил все дяде Курту.

Сначала мы болтали о пустяках, так как оба избегали раскрывать свои секреты; я не раскрывал причину своего визита, а он умолчал о жестоком нападении дого и его дубинке. Я рассказал ему о своей учебе, а также о родителях; он объяснил мне, как получить хороший *рис с* тунцом.

Так мы завоевывали доверие, пока однажды, в один из последних дней, когда я оставалась в постели, я не сказала ему:

-Дядя Курт, передайте мне портфель, который я привез с собой. Он остался в машине в ночь моего приезда.

К моему удивлению, дядя Курт открыл одну из створок шкафа и достал из отделения портфель, который, видимо, все это время лежал там. Я открыл его и достал письмо от Белисены Вильки и несколько записей, которые я сделал во время разговора с профессором Рамиресом.

-Я собираюсь рассказать вам о причине своего визита, - сказал я, стараясь передать всю важность вопроса. Это фантастическая и невероятная история, и я всерьез думаю, что только вам я осмелюсь рассказать ее без утайки и страха.

Дядя Курт вскинул брови, живо интересуясь тем, что, по крайней мере, мне, казалось чрезвычайно серьезным. Мои слова и тон, которым я говорил, создавали нужную атмосферу.

Было три часа дня обычного дня, мы оба пообедали, и безмятежное спокойствие, царившее в этом затерянном фермерском доме, располагало нас к разговору и доверию друг другу. В нашем распоряжении было все время мира, которое мы могли потратить по своему усмотрению.

Я начал рассказывать известные мне события, и если у меня и были какие-то сомнения в том, насколько достоверно дядя Курт их воспримет, то они вскоре развеялись. Заметно расстроенный в одних местах и побежденный нетерпением в других, он постоянно прерывал меня, чтобы узнать подробности, и, получив желаемое, поощрял меня продолжать в непривычном для него авторитетном тоне.

Дело Белисены Вильки полностью захватило его интерес, но, узнав о существовании письма, он словно обезумел. В этот момент я достал его из портфеля, и мне пришлось приложить усилия, чтобы он не выхватил его у меня из рук: я намеревался дать ему прочитать его, но не в этот момент, а позже, когда закончу рассказ о случившемся. Поэтому я показал ему книгу и продолжил повествование, не обращая внимания на беспокойство дяди, которому, очевидно, стоило больших усилий дожидаться прочтения. Я в общих чертах рассказал о цели этого посмертного послания, не вдаваясь в

подробности невероятной истории Дома Тарсиса, упомянув лишь о тысячелетних гонениях, которым он подвергался со стороны голен-друидов: я рассказал о

Бера и Бирса и моя уверенность в том, что именно они были настоящими убийцами Белисены Вильки. В этот момент казалось, что глаза дяди Курта вот-вот выскочат из глазниц; однако его губы оставались сжатыми от удивления. Наконец я обратился к переводу легенды *"ada aes sidhe draoi mac hwch"* профессора Рамиреса и последующим ссылкам на друидов Голена, что подтвердило правдивость, если не истинность большей части содержания письма.

Тут чары оборвались, и дядя Курт, вскочив на ноги, закричал:

-Да, Артур, друиды! Я ждал их в ночь твоего прихода! Спустя 35 лет я ощутил безошибочный знак их присутствия и знал, что в любой момент на меня нападут, хотя и не знал, почему они ждали так долго, почему **появились** именно сейчас. А теперь я знаю: потому что ты пришел ко мне, носитель Величайшей Тайны!

Когда он произносил эти фразы по-немецки, из его горла вырывался рев, на который тут же отвечали два протяжных воя мастифов этажом ниже и снаружи дома. Я не мог не удивиться, потому что дядя Курт всегда говорил по-испански, так как я плохо знаю немецкий язык из-за того, что мои родители решили воспитать меня "полностью аргентинцем" и даже между собой не использовали этот язык.

От меня также не ускользнуло, что, как бы громко он ни кричал, собаки не могли его услышать. Как же они ему ответили?

Теперь я смотрел на дядю Курта "другими глазами", которого до этого считал человеком, как и многие другие, измученным воспоминаниями о военных днях, но в остальном совершенно нормальным.

Постепенно я понял, что было еще кое-что: дядя Курт обладал тайным знанием, которое тяжким грузом лежало на его совести, теперь разгоряченной моим рассказом.

Дяде Курту было около шестидесяти двух, но он впечатлял тем, что выглядел лет на десять моложе. Высокий до преувеличения - по моим прикидкам, в нем было около шести футов двух дюймов - он был коренастым, атлетически сложенным, и было видно, что он держит себя в форме. Его волосы, которые, должно быть, были черными, стали седыми, подстриженными очень коротко; светло-голубые глаза, кустистые брови, тонкогубый рот с густыми усами и твердый подбородок дополняли его описание. Пожалуй, одной из деталей был шрам через левую щеку, подчеркивавший румянец на щеках - п р и з н а к здоровья для его возраста.

Он любил одеваться просто, но спортивно, и его всегда можно было увидеть в толстых замшевых ботинках.

Словом, он был впечатляющим мужчиной, тем более в тот момент, когда в его глазах, казалось, сверкали искры. Несколько минут он ходил кругами по комнате, заложив руки за спину, в которых держал письмо от Белисены Вильки, которое только что передал ей.

Я почтительно промолчал, но был заинтригован такой реакцией. Мы проговорили несколько часов, пока на улице стремительно темнело. В комнате царил полумрак, когда вошла старая Хуана и в к л ю ч и л а свет.

-Иисус, дон Серино, почему они в темноте? Ужин готов. Я сейчас принесу сеньору Артуру, - улыбнулась старуха, как обычно, прежде чем уйти.

Это вторжение успокоило дядю Курта, который все еще ворочался в задумчивости. Он остановился у изножья моей кровати, положив руки на спинку, и на правильном испанском языке сказал:

'Неффе, я думаю, вы принесли мне ответ, которого я ждал десятилетиями. Если так, то я могу спокойно умереть, когда все закончится, - загадочно произнес он, - но скажите, что именно привело вас ко мне, как вы ко мне попали?

//Я хотел выяснить, почему они собрали всю документацию по друидам, - ответил я. Как только я подумал об этом, в моей голове всплыло воспоминание о той ночи тридцать пять лет назад, когда вы вручили мне Железный крест. Это была интуиция, потому что сразу же, без всякой видимой причины, я почувствовал уверенность в том, что вы знаете, как ответить на эти вопросы. //Потом я узнал от мамы, что вы были офицером... И вот я здесь.

-Ха, ха, ха, ха, - засмеялся он в восхищении, тем громовым смехом, который он издал, когда обнаружил меня на лестнице Серрильос в детстве, и который он так хорошо помнил.

-Я могу рассказать вам о некоторых вещах, которые пригодятся вам в решении ваших проблем, - продолжал дядя Курт. //Вещи, касающиеся *эзотерической доктрины* Черного Ордена. Однако, по неизбежному и значимому замыслу Богов, вы будете удивлены, узнав, насколько ответы, которые вы искали, оказались в моих руках. Но прежде чем говорить об этом, давайте пообедаем.

Он ушел, оставив меня наедине с новыми вопросами. Из его предыдущего восклицания стала ясна еще одна загадка: как дядя Курт установил контакт с друидами, которые, судя по всему, годами преследовали его до смерти?

Глава III

В 21.30 дядя Курт устроился в удобном кресле-гамаке рядом с моей кроватью и, поразмыслив несколько минут, начал говорить. Было видно, что он обдумывает все произошедшее и приходит к какому-то решению.

-Послушайте, Артуро, - сказал он торжественным тоном, стараясь быть убедительным, - я понимаю, что вам не терпится получить ответы, которые привели вас сюда, но вы должны дать мне время прочитать письмо Белисены Вильки. Это длинная рукопись, и мне потребуется несколько дней, чтобы усвоить ее, но это необходимо сделать, прежде чем отвечать на ваши вопросы; тогда я буду иметь представление о том, что вам известно, оценку то, чего вам не хватает, и смогу точно выразить свои мысли.

Он ожидал моего безоговорочного одобрения. Однако я полагала, что предвидение моей реакции никак не повлияет на него.

¹ Неффе: по-немецки - племянник.

-Я согласен, дядя Курт, что у вас должно быть время прочитать письмо. Но скажите мне, как могло случиться, что в день моего приезда вы ожидали нападения друидов; то есть как вы узнали, что они придут?

-Потому что накануне я **услышал жужжание**, безошибочное **жужжание медоносных пчел**, которое выдает **использование Дордже на Сердце!** Да, неффе. С этого момента меня охватила неконтролируемая тахикардия, которая длится до сих пор. Но все их уловки снова не сработали против силы, которой наделили меня боги, и они будут вынуждены встретиться со мной лицом к лицу. -Его глаза вызывающе сверкнули, но я хотел прояснить ситуацию. Намек на гудение и дордже - элементы, о которых Белисенна упоминал на Двадцать пятый день, когда Бера и Бирса превратили кровь лордов Тарсиса в кровь Иуды Бетюна, - **перед тем как прочитать его письмо**, заставил меня замереть от изумления.

Дрожа, я спросил:

-Но слышали ли вы раньше этот жужжащий звук?

-Конечно, Артуро. Я услышал ее впервые в 1938 году, 42 года назад.

-И где? -спросил я с растущим удивлением, предвкушая неожиданный ответ.

-В Тибете; на границе между Тибетом и Китаем. Это произошло во время экспедиции к Вратам Чанг Шамбалы.

Кровь прилила к вискам, я чувствовал растерянность, головокружение и мелькнула мысль, что я могу лишиться чувств. Комната исчезла из моего поля зрения, а в голове, вместе с тысячей концепций и ситуаций, возникших из письма Белисенны Вильки, вопросы были сведены к их предельной абстракции: что, как, когда, где, с трудом принимая конкретную форму и бросаясь на дядю Курта. Курт, заметив мое замешательство, начал весело смеяться.

-Вы видели Неффа? Я так и знал! В том виде, в котором вы предлагаете диалог, вы ничего не сможете понять. Я вам все расскажу, не бойтесь. Но чтобы вы могли извлечь пользу из моего опыта, чтобы вы могли понять его, вам лучше знать краткое содержание моей жизни. Повторяю: подождите, пока я прочту письмо; тогда я расскажу вам о своем прошлом, и тогда ваши вопросы обретут последовательность, а мои ответы - смысл.

Однако, - продолжил он, - поскольку я вижу, что ваше нетерпение не мало, я дам вам кое-что, о чем можно подумать в эти дни.

Если я правильно понимаю, вы пытаетесь найти эзотерический орден, который предположительно существовал в Кордове, орден мудрых строителей, орден, посвященный изучению гиперборейской мудрости?

Я кивнул.

-Ну что ж, Нефф, я могу сказать, что у меня вполне может быть точная информация об этом Ордене. И не только о нем, но и о таинственном Инициаторе, который его основал.

Это было последнее, что он ожидал услышать, и снова его губы остались сомкнутыми, пока в голове с огромной скоростью формировались вопросы.

Но дядя Курт не дал мне времени спросить:

-Я вам докажу! -сказал он, развязывая сверток, который он принес, спрятав в пиджаке. Несомненно, дядя Курт не собирался

Я бы не стал говорить об этом, если бы не вынуждало нетерпение, и именно поэтому я спрятал обертку: если бы это не было необходимо, я бы не показал ее в тот момент.

В заключение он взял в руки о б ъ е м и с т у ю книгу, обтянутую толстой красной тканью. Держа ее перед моими глазами, он раскрыл ее, и на свет появилась первая страница; на ней на переднем плане было выведено название произведения и имя автора: **"Основы гиперборейской мудрости" Нимрода из Росарио**. Далее шла надпись, указывающая на принадлежность книги: **"Orden de Caballeros Tirodal de la República Argentina" (Орден Тиродальских Рыцарей Аргентинской Республики)**.

Когда я прочитал эти короткие фразы, дядя Курт перевернул страницу и указал на "Письмо избранным", которое было вставлено в качестве предисловия; в конце его, через три страницы, стояла подпись автора, Нимрода де Росарио, и приписка: **"Кордова, август 1979 года"**.

-Шесть месяцев! -Я воскликнул: "Всего шесть месяцев, как она была опубликована! Как, дядя Курт, как, черт возьми, она попала к тебе в руки?"

-Ха, ха. Не по воле дьявола, а по воле моего доброго друга Оскара, который скончался всего три месяца назад и унес секрет с собой в могилу. -Тут он стал серьезным, заметив разочарование на моем лице. Я знаю, что эта часть новостей вас не обрадует, но лучше, чтобы вы знали правду с самого начала.

Оскар, о котором я расскажу позже, был беженцем в Аргентине с 1947 года. Как и с твоими родителями и другими товарищами, я встречался с ним пару раз в год: после этих тайных встреч каждый из нас возвращался к своим обычным делам. Ни писем, ни телефона, ничего не должно было связывать нас, если мы хотели остаться на свободе. Уже было известно, что за мной охотится секретная организация, которой предписывалось "казнить, где найдут", но с Оскаром все было иначе: его "официально" разыскивали для суда за "военные преступления", причем требование было выдвинуто Советским Союзом, поскольку Оскар Фейль был уроженцем Эстонии. Но Оскар, выдававший себя за итальянского эмигранта под именем "Доминго Пьетратеста", женился в Аргентине и имел прекрасную семью, которую нужно было защитить прежде всего: в его случае враг никак не мог его поймать. Вот почему мы принимали чрезвычайные меры предосторожности и встречались каждые шесть месяцев. Мы не могли не встречаться, потому что оба были близкими товарищами, причем не только со времен войны, но и за много лет до нее, с тех пор как вместе учились в школе **N.A.P.O.L.A.**

-Ах, Оскар, Оскар, - вздохнул дядя Курт. Друг более чем на всю жизнь. Товарищ для покорения рая и ада, товарищ для вечности.

-П, но он умер? -зашипел я, чтобы вернуть дядю Курта к реальности.

На мгновение он замолчал. Наконец он, казалось, заметил меня и продолжил свой рассказ.

-Да, Неффе. Оскар умер четыре месяца назад; по всем данным, "естественной смертью", но я уверен, что его могли убить: какой бы ни была его смерть, его жена никогда бы публично не признала правду. Будущее троих детей Оскара заставило бы ее кусать губы, прежде чем говорить. Так что я не знаю наверняка, что произошло, потому что, по понятным причинам, не знаю, что произошло.

По этой причине я не смогу сблизиться с его семьей в течение довольно долгого времени, год или больше.

Но давай перейдем к делу, Артуро! - энергично сказал он, глубоко вздохнув, словно прощаясь с умершим другом. Примерно восемнадцать месяцев назад мы встретились в провинции Жужуй, в отеле "Провинсьяль" в Тилькаре: мы оба были проездом, как туристы, посетившие знаменитую Пукару. **¶**Там я заметил его очень взволнованным и счастливым: он нашел, сказал он мне тогда, **тех, кто имеет прямой контакт с Источником Гиперборейской Мудрости**, то есть с тем же источником, который питал Мудрость наших Инициатических Учителей Черного Ордена. **¶**По словам Оскара, после 35 лет "демократической" и иудейской тьмы Духовный Свет Черного Солнца снова восходит: да, после 35 лет, в течение которых Враг возводил всевозможную клевету на Мудрость Ордена, и после того, как сотни самозванцев, часто просто младших сотрудников Ордена, которые были невежественны в Тайнах Ордена, посеяли путаницу в его инициатическом учении. В Кордове, объяснил мне Оскар, появился великий Инициат, который называл себя "Нимродом из Росарио"; "из Росарио", очевидно, было сделано для того, чтобы отличить его прозвище от исторического Нимрода, касситского царя, жившего за 2 000 лет до нашей эры. Но это был анекдот: главное, что этот Инициат овладел всеми западными науками, и особенно гиперборейской мудростью, в такой высокой степени, какой Оскар никогда не видел за пределами Германии, причем с последних дней войны, 35 лет назад. В самом деле, чтобы найти такого же Инициата, нужно было вернуться в те дни и к тем, кто тайно возглавлял Черный Орден, в частности к Конраду Тарштейну. По крайней мере, так считал Оскар.

Конечно, помимо неизбежных сравнений, и то, что у них было в Между Нимродом и нашими древними учителями существовали огромные различия. **¶**Разумеется, не было никаких различий в отношении Чести или самой Гиперборейской Мудрости: в этой области все было аналогично... **¶**Но мы уже не во времена Третьего рейха и не в те времена. И вполне логично, что, организуя приверженцев Гиперборейской Мудрости, Нимрод был вынужден считаться с тем, что предлагала ему реальность 1979 года. Я до сих пор помню слова Оскара о духовной некомпетентности его последователей: "Поверь мне, Курт, Нимроду нужен расовый отбор, подобный тому, что практиковался в Германии, и из которого вышли мы. Я знаю, знаю! Мы уже не в Германии, а в беспородном Третьем мире. Я лишь предлагаю невозможную возможность, игру воображения. Мне грустно видеть, как впустую тратятся усилия людей, не способных оторваться от века. Тем не менее, не затрагивая даже отдаленно дисциплину

¶Ему удалось сформировать важную группу поддержки, которая позволяет ему развивать свою Стратегию: с людьми, вышедшими из традиционной эзотерики, особенно со многими, кто понял, что гностическая церковь Самаэля Аун Веора - это просто еще одна синархическая секта, и с другими, пришедшими из аргентинского национализма, то есть с людьми с нацистско-фашистским политическим прошлым. **¶**Вместе с ними он создал Орден Тиродальских Рыцарей, в котором дается "гиперборейское посвящение", подобное тому, которое мы получаем в ...".

Но Гиперборейское посвящение, которое является Первым из трех, требующих духовного освобождения и возвращения к Истоку, - продолжал

Оскар, - может проводиться только тем, кто проявляет Второе посвящение, то есть понтификом.

Гипербореец. Нимрод, таким образом, является гиперборейским понтификом. Как он получил Второе посвящение, никто не знает, но мы с вами прекрасно знаем, что его дают только Неизвестные Сверхсущества, Владыки Венеры, Гиперборейские Боги. Естественно, чтобы выполнить свою миссию, этот Инициат, используя свою неодолимую власть над иллюзорной структурой реальности, создал для себя как можно более последовательное прошлое. Но нас это не интересует: его прошлое и противоречия, которые можно в нем доказать, интересны только Врагу. Для нас же, дорогой Курт, несомненным, неоспоримым является то, что твоя Мудрость исходит из безупречного Источника: Владык Агарты".

"И какова их миссия? -задался вопросом О с к а р . Это тоже загадка: похоже, она связана с поиском определенных людей, которые должны быть стратегически ориентированы, чтобы сыграть свою роль в следующей Тотальной войне. Все его усилия направлены на этот поиск, но я не думаю, что ему повезло, потому что, как я уже говорил, его соратники не лучшим образом подходят для практики Высшей магии. На самом деле в Тиродальском ордене очень мало Инициатов, и никто из них не соответствует требованиям таинственной миссии. Это утверждение - не субъективное предположение, а уверенность самого Нимрода: ведь когда я впервые встретился с понтификом, он, как оказалось, о б л а д а ю щ и й способностью читать иницирующие Руны, поздравил меня со степенью, которую я получил в Черном Ордене, но проявил видимое разочарование. К моему удивлению, он тут же извинился и вежливо объяснил, что, впервые принимая Избранного, он всегда надеялся, "что тот окажется одним из тех, кто выполнит миссию, поставленную Богами". Это замечание прояснило для меня все, и я сразу понял, что явно не являюсь одним из "тех", кого ждал Нимрод. Тем не менее он отнесся ко мне по-дружески и предложил участвовать в работе Ордена, выполняя исключительно узкие функции, которые ни в коем случае не угрожали бы моему положению. Я, разумеется, согласился; и, воспользовавшись его доверием, стал расспрашивать дальше о злополучном поиске Избранных, способных воплотить замыслы Богов, - поиске, который был бы почти невозможен в адских условиях нынешней эпохи.

-Такие люди, которых ты ищешь, Нимрод, они более высокого качества, чем те, которых ты ищешь?

//Инициаты Черного Ордена?"

-Вопрос не в качестве, а в стратегическом беспорядке, мистер Пьетратеста. Возможно, если бы нам удалось пересадить одного из тех Инициатов из замка Вервельсбург в эту Эпоху, то, не теряя времени, мы получили бы товарища, пригодного для выполнения миссии. Но сейчас, конечно, у нас нет такого человека. Сами наши Инициаты **могли бы быть пригодны для миссии, если бы они полностью приняли Инициацию и овладели своей душевной природой, если бы они решились стать теми, кто они есть. Но духовным людям этой эпохи трудно, очень трудно набраться смелости и перестать быть тем, кем они кажутся, и стать определенно тем, кем они на самом деле являются.** Тем не менее, Боги уверяют нас, что есть люди, способные на такое мужество, что двери Тайны должны оставаться открытыми до тех пор, пока они не придут или пока те, кто есть, не трансмутируют. И именно эта уверенность дает нам силы идти дальше, товарищ Пьетратеста".

Я был в доме в городе Кордова, - сказал Оскар, - принадлежащем

Тиродальскому ордену. В просторной комнате, обставленной как

В кабинете, за внушительным письменным столом, сидел Нимрод и пристально наблюдал за мной. Наконец он открыл ящик и достал книгу в красной обложке.

-Мистер Пьетратеста, - серьезно сказал он. Никто не приходит в это место, не пройдя предварительного исследования на Земле и на Небе. Вы удовлетворяете всем требованиям, и поэтому мы предлагаем вам эту возможность: вступить в Тиродалский орден и стать одним из его Инициатов. Все вступающие должны совершить одни и те же действия, которые очень просты: в основном они заключаются в **понимании и принятии** Основ Гиперборейской Мудрости, которые, на благо Избранных, мы обобщили в этой книге, - он протянул мне красную книгу. Механизм входа требует, чтобы вы прочитали эту книгу и решили, **понимаете** ли вы **и принимаете** ли ее содержание. Если решение положительное, вы немедленно включаетесь в Орден и получаете право доступа к остальным тринадцати книгам, составляющим "Вторую часть" Основ и содержащим тайную подготовку к Гиперборейскому посвящению. Если ответ будет отрицательным, если он не поймет и не примет основы Гиперборейской Мудрости, ему достаточно будет вернуть книгу и воздержаться от создания копий, чтобы быть исключенным из Ордена. Должен предупредить вас, - сказал он угрожающим тоном, - что невыполнение этого требования сурово карается Орденом.

Глава IV

Оскар обещал действовать лояльно, - сказал дядя Курт, - и у него не было никаких проблем с этим. Содержание книги не было нам незнакомо, но новизна заключалась в философском языке высокого уровня, на котором она была написана: для такого прибалтийского немца, как Оскар, чтение этого чистого испанского было дополнительным испытанием, которое он прошел с юношеским энтузиазмом. Поэтому, когда спустя несколько месяцев он закончил чтение, то поспешил подать заявление о приеме в Орден рыцарей Тиродаля, и ему выделили день в неделю для встреч в некоем укромном месте с несколькими особо доверенными товарищами, которые изучали вторую **часть** Основ и готовились к кайросу посвящения. И этот этап, по словам самого Оскара, был одним из самых счастливых событий в его жизни. Однако если что и не устраивало Оскара, так это мое отсутствие в Орденом. Как он сказал мне тогда в Тилькаре, он считал, что мое присутствие и вклад моих знаний о Гиперборейской Мудрости были необходимы для харизматического укрепления Ордена. Он также хотел, чтобы я прочитал книгу, но не смел послушаться Понтифика, поэтому он умолял меня *ad nauseam* уполномочить его представить мое имя для проверки "на Земле и на Небе" и получить книгу правильным путем.

В конце концов я согласилась, больше для того, чтобы угодить ему, чем из искреннего интереса, Ибо, как ты понимаешь, Неффе, с 1945 года у меня были точные инструкции по выполнению моей собственной миссии. ***И эти инструкции также исходят от Богов, от тех же Богов Нимрода из Розарио, которые, несомненно, также являются "Богами-Освободителями", направлявшими Дом Тарсиса.***

В следующий, последний раз мы встретились в Кордове в августе прошлого года. Не стану отрицать, Артуро, что у меня было тайное желание встретиться с удивительным Инициатом, о котором Оскар так много мне рассказывал. Но этому не суждено было случиться, так как понтифик находился в тайном уединении за написанием новой книги. Тем не менее Оскар передал важную новость о том, что в Ордене есть книга для меня: один из старых членов передал мне экземпляр, который вы сейчас держите в руках, и передал мне приветствие Нимрода: "Понтифик, - сказал он почтительно, - был рад "встретиться со мной" и заверил меня в великой производительности в служении Богам Духа". Разумеется, это собеседование проходило в гостинице, ибо никто не мог знать о свойствах и местах встреч Ордена до того, как был принят.

Ты понимаешь, Артуро, как близко я был к тому, чтобы вступить в Орден рыцарей Тиродаля? Я был близок, очень близок, но мне не удалось вступить, потому что единственный контакт с Орденом у меня был с Оскаром, который умер в декабре 79-го. По крайней мере, так сообщалось в телеграмме, отправленной его вдовой в январе на мой почтовый ящик в Сальте. Более точной информации у меня нет, Неффе. Я купил кордовские газеты тех дней и обнаружил, что Доминго Пьетратеста действительно похоронен, скончавшись в своей постели от сердечного приступа. После столь печального известия, не имея возможности ничего предпринять, кроме как ждать, пока пройдет время, я много раз перечитывал книгу "Фундаментос", приходя к выводу, что ее содержание выражает в самой глубокой и строгой системе понятий древние и простые истины Гиперборейской Мудрости. Почему Нимрод задумал такой труд, регламентирующий доступ Избранных в его Орден, я полагаю, связано со сверхреалистичным видением Эпохи, нынешней Культуры и с тем *типом* Инициата, *которого* он ищет для выполнения миссии, предложенной Богами. Что бы это ни было, я верю, что не причиняю никакого вреда Стратегии Нимрода, позволив вам прочесть ее сейчас. Я лишь окажусь в долгу чести перед Орденом, который мне когда-нибудь придется вернуть. Однако ранее вы уже читали письмо, которому я приписываю не меньшую ценность, чем этой книге, хотя вы и не позволили мне рассказать о нем.

Дядя Курт улыбнулся, а меня охватил стыд. Нет Несмотря на минутное смущение, я продолжал смеяться, как делал это уже несколько минут. Я был воодушевлен. После убийства Белисены Вильки моя жизнь з а п у т л а с ь в очень значительных путях, и было очевидно, что этот сюжет *не мог быть случайным: кто-то, Боги-освободители, а не "ангел-хранитель", устроил одно как настоящий сюжет, другое как сценарий судьбы, чтобы я следовал ему "случайно" и узнал об этих вещах в нужный момент. Одним словом, меня вели Боги.* И эта мысль, эта уверенность наполняли меня сокровенной радостью.

Дядя Курт, в чем я больше не сомневался, обладал искомым ключом к разгадке. Меня не обескуражил тот факт, что смерть Оскара Файля отделила его от Ордена. С той информацией, которой я теперь обладал, найти Нимрода Розарийского и Тиродальский орден представлялось гораздо более легкой задачей: он был Владыкой Абсолютного Наставления, а они - Мудрыми Строителями его ордена. Цель его поисков - дядя Курт еще не мог знать, потому что не читал письма, - заключалась в том, чтобы найти Нойо или Врая, Инициаторов, способных пересечь Камни Долины Двух Рек и достичь

Мудрого Меча, вместе с Нойо из

Тарсис, сын Белисены Вильки. И мне было ясно, что, принеся ему письмо Белисены Вильки, Нимрод без колебаний отправит меня к Нойо Вильке, которому он передаст посмертное послание матери. Все еще улыбаясь от радости, вызванной его откровениями, мой разум работал с большой скоростью, а на лице дяди Курта отражалось удивление по поводу такого бессвязного поведения. Но я думал, думал беспрестанно, как узнать адрес Оскара Файля или Доминго Пьетратеста, зная, что дядя никогда не даст мне его добровольно. Наконец я нашел ключ к разгадке, очень простой, поскольку он все время был у меня перед глазами: газеты! Вот и все: я искал в Кордове газеты за декабрь 1979 года, просматривал некрологи, и там я обнаруживал адрес его семьи!

Наконец я принял более серьезный вид и ответил дяде Курту:

-Конечно, последняя часть вашего откровения не совсем радостная, - с сожалением сказал я. Я искренне сожалею о смерти вашего товарища; и еще больше, как вы понимаете, я сожалею о том, что его смерть отделила вас от Тиродальского ордена. Однако то, что вы рассказали мне об этом ордене, настолько необычно, что я могу повторить ваши слова, сказанные сегодня днем: "Мне кажется, вы принесли мне то, на что я давно надеялся". Вы сказали это из-за письма, которое вы еще не прочитали, но я также считаю, что информация об Ордене и, возможно, эта книга, которую я еще не прочитал, являются конкретным ответом на *истинную причину* моего визита. Потому что, хотя я и приехал сюда *сознательно*, чтобы выяснить отношения между *ff.* и друидов, ясно, что такое расследование вплетено в более широкий вопрос поиска сына Белисены Вильки, *истинного мотива, неосознанного, но действенного*, всех моих движений. И этот поиск неизбежно проходит через Орден Мудрых Строителей Кордовы, к которому вы меня направили: Понимаете ли вы, почему в глубине души я счастлив? Потому что открытие этого ордена - самое необходимое для меня, самое важное, гораздо более важное, чем получение новостей о друидах.

Да, дядя Курт, - решительно сказал я, - тебе необходимо прочитать это письмо как можно скорее. Я не буду беспокоить тебя, пока ты не дочитаешь его до конца. Но ты очень хорошо поступил, что предупредил о том, что тебе известно о Тиродальском ордене: это сняло с меня груз ответственности, и теперь я могу спокойнее ждать того, что ты мне скажешь потом.

Глава V

Поэтому я согласился дать дяде Курту достаточно времени, чтобы прочитать письмо, не представляя, к чему приведет такая уступка. Во-первых, потому ли, что он читал его добросовестно, или потому, что, скорее всего, испанский язык не позволил ему быстрее усвоить непонятные понятия Белисены Вильки, или по какой-либо другой причине, факт остается фактом: он дочитал его только через десять дней. Но, во-вторых, самым раздражающим аспектом этого дела является то, что в течение всего этого времени он запирался в своей комнате, не желая выходить оттуда ни на минуту. Вся работу на ферме он перепоручил своему бригадиру Хосе Толабе и приказал, чтобы еду ему подавала в комнату старая Хуана. И напрасно я

пытался нарушить эту решимость: мои записки оставались без ответа, и мне не удалось пробить лаконичную преданность старухи своими вопросами. Короче говоря: что я

Мне пришлось запастись терпением и смириться со странным поведением дяди! К тому же, к моему разочарованию, я никак не мог продвинуться в чтении книги "Основы гиперборейской мудрости" из-за сложности рассматриваемых в ней вопросов: для глубокого понимания большинства понятий, очень точно используемых, требовался как минимум философский словарь, а я не знал, есть ли у дяди какой-нибудь экземпляр, хотя он был бы мне бесполезен, если бы был написан на немецком. Естественно, мне не удалось решить эту проблему до тех пор, пока дядя Курт не появился снова, а к тому времени словарь мне уже не понадобится, потому что я так и не смогу дочитать книгу Нимрода: рассказ дяди Курта и последующие события неизбежно помешают мне это сделать.

Психологическое воздействие письма на дядю Курта, должно быть, было очень сильным, поскольку после его прочтения в нем произошли весьма заметные физические изменения, несомненно, являющиеся психосоматическим продуктом полученного впечатления. Короче говоря, судя по тому, как выглядел мой дядя, казалось, что за эти десять дней он регрессировал на несколько лет, он стал намного моложе, проявил позитивный и общительный характер, которого я не знал у него раньше. Я подозреваю, и не думаю, что сильно ошибаюсь, что тридцать три года, проведенные в Санта-Марии, испортили его обычно веселый нрав и стали причиной того угрюмого и пессимистичного характера, который я заметил, когда приехал в финку. Личность человека, который больше не верит в то, что замыслы богов исполнятся, и смиренно ждет решения Смерти. Тридцать три года - долгий срок для ожидания в Катамарке, я понимал его лучше, чем кто-либо другой, и мне казалось логичным, что его характер был подорван. И тогда я понял, что перемена была оправдана, даже предсказуема, если только письмо Белисены Вильки оправдало его ожидания, откладываясь столько лет. Ведь, как он сам признался, было ясно, что его инструкции на послевоенный период, "*инструкции от богов*", заставляли его оставаться в этом месте, а мое прибытие с письмом и предполагаемое скорое нападение друидов были доказательством того, что это ожидание почти закончилось.

-По правде говоря, Неффе, - сказал дядя Курт, подтверждая мои предположения, - не письмо затронуло меня до такой степени, что ты и представить себе не можешь, а Тайна Белисены Вильки, то, что было скрыто за его реальным существованием и что теперь раскрывается перед нами. К письму, Неффе, к его содержанию можно отнести лишь интеллектуально; но к Тайне, которую поднимает письмо и смерть Белисены, к Тайне Дома Тарсиса, невозможно отстраниться, не оставшись в стороне от Стратегии Богов.

Тайна пришла к нам - здесь дядя Курт, несомненно, был включен в мое приключение - и мы не можем и не должны пытаться уклониться от нее. Теперь, если позволит кайрос, мы должны пройти весь путь, до Тиродальского ордена, до Нимрода из Розарио, до Нойо из Тарсиса и Мудрого Меча, до финальной битвы.

Я кивнул, все еще удивленный твердым и благосклонным отношением

моего дяди. Он продолжил, снова поразив меня.

-Послушай, Артур, в эти дни я думал больше, чем ты можешь себе представить, оценивал произошедшие события и просчитывал каждый шаг, который должен быть сделан в будущем. Посредством этого глобального стратегического анализа и с учетом моего личного опыта, который ты скоро сможешь узнать, из чего он состоит, поскольку я расскажу тебе историю своей жизни, я сделал некоторые выводы, которые тебе было бы полезно принять к сведению. Прежде всего, как я и предполагал с самого начала, я обнаружил, что вы совершенно не готовы к этой миссии. -Я хотел было запротестовать, но дядя Курт недовольно поднял руку, и я решил позволить ему закончить свое выступление. Я не сказал, что ты **не** сможешь этого сделать, но сказал, что ты **еще не** готов к э т о й миссии. Но вы будете готовы очень скоро, если поймете мои аргументы и будете следовать моим инструкциям до конца.

-Первое, что вы должны понять, - это то, что вы никогда не приступаете к подобной миссии без предварительной отрешенности. Я понимаю, и вам не нужно объяснять мне, что такая отрешенность - это состояние духовного сознания, которое вы испытываете с того момента, как отправились в это приключение: прямо сейчас вы чувствуете себя оторванным от мира, освобожденным от материальных привязанностей. Но я должен сказать вам реалистично, что такое отношение совершенно субъективно, наивно, является препятствием для достижения духовной цели; отношение, которое не учитывает врагов, которые попытаются помешать осуществлению миссии, врагов, наделенных страшной силой и обладающих абсолютной мобильностью; отношение, короче говоря, стратегически самоубийственное. Ибо действительно ли "оторван от мира" тот, кто отправляется "выполнять духовную миссию", пользуясь "периодом отпуска"; кто зависит "от денег" для путешествия, денег, которые ограничены и которые в какой-то момент могут закончиться? кто недооценивает врага и оставляет за спиной, вне себя, "слабые места", которые можно легко атаковать и уничтожить, то есть кто путешествует, не отказавшись от любви к "вещам мира", какими бы они ни были: семья, имущество, друзья, привычный контекст, в котором проходит повседневная жизнь, и т. д., все возможные "мишени" для вражеских ударов? Нет; тот, кто ведет себя подобным образом, - чистый и простой, хороший человек, но не хороший воин: он никогда не выполнит свою миссию; Враг остановит его, нанеся удар за спиной, угрожая или разрушая то "внешнее", что он любит, то, с чем он действительно связан, привязан или привязан, даже если он не признает этого или не признает.

Я прекрасно понял его точку зрения и сразу же согласился с ним: в Я все еще был связан со многими вещами, и мое путешествие не могло быть более импровизированным. Однако у меня было мало времени, чтобы решить свою Судьбу. Скорее, Судьба решила все за меня, и дав мне времени измениться, опомниться, "подготовиться", как предполагал дядя Курт. Все произошло так быстро! Что же мне теперь делать? Об этом я бы спросил дядю Курта:

-А что еще я мог сделать в сложившихся обстоятельствах, учитывая, как все произошло? -спросил я скорее у себя, чем у дяди Курта, п ы т а я с ь оправдаться. Правда, у меня все еще есть работа, но мне и в голову не приходило, что я могу не вернуться. А что касается денег: я не богат, и ты это знаешь; и я действительно не знаю, как достану то, что мне нужно, если это приключение затянется. А вот привязанности, любовь родных и друзей,

полагаю, я не узнаю, насколько я ими овладел, пока не пройду испытание: с сердцем никогда не знаешь, дядя Курт! Да,

Упреки справедливы, но вы должны быть тем, кто направит меня в этот момент, иначе у меня не будет выбора, кроме как продолжать в том же "наивном" ключе, в каком я начал.

Дядя Курт смотрел на меня с жалостью, несомненно, восхищаясь безответственностью, с которой я ко всему относился. По его словам, друиды были лютыми врагами, которых не стоило бояться, но и не стоило недооценивать. Я не боялся, и это было хорошо; но казалось очевидным, что я недооценивал врага, что я не понимал, что могу быть уничтожен в любой момент, что я бросил вызов могущественному противнику, "не будучи к этому готовым". Не знаю, была ли моя позиция в то время настолько глупой, но дядя Курт считал ее таковой, и это приводило его в отчаяние. Поэтому он был склонен рассматривать меня как неопытного солдата, солдата, проходящего обучение в его частной армии, и вместо того, чтобы предлагать и обсуждать со мной, что следует делать, он стал отдавать приказы о мерах, которые, по его мнению, должны были быть приняты без промедления.

-Вы немедленно отправите серию телеграмм, отменяющих все ваши обязательства. Увольтесь с работы, учебы, из клубов, библиотек или любых организаций, с которыми вы связаны. Попрощайтесь со всеми, с кем должны попрощаться, сказав им, что отправляетесь в дальнейшее путешествие: если вы лишите их надежды увидеть вас или попрощаться, они скоро вас забудут. Если у вас есть какое-либо имущество, назначьте доверенное лицо, которого вы не знаете и которое не знает вас, например юридическую фирму, и распорядитесь о его ликвидации. Точно так же поступите со всем, что связывает вас с прежней жизнью: оборвите все связи, сотрите все следы, сотрите все подсказки. Мало умереть для себя, нужно умереть и для мира!

Деньги пока не проблема: я обеспечу вас всем необходимым для выполнения этой миссии. Я более тридцати лет собирал деньги, и вот настал день их использовать. И они такие же твои, как и мои, Неффе (ты знаешь, что я заверил их нотариально на твое имя?). Конечно, мои деньги пока решают проблемы, но это не окончательное решение: в будущем я постараюсь научить вас оперативной тактике, чтобы вы всегда могли достать деньги или нужные вам вещи. Это приемы, методы самообеспечения, приемы, которые должен уметь применять каждый Гиперборейский Инициат.

Разумеется, я сделал все, что он мне приказал. Я выполнял его на протяжении всего моего выздоровления, в те дни, когда дядя Курт рассказывал мне свою необыкновенную историю. Наконец, в тот день, когда мы должны были уезжать, в Сальте не осталось ничего от моей прежней жизни. Все, что я сделал за годы усилий и работы, теперь было отменено: рано или поздно от доктора Артуро Зигнагеля останется только воспоминание, а потом не будет и этого - возможность, которая волновала дядю Курта. Я не хотел думать о том, какое впечатление эти меры произвели бы на папу и маму, на Каталину, потому что это "ослабило бы мое сердце", и я боялся, что дядя Курт это заметит: перед ним я хотел казаться сильнее, чем был, хотел уверить его в своем самообладании и мужестве. Я хотела поставить себя на его уровень, на уровень его требований, потому что, почти не осознавая этого, я начала восхищаться дядей Куртом, ценить его большие способности, ценить и понимать его.

Глава VI

На следующий день после того, как он закончил читать письмо, в 9.30 вечера дядя Курт сел в удобное кресло-гамак рядом с моей кроватью и, после нескольких минут раздумий, начал рассказывать мне о своей жизни.

-Как и в случае с вами, ряд "странных" совпадений оказал решающее влияние на первые годы моей жизни. Чтобы представить это утверждение в перспективе, я должен начать рассказ за много лет до моего рождения, с того самого момента, когда мой отец, барон Рейнальд фон Зюберманн, появился на свет в 1894 году в Каире, Египет. В том же году в Александрии, в 130 км от Каира, родился человек, которому суждено было сыграть в моей жизни более важную роль, чем кому-либо другому. Я имею в виду Рудольфа Гесса, который родился 26 апреля 1894 года.

Несмотря на расстояние между двумя городами, мой отец и Рудольф Гесс вскоре познакомились, поскольку родители Гесса отправили его с шести до двенадцати лет учиться во **Французский лицей** в Каире - школу, которую посещал папа. Товарищи детства, они были связаны нежной дружбой, которая с годами становилась все крепче.

По окончании начальной школы - как поступали многие обеспеченные немцы со своими детьми - их отправили в **Евангелическую педагогическую школу в Годесберг-Ам-Рейме**, городке в десяти километрах от Бонна.

Когда им обоим исполнилось по шестнадцать лет, то есть в 1910 году, они разъехались, чтобы сделать разные карьеры. Отец поступил в Берлинский **политехнический институт**, чтобы изучать промышленную инженерию. Рудольф Гесс отправился в Швейцарию, в **Высшую коммерческую школу** в Невшателе, по просьбе своего отца, богатого экспортера из Александрии, который хотел познакомить юношу с миром коммерции. Рудольф намечался, насколько это было возможно, получить докторскую степень по математике.

Война 1914 года разрушает все планы. Отца семья отзывает в Каир, куда он возвращается с началом войны и остается там навсегда, так как не может больше завершить учебу, взяв на себя управление сахарным заводом.

Рудольф Гесс, который провел в Швейцарии всего один год, в Гамбурге обучался внешней торговле и без колебаний записался в 1-й Баварский пехотный полк. Он был дважды ранен, в 1916 и 1917 годах, и награжден Железным крестом за героизм. В 1918 году он вступил в новообразованный Имперский воздушный корпус и был назначен квалифицированным пилотом, но в воздушных боях не участвовал, так как в ноябре 1918 года было подписано перемирие и он был демобилизован.

Он возвращается в Египет с двойным горем: побежденная Германия разорвана на части Версальским договором, а его родители погибли во время войны. Семейным бизнесом занимаются его братья - старший Альфред, бухгалтер, и замужняя сестра.

Он не хочет заниматься коммерцией и дает об этом знать: он намерен вернуться в Германию, чтобы изучать не математику, а историю или философию.

Время, проведенное в Египте, он тратит на поиски ответов на вопросы о стольких несчастьях. Ответы, которые могут дать только посвященные

великих сект.

Исламские или гностические, благодатной почвой для которых стала Александрия в частности и Египет в целом.

Но я оставляю на другой день рассказ об Эзотерическом потоке, в который Рудольф Гесс должен был войти в те дни 1919 года, в Египте, и который должен был привести его к Адольфу Гитлеру в 1920 году и в Англию в 1941 году. Я продолжу хронологическое развитие основных событий, представляющих интерес для этой истории, а затем мы обсудим эти вещи.

Дядя Курт был, по-видимому, точным рассказчиком, который знал, что хочет сказать, и не отклонялся от этого. Я понимал, что пройдет несколько дней, прежде чем он закончит свои воспоминания, и эта перспектива меня радовала.

-В феврале 1919 года, - невозмутимо продолжал дядя Курт, - Рудольф Гесс отправился в Каир, чтобы навестить папу и другого друга, Омара Наутаиса. Они встретились впервые за шесть лет, к большому удовольствию друг друга и моей матери, которая тоже знала Рудольфа с детства.

Папа женился в 1917 году, а 17/11/1918 родилась я, так что в этот день, в феврале 1919 года, мне было три месяца. Поскольку я еще не был крещен, папа попросил Рудольфа стать моим крестным отцом, на что тот с радостью согласился, так как очень любил моих родителей и хотел показать свою привязанность к ним.

Церемония состоялась в лютеранской церкви в Каире прохладным февральским утром 1919 года, а точнее 17-го числа.

²Вот вам и первое совпадение, - задумчиво произнес дядя Курт, - ведь тот 25-летний герой войны, который держал меня на руках, пятнадцать лет спустя станет государственным министром Германии и правой рукой канцлера Адольфа Гитлера, его *штеллервертером*.

В Египте, как и во всех других странах, немецкая община организовала "*Гитлерюнген*", гитлерюгенд, для обучения своих детей под завуалированным наблюдением военных атташе при посольстве Германии. ³В рамках этого движения существовала "младшая" группа под названием *Jungvolk* для детей в возрасте от 10 до 15 лет, к которой я присоединился в возрасте 10 лет, когда еще учился в начальной школе в Немецкой школе в Каире.

Я окончил школу в 1932 году, и отец решил отправить меня в Германию для получения высшего образования. В то время мне было 14 лет, и я носил звание *фейнляйнфюрера в гитлерюгенде*.

На следующий год, в июле 1933 года, мы покинули Александрию на торговом судне, которое с несколькими остановками направилось прямо в Венецию; оттуда мы продолжили путь на поезде в Берлин.

В те дни Рудольф Гесс был очень важной фигурой в Третьем рейхе и невероятно популярен среди членов немецкой общины в Египте, которые были рады триумфу одного из них. Все эти годы Рудольф много работал, чтобы внести свой вклад в победу фюрера, и, за исключением нескольких поездок раз в год или два, он полностью оставил свою первую египетскую родину. Однако он никогда не забывал ни своих друзей, которых было не так уж много, ни своего крестника Курта фон Зюбермана.

² *Stellvertreter*: лейтенант.

³ *Юнгольк*: буквально "Дети народа".

Каждый год мы неизменно получали рождественскую открытку, и когда нам в Юнгвольке требовался барабан, я помню, как папа убеждал меня написать письмо моему престижному крестному отцу, который не только любезно отвечал письмом, призывая меня учиться и упорствовать в Гитлерюнгене, но и заботился о моей детской просьбе.

Однажды мы получили повестку из немецкого посольства, чтобы забрать посылку, которая должна была быть подписана **фейнхляйнфюрером** Куртом фон Зюберманом, то есть мной. ⁴Это был официальный барабан гитлерюнгеров, разрисованный черно-белым пламенем, **руной** " " (S) старогерманского футаркского алфавита, в форме молнии. ⁴Гитлерюгенд использовал одну руну " ", но **Шутцштаффелю** было разрешено использовать две (). ⁵Было также письмо от **рейхсюгенфюрера** Бальдура фон Шираха, подтверждающее, что по просьбе личного секретаря **фюрера** Рудольфа Гесса он посылает барабан далеким товарищам Юнгволка в Египет. Он перечислил длинный список концепций и в конце порекомендовал использовать **гимн гитлерюгенда**:

**Vorwärts, Vorwärts,
Schettern die Hellen Fanfaren,
Vorwärts, Vorwärts,
Jugen Kennt Keine Gefahr.**⁶

⁷Там стояла подпись Бальдура фон Шираха и три слова: **Heil und Sieg**.

Этот барабан и это письмо принесли мне неза заслуженную славу среди немецких детей в Каире, одновременно стимулируя мое призвание продолжать линию гитлерюнгеров.

⁸В 1933 году до Египта дошли новости о том, что фюрер, отмечающий свой 44-й день рождения, открывает школы **NAPOLA**, расформированные союзниками в 1920 году.

Они должны были стать учебными заведениями для будущей немецкой элиты и готовить кадры Гитлерюгенда. Учитывая сложность поступления в школу в качестве немца-египтянина, отец, имевший горький опыт того, что во время учебы в Бад-Годесберге его не считали "настоящим немцем", решил обратиться к Рудольфу Гессу, чтобы тот посодействовал поступлению.

С этой целью перед отъездом он отправил ей письмо с просьбой об интервью и сообщил примерную дату нашего прибытия в Европу.

Странные порты и города, которых мы касались, были фантастическими местами для гордого пятнадцатилетнего фейхляйнфюрера, который разрывался между радостью знакомства и тревогой прибытия. Прибытия - да, потому что самым замечательным был конечный пункт волшебного путешествия: Германия.

⁴ *Schutzstaffel*: "караульный шаг".

⁵ *Reichsjugendführer*: национальный молодежный лидер.

*Вперёд, вперёд, трубы
звучат, вперёд, вперёд,
вперёд,*

⁷ *Молодость не знает опасностей.*
Heil und Sieg: Салют и победа.

⁸ Kadete Manstelen.

-Ты смотришь на меня с недоверием, Неффе, - извинился дядя Курт, - и я тебя понимаю; трудно понять, что чувствовали в те дни мы, молодые немцы, даже такие иностранцы, как я. Египет был любимой родиной, землей, где я родился и вырос.

Но Германия была чем-то другим.

Земля Зигфрида и фюрера, реки Рейн и Лорелеи, Валькирии и нибелунгов. Это была "Родина духа", где в з р а щ и в а л и с ь мифы, легенды и традиции наших старших.

Вечная и далекая родина, которая вдруг станет реальной благодаря этому сказочному путешествию. Мы были воспитаны в мистицизме, формулировка которого гласила: "Кровь и почва"; мы действовали соответственно.

В конце июля, в самый разгар европейского лета, мы прибыли в Венецию, конечный пункт нашего морского путешествия, откуда на нескольких поездах отправились в Берлин. Мы уже собирались сойти с корабля, когда капитан объявил, что мы должны отправиться в офис компании в порту, чтобы забрать сообщение.

Мы приехали туда с тяжелым сердцем от мысли о плохих новостях из Египта, но вместо этого обнаружили письмо на официальном бланке Третьего рейха. В нем Рудольф Гесс предупреждал нас, что он будет отсутствовать в Берлине до второй недели августа, но если мы хотим навестить его сразу, то можем поехать в Верхнюю Баварию. Причина заключалась в том, что фюрер решил отдохнуть несколько дней на своей вилле "**Хаус Вахенфельд**" на **Оберзальцберге в Берхтесгадене**, и часть его кабинета сопровождала его в близлежащие трактиры. ⁹Рудольф Гесс и его жена Ильза будут рады принять нас, если мы решим туда поехать.

Отец не мог скрыть своего удовлетворения, ведь эта ситуация была очень полезна для наших планов. С одной стороны, мы были избавлены от сотен километров, ведь от Венеции до Берхтесгадена всего двести километров, а до Берлина - более тысячи. С другой стороны, у нас была возможность побеседовать с Рудольфом без официального протокола, без вмешательства секретарей и помощников, а также иметь время для разговоров и воспоминаний о старых добрых временах.

Вид легендарной Венеции, проезд через Австрию и прибытие в Баварские Альпы стали порогом моего вступления в новый и удивительный мир.

С того момента, как я ступил на баварскую землю, я заметил, что воздух словно наэлектризован, как будто скрытый двигатель посылает мощные вибрации через эфир. В те дни - или годы - это было настолько очевидно, что любой, кто был в меру предрасположен, мог это почувствовать.

¹⁰Эти вибрации, не улавливаемые физическим органом, несли в себе послание к принимающему духу: "Германия проснулась!". Но этот перевод из двух слов груб, он звучит как элементарная патриотическая прокламация, он не передает в полной мере того, что вызывала в нашем духе эта таинственная сила, и я попытаюсь объяснить это. Я попытаюсь объяснить это. Германия проснулась! сказал он, и слушатель не думал о географической Германии, даже о Третьем рейхе, но ясно ощущал себя в другом мире, без границ, в Германии без времени и пространства, **единственные границы** которой были именно теми, которые устанавливала эта самая вибрация.

⁹ В *Райхольдсруне, Бавария*, находился "немецкий" дом семьи Гесс, построенный отцом Рудольфа. Однако праздники *Штельверттера* обычно они проходили в *Берхтесадене*, недалеко от резиденции фюрера.

¹⁰ Deutschland erwacht.

¹¹Германия закончится только там, где объединяющая вибрация перестанет быть ощутимой, потому что, как все теперь знали, Германия - это еще и тот имманентный неслышимый звук, который называется **volkschwingen**.

¹²Германия пробуждается! - гласило трансцендентное послание, и Германия, подобно фениксу, возродилась из пепла своих последних поражений; она стала эпицентром нового **мировоззрения**, в котором не будет места позорам мирового еврейского заговора и марксистско-ленинской диверсии.

Коричневая революция приведет к Новому порядку, который примет в свою правящую элиту только иерархию Духа; те, кто действительно превосходит других, независимо от любых других условий, будут выше. Такая перспектива стимулировала здоровую конкуренцию, вселяла новую надежду и побуждала всех разделить приключение "немецкого пробуждения". ¹³И никто не должен был сомневаться, ведь Новый порядок был гарантирован, обеспечен в своей чистоте фигурой **фюрера**.

Да, наконец-то у Германии появился свой фюрер. Он был истинным архитектором Нового порядка, лидером, который приведет немецкий народ к победе.

Шел 1933 год, Германия пробуждалась, фюрером стал Адольф Гитлер.

Глава VII

Мне было пятнадцать лет, с душой, полной иллюзий, и ясным восприятием **volkschwingen**, когда мы, рука об руку с папой, прибыли в жилище Рудольфа Гесса в Берхтесгадене.

Весть о том, что фюрер находится в доме Вахенфельд, разнеслась по округе, и район был переполнен журналистами и зрителями, что затрудняло наше пребывание. В итоге мы остановились в скромной гостинице "Киндерланд", расположенной примерно в двух километрах от дома Рудольфа Гесса.

Мы переночевали там, а рано утром отправились в путь по заснеженной тропе, которая шла по изгибам близлежащего холма. Отец, одетый по-баварски, надел узкие манжеты своих горных брюк, заправленных в толстые шерстяные носки до колен. Ботинки, рубашка и пиджак без воротника дополняли наряд. ¹⁴На мне была новенькая темно-серая форма гитлерюгенда, состоявшая из шорт, куртки с карманами и матросским воротником, ремня с пряжкой и **S-образным кольцом**, перекрестного ремня на груди и маленького кинжала с выгравированной на лезвии надписью "**Blut und Ehre**", галстука с кольцом вокруг него, ботинок на шнуровке и серых носков.

Дом, в котором остановилась семья Гесс, представлял собой старое деревянное здание в классическом альпийском стиле, небольшое, но уютное. //Когда мы постучали в дверь, нас встретил сонный офицер, который спал в гостиной у камина. // ¹⁵Его звали Эдвин Папп, и он был **оберштурмфюрером**.

- 11 *Volkschwingen*: вибрация народа.
12 *Weltanschauung*: "мировоззрение", "идеология".
13 *Фюрер*: вождь, водитель.
14 "Кровь и честь" (*Blut und Ehre*).
15 *Гоберштурмфюрер*: капитан

//Герр Гесс все еще лежит, - сказал офицер, - он будет рад вас видеть, ведь он ждал вас уже несколько дней. Присядьте, пожалуйста, в гостиной, пока я приготовлю кофе.

Через полчаса появился Рудольф Гесс, безупречно одетый в свой спортивный костюм: брюки, ветровку и синие кроссовки. Высокий, коренастый, с квадратным лицом и кустистыми бровями, его блестящие черные глаза четко выделялись и, казалось, притягивали внимание.

Едва заметно улыбаясь, он на мгновение задержал взгляд на папе, а затем они обнялись, что вызвало у обоих возгласы радости и спонтанный смех. Прошло много лет с тех пор, как я его видел, и поэтому у меня были лишь смутные воспоминания о нем, но я был удивлен, обнаружив в могущественном лейтенанте фюрера застенчивость, которую не мог себе представить.

Он повернулся ко мне и посмотрел на меня с восхищением.

-Dieser mein patekind? ¹⁶ -Как летит время, - сказал он как бы сам себе, - он уже мужчина. Новый человек для нового рейха.

-Курт, - обратился он ко мне, - ты не хочешь остаться в Германии?

Здесь вы могли учиться и служить своей стране.

¹⁷-Да, **maufname** Рудольф, - ответил я с ликованием, - именно этого я и хочу. Моя самая большая цель - поступить в школу **NAPOLA**.

Это большие амбиции, - сказал Рудольф Гесс, - посмотрим, что мы сможем сделать.

В этот момент вошла Илзе Проль де Гесс, которую папа не знал, но которая после знакомства показала ему другом на всю жизнь. Это объяснялось тем, что Илза была простой и энергичной, но очень доброй женщиной. Бывшая боевичка национал-социалистов, она не занималась политикой после свадьбы с Гессом в 1927 году, и вскоре после разговора с нами она выразила желание иметь детей, которое, казалось, Бог отверг. - Только через пять лет у Рудольфа Гесса родился единственный сын Вольф, но это уже другая история.

Мы провели неделю в Берхтесгадене, в течение которой Рудольф, Илзе и папа несколько раз были в интимной обстановке, когда не ездили в Хаус Вахенфельд к фюреру, которого в это время осаждали Геринг и другие члены партии.

//В те вечера, когда папа и Гессы обменивались воспоминаниями и анекдотами, я часами допрашивал офицера, отвечавшего за опекунство. По моим тогдашним представлениям, не было более достойной цели для молодого немца, чем стать членом элитного корпуса вооруженных сил Германии.

//

В один из первых дней, проведенных нами в Берхтесгадене, папа и Рудольф удалились поговорить на внешней веранде, расположенной на склоне холма и защищенной перилами вокруг дома. Обычно я бы не обратил на них внимания, но что-то в жестах, шепот в разговоре подсказали мне, что они говорят обо мне.

¹⁶ *Dieser mein patekind?* Это мой крестник?
¹⁷ *Тауфнам:* Крестный отец.

Я подумал, что они имеют в виду вход в школу **NAPOLA**, и растущее беспокойство взяло надо мной верх. Не в силах устоять перед искушением - непростительное преступление, сказал бы мой отец, - я совершил нечто предосудительное: я шпионил за ними.

Притворившись, что стою у окна, которое открывалось в непосредственной близости от папы и Рудольфа Гесс, я попытался подслушать их разговор, который действительно касался моей персоны. Но речь шла не о поступлении в школу **NAPOLA**, а о вопросе, который привел меня в изумление.

-... Тогда можешь оставить Курта мне, - сказал Рудольф, - ты рассказал ему о Знаке?

-Я не думал, что это удобно, - ответил папа. Кроме того, я не смог бы достаточно подробно объяснить ему эту Тайну. Ты знаешь об этих вещах больше, чем я; ты - лучший человек, чтобы поговорить с ним.

Рудольф Гесс утвердительно покачал головой, а на его лице появилась характерная для него застенчивая улыбка.

-Давайте подождем несколько лет, - сказал Рудольф Гесс, - если Курт не спросит первым. Он никогда ничего не подозревал? Он никогда не был замешан ни в каких аномальных происшествиях?

-Нет, Рудольф, кроме случая с **Офитом**, о котором я рассказывал вам в своих письмах, с ним впоследствии не происходило ничего странного, и он даже, кажется, забыл об этом, или, по крайней мере, воспоминания его не трогают.

В этот момент разговора между Рудольфом Гессом и моим отцом я мало что понимал, но при упоминании **Офитов** в памяти сразу всплыл невероятный эпизод из детства. Когда мне было лет десять или одиннадцать, я стал жертвой похищения! Это было не преступное похищение с целью получения выкупа, а похищение фанатиками ордена Офитов, которое длилось всего несколько часов, пока полиция, благодаря информации, предоставленной профессиональным информатором, не смогла его предотвратить.

Глава VIII

Вот как это произошло: мои родители отправились в Каир - семейный сахарный завод находится в нескольких километрах от дома - за покупками.

Пока мама развлекалась в огромном помещении "Английского магазина", я, жаждущий озорства, выскользнул на улицу, тщательно замаскировавшись. Через мгновение я уже бежал за несколько кварталов от магазина, невинно привлеченный суетой "Черного рынка", лабиринтами убогих уличных лавок и прибежищем нищих и мелких преступников.

В тот день людской поток был густым на узких улочках, где расстояние между двумя лавками едва оставляло коридор для движения пешеходов. Здесь продавались гончарные изделия, фрукты, ковры, животные - все, что только можно себе представить, и мои любопытные глаза останавливались на каждом товаре. Я не боялся, ведь я не ушел далеко, и вернуться будет легко, иначе мама меня найдет.

Пройдя по переулку, я вышел на широкую мощеную площадь с фонтаном и фонтанной струей, в которую вливалось бесчисленное множество улиц и переулков, оправдать которые может только неправильная планировка этих каирских кварталов. Здесь были сотни торговцев, бродяг, нищих и женщин с закрытыми **чадорами** лицами, набирающих воду в глиняные кувшины.

Я подошел к фонтану, пытаюсь сориентироваться, не обращая внимания на группу арабов, окруживших поющего заклинателя змей. Это очень распространенное зрелище в Египте, поэтому оно не привлекло бы моего внимания, если бы не тот необычный факт, что, увидев меня, арабы постепенно понизили тональность своего пения, пока не замолчали совсем. Сначала я не обратил на это внимания, так как чародей продолжал играть на флейте, а зеленые глаза кобры, замороженные музыкой, казалось, смотрели только на меня. Вдруг флейтист тоже присоединился к группе молчаливых арабов, и я, поняв, что происходит что-то ненормальное, один за другим сделал осторожные шаги назад.

Заклятие было разрушено, когда один из них, издав жуткий вопль, выкрикнул по-арабски: "Знак!", неловко указывая на меня. Это было похоже на сигнал. Все разом закричали от восторга и бросились ко мне с голым намерением схватить меня.

Началась страшная суматоха, потому что я, будучи ребенком, бежал сквозь толпу с большой скоростью, а моим преследователям мешали различные препятствия, которые они устраняли, оперативно бросая на землю все, что попадалось им на пути. К счастью, толпа была большой, и многие свидетели этого эпизода смогли сообщить о нем в полицию.

Погоня продолжалась недолго, так как неистовый фанатизм, овладевший этими людьми, умножил их силы, а мои были быстро исчерпаны.

Сначала я пошел по улице, заполненной торговцами, в направлении, противоположном тому, которое использовалось для выхода на площадь, но через несколько кварталов, стараясь избежать толпы торговцев и покупателей, я вошел в переулок. Он не был прямым, а все время сужался, пока не превратился в метровый проход между стенами двух барриос, которые продвигались с разных сторон, не обращая внимания на улицу.

По мере того как я бежал, переулок, казалось, становился все чище от препятствий, и, следовательно, мои преследователи набирали высоту, пока выступающий из неровного грунта камень не повалил меня навзничь. Меня тут же окружили возбужденные арабы, которым не потребовалось ни мгновения, чтобы завернуть меня в один из своих плащей и унести на своих мощных руках. Потрясение было сильным и неприятным, и сколько бы я ни кричал и ни плакал, ничто не могло повлиять на моих похитителей, которые теперь бежали быстрее, чем раньше.

Через некоторое время мы прибыли к месту назначения. Хотя я не мог видеть, я прекрасно понимал арабский язык, и тогда я понял, что фанатики громко звали кого-то, кого они называли **Мастер Наасено**.

Наконец меня освободили от ослепляющего капюшона и уложили на мягкую шелковую подушку обычного размера. Привыкнув к полумраку, я обнаружил, что нахожусь в большой комнате, тускло освещенной масляными лампами. На полу, устланном богатыми коврами и подушками, стояла дюжина мужчин, упиравшись лбами в пол, и время от времени поднимая голову к земле.

И тогда, сцепив руки над головой, они поднимали глаза к небу, восклицая: **"Офис! Офис!"**

Конечно, все это пугало меня, ведь, хотя мне не причинили никакого вреда, воспоминания о родителях и о том, что я был пленником, причиняли мне сильные страдания. Сидя на подушке в окружении стольких мужчин, невозможно было думать о победе, и от этой уверенности у меня на глаза навернулись мучительные рыдания. Вдруг сзади меня раздался добрый голос, который на мгновение принес надежду и утешение моим страданиям. Я повернулся и увидел старика с белой бородой, в тюрбане, который шел ко мне.

- Не бойся, сынок, - сказал старик, которого они называли по-арабски Наасено. Здесь никто не причинит тебе вреда. Ты - посланник Бога-Змея, **Офиса-Люцифера**, которому мы служим. Знак, который ты несешь, отмеченный во славу Его, доказывает это.

Он ласковым жестом попросил взять меня на руки, чтобы "показать мне образ Божий". Я действительно нуждался в ласке, ведь эти фанатики не замечали, что **я ребенок**. Я обнял старика, и он прошел в один конец комнаты, оказавшейся подвалом, где стояла колонна, на постаменте которой сияла небольшая скульптура из полированного камня. Она была выполнена в форме кобры, стоящей на себе, со светящимися глазами, возможно, благодаря инкрустации из более глубоких зеленых камней. Это изображение заворожило меня, и я бы дотронулся до него, если бы старик не отступил в прошлое.

- Понравился ли вам образ Бога, "маленького посланника"? - сказал Мастер.

Да, - ответил я, сам не зная почему.

- Вы имеете право обладать жемчужиной Ордена. - продолжил магистр, роясь в небольшом кожаном мешочке на шее.

- Вот оно! воскликнул мастер Наасено, - Это освященный образ Змеиноного Бога. Чтобы получить его, люди проходят тяжелые испытания, которые иногда занимают всю жизнь. Вам же не нужно проходить никаких испытаний, потому что вы - носитель этого знака.

Острым кинжалом с пояса он отрезал зеленый шнур от висевшего на стене пучка и, продев серебряную реплику в петлю, надел ее мне на шею. Затем он посмотрел мне в глаза, да так пристально, что я никогда этого не забуду. Не забыла я и его слов, которые он произнес очень громким голосом, **ритуально**. Он обхватил меня левой рукой и приподнял так, чтобы я был виден всем, а указательным пальцем правой руки указал на Бога-змея. Он сказал следующее:

- Последователи Змея Несозданного Света! Последователи Змея Несозданного Света! Поклонники Змея Мстителя! **Узрите Носителя Знака Происхождения! Тот, кто может постичь Змея с Его Знаком; тот, кто может обрести Высшую Мудрость, которую дано познать человеку из глины!** Внутри этого Божественного ребенка, в лоне вечного Духа, присутствует Знак Врага Творца и Творения, Символ Происхождения нашего Бога и всех заключенных Духов Материи. И этот Символ Истока проявился в Знаке, который мы, и никто другой, не смогли увидеть: Божественное дитя; он может понять Змея **изнутри!** но мы, благодаря ему, благодаря его освобождающему Знаку, **поняли его снаружи,** и теперь ничто не может нас остановить!

-Да, да, да, мы можем уходить! -прокричали хором разбушевавшиеся Инициаты.

Офиты.

Проходили минуты, и в убежище Офитского ордена все было спокойно. Арабы занимались какими-то приготовлениями, а я, взволнованный змеиным даром и успокоенный добрым отношением магистра Наасено, ничего не заподозрил, когда он принес мне стакан освежающего мятного напитка. Через несколько минут я был в глубоком оцепенении, вероятно, и з-за наркотика, содержащегося в напитке.

Когда я проснулся, я был с родителями, в Британском санатории в Каире, рядом с врачом в белом халате, который тщетно пытался убедить их, что я просто сплю.

С годами я собрал воедино все действия, которые привели к моему освобождению. Очевидно, начальник полиции действовал быстро, опасаясь, что похищение члена богатой и влиятельной семьи фон Зюберманн приведет к чистке в полицейском управлении, и первым, кто падет, будет он. Через доверенных лиц, нищих, бродяг или простых свидетелей они без сомнения узнали, что виновниками похищения были фанатичные члены тысячелетнего гностического ордена "Офиты", считавшиеся безобидными и даже очень мудрыми.

Поначалу это озадачило полицейских, которые не могли понять мотив похищения, но, следуя некоторым подсказкам, они добрались до дома мастера Наасено. Арабы, находясь в эйфории от того, что доставили меня туда, вели себя безрассудно, войдя все вместе под крики и восклицания. Нищий, очевидец странной процессии, стремившийся получить вознаграждение, предложенное моей семьей, и избежать полицейских дубинок, назвал дом, в который вошли похитители. Власти окружили дом, но, поскольку никто не откликнулся на их призывы, они принялись отпирать дверь, обнаружив скромное жилище, в котором не было ни одного человека. После тщательного осмотра была обнаружена скрытая под ковром дверь-ловушка, ведущая по заплесневелой каменной лестнице в подземный храм Змеиного бога.

Присутствующих поразило мрачное зрелище: на шелковой подушке лежало мое безжизненное тело в окружении трупов с судорожными выражениями лиц, их окоченевшие руки были направлены ко мне в качестве последнего жеста.

Все похитители были убиты ядом кобры. Мастер Наасено и идол исчезли.

Впечатление, произведенное на новоприбывших, было очень плохим, так как они подумали, что я тоже умер, но они сразу же исправили свою ошибку, и меня вместе с родителями перевезли в британский санаторий.

Серебряная змейка до сих пор висит у меня на шее, ревностно охраняемая отцом, хотя иногда, спустя годы, он показывал ее мне, когда мы вспоминали то приключение.

В тот момент, когда я слушал, как папа и Рудольф Гесс рассказывают об Офитах, все эти события стремительно пронеслись в моей голове.

Я стоял боком к окну, поэтому видел их разговор только краем глаза, но

ГОЛОС ДОНОСИЛСЯ ДО МОЕГО СЛУХА ОТЧЕТЛИВО.

-Это серебряная драгоценность, - сказал папа, - с изображением **Офиса-Люцифера**.

Я сохранил его вместе с оригинальным шнуром; теперь вам придется оставить его.

Это было необычное открытие, - я не мог не повернуться, чтобы получше рассмотреть его, - ведь отец никогда не придавал маленькому идолу никакого значения, да и я, не понимая его значимости, тоже. Он даже был вычеркнут из моей памяти на долгие годы.

И тут выяснилось, что папа притворился и приуменьшил важность дела, а на самом деле приписал серебряному идолу какую-то неизвестную ценность! И самое странное, что он привез его тайно в Германию, предложив на хранение Рудольфу Гессу. Это не имело для меня никакого смысла.

С другой стороны, они говорили о знаке, как арабы, - о каком знаке? Спустя годы после похищения я все еще искал в зеркале тот благословенный Знак, который привел этих несчастных к гибели; и не находил ничего ненормального. Я также не подозревал, что отец верит в существование этого знака - или клейма?

Вихрь идей пронесся в моей голове, пока я рассеянно наблюдал за тем, как Рудольф Гесс осматривает серебряную змею.

Внезапно, потянувшись к вырезу ветровки, он вытащил шнур на шею. На нем висела серебряная змея, точно такая же, как моя!

Рудольф Гесс собрал их в руку, чтобы мой отец мог их рассмотреть, а через несколько минут вложил в его руку свою, а другую положил в карман. Через несколько минут они оба вошли в теплую гостиную, не упоминая о предмете своего предыдущего разговора.

Такая сдержанная позиция убедила меня в нежелательности затронуть эту тему, поскольку это выдало бы совершаемый предосудительный шпионаж. Я не стал долго раздумывать: буду молчать, пока ко мне не обратятся напрямую, но пообещал себе сделать все возможное, чтобы получить информацию о таинственном Знаке.

Было два часа ночи, и дядя Курт встал, намереваясь отправиться в свою комнату. Я не упрекал его за такое поведение, ведь он говорил уже несколько часов, но этот рассказ вызвал в моем духе беспокойство и вопросы, сделав меня нетерпеливым и бездумным.

Дядя Курт, - сказал я, - уже поздно, я знаю, и я знаю, что мы можем продолжить разговор завтра, но мне очень нужно, чтобы ты ответил на два вопроса, прежде чем уйдешь.

-Ха, ха, ха, ха, ха, - рассмеялся он своим жутким смехом, - ты прямо как я в твоем возрасте: чтобы жить, тебе нужно получать ответы. Это как жажда. Я понимаю вас, Неффе, что вы хотите узнать?

-Две вещи, - сказал я. Первая: есть ли вероятность, что этот Знак, который арабы увидели в вас, тот же самый, что Белисена Вилька увидела во мне?

Без сомнения, Неффе, - ответил он. ¹⁸Знак означает многое, но это также **Сангвинический знак**, а у нас обоих одна кровь. Кровь не является определяющим фактором для появления Знака, но это "условие качества"; если Знак появляется у членов нашей семьи, **это тот же самый Знак**.

¹⁸ *Sanguine Signum*: знак крови.

До сегодняшнего дня я и не подозревал, что существует еще один живой фон Зюберманн с таким знаком. Папа, с которым я наконец заговорил об этом, рассказал, что, согласно семейной традиции, один из наших предков с помощью определенных знаков "доказал" своим современникам, что он "избранник Небес", после чего в XV веке король Австрии Альберт II пожаловал ему титул барона. С этого времени начинается запись семейных анналов, а все, что было до этого, остается неясным и неизвестным. В последующие столетия семья всегда занималась производством сахара, как сообщает Белисена Вилька в своем письме, и следила за потомками с "особыми способностями". Действительно, было несколько членов Эстирпе, которые оказались обладателями сверхъестественных даров, но никому не удалось разгадать семейную загадку. Только последние поколения египетской ветви смогли приблизиться к разгадке тайны, когда обнаружили существование метки или знака циклического появления среди членов семьи на протяжении веков. Но кроме этой новости, полученной благодаря контактам с некоторыми **улемами**, исламскими учеными, мало что можно было узнать с большей точностью.

К моему отчаянию, дядя Курт продолжал приближаться к двери с твердым намерением уйти.

-Я задам вам второй вопрос, - сказал я. - Вам удалось выяснить, что такое Знак? Дядя Курт сделал жест раздражения.

-Вы думаете, что ответ, который я сам искал в течение многих лет, можно выразить в двух словах? Я полагаю, что ваш вопрос указывает на Символ Происхождения, который является метафизической причиной нашего знака. Если это так, то я лишь скажу вам, что все, что я смог узнать о нем, меньше того, что Белисена Вилька излагает в своем письме. *///Я полностью согласен с ней, а также с тем, что было открыто мне в Черном Ордене, что Символ Происхождения связан с Мистерией духовного оковывания. Символ Истока, neffe, **аналогичен Харизматической Рамке: тот, кто охвачен такой рамкой, сознательно или нет, "ориентирован" или нет на нее, неизбежно остается прикованным к Материю; тот, кому удастся охватить рамку, понять или трансцендировать ее, удастся освободиться от оков, "свободен в Истоке". А те, кто стремится держать Вечный Дух закованным в такую рамку, или Символ Истока, - это Владыки Калачакры, Белое Братство Чанг-Шамбалы. А те, кто стремится к тому, чтобы Дух вышел за пределы Символа Истока, возможно, постигнув Змея, - это Инициаты Гиперборейской Мудрости, Освобождающие Боги Агарты.***

Вот, вкратце, то, что я знаю о Символе происхождения. Теперь, если Ваш вопрос относится к Знаку как к знаку, я отвечу вам, что знаю еще меньше, ибо Знак может быть **распознан** только теми, кто уже **знает** его.

Чтобы отличить одну вещь от другой, ее нужно сначала узнать; тот же принцип действует и в отношении Знака; только те, кто имеет Истину внутри себя, "видят" ее, ибо только тогда можно распознать внешнюю Истину; поэтому мы с вами не можем увидеть Знак, даже если носим его с собой, ибо мы еще не достигли Истины.

Я слушал дядю Курта в отчаянии, ибо лелеял тайную надежду, что он знает о Знаке и, возможно, согласится открыть мне свою тайну, но его отрицательный ответ был прост и логичен: раскрытие Знака должно быть

внутренним.

На моем лице отразилось уныние, и это снова рассмешило дядю Курта.

-Не волнуйтесь, Неффе, не так важно, чтобы мы видели Знак, важно, чтобы его распознали те, кто должен нам помочь. И это всегда так, как доказывает ваш собственный опыт.

Но есть кое-что, что может компенсировать ваше любопытство. За годы, проведенные в Азии, я получил точную информацию о нашем Знаке: его телесное расположение.

-Где он? -спросил я с нескрываемым нетерпением.

"В любопытном месте, - ответил он с явным удовольствием, - в ушах".

Он посмотрел на часы и, не дожидаясь ответа, сказал: "До завтра, Артуро".

вышел.

Сначала я подумал, что дядя Курт надо мной смеется, но потом пошел в ванную, к зеркалу, чтобы посмотреть на свои уши. В них не было ничего ненормального: маленькие, без мочек, близко прилегающие к голове, они, конечно, были такими же, как у дяди Курта.

Мне определенно не удалось "увидеть" знаменитый Знак, и я отправился спать.

Глава IX

На следующее утро я проснулся с воспоминаниями о последних концепциях, изложенных дядей Куртом накануне вечером, которые медленно, но верно проясняли Тайну, в которую я был погружен. //Во-первых, уже было ясно, что мой дядя разделяет ту же оккультную философию Белисены Вильки, "Гиперборейскую мудрость", и что она была открыта ему во время его службы в качестве офицера Ваффен: это было больше, чем я мог мечтать о приезде в Санта-Марио!

И еще вопрос о Знаке: дядя Курт не только знал о его существовании, но и подтвердил мне, что и он, и я являемся его носителями! Не оставалось сомнений, что, как и Офиты, Белисена Вилька почувствовала его в моих ушах или где бы то ни было, и это заставило ее решиться написать свое невероятное письмо. И в случае с Офитами, и в случае с Белисеной Вилькой смерть вмешалась безжалостно, словно она была неизбежным актером в драме тех, кто отмечен Знаком!

-Доброе утро, сеньорсито, я пришла вылечить вашу голову. -сказала старая Хуана, косвенная кормилица. Я принесла то, что вы просили. Смотрите, сеньорсито...

Он взял в руки бритву со сверкающим краем - инструмент, который он попросил, намереваясь побрить мою голову, уже частично выбритую доктором Паласиосом вокруг раны.

После лечения, которое заключалось в промывании шрама и закрасивании его красной краской на основе йода, старая Хуана взялась брить мою голову - уступка, сделанная, когда она поняла, что я не могу сделать это самостоятельно, одной рукой.

Через полчаса, с идеально выбритым черепом, как у индокитайского

бонзы, я ел сытный завтрак, поданный мне услужливой старушкой.

-Такими темпами вы скоро поправитесь, хозяин, - сказала старуха, восхищенная тем, как он поглощает пищу.

-Да, но я была на несколько фунтов тяжелее", - ответила я, продолжая есть. В девять часов дядя Курт поднялся ко мне в комнату.

-Как дела, Нефф? Хотите послушать еще одну часть моей истории?

-Да, дядя Курт, - ответил я, - мне не терпится, очень не терпится услышать, что ты скажешь.

Он устроился в своем кресле-гамаке и начал говорить.

-Ну, мы договорились, что после неожиданного разговора моего отца с Рудольфом Гессом о Знаке, я решил не говорить об этом, пока один из нас не проявит инициативу.

Я кивнул, когда дядя Курт подхватил нить повествования.

-В конце первой недели августа 1933 года мы отправились в Берлин на поезде. Рудольф Гесс и Ильза должны были доехать до Мюнхена, а оттуда на самолете отправиться в Берлин вместе с фюрером, Герингом и различными деятелями Третьего рейха, которые заканчивали свой отпуск.

¹⁹В Берлине мы остановились в отеле *Kaiserhof*, бывшей штаб-квартире *N.S.D.A.P.*, и, как было условлено в Берхтесгадене, ждали новостей от Рудольфа Гесса. Они пришли в середине августа в виде повестки о встрече с Рудольфом Гессом в Министерстве образования и науки. Мы должны были быть готовы к 7 утра следующего дня в отеле, так как за нами должен был приехать официальный автомобиль.

//Ровно в семь часов офицер Папп, которого мы знали еще по тому, что он был охранником Рудольфа Гесса в Берхтесгадене, приехал на машине с шофером в форме S.A.

-Герр Гесс ждет вас в Министерстве образования и науки. Я оставил его там до того, как пришел за вами. //Сказал, что

//Мы приехали через несколько минут, и нас провели к двери с надписью "Национальное управление *NAPOLA*". Мы вошли внутрь.

В большой, трезво обставленной комнате мы обнаружили Рудольфа Гесса в форме S.A., сурового мужчину и секретаря, печатающего на машинке. Все они остановились при нашем появлении.

Профессор Иоахим Хаупт, позвольте представить вам барона Рейнальда фон Зюбермана, - сказал Рудольф Гесс.

-Барон фон Зюберманн, вы стоите перед Иоахимом Хауптом, национальным директором *НАПОЛА*, - закончил представление Рудольф Гесс.

После того как они пожали друг другу руки, слово взял Рудольф.

-Я обсуждал вопрос о приеме Курта с герром профессором, и, несмотря на отсутствие вакансий, мы пришли к соглашению. Он присоединится к первому *NAPOLA* в *Луссе*, чтобы вступить в "Отборочный корпус востоковедов".

Моя судьба, очевидно, была решена. Профессор Хаупт внимательно наблюдал за мной; наконец он заговорил.

-Молодой фон Зюберманн, как я понимаю, вы свободно владеете несколькими языками.

Вы можете сказать мне, что это такое? -спросил он.

¹⁹ *N.S.D.A.P.*: инициалы *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*, что означает: Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

-Да, герр профессор. Помимо родных арабского, английского и немецкого языков, я владею французским и греческим, - застенчиво ответила я.

-Пять языков - более чем достаточно, чтобы попасть в **НАПОЛУ** Лиссы, - сказал профессор Хаупт, - но нас интересует ее знание арабского.

Хотели бы вы изучать другие ближневосточные или азиатские языки, например, турецкий или русский?

Да, я хотел бы выучить другие языки и готов изучать все, что лучше всего подходит для службы моей стране", - ответил я, несколько озадаченный, поскольку мне и в голову не могло прийти, что в **NAPOLA** я получу такую специфическую подготовку.

-Тогда это все, - сказал профессор Хаупт. Я распорядюсь, чтобы вас ввели в курс дела. Вы должны явиться в Лиссу в следующий понедельник.

Он повернулся к отцу.

-Мы согласились с герром, что это будет лучшей карьерой для его сына. Обычно в школе **NAPOLA** преподается официальная программа второго образования со специализацией по литературе, естественным наукам, современным языкам и т. д., но по специальному указу фюрера мы только что создали специальное отделение для изучения Азии.²⁰ Это подразделение будет называться "Отборочный корпус востоковедения", и там будут готовить будущих **остенфюреров**, которые впоследствии будут служить в специальных миссиях в Азии.²¹ **Рейхсфюрер** Гиммлер представил проект учебной программы, и одним из требований, которые должны быть выполнены, является знание азиатских языков. У нас уже есть преподаватели тибетского и монгольского диалектов, а также санскрита. Молодой Курт может стать хорошим помощником преподавателя арабского языка, что является преимуществом для всех.

//Это будут три интенсивных года в **NAPOLA**, которые затем, если наши планы осуществляются, будут дополнены дальнейшим обучением в . Это конфиденциальная информация, которую я сообщаю вам только потому, что герр Гесс ручается за ваше благоразумие.

Насколько я понимаю, находясь в Египте, вы не сможете должным образом заботиться о благополучии своего сына? - спросил профессор Хаупт.

Отец и Рудольф Гесс посмотрели друг на друга, и Рудольф Гесс покачал головой в знак молчаливого согласия.

-Я возьму на себя заботу о юном Курте, - сказал Рудольф Гесс. Подготовьте необходимые бумаги, чтобы выполнить эту формальность.

-Тогда все решено, - сказал профессор Хаупт, - Вы согласны, барон фон Зюберман?

-Я не мог найти лучшего опекуна для своего сына, и в Германии нет никого, кому я доверяю больше, чем Рудольфу. Я не мог найти лучшего опекуна для своего сына, и в Германии нет никого, кому бы я доверял больше, чем Рудольфу", - сказал папа, все еще тронутый жестом Рудольфа Гесса.

Мгновением позже оперативная секретарша оформила личное дело на мое имя, вписала показания под присягой Рудольфа Гесса и моего отца и вручила мне запечатанный конверт, который я должен был передать Лиссе, когда я в и л с я в следующий понедельник.

²⁰ **Остенфюрер**: буквально "вожде Востока".

²¹ **Рейхфюрер**: национальный командир - высшее звание в .

-Хайль Гитлер! -сказали в унисон профессор Иоахим Хаупт и Рудольф Гесс, обмениваясь старинным римским приветствием - поднятием правой руки и щелчком каблуков.

На каменных ступенях Министерства образования и науки состоялось еще одно прощание, но на этот раз более болезненное, ведь папа и Рудольф Гесс очень любили друг друга. Из-за плотного рабочего графика Рудольфа Гесса ему было очень трудно договориться о новой встрече, поэтому они решили попрощаться здесь и сейчас.

Пока, дорогой Рейнальдо, - сказал Рудольф папе, не в силах по своей обычной застенчивости быть более выразительным. -Я буду скучать по тебе. Ты один из немногих моих настоящих друзей, и я всегда рад быть с тобой. Не беспокойся о Курте, я позабочусь о нем; как его опекун, я буду немедленно извещен о любых новостях, которые могут появиться.

-А вы, Курт, - сказал Рудольф Гесс, повернувшись ко мне, - не забудьте сообщить мне о любых ваших нуждах или проблемах. //Возьмите эту карточку, - он протянул мне прямоугольник картона с тисненым орлом Третьего рейха, - вы можете позвонить по указанному на ней номеру телефона и попросить моего присутствия или передать вашу просьбу **оберштурмфюреру** Паппу, которого вы уже знаете.

Он опустил на ступеньку, по своему обыкновению отстранившись, чтобы понаблюдать за собеседниками, и посмотрел на нас грустными глазами, а его рот едва заметно дрогнул в застенчивой улыбке.

-До свидания, семья фон Зюберманн, хайль Гитлер! -сказал он, и, обнявшись с отцом, мы разошлись в разные стороны.

Остаток недели мы провели, покупая одежду и различные вещи, которые мне понадобятся для пребывания в **NAPOLA** в Лиссе. В следующий понедельник, сделав соответствующее представление секретарю в коричневой форме S.A., я попрощался с отцом, чтобы начать новую жизнь.

Глава X

Три года я оставался в **Лиссе**, проходя обучение в "Избирательном корпусе", и в это время виделся с семьей только в тех случаях, когда мне удавалось выехать в Египет, то есть раз в год во время летних каникул. //Я старался как можно реже беспокоить Рудольфа Гесса, но те несколько раз, когда я звонил по указанному им номеру телефона, мне не удавалось поговорить с ним напрямую, а только через посредничество офицера Паппа.

Как бы то ни было, я никогда не был обделен вниманием в своих многочисленных просьбах, на все из которых офицер любезно соглашался. Но Рудольф Гесс был моим опекуном и, следовательно, отвечал за подписание табелей и другие бюрократические формальности, как и положено любому родителю. Я так и не узнал, что этого не было сделано, поэтому предположил, что Рудольф Гесс предусмотрел автоматический механизм, с помощью которого меня информировали бы о ходе учебы. В конце концов я убедился, что эта теория верна.

На некоторые рождественские и особые праздники, которые семья Гесс проводила в уединении, меня приглашали быть с ними, что доставляло мне

огромную радость, ведь они были моей единственной семьей в Германии.

В течение этих трех лет, помимо обычного обучения в средней школе, я изучал азиатские религии, языки и обычаи, а также проходил интенсивную подготовку по экспедиционной и исследовательской практике. Альпинизм, верховая езда и техника выживания отличались от обычных спортивных занятий других студентов **NAPOLA**.

Среди студентов "Селективной группы восточных исследований" было принято считать, что нас готовят к будущим миссиям в Азии, но никто не знал, каков будет характер этих миссий.

В 1936 году, на третьем году обучения на четырехлетнем курсе, меня отобрали для прохождения воздушно-десантной подготовки и перевели в **Flieger H.J. (Flieger Hitlerjugen)**, подразделение гитлерюгенда, специализировавшееся на полетах на планере. Однако - нас было двадцать человек в одинаковых условиях - нас обучали обращению с самолетами "**Мессершмидт**" и оттачивали нашу слабую практику с наступательным оружием.

//Тогда же мы прослушали курс "Грааль и судьба Германии" полковника Отто Рана, известного исследователя истории Средних веков и автора книги 1931 года "Крестовый поход против Грааля".

Наконец, в 1937 году он окончил **NAPOLA** и смог начать успешную профессиональную карьеру.

Перед выпускниками открывались самые разные возможности - от службы в армии или в партии до работы в администрации, промышленности или академической науки. Те, кто выбирал невоенную карьеру, поступали в университеты и получали докторские степени по философии и литературе, праву, математике и точным наукам.

//Многие выпускники стремились вступить в **Ваффен** и должны были пройти строгие вступительные экзамены. Но в селективном корпусе это происходило автоматически, так как огромные усилия, которые родина вложила в нашу подготовку, были слишком велики. //Кроме того, среди нас, выпускников, было всего девяносто человек, претендовавших на звание **остенфюрера**.

Можно подумать, что в сердце каждого была огромная радость, и так было с моими восьмьюдесятью девятью спутниками. Я же, напротив, чувствовал, что мое счастье омрачено странным событием, которое заслуживает упоминания в этом рассказе из-за его последующих последствий.

Когда первый класс Отборочного корпуса, в который входил и я, завершил обучение, один из наших профессоров, Эрнст Шеффер, занялся отбором небольшой группы для "специальной операции". Среди нас начали распространяться слухи о том, что эта операция на самом деле является важной миссией в Азии, и, как следствие, возникло всеобщее волнение. Не было человека, который не хотел бы принять участие в сверхсекретной миссии, которая, как говорили, была поручена нам самим рейхсфюрером Гиммлером.

//Профессор Эрнст Шеффер с необыкновенной эрудицией читал лекции по восточным религиям, особенно по буддизму, ведизму и брахманизму, но он не был офицером **абвера**, секретной службы адмирала Канариса. По этой причине высказывались предположения, что миссия в Азии была шпионской операцией, возможно, в Индии или России.

Наша небольшая группа пилотов Flieger-H.J. по непонятным причинам не попала в отбор, и, хотя жесткая внутренняя дисциплина требовала

абсолютного послушания и подчинения, я не чувствовал, что в чем-то провалился.

Я не знал цели таинственной миссии. Я не знал цели таинственной миссии, но мое нетерпение быть принятым заставило меня подумать, что знание десяти восточных языков будет хорошим аргументом для достижения моих целей.

Именно с этим убеждением я однажды отправился на встречу с Эрнстом Шеффером. Он сидел в классе с группой из шести товарищей из селективного корпуса и давал им какие-то наставления. Одного взгляда на доску, с которой свисали листы с рисунками человеческих тел, покрытых цветами лотоса, было достаточно, чтобы я понял, что он дает объяснения по очень древним физиологическим концепциям **Тантра-йоги**.

Выражение отвращения на его лице, когда он увидел меня, было как предзнаменование того, что я ошибся, предположив, что профессор может включить меня в свои планы. Несмотря на плохое предчувствие, я решил разыграть свою карту.

Хайль Гитлер", - сказал я в качестве приветствия.

-Что хочет фон Зюберманн? -сказал он, не обращая внимания на политическое приветствие.

-Прошу прощения, герр профессор. Я слышал, что вы набираете сотрудников для важной миссии в Азии, и хотя я мало что о ней знаю, я хотел бы, чтобы меня рассмотрели на предмет включения. Другими словами, я доброволец.

-Вы, фон Зюберманн? -А почему вы хотите поехать в Азию, фон Зюберманн?

-Мне кажется, вы меня не поняли, герр профессор. Я хочу быть полезным отечеству, и это один из способов продемонстрировать это. Возможно, мои знания ближневосточных обычаев и языков пригодятся вашей миссии. Или моя лицензия пилота. Или языки Дальнего Востока. Я готов служить, и поэтому предлагаю себя, - убежденно сказал я.

Изначально сардоническое выражение на лице профессора стало агрессивным, а в глазах сверкнул гнев. У меня тоже не все было по-своему, и кровь уже кипела в жилах. В конце концов, в 1937 году мне было 19 лет, а гордому профессору - не больше 25 или 26, т о е с т ь возраст, когда слова и жесты должны быть в меру.....

-Вон Зюберманн, - жестко сказал он, - я должен поблагодарить вас за вашу добрую волю, но вы - последний человек, которого я бы взял с собой в Азию, вы меня понимаете?

Нет, герр профессор, - ответил я, так как действительно не понимал, почему профессор Шеффер ненавидит меня так сильно, что не может этого больше скрывать.

-Вы не понимаете, фон Зюберманн? -он начал неудержимо кричать. Что ж, я скажу вам прямо. Вы - зловещая личность, носитель **позорного клейма**. Ваше присутствие оскорбляет любую духовную сферу, оскорбляет Бога, который по своей бесконечной милости позволяет вам жить среди людей. Вы должны быть маргинализированы, удалены от нас, а лучше истреблены, как крыса, потому что вы, фон Зюберманн, загрязняете грехом все вокруг себя, вы... - продолжал Эрнст Зюберманн. -Эрнст Шеффер продолжал свои оскорбления, совершенно выйдя из себя, и я, который сначала был удивлен, услышав упоминание о Знаке, быстро отреагировал.

Не задумываясь, я выстрелил правым кулаком в лицо профессора, попав ему прямо в подбородок. Удар был довольно сильным и отбросил его на

несколько метров за парты. Шестеро студентов, встревоженные криками Шеффера, бросились к нему на помощь, и пока четверо из них помогали ему подняться, двое других удерживали меня, чтобы я не ударил его снова.

Меня охватила ярость, ибо агрессия профессора ранила меня до глубины души. Я был невиновен; я ничего не знал ни о Марках, ни о Знаках; я учился, стремясь к благу отечества, и это, несомненно, было благородной целью.

Я не понимал ненависти профессора Шеффера и его желания, чтобы я был "истреблен, как крыса".

-Он точно сумасшедший", - думал он, когда его вытаскивали за дверь отобранные Эрнстом Шеффером ученики.

-Уберите его! Уберите его с глаз моих! -крикнул он, совершенно выбившись из сил.

Он лжец и убийца! Он утверждает, что ничего не понимает, но в глубине души он знает все, потому что он - образ искусителя Люцифера! Его цель - уничтожить нашу миссию своим проклятым присутствием...!

Спустя несколько минут абсурдные обвинения Эрнста Шеффера все еще звучали в моих ушах: убийца, лжец, позорное клеймо, Люцифер..... Боже, что это такое?

-Ты в порядке, Курт? -Один из "избранных" тряс меня за плечи, пытаюсь заставить меня отреагировать. Я смотрел на него, все еще ослепленный яростью и недоумением, которые вызвало во мне поведение профессора, и только сейчас узнал его. Это был Оскар Файль, хороший товарищ из **Вильнюса, Латвия**. Мы подружились в первые годы существования **NAPOLA**, когда наш "иностраннный" характер стал объектом насмешек со стороны немецких товарищей.

-Курт, успокойся, - сказал Оскар. Я должен вернуться в класс, но мне нужно с тобой поговорить. Встретимся в спортзале через полчаса.

Я смотрел, как он уходит, и тряс головой, пытаюсь избавиться от кошмара. Я не знал, что Оскар входил в группу, отобранную Эрнстом Шеффером, и не подозревал, о чем он хочет поговорить, но я ждал его, ведь он был одним из немногих моих друзей в Лиссе. Однако эти полчаса ожидания затянулись как столетие, потому что мое настроение требовало немедленно уехать и вернуться в Берлин, в резиденцию Flieger H.J.

Умыв лицо холодной водой и приготовившись ждать Оскара, я встал в укромном уголке огромного гимнастического зала. Когда прибыл мой **кампрад**, стало тише.

Привет, Курт, - сказал он, - вижу, тебе уже лучше.

-Да, Оскар. Теперь все кончено. Мне жаль, что я вышел из-под контроля, но оскорбления профессора не оставили мне выбора. О чем вы хотели со мной поговорить? - холодно спросил я, не зная, как он относится к случившемуся.

-Послушай меня, Курт, - сказал он. Ты мой друг, единственный, кому я могу доверять. Эрнст Шеффер выбрал меня, вероятно, по ошибке, ибо ничто не связывает меня с ним и его группой. С каждым днем я все больше понимаю, что во всем этом есть что-то странное, но я живу, притворяюсь, движимый эгоистичным желанием разделить миссию в Азии и получить ту профессиональную выгоду, которую она принесет всем ее членам. Я хотел бы поговорить с вами совершенно конфиденциально, чтобы получить ваш совет, но вы должны пообещать мне, что никому не расскажете о том, что я вам скажу. Так ли это, Курт? Могу ли я вам доверять?

-Ты знаешь, Оскар, - сказал я с облегчением, - будь уверен, никто не

узнает о нашем разговоре и его содержании.

Я принимаю твое слово, Курт, - пожал он мне руку, скрепляя договор. Во всем этом деле есть несколько необычных моментов. Первый - это место проведения миссии: Тибет. Очевидно, мы ошиблись, когда предположили, что это будет шпионаж. Шпионить в Тибете не за чем; они едут туда искать что-то другое. И это еще не все. Неясно также, по каким критериям отбирали нашу группу, ведь выбрали не лучших, а тех, кто был наиболее послушен профессору Эрнсту Шеффферу. Что ты скажешь на все это, Курт?

-После сегодняшнего инцидента я не могу составить объективное мнение о профессоре Шефффере, но признаю, что во всем этом есть что-то ненормальное, - сказал я, размышляя над тем, что рассказал мне Оскар.

Если у меня и были какие-то сомнения, - продолжал он, - то они развеялись некоторое время назад, когда он спорил с вами. Он отверг вас не по каким-то профессиональным причинам, а потому, что что-то в вас, что-то духовное, может помешать миссии. И это что-то вызывает у него сильнейшую ненависть. Мне не нравится все это безумие. Как вы думаете, мне следует выйти из группы?

-Я уже не знаю, что хорошо, а что плохо, - грустно сказал я, - но я вижу вескую причину для того, чтобы ты остался в миссии в Тибете: ты единственный здравомыслящий человек в этой группе, и кто-то должен рассказать все как есть, когда ты вернешься из поездки!

Оскар рассмеялся над моим ответом.

Думаю, я вас выслушаю, - сказал он, - но буду держать вас в курсе.

Я был польщен доверием Оскара.

-Еще одно, Курт, - продолжал он, - я знаю, что ты пропустишь сегодняшний день и вскоре забудешь о нем, ибо таков твой великодушный характер, но на этот раз я буду тем, кто посоветует тебе: поговори со своим наставником и расскажи ему все о сегодняшнем дне! О духовных силах Рудольфа Гесса говорят невероятные вещи; никто лучше него не сможет проанализировать невыразимое отношение Эрнста Шефффера. Пообещайте мне, что вы хотя бы подумаете об этом.

-Я подумаю, подумаю, - сказал я, удивленный предложением Оскара. Обещаю, хотя тауфлат на выпускной увижу только через месяц.

Мы попрощались, и через час я уже садился на поезд до Берлина, погруженный в мрачные размышления.

Глава XI

Церемония окончания школы вместе с другими школами проходила в рамках большого фестиваля с массовыми шествиями гитлерюгенда, кульминацией которого стал берлинский стадион. Там высшее руководство Третьего рейха во главе с фюрером напрямую общалось с молодежью, выступая с речами и прокламациями.

Отец приехал из Египта специально для того, чтобы присутствовать на выпускном, получив приглашение от Рудольфа Гесса посетить вечеринку, которая должна была состояться в тот вечер в канцелярии. Это была, на мой взгляд, долгожданная возможность прояснить многие неизвестные моменты.

В 10 часов вечера мы поднялись по мраморной лестнице Канцелярии.

Папа, нарядно одетый как жакет, и я, одетый в форму

Гитлерюнген", мы не были не в своей тарелке среди огромной толпы, которая уже заполнила большой Зал Орла, образуя отчетливые гулки объятия голосов и смеха. Мы прошли через зал к гигантскому резному мраморному камину, ища Рудольфа Гесса, а над нашими головами колоссальная люстра проливала потоки света, мягко приглушенного тысячами осколков хрусталя Вассага. Я никогда не видел столько выдающихся и важных людей вместе. Здесь были все лидеры новой Германии: доктор Геббельс, маршал Геринг, рейхсфюрер Гиммлер, Юлиус Штрейхер... В укромном уголке мы выделили группу, состоящую из Розенберга, Рудольфа Гесса и Адольфа Гитлера. Папа, боясь прервать сдержанную беседу, велел мне подождать в нескольких шагах, пока мы выпьем по бокалу шампанского, которое принесли услужливые официанты.

Через мгновение Рудольф Гесс заметил нас и, перекинувшись парой слов с фюрером, подошел к нам, улыбаясь.

-Как поживают Рейнальдо, Курт? -сказал он. Пойдемте, я представлю вас фюреру.

Я впервые увидел Адольфа Гитлера вблизи, что было редкой честью для иностранного студента, и хотя я пришел подготовленным, зная, что фюрер будет на вечеринке, мне и в голову не пришло, что нас представят друг другу.

-Адольф: Барон Рейнальд фон Зюберманн, - сказал Рудольф.

Фюрер приветствовал папу, тепло пожав ему руку, но не сказав ни слова.

-Майн патекинд Курт фон Зюберманн, - продолжал Рудольф. **И** Эпатажный выпускник **НАПОЛА**, летчик и солдат-полиглот, будущий **остенфюрер Ваффен**.

Я не мог не покраснеть, глядя на сияющую презентацию Тауфпата.

Хесс.

Фюрер протянул руку, а мне в глаза бросил ледяной взгляд.

Глаза. Я почувствовал, как по позвоночнику пробежал электрический ток, а на уровне пупка покалывало что-то вроде пустоты в желудке. Это было мгновенное, но ужасное ощущение. Этот взгляд и прикосновение руки фюрера подействовали, как кислота в ведре молока, разрушив и растворив мое душевное состояние. Это было мгновение, повторяю, одно мгновение, в которое я почувствовал, что меня исследуют изнутри.

Когда он взял себя в руки, я с удивлением заметил, что - необычно для него - на лице фюрера застыла загадочная улыбка.

-Из Египта, да? -сказал Гитлер. Я люблю Египет, чудесную страну, которая очаровала Наполеона и которая произвела на свет такого бесценного товарища, как Рудольф.

Розенберг, которого уже представили, наблюдал за этой сценой с забавным выражением лица.

-Посмотрев на вас, молодой Курт, - продолжал Гитлер, - я вижу, что Рудольф - не случайность. Египет действительно является "Центром духовной силы"; загадка Сфинкса по-прежнему актуальна. Вы являетесь доказательством того, - он взял за руку Рудольфа Гесса и меня, - что судьбой Германии руководит Высший порядок. Два немца-египтянина, надыхавшиеся гностическими излияниями Александрии и Каира, приведенные сюда Неведомыми Высшими, чтобы поставить свои великие духовные способности на службу делу национал-социализма.

Видя вас, - продолжал фюрер, - я понимаю, насколько священна задача, которую мы взвалили на свои плечи, основывая Тысячелетний рейх. ²²Наше дело - это не только лучший идеал, ради которого немец может жить и умереть, это еще и дело свободы человечества, борьбы за спасение мира от темных сил, окончательной борьбы с **элементалями**...

Розенберг и папа кивали головой на каждое высказывание фюрера, который продолжал излагать мистические концепции, не позволяя никому прервать свой монолог. Меня отвлекла странная сила, которую я ощутил, приветствуя фюрера. От Гитлера исходила мощная Сила, не знаю, добровольно или спонтанно, и я задался вопросом, не была ли эта харизма приобретена с помощью какой-то секретной техники, какого-то оккультного знания, доступ к которому имеют лишь немногие привилегированные.

-...тогда скажите мне, молодой Курт, кто враги Германии? Против кого мы воюем? -спросил Гитлер, повернувшись ко мне.

Я отреагировал на неожиданный вопрос с отчаянием, будто пропустил часть разговора. Три пары глаз - Розенберга, Гесса и папы - были устремлены на меня, ожидая ответа. Однако мне было достаточно того, что я успел услышать, потому что ответ сам собой возник из глубин моего бессознательного.

Враг один, - категорично заявил я, - это **ЙХВХ-Сатана**.

Я ответила интуитивно и так твердо, что не осталось места для исправления. Я посмотрел на отца, который мгновенно пришел в ярость, и у в и д е л удивление на лицах всех присутствующих.

-Очень хорошо, молодой Курт, очень хорошо, - сказал Гитлер с в ы р а ж е н и е м бурной радости. Вы дали лучший ответ. Я мог бы назвать нашими самыми страшными врагами иудео-масонство, иудео-марксизм, сионизм и т. д., но эти названия представляют собой лишь различные аспекты одной и той же реальности, различные лица одного и того же свирепого Врага: **УНВН-Сатаны**, Демииурга этого мира. Только Инициат или просветленный, как вы или Рудольф, мог бы дать такой точный ответ. Верно, Альфред?

Розенберг с удовольствием улыбнулся.

Я поздравляю вас, молодой фон Зюберманн, - сказал Альфред Розенберг, - вы человек с ясными идеями.

Конечно, я был совершенно ошеломлен случившимся. Внезапно на встрече с этими замечательными людьми я обнаружил, что обладаю "внутренним ухом", таинственным органом, который позволяет мне "слышать" конкретно сформулированные ответы. И эти ответы были правильными! Я никогда раньше не испытывал ничего подобного и мог приписать это внезапное озарение только присутствию фюрера. Он своим странным магнетизмом "разбудил" мое "внутреннее ухо".

Слово снова взял Адольф Гитлер.

-Люди, не знакомые с **окультурной философией** национал-социализма, часто допускают грубые ошибки в оценке многих наших высказываний, считая их глупой поверхностностью, в то время как в целом это синтетические идеи, **лозунги**, почерпнутые из глубоких систем мысли. Например, когда мы сталкиваемся с утверждением молодого Курта, что

²² *Elementarwesen*: демонические элементарные существа, которые нападают на героев в саге "Эдда".

"Враг - Иегова Сатана" - синтетическая идея глубокого философского содержания, и у многих невежественных умов возникнет соблазн предположить, что такая концепция проистекает из грубого антисемитизма. Они будут приводить такие элементарные аргументы, как: -Иегова - Бог Израиля, Бог расы, один из сотен этнических богов; поэтому преувеличено принимать его за единственного Бога или Демиурга (возражение, действительно, антисемитское). Или такой: - Иегова - Бог Израиля, но, в силу своего монотеистического характера, он - единственный Бог; тогда почему его отождествляют с Демиургом? Неужели из-за еретической веры **гностического** типа? (вопросы тех, кто считает, что быть "христианином" подразумевает поклонение Иегове и что его отвержение означает "антихристианскую ересь"). Другим банальным аргументом является следующий: -Если мы отвергаем Демиурга, считая его материальную работу по сути "злом", зачем отождествлять его только с еврейским Иеговой, когда существуют сотни альтернативных деноминаций в этнологической мифологии и в религиозных пантеонах всех народов Земли (вопросы, которыми часто страдают те, кто совершенно не знает, что означает Израиль в западной истории и в чем секрет еврейской расовой динамики).

Такие возражения, как вышеупомянутые, будут выдвинуты нашими критиками, когда они услышат, что Иегова Сатана назван "врагом, против которого мы сражаемся", и, конечно, они будут удивлены словом "Сатана", приложенным к Иегове, что, несомненно, приведет к ироническим выводам.

В основе таких аргументов лежит одно общее обстоятельство: невежество тех, кто их выдвигает! Конечно, мы **знаем**, что в ходе истории Демиурга называли и другими именами. Но если мы выбираем среди них имя Иегова, то только потому, что это **последнее имя**, которым Он называл Себя. И этим именем он до сих пор обозначает свой "избранный народ", Израиль, который есть не что иное, как психическое развертывание того же самого "Иеговы Сатаны".

Эти слова фюрера потрясли меня своим метафизическим подтекстом: разве евреи не представляют собой расу, как и все остальные, состоящую из **индивидуумов**?... Это была тревожная теория, которую я только что услышал.

-Вы удивлены, молодой Курт? -спросил фюрер, который, несомненно, сразу заметил мое замешательство. Но он не дал мне времени ответить и продолжил свои объяснения:

Вы еще ничего не слышали: Израиль - это "чакра" Земли, то есть **коллективное** психическое проявление Демиурга Иеговы, и именно поэтому мы говорим, что еврей **не существует** как личность; что он не такой же человек, как остальные представители человеческой расы.

Но проявление Иеговы в избранной расе - это более или менее недавнее событие, которому несколько тысяч лет, а **очеловечивание Материи** или "Творение" датируется миллионами лет. Поэтому из-за "новизны" имени "Иегова" по сравнению с другими именами Демиурга, которые использовались более древними и культурно более значимыми народами в истории, и из-за геологической древности Вселенной, кажется **чрезмерным** обозначать космического Бога именем "Иегова". Но это лишь видимость. Здесь мы должны представить себе Первозданного Демиурга, которого удобно назвать **Единым**, как это делали стоики. Он - тот, кто упорядочивает хаос и

пантеистически распространяется по Вселенной (он же - индуистский Брахма, арабский Аллах и т. д., взятые в их экзотерическом религиозном значении).

Но Космический план, так или иначе называемый *идеей материальной Вселенной*, покоится в дремоте Демиурга, в состоянии покоя, который, тем не менее, питает Космос энергией, подобно аристотелевскому "неподвижному Богу-двигателю" в тот Великий День Проявления, который также называется великой манвантарой. Но чтобы все "работало", не требуя вмешательства Того, "Кто *спит*, пока все живет в Нем", необходима "автоматическая система коррекции". В этом и заключается роль так называемых *космических Иерархий* - мириадоз сознательных сущностей, *эманированных* Единым для поддержания импульса, заданного Вселенной, и осуществления ее Плана. Первым шагом в "эманации" являются *монады*, высшие Архетипы, которые лежат в основе всей космической структуры и выступают в качестве *матрицы* плана Единого.

Эти *сознательные сущности*, ангелы, дэвы, солнечный Логос, галактический Логос, планетарные души и т. д., *не являются индивидуальными существами*, а представляют собой части одного и того же Единого, и поэтому обладают лишь *видимостью существования* благодаря степеням свободы, которыми они наделены в течение манвантары. Чтобы нечто *существовало* индивидуально, например, сущность, необходимо *предположить* (или субпозиционировать) акт существования ее реальному бытию, которое также предполагает *существование* сущности, что препятствует общению ее субстанциальной сущности с другими сущностями или ее метафизическому участию в других существах, то есть ставит формальную точку в сущности или придает ей ее естественную форму. Ресурсом для достижения такой иллюзии существования является предельная механистичность материальной реальности, основанная на *эволюционных законах*, как непрерывных, так и дискретных явлений, которые поддерживают ступенчатое движение материи и энергии в точном достижении Плана Единого.

Эти эволюционные законы *поддерживаются* вышеупомянутыми "сознательными сущностями" и *направляются в смысле Плана*. Таким образом, мы можем выделить, например, "солнечные Логосы", то есть "сознательные сущности", способные "создать" солнечную систему в соответствии с Планом Единого, но в действительности являющиеся *временными разворачиваниями* Единого. То же самое можно сказать о галактическом Логосе или "планетарных Душах" и даже о простых Ангелах или Дэвах: ни один из них не существует как таковой, хотя они и "эволюционируют", подчиняясь универсальным законам. Важно понять, что весь этот грандиозный спектакль, который мы воссоздаем, - *чистая иллюзия*, метапсихическая концепция колоссальных характеристик, придуманная Единым для вашего интимного созерцания. Ибо на самом деле все существующее в конце концов исчезнет, когда наступит Великая Пралайя, ночь Брахмы, в которой все снова сольется с Ним, после чудовищной фагоцитации.

Но мы уже говорили, что Вселенная управляется эволюционными законами. Эти законы, определяющие материальную Вселенную в соответствии с истинной "небесной архитектурой", как говорят сатанинские масоны, обуславливают существование различных плоскостей пространства или Небес, в которых формируется реальность. Точно так же, как существуют различные "Небеса" (пять? семь? девять?), существуют "Царства природы"

(три? пять? семь?) или "планеты" (пять? семь? девять? двенадцать?) или "Коренные расы" (три? пять? семь?) и так далее. Эти обманчивые аспекты являются частью Плана Единого, и Демоны, которым поручено осуществлять этот План, образуют **четкий иерархический порядок**, основанный на знаменитом "законе эволюции", управляющем Небесами - всеми **Небесами**, от атомных, химических или биологических до космических, - в котором каждая монада "эволюционирует", следуя Архетипам каждого Неба. Это знаменитый "закон причины и следствия", который учит

Синархия, которую ведические религии Индии называют Кармой и Дхармой, но которую удобно синтезировать как "закон эволюции". Этот закон направляет "туда и обратно" путь монады, которая принимает различные тела на различных небесах, куда она спускается, чтобы "эволюционировать"; этот "путь" обычно представляют в виде змеи, кусающей свой собственный хвост, или "уробороса". Конечно, знаменитая **монадическая индивидуация** никогда не достигается, ибо это было бы настоящим уродованием субстанции Единого, и прежде чем это произойдет, вся Вселенная уже будет фагоцитирована в Его Святом Буке. -Тут, как ни странно, фюрер улыбнулся, пристально глядя на меня. Внутри меня боролись смешанные чувства. С одной стороны, я был в ужасе от услышанной теории, уже знакомой мне по изучению ее в **НАПОЛЕ**, но теперь н а д е л е н н о й впечатляющим чувством реальности, когда она была горячо изложена с неотразимым красноречием фюрера. А с другой стороны, я был польщен честью получить из уст фюрера Германии личное, ужасно обширное и до странности неуместное объяснение на обычном приеме в канцелярии. Как бы то ни было, внешне я почтительно внимал каждому его слову, ибо не хотел, чтобы меня снова отвлекали.

-Полагаю, вы знакомы с этой теософской теорией, которую Синархия преподает в своих масонских или росикрусинских сектах, и должны **быть** потрясены детерминистской концепцией, в которой нет места для **вечного** индивидуального существования, то есть за пределами пралайи и манвантары. И именно этот испуг, этот крик восстания, который вы **должны воспринять**, поднимаясь из вашей Чистой Крови, является исключением из всех правил детерминистской механики Единого, поскольку говорит о **другой реальности** за пределами Его материальной Вселенной. Как такое может быть, если мы уже говорили, что все, что существует в Космосе, было придумано и создано Им, согласно Его Плану и через Его космические и планетарные Иерархии? Что ж, молодой Курт, я скажу тебе коротко: потому что часть Человечества, частью которого мы являемся, обладает элементом, который **не принадлежит материальному порядку** и который не может быть определен законом Эволюции Демиурга. Этот элемент, называемый Духом или Врил, присутствует в **некоторых людях** как **возможность вечности**. Мы знаем о нем благодаря **Воспоминанию Крови**, но пока мы не сможем освободиться от уз, привязывающих нас к иллюзорной реальности Демиурга, и не встанем на Путь Возвращения к Истоку, мы не будем **существовать** как Вечные личности. Вы спросите меня, как получилось, что в таком Замкнутом Порядке, как я описал, могут сосуществовать чуждые ему **духовные элементы**, и почему, если они не могут быть определены законами материи и энергии, они остаются подвластными Вселенной Единого. Это великая Тайна. Но можно предположить, что **по неизвестной нам причине**, к о т о р о ю мы можем принять за **приказ** Существа, бесконечно превосходящего Демиурга, или за непостижимую **небрежность**, или за колоссальный **обман**, в материальную Вселенную в свое время попали мириады существ, принадлежащих к духовной Расе, которую мы называем **Гиперборейской**. Предположим, что эти существа попали в Солнечную систему через "дверь", открытую на другой планете, например Венере, и что здесь, каким-то обманом, кто-то из их Гиперборейских Гидов приковал их к закону эволюции. Эта цепь, как мы уже говорили, **не может быть реальной**, но тем не менее Гидам-предателям удается **сбить с толку** Вечных Духов,

привязав их к материи. Зачем они это делают? Еще одна Тайна. Но что несомненно, что действительно, так это то, что с момента появления таких Гидов в системе они смогли запутать Вечных Духов, привязав их к материи.

В Солнечной системе **по всей Галактике** произойдет коллективная мутация, которая **изменит** План Единого. Эта модификация основана на предательстве Гидов и падении бессмертных существ. Чтобы тебе было понятнее, молодой Курт, я расскажу, что здесь, на Земле, существовал примитивный человек, который "эволюционировал" по законам "планетарных цепей" и "Царств природы".

Эта эволюция происходила очень медленно и была направлена на окончательную адаптацию к абсолютно животному расовому архетипу, наделенному рациональным разумом, логически структурированными функциями мозга и обладающему "Душой", состоящей из энергии других, более тонких, материальных плоскостей. Именно с таким "человеком" на примитивной стадии развития столкнулись Гиды-предатели, прибыв на Землю миллионы лет назад. Затем, с помощью хитроумной системы под названием Чанг Шамбала, которую вы сможете изучить в нашем Ордене, они решили мутировать человеческую Расу, приковав Вечных Духов к иллюзорным, материальным человеческим существам Земли. С тех пор существует три класса людей: примитивные люди-животные, или **пасу**, полубоги, или **вирья**, к которым был привязан Дух, и божественные гиперборейцы, или **сиддхи**, - все те, кому удалось **вернуться к Истоку** и избежать Великого Заблуждения. Также гиперборейскими сиддхами называют часть Гидов, тех, кто **не предавал** и кто во главе с Крестосом Луцифером пытается **спасти** вирьев с помощью гиперборейского искупления Чистой Крови, которое заключается в пробуждении первозданной памяти о своей утраченной божественности. Таковы Владыки Агарты..... Но мы немного отвлеклись от нашей основной темы, которая касалась Иеговы Сатаны, Врага, с которым мы боремся, чтобы завоевать право вернуться к утраченному Истоку. Тогда этот вопрос прояснится для тебя, юный Курт, ибо если ты помнишь, что Единый делегировал "сознательным сущностям" исполнение Своего Плана, то теперь мы можем добавить, что Солнечная система была построена одним таким "сознанием", которое мы называем Солнечным Логосом, при поддержке меньших Дэвов, **занимающих** определенные позиции в механике системы. На Земле "планетарная сущность" вдохнула жизнь в планету и управляла "эволюцией" царств природы в соответствии с Солнечным планом, заложенным в Космическом плане Единого. Очевидно, что это иерархически связанные эманации Единого: Единый ⇒ Галактический Логос ⇒ Солнечный Логос ⇒ Планетарный Ангел ⇒ Коллективная или групповая душа и т. д. Кто здесь Бог? В зависимости от уровня сознания и культурно-религиозных моделей людей, это может быть любая из таких "сознательных сущностей", но это всегда Единый. Если кто-то говорит, что Бог - это Солнце, или представляет себе Бога-"творца" всей Вселенной, он говорит о Едином. То же самое, если считать, что Бог - это "природа", "Млечный путь" или Земля. Различные гносеологические космологии, представленные людьми на разных этапах их "эволюции" в понимании мира, не отменяют того факта, что Единый всегда прямо или косвенно упоминается, когда говорят о Боге.

Но давайте вернемся на Землю. Когда гиды-предатели прибывают на Земля, они поселяются в "центре", который они называют Шамбала, или Деджунг, и основывают то, что стало называться Великим Белым Братством или Окультной Иерархией Земли. Это не то место, которое может быть физически расположено на поверхности Земли, о чем вам придется узнать

позже, а расположено в топологической складке пространства. Но здесь интересно отметить, что глава Гидов-предателей называет себя Королем Мира,

Что такое Кумара? Планетарный Ангел, одна из тех "сознательных существей", которые закованы Тем, кто составляет "идею планеты". Именно здесь следует искать ключ к имени Иеговы и его "Избранной расы". Ибо планетарный Дух звался Кумара Санат, который после образования Шамбалы и прихода Царя Мира решает действовать как **регент** Единого в исполнении Его теперь уже измененного Плана. С этой целью он воплощается от имени Единого в "Избранную расу", чтобы править поработоченными гиперборейскими духами. Это и есть Еврейская раса. То есть, с одной стороны, мы имеем Окультистную Иерархию Чанг Шамбалы с ее Демонами: Гидами-Предателями и их начальником, Королем Мира, которые теперь осуществляют "эволюцию" планеты и "руководят" Расами посредством зловещей организации под названием Синархия. А с другой стороны, у нас есть Еврейская Раса, которая является лишь модификацией Саната Кумары на Земле, чтобы занять высший эшелон Синархии, во имя Единого. Сами евреи в своей Кабале говорят, что "Израиль - это одна из 10 сефирот", сефира Малхут, то есть одна из эманаций Единого.

Наконец, Иегова - это кабалистическое имя Демииурга, которого Санат Кумара представляет на Земле, и, как я уже говорил в начале этой приятной беседы, это **последнее историческое имя, которое** мы знаем о **Нем**. Вот почему мы, **Древние Гиперборейские Существа**, которые все еще остаются прикованными в Аду, должны хорошо помнить, что "Враг - это Иегова Сатана, Демииург этого мира", как справедливо сказал молодой Курт.

Фюрер с воодушевлением продолжал свой длинный монолог, и хотя прошел уже долгий час, и на нас сыпались любопытные взгляды многих желающих сесть за стол, никто в Германии не смог бы прервать его по такой прозаической причине, как обед. Я же, в свою очередь, желал лишь слушать его невероятные откровения, и поэтому, когда он спросил меня, понял ли я его, я без колебаний сказал ему о своих сомнениях:

-Есть кое-что, что меня сейчас беспокоит, - сразу же сказал я. Все, что вы сказали, мой фюрер, о Демииурге Едином, я полностью понимаю и принимаю, но я не могу не задаться вопросом, кто же тогда Бог, **истинный Бог** или...?

-Этот вопрос вы не должны себе задавать, молодой Курт, - категорично заявил фюрер. Нет, пока ваш разум подчиняется рациональной логике, ибо тогда вы придете лишь к неустранимым парадоксам. Но очевидно, что сомнение уже проросло в вас и что вы будете продолжать размышлять над ним. Тогда я дам вам предварительный ответ: Бог **непознаваем** для того, кто не покори́л Врил. Всегда помни об этой истине, юный Курт: из жалкого состояния раба Иеговы Сатаны невозможно **познать** Бога, ибо Он абсолютно трансцендентен. Необходимо пройти долгий путь очищения крови, чтобы узнать хоть что-то о Боге, об "истинном Боге", как вы справедливо говорите. Большинство великих религий, говоря о Боге, ссылаются на Демииурга Единого. Это происходит потому, что над расами, населяющими мир в настоящее время, "поработали" Демоны Шамбалы, вживляя синархические идеи в **генетическую память** их членов, чтобы направить их к великому коллективному Архетипу, который называется **Ману**. Таким образом, воспринимая реальность за завесой обмана, человек приходит к тем

пантеистические, монистические или тринитарные концепции Бога, которые являются лишь видимостями Единого, Демиурга, уполномоченного Демиургом материи.

Посмотрите на понятие Бога у разных народов древней индогерманской семьи языков: почти все имена происходят от одних и тех же слов, и несомненно, что в далеком прошлом они обозначали Бога "Творца всего сущего", т. е. Демиурга, Единого. На санскрите мы имеем слова "Дьянс Питар", которые в Ведах используются для обозначения "Отца Небесного". Дьянс - это корень, от которого в греческом языке произошли Зевс и Тео, сходные по значению с санскритскими, и который в латыни становится Юпитером, Deus pater или Jovis. Древние германцы также называли Зин, Тир или Тиваз "Богом-создателем" всего сущего - слова, которые также происходят от санскритского Dyans pitar.

Слова, обозначающие Бога в туранской и семитской языковых семьях, имеют одинаковую этимологию. В последней семье, которая тесно связана с ивритом, мы находим "Эль" как древнее имя Демиурга в его планетарном представлении "Сильный". В Вавилонии, Финикии и Палестине поклонялись Эль, Иль, Энлиль - имена, которые арабы трансформировали в Иль ах, Аллах и т. д. Вас не должно удивлять, молодой Курт, это этимологическое единство, ибо настораживает то "единство концепции", которое обнаруживается за упомянутыми словами, поскольку во всех религиях и философиях всегда приходят к двум или трем, казалось бы, несводимым друг к другу идеям Бога, но которые в действительности относятся к различным аспектам Демиурга: например, предпочтение "пантеистического и имманентного Бога": Единый; или "трансцендентного", но "Творца Земли и Неба": Иегова-Сатана, Юпитер, Зевс, Брахма и т. д.

Фюрер теперь смотрел на меня сияющими глазами, и я догадался, что его Следующие слова будут иметь очень важное содержание:

-Была война, юный Курт. Страшная война, о которой в "Махабарате" сохранились, возможно, искаженные воспоминания. В ней участвовало **несколько небес**, и самым ярким ее проявлением стало то, что называют "потоплением Атлантиды". Но никто толком не знает, что подразумевается под Атлантидой, ведь это не просто "затонувший континент". Эта война на физическом плане длится уже более миллиона лет, за это время затонуло несколько физических, континентальных Атлантид, и теперь, в нашем двадцатом веке, мы можем сказать, что "Атлантида" снова вот-вот "затонет". Но давайте пока оставим эту тайну, ведь вам придется вернуться к ней в процессе изучения.

В завершение этой беседы я скажу тебе последнее, молодой Курт. Знай, что в этой Сущностной войне, в которой борьба идет за освобождение плененных духов, за коллективную мутацию Расы, против Синархии и против Иеговы Сатаны, Третий Рейх задействовал весь свой духовный, биологический и материальный потенциал.

Этими страшными словами фюрер, казалось, закончил свое объяснение. Оглянувшись вокруг, я увидел, что папа, Розенберг и Рудольф Гесс по-прежнему рядом со мной.

Эlegantный официант указал фюреру, что они могут пройти во внутренний двор и поужинать холодным ужином в свое удовольствие. Было одиннадцать часов вечера. Фюрер и Розенберг попрощались с нами и пошли

присоединиться к Герингу и доктору Геббельсу во главе стола. Рудольф Гесс пригласил отца и меня в

Но после разговора с фюрером я выглядел не лучшим образом и, рискуя показаться оскорбительным, решил откровенно поговорить с ними обоими.

Глава XII

Так трудно собрать вас двоих вместе, - сказал я. Последний раз мы были вместе четыре года назад, когда присоединились к **NAPOLA**. Может быть, завтра или послезавтра мы уедем в Египет, и я не знаю, когда еще представится возможность поговорить.

Не могли бы мы на минутку удалиться?

Отец начал было протестовать, но Рудольф прервал его.

-Ты абсолютно прав, Курт. Идите сюда, - он указал на дверь, - мне тоже нужно с вами поговорить.

Через минуту мы оказались в кабинете Рудольфа Гесса, который за огромным резным дубовым министерским столом откинулся в мягком кресле. Я поспешил начать разговор.

-Во-первых, - сказала я, - я хотел бы, чтобы кто-нибудь из вас просветил меня по вопросу, по которому, кажется, все согласны, включая фюрера, как я мог видеть сегодня, но о котором у меня есть только неясные упоминания. Я имею в виду некое духовное качество, которым я буду обладать, неизвестное большинству людей, но которое некоторые способны различить. Возможно, это таинственный Знак, о котором упоминали арабы-офиты, похитившие меня в детстве в Египте, или "большая духовная способность", о которой ранее говорил фюрер. Я не знаю, что это такое, но некоторые люди, похоже, знают об этом... и им это не нравится, например, профессор Эрнст Шеффер, - Рудольф Гесс изогнул брови при имени человека из **абвера**. Затем я рассказал им о горьком опыте, который пережил за несколько дней до этого.

Я почувствовал отблеск гнева в темных глазах моего крестного.

-**Абвер** породил одних предателей! Об этом ты должен помнить с этого момента, Курт. Я открою вам секрет, который известен только четырем людям в Третьем рейхе, включая фюрера и меня; секрет, который касается вас и того, что вы мне только что рассказали: профессор Шеффер не без оснований не доверяет вам; более того, он не мог бы быть уверен в проведении **операции "Альтвестен"**, если бы вы были в ней задействованы! Но вы неизбежно связаны с этой экспедицией, нравится это Шефферу или нет, и вы интуитивно поняли это и обратились к нему в самое неподходящее время. Я не могу сейчас раскрыть вам причины этой связи, но, возможно, другой человек, которого вы скоро встретите, один из участников тайны, объяснит вам их. В будущем вы, несомненно, станете личным представителем **рейхсфюрера** Гиммлера, четвертого участника тайны, перед Эрнстом Шеффером, и он ничего не сможет сделать, чтобы помешать этому! Таковы были наши планы, но, как видно, вы нас опередили. Нет ничего, что нельзя было бы устроить!

Вы можете задать вопрос, как получилось, что фюрер или **рейхсфюрер** узнали о вас. Хотя вы, возможно, и не замечали этого, все эти годы вы находились под пристальным наблюдением меня и других неизвестных вам людей, ибо Третий рейх подготовил для вас путь, соответствующий вашим возможностям, который позволит вам служить

родине так, как никто другой, и одновременно развивать свои духовные способности. Скоро, очень скоро вы будете знать все и понимать нас!

Я еще не получил ответа на эти вопросы, но был тронут и взволнован многообещающим будущим успехом, о котором мне сообщил Рудольф Гесс. Однако одно обстоятельство неосознанно интриговало меня: что за диковинное название было у экспедиции Эрнста Шеффера - "*Altwestenoperation*", то есть "*Операция "Старый Запад"*"? Только два года спустя, в самом сердце Тибета, я вспомнил об этом вопросе и его невероятном ответе.

-Ты хочешь получить ответы, и у тебя есть на это полное право, - продолжал Рудольф, - но сейчас не время и не место обсуждать духовные тайны. В эти годы тебе будет не хватать моего присутствия, но для тебя было лучше, чтобы я не вмешивался в твою жизнь напрямую, чтобы психологическое развитие шло нормально; мы даже договорились об этом с твоим отцом, - кивнул отец. Теперь все будет по-другому, у тебя будет свое место, и ты будешь рядом со Мной. Но сначала ты должен узнать *нашу философию*.²³ Я имею в виду не национал-социалистическую доктрину, как она изложена в книге фюрера "Майн кампф" или в книге Альфреда Розенберга "Миф двадцатого века", а "*Скрытую философию*", которой придерживаемся мы - небольшая группа - и, без сомнения, ты тоже. Вы должны понять, что мы имеем дело не со стерильным знанием, которое можно свести к "кодексу принципов" или "оперативному руководству", которым можно управлять нашими действиями; напротив, речь идет о приобретении знания, которое динамично воздействует на Дух, преобразуя нас внутренне, наделяя нас тысячелетней Мудростью, которая позволяет нам выйти за пределы чисто человеческого существования.

Вы особенно одарены для доступа к этому полубожественному состоянию, - продолжал Рудольф, частично отвечая на вопрос о Знаке, - ибо в вас есть то, чем обладают немногие: "*возможность Быть*". Вы поймете это лучше вскоре, когда узнаете секреты Ордена, но я могу сказать вам заранее, что, как сказал минуту назад фюрер, не все люди равны, не все существуют, не все могут "быть". Напротив, для тех, кто имеет *возможность быть*, борьба и усилия должны быть направлены на то, чтобы выйти за пределы этого мира иллюзорных образов и увековечить себя в вечности, на другом плане существования, которого мы можем достичь, только пробудившись от демонического сна, в который мы погружены. Большинство людей, которых вы видите в этом мире, на самом деле не существуют, или, если хотите, они живут "относительным существованием", иллюзорным, которое является дыханием вечности. Их сознание размывается смертью, хотя многие считают иначе, и ничто не переживает их.²⁴ Вечность, дорогой Курт, предназначена для немногих, для Аристократии Духа, основанной полубожественными Героями, Сверхлюдьми, которые ценой тяжелой борьбы с Князем Мира сего *YHVH-Сатаной* - как вы справедливо его назвали - трансмутируют свою низшую природу и завоюют себе место в *Валгалле*.

Все будет открыто тебе, Курт, потому что ты - полубожественный Герой, вирья,

Это доказывает знак Люцифера, о котором вы так беспокоитесь и который лишь указывает на чистоту вашей духовной линии.

-Но Люцифер? Разве он не дьявол? -осторожно спросила я.

²³ Майн Кампф: Моя борьба.

²⁴ **Вальхала** или **Вальхолл**: обитель **Вотана** или **Одина в Эдде**. Место, куда попадают воины, убитые в битве. Небесный рай героев. Для гиперборейской мудрости Вальгалла - это центр, населенный богами-освободителями или, как говорил фюрер, "гиперборейскими сиддхами".

Этот вопрос следовало бы задать фюреру, но у меня не хватило смелости спросить его.

Люцифер, Несозданный Светоносец, Дьявол? - возмутился Рудольф. Хесс... Это кощунственная клевета, которую Иегова Сатана навязал ему через своих учеников, евреев и некоторых непросвещенных христианских и мусульманских имбецилов. Люцифер - это Крестос. Крестос из Атлантиды...

Рудольф Гесс глубоко вздохнул, прежде чем продолжить.

-Давайте пока оставим эти тайны и поговорим о вас, Курт, - сказал Рудольф, меняя тему разговора. Ты успешно завершил трудный этап обучения, и для тебя открывается новый цикл. **¶¶**По нашей воле, - он посмотрел на отца, который снова кивнул, - ты должен вступить в **Ваффен**, чтобы пройти военную и политическую подготовку. ²⁵Но это, скажем так, экзотерическая подготовка, то есть внешняя, по крайней мере до тех пор, пока ты не достигнешь Запретного круга в **Вервельсбурге**. Есть еще один, параллельный путь, который вам придется пройти, и который также требует усилий и жертв. ²⁶Это оккультный, эзотерический путь, который позволит вам духовно совершенствоваться и разрешить свои самые тайные сомнения. Вы слышали о **Thulegesellschaft**?

Я на мгновение задумался, скорее из чувства долга, чем из-за чего-то еще, поскольку был уверен, что никогда не слышал, чтобы это имя упоминалось раньше.

Нет, - ответила я.

Это тайная группа мудрецов, - почтительно сказал Рудольф Гесс. Я буду способствовать вашему вступлению в Орден, а они помогут вам продвинуться, но с самого начала вы должны понять следующее: Гиперборейские ордена, такие как Тулегезальшафт, действуют по кругу. В мирских организациях масонского типа - или, проще говоря, в любой административной бюрократии - вы продвигаетесь по вертикали, шаг за шагом, от основания треугольника к вершине, которую занимает высшая Иерархия. В Гиперборейском Порядке, напротив, вы продвигаетесь по концентрическим кругам. Вы, например, вступая в Орден, оказываетесь в широком круге, возможно, внешнем. Я не говорю, что вы - часть круга или что вы занимаете место в круге, но "вы - круг". Как и вы, есть и другие члены Ордена, которые представляют собой круги большего или меньшего диаметра, концентрически организованные вокруг центра Силы, занимаемого высшим уровнем Мудрости. Вот почему я говорю, что человек продвигается, "выходя за пределы кругов", а не "проходя через круги" разных уровней, ибо гиперборейская Мудрость состоит в сужении круга к центру; в "ограничении круга", насколько позволяет его способность. Вы понимаете, **patekind**?

Думаю, да, - сказал я без особой убежденности. Но все эти вещи, которые так

Вы мягко объясняете мне, и это приносит мне душевное спокойствие и уверенность. Будьте уверены, я сделаю все возможное, чтобы не разочаровать ваше доверие или веру отца.

¶¶Ну, тогда больше не о чем говорить. Помните Паппа, офицера, с которым вы познакомились в Берхтесгадене? **¶¶**²⁷Он теперь **оберфюрер**. Вы обратитесь к нему, когда вернетесь из Египта, чтобы узнать, какие шаги

предпринять.

²⁵ *Верельсбург*: это был *Ордансбург*, или учебный замок, как *будет* показано ниже.

²⁶ *Thulegesellschaft*: Орден Туле. Эзотерическое тайное общество, Чья принадлежность рассматривается в других частях работы.

²⁷ *Оберфюрер*: звание, эквивалентное полковнику.

Рудольф Гесс нажал на кнопку, в ответ на которую поспешно прибыл офицер охраны. Он приказал ему распорядиться, чтобы в важный кабинет принесли шампанское. Он не пил, но сейчас, по его словам, все было иначе: мы должны были выпить за мой выпускной и за будущее Германии. Затем он завел с отцом откровенную беседу, вспоминая распространенные анекдоты из студенческих времен и из Египта.

Так закончился студенческий период моей жизни, неффе Артуро. // Когда я вернулся из Египта, события приняли другой оборот, и, проходя через различные этапы подготовки в Ваффен, чтобы в 1939 году добраться до замка **Вервельсбург**, я также прошел через различные круги **Тулгезальшафта**. Поскольку события, которые действительно удивят вас, поскольку они связаны с вашим собственным опытом, происходят сразу же, начиная с 1937 года, я постараюсь изложить их вкратце. Только в 1939 году, по возвращении с ужасной, адской миссии, которой была операция "**Альтвестен**", я получил инструкции, которые отчасти позволили мне все это понять. Последующие годы, особенно с 1941 года, были потрачены на выполнение миссий в Азии, миссий, аналогичных той, которую я выполнял в ходе операции "**Альтвестен**", а также аналогичных **эзотерической миссии**, выполненной Рудольфом Гессом во время его исторического полета в Англию в 1941 году; миссий того же стратегического свойства, что и те, которые выполняли Белисена Вилька и его сын Нойо, то есть миссий тактической диверсии, чтобы запутать и отвлечь врага; но миссий, требующих для своего выполнения предварительного гиперборейского посвящения их агентов.

Но эту часть истории мы оставим на потом. Сейчас 12.30 дня, и старая добрая Хуана, должно быть, уже приготовила обед.

Глава XIII

Конечно, через минуту вошла старуха, неся на подносе аппетитное креольское рагу. Чикисуэла, красная колбаса, бекон, горох, фасоль, картофель, морковь, лук-порей, лук и кукуруза, все это варилось и парилось, сопровождаемое маслом, уксусом и горчицей.

Последний рассказ дяди Курта наполнил меня предвкушением и любопытством. Намазывая кукурузу в початках желтым домашним маслом, я все время думал об особом опыте дяди Курта в Третьем рейхе и особенно о его предопределенных отношениях с Рудольфом Гессом, странным лейтенантом Адольфа Гитлера. Этот период новейшей истории, с 1933 по 1945 год, как и большинство из нас, родившихся после войны, ускользал от меня в своей жизненной динамике. Союзники, победители в войне, которая, без преувеличения, является величайшей на памяти живых людей в мировой истории, преподносят нам бледный образ проигравших стран и предвоенной эпохи. Представители победившего альянса, морально и интеллектуально неспособные опровергнуть даже убедительными аргументами Великие националистические идеологии предвоенного периода, прибегают к иррациональной системе использования лжи, клеветы, дезинформации и т. д.

Со злым умыслом запутывая и обесценивая смысл слов, они называют, например, любого тирана " фашистом" .

Южноамериканский, ближе к мафиозному **боссу**, чем к гениальному государственному деятелю вроде "Дуче". Фашизм, национал-социализм, японский традиционализм, целые системы политической философии, появляются из-под пера мстительных публицистов, лишённые своего мистического, духовного и интеллектуального содержания, сведённые к грубым тоталитарным схемам, а лидеры этих движений представлены как патологические случаи.

По этим причинам рассказ дяди Курта имел двойное достоинство: он просветил меня относительно мрачного периода недавней истории, который он пережил с особой силой, и позволил мне проверить то, что я подозревал с тех пор, как начал сомневаться в "духовных достоинствах" "союзных держав", ввергнувших мир в материализм и декаданс. А именно: что упомянутые великие националистические системы, особенно национал-социализм, скрывали за фасадом своих политических организаций мощное и тайное духовное течение. На эзотерическом фоне, ревностно скрываемом яростными победителями, таился духовный свет, нераскрытая цель, которая теперь раскрывается в рассказе дяди Курта. Что намеревались сделать фюрер и другие лидеры Третьего рейха? Что намеревался сделать Рудольф Гесс, когда он летел в Англию в мае 1941 года? Множество подобных вопросов плясали в моем мозгу весь обед, и я дрожал от радости, думая о том, что у дяди Курта могут быть ответы.

С другой стороны, скромное чувство смирения охватывало меня каждый раз, когда я вспоминал, как попал туда, убежденный, что ввязался в уникальное приключение, что я - привилегированное действующее лицо космической драмы. //Ведь то, что произошло со мной, не преуменьшая реальной опасности, было детской забавой в свете опыта моего дяди. И, размышляя так, я чувствовал, что новые силы пришли мне на помощь, чтобы выполнить просьбу Белисены Вильки.

Вот уже несколько дней мне хотелось покинуть больничную койку, ведь я снова чувствовал себя вполне здоровым. Однако что-то неосознанно блокировало мою волю, когда я решил одеться и спуститься на нижние этажи дома. Сначала я не понял, что именно мешает мне это сделать, но потом, к своему удивлению, обнаружил, что меня просто пугает мысль о столкновении с собаками породы мопс, которые свободно разгуливали по парку, окружавшему дом. Я не раз наблюдал за ними через окно, и, несмотря на огромные размеры и свирепый вид, они не казались по-настоящему агрессивными. Я бы безоговорочно принял объяснение дяди Курта, что они напали по его просьбе, но одно дело - сказать об этом, а другое - столкнуться с такими животными после столь неприятного предыдущего опыта.

Но на этот раз я твердо решил покинуть больничную койку. Переодевшись, впервые за две недели, в одежду, взятую из багажа, я медленно спустился по красивой ониксовой лестнице, ведущей в просторную гостиную, доселе мне неизвестную. Никого не было видно, и, не желая самостоятельно исследовать дом, я устроилась на диване - том самом, на котором лежала в обмороке в первую ночь, - напротив больших окон, выходящих на парк.

Я предположила, что дядя Курт все еще на обеде, но вскоре с

о б л е г ч е н и е м увидела, как он появился из-за дома. Он был одновременно удивлен и рад моему пробуждению.

-Так, так, - сказал он, - я вижу, вы хорошо себя чувствуете!

-Да, дядя Курт, думаю, пора возвращаться к нормальной жизни, - похлопал я по гипсу на руке, - по крайней мере, пока я жду, когда снимут гипс.

Он улыбнулся с одобрительным выражением лица.

-Если вы чувствуете себя здесь комфортно, мы проболтаем весь день, а потом пообедаем в столовой.

Я кивнул в знак согласия. Я был счастлив, ожидая новой истории от дяди и думая, что все наконец-то налаживается.

Дядя Курт сидел напротив меня в единственном кресле и болтал на несущественные темы, чтобы дать время старой Хуане налить нам две чашки дымящегося кофе.

Наконец он сказал:

//В августе 1937 года я вернулся из Египта и связался по телефону в Берлине с **оберфюрером** Паппом, которого я особенно полюбил после четырех лет приятного знакомства.

Здравствуй, Эдвин, - поприветствовал я, когда оператор соединил меня с Паппом.

Есть ли что-нибудь для меня?

-Да, Курт. Вы должны явиться в канцелярию для получения инструкций.

Вы?

-На Центральном железнодорожном вокзале. Я могу быть там через тридцать минут.

там.

-Ну что ж, отправляйтесь в офис безопасности и назовите себя

//

²⁸**Обершарфюрер** Крюгер. Он приведет вас ко мне.

//Я положил свой багаж в ящик на вокзале и отправился на встречу с **оберфюрером** Паппом. Я не стал останавливаться в гостинице, так как хотел быть уверенным, что мне не придется продолжать свой путь до военкомата (что я и сделал).

//Обершарфюрер Крюгер провел меня по запутанным коридорам и закулкам в кабинет, где решались все вопросы, касающиеся безопасности фюрера в канцелярии.

//Это был маленький отдельный мир, занимавший заднее крыло Канцелярского дворца, через внутренний двор, и объединявший под командованием **оберфюрера** Паппа несколько секторов, чьи совершенно разные специфические виды деятельности сходились в общей цели - обеспечении безопасности. **//**Здесь размещались эскадрон гестапо, группа связи и пеленгации, небольшая группа из секретной службы, химическая лаборатория, лазарет с круглосуточным дежурством врача. **////**Все это было создано, оснащено и укомплектовано личным составом **1-й танковой дивизии "Лейбштандарте Адольф Гитлер"**.

-Привет, Курт! Рад тебя видеть, мой мальчик. Искренне, - с к а з а л **//**

Оберфюрер Папп. Пожалуйста, присядьте.

Я сел на стул напротив стола, который занимал Папп. Офис был построен недавно из железобетона, поэтому низкий потолок контрастировал с огромной высотой коридоров, по которым мне пришлось пройти, чтобы попасть туда. Сайт

¶ Оберфюрер Папп с видимым сочувствием наблюдал за мной, сидя на вращающемся стуле. Над его головой висела фотография фюрера, вглядывающегося вдаль; по обе стороны от него на столе лежали металлические папки.

-Я тоже рада снова видеть вас, - ответила я. Я безмерно счастлив снова оказаться в Берлине.

-Ну, это ненадолго, - сказал Папп, улыбаясь. Я думаю, вы немедленно отправляетесь в **Орденбург-Кроссинзее**. У меня здесь приказ для вас. Здесь два конверта... -он заглянул в папку.

-Кроссинзее находится в Восточной Пруссии, не так ли? -спросил я.

-Да, в Померании. Вот ваш приказ!

Он протянул мне два манильских конверта. **¶**Один, большего размера, на котором крупными буквами было написано "**Crossinsee**", содержал все **орденбургские** вводные документы от . На другом была надпись, сделанная от руки тонкими готическими буквами, о том, что конверт должен быть вскрыт в присутствии оберфюрера Паппа. **¶**На другом конверте была надпись, сделанная от руки мелкими готическими буквами, в которой говорилось, что конверт должен быть вскрыт в присутствии **оберфюрера** Паппа. Я взломал печать и извлек из конверта письмо, написанное почерком Рудольфа Гесса. Оно гласило:

Берлин - август 1937 г.

Господин Курт фон

Зюберманн Дорогой

патекинд:

Я договорился, что вы поступите в **Орденбург Кроссинзее**, а затем, после прохождения минимальной подготовки, будете переведены в другие **Орденбурги**. Вы должны сразу же отправиться в Померанию, чтобы влиться в новую жизнь и приспособиться к ней. Только после того, как вы выполните эту часть работы - на это дается не менее месяца, - вы сможете связаться с "**Тулегезальшафт**".

Ваш контакт в Берлине - Конрад Тарштейн; вы найдете его по адресу **Грегориштрассе, 239**. Он уже знает о вашем вступлении в орден; все, что вам нужно сделать, - это представиться и назвать свое имя. **¶**В принципе, вы будете вступать в **Тулегезальшафт** в Берлине, поэтому вам придется ездить из Померании в Берлин по вы х о д н ы м , но если вам нужно будет приезжать в другое время, вы можете обратиться за разрешением к **оберфюреру** Паппу.

Удачи, **Патекинд**; помните мой совет: "ходите по кругу, ограничивая круг".

Рудольф Гесс.

Примечание:

¶Запомните имя и адрес вашего связного и передайте это письмо **оберфюреру** Паппу, у которого есть приказ уничтожить его. В письме не должно быть ничего, что могло бы скомпрометировать вас, нас или "**Тулегезальшафт**".

Хайль Гитлер.

//Я дважды прочитал письмо, а затем передал его **оберфюреру** Паппу, который уничтожил его на моих глазах, подпалив зажигалкой.

-Рудольф Гесс в Берлине? -спросил я.

-Нет. Он в Берхтесгадене с фюрером.

Я сразу вспомнил, что в этот же день, четырем годами ранее, мы были с папой и Рудольфом Гессом в Берхтесгадене. //Так что делать в Берлине было больше нечего, и, попрощавшись с **оберфюрером** Паппом, я отправился на вокзал, чтобы как можно быстрее уехать в Восточную Пруссию.

Глава XIV

Час спустя из окна северного поезда я наблюдал, как мимо проплывают последние берлинские кварталы. Я погрузился в раздумья, вспоминая письмо Рудольфа Гесса и сожалея, что мне не удалось взять у него интервью и задать несколько вопросов, на которые срочно требовались ответы. Со мной уже давно происходило нечто необычное, но, кроме Рудольфа Гесса, я никому не решался об этом рассказать.

С вечера выпуска, когда меня представили фюреру, я начал испытывать любопытный психологический феномен. На вопросы фюрера "Кто враг Германии? Против кого мы воюем?" я ответил "**ИХВХ-Сатана**", и мне показалось, что я понял, что этот ответ был не обдуман мною, а "уловлен" или что-то вроде "услышан" внутренним слухом.

Для меня не было сомнений в том, что "Голос", который я слышал, был инопланетным, то есть исходил извне моего сознания. Но я также понимал, что невозможно передать этот опыт другому человеку, не рискуя вызвать у него подозрения в моей вменяемости. Во время поездки в Египет я размышлял над этим и пришел к выводу, что присутствие фюрера вызвало феномен бессознательной разрядки, а услышанный Голос был всего лишь формальной интуицией. То есть я каким-то образом "знал" ответ и в тот момент, когда я был психологически заблокирован подавляющей личностью фюрера, я "угадал" его, или думал, что угадал, приняв интуицию за экстрасенсорное восприятие. Это был скептический вывод, но я был уверен, что подобное явление будет чисто косвенным, что оно не повторится. Я цеплялся за эту уверенность с затаенным страхом, что ее повторение будет означать потерю рационального равновесия.

Это понятно: в обществе, которое считает "нормальным" то, что является общим для всех, то есть коллективным, и подавляет отчуждением тех, кто отклоняется от "нормального", чувствовать себя не таким, как все, может быть опасно во многих отношениях. Главным образом потому, что отсутствие "образцов" или "моделей" - систематически устраняемых или самоустраняемых страхом - с которыми можно сравнить нашу "ненормальность", приводит нас к страху потери разума. Этот страх перед обладанием дарами или добродетелями, которые отличают нас от других, считается "святым благоразумием" в мире, который прославляет посредственность среднего человека и не доверяет индивидууму.

Поэтому, опасаясь последствий рассмотрения этого опыта как реального явления, я отнесла услышанный Голос к проекции бессознательного на сознание.

Однако это явление повторилось не один, а несколько раз, что вызвало у меня тревогу, так как я опасался, что страдаю от какой-то разновидности шизофрении.

Но, отбросив сомнения и спокойно поразмыслив, я не мог не признать, что это явление далеко не опасно и, я бы даже сказал, вызывает симпатию. Причина такого вывода заключалась в "уверенности", которую я теперь ощущал, что Голос, который я слышал, был абсолютно чужд моему собственному существу. Конечно, можно возразить, что "уверенность", которую может иметь человек в восприятии явлений, относящихся к его собственной сфере сознания, полностью субъективна. И это действительно так, поскольку в целом "уверенность" ни в коей мере не гарантирует истинности его утверждения.

Например, когда охотник, будучи "уверенным", что попадет в добычу, промахивается, или когда ученик, уверенный в правильности ответа, обнаруживает, что учитель поставил ему ноль, можно сказать, что он "не справился" с задачей. Так от чего же зависит успех, если, будучи "уверенным", я могу потерпеть неудачу?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сначала провести различие между "субъективной безопасностью" и "объективной безопасностью". Первая ближе к воображению, а вторая - к реальности. Субъективная безопасность основана на вере, а объективная - на реальности. Тот, кто верит, что собирает рукой яблоко, а на самом деле это яблоко, несомненно, обладает объективной безопасностью. Если же, напротив, он верит, что собирает яблоко, а на самом деле берет что-то другое, его безопасность субъективна. Таким образом, между субъективной безопасностью и объективной безопасностью существует пропасть, которая, в зависимости от конкретного человека, может быть огромной.

Но желательно, чтобы безопасность, ощущаемая в том, что человек делает или думает, была как можно более объективной. Как же преодолеть разрыв между субъективной и объективной безопасностью? Если не считать естественной предрасположенности к объективной реальности, ответ будет заключаться в том, что предшествующий "опыт" обеспечивает большую вероятность того, что "безопасность" при совершении действия будет объективно реализована.

Чтобы лучше понять проблему, необходимо также провести различие между уверенностью дилетанта и эксперта. Перед лицом одного и того же теста оба чувствуют себя "уверенно", но с большей вероятностью только эксперт добивается успеха, в то время как дилетант терпит неудачу. Уверенность эксперта основана на предыдущем опыте, а дилетанта - на вере в себя; но поскольку каждый эксперт на каком-то этапе должен был быть дилетантом, возможно, что дилетант, если он будет упорствовать, однажды станет экспертом.

Поэтому безопасность тем более объективна, чем больше она сопровождается опытом. Но если субъективная безопасность нарушается объективной реальностью, если она терпит неудачу, за ней следует разочарование поражения. Отсюда следует вывод, что способность преодолевать неудачи - это фактор, обуславливающий использование опыта в пользу объективной безопасности.

Уверенность в себе, напротив, является основополагающей

психологической установкой для противостояния жизненным испытаниям. Человек, столкнувшийся с испытанием, должен заранее рассчитывать на успех, быть "уверенным" в победе, а неудача не должна отбивать у него желание попробовать еще раз. В описанных выше случаях ни охотник не прекращает охоту из-за неудачного выстрела, ни студент не прекращает учебу из-за провала на экзамене; оба преодолевают и извлекают пользу из пережитого, повышая свою объективную безопасность, становясь более "экспертными".

Учитывая эти концепции, теперь можно понять мое отношение к феномену Голоса: я пришел к выводу, что "будучи психически подготовленным в течение нескольких лет жесткой интеллектуальной тренировкой, уверенность в определенности суждений у меня была вполне объективной". То есть в интеллектуальном плане, когда он был "уверен" в каком-то понятии, он был "безусловно" прав. И с такой объективной уверенностью в суждениях я сказал себе, что Голос, который я слышал, исходил не из моего бессознательного, не был частью моего Я, был чужд моему Духу или, возможно, был другим Духом.

Должен подчеркнуть, что уверенность в своей правоте сопровождалась глубоким анализом, в ходе которого я учитывал, в частности, тот факт, что Голос был способен излучать понятия, которые я совершенно не знал. Это может иметь более или менее психологическое объяснение, но некоторые понятия были очень специфическими, и тем не менее Голос использовал и структурировал их с большой точностью. Следовательно, Голос был "мудрым", и это действительно не имеет надуманного объяснения, если только не принять то, что есть на самом деле: что Голос принадлежал чуждой мне психической сущности.

Еще одним элементом феномена, который я учитывал при анализе, был тот факт, что в меня не "вторглась" духовная сущность, как это бывает при дьявольской одержимости или спиритизме, а только Голос, ясный и сильный, достиг моего сознания, без каких-либо психосоматических последствий.

То есть в момент явления я не "видел", не "чувствовал", не "любил", не "обонял" ничего странного; я только слышал голос, и это было, повторяю, как будто мое внутреннее ухо "открыли".

Первые несколько раз, когда я слушал Голос, я был удивлен неожиданным посланием, которое выскочило, энергично и быстро, ритмично, как молния. Оно появлялось не всегда, а только тогда, когда я медитировал над вопросом, требующим определенной концентрации. Чтобы лучше понять качество феномена, который со мной происходил, приведу несколько примеров. Вы психиатр, Неффе, и я не хочу, чтобы вы, в пределах разумного, сомневались в моей вменяемости, потому что происходящее следует интерпретировать как расширение способности к восприятию, а не как "болезнь".

(Я кивнул дяде Курту в знак согласия и доверия, ибо никто лучше меня не знал, сколько произвола творится с истинными психическими достоинствами человека, теми, которые развиваются "сами по себе" или саморазвиваются и усиливают его, нисколько не нарушая его рационального равновесия, ибо они "естественно" интегрированы в личность. Психические достоинства, которые приобретаются спонтанно, без применения абсурдных "окультиных методов" или "гимнастики трансцендентальной медитации", которые в конечном итоге нарушают тонкий душевный порядок и приводят ученика к безумию и смерти).

²⁹Однажды, - продолжал дядя Курт, - я читал "*Бхагавад-Гхиту*", ведическое писание, входящее в великий эпос "*Махабарата*", мифическую войну, в которой сражались люди, ангелы и боги, и о которой писали и составляли сборники древние арии Индии.

Гхита рассказывает о битве, в которой герою **Арджуне** приходится сражаться, чтобы вернуть себе трон, узурпированный его двоюродным братом.

Арджуна - член

²⁹ *Бхагавад-Гита*: в переводе с санскрита - "Песнь Господа". Индийская священная книга.

Воин - *кшатрий*, а рядом с ним - *Шри Кришна*, воплощение Господа *Вишну*.

В первой части, которая называется "Горе Арджуны", Арджуна едет на своей колеснице перед вражеской армией и обнаруживает, что вместе с его двоюродным братом выстроились многие его родственники и друзья:

26. - Затем Арджуна увидел там своих дядей, двоюродных дядей, наставников, дядей по материнской линии, племянников, правнучатых племянников, внучатых племянников, родственников, друзей и товарищей.

27. - Увидев собравшихся там родственников и друзей, Арджуна проникся к ним великим состраданием и в великой печали произнес следующие слова:

28. - 30. -Сказал Арджуна:

О Кришна, когда я вижу этих родственников, жаждущих сразиться, у меня отказывают конечности, во рту пересохло, я дрожу, мое тело дрожит, кожа горит, я не могу удерживать лук, я не могу стоять, мой разум крутится в вихре. Я не могу стоять, мой разум в водовороте, О Шри Кришна, я вижу признаки дурного предзнаменования.

31. - 34. Я не вижу, какого блага я могу достичь, убивая своих родственников на войне. О Кришна, я не желаю ни победы, ни власти, ни наслаждений. О Говинда, какая нам польза от власти, наслаждений, даже от самой жизни, когда мои учителя, дяди, сыновья, внучатые дяди, дяди по матери, зятя, внуки, шурины и все другие родственники, для которых мы желаем этих благ, собрались здесь, чтобы сражаться, отдав свое имущество и даже свою жизнь?

35. -О *Мадхусудана* (Кришна), даже если они убьют меня, я не хочу убивать тебя ни за царствование в этом мире, ни за власть над тремя мирами.

36. - 37. О *Янардана* (Кришна), какое удовольствие мы получим от убийства *дхарта-раштры*? Убийство этих агрессоров было бы греховным поступком. Поэтому мы не должны уничтожать своих родственников, *дхарта-раштров*. О *Мадхайя* (Кришна), как мы можем быть счастливы, убивая своих собственных родственников?

38. - 39. Хотя они, в умах которых преобладает алчность, не видят зла в уничтожении родственников и греха во враждебности к друзьям, Почему, о *Янардана*, мы, видящие великое зло, порождаемое уничтожением родственников, не воздерживаемся от совершения этого греха?

47. -Сказав это, Арджуна бросил свой лук и стрелы и с очень большим сердцем остался сидеть на своей колеснице.

Во второй части "Гиты", которая называется "Путь различения", Шри Кришна отвечает на тревожные и волнующие вопросы Арджуны.

1. -Тому (Арджуне), который был охвачен горем и состраданием, глаза его были полны слез, а разум смятен, *Мадхусудана* (Кришна) сказал следующее:

2. -сказал *Благословенный Господь*:

В этот критический момент, о Арджуна! *откуда взялась эта недостойная неарийская слабость, унижительная и противоречащая достижению небесной жизни?*

3. -Не *веди себя как евнух*, о Партха; это недостойно тебя; *отбрось*

слабость сердца и уходи, о разрушитель врагов!

Затем Шри Кришна советует Арджуне следовать "Пути действия" (или Карма-йоге) и исполнить свою Дхарму, то есть предназначение

Кшатрия, который должен представлять битву и бороться за справедливость, не заботясь (априори) ни об исходе битвы, ни о судьбе врага (даже если это родные и близкие).

31. -Подумав о своем долге, вы тоже не должны колебаться, потому что для кшатрия нет лучшей удачи, чем сражаться за правое дело.

32. -О Партха (Арджуна), удачливы те кшатрии, которым выпала возможность сражаться в такой войне, которая открывает врата рая.

33. -Но если ты не будешь сражаться в этой справедливой войне, ты не оправдаешь свою репутацию, не выполнишь свой долг и совершишь грех.

Так и должно быть, говорит Шри Кришна, потому что реальность - это майя, иллюзия, и "столкновение" носит косвенный характер, ощутимый только для того, кто чувствует "столкновение". На более высоком, духовном плане противоположности разрешаются, столкновения - чистая иллюзия. **Дух не может ни убить, ни умереть**, так говорит Шри Кришна:

19. Тот, кто думает, что это Я (Дух) убивает, и тот, кто думает, что это Я мертво, - оба невежды. Самость не убивает и не умирает.

20. - **"Я" не рождается, не умирает и не перевоплощается; у него нет начала; оно Вечно, неизменно, первое из всех, и не умирает, когда тело погибает.**

21. -Тот, кто знает, что бытие нетленно, Вечно, нерожденно и неизменно, как может он убить или быть убитым?

22. Как человек оставляет свою изношенную одежду и надевает новую, так и телесное Существо оставляет свое изношенное тело и надевает новое.

23. -Оружие не режет, огонь не жжет, вода не мочит, а ветер не сушит.

24. -Это существо нельзя ни разрезать, ни сжечь, ни окунуть, ни высушить; Он вечен, вездесущ, стабилен и неизменен; зная, что Он таков, вам не нужно ни о чем сожалеть.

26. - 27. -Но, о могущественный, если ты думаешь, что это Существо всегда рождается и умирает, все же не стоит печалиться об этом; ведь то, что рождается, умирает, а то, что умирает, непременно возрождается. **Поэтому не следует печалиться о неизбежном.**

Кришна и Арджуна

Важно лишь встретить конфликт лицом к лицу, следуя "Пути действия", столкнуться с противоположностью и исполнить Дхарму. **Не бойтесь убивать**, - говорит Шри Кришна, - **они уже мертвы во Мне**".

Я размышлял над предыдущим абзацем "Гиты", над необыкновенными моральными последствиями, вытекающими из этого очень древнего индоарийского текста, когда снова "услышал" Голос:

-Ты не должен обманываться поверхностным смыслом понятий, о Курт, человек чистой крови. Послание Кришны обращено к двум природам Арджуны - душевной и духовной. Своей душевной части, животнo-человеческой природе, Кришна советует продолжать драматический спор, в который он вовлечен в силу своей кармы: Арджуна - человек, воплощенный и живущий в кармических обстоятельствах; он должен исполнить Дхарму и разрешить конфликт противоборствующих Архетипов; таким образом он исполнит приговор, вынесенный априори Владыками Кармы из Чанг Шамбалы, непостижимый приговор семейной войны, который тяготит его сердце. Но своей духовной части, своей арийско-гиперборейской природе, сиддха Кришна предлагает преодолеть противоположности, но не путем их синтеза, который может стать войной, а поместив себя в абсолютную инстанцию Вечного Духа. Дух, "Я", действительно, вечен или несотворен, **чужд** всем сотворенным противоположностям, которые есть лишь майя, иллюзия. **Для Духа нет ни жизни, ни смерти, а есть лишь Иллюзия, и потому нет ни греха, ни вины, ни долга, который нужно заплатить, ни Кармы: если решение исходит от Духа, действие не произведет на него никакого дальнейшего эффекта, потому что Иллюзия не способна действовать на Реальность Я; и это независимо от совершенного действия, даже убийства родственников и близких.** Кшатрий, однако, должен выполнить одно существенное условие, чтобы его духовная природа преобладала над душевной или животной: он **должен ожесточить свое сердце, он должен "изгнать эту неарийскую слабость", то есть избавиться от всякого сострадания к тем, кто является лишь актерами кармического сюжета, чистой иллюзией; они не существуют, они не живут, или, как говорит Кришна, "они уже мертвы во мне"**. Такова мудрость Венценосных Владык Агарты: **только тот является истинным кшатрием, кто обладает сердцем, твердым как камень и холодным как лед; и только такой кшатрий может совершить любое действие, даже убийство, не будучи затронутым кармой**. Такова сила, о Курт, человек чистой крови, кшатрия-инициата-гиперборейца, полубожественного человека, у которого его несотворенный дух прикован к сотворенной душе!

Эти слова, как молния, ворвались в мое сознание. Наполняло меня недоумением, причем по нескольким причинам. Во-первых, потому что я был уверен - как я уже говорил, - что Голос был внешним по отношению к моему существу. Во-вторых, из-за тона Голоса: твердый и энергичный, он был одновременно доверительным и дружелюбным. В его присутствии я чувствовал, что не могу не доверять или сомневаться в его словах, потому что этот Голос издавал Кто-то выше меня. Тот, кто

"приблизился", чтобы помочь и направить меня. И в-третьих, потому что "содержание" этих слов, "концепции", вливаемые в мое сознание, не всегда были ясны и понятны.

Последнее следует понимать не в том смысле, что они были неясными или завуалированными, а в том, что эти понятия указывали на вещи и ситуации, неизвестные или забытые мной. Я говорю "забытые", потому что в том чувстве правдивости, которое вызывало во мне слушание слов Голоса, сосуществовали воспоминания об утраченном Знании, о забытой Истине.

Шамбала, Агарта, Владыки Венеры - коротко знакомые понятия, которые когда-то были частью какого-то более обширного знания, но которые, необъяснимым образом, я забыл, не будучи в состоянии определить, где и когда, конечно, не в этой жизни и, возможно, не в "другой жизни", а в "состоянии Духа" за пределами всей жизни и проявлений.

В одном я был уверен: Истина находится в прошлом, в далеком прошлом, к которому я мог прикоснуться кончиками пальцев.

Глава XV

Когда я реагировал после получения одного из таких "сообщений", моим первым побуждением было "спросить" что-то еще у Голоса, поставить под сомнение "интерпретацию" сообщения или сам Голос.

Но это было бесполезно, так как Голос исчезал так же таинственно, как и появлялся, и в ответ я получал лишь молчание. Однако когда я, не задумываясь, размышлял над каким-нибудь вопросом из области истории, философии или религии, мимолетный комментарий появлялся, мудрые и полновесные слова, как искра мудрости.

Эта трудность в "общении" с Голосом, отнюдь не разочаровав меня, стимулировала мое любопытство, и я начал краткий поиск информации об этом странном явлении.

Внутреннее ухо открылось, когда меня познакомили с фюрером, под сильным влиянием его присутствия, а затем я уехал с папой в Египет на каникулы, как я уже говорил. Именно в те дни я пытался разгадать тайну скрытых появлений Голоса. Для этого я начала читать все о случаях, похожих на мой, и к своему ужасу обнаружила, что еще несколько лет назад любого, кто сталкивался со слышанием голосов, подозревали в колдовстве или демонологии. Образ Жанны д'Арк, "Орлеанской девы", сгоревшей на костре за то, что следовала велениям внутреннего Голоса, не слишком побуждал к углублению в эту тему.

Но меня воодушевляла мысль о том, что мы живем в другом веке, в веке, открытом для исследований и знаний. Но меня воодушевляла мысль о том, что мы живем в другом веке, в веке, открытом для исследований и знаний, хотя я на каждом шагу видел, что в области психического опыта царят суеверие или скептицизм.

Читая работы Аллана Кардека, основателя современного спиритизма, я заметил, что среди множества форм *медиумизма*, описанных как "общие для многих одаренных людей", есть и *слуховой медиумизм*, который, как мне показалось, можно приравнять к тому феномену, который я испытывал.

Согласно Аллану Кардеку, *медиум* - это человек, который может связаться с "миром духов": "Что такое медиум? Это существо, человек, который служит связующим звеном с Духами, чтобы они могли общаться друг

с другом".

с людьми. Без медиума невозможна никакая коммуникация, будь то материальная, ментальная, письменная, физическая или любая другая". И еще он говорит: "Дух - это человек без физического тела".

Медиумизм как человеческая способность проявляется в "отношении к органам чувств", являясь их расширением таким образом, что позволяет нам охватить часть "Другого мира". Таким образом, существует слуховая медиумичность, письменная медиумичность и т. д. Не принимая, однако, спиритуалистическую космогонию, утверждающую, как и гнозис, алхимия и т. д., тройственный состав человека: тело, Душа (или *perispirit*) и Дух, можно сделать паузу для анализа феноменов, упоминаемых спиритуалистами, которые почти всегда реальны.

Именно этим я тщетно занимался в те дни в Египте, посещая различные спиритические центры и встречаясь с многочисленными медиумами.

Разочарование не могло быть большим, поскольку в большинстве случаев медиум оказывался либо человеком с низкими интеллектуальными способностями, неспособным внятно объяснить природу совершаемых им чудес, либо мошенником, слишком умным, чтобы давать объяснения, и очень любившим окружать себя аурой "таинственности".

В результате этих исследований он пришел к выводу, что когда субъект был реальным действующим лицом медиумического феномена, он не мог осуществлять над ним никакого контроля, будучи в большинстве случаев "mentecatto". Пишущий медиум не осознавал, что он пишет, и эта ситуация вызывала радость у свидетелей, которые утверждали, что это является "доказательством" правдивости вундеркинда. То же самое можно сказать и о других видах медиумизма.

Говорящий медиум, полностью "одержимый" духом или "развоплощенной сущностью" - согласно спиритистскому жаргону, - говорил, смеялся, кричал или корчился перед созерцательным экстазом аколитов, столь же невежественных, сколь и глупых. А Слушающий медиум, который вызвал у меня особый интерес, слышал не один, а целый концерт голосов. И они постоянно вторгались к нему, приказывая, требуя или умоляя совершить определенные действия, зачастую неблагородные или грубые. Удручающее зрелище, не имеющее ничего общего с моими высшими впечатлениями.

Убедившись, что найду только больных людей или фанатиков, я сделал самое логичное, что можно сделать в таких случаях: я отправился на поиски решения своей проблемы, используя себя, свой собственный анализ и опыт.

Таким образом, тщательно проанализировав психические процессы, завершившиеся появлением Голоса, я обнаружил, что ключ к разгадке лежит не в мысленном **допросе**, не в том, чтобы "спросить" Голос о том или ином. В своем замешательстве, которому не в малой степени способствовали контакты и наблюдения за спиритуалистами, я полагал, что Голос отвечает на вопросы, возникающие в моем сознании во время медитации. Произвольно приняв это убеждение за истину, я пришел к выводу, что можно сознательно задавать вопросы Голосу, то есть спрашивать, а Голос будет отвечать: грубая ошибка... как вы скоро увидите.

Размышления над всем этим позволили мне понять, что "вопросание" - это внутренне рациональное отношение; то есть вопрошать можно только на основе того порядка, который мы называем разумом. Из всех существующих

существ только человек задает вопросы, и делает он это для того, чтобы знать, чтобы получить знание.

Выражая жалкую неумелость и драму невежества, допрос разума, логики позволяет ему делать умозаключения, выдвигать предположения и выносить суждения. Но знание, полученное исключительно с помощью разума, путем допроса реальности мира, влечет за собой насилие и скрытый бунт. Допрос подразумевает возможность ответа, и в этом подразумевании есть что-то высокомерное и надменное. Допрашивает тот, кто гордо "знает", что пресытится своими знаниями. Это бунтарство, эта гордость, это высокомерие, короче говоря, это насилие, лежащее в основе допроса, разумеется, совершенно бесполезно, поскольку не **способствует освобождению человека от его прикованности к иллюзорным формам материи**.

Моральная ошибка допроса как "средства познания" становится очевидной во всей своей абсурдной противоречивости, когда человек утверждает "право" на допрос, то есть когда он устанавливает, что получение знаний путем допроса является юридически и морально законным. Ведь если допрос разрешен и даже целесообразен, без ограничений и моральных барьеров по отношению к тому, о чем спрашивают (без табу), то не пройдет много времени, как мы увидим человека, яростно стоящего лицом к лицу с Богом, задавая ему вопросы, - абсурдная возможность, которая неизбежно ведет к отрицанию Бога (атеизм), к признанию невозможности этого вопроса (агностицизм) или к самым тревожным гипотезам, которые являются именно такими, вероятными, но не истинными ответами.

Гнозис, философское течение, к которому часто обращалась Белисена Вилька, утверждал возможность "спасения себя" через знание (gnosis), но это "знание" не должно было быть получено рациональным путем. Как сказал Серж Хутин: "Гнозис, которым владеют Инициаты, противопоставляется вульгарному **пистису** (вере) простых верующих. Это не столько "знание", сколько тайное и загадочное **откровение**". "... Гнозис представляет собой, после его достижения, полное, **непосредственное** знание, которым человек обладает полностью или не обладает вовсе; это "знание" само по себе, **абсолютное**, охватывающее человека, Космос и Божественность. И только через это **знание** - а не через веру или дела - человек может быть **спасен**".

Есть и другой способ "знать", и, хотя мракобесный заговор вычеркнул Гнозис и его Инициатическую Мудрость из официальной истории, именно на "гностическом" пути я нашел решение для общения с Голосом.

Действительно, есть способ получить знание "за пределами" разума, не впадая в механику вопросов и ответов, сравнений и выводов, анализа и синтеза, короче говоря, диалектики. И он чрезвычайно прост. Он заключается в том, чтобы **настроить дух на воспоминания**, аналогично тому, как это делает сознание, когда "ищет" воспоминание.

Это не созерцательная позиция "пустого ума", а динамичное действие, которое "ищет", не "спрашивая".

Мудрость понимания этого заключается в принятии того факта, что сознание "ориентируемо", "адресуемо" к областям ума.

Когда мы хотим что-то **вспомнить**, разум может задавать вопросы, а может и не задавать, но воспоминания **приходят** неумолимо. Например, какой галстук я надел на вечеринку Джона Доу, и ответ приходит автоматически - зеленый. Но давайте будем честны, это действительно "ответ" или, когда мы хотели узнать, какой галстук был на нас, мы настроили свой разум на "поиск" воспоминаний о том.

Вечеринка у Хуана Переса, и это воспоминание **возникло** в сознании как образ, который был быстро переведен разумом в форму предложения: зеленый галстук.

Ведь если вместо того, чтобы спрашивать, мы просто вызовем воспоминание о поношенном галстуке, он "появится", не обязательно являясь ответом на вопрос или даже предложением.

Когда я убедился в этом и убедился, что при "вспоминании" сознание "направлено" на воспоминание, я аналогичным образом настроил свой Дух "направить" себя на Голос.

Сначала у меня ничего не получалось, в основном потому, что мешали сомнения и скептицизм, но когда я хорошенько сосредоточился и смог воссоздать в своем сознании те мимолетные моменты, когда Голос врывается в сознание, тогда я начал делать успехи. Голос появлялся и исчезал в одно мгновение, со скоростью, превосходящей быстроту моих мыслей, настолько, что порой я даже не мог четко разобрать его слова.

Поэтому я должен был напряженно сконцентрироваться и вызвать воспоминание, только вызвать, а не допрашивать, подготовить сознание к приходу воспоминания и оставаться в полной духовной неподвижности. Те, кто понимает, поймут, что это было не созерцательное отношение, а энергичное отношение, подобное тому, что испытывает воин за мгновение до того, как разжать руку с мечом, полную потенциальной силы. В созерцании есть покой (неподвижность), в вызывании - ожидание энергии.

Процедуру, которую я успешно применил, можно объяснить следующим образом: Я воссоздал в своем духе момент, когда появился Голос. Я старался сделать это воспоминание как можно более "точным", то есть психологически перенести меня в кульминационный момент переживания. Тогда Голос, воспоминание о Голосе, появлялся так же быстро, как я "вспоминал", что он появился. Но затем, используя вновь открытую "ориентирующую" способность сознания, я "направил" сознание "на" Голос (повторяю: как тот, кто помнит) и таким образом сумел незаметно "продлить" время проявления Голоса. Голос возникал в памяти, и я пытался окружить память вокруг него, отсекая вспомогательные элементы, концентрируясь только на нем, пытаясь превратить мимолетность в постоянство, не теряя при этом вокальной динамики. Таким образом, мне все больше и больше удавалось "следовать" за посланием Голоса от его появления до исчезновения.

Появление (начало) меня не волновало, а вот исчезновение - да, ибо я все больше и больше увеличивал последний момент Голоса, пока не стал "слышать" с полной ясностью последний тон, точную границу между Голосом и Тишиной. В этот момент я почувствовал, что в сознании, направленном на Голос, как будто появился **острый конический выступ**, как у воронки, в которую наливают жидкость.

Голос вошел в мое сознание в одной точке - во внутреннем ухе, и именно туда была направлена вершина психического конуса, в который превращалось сознание, упорно стремясь к мгновению окончательного исчезновения "послания".

Я практиковал этот вид выборочного вызывания, когда, "исследуя" (так сказать) психический конус, вдруг обнаружил, что погружаюсь в слегка закручивающийся, паробразный туннель, похожий на вихрь яркой молочной энергии, который вскоре закончился совершенно определенным и четким

изображением. **Я мог видеть и слышать его одновременно**, поскольку именно из него исходил Голос.

Следуя за угасающим Голосом, как эхо, он добрался до его источника, и тот был ослепительным и ослепляющим. Обладая теперь не только внутренним слухом, но и внутренним зрением, он впился взглядом в возвышенный о г н е н н ы й образ. Ибо это дивное и мудрое Слово исходило не из какого-то горла, не от человека и даже не от антропоморфного существа.

Она просто возникла из огненного языка, который ритмично мерцал, сопровождая становление Слова.

-О ледяной и сияющий огонь, Бог свидетель, что в тебе я познал божественность гиперборейского духа!

Столкнувшись с этим Божественным Присутствием, состоящим из Огня, Голоса и Мудрости, я не совершил глупости, задав вопрос, и не испытал удивления или желания узнать или понять.

Дикая радость, первобытная радость охватила меня, когда под моим внутренним взором засверкали каменный логос. И эта невыразимая радость была вызвана уверенностью: я обрел нечто давно утраченное, не могу сказать, когда и где. Но, несомненно, речь шла именно об этом, ибо пламенное Присутствие не было мне неведомо, хотя каким-то таинственным образом я забывал о нем до этого момента. И радость воссоединения наполнила мой дух неописуемым удовольствием.

Не знаю, как долго длился тот первый экстаз, но я отчетливо помню знание, которое "осталось" в моем сознании в виде осадочного слоя по окончании опыта. Я говорю "знание", потому что, когда я телепатически соединился с таинственным Голосом, я получил доступ к потоку Мудрости - я не мог назвать его иначе, - который, проникая в Дух, растворял все сомнения, делал бесполезными все вопросы, объединял и синтезировал противоположности. Это произошло потому, что Голос - истинный Логос, чья субстанция состояла из Огня и Слова, - передал Свое Слово одним лишь фактом контакта с ним.

И что же сказал Голос по этому случаю? Было бы неуклюжим притворством пытаться описать словами такой трансцендентный опыт, но я рискну и кратко и несовершенно изложу основные части послания:

Я - существо Древней Расы, пришедшее на Землю вместе с Люцифером миллионы лет назад. Меня называли Ангелом, но это двусмысленное название. Я был одним из Великих Гиперборейских Гидов, и в этом качестве вы знали меня в далеком прошлом, которое, однако, всегда присутствует в Тайне Чистой Крови. По моему гиперборейскому имени вы должны называть меня: Киев; ибо так я буду вновь "известен" человечеству в конце Темного Века или Кали-Юги. Ты связан со мной, как и бесчисленные другие Духи, скованные Символом Истока, узами, связывающими Сотворенное с Несотворенным: ты, как и любой из них, можешь достичь меня и Истока Расы Духов, разгадав Тайну Лабиринта, преодолев Иллюзию Сотворенных Форм, пройдя Путь Чистой Крови, как ты это сделал сейчас, не понимая этого. Там, в Истоке, есть и другие Существа, подобные Мне, принадлежащие к Расе Духа, которых вы также называли Ангелами. Но на самом деле все мы исходим с Венеры, **от Врат Венеры.**

-Теперь, когда вы знаете, как вернуться к Истоку, следуя Пути Чистой Крови, вы можете общаться со мной в любое время, **но вы не должны делать этого** до тех пор, пока не постигнете Тайну Лабиринта и не

овладеете Пространством и Временем. Иначе мое присутствие будет действовать как наркотик.

которые заглушат ваше зарождающееся духовное сознание. Вы - жертва Великого обмана. Вы думаете, что вы есть, но вряд ли вы существуете вне прихоти Иеговы Сатаны. Пока вы **сознательно** не вернетесь к Истоку, где вы сейчас находитесь, сами того не зная, вы не должны приходить ко мне, ибо можете сбиться с пути. Вы должны сначала стать тем, кем вы уже являетесь, вы должны вернуться к Началу, откуда вы никогда не уходили, вернуть себе Рай, который вы никогда не теряли. Когда вы разгадаете эту тайну, пройдя по пути Лабиринта и добравшись до **выхода**, вы сможете сказать, что я есть. Но не бойтесь, вы не будете брошены, вас будут вести до конца. Следуйте по замкнутым кругам Ордена Туле, но не останавливайтесь ни на одном из них; идите все дальше и дальше, пока не достигнете Предпоследнего Круга; там мы встретимся снова. И наконец, постарайтесь мудро истолковать этот мой совет и наставление: **в планетарном порядке первым будет Фюрер; в индивидуальном порядке первым будет Рудольф Гесс**. Поэтому следуйте за Рудольфом Гессом, вдохновляйтесь Рудольфом Гессом".

Мне удалось разгадать Тайну Голоса, достигнув его скрытого источника, Божественного Киева, но сразу после совершения этого чудесного психического подвига мне было запрещено восстанавливать контакт, что вызвало у меня редкое чувство печали. С уважением отстранившись от созерцания сверкающего сфинкса Киева из-за, как я молчаливо признавал, своего несовершенства, я хотел лишь преодолеть препятствия, отделявшие меня от Предпоследнего Круга Тулегезальшафта, где мне было бы позволено восстановить телепатическую связь с Истоком.

Обо всем этом я думал, пока поезд мчал меня в Померанию, сожалея, что не нашел Рудольфа Гесса в Берлине, чтобы рассказать ему о случившемся и посоветоваться о Божественном Гиперборейском Киеве.

Глава XVI

Дядя Курт, то, что ты мне рассказал, просто чудесно! Ты один, внутренне, то есть без чьей-либо помощи, достиг одного из Богов-Освободителей! - воскликнул я, пораженный сходством его опыта с моим восприятием того бесконечного мгновения, в ночь землетрясения, когда я созерцал божественный образ Девы Агарты.

-А скажите, дядя, - добавил я, не обращая внимания на протестующие жесты дяди Курта, который хотел продолжить свой рассказ линейно, - вам удалось сохранить способность общаться с капитаном Киевом, я имею в виду, удалось ли вам услышать его позже, слышите ли вы его и сегодня?

-Да, Неффе, - смиренно сказал он. Хотя прошло несколько лет, прежде чем я осмелился обратиться к Нему напрямую, Его голос вел меня по всему пути и спас мне жизнь некоторое время спустя в Азии, как вы увидите, если позволите мне продолжить рассказ. Но я предвижу утвердительный ответ на ваш последний вопрос: я по-прежнему слышу Его, Он по-прежнему ведет меня. Он повелел мне приехать в Санта-Марию и остаться здесь. И хотя я выполнил Его повеление, я сделал это не по своей воле, и все эти годы, эти тридцать три года, я провел в открытом восстании против Неизвестного

Начальника. Да, Неффе: Он говорил со мной много раз, и Он все еще говорит со мной, как говорил до твоего прихода, когда жужжали пчелы, вибрировали

звук Дордже друидов и предупредил меня, что на меня нападут; но я не отвечал на Его послания. Я никогда не делал этого с 1945 года.

-Почему, дядя Курт, как ты можешь молчать, как ты можешь оставаться равнодушным к Голосу Богов? -Я не понимал его позиции и дал ему это понять почти криком. Друиды, Белое Братство, целая Иерархия инфернальных существ - как можно пренебречь единственно возможной помощью, помощью Богов-Освободителей? О мой бог, как трудно мне было тогда понять дядю Курта.

-Я знаю, что ты не можешь понять меня, Артур. Но ты должен был бы поставить себя на мое место, оказаться на моем месте в 1945 году, наблюдая, как Германия уничтожается союзной Синархией и как мудрейшие люди, Инициаты Черного Ордена, бесследно исчезают в антарктических оазисах или через Расширенные Врата. И пока они уходили, до Последней Битвы или кто знает когда, мне было приказано остаться в Аду, одному, чтобы выполнить миссию, о которой я ничего не знал и в которую не верил. Да, Нефф, можешь называть это отсутствием веры или как угодно, но я не верил, что мое пребывание здесь действительно важно: я чувствовал себя брошенным, преданным Богами, предоставленным самому себе. Что я мог сделать перед лицом торжествующего Великого Заговора? И все же я ошибался. Теперь я знаю и надеюсь, что еще не поздно исправить свое глупое положение. Письмо Белисены Вильки показало мне невиданную сторону Истории, сторону, которая наполняет мою жизнь окончательным смыслом. Потому что, конечно, все, что мне остается, - это умереть с честью, чтобы смыть пятно этих лет благородного бездействия.

Дядя Курт бесполезно мучился, и снова я стал причиной его страданий. Я проклинал себя за то, что попросил и хотел, чтобы земля поглотила меня прямо здесь. И его субъективную самокритику было не остановить.

ЯАртур! Инициат Черного Ордена! -в отчаянии произнес он. ### я держал себя в удобном положении; скрытый все эти годы, но в безопасности, в удобной безопасности: будь я проклят и все офицеры, которые действовали так же! Мы должны были сражаться, формировать молодую совесть, открывать Гиперборейскую Мудрость! Но мы предпочли молчать, проявлять трусость, притворяясь благородными: Представь себе, Артуро: если я не мог ответить даже богам, то тем более не х о т е л никого просвещать! И знаешь почему? Потому что в глубине души мы не верили ни в новые поколения, ни в триумф фюрера, ни в Последнюю Битву! Возможно, и я говорю только "возможно", нас можно отчасти оправдать, потому что в наше убеждение наверняка вмешалась рука Врага, Сила Иллюзии Белого Братства. Мы были неверующими и эгоистичными, и нам не следует ожидать прощения о т Богов, ибо они не судьи. По правде говоря, мы связаны сами с собой, с нашей честью.....

До сегодняшнего дня, Неффе, я жил, принимая роль жертвы, утверждая с Я был убежден, что против Синархии ничего нельзя сделать, кроме как ждать Последней Битвы, Конца Света, Апокалипсиса, Божественного вмешательства. И это я говорил с иронией, не веря, что Парусия произойдет, что я когда-нибудь ее увижу. И в своем пренебрежении, и в безразличии многих других, кто, возможно, поступает так же, как я, мы обрекаем на невежество тех, кто, несомненно, должен участвовать в Сущностной войне, в последней битве Сущностной войны. О, Боги, как мы были глупы! Я не

понимал до сегодняшнего дня, пока вы не пришли и не рассказали мне о своей предопределенной жизни, пока вы не рассказали мне о годах поиска, о годах поиска, о годах поиска.

Ты показал мне невозможность найти Истину где бы то ни было: каким слепым путем ты мог бы спастись, если бы знал меня раньше! Я, Оскар или любой из нас, кто знал Истину! О, Артур, что мы наделали! Мы спасли свои жалкие жизни, но ценой потери чести, бросив молодых людей на произвол судьбы, позволив им быть развращенными и уничтоженными Врагом?

-Но дядя Курт, - сказал я, пытаюсь успокоить его, - вы получили приказ от капитана Киева: вы должны были оставаться в тайне по стратегическим причинам, возможно, ожидая письма Белисены Вильки. **##**Возможно, другие поступили эгоистично, как вы говорите, но я нахожу вашу историю, мою и Белисены Вильки очень значимыми. Я вижу, что все очень синхронизировано, очень совпадает, и мне кажется, что Боги все рассчитали заранее. Так что не стоит зря горевать: все образуется, ваши тридцать три года в Санта-Марии обретут смысл, если мы выполним просьбу Белисены Вильки и найдем ее сына и Мудрый Меч, если покажем ее письмо Нимроду из Росарио и вступим в его Орден Мудрых Строителей.

-Возможно, вы правы. **##**Но мне доказали, что я ошибаюсь, и ничто не помешает мне вернуть долг чести, который я должен тем, кто пришел после меня. Долг - это ты, Артур, я знаю это! И ради этого я готов умереть, если придется; умереть с честью, как умирает офицер. Да, Артур, считай это клятвой: я буду защищать тебя от друидов, я предоставлю в твое распоряжение все способности и силы, которые я развил в Черном Ордене, и я умру за тебя, если потребуются, чтобы ты смог выполнить миссию, которую возложила на тебя Белисена Вилька!

Бесполезно было пытаться убедить дядю Курта, что ситуация не так уж серьезна, что никто не умрет. Мне удалось лишь убедить его в своей наивности. Во всяком случае, одно было ясно: он невероятным образом обладал способностью телепатически общаться с капитаном Киевом, одним из Повелителей Венеры, о которых Белисена Вилька неоднократно упоминала в своем письме.

Глава XVII

Я пообещал себе больше не перебивать дядю Курта. Его рассказ продолжался

Таким образом:

-Согласно подписанным и запечатанным документам, содержащимся в конверте

####³⁰Выпускник NAPOLA уже был членом Schutzstaffeln (Гвардейского корпуса или) и отправлялся на обучение в **Ордensburg Кроссингзе** в звании **оберштурмфюрера**. **###** ³¹Обычно в офицерскую карьеру поступали в звании **унтерштурмфюрера**, но выпускники **NAPOLA**, благодаря своей предыдущей военной подготовке, поступали с дополнительным званием. **##** По этой причине я поступил как **оберштурмфюрер** легендарной **1-й танковой дивизии "Лейбштандарте Адольф Гитлер"** и потому, что **Остенфюрер** Отборочного корпуса востоковедения **NAPOLA** имел свое естественное место в **Лейбштандарте**.

³⁰ // **Оберштурмфюрер**: звание лейтенанта //
³¹ // **Унтерштурмфюрер**: звание прапорщика в . //

¶¶Офицеры получали образование в специально подготовленных центрах в разных частях Германии. Это были **Орденсбург** - замки-монастыри, окруженные лесами и парками, самодостаточные в том, что касается образовательных целей, для которых они были предназначены. Три Орденсбурга зависели от **N.S.D.A.P.**, а один, замок **Вервельсбург**, принадлежал исключительно ¶¶**Ваффен** .

Кроссинзее в Восточной Пруссии отвечал за физическую и умственную подготовку, а также за дополнение к чисто военному обучению. ¶¶**Фогельзанг** в Рейнской области давал политические и мистические знания, и, наконец, **Зонтхофен** в Баварии отвечал за повышение квалификации офицеров в области политики, дипломатии или военного искусства. Эти три колледжа, **Кроссинзее**, **Фогельзанг** и **Зонтхофен**, посещались в таком порядке, и в каждом из них можно было провести один или несколько лет в зависимости от конкретной карьеры. ¶¶Но в **Вервельсбурге** училась только элита, необычайно избранная, которая стремилась получить посвящение в самые оккультные знания Черного ордена, Великим магистром которого был **рейхсфюрер** Генрих Гиммлер.

В моем конкретном случае Рудольф Гесс отдал приказ ускорить мое пребывание в **Кроссинзее** и **Фогельзанге**, поэтому я пробыл всего три месяца в первом и три месяца во втором городе. ³²В **Зонтхофене** я провел шесть месяцев, а затем три месяца в **Бернау**, под Берлином, в секретном центре **S.D.**, где обучали методам контршпионажа. ¶¶³³В общем, пятнадцать долгих и тяжелых месяцев учебы, кульминацией которой стал конец 1938 года, когда в звании **гауптштурмфюрера** я наконец покинул официальные аудитории и библиотеки в качестве студента.

С момента моего приезда в Германию в 1933 году прошло шесть лет, в течение которых я получил элитное образование, настолько конкретное и продуманное для того, что от меня требовалось, что трудно представить, как его можно было бы улучшить.

В то время, - продолжал дядя Курт, - Германия и ее союзники собирались вступить в тотальную войну против Держав Материи, войну более страшную, чем та, что описана в "Махабарате", и, поскольку время шло, у меня появилась возможность действовать на благо своей страны и всего человечества. И действительно, неффе: еще до начала конфликта я получил свое первое задание, настолько странное, что его трудно было бы отнести к военным операциям, особенно в наши дни, когда "профессиональные" армии - это хорошо отлаженные машины, а солдаты - просто роботы. ¶¶Но Ваффен была не чисто военной организацией, а внешним выражением Черного ордена, ордена гиперборейских посвященных: поэтому наряду с классическими военными операциями существовали миссии явно эзотерического характера. ¶¶Одной из них была операция "Альтвестен", предпринятая в 1937 году профессором Шеффером, финансируемая и направляемая . Как и предполагал Рудольф Гесс, моя судьба была связана с этой экспедицией в Тибет, и никто, даже предатель Шеффер, не мог помешать мне принять в ней участие. Однако в 1937 году группа уже уехала, и только через год я присоединился к ней в Тибете.

Предыдущие обстоятельства были не менее странными, но я расскажу вам о них.

После ужина, - удивленно сказал дядя Курт. Он посмотрел на часы и в

изумлении приложил руку ко лбу. Я невнимателен! Пять часов назад

³² *Sicherheitsdienst*: Служба безопасности.

³³ *Группенштурмфюрер*: звание капитана

что я держу вас у себя, не задумываясь о том, что вы впервые за две недели покинули свою постель. Вы действительно здоровы? Скажите мне правду, потому что, возможно, вам лучше лечь в постель, а я распряжусь, чтобы вам принесли ужин.

-Я очень хорошо себя чувствую, дядя Курт, - сказал я, - и если хотите знать правду, то я сейчас чувствую себя голодным. Так что пойдете ужинать!

Дядя Курт радостно смеялся, пока мы шли в столовую. Через час мы снова сидели в креслах после легкого холодного ужина из нарезки и салатов, во время которого разговаривали на разные темы, совершенно не связанные с прерванным повествованием.

Наконец, пока мы пили кофе, дядя Курт решил продолжить историю.

Прекрасный летний вечер, - сказал он. Ясное небо, приятная температура, тишина и ароматы сельской местности - предлагаю посидеть под ивами неффе! Вы будете наслаждаться прохладой вечера, пока мы продолжаем рассказ.

О нет, - ответила я. Нам лучше вернуться в гостиную. Там нам будет удобнее.

Мне было жаль портить энтузиазм дяди Курта, но у меня не было никакого желания встречаться с дого. Я знал, что рано или поздно мне придется это сделать, но я постараюсь сделать это днем. Опять дого ночью? От этой мысли меня охватило беспокойство, но дядя Курт, видимо, не заметил этого, потому что, пока я п л е ч а м и , вышел в гостиную, а за ним и я.

Через три-четыре недели после прибытия в Кроссингее я вернулся в Берлин, - продолжал дядя Курт, - чтобы взять интервью у Конрада Тарштейна, моего связного в "Тулегезальшафт".

Грегорштрассе 239 соответствовал старинному двухэтажному особняку, которому, должно быть, уже более двух веков, а его единственный обитатель, Конрад Тарштайн, оказался типичным берлинцем, лысым, невысоким, с толстым животом, который идеально соответствовал дряхлости этого места.

Скорее всего, такое место и предмет, подумал я, предназначены либо для того, чтобы ввести в заблуждение потенциальных шпионов, либо для того, чтобы разочаровать неугомонных соискателей. Второе я испытал на себе, когда постучал по затхлому кольцу, повернувшемуся внутри бронзовой манжеты, сомнительно закрепленной на шаткой двери.

-Да? спросил пронзительный голос откуда-то из неопределенного места.

-Я Курт фон Зюберманн, - сказал я, повернувшись к крошечному глазку, который я наконец обнаружил в одной из дверных панелей, откуда за мной нетерпеливо наблюдала пара маленьких, неуловимых глаз. -Герр Рудольф Гесс прислал мне.....

Дверь открылась, и появилась маленькая приземистая фигурка, вежливо протянувшая руку в знак приветствия.

-Я Конрад Тарштейн, - сказал он. Входите, я вас ждал.

Интерьер ничуть не улучшил первоначального впечатления. Обставленный с явным дурным вкусом, в небрежном смещении форм и

стилей, дом за несколько минут отбил бы у любого желание верить, что здесь происходит или может происходить что-то важное. И все же я возлагал большие надежды на Thulegesellschaft, где, по словам Рудольфа Гесса, я найду ответы на все свои вопросы.

Сидя в нелепом кресле эпохи Людовика XV, которое, казалось, не должно было там находиться, перед нормандским столом и несколькими монашескими стульями, я с удивлением наблюдал, как Конрад Тарштейн готовится заполнить анкету. Это было самое далекое от духовной деятельности, что я мог себе представить, и поэтому я не решался указать свои личные данные, что Тарштейн неверно истолковал как результат страха.

Не бойтесь, - сказал Тарштейн, - книги Ордена так и не удалось найти. Могу заверить вас, герр фон Зюберманн, что никогда не было крупных утечек информации о Культе или о личности наших членов. У нас были случаи дезертирства и мелких предательств, но всегда на поверхностных уровнях Ордена и людьми, не обладавшими точными знаниями о внутренней организации.

-Много ли у вас претендентов, мистер Тарштейн? -спросил я.

Конрад Тарштейн поднял глаза от папки и несколько долгих минут с любопытством наблюдал за мной. Наконец, словно осознав какое-то упущение или недосмотр, он приложил руку ко лбу, и его лицо озарила улыбка.

-Скупость Рудольфа Гесса! -сказал он, словно размышляя вслух. Его вечное, робкое смирение. Я должен был предположить, что вы не знаете о том, что этот допрос не входит в обычную практику "Тулегезальшафт". Скажите, Курт фон Зюберманн, какую информацию вы получили от Рудольфа Гесса, которая привела вас сюда?

///Я ответил ему на все, что знал о "Тулегезальшафт": о том, что сказал Рудольф Гесс во время нашей беседы в канцелярии в ночь выпуска, и о ссылке на "связного" в Берлине, Конрада Тарштейна, изложенной в его письме, которое пришло ко мне через **оберфюрера** Паппа.

Пока я говорил, я думал, не в о з н и к л о ли неожиданное недоразумение из-за какой-то ошибки, допущенной мною при толковании инструкций, но, поразмыслив, не смог найти причин, по которым Тарштейн мог бы удивиться моему вопросу о приеме других претендентов в Тулегезельшафт. Но сколько я ни думал об этом, я не мог найти причин, по которым Тарштейн мог бы удивиться моему вопросу о приеме других кандидатов в члены "Тулегезальшафт". Или никто из других кандидатов никогда не приходил на Регорштрассе 239? Через несколько минут Конрад Тарштейн окончательно подтвердил мне это. Он кивнул лысой головой в знак одобрения всего сказанного и, положив папку в кожаный портфель, пригласил меня во внутреннюю комнату огромного дома.

Комната, в которой мы находились, была соединена с уличной дверью коридором из небольшого холла. Справа находилась лестница из тонкого полированного дерева с коврами, которая, повернув на девяносто градусов, вела на верхний этаж и продолжалась у перил, которые тянулись вбок по коридору, прекрасно видному снизу. В передней части зала находились две двери с большими резными деревянными рамами. Воспользовавшись дверью справа, мы вместе с Тарштейном вошли в открытый двор, окруженный галереями с небольшими колоннами под нормандскими арками, в каждой из которых открывались две двери. Следуя по галерее слева, мы прошли одну сторону выложенного плиткой двора и прошли через поперечный дверной проем, который вел в другой двор, огороженный стеклянным колоколом, а галерея простиралась вдоль этого двора и упиралась в заднюю стену.

Прежде чем попасть туда, мы вошли в последнюю из бесчисленных дверей, ведущих в галереи-трансформеры. Место, куда мы попали после такого лабиринтного путешествия, действительно удивило. Когда мы закрыли дверь, ведущую в галерею, нам показалось, что мы вошли в современную квартиру, которая больше подходит для небоскреба на Бернаверштрассе, чем для сердца декадентского особняка XVIII века.

-Вы удивлены, господин Курт? -спросил Конрад Тарштейн, улыбаясь. Я переделал одно из крыльев этого старого дома, чтобы жить с некоторым комфортом. Ничего вычурного, довольно просто, но удобно для тех, кто уже прошел долгий путь до конца.

...Видите, Курт, это кухня, современная и хорошо оборудованная; это столовая и гостиная. Сюда, пожалуйста. Видите, это спальни, их две, потому что я обычно принимаю пару старых друзей в качестве гостей. Идите сюда, Курт; видите, это главная комната, где я провожу большую часть дня и ночи.

Перед нами была большая комната, все четыре стены которой были заставлены книжными полками. В центре, под квадратной, регулируемой по высоте лампой, свисающей с потолка, стоял стол, заваленный книгами - открытыми, сложенными в стопки, и различными рукописями, - что давало представление о рабочем или учебном месте Конрада Тарштейна.

Несколько ошеломленный необычным зрелищем, которое я наблюдал, и сдерживая себя от того, чтобы немедленно рассмотреть корешки книг, которые, очевидно, были очень старыми, я сдержал свое волнение и спросил:

-Почему здесь? Зачем строить дом внутри другого дома? Не целесообразнее ли купить другой, более комфортабельный дом в более уважаемом районе?

Спокойствие, спокойствие, Курт, - сказал Тарштейн, - это сделано по важной причине: мы не можем отказаться от этого дорогого для нас имущества. На ней происходили очень важные для Германии и человечества события. Поэтому, несмотря на то, что его мало кто посещает, мы сохраняем его в целостности и сохранности, не меняя ничего из его старинной и обескураживающей обстановки. Тридцать лет назад, в 1908 году, здесь действовала тайная группа, члены которой в 1912 году основали организацию Germanenorden, ставшую впоследствии Thulegesellschaft и **N.S.D.A.P.** Теперь вы понимаете, почему мы должны сохранить этот дом?

-Потому что именно здесь все началось, - с восхищением сказал я.

-Здесь, только здесь, Неизвестные Высшие пришли однажды, чтобы запечатать фундамент Третьего рейха! Прежде чем Берлин рухнет от своего фундамента, в этом священном доме не будет тронута ни одна булавка.

Когда Конрад Тарштейн говорил таким образом, его пронзительный голос обретал пророческие нотки и становился магнетическим и притягательным, заставляя порой забыть о причудливой внешности оратора.

-Давайте выпьем по чашке чая, - предложил Тарштейн, - и я навяжу вам несколько вещей, которые вы должны знать о "Тулегезальшафт" и о договоренности, которую мы заключили с Рудольфом Гессом о его приеме.

Я сопровождал его, с сожалением покидая эту восхитительную библиотеку и направляясь на новую кухню. Мы вышли из библиотеки через другую дверь, смежную с той, в которую вошли, и вернулись в галерею и во внутренний двор. Я понял,

Таким образом, дом Конрада Тарштейна занимал все крыло старого особняка, напротив первого этажа.

-Сколько комнат в доме? -спросил я, подслащивая ароматный шанхайский чай.

-Считая оба этажа, около... тридцати или тридцати двух комнат, - загадочно ответил он. Кто бы мог знать?

Он долго смотрел на меня, как бы раздумывая, остановиться ли на этом или закончить ответ. Наконец что-то в нем словно расслабилось, и он выбрал второй вариант.

-Послушай, Курт, я не знаю, готов ли ты принять некоторые факты, которые находятся за пределами понимания обычного человека. Однако, поскольку мы намерены сделать из тебя Гиперборейского Инициата, рано или поздно такие факты перестанут тебя удивлять: в о п р о с времени, когда ты их поймешь. Итак, я сообщу вам информацию, которая для любого рационального ума была бы логически невероятной, но не для нас, ибо она соответствует самой строгой истине, прекрасно проверяемой каждым Инициатом: **в этом доме сегодня может быть 32 комнаты, но завтра, возможно, их будет 35, 40 или больше; а может, и меньше, 20, 25, 30, кто может сказать?**

Естественно, это откровение вызвало у меня непонимание, которое предвидел Тарштейн. Не забывайте, что мне было всего 19 лет, и я еще не оправился от вновь обретенной способности слышать Голос Киева, Владыки Венеры. Однако я не был ошеломлен и воспринял его слова спокойно. Конрад Тарштейн продолжал, явно удовлетворенный нулевым эффектом своих данных.

-Это не обычный дом, Курт. Нет, сэр, вы находитесь на территории, которую мы называем **освобожденной площадью, orpidum**, то есть **отвоеванным** у врага пространством. Хотя вы видите только стены, окружающие застроенную площадь, они скрывают лишь **стратегическую ограду**, называемую **Архемоной** или **Валло Обсессо**, которая отделяет и изолирует площадь от **Вальплады**, или вражеской территории, то есть **Кампуса Белли**. Ты не можешь воспринять Архемону, потому что ты еще не Инициирован, и твоя Душа блокирует твое духовное зрение: только твой Несозданный Дух способен уловить **харизматическую изгородь** Архемоны. Но ты увидишь, Курт, ты увидишь, и тогда ты поймешь, что то, что кажется невозможным, реально, и что дом **не геометрически устойчив**, потому что в его структуре не участвуют исключительно сотворенные архетипы, как в каждом доме, но что в него вмешивается несотворенный элемент, **Актуальное Бесконечное!**

После этого заявления Тарштейн вздохнул и сказал:

-Здесь, Курт, время идет по-другому, не синхронизируясь с внешним временем, временем мира. Вот почему в этом освобожденном пространстве квадрата и с этим собственным временем конструкция **не может быть стабильной**, и ее сектора не только меняются, но и синхронизируются со **Временем внутри: века и тысячелетия расстояний можно преодолеть, пройдя через одни из этих ворот**. Через одно из таких отверстий во времени и пространстве когда-то пришли мои предки, Владыки Тарсиса из германской ветви, принадлежавшие к средневековому ордену, исторически известному как **Эйнхерьяр**: в вы должны знать, что моя фамилия

Тарштейн означает "**камень Тарсиса**", в память о легендарном Доме, который ведет свое расовое происхождение от белых атлантов, белых выживших в Атлантиде. Я знаю, что это покажется вам фантастикой, но я происхожу от Расы, которая веками оставалась скрытой из-за

Это постоянное преследование, смертельное преследование, которому она подвергалась со стороны Сил Материи, то есть Окультистской Иерархии, возглавляемой теньвыми внеземными существами, базирующимися в Чанг Шамбале.

Позвольте мне пояснить: моя семья, германская ветвь Лордов Тарсиса, была родом из Швабии, где они с величайшей тайной поселились в XIII веке, спасаясь от легендарного нападения демонов, едва не истребившего весь наш Стир. Там они оставались в течение четырех столетий, сохраняя гиперборейскую мудрость, которая в древности была доверена нашему Дому. В XVI веке гиперборейский понтифик из Англии основал при дворе императора Рудольфа II в Праге Орден эйнхериев, целью которого было разработать и применить в каждый момент истории точный метод определения местонахождения прихода Владыки Абсолютной Воли, посланника Владыки Войны, то есть фюрера Белой Расы. В то время Понтифик решил, что наилучшая стратегия для поддержания и выносливости Ордена требует, чтобы его члены всегда принадлежали к восьми родам, выбранным из числа самых чистокровных стилей Европы. Так случилось, что один из принцев, вызванных понтификом, принадлежал к моей семье, а другой происходил из дома Бранденбургов, побочного рода Гогенцоллернов. В последующие столетия Орден работал тайно, обучая гиперборейских Инициатов и ожидая времени прихода Великого Вождя Белой Расы. Важнейшей базой его деятельности было **маркграфство** Бранденбург, которое с XII века являлось наследственным княжеством, передаваемым императору. Присутствие ордена не могло не отразиться на последующем возвышении Бранденбургского дома над другими княжествами Европы, пока Фридрих Вильгельм III не стал королем в 1791 году. Так родилась Пруссия, государство, где национальным принципом была честь, где семья организована вокруг авторитетной и образцовой фигуры отца, где порядок царил во всех социальных слоях, дворянстве, буржуазии и крестьянстве, поскольку был основан на глубоко укоренившихся понятиях долга, бережливости, беспрекословного повиновения подчиненных, полного подчинения чиновников и самой жесткой военной дисциплины.

Но прежде всего, Пруссия с самого начала была военным государством: два

Треть бюджета страны уходила на содержание могучей национальной армии, которая наносила поражения Франции, Австрии, России и т. д. и вызывала уважение и восхищение суровым и величественным прусским "образом жизни". Наряду с военным искусством здесь культивировались философия, литература и музыка. Но все эти революции не были случайными: Орден репетировал в обществе чистокровных новый порядок, который фюрер в свое следующее пришествие установит во всей Германии и во всем мире. Именно поэтому фюрер никогда не скрывал своего долга перед Пруссией и открыто заявлял о своей симпатии к Фридриху II Прусскому и Бисмарку, железному канцлеру.

Что ж, Курт: древний Орден Эйнхериев был настолько силен в XIX веке, что один из его Инициатов был коронован королем Пруссии в 1840 году. Я имею в виду Фридриха Вильгельма IV, которого вежливо называли "Дамианом Бранденбургским" за его любовь к красноречию и в память о знаменитом риторе из Эфеса. Именно этот король приказал перестроить Мариенбург, замок, служивший в средние века резиденцией великих магистров Тевтонского

ордена; эти реставрационные работы, как вы знаете, ведутся в настоящее время

И специальное подразделение по прямому приказу *рейхсфюрера* Гимmlера. И именно этот король, посчитав, что старая опасность миновала и демоны больше не могут помешать Новому Порядку навязать себя миру, санкционировал создание фамилии *Тарштайн* или *Тарштайн*, сокращение от *Тарсисштайн*, сопровождаемой дворянским титулом графа и правом выставлять фамильный герб в замке Дома. И замок Тарштайн находится совсем недалеко отсюда, Курт, примерно в 100 км от Берлина, но я не посещал его уже много лет, так как полностью посвятил себя работе на Тулегезальштафт и Черный орден.

Пойдем, Курт, я покажу тебе кое-что очень секретное, связанное с этим предметом.

Затем он провел меня по внешнему коридору в соседнюю комнату, герметично закрытую на двойной замок. Как только я вошел внутрь, моему взору открылась еще одна богатая библиотека: на двух стенах, должно быть, было разложено около четырех тысяч книг, многие из которых явно древние; у другой стены стояла книжная полка, заваленная документами и свитками.

Все эти материалы объединяет одно: они касаются "друидов" и "друидизма", - пояснил он. Некоторые из этих документов очень секретны и достались дорогой ценой: они собраны со всей Европы и относятся ко всем эпохам, вплоть до наших дней. Это, безусловно, самая полная коллекция, которую когда-либо собирали о друидах.

-Но, - удивленно воскликнул я, - разве друиды не были историческими личностями, давно ушедшими в прошлое? Вы говорите так, как будто они все еще существуют!

-Недавно я упоминал вам о том, что моя семья, Дом Тарсис, была вынуждена бежать семь веков назад из-за "нападения демонов"; так вот, этими "демонами" были друиды, или "голены", как называли их мои предки. И с тех пор, насколько я знаю, их сила не уменьшилась. Напротив, сегодня она, пожалуй, сильнее, чем когда-либо прежде. Но имейте в виду, Курт: если стратегия фюрера увенчается успехом и однажды Третий рейх воцарится над человечеством, одну из наших великих эзотерических битв придется вести против Голенов, которые в Европе являются опорой Синархии.

-Но кто они? Где они? - изумленно спросил я.

-В средние века центром их действия была католическая церковь, - задумчиво ответил он, - где, судя по всему, с ними ожесточенно боролись члены моей семьи. После XIV века, а точнее, после уничтожения вдохновленного ими Ордена Храма, они распростились и укрепились в различных слоях европейского общества. Сегодня едва ли найдется организация, в которую не проникли бы Голены.

Я знаю, что этот ответ мало что проясняет для вас. Но позже я опишу вам сложную структуру Синархии, и тогда вы сможете понять функционально ту роль, которую они играют сегодня, и сможете легко их идентифицировать. Если я сейчас показал вам эту библиотеку и упомянул Голен, то не для того, чтобы ответить на ваше естественное любопытство, а для того, чтобы сделать вам серьезное предупреждение. Слышали ли вы об *охоте на виды*?

-Ну, думаю, да, ведь это тот случай, когда каждый охотник должен стрелять в определенный вид, как в дичь, где один охотник должен подстрелить, например, зайца, другой - кролика, третий - фазана, четвертый - индейку и т.д.?

-Вот именно, Курт, - подтвердил Тарштейн. Тогда послушай и вбей себе в голову: по аналогии с охотой на виды, **среди охотников Синархии друидам поручено собирать дичь своего вида.**

Я уставился на него, не понимая или не желая понимать. Он повторил:

-...своего рода, Курт фон Зюберманн.

Я не мог сказать, что поразило меня больше: история, рассказанная Тарштейном, которая, несомненно, была правдой, или осознание того, что передо мной граф, дворянин из очень древнего рода: по его гражданской внешности, по его скромным и рыцарским манерам, по его сомнительной одежде я вряд ли бы заподозрил это. Я тоже унаследовал дворянский титул; однако что-то внутри, необъяснимая интуиция, подсказывало мне, что его кровь чище, что его род древнее, что его благородство выше моего. На его предупреждение об опасности друидов я, разумеется, не обратил внимания.

Перед тем как уйти, он взял со стеллажа для документов несколько отпечатанных на машинке листов бумаги и протянул их мне. Это, - сказал он, - расшифровка статьи "**Друидизм**" из Британской энциклопедии: прочтите, это освежит вашу память. Он закрыл друидическую библиотеку, и мы вернулись на кухню.

Он потягивал очередную чашку чая, все еще сбитый с толку откровениями Тарштейна, когда Тарштейн, ушедший на минуту раньше, вернулся.

Я отправился в свой кабинет, чтобы поискать эту рукопись, - и он показал мне книгу, искусно переплетенную и написанную от руки изысканным готическим шрифтом. Ее название - "Тайная история Тулегезальшафта". Я написал ее, используя знания, которые являются совершенно секретными и лишь частично известны нескольким Инициатам в Германии. Вы сможете прочитать ее позже, но не должны выносить из этого дома, так как это единственная существующая копия, а содержащиеся в ней секреты могут изменить политическую организацию планеты, если попадут в руки врага. В ней объясняется, например, как Инициаты Ордена Эйнхердхар определили, что Адольф Гитлер - фюрер Белой расы, и как они привели его к власти; а также какие промежуточные Ордена им пришлось основать, такие как Germanenorden и Thulegesellschaft, пока они не пришли к Ордену, обладающему Гиперборейской Мудростью в Высшей Степени, то есть к Черному Ордену. ¶

Можете себе представить, с каким нетерпением я разглядывал эту рукопись, желая получить возможность прочесть ее там и тогда. В устах Тарштейна слова звучали загадочно, и это впечатление усиливалось нереальностью места, где можно было пересечь века, просто пройдя несколько метров по коридору.

-Ваш тауфпат Гесс, - продолжал Тарштейн, меняя тему разговора, - я знаю его с тех пор, как он появился в Мюнхене в 1919 году. Он был молодым студентом, изучающим геополитику, когда в том году вступил в Тулегезальшафт. Но **мы узнали** в нем одного из великих духов Германии, **оруженосца короля Артура. Парсифаля**, чьей миссией на этот раз стали бы не поиски генерала, а **самопожертвование** ради того, чтобы занять **опасное**

место во время **кризиса королевства**, то тринадцатое место за круглым столом, которое может занять только **чистый безумец**, рыцарь, способный совершить **безумие любви** ради спасения королевства.

Именно поэтому Рудольф всегда был рядом с фюрером, ожидая своего часа, как верный рыцарь.

И мы все должны надеяться, что его шанс никогда не представится, ведь когда Парсифаль отправится на задание, это будет означать, что король Артур ранен, а Королевство - **terra gasta**.

Я кивнул в ответ на вопросительный взгляд Тарштейна, но этот немой ответ не произвел на него ни малейшего впечатления.

-Вы не совсем понимаете, о чем я говорю, не так ли? Наверное, так и есть:

Кто сможет понять чистого безумца; его миссия - не земная; победу, если она восторжествует, можно будет праздновать только на других небесах. Немногие, да, будут рукоплескать безымянному герою в лице Рудольфа Гесса. И все же триумф фюрера во многом зависит от него.

Какое значение эти слова, сказанные мне Тарштейном в тот первый визит на Грегорштрассе, 239, приобретут четыре года спустя, когда в 1941 году Рудольф готовился смело противостоять **стихии**! Но в ту субботу 1937 года война и весь грядущий ужас были еще далеко, в будущем, о котором я не мог и подозревать.

С другой стороны, комментарии Тарштейна вызвали у меня определенную гордость, как у крестника напыщенного Рудольфа Гесса, и я с приятным чувством глупо улыбнулся, не вникая в скрытый смысл символизма артуровской легенды.

Я не буду подробно останавливаться на этом первом визите, так как больше мы не общались. Через час, насколько я помню, я ушел оттуда в море сомнений, но с твердым намерением довести дело до конца.

Рудольф Гесс использовал свое влияние, чтобы свести меня с Конрадом Тарштейном, кем бы он ни был, и я не был готов его подвести.

Час спустя, в поезде, я читал статью в "Британской энциклопедии": англичане мало что могли рассказать о друидах.

"Друидизм был верой кельтских жителей Галлии до романизации их страны и кельтского населения Британских островов до романизации Британии, или же в частях, удаленных от римского влияния, до периода введения христианства".

"С точки зрения имеющихся источников, тема представляет собой два заметных поля для исследования, первое из которых - доримское и галло-римское, а второе - дохристианское и раннехристианское ирландское и пиктландское. В соответствии с современными условиями познания трудно оценить взаимосвязь друидического язычества".

"Галлия: первое упоминание о друидах встречается у Диогена Лаэртция (Vitaе, intro., I и 5) и было найдено в утерянной работе греческого автора, Сотииона Александрийского, написанной около 200 года до н.э., когда большая часть Галлии была кельтской уже более века.

200 лет, а греческие колонии занимали южное побережье еще дольше.

"Галльские друиды, о которых позже рассказал Цезарь, представляли собой древний орден религиозных служителей, поскольку во время написания Сотиона они уже имели репутацию философов во внешнем мире. ³⁴В любом случае, рассказ Цезаря является основным источником настоящей информации и представляет собой особенно ценный документ, поскольку друг и советник Цезаря, знатный аудеец Дивитиак, был друидом. В описании друидов Цезарем (Commentarii de bello Gallico, VI) подчеркиваются их судебные и политические функции".

"Хотя они совершали жертвоприношения и преподавали философию своей религии, они были больше, чем священники: на ежегодную ассамблею ордена, которая проходила недалеко от Шарта, люди приезжали из отдаленных мест не для того, чтобы принести жертвы, а чтобы представить свои споры на справедливое разбирательство. Их власть была еще больше: они решали не только мелкие споры, ведь в их функции входило расследование самых серьезных уголовных обвинений, а также споров между племенами".

- Гиммель, - воскликнул я, на мгновение оторвавшись от чтения, - неужели доктрина фюрера так сильно повлияла на меня, что я повсюду вижу евреев? Зачем мне отрицать это! Эти священники-судьи, с их белым эфодом, показали мне левитами чистой еврейской расы. Вы не ошиблись! - подтвердил Голос Киева в моем сознании, - Друиды - евреи! Когда-нибудь ты узнаешь Истину!

Читать дальше:

"Это, а также тот факт, что они признавали архидруида, наделенного верховной властью, показывает нам, что их система была задумана на национальной основе, и что они также обычно были далеки от опасений среди племен; и если к этому политическому преимуществу добавить их влияние на общественное мнение, которое они формировали как главные наставники молодежи, и, наконец, грозную религиозную санкцию, стоящую за их постановлениями, то очевидно, что перед лицом столкновения с Римом друиды должны были полностью контролировать гражданскую администрацию Галлии."

Эта всемогущая власть, как в мире, так и на войне, это посредничество между Небом и Землей, эта способность "обучать народ" во всех его слоях, эта власть законодательствовать и судить, не была ли она аналогична власти Аарона, Иисуса Навина, Самуила, левита, то есть того колена Израиля, которому Иегова доверил миссию **служения при Поклонении Закону**? Вопросы, на которые пока нет ответа; но вопросы, которые дают повод для весьма наводящих интуиций. Таким образом, статья продолжалась:

"О самом друидизме мало что известно, кроме того, что друиды учили о бессмертии человеческой души, о том, что она переходит в другие тела после смерти. Это верование о т о ж д е с т в л я л о с ь более поздними авторами, такими как Диодор Сикул, с доктриной Пифагора, но это, вероятно, неверно, поскольку нет никаких доказательств того, что религиозная система друидов включала в себя понятие о цепи последовательных жизней как форме этического очищения, или что она была сформирована доктриной морального

возмездия, освобождение которого было

³⁴ Дивитиакус - тот самый друид-вивитянин, о котором упоминает профессор Рамирес в третьей книге, глава III.

Душа - последняя надежда, и это, кажется, сводит друидическое вероучение к уровню обычной религиозной спекуляции".

Очень противоречиво, думал я про себя в поезде. Совершенно невероятно, чтобы варварские народы, какими были кельты, миллионами подчинялись религиозному, моральному и судебному руководству ушедших в леса жрецов-судей, которые поддерживали лишь "обычные религиозные умозрения". Друиды должны были продемонстрировать нечто патентованное, нечто превосходящее простые рациональные домыслы, нечто, что для кельтов было Истиной.

"Из "Теологии друидизма" Цезарь сообщает нам, что галлы, согласно друидическому учению, претендовали на происхождение от бога, соответствующего Дису в латинском пантеоне, и, возможно, считали его Высшим Существом; он также говорит нам, что они поклонялись Меркурию, Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минерве, и что в отношении этих божеств они придерживались тех же верований, что и весь остальной мир". Короче говоря, из замечаний Цезаря следует, что, кроме доктрины бессмертия, в вероучении друидов не было ничего, что делало бы их веру необычной, поэтому мы можем сделать вывод, что друидизм исповедовал все известные догмы древней кельтской религии и что боги друидов были многообразными и знакомыми божествами кельтского пантеона".

Здесь английский автор статьи перегнул палку. До этого последнего абзаца он нигде не говорил и не предполагал, что друиды чем-то отличаются от кельтов, за исключением того, что "они образовали официальный орден жрецов". Но теперь, очевидно, он намекнул, что действительно не знает о верованиях друидов и **полагает**, что они такие же, как у древних кельтов. Так кем же были друиды, если они не были кельтами, и почему кельты изменили свою религию после вероятного прихода друидов? Вопросы без ответов. Вопросы для Конрада Тарштейна.

"Философия друидизма, похоже, не выдержала испытания культурным контактом с римскими верованиями и, несомненно, представляла собой смесь астрологии и мифической космогонии. Цицерон (De Divin., i, xli, 90) говорит, что Дивитиакус хвастался тем, что обладает большими познаниями в физиологии, но Плиний в конце концов решил (Естественная история, xxx, 13), что друидические предания были ничем иным, как массой суеверий. Что касается религиозных обрядов, то Плиний (N.H., xvi, 249) впечатляюще описал церемонию сбора омелы, а Диодор Сикул (Hist., v, 31, 2- 5) описывает их гадания с помощью человеческой жертвы. Цезарь уже упоминал, что многие мужчины были сожжены заживо в плетеных клетках. Возможно, эти жертвы были злоумышленниками, а также то, что такие жертвоприношения были случайными массовыми искуплениями, а не обычной практикой друидов".

Ошибаюсь ли я, или энциклопедия с помощью субъективного аргумента пытается выставить убийц-друидов в выгодном свете? Ведь одно дело - быть палачом, неприятным, но общественно необходимым занятием, и совсем другое - жрецом, приносящим в жертву людей: палачи могут быть оправданы человеком, ибо казненный виновен в нарушении закона; убить того, кто нарушает общий закон, вполне объяснимо: но священники убивают, чтобы

умиротворить Бога, представителями которого они являются, и приносят человеческую жертву, которая обычно непонятна; только они представляют ее как необходимую, и только Он один способен ее совершить.

Бог может оправдать их. Тогда я понял, что это большая милость для англичан - представлять преступления таких зловещих священников как естественные акты правосудия.

"Приход римлян быстро привел к упадку друидического ордена. Восстание Верцингеторикса, должно быть, положило конец их организации среди племен, поскольку, хотя некоторые из них держались в стороне от конфликта, многие встали на сторону римлян. Однако позже, в начале христианской эры, их жестокие практики стали причиной прямого конфликта с Римом, который в итоге привел к официальному подавлению друидизма."

И противоречия продолжались. Такой юридический народ, как римляне Как он мог не понять, что ритуальные убийства друидов были актами справедливости, согласно убеждению, высказанному писателем несколькими строками ранее? Или, возможно, писатель, знавший историю, боролся между своим долгом изложить истинные факты и приказом директоров "Энциклопедии" или других лиц с особым влиянием, заставлявшим его превозносить хорошее в друидизме, которого было очень мало, и скрывать плохое, которого было слишком много, или подслащивать невыразимое? Видите ли, Нефф, такова была теория Конрада Тарштейна.

"В конце I века н. э. их статус понизился, пока они не стали простыми волхвами, а во II веке о них больше не упоминают. Поэма Авсония показывает, что в IV веке в Галлии все еще были люди, которые хвастались своим друидическим происхождением"

"Британские острова: в Британии есть только одно упоминание о друидах как современниках галльского духовенства, и это упоминание сделано Тацитом (Анналы, xv, 30), из которого известно, что были предки этого имени в Англси в 61 году до н.э., но нет никаких упоминаний о друидах во всей римской истории Англии, и можно спросить, были ли когда-нибудь друиды в восточных провинциях, которые были подвержены германскому влиянию, до германского влияния, но во всей римской истории Англии нет упоминаний о друидах, и можно спросить, были ли когда-либо друиды в восточных провинциях, подвергшихся германскому влиянию, до римского вторжения"

"С другой стороны, друиды, безусловно, существовали в Ирландии и Шотландии, и нет причин сомневаться, что орден мог восходить, по крайней мере, к первому или второму веку до нашей эры; слово draí (друид) встречается только в ирландских глоссариях восьмого века нашей эры, но в современной ирландской истории существует твердая традиция, что друиды и их наука (druidecht) были аборигенного или пиктского происхождения. Что касается Уэльса, то, кроме друидов на острове Англси, можно сказать лишь то, что самые ранние ваты (Cynfeirdd) очень редко называли себя derwyddon"

"Ирландский друид был весьма примечательной личностью и фигурировал в ранних сагах как пророк, учитель и маг; он, однако, не обладал судебными полномочиями, которые Цезарь приписывал галльским друидам, и не принадлежал к национальному коллегиальному органу с архидруидом во главе"

"Кроме того, ни в одном тексте нет упоминания о том, что ирландские друиды руководили жертвоприношениями, хотя, как говорят, они совершали идолопоклоннические, погребальные и крестильные обряды. Их лучше всего описать как прорицателей, которые в основном были сихофантами (sic) принцев".

"Происхождение: Путаницы можно избежать, если провести дистанцию между происхождением друидов и происхождением друидизма; что касается друидов, то возможно, что их орден был чисто кельтским и возник в Галлии, возможно, в результате контакта с развитым обществом Греции; но друидизм, с другой стороны, вероятно, в самом простом смысле является докельтской и исконной верой Галлии и Британских островов, которая была принята с небольшими изменениями кельтскими эмигрантами. Легко понять, что эта вера может приобрести особое отличие древности в отдаленных районах, таких как Британия, и эта точка зрения объясняет высказанное Цезарем убеждение, что дисциплина друидизма имеет островное происхождение".

*"Этимология слова друид до сих пор остается сомнительной, но старое ортодоксальное мнение, согласно которому *dru* является тонизирующим префиксом, а *vine* - значением знания, должно быть отброшено в пользу более вероятного происхождения от слова дуб. Другая деривация, от Плиния, который производит друидов от греческого (*δρυς*), в любом случае, очень маловероятна".*

"В XVIII и XIX веках произошло большое возрождение интереса к друидам, вызванное в основном археологическими теориями Обри и Стакли, а в более широком смысле - романтизмом. Одним из результатов этого интереса стало изобретение "неодруидизма", причудливой смеси гелиоархической теологии и валлийского бардизма, а другим - то, что не одно общество заявило о себе как о наследнике веры и преданий ранних друидов. Однако Древний орден объединенных друидов, дружеское общество, основанное в XVIII веке, не делает подобных заявлений".¹

¹ Дословная расшифровка статьи в Encyclopaedia Britannica:

ДРУИДИЗМ: вера кельтских жителей Галлии до романизации их страны, а также кельтского населения Британских островов либо до романизации Британии, либо, в частях, удаленных от римского влияния, до периода введения христианства.

С точки зрения доступных источников тема представляет собой два разных поля для исследования: первое - доримская и римская Галлия, второе - дохристианская и раннехристианская Ирландия и Пиктланд. При нынешнем состоянии знаний трудно оценить взаимосвязь друидического язычества.

Галлия - Самое раннее упоминание о друидах встречается у Диогена Лаэртция (*Vitae*, intro., I и 5), а также в утерянном труде грека Сотииона Александрийского, написанном около 200 года до н. э., когда большая часть Галлии уже более двух столетий была кельтской, а греческие колонии еще дольше обосновались на южном побережье.

Галльские друиды, которых впоследствии описал Цезарь, были древним религиозным орденом, но к моменту написания Сотииона они уже имели репутацию философов во внешнем мире. Однако именно рассказ Цезаря является основой нынешней информации, и это особенно ценный документ, поскольку доверенное лицо и друг Цезаря, аэдуанский аристократ

Дивитиак, сам был друидом. В описании друидов Цезарем (*Comentarii de bello Gallico*, vi) подчеркиваются их политические и судебные функции.

Хотя они совершали жертвоприношения и преподавали философию своей религии, они были больше, чем жрецами; так, на ежегодную ассамблею ордена, проходившую близ Шартра, люди приезжали издалека не для поклонения и не для жертвоприношений, а чтобы представить свои споры для законного разбирательства. Более того, друиды решали не только мелкие ссоры, в их функции входило расследование самых серьезных уголовных обвинений и даже межплеменных споров.

Это, а также тот факт, что они признавали авторитет архидруида, наделенного верховной властью, показывает, что их система была задумана на национальной основе и не зависела от обычной межплеменной ревности; а если к этому политическому преимуществу добавить их влияние на образованное общественное мнение как главных наставников молодежи и, наконец, грозную религиозную санкцию, стоящую за их постановлениями, то становится очевидным, что до столкновения с Римом друиды должны были в значительной степени контролировать гражданскую администрацию Галлии.

О самом друидизме мало что известно, кроме того, что друиды учили о бессмертии человеческой души, утверждая, что после смерти она переходит в другие тела. Поздние авторы, такие как Диодор Сикул, отождествляли эту веру с пифагорейской доктриной, но, вероятно, ошибочно, поскольку нет никаких свидетельств того, что друидическая вера включала в себя понятие цепи последовательных жизней как средства этического очищения или что она руководствовалась доктриной морального возмездия с освобождением души в качестве конечной надежды, а это, похоже, сводит друидическое вероучение к уровню обычных религиозных спекуляций.

О теологии друидизма Цезарь говорит, что галлы, следуя друидическому учению, утверждали, что происходят от бога, соответствующего Дису в латинском пантеоне, и, возможно, считали его верховным существом; он также добавляет, что они поклонялись Меркурию, Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минерве и имели об этих божествах примерно такое же представление, как и весь остальной мир. Короче говоря, замечания Цезаря подразумевают, что в вероучении друидов, кроме доктрины бессмертия, не было ничего, что делало бы их веру необычной, так что можно предположить, что друидизм исповедовал все известные догматы религии древних кельтов и что боги друидов были знакомыми и многоликими божествами кельтского пантеона.

Философия друидизма, похоже, не выдержала испытания римским знакомством и, несомненно, представляла собой смесь астрологии и мифической космогонии. Цицерон (*De Divin.*, i, xli, 90) говорит, что Дивитиакус мог похвастаться знанием *физиологии*, но Плиний в конце концов решил (*Natural History*, xxx, 13), что предания друидов были не более чем набором суеверий. О самих религиозных обрядах. Плиний (*N.H.*, xvi, 249) впечатляюще описал церемонию срывания омелы, а Диодор Сикулус (*Hist.*, v, 31, 2-5) описывает их гадания с помощью заклятия человеческой жертвы. Цезарь уже упоминал о сожжении заживо людей в плетеных клетках. Вполне вероятно, что эти жертвы были злоумышленниками, и, соответственно, возможно, что такие жертвоприношения были скорее случайными национальными чистками, чем обычной практикой друидов.

Приход римлян быстро привел к упадку друидического ордена. Восстание Верцингеторикса, должно быть, положило конец их межплеменной

организации, поскольку некоторые тривы держались в стороне от конфликта или переходили на сторону римлян; кроме того, в начале христианской эры их жестокие практики привели друидов к прямому конфликту с Римом и, в конце концов, к их официальному подавлению.

В конце I века их статус опустился до уровня простых магов, а во II веке о них нет никаких упоминаний. Поэма о

Однако Авсоний показывает, что в IV веке в Галлии все еще были люди, которые могли похвастаться друидическим происхождением.

Британские острова - Есть одно упоминание о друидах в Великобритании как современниках галльского духовенства, и это упоминание о них у Тацита (*Анналы*, xiv, 30), из которого можно узнать, что в 61 г. н.э. в Англии были старейшины с таким именем; но во всей истории римской Англии друиды не упоминаются, и можно задать вопрос, были ли вообще друиды в восточных провинциях, которые до римского вторжения подверглись германскому влиянию.

С другой стороны, друиды, безусловно, существовали в Ирландии и Шотландии, и нет причин сомневаться, что этот орден восходит в древности по крайней мере к I-II веку до н. э.; слово *drai* (*druid*) можно проследить только по ирландским глоссам VIII века, но в ирландской литературе существует сильная традиция, согласно которой друиды и их предания (*druidecht*) были либо аборигенного, либо пиктского происхождения. Что касается Уэльса, то кроме существования друидов на острове Англии мало что можно сказать, разве что самые ранние барды (*Cynfeirdd*) очень часто называли себя *derwyddon*.

Ирландский друид был заметной личностью, фигурирующей в самых ранних сагах как учитель-пророк и маг; тем не менее, он не обладал судебными полномочиями, которые Цезарь приписывал галльским друидам, и, похоже, не был членом национальной коллегии, во главе которой стоял архидруид.

Кроме того, ни в одном из текстов нет упоминания о том, что ирландские друиды возглавляли жертвоприношения, хотя, как утверждается, они проводили идолопоклоннические обряды и совершали погребальные и крестильные обряды. Их лучше всего описать как провидцев, которые, по большей части, были подхалимами князей.

Происхождение - Некоторой путаницы можно избежать, если провести различие между происхождением друидов и происхождением друидизма. Если говорить о самих друидах, то наиболее вероятным представляется, что их орден был чисто кельтским и возник в Галлии, возможно, в результате контакта с развитым обществом Греции; с другой стороны, друидизм - это, вероятно, в самом простом смысле докельтская и исконная вера Галлии и Британских островов, которая была отступнически принята мигрирующими кельтами без особого разбора. Легко понять, что эта вера могла приобрести особое отличие древности в отдаленных районах, таких как Британия, и эта точка зрения объясняет высказанное Цезарю убеждение, что *дисциплина* друидизма имеет островное происхождение.

Этимология слова "друид" до сих пор вызывает сомнения, но старая ортодоксальная точка зрения, согласно которой *dru* является усиливающим префиксом, а *uid* означает "знающий", в результате чего друид был очень ученым человеком, была отклонена в пользу производного от слова "дуб". Однако вывод Плиния из греческого **δρυς** маловероятен.

В XVIII и XIX веках произошло большое возрождение интереса к друидам, чему в значительной степени способствовали археологические теории Обри и Стакли, а также романтизм в целом. Одним из результатов этого интереса стало изобретение неодруидизма, экстравагантной смеси гелиоархитектурной теологии и валлийского бардилора, а другим - то, что не

одно общество объявило себя унаследовавшим традиционные знания и веру ранних друидов. Объединенный древний орден друидов, однако, дружеское общество, основанное в XVIII веке, не делает подобных заявлений).

Дядя Курт протянул мне статью из "Британской энциклопедии", идентичную той, которую Тарштейн заставлял его читать в Германии в 1937 году. Учтывая то, что я узнал за последнее время о друидах после убийства Белисены Вильки, а также прочитав его письмо и получив мастерские объяснения профессора Рамиреса, я, естественно, разделил мнение Конрада Тарштейна о том, что статья слишком сокращена и двусмысленна, чтобы оправдать ее включение в столь престижный труд: Первое издание "Британской энциклопедии" датируется 1771 годом, поэтому можно было ожидать, что к 1930 году они соберут достаточно материала о друидах, чтобы написать более длинную и всеобъемлющую статью. Но было очевидно, что у англичан не было желания углубляться в историю древних и забытых жрецов, которые сегодня могут убивать с новой силой.

-Во время моего второго визита к Конраду Тарштейну, - вспоминал дядя Курт, - он одобрил мои рассуждения и заверил, что то, что произошло в статье, - самое обычное явление, и что он хотел предупредить меня об этом; именно поэтому он дал мне ее: чтобы предупредить, что невероятный европейский заговор отрицает информацию или искажает ее, чтобы не допустить нежелательного взгляда на предмет, в сокрытии которого были заинтересованы самые могущественные синархические силы. И это еще раз предупредило меня о том непонятном на тот момент обстоятельстве, что **я - та самая добыча, на которую они намереваются охотиться.**

В любом случае, Неффе, из этой информации легко понять, что Тарштейн был прав и что друидической оккультизму в Англии нет простого объяснения. Это станет очевидным, если вы проведете наглядное сравнение. Например, прочитайте статью "**Друид**" в энциклопедическом словаре Монтанера и Симона, который был опубликован в Барселоне в конце XIX века, и у вас не останется сомнений, что английское издание поражено странным рахитом, хотя в испанском эссе очевидна та же цель выставить друидов в выгодном свете.

Затем дядя Курт протянул мне VII том "Энциклопедического словаря" - 25-томного труда, который, несомненно, был меньше "Британской энциклопедии". Я отыскал нужную статью и прочитал ее:

ДРУИДА (от латинского *druida*; от кимрского *drui*з или *deruiz*, от *dervo*, holm oak):

м. Жрец древних галлов и бриттов.

- **Друид:** *История.* Этимология слова "друид" долго обсуждалась. Этимологи даже обращались к словарям древнееврейского языка, чтобы найти в них хоть что-то, что могло бы дать им представление о нем. Имя друид - это апеллатив, как и большинство радикальных существительных во всех языках. В галльском языке *draoi* или *druidas* означает прорицатель, авгур, маг, а *druidheatch* - гадание и магия. Говорят также, что это слово происходит от греческого слова **δρυς**, означающего дуб, потому что они жили и преподавали свои доктрины в лесах, и потому что, как говорит Плиний Старший, они приносили свои жертвы только у подножия дуба; но эта этимология, хотя и имеет в свою пользу доводы древности, поскольку относится ко времени Плиния, все же чисто причудлива, поскольку не очень естественно, чтобы друиды были

должны были получить свое имя от чужого голоса. Другие утверждают, что слово *друид* происходит от британского **dru** или **drew**, что также означает дуб, и что от него происходит греческое **δρυς**. Из множества восточных этимологий санскритская форма *druwidh*, означающая "бедный нищий", кажется наиболее приемлемой, поскольку друиды, как и жрецы всех народов, должны были давать обет бедности. Аргументы в пользу восточного происхождения друидов заслуживают внимания, хотя бы потому, что они были приняты многими писателями древности. Диоген Лаэртский и Аристотель ставят друидов и халдеев в один ряд с персидскими магами и индийцами, и это мнение разделяют многие авторы. Божественность брахманов имеет большое сходство с друидической божественностью. Важность, которую друиды придавали волам, - еще одно необычное совпадение; друидические мистерии также имеют большую аналогию с мистериями Индии. В магическом жезле друидов можно увидеть священный посох браминов. У обоих были одни и те же освященные предметы: они носили тканевые тиары, а символический круг Брахмы, как и полумесяц, символ Шивы, были друидическими украшениями. Велики также аналогии между представлениями друидов о Высшем Существо и теми, что встречаются в священных произведениях Индии, так что не кажется надуманным предположение о больших связях между друидами и индийскими и персидскими жрецами.

Друиды существовали не только в Бретани, населенной народами Галлы, а также в Цизальпинской Галлии и в южной долине Дуная, которая также была населена галльскими народами; но в Германии их не было, как и тех, кто говорит, что германцы - братья галлов и называют их воображаемым именем кельтов, не имея на то никаких оснований; или, что более ясно и определенно, жрецы германцев не носили имени друидов.

Согласно Цезарю в его труде *De Bello Gallico*, в VI книге которого он рассматривает нравы и обычаи галлов и германцев, друидическая наука была изобретена в Бретани и оттуда перешла в Галлию. Хотя очевидно, что Галлия была заселена раньше Бретани и Ирландии, строго говоря, возможно, что иерархическая организация друидического тела и система его доктрины были изобретены в Бретани. Однако более правдоподобно, что на континенте и на островах существовало несколько школ друидов, и что одна или несколько из них в Бретани пользовались большей известностью, поскольку преподаваемые там или в них учения были более полными. Действительно, Цезарь не говорит, что все желающие вступить в друидское сословие были обязаны отправиться учиться в Бретань, но те, кто хотел получить более полное обучение, отправлялись туда. Еще одним доказательством того, что Бретань не была главным центром организации друидов, является то, что их общие собрания проводились в освященном лесу, в стране карнутов, которая считалась центром Галлии. Считается, что этот лес находился по соседству с Дрё, и что этот город получил свое название от друидов; но это лишь предположение, поскольку название Дрё (*Дуро-Кат* или *Каз*) означает *порт у реки*.

В уже цитированном труде "*De Bello Gallico*" Цезарь говорит, что все люди, принадлежавшие к высшим классам в Галлии, были либо среди знати, либо среди друидов. На них возлагалось религиозное руководство народом, а также они были главными толкователями и хранителями законов. Друиды имели право налагать самые суровые наказания на тех, кто отказывался подчиняться их решениям.

Среди наказаний, которые они могли наложить, самым страшным было изгнание из общества. Друиды не составляли наследственной касты, они были освобождены от службы в поле и уплаты дани, и из-за этих исключений и привилегий все юноши в Галлии стремились быть принятыми в орден. Испытания, которым подвергался послушник, иногда длились по двадцать лет. Все друидические наставления или науки передавались устно, но для некоторых положений у них был письменный язык, в котором они использовали греческие символы. Президент ордена, должность которого была выборной и пожизненной, осуществлял верховную власть над всеми его членами. Друиды учили, что душа бессмертна. Астрология, география, теология и физические науки были их любимыми занятиями. Галлы приносили человеческие жертвы лишь в очень редких случаях, причем в жертву приносились великие преступники. Все, что известно о религиозных доктринах друидов, сводится к нескольким фрагментам, найденным в различных трудах писателей древности, в частности у Цезаря, Диодора Сицилийского, Валерия Максима, Лукана, Цицерона и так далее. Из этих фрагментов следует, что они верили, как уже говорилось, в бессмертие души и ее существование в другом мире, а смерть была лишь точкой или моментом разделения двух существований. Из этой веры естественно вытекает вера в награду и наказание в другой жизни, вера, которая естественным образом объясняет несгибаемое мужество галлов и их презрение к смерти. Они учили положению и движению звезд, величине Неба и Земли, то есть посвящали себя изучению астрономии и, несомненно, астрологии. Цицерон говорит, что они также посвятили себя изучению тайн природы и физиологии. Отсюда родилось их утверждение, что они владеют наукой гадания и магии. Самым важным их занятием было богословие, но об этом нет никаких определенных данных: их богословская система малоизвестна, потому что греческие и латинские писатели, говоря об именах, функциях и атрибутах друидических божеств, относили их к своей собственной теогонии; так что можно строить только предположения, которым этимологическое исследование может придать некоторую вероятность. Цезарь говорит, что их главным божеством был Меркурий, который управлял искусством, путешествиями и торговлей. Далее по значимости следовали Аполлон, Марс, Юпитер и Минерва. Лукан и другие авторы ставят во главе богов Тевтата, а после него - Хесоса, Беленоса, Тараноса и Геракла Омгиса. Цезарь добавляет, что друиды утверждали, что произошли от *Диса*, имя которого он перевел как означающее Плутон, и что именно из-за этого происхождения они считали ночи, а не дни. Это мнение, очевидно, ошибочно, и ошибка возникла из-за того, что *Дис* или *День* был у галлов одним из имен Верховного Существа, которого они также называли Эсар или Вечный и *Абаис* или *Айболл*, бесконечный. *Беленос*, или *Беал*, или

Беас, был одним из имен Солнца, которое они также называли *Аблис*, или *Афитин*, бесконечный.

горячий, а *Граний* или *Гриану* - светящийся. *Тевтатес* или *Туитеас* был богом огня, смерти и разрушения.

Говоря о религиозных верованиях галлов, необходимо привести мнение выдающегося писателя Тиррея. По его мнению, религиозные верования галлов относились к двум сводам символов и суеверий, к двум совершенно разным религиям: одной очень древней, основанной на политеизме, вытекающем из поклонения природным явлениям, и другой, друидизме, недавно привнесенном переселенцами из Киммерии, основанной на метафизическом и таинственном материальном пантеизме. Главными божествами кельтских народов были уже упомянутые, а также *Огмо* *Огниус*, бог науки красноречия, представленный в виде старика, вооруженного булавой и луком, за которым следуют пленники, держащиеся за уши золотыми и янтарными цепями, выходящими изо рта бога. Помимо основных божеств, у друидов были и другие божества, уподобленные Марсу, такие как *Камул*, *Камулус*, *Сегомон*, *Белатуркад* и *Катуикс*, и Аполлону, такие как *Могунус* и *Гранус*, а также другие божества, которые являлись обожествлением природных явлений, такие как *Таранн*, *Тараннус*, гром; *Kerk Circius*, стремительный ветер с северо-востока, или обожествление гор, лесов, родов, таких как *Pennin*, бог Альп; *Vosege*, *Vosegins*, бог Вогезов, *Ardaena*, *Arduinna*, уподобленная Диане, богине леса Арденн; *Nemansus*, *Vesontis*, *Luxovia*, *Nennerius*, *Bornonia*, *Damona*, местные божества Нима, Безансона, Люксея, Нериса, Бурбона, Ланси. *Элона* была богиней-покровительницей палафренеров и укротителей коней.

Друиды были очень почитаемы в народе; они вели жизнь необычно; обычно носили тунику, доходившую ниже колен. Наделенные верховной властью, они налагали наказания, объявляли войну и заключали мир; они могли сместить магистратов и даже короля, если их действия противоречили законам государства; у них была привилегия назначать магистратов, которые ежегодно управляли городами, и ни один король не избирался без их одобрения. Цезарь утверждает, что в друидический орден могли вступать только знатные люди, в то время как Порфирий считает, что этого было достаточно, чтобы пользоваться правом гражданства. Однако трудно поверить, что такой могущественный орган, как друидический орден, принимал бы в свои ряды людей, не принадлежащих к определенной касте. Друиды составляли первый орден нации; они были судьями в большинстве общественных и частных дел; они судили все преступления, убийства, вопросы наследования, вопросы собственности, а приговоренные к этому наказанию считались позорными и нечестивыми; их покидали все, даже родственники; все бежали от них, чтобы не запятнать себя их связями, и они теряли все свои гражданские права и защиту законов и судов. Почитание друидов было столь велико, что если они появлялись между двумя сражающимися армиями, бой немедленно прекращался, и сражающиеся подчинялись их арбитражу.

Как уже говорилось выше, по мнению авторов В древние времена друидическое учение не записывалось, оно передавалось устно, и

Послушники должны были учиться двадцать лет, чтобы овладеть этой наукой. Однако, похоже, что это утверждение ошибочно, и ошибка происходит из тщательности, с которой друиды скрывали свою науку от профанов. С возрастом память неизбежно слабеет, и если бы они ничего не писали, то неизбежно следовало бы, что вожди, то есть старшие, уступали бы младшим в деталях их учения. У друидов было священное писание, которое, согласно традиции, называлось *Огам*. Поэтому вполне вероятно, что у них были книги, написанные этими символами, которые, как уже говорилось выше, могли быть греческими, но это не значит, как считают некоторые, что они писали по-гречески. К сожалению, ни одна из этих книг не сохранилась до наших дней. Те, что избежали эдиктов римских императоров в Галлии и Британии, были уничтожены ранними христианскими пропагандистами, святым Патриком в Ирландии и святым Колумбаном в Шотландии.

Корпус друидов делился на несколько классов: собственно *друиды*, *прорицатели*, *сарониды*, *семнотеане*, *силодурицы* и *барды*. Что касается последних, то некоторые авторы считают, что их не следует причислять к друидам, а другие утверждают, что *барды* - это группа служителей, занимавшихся религиозным культом, которая предшествовала ордену или корпусу друидов. Барды, как и *скальды* у германцев, были поэтами, представленными к вождям, и им поручалось воспевать великие деяния героев, импровизировать хвалебные и хвалебные речи, похоронные оратории и военные песни.

Праздновали ли они таинства своей религии, как это делали скальды? На этот вопрос невозможно ответить, поскольку среди сохранившихся песен бардов нет ни одной, которая содержала бы что-либо, относящееся к догмам или церемониям какой-либо религии. Прорицание было общим атрибутом друидов; все они были прорицателями, и нет причин делить их на классы в этом аспекте, кроме как по выполнению различных функций, которые они выполняли. Семнотеане, слово, происходящее от *sainch* (экстаз), были экстатиками или созерцателями; *силодуры* были инструкторами или наставниками и получили свое название от слова *realadh*, что означает учение; и, наконец, сарониды не должны были составлять особый класс, но их вожди должны были так называться, поскольку название сарониды происходит от *sar-navidh* или *sar-nidh*, что означает самый почтенный; Поэтому следует полагать, что *саронид* был титулом, а не новым классом в друидическом ордене.

Были и *друидессы*, были ли они женами или дочерьми друидов, или просто пополняли корпорацию, ведь невозможно допустить, чтобы друиды позволяли заниматься магией, гаданием и жречеством женщинам, которые не принадлежали к друидическому телу и не подчинялись его дисциплине. А они, несомненно, были, ибо история говорит о галльских весталках с острова Сен, прорицательницах и волшебницах. Друидессами были те, кто предсказал Аврелию и Диоклетиану, что они станут императорами, а Александру Северу - его гибельную судьбу. Надпись, найденная в Меце, дает имя друидессы жрице *Aeeme (Druis antistisa)*.

По словам Тьерри, друидизм пришел в упадок еще до времен Цезаря. В течение некоторого времени вельможи

С одной стороны, а с другой - народ, завидуя огромной власти друидов, сумел постепенно уменьшить их политическое влияние.

Рейно, один из авторов, наиболее полно изучивших друидизм, утверждает, что древние друиды были первыми, кто с большой ясностью преподавал доктрину бессмертия души, и что они имели столь же совершенное представление об истинной природе Бога, как и сами евреи. Если впоследствии они пошли на компромисс с поклонением другим божествам, то это было сделано для того, чтобы примирить друидизм с идеями, исповедуемыми необразованными слоями населения, более склонными верить в полубогов и божеств, чем в единого Бога. По мнению самого Рейно, друидизм пришел в упадок и в конце концов исчез, потому что в нем отсутствовал элемент жизни, необходимый в любой религии: любовь или милосердие. Христианство дало этот элемент, и друидизм исчез; но он исчез после того, как выполнил важную миссию: сохранил в части Европы идею единства Бога. Верна ли эта теория, подкрепленная очень неполными данными или рассуждениями, более или менее успешно доказывающими среди галлов определенные представления об истинной природе Бога и его отношениях с человеком, которые впоследствии выродились в грубое суеверие, - вопрос, не подлежащий обсуждению здесь.

Глава XVIII

Как вы понимаете, милейший Артуро, только сейчас, прочитав письмо Белисены Вильки, я понял, что Конрад Тарштейн говорил о том, что его семья составляет "германскую ветвь" Дома Тарсиса. Очевидно, он был одним из потомков Врунальды Тарсисской, и, согласно его позднейшим признаниям, весьма скупым на эту тему, он также был последним потомком своего Дома; но подразумевал ли он под этим "последнего Инициата" или же действительно имел в виду, что представлял последнего представителя своего рода, я не могу сказать. Но одно несомненно: пророчество капитана Киева, которое Белисена Вилька переписала на 50-й день своего письма, строго исполнилось, поскольку Орден Эйнхерьяров не только передал фюреру гиперборейское посвящение, но и посвящение, принадлежащее "Врунальдинской ветви Дома Тарсиса", ***"Какая честь для него!" Ибо гиперборейская мудрость этой Стирии, этой крови Тарсиса, приведет к первому пришествию посланника Владыки Войны!***

Да, Артуро, пророчество о Киеве исполнилось математически, и нет причин сомневаться, что второе предсказание, касающееся потомков Валентины Тарсисской, также не исполнится. Стоит сказать, что миссия Белисены Вильки и ее сына Нойо должна увенчаться успехом, если она должна обеспечить Второе Пришествие Фюрера: ***"Что Тарсис-Стирп, что Слава их, примет активное участие в Последней Битве, ибо Гиперборейская Мудрость этого Тарсис-Стирпа, этой Тарсис-Крови, обеспечит Второе Пришествие Посланника Владыки Войны!"***

Белисена Вилька, последний Инициат, потомок Валентины из Тарсиса, была убита друидами. Но ее сын Нойо, по всем признакам, был

С одной стороны, и народ с другой, завидуя огромной власти друидов, сумел постепенно уменьшить их политическое влияние.

Рейно, один из авторов, наиболее полно изучивших друидизм, утверждает, что древние друиды были первыми, кто с большой ясностью преподавал доктрину бессмертия души, и что они имели столь же совершенное представление об истинной природе Бога, как и сами евреи. Если впоследствии они пошли на компромисс с поклонением другим божествам, то это было сделано для того, чтобы примирить друидизм с идеями, исповедуемыми необразованными слоями населения, более склонными верить в полубогов и божеств, чем в единого Бога. По мнению самого Рейно, друидизм пришел в упадок и в конце концов исчез, потому что в нем отсутствовал элемент жизни, необходимый в любой религии: любовь или милосердие. Христианство дало этот элемент, и друидизм исчез; но он исчез после того, как выполнил важную миссию: сохранил в части Европы идею единства Бога. Верна ли эта теория, подкрепленная очень неполными данными или рассуждениями, более или менее успешно доказывающими среди галлов определенные представления об истинной природе Бога и его отношениях с человеком, которые впоследствии выродились в грубое суеверие, - вопрос, не подлежащий обсуждению здесь.

Глава XVIII

Как вы понимаете, милейший Артуро, только сейчас, прочитав письмо Белисены Вильки, я понял, что Конрад Тарштейн говорил о том, что его семья составляет "германскую ветвь" Дома Тарсиса. Очевидно, он был одним из потомков Врунальды Тарсисской, и, согласно его позднейшим признаниям, весьма скупым на эту тему, он также был последним потомком своего Дома; но подразумевал ли он под этим "последнего Инициата" или же действительно имел в виду, что представлял последнего представителя своего рода, я не могу сказать. Но одно несомненно: пророчество капитана Киева, которое Белисена Вилька переписала на 50-й день своего письма, строго исполнилось, поскольку Орден Эйнхерьяров не только передал фюреру гиперборейское посвящение, но и посвящение, принадлежащее "Врунальдинской ветви Дома Тарсиса", ***"Какая честь для него!" Ибо гиперборейская мудрость этой Стирии, этой крови Тарсиса, приведет к первому пришествию посланника Владыки Войны!***

Да, Артуро, пророчество о Киеве исполнилось математически, и нет причин сомневаться, что второе предсказание, касающееся потомков Валентины Тарсисской, также не исполнится. Стоит сказать, что миссия Белисены Вильки и ее сына Нойо должна увенчаться успехом, если она призвана обеспечить Второе Пришествие Фюрера: ***"что Стиракс Тарсиса, что Слава их, будет активно участвовать в Последней Битве, ибо Гиперборейская Мудрость этого Стиракса, этой Крови Тарсиса, обеспечит Второе Пришествие Посланника Владыки Войны!"***

Белисена Вилька, последний Инициат, потомок Валентины из Тарсиса, была убита друидами. Но ее сын Нойо, по всем признакам, был убит.

удалось выполнить свою миссию. Если это так, Артур, то как же мы близки к финальной битве, как близко Второе пришествие фюрера! Сущностная война вновь разразится на Земле, и Боги-Освободители вернуться, чтобы повести пробудившихся людей обратно к Бесконечному Источнику их Вечного Духа! О Артур, твое присутствие и послание, носителем которого ты являешься, замкнуло круг моей жизни, открытый более сорока лет назад, и восстановило мою веру в идеалы Черного Ордена! За это я никогда не перестану благодарить тебя!

-Успокойтесь, дядя Курт, успокойтесь, - умолял я. Ты должен благодарить не меня, а богов, этих таинственных братьев Раза, которые привели нас к тройному совпадению между Белисеной Вилькой, тобой и мной. Совершенно очевидно, что все мы участвуем в одной истории, играем роли в одном сценарии, являемся персонажами одного сюжета. Совершенно очевидно, что все мы участвуем в одной и той же истории, играем роли в одном и том же сценарии, являемся персонажами одного и того же сюжета. Вы должны закончить рассказывать мне о своей жизни, чтобы после этого попытаться спланировать текущую форму нашего движения, подстроиться под Великую Стратегию Богов, которые, несомненно, чего-то ждут от нас и именно поэтому собрали нас вместе, чтобы не совершить непоправимых ошибок.

-Вы правы, Неффе. Но мы продолжим завтра, ибо время пролетело незаметно, и уже два часа ночи. Я только добавлю кое-что о странной ссылке Тарштейна на мистическое "безумие" Рудольфа Гесса. Я только добавлю кое-что о странной ссылке Тарштейна на мистическое "безумие" Рудольфа Гесса. Заранее скажу, что, действительно, когда мой тауфпат решает совершить свой исторический полет и прыгнуть с парашютом в Англию, его поступок можно описать только как "безумие". Это с политической и даже с военно-стратегической точки зрения. Но мнение тех, кто смотрит на события с эзотерической и инициатической точки зрения, будет иным. Ведь "безумие" Рудольфа аналогично безумию Белисены Вильки, когда она решила разработать отвлекающую тактику, чтобы обеспечить передвижение своего сына Нойо: она прекрасно понимала, что ее поступок крайне рискован, что он привлечет преследование Голена и что в конце концов они схватят и казнят ее: она знала это, и все же без колебаний действовала, пожертвовала своей жизнью, чтобы Стратегия Верных Богов восторжествовала. Точно так же Рудольф отдается в руки голендских друидов ордена "Золотой рассвет", то есть их представителю, голендскому герцогу Гамильтону, ибо он намерен отвлечь врага, чтобы способствовать продвижению фюрера. Что получит фюрер от "безумия" Рудольфа Гесса? Ну, **бесценную для человека цель: после "захвата" Рудольфа Гесса друиды больше не смогут "открыть" Врата в Шамбалу в Англии, они будут отрезаны от Обители Богов-Предателей и Белого Братства, и только из Азии они смогут восстановить этот контакт.**

-Вы можете задаться вопросом, почему возник такой эффект, благодаря какой силе.

Рудольф совершил это чудо, и я заранее скажу вам, что оно произошло **благодаря одному лишь его присутствию**, благодаря Знаку Происхождения, которым он, как и мы с вами, обладал, не осознавая этого. Так оно и было, Неффе; и позже я подробно расскажу вам о реальной эзотерической операции, связанной с путешествием Рудольфа в Англию, о факте, который был глупо интерпретирован после войны. Но задолго до этого,

возможно, уже завтра, вы узнаете о доктрине, которой придерживался Черный Орден относительно Силы Знака Происхождения.

Мы удалились в свои комнаты в величайшем молчании, каждый погруженный в свои мысли. Я, разумеется, не мог отделаться от изумления по поводу

чтобы увидеть, как идеально сочетаются истории Белисены Вильки и дяди Курта. И я все гадал, чем же закончится это приключение, ведь теперь я, несомненно, получу поддержку дяди Курта в поисках сына Белисены Вильки.

Глава XIX

Было девять утра, и на улице моросил мелкий дождь.

Мы оба мало спали и знали это. Но мы оба чувствовали, что наше время на исходе, что мир и покой, которыми мы наслаждались, не продлится долго.

Дядя Курт отпил последний глоток кофе и продолжил рассказ.

-Как я уже говорил, в **Нордик-Орденсбурге** в **Кроссинзее** я пробыл три месяца. **ff**Через месяц я впервые посетил Конрада Тарштейна и в течение следующих двух месяцев каждую субботу ходил на Грегорштрассе 239, благодаря тому, что **оберфюрер** Папп организовал для меня постоянную комиссию в Берлине по выходным. Мне было нетрудно добираться из Пруссии в Берлин, но в те дни я опасался, что не смогу сделать это так же легко из Орденсбурга **Фогельзанга**, расположенного дальше в западнорейнской глубинке.

В течение этих двух месяцев, пока Тарштейн обучал меня секретам Тулегеза, я испытывал к нему в се б о л ь ш у ю привязанность и восхищение. Вскоре плохое первоначальное впечатление от его очаровательной личности было полностью похоронено, и я должен сказать, что без колебаний ударил бы любого наглеца, посмевшего высказать вслух хоть что-то из того, что я сам в первый день подумал о Тарштейне. Таково безрассудство молодости!

Рудольф Гесс и Конрад Тарштейн договорились обо мне, что я должен посещать Грегорштрассе 239 в течение определенного времени, чтобы получить наставления в **Гиперборейской Мудрости**, которая была "Оккультной Философией" **истинного** Тулегезальшафта. Эту подготовку, которая позволила бы мне получить **Гиперборейское посвящение**, должен был провести сам Тарштейн - редкая честь, как мне неоднократно указывали, которая никогда и никому не оказывалась. Ведь Тарштейн, как я понял со временем, был одним из самых важных людей в Германии благодаря своей тайной иерархии в Thulegesellschaft.

По словам Конрада Тарштейна, чтобы получить Гиперборейское посвящение, я должен был сначала очиститься. Для этого он познакомил меня с чудесным знанием, которое является Гиперборейской Мудростью. Но, должен пояснить, это учение - не просто знание, информация, хранящаяся в памяти, которую можно использовать в рациональных суждениях. Напротив, Тарштейн рекомендовал ни в коем случае не забывать и, по возможности, забыть то, о чем шла речь, ибо целью обучения было **пробуждение Памяти Крови**, а этого можно достичь, только если полученные знания будут гностически воздействовать на первозданный гиперборейский штамм, составляющий **Божественность вирьи**.

И вот я в изумлении - в любой степени изумления, вплоть до ужаса - наблюдал рассказы и объяснения, которые превосходили все, что я мог себе представить.

воображаемых, по крайней мере, насколько я могу себе представить, в этой фантастической гиперборейской космогонии Тулегезальшафта. Если бы существовала ересиологическая шкала для измерения тех идей, которые глубоко отклоняются от "западной культуры" в ее иудео-христианском понимании, я мог бы утверждать, что многие из изложений Тарштейна заняли бы высокое место в такой шкале ересей. Ведь если ересь - это то, что противоречит догме (поэтому существуют католические, буддийские, исламские и т. д. ереси), то как насчет философии, которая ставит под сомнение догму (поэтому существуют католические, буддийские, исламские и т. д. ереси)?), как насчет философии, которая ставит под вопрос **всю** совокупность человеческого существования со всеми его Догмами, Философиями, Религиями и Науками, которая пытается изменить ход истории, которая утверждает возможность трансмутации полубожественного человека или вири в бессмертного Сиддха, которая, короче говоря, объявила войну материальным силам Иеговы Сатаны, хозяев мира, истории и большинства людей? Согласимся, что в ересиологии подобные идеи заняли бы достойное место.

Я говорю это потому, что, принимая концепции, отклоняющиеся от "западной культуры" или противостоящие ей, необходимо осознавать степень "отклонения" или "противостояния", в которой он находится по отношению к ней, чтобы вести себя благоразумно и избежать будущих бед.....

И я понимал, что услышанное и оказанное на меня воздействие предвещают необратимые изменения в поведении. Но это меня не волновало, потому что у меня была цель, которая затмевала все личные превентивные меры и делала любое намерение повернуть назад чистым эгоизмом. ³⁵Этой целью, целью, к которой я стремился, было немецкое отечество: **Ein Reich, Ein Volk, Ein Führer.**

Теперь вы поймете, Нефф, что он жил и действовал в **рамках гиперборейской мистики** и что **харизматическая связь** с фюрером росла по мере того, как он углублял мистику Тулегезальшафт.

Во время моих первых визитов на Грегорштрассе 239 я чувствовал себя настолько уверенным в Конраде Тарштейне, что однажды вечером без колебаний рассказал ему о своем странном опыте с Голосом Гиперборейского Киева. Эта уверенность, похоже, не произвела на него впечатления, так как он долго молча наблюдал за мной, а затем сказал:

-Скажите, Курт, вы кому-нибудь еще рассказывали об этом восприятии?

Нет, - ответил я. Я думал поговорить об этом с Тауфлатом Гессом, но после возвращения из Египта мне так и не удалось с ним увидеться.

-Тогда мы заключим сделку, - заявил Тарштейн, - никто не узнает о том, что он обладает этой харизмой, за пределами **его собственного круга** в Тулегезельшафт.

-Я обещаю, - быстро сказал я, - но кто входит в мой Круг?

-О, молодой Курт, ты должен знать, что Круг Тулегеза определяется не **количеством** людей, как в экзотерических организациях, создаваемых Синархией, а **качественными отношениями**, называемыми **харизматической связью**. Харизматическая связь не зависит от числа, и поскольку каждый замкнутый круг Тулегеза существует как таковой благодаря харизматической связи, те, кто **испытывает** эту связь, являются членами круга.

-Но как же на самом деле распознать членов Круга? - спросил я, немного озадаченный такой тарбарщиной.

³⁵ *Ein Reich, Ein Volk, Ein Führer*: национал-социалистический лозунг. Буквально "Одна нация, один народ, один вождь".

-Осознание является внутренним. **Человек** просто **знает**, что та или иная вирья принадлежит к его собственному Кругу. Конечно, во внешних Кругах, состоящих из **неиницированных** членов, практикуются некоторые традиционные формы Тайных Обществ для воссоединения и признания, то есть "святыня" и "печатка"; но это делается временно, ввиду срочности, требуемой некоторыми расследованиями. Истинный Дух Тулегеза находится не во внешних кругах, которые вскоре будут ликвидированы после Тотальной войны, а во внутренних, строго гиперборейских. В них, повторяю, признание внутреннее, оно **познается по крови**.

-То есть я не смогу **узнать** членов своего Круга?

-...пока он не получит Гиперборейскую инициацию, - закончил Тарштейн.

-...и как я и обещал не говорить о **своей харизме**...

-Не будет, - снова продолжил Тарштейн, - пока не получит посвящение.

-Ну, я чувствую себя немного обманутым, - сказал я, улыбаясь.

-Вы не должны воспринимать это плохо, Курт, но это дело **высшего** порядка. Вы должны благодарить оказанное вам доверие за то, что мы не позаботились о **вашем немедленном отлучении и интернировании** на время инструктажа, который мы вам даем. Если бы Враг, то есть Синархия, заподозрил вашу харизму, вы были бы казнены, не дожидаясь подтверждения. **¶¶** А этого ни Тулегезальшафт, ни Синархия допустить не могут. Ты очень важен, Курт.

-Неужели это так важно? -спросил я, пораженный завуалированной угрозой, которую я почувствовал за добрыми словами Тарштейна.

-Очень важно, Курт. **¶¶** Посмотри на это с другой стороны: у тебя знак Люцифера, ты обладаешь выдающимися экстрасенсорными качествами и являешься **Остенфюрером**... Не кажется ли тебе это слишком большим совпадением? Ну, это не совпадение!

Он долго смотрел на меня, словно раздумывая, стоит ли продолжать.

Наконец

сказал он:

-Ты тот человек, которого мы ждали двадцать лет.

возглавить особую миссию. Такую важную, Курт, такую важную, что, возможно, от нее зависит судьба Третьего рейха и - почему бы и нет - судьба арийской расы.

Я был ошеломлен этим открытием и в растерянности подумал, что стал жертвой шутки. Но сколько я ни вглядывался в бесстрастное лицо Конрада Тарштейна, ничего не мог найти, чтобы подтвердить это предположение.

-I... -Я заикался: "Я никогда не мечтал стать частью такой миссии. Кроме того, я не думаю, что заслуживаю этого.

-Участвовать? -Тарштейн взволнованно перебил его: "Участвовать, говоришь? **Ха, ха, ха, ха**, - неистово смеялся он, - ты не **будешь участвовать**, Курт, **ты просто выполнишь задание**.

Кто еще может это сделать? -спросил он как бы про себя.

Вы все узнаете от Курта, - продолжал он, глядя мне прямо в глаза. Но имей в виду, что здесь речь не идет о выборе. Ни ты, ни я, ни кто-либо другой не может выбирать, потому что **выбор уже сделан**, в другой сфере сознания, в другом мире. Нам остается только встретить свою Судьбу, которая также является судьбой человечества, и возблагодарить за то, что мы были назначены на столь ответственное задание. Наш Бог, Крестос Люцифер, - Прекраснейший Владыка, но Он также и Бесстрашный, Отец Мужества; мы не

должны и мечтать о том, чтобы разочаровать Его.

-Я хотел бы служить родине и человечеству, - сказал я, ошеломленный, - но я поражен всем, что вы говорите. Я не понимаю, как я могу быть таким важным игроком в этой игре, и меня п е р е п о л н я е т ответственность. Как я могу жить, зная, что в моих руках находится то, что дорого Третьему рейху и арийской расе? *ффЯ*, как и каждый товарищ, а тем более офицер, готов умереть за нашу валюту, если так будет угодно, но отныне я не хотел бы жить с муками п р е ж д е в р е м е н н о й неудачи, неспособности выполнить задание. Поймите, Тарштейн, я в ужасе от времени, оставшегося до развязки. Если есть что-то очень важное, я хотел бы сделать это как можно скорее.

-Ну, он должен быть терпеливым! -сказал Тарштейн, почти крича. Даже если осталась минута или столетие, вы не должны показывать никаких изменений или поведения, не подобающего *кшатрию*.

Помните, вы - рыцарь, *монах-воин*, и вести себя должны соответственно. Скоро ты пройдешь посвящение и тогда исполнишь свое предназначение.

Я кивнул в ужасе от заслуженного выговора, полученного от Тарштейна. Но в тот день мы больше не говорили об этом.

Глава XX

Ну что ж, Неффе, - сказал дядя Курт после обеда, его глаза странно блестели, - мы приближаемся к самой важной части моей жизни, к тому моменту, когда я получил посвящение и мне была поручена та необычная миссия, та операция, которую так высоко ценил Тарштейн и которая до сих пор была для меня непостижимой.

-В то время, когда Тарштейн был моим преподавателем, я многому научился. Казалось, он знал все, и мне было стыдно, потому что после стольких лет в *NAPOLA* я мог только внимательно следить за его изложениями, но чувствовал себя некомпетентным, чтобы самостоятельно завершить все, что он говорил. Тарштейн, однако, пришел утешить меня в своей парадоксальной манере:

-Не волнуйся, Курт, это всего лишь *путаница*, примесь крови. Но ты идешь быстрее, чем думаешь. Скоро ты все узнаешь, *пробудишься*, и тогда, если захочешь, сможешь овладеть такой же наукой, как величайший мудрец. Конечно, наша гиперборейская наука - проклятая наука для этого сатанинского мира. Но это не должно его волновать, ибо сиддха действительно *един* и не нуждается ни в чем, кроме самого себя. В Гиперборейской Мудрости есть три вида людей. Есть *пасу*, который был зачат Демидургом, Иеговой Сатаной, который является автором материи, и которого лишь с некоторыми оговорками можно считать "человеком", точнее называя его человеком-животным. Есть также *вирья*, который, по сути, является пашу *гиперборейской линии*, то есть пашу, *смешавшим свою кровь* с бессмертным сиддхом, Тайну которого он постигнет в процессе обучения. Вирья в той или иной степени *утрачена или потеряна* из-за *смешения Крови*, и только *Память, содержащаяся в Крови*, может очистить их. Именно на это направлена *стратегия* фюрера; на это и на *завершение Кали-Юги*, или Темного века.

Имейте в виду, что пасу никогда не может быть полубожественным

вирьей, но вирья может **полностью опуститься** до уровня пасу путем определенного смешения крови. И наконец, есть Преданные сиддхи, те, кто

Они пришли на Землю вместе с Христом Люцифером миллионы лет назад и принадлежат к "гиперборейской" расе - еще одна Тайна, которую вы поймете позже, ибо термины "гиперборейцы" и "Туле" не имеют почти ничего общего с легендами древности.

Таким образом, сиддхи, вирья и пасу - в том гиперборейском смысле, который я вам дал, а не так, как эти термины обычно понимаются в Тибете, - это три "категории" людей, с которыми вы должны отныне привыкнуть рассуждать. К этому следует добавить важную концепцию: "Синархия организует и планирует мир для потерянных пасу и вирьев". Гиперборейская Мудрость учит, как вирья должен очистить себя, чтобы вновь обрести Врил и трансмутировать из полубожественного смертного в божественного гиперборейского бессмертного".

Я хочу сказать тебе кое-что, Курт, что должно наполнить тебя законной гордостью. Ваш парапсихический анализ "слышания Голоса Киева", даже если вы не следовали указаниям Гиперборейской Мудрости по завоеванию этой харизмы, привел вас к правильному выводу. Я имею в виду, что его утверждение о необходимости **"располагать Дух к воспоминаниям"**, как наилучшее отношение к опасности рационализации психических явлений путем формулирования эквивалентного вопроса, строго соответствует нашей философии. Именно "располагая Дух к воспоминаниям", человек получает доступ к Крови-Памяти. И этот предварительный шаг, неизбежный для получения Гиперборейского посвящения, вы совершили в одиночку - подвиг, который, как я уже сказал, должен заставить вас гордиться.

Из этих последних слов можно подумать, что Тарштейн, сведущий в оккультных вопросах, был мечтателем и недостойн доверия в строгих вопросах, как это обычно бывает. И ничто не может быть более ошибочным, чем такая оценка, поскольку, хотя я никогда не встречал человека, который знал бы столько же, сколько он, об оккультизме, герметической философии или религиях, это была лишь часть его огромных знаний. В те 1930-е годы Германия, находящаяся на пике промышленного развития, была гигантом науки. И Конрад Тарштейн знал все это. Он был знатоком германских знаний во всех их тонкостях: владел высшей математикой на самом высоком уровне, химией, физикой, биологией, множеством промышленных технологий и т. д. Не говоря уже о гуманитарных науках, где его мастерство в области древней и современной философии, логики, филологии, психологии и т. д. было просто устрашающим. Как определить такого человека? И самое сложное:

Как передать его мысль, не исказив ее? Воистину, Неффе, я не смог бы изложить Гиперборейскую Мудрость ни тебе, ни тебе; и если теперь я могу говорить с тобой о ней, то только благодаря этим необыкновенным Инициатам, Белицене Вильке и Нимроду из Розарио. Помните, Оскар Фейль сказал, что только Гиперборейская Мудрость Нимрода из Розарио может сравниться с Мудростью Тарштейна: я уверен, что Белисена Вилька сказала бы то же самое. Благодаря им, Неффе, я смогу рассказать вам об этой части моей жизни, которая была бы непонятна любому собеседнику, не знающему основ Гиперборейской Мудрости.

Тогда я буду краток, поскольку вы прекрасно понимаете, о чем я. Конрад Тарштейн глубоко наставлял меня в гиперборейской мудрости, и однажды в подземной комнате замка Вервельсбург я принял гиперборейское посвящение.

В гиперборейской палате, специально построенной для подобных церемоний, верховный инициат Черного ордена, я полагаю, понтифик, провел ритуал перед аудиторией, состоящей всего из восьми инициатов. И там я столкнулся со Смертью, Смертью Каллибура из Пирены, как сказала бы Белисена Вилька. Стоит сказать,

с Архетипом Смерти, Смертью, убивающей Теплую Жизнь; а затем с Холодной Смертью Каллибура, Обнаженной Истиной Себя, которая лежит за концом Теплой Жизни. И вернувшись в Теплую Жизнь, погрузившись в бесконечную черноту Себя, я обнаружил, что муки Смерти ушли от меня навсегда. Животный страх смерти, инстинкт самосохранения были определённно побеждены Мудростью Вечной Жизни. Стальная воля определенно овладела моей животной природой, и я знал, что ничто не сможет остановить меня, то есть ничто, связанное со Смертью, с угрозой Смерти. Это была чистая Решительная Воля: я пойду туда, куда мне прикажут, и, повторяю, ничто не сможет меня остановить.

Именно тогда мне открылась цель таинственной миссии, к которой меня готовили столько лет. И снова человеком, ответственным за это откровение, был Конрад Тарштейн.

-Тебе будет нетрудно понять, в чем суть миссии, - сказал Тарштейн, - когда я познакомлю тебя с некоторыми фактами, которые происходят. Скажите, Курт, знаете ли вы, откуда берутся силы, поддерживающие Синархию, всемирный еврейский заговор? Я имею в виду, конечно, психические силы, поскольку экономические или политические силы являются лишь их внешним выражением.

-Ну, как я слышал от фюрера, и как вы сами мне объяснили, такие силы исходят из оккультного центра под названием Чанг Шамбала, где обитает Иерархия инфернальных существ, призванных навязать Земле план Иеговы Сатаны. Доказательства этому есть в "Черном ордене". Например, документально подтверждено участие Иерархии в основании масонства, Росикрусинского ордена, Теософского общества и т. д. Не углубляясь в эту тему, приведем копию письма, которое Верховный Жрец Чанг Шамбалы Ригден Джиэпо отправил Ленину через Николая Рериха, поздравляя его с успехом большевистской революции: за Лениным и октябрьскими заговорщиками активно действовала Трансгималайская ложа, основанная Белым Братством. Да, товарищ Тарштейн: за Синархией стоит Чанг Шамбала, Мастера и Жрецы Окультистской Иерархии или Белого Братства Чанг Шамбалы.

-Правильно, Курт. А теперь завершите, пожалуйста, концепцию: что такое Чанг Шамбала - физическое место на Земле или внеземное сооружение?

-Как вам хорошо известно, Шамбала - это внеземное сооружение, протянувшееся между Землей и Солнцем, через такие измерения пространства, которые делают ее невидимой для обычного человека, - ответил я, несколько удивленный столь очевидными вопросами. Ее строителями были Боги-Предатели, основатели Белого Братства, а Инициаты Иерархии изучают науку под названием "Калачакра", которая позволяет им открывать Врата Шамбалы, Врата, которые можно найти повсюду.

-Прекрасный ответ, Курт! Теперь вы понимаете, в чем заключается ваша миссия: вы, Курт, - **тот самый Ключ, который может закрыть эти Двери.**

Конечно, я понимал меньше, чем когда-либо прежде. Но Тарштейн собирался прояснить эту загадку.

-На самом деле, Курт, ключ, запирающий эти проклятые врата, - это Знак Происхождения, Знак, обладающий силой напомнить Богам-предателям об их Изначальном Предательстве, Знак, способный передать им Символ

Происхождения и столкнуть их с Абсолютной Истиной Духа, Символ
Происхождения, который

может растворить Абсолютную Ложь материального творения, которую они хранят. Этой Силой раскрытия Абсолютной Истины те, кто придерживается Абсолютной Лжи, решили никогда не сталкиваться со Знаком Происхождения, то есть до тех пор, пока длится ложь материальной Вселенной. И потому Знак Истока - это Ключ от Врат Шамбалы, Ключ, закрывающий своей непреодолимой печатью Путь демонов. И ты, Курт, проявляешь Знак Истока как никто другой, даже если сам не способен его увидеть; но это стратегически не влияет на твою миссию: **одного твоего присутствия достаточно, чтобы закрыть Проклятые Врата; демоны не желают созерцать Знак, который ты способен проецировать.** Конечно, они убили бы вас, когда вы приближаетесь к Вратам, **если бы не то, что вы теперь за гранью Смерти.** Вы понимаете меня, Курт? **Если вы стоите перед Вратами Шамбалы и держитесь вне досягаемости Демонов, практикуя Путь Стратегического Противостояния, который делает вас независимым от Времени и Пространства, Врата должны быть неумолимо закрыты!**

Теперь я кое-что понимал: одним своим присутствием я вызову закрытие одних из тех Врат, что ведут в Проклятый город, обитель демонов Белого братства. Но я все еще не понимал цели миссии, какие Врата имел в виду Конрад Тарштейн? Мгновение спустя объяснение Тарштейна повергло меня в изумление.

-А теперь, когда я рассказал о вашей способности быть Ключевым знаком, перейду непосредственно к деталям миссии, к тому, что ожидает от вас Черный орден, Третий рейх и фюрер. -спросил он с иронией, но я не успел ответить: "Да, думаю, вы его не забыли. Не после того случая в прошлом году, когда он вызвался участвовать в операции **"Альтвестен"**, о которой я знаю все подробности. Вы не могли этого знать, но ваше участие в этой операции - последнее, на что согласился бы Эрнст Шеффер. Вы поймете это, если задумаетесь о том, какая сила находится в вашем распоряжении, чтобы закрыть Врата Шамбалы, и если у вас будет ответ на этот вопрос: знаете ли вы, что представляет собой операция **"Альтвестен"**?"

-Товарищ Тарштейн, Эрнст Шеффер год назад отправился в Тибет. Полагаю, вы знаете, что в составе экспедиции был мой хороший друг Оскар Файль, который и снабдил меня всей имеющейся у меня информацией, - сказал я, сразу же поняв, что лгать хорошо информированному Тарштейну я не намерен. Извините, если я нарушил какие-то правила, ибо знаю, что операция совершенно секретна, но не могу отрицать, что мое недоверие к Шефферу не могло быть большим: даже мой тауфпат Рудольф Гесс подтвердил, что у него есть определенные подозрения на его счет, и предложил мне все же принять участие в экспедиции. Но, к сожалению, этого не произошло, к лучшему или к худшему, я не знаю, и выхода уже нет из-за длительности их пребывания в Азии. В любом случае, я хотел бы взять на себя всю ответственность за любой проступок, который Оскар Файль мог совершить, упомянув мне об операции **"Альтвестен"**, поскольку только мое любопытство и мои сомнения в поведении Шеффера виноваты в том, что он доверился мне.

-Расслабьтесь, Курт, никто не обвиняет вас в шпионаже.

Просто скажите мне, что вы знаете об операции **"Альтвестен"**?"

-Ну, почти ничего, товарищ Тарштейн. О ходе экспедиции я пока знаю

только благодаря секретным письмам, которые Оскар успел отправить мне из разных уголков Азии. Последнее из них было отправлено три месяца назад в Лхасу, в Тибет, с посыльным, который переслал его в

Германия через одно из наших консульств в Индии. Там мне сообщили, что они готовятся к отъезду на Северо-Запад во главе с двумя таинственными "ламами Куркума Боннет" и что они везут с собой конспиративные письма от Далай-ламы. Это все, что мне известно. Конечный пункт назначения мне выяснить не удалось, как не знает его и Оскар, но ясно, что это не исследование Запада, как следует из названия, а место прямо противоположное. Похоже, Шеффер не вполне доверяет ему и даже изолировал его от остальных офицеров.

-Это все, что я хотел услышать, Курт. Я скажу вам прямо, куда направляется Эрнст Шеффер: **к Вратам Шамбалы. Он собирается просить Короля Мира от имени так называемых "Немецких сил здоровья" вмешаться, чтобы покончить с Третьим рейхом.**

-Разум! -крикнул я.

-Ха, ха, - нервно рассмеялся он на мое восклицание. Вы были бы удивлены, если бы знали, насколько велики, многочисленны и масштабны предательства, разъедающие Третий рейх и замышляемые против руководства фюрера. Но э т о естественно, ибо противостояние, которое национал-социализм ставит перед Силами Материи, тотально: каждый человек подвержен существенному напряжению между Духом и Материей; и будет много тех, кто поддастся Иллюзии Материи, **иудейской форме** Иллюзии Материи, то есть деньгам, миру, демократии, свободе, закону и так далее. Только духовные люди смогут преодолеть эту иллюзию: они преодолеют ее одной лишь силой своей Благодатной Воли, поступком своей Чести, мужеством своей Чистой Крови.

Предательство Эрнста Шеффера - еще одно такое предательство. Но нас оно особенно задевает, потому что это эзотерический факт, обстоятельство, которое мы можем понять. Да, Курт: предательство Шеффера - это огромное предательство, но это не самое большое предательство, с которым приходится сталкиваться фюреру. Тем не менее, вы правы, что отнеслись к нему серьезно, **ведь от вас зависит, удастся или не удастся реализовать ваши непопулярные планы.**

-Как я могу вмешаться и повлиять на планы Шеффера из Берлина? - спросил я в оцепенении.

-Ну, это будет не Берлин, из которого ты будешь выступать, Курт, а Азия. Вы немедленно отправитесь в Индию! **Завтра** вы явитесь в S.D. и получите приказ от **оберфюрера** Паппа: он покажет вам, как можно догнать экспедицию Шеффера, прежде чем она достигнет хребта Куэн-Лун! Но сейчас я расскажу о том, что, не сомневаюсь, глубоко взволнует в а с. Прежде всего я скажу вам, что Черный орден с самого начала имел отличных шпионов в группе Эрнста Шеффера: именно из их донесений мы узнали об "инциденте" с профессором и о его дружбе с Оскаром Файлем. О последнем я и хотел поговорить с вами:

Успокойся, Курт, но правда в том, что Оскару Файлю угрожает смертельная опасность. Конечно, Шеффер никогда не доверял ему, и если он позволил ему присоединиться к операции, то только потому, что планирует устранить его в Азии: только вы, если успеете вовремя, сможете, возможно, спасти его!

-Но зачем было везти его в Азию? Если вы не доверяли Оскару, почему не избавились от него в Германии? -в отчаянии воскликнул я.

-О, Курт. Мне жаль, что приходится сообщать тебе эту новость. Держись

крепче, потому что то, что ты сейчас услышишь, впечатляет: **твоего товарища выбрали для жертвоприношения**. Да, не смотри на меня так: это подтверждено! Хотя это все еще

можно избежать. Дело в том, что на пути к озеру Кьяринг, за Голубой рекой, Шефферу придется пересечь **Ворота Шамбалы - последние ворота перед тем, как попасть в Чанг Шамбала**. И эти ворота тысячами охраняет племя жестоких привратников, которых возглавляют злобные ламы **Джафранпа**, или "ламы Куркума Боннет", члены Белого братства. В Тибете реальной религиозной властью обладает не Далай-лама, а его высший наставник в секте **Гелугпа - Римпоче**, то есть "**драгоценный**" лама. Все остальные ламаистские группы, включая Джафранпу, подчиняются Гелугпа, или "ламам Желтого капота": выше них только Бодхисаттвы, Махатмы, Бессмертные. Гелугпа защищают лам Куркумы, и поэтому Шеффер имеет безопасные пропуски от Далай-ламы. Однако такие пропуски имеют относительную ценность, поскольку, хотя религиозная власть Далай-ламы распространяется на весь Тибет, его политическая власть ограничена китайскими границами: **а Шамбала Кансел сейчас находится на китайской территории**.

Ламы Куркума Боннет - эксперты в Науке Калачакры, или "Колеса времени", Мудрости, позволяющей понять и освоить кармические связи, **rtensabel**, и синхронизировать Колесо жизни, Бхавачакру или **Сридпай Хорло**, с ритмом Планов Белого Братства. Таким образом, они являются ревностными поклонниками Владык Кармы и их вождя, Ригдена Джиэпо, Владыки Шамбалы, Царя Мира, Иеговы Сатаны. - Они требуют, чтобы каждый лама-паломник просил разрешения пройти через Врата Шамбалы - **Яджнавирья**, то есть **человеческое жертвоприношение**. Как вы понимаете, Эрнст Шеффер не объяснил, почему он должен быть освобожден от этого обязательства.

Короче говоря, Курт: **Оскар Файль был выбран Эрнстом Шеффером для передачи ламам Куркума Бонет. Они принесут его жизнь в жертву Ригдену Джиэпо путем ритуального обезглавливания Ях-Са.**

Через несколько часов после этого разговора с Конрадом Тарштейном, когда я ехал в Рейнланд, чтобы забрать свои вещи из Вервельсбурга, я посмотрел на себя в зеркало в поезде, и мои глаза все еще были налиты кровью. Во время встречи, когда Тарштейн открыл мне, какая смерть ожидает Оскара, я бы разорвал Эрнста Шеффера на части своими руками, если бы мог дотянуться до него в тот момент.

Конрад Тарштейн позаботился предупредить меня, что это не то поведение, которого требует от меня Черный орден. Напротив, мне было приказано как можно скорее обнаружить экспедицию Шеффера и присоединиться к ней без применения насилия. Для этого я должен был получить соответствующие официальные полномочия: секретный указ фюрера и пропуск от **рейхсфюрера** Гимmlера. // Кроме того, меня должны были сопровождать два секретных агента из . // Это были два **гауптштурмфюрера**, обладавшие парадоксальными достоинствами: они имели докторскую степень по юриспруденции и пять лет прослужили в гестапо, где стали опытными убийцами.

По мнению Тарштейна, наилучшая стратегия требовала, чтобы я присоединился к экспедиции и проявил там Знак Происхождения. Такой демонстрации было бы достаточно, чтобы разгромить операцию "**Альтвестен**". **И это было бы достигнуто без каких-либо эзотерических маневров, без использования каких-либо магических**

приемов:

Одного моего присутствия будет достаточно, чтобы демоны закрыли Врата Шамбалы.

Глава XXI

Оберфюрер Папп, старый знакомый, ввел меня в курс дела. Выезд должен был состояться через четыре дня, так как все было готово: припасы, оборудование, оружие, фальшивые документы и т. д. По правде говоря, только тогда мне стало ясно, что операция готовилась давно и, видимо, только от меня зависело ее проведение. Иными словами, все, кто был вовлечен в операцию или в ее секретность, включая фюрера, ожидали моего Посвящения, ждали момента, когда я духовно осознаю Ключ Знака и смогу объяснить себе миссию в Азии. Мне кажется, я никогда не испытывал такого стыда, как тогда: Я, глупый и самонадеянный ученик Инициата, потратил месяцы, драгоценные месяцы, пытаюсь рационально вникнуть в гиперборейскую мудрость Черного Ордена; наконец, осознав, что иду в тупик, что попадаю в ловушку логики, я искал в своем Духе высшую Истину, которую разум и рациональное знание отвергали; **Так я вызвал Инициатический Кайрос**, подтвержденный Инициатами Черного Ордена; затем я был Инициирован, и Конрад Тарштейн объяснил мне характер миссии **"Первый ключ"**, как она зашифрована, и описал способность, которую я должен использовать, чтобы "закрыть врата Шамбалы", врата, которые Эрнст Шеффер намеревался открыть и которые он, возможно, открывал в этот момент.

Эти мысли и такая возможность сильно огорчали меня, и Я скажу правду, если скажу, что даже эти четыре дня до отъезда показались мне бесконечно долгими.

Первый этап был на самолете. Мы летели из Берлина в Танзанию, на восточное побережье Африки, делая остановки в различных африканских странах или колониях союзников Германии, таких как Испания и Италия. В Танзании, в районе, который до Первой мировой войны был государством Занзибар, мы должны были спрыгнуть с парашютом на ферму бывшей семьи немецких поселенцев, теперь работающей на Секретную службу. //Этот маршрут был выбран потому, что миссия была классифицирована как "сверхсекретная операция Ваффен", и потому, что полет должен был состояться на специально приспособленном военном самолете: Dornier, или **"летающем карандаше"**, классическая бомбовая нагрузка которого была заменена дополнительными топливными баками.

В Танзанию мы с нашим грузом оружия и снаряжения спустились без труда. Поселенцы ожидали нас уже некоторое время и приобрели для нас груз хлопчатобумажных ниток, в которые они поспешили спрятать компрометирующие предметы. Через день, одетые в несомненно левантийский костюм, весьма соответствующий роли египетских торговцев, которую нам предстояло сыграть, поселенцы доставили нас на остров Занзибар в лодке обычных размеров. В гавани стоял

Итальянский корабль "Таренто", который тайно участвовал в операции и должен был доставить нас в Дакку, на северо-востоке Индии, стоял на якоре.

В Занзибаре наша сущность полностью изменилась. **///**И я, и оба **гауптштурмфюрера** должны были с этого момента стать "египетскими торговцами". Это был рискованный шаг, поскольку Египет находился в руках англичан, но в наших паспортах и поддельных историях было мало изъянов, и казалось маловероятным, что мы вызовем достаточно подозрений, чтобы начать расследование. Я сам был настоящим египтянином и говорил по-английски, а также по-арабски, и мои товарищи тоже овладели этим языком, хотя и не английским, на котором они говорили с сильным немецким акцентом. Однако в случае необходимости им было достаточно правильно изъясняться на арабском, поскольку никто в Египте не обязан был знать английский.

Tarento пересекла Индийский океан с одной остановкой на Цейлоне, а затем вошла в Бенгальский залив, направляясь в Калькутту и Дакку. Наконец, она поднялась вверх по реке Далассери, которая является рукавом Брахмапутры, и бросила якорь у ее левого берега в порту Дакки, важного города на территории, которая когда-то была президентством Бенгалия, затем провинцией Бенгалия, потом исламским государством Восточный Пакистан, а сегодня Бангладеш. Груз африканской пряжи с драгоценной контрабандой был благополучно выгружен и помещен на склад, который мы арендовали для этой цели.

Мы не планировали задерживаться в Дакке: достаточно, чтобы продать или обменять пряжу на богатые бенгальские шелка и муслины, запастись провизией и нанять носильщиков. Нашим следующим пунктом назначения был город Пунакха, зимняя столица Бутана. **///**³⁶Там нас встретили **штандартенфюрер** Карл фон Гроссен и его заместитель, **оберштурмфюрер** Хайнц Шмидт, оба из III отдела **R.S.H.A.**, называемого "Служба внешней разведки" или "Foreign S.D.". Фон Гроссен был руководителем операции "Первый ключ" и, хотя его непосредственными начальниками были Шеллемберг и Гейдрих, в этой миссии он находился в прямом подчинении **рейхсфюрера** Гимmlера. Он уже много месяцев находился впереди и, как ни странно, постоянно следил за караваном Эрнста Шеффера. У него была репутация умного и жесткого человека. Он, как и мои помощники Клостер и Ганс, был полицейским и несколько лет служил в баварском гестапо. Позже он подал прошение о переводе в Иностраннный отдел, чтобы с пользой применить свою докторскую степень по истории. Он был экспертом по истории и географии Азии, а также специалистом по тактике быстрого развертывания, что объясняет, почему **рейхсфюрер** Гимmlер выбрал его для командования операцией "Ключ один".

Через три дня мы выехали из Дакки на север, проехав по дороге вдоль левого берега Брахмапутры до Бонарпары, а затем свернули в сторону Рангпура, резиденции раджи Ассама. Была осень 1938 года, и гнетущий климат этих болотистых районов, пересеченных бесчисленными реками и пригодных только для выращивания риса, заставлял нас тосковать по подъему в высокогорные холодные районы Бутана. **///**Два **гауптштурмфюрера**, Ганс Лехфельд и Клостер Хаген, шли впереди, их сопровождали пятнадцать чистокровных арийцев-носильщиков, представителей расы холита, с полным

Я замыкал колонну. Мы показали только три винтовки Маузера времен Первой мировой войны - оружие, соответствующее нашей предполагаемой профессии торговцев, - спрятали свои табельные пистолеты Люгера, а в рюкзаках - страшные пистолеты-пулеметы Шмайссера.

Мы разбили лагерь на день в горах Гарро и пересекли Ассам, не останавливаясь больше, чем нужно. Вскоре мы оказались на высоте более 2 000 метров над уровнем моря и были рады оставить позади тропические районы, кишасшие дикими животными и не менее дикими бандитами из племен анга, мичи, дафла, абор и т. д. Тропа, петляющая вдоль восточных склонов Гималаев, медленно вела нас в сторону Бутана.

В деревне Тага Дзонг нас встретили с большой радостью, как будто мы были послами какой-то западной державы, что привело нас в большое замешательство, поскольку мы не хотели привлекать внимание англичан или любого настоящего дипломата какой бы то ни было нации. Однако загадка вскоре разрешилась, когда мы узнали, что два посланника фон Гроссена уже несколько месяцев ожидали нашего прибытия, чтобы провести нас в Пунакху: это были два лопы, чиновники раджи Бутана Деба.

В сопровождении стройных, но энергичных лопарей, также арийского происхождения, мы пересекли множество небольших долин, расположенных между горными хребтами огромной высоты. После каждого шага по гималайскому склону мы поднимались на сотни метров, нередко были перевалы, или двары, высотой четыре-пять тысяч метров. Лопы говорили на бодскаде, тибетском языке, который я, как **Остенфюрер**, прекрасно понимал. На диалекте джам они объяснили нам, что мы не пойдем прямо в Пунакху, так как там, рядом с раджой Деба, находился английский гарнизон: Карл фон Гроссен находился в соседнем монастыре под защитой духовного главы страны, раджи Дхармы.

Наконец мы прибыли в даосский монастырь, построенный на горе, покрытой вечными снегами, от которого через Гималаи в Тибет вела неровная тропа, предназначенная только для пешеходов. Фон Гроссен и его помощник встретили нас.

-Хайль Гитлер! Я боялся, что вы не успеете, - сказал он в знак приветствия.

-Хайль Гитлер! ~~////~~ ответил я, - **гауптштурмфюрер доктор** Клостер Хаген и **гауптштурмфюрер доктор** Ганс Лехфельд, - представил я своих спутников и меня, **штурмбаннфюрера** Курта фон Зюбермана. Зиг хайль, главный **штанدارтенфюрер!**

Фон Гроссен наблюдал за мной с научным любопытством.

-Так вы и есть тот таинственный Инициатор, от которого может за в и с е т ь судьба Третьего рейха? - удивленно спросил он. -Я представлял себе иначе!

Как?" - воскликнула я, обеспокоенная его нескромной откровенностью.

Штандартенфюрер.

-Не поймите меня превратно, - сказал он, впервые улыбнувшись, - но о вас здесь много говорят, возможно, даже больше, чем в Германии. Знаете, у этих людей очень развиты экстрасенсорные способности, и в течение нескольких недель они наблюдали за вашим приближением; я ничуть не преувеличу, если скажу, что весь духовный Тибет теперь знает о вашем

прибытии в Бутан! Что ж, фон Зюберманн, за вами велось психическое наблюдение, и вы описали его в очень ясной и краткой манере.

в различных формах, **отсюда и мои сомнения**. Есть те, кто считает вас великим святым, а другие, напротив, - ужасным воином. - На его лице снова появился знак вопроса. Но мы-то **знаем**, что вы - последний, не так ли?

В голосе фон Гроссена прозвучала нотка сомнения, которая меня очень обеспокоила.

-Действительно, Камерад фон Гроссен! Согласно Правилам Черного Ордена, **я - Воин, Мудрый Воин**. Я не знаю, как я должен выглядеть, но вы можете быть уверены, что **я способен убивать самым ужасным способом. И что я убью таким же образом любого, кто попытается помешать моей миссии.**

-Браво! **¶**Повторяю: вы должны извинить мое удивление, но после стольких месяцев ожидания и выслушивания самых диких историй из уст лам я не был уверен, какого человека я ожидаю. Я рад, что вы полноправный офицер, фон Зюберманн!

Карл фон Гроссен и Хайнц Шмидт, который не сказал ни слова, да и не сказал бы потом, потому что был слишком скуп, добрались до нас за пять километров до монастыря. Мы прибыли туда и были приглашены в уютную комнату, где на каменном очаге горели дрова и гуано; температура на улице была десять градусов ниже нуля.

На самом деле мы оказались не в простом монастыре лам, как я предполагал, а в небольшой цитадели, окруженной сдерживающей стеной: за стенами находились три здания совершенно разной архитектуры. Самым внушительным был дворец Дхарма-раджи, где зимой проживал духовный глава Бутана. Вторым по значимости была древняя пагода, возможно, самое старое здание в комплексе. Это **храм**, великолепно высеченный из одного колоссального куска камня, - объяснил фон Гроссен, когда мы пересекли внешний двор. Он относится к тому времени, когда в этом регионе господствовали **буддийские жрецы** Манипура: храм был посвящен поклонению Ману Вайвасвате, который управляет нынешней мантрой или **Мануантарой**, то есть **циклом существования человечества, состоящего из животных-людей**. Впоследствии страна была завоевана племенем лопа под командованием даосских посвящённых, которые были глубоко иконоборцами и ненавидели **всех** жрецов без различия культа. Естественно, они закрыли храм, предав мечу последних его обитателей. Если бы это было не так, то сейчас здесь поклонялись бы Майтрейе, следующей реинкарнации Ману, который был бы не кем иным, как Мессией, ожидаемым евреями. Но буддийские ордена священников не забыли это место и постоянно ищут возможность вернуть его себе.

Третье здание, где мы находились, было монастырем. Он представлял собой лабиринтообразное здание с большой общиной тибетских монахов и монахинь. Такой состав смешанных посвящений удивил меня, и я сообщил об этом фон Гроссену.

-Это то, что нынешние обитатели составляют Тайное Общество, которое не является ни индуистским, ни буддийским, ни даосским, но находится "за пределами" этих религиозных систем: и "за пределами" означает не "над" или "выше", а **вне**. Иными словами, Мудрость, которой они обладают, находится **за пределами** религиозных систем. Таким образом, они обладают не простым синкретизмом, а истинной духовной Мудростью,

возможно, то же самое, что вы в Черном Ордене и мы в Институте Аненербе называем *Гиперборейской Мудростью*. // На самом деле они полностью придерживаются национал-социализма, хотя их интересует не столько политика, сколько философия и земное присутствие фюрера, которого они называют "Властелином воли".

// Пятеро офицеров сидели на стульях в конце стола удивительной длины - крошечная группа на месте, где могло бы разместиться более пятидесяти человек. Фон Гроссен сидел в центре, спиной к потрескивающему очагу. Холитские носильщики отдыхали на соседнем блоке. Разговор прервался, когда в зал вошли три монаха в черных одеждах из шерсти яка. Их головы были покрыты капюшонами, пришитыми к самим одеяниям, что скрывало их лица, хотя было ясно, что у всех троих длинные волосы и они принадлежат к тибетской расе, возможно, к лоба. Двое казались очень молодыми и сильными, причем разного пола: йог и йогиня, посвященные в боевые искусства, двигавшиеся с кошачьей грацией. Третий, старик неопределенного возраста, обратился к фон Гроссену на джем-бодскаде.

// *Штандартенфюрер* поспешил представить его:

- *Камераден*: Перед вами *Гуру Висарага*, глава этого монастыря, вместе с двумя главными *садхаками*.

Они приветствовали нас кивком головы, на что мы нелепо ответили нацистским приветствием.

Хотя они и хозяева, - уточнил фон Гроссен, - они просят разрешения остаться у нас. Я ответил им утвердительно, ибо они абсолютно надежные люди. Тогда продолжим наши дела.

Монахи сели, а фон Гроссен продолжал тихо говорить по-немецки. И пока длился разговор, я с неудовольствием замечал, что они не сводят с меня глаз, словно что-то в моем облике неудержимо притягивало их внимание и гипнотизировало.

- Как я уже говорил, - пояснил фон Гроссен, - эти монахи составляют тайное общество, известное как Круг Каулы. Их Мудрость - это Кула, тантризм "левой руки", система йоги, позволяющая трансмутировать и использовать сексуальную энергию, но требующая физического участия женщины. Отсюда и смешанное население, которое удивило вас, фон Зюберманн. В Тибете кауликов боятся как "черных магов", но, на мой взгляд, единственное, что в них черное, - это халат. Шутки шутками, но очевидно, что такая квалификация исходит от их злейших врагов, членов Белого братства, таинственной организации, стоящей за буддизмом и другими религиями и очень могущественной в этих краях: именно в противовес и в противовес "*белому*" братству каулики называются "*черными*", поскольку они - аскеты высокой морали.³⁷ Все мужчины и женщины, которых вы здесь видели, - *садхаки-вамачари*.

Инициаты на Пути Кулы периодически проводят Ритуал под названием "пяти вызовов", в котором они практикуют "пять действий, запрещенных Мастерам Калачакры", что объясняет, почему их ненавидят Учителя Шамбалы. Вульгарно этот тайный Ритуал также известен как "*Панкамакара*" или "из пяти М", потому что с этой буквы начинаются

³⁷ *Вамачарис*: Маг Каулика или Инициат Левой Руки.

пять названий "запретных вещей": *madya* - вино; *mâmsa* - мясо; *matsya* - рыба; *mudrâ* - зерно; *maithuna* - половой акт. По мнению их врагов-буддистов, практикуя этот ритуал, каулики становятся на *vâmo mârga*, или "левый путь", путь кшатриев, который ведет к войне, а не к миру, к Агарте, а не к Шамбале, к абсолютному объединению себя, а не к нирваническому уничтожению себя, отождествленному с единым Парабрахманом. Несомненно, что с помощью тайных техник своей сексуальной Тантры каулики обретают невероятную власть над животной природой человеческого тела и даже добиваются духовного освобождения.

Короче говоря, фон Зюберманн, каулики - это совершенные йоги, Инициаты, способные в экстазе сексуального акта достичь Бесконечности и Вечности Духа и поместить ядро своего сознания за пределы Mâyâ, иллюзии материальных форм.

От раннего даосизма мало что сохранилось, хотя формально, чтобы избежать преследований, монахи называют себя "даосами" - религией, более приемлемой для буддийских и индуистских князей соседних стран. Но в шаштрах Лао Цзе, которые хранятся в этом монастыре, **слово "дао" заменено на "вруна"**, то есть на **Шакти**, Вечный и Бесконечный Дух человека. Не забывайте, фон Зюберманн, что здесь мы имеем дело с Мудростью, которая исходит из другого источника, нежели Чанг Шамбала, и поэтому Шакти означает "Чистый Дух", понятие, аналогичное "Благодати" западной теологии.

Вруна - древнее индоарийское слово, означающее "Вечный, Бесконечный и Несотворенный Дух": от него произошли знаки, обозначающие эти чувства, то есть **Руны**, открытые арийцам Вотаном; также тот же корень записывает Бог Варуна. Однако, согласно самым отдаленным традициям Белой Расы, та же "Вруна" происходит, в свою очередь, от атлантского слова *Vril*, которое имело то же значение. **⚡**Вы видите, фон Зюберманн, что "Врил", предлагаемый в Германии в качестве духовного идеала посвященного рыцаря, - это состояние, представленное здесь Вруной, тантрической силой, стоящей за пределами Кулы и Акулы, и как истинное духовное Дао находится за пределами Инь и Ян. **Для духовного человека Врил как Вруна всегда принимает форму Древней Богини, Божественной Шакти, которая есть не что иное, как забытый образ Супруги Истока.** Каулики верят, что по достижении Вруны, которая может быть достигнута только после прохождения через ритуальную смерть, свободный Дух оказывается перед Истиной Истока, воссоединяется со своим изначальным партнером, и Брак Духа завершается, после чего Вечность вновь обретается. Каулика, живой или мертвый, испытывает после этого ледяную Любовь, не принадлежащую этой Вселенной, и вновь становится частью Расы Врунических Богов, Владык Врила.

В общем, **здесь каулики следуют по Пути Кулы, который начинается в**

женщина из плоти и заканчивается в Изначальной Паре, в глубинах Самого Себя: в конце этого опасного пути, каулика, окончившая столкнувшись с Истиной, откинувшая завесы всех Тайн, - Шива, Разрушитель Иллюзий, Воин par excellence. Для нас, фон Зюберманн, Шива - это Люцифер, это Каин, это Гермес, это Меркурий, это Вотан: для нас Шива - это прототип рыцаря. **⚡**

Гуру Висарага и его садхаки продолжали с восторгом наблюдать за мной. Из необычного доклада Карла фон Гроссена я понял, почему именно его выбрали руководителем этой операции: помимо военных навыков и знаний, **штандартенфюрер** прекрасно разбирался в азиатских обычаях и религиозных верованиях. Я решил задать ему конкретный вопрос, касающийся главной цели миссии.

Я очень благодарен вам за ценную информацию, - сказал я, - но есть кое-что, что беспокоит меня с момента нашего приезда. Потом вы сказали: "Я думал, вы не успеете приехать вовремя". Сколько у нас времени, герр фон Гроссен?

-Немного, очень немного, фон Зюберманн. Но этого будет достаточно, чтобы достичь Шеффера до озера Кяринг, если мы отправимся как можно скорее и удвоим наш марш. Вы знаете, что один из членов экспедиции, офицер Оскар Файль, будет передан там секте фанатичных убийц?

Да, - ответил я. Мне сообщили об этом в Берлине. Меня удивляет, как вам удалось это выяснить, какими средствами вы пользовались, чтобы постоянно знать местонахождение экспедиции Шеффера.

-Это не секрет, не какая-то таинственная или сверхъестественная процедура: это обыкновенный шпионаж; самый классический случай шпионажа, который вы изучали на курсах безопасности. Как вы знаете, с тех пор как операция "**Альтвестен**" была организована в Германии, в нее проникла С.Д.: у нас там есть два человека из Секретной службы, которые не вызвали никаких подозрений у подозрительного Эрнста Шеффера. Но они ничего не смогли бы сделать, если бы на нашей стороне не было поддержки Круга Каула, чьи шупальца простираются по всему Тибету. Именно верные каулики передают сообщения наших шпионов через Гималаи и постоянно сообщают нам местонахождение экспедиции. Я уже говорил вам, фон Зюберманн, что в этих странах кауликов очень боятся, и их слава способствует сотрудничеству с суеверными жителями деревень. Слава, которая в этом отношении ничуть не умаляет их достоинств, ведь они не аскеты, а монахи-воины, и предатели могут быть уверены, что рано или поздно погибнут от их рук. Таким образом, вокруг нашей цели была создана обширная сеть шпионажа.

Вы должны знать, фон Зюберманн, что Дхарма Раджа, духовный глава всей страны Бутан, является тайным сторонником Круга Каула, и поэтому сделал прилегающий дворец своей зимней резиденцией. Он люто ненавидит англичан, которых считает "представителями дьявола", и приказал оказывать нам как можно больше помощи, пока мы остаемся в его стране. Второй важный человек - раджа Деб, которому поручено управление и государственные дела, поэтому он должен оставаться в Пунакхе и мириться с англичанами, которых он ненавидит так же сильно, как и раджа Дхарма. Однако у нас есть официальные конвои, которые позволят нам добраться до Тибета и даже передвигаться по Тибету, представляясь чиновниками и купцами на службе у раджи.

-Согласно сказанному, - продолжал фон Гроссен, - у нас очень мало времени. По возможности мы должны выехать завтра. Эрнст Шеффер покинул Лхасу три недели назад, следуя в Чамдо, но он движется медленно, потому что не хочет, чтобы какое-либо недоразумение испортило его визит в Чанг Шамбалу: он знает, что за его передвижениями постоянно наблюдают с

Кампальской башни. Его осторожность тем более понятна, что ему пришлось провести год в Лхасе, во дворце Далай-ламы,

Пока он не получил разрешения приблизиться к Чанг Шамбале: ему еще предстоит пересечь Кансел и убедить своих Хранителей в том, что они действительно имеют одобрение Владык. Поэтому вполне понятно, что он старается избегать ошибок и медленно приближается к своей адской цели.

Со своей стороны, мы должны уехать как можно скорее, ведь приближается зима, и скоро гималайские перевалы превратятся в ледники. Однако, оказавшись в Тибете, мы свернем с торгового пути, проложенного Шеффером, и будем коротать дни, пока не догоним его.

Глава XXII

Карл фон Гроссен все спланировал так, чтобы уехать сразу по нашему прибытию. Однако, несмотря на все наши усилия, отъезд удалось начать только через два дня. Поэтому на следующий день после нашего приезда я провел время, осматривая монастырь и изучая чудесные скульптурные работы Пагоды. Именно там со мной произошел забавный случай, который, как ни удивительно, затронул и вас, неффе Артуро, более сорока лет спустя.....

Когда я вошел в неф циклопической резной скалы, меня внезапно о окружила группа монахов-кауликов. До этого момента они распевали мантру перед гигантской статуей Шивы, танцующего на Ях-драконе: заметив мое присутствие, они постепенно замолчали, а затем, подобно арабам, похитившим меня в Каире, как замороженные бросились рядом со мной. Но я был предупрежден, ибо провел долгие годы в Орденсбурге и в Черном Ордене под руководством Конрада Тарштейна, не обращать внимания на то, что происходило с этими Инициатами. Это был Знак Истока, невидимый для меня Знак, который в кауликах вызывал харизматический эффект, поднимая их духовно к Истоку Самого Себя: вот почему они желали стоять рядом со мной, созерцать меня, удерживать восприятие Несотворенного. Они не желали ничего более, и потому я оставался неизменным на месте, в то время как эти Инициаты уходили от нереальности мира и входили в Реальность Духа.

Так мы и простояли некоторое время в абсолютном молчании: новый двор статуй для этого ледяного пантеона. Я понимал их язык и пытался заговорить с ними, но это было бесполезно, так как в своем мистическом состоянии они считали почти кощунством разговаривать со мной. Через некоторое время я уже начал думать, как от них избавиться, как вдруг заметил приближающегося необычайно улыбчивого Гуру Висарагу. Все монахи посторонились, когда он проходил мимо, и он, взяв меня за левую руку, вывел меня из этой сложной ситуации. Медленно он повел меня во внутренний двор, за которым на равном расстоянии следовали галлюцинирующие монахи.

Во дворе его ждали садхаки, которых мы видели накануне вечером: каждый из них держал на привязи огромного мастифа. Они были на поводке на шее, без намордников, к которому крепилась поводка, и при этом не издавали ни единого лая: немые, молчаливые, как монахи вокруг меня, эти страшные собаки наблюдали за мной, не смыкая глаз.

Затем заговорил Гуру Висарага. И его слова до сих пор звучат в моих ушах со странной ясностью.

-О Джово: Ты для нас - *Шиватулку*, то есть проявление Шивы. Эти собаки, которых вы видите здесь, - подарок нашей общины тому, кто так ярко проявляет Знак Бхайравы: самка называется "Кула", а самец - "Акула".

Это был последний подарок, который я ожидал получить от каулика. Я хотел возразить, но Учитель не дал мне ответить: "Спасибо!" - сказал я.

¶Ваш коллега фон Гроссен, который несколько месяцев делил с нами стол, рассказал нам, что Инициаты способны одним криком остановить разъяренного мастифа.

Я кивнул:

-Действительно, - сказал я. ¶Каждый Инициат должен продемонстрировать, что он способен навязать господство Духа всем животным существам земли, какими бы дикими они ни были.

-Ах, - вздохнул Учитель. Нам трудно представить ваш мир, так же как вам почти невозможно представить наш. Больше чем расы, нас разделяет Вселенная символов, стена иллюзий, воздвигнутая Великим Обманщиком. Вы часто довольствуетесь пустыми словами, то есть словами, которые представляют идеи, идеи, которые имеют мало веса в реальности, идеи, которые так же иллюзорны, как и другие формы Майи. Знак, который вы носите, отличает вас от всех остальных смертных. Однако ни вы, ни ваши Учителя не знают, как продемонстрировать это превосходство.³⁸Что ж, с этой простой парой мастифов, о Бхаттарак, ты сделаешь то, на что в этом мире не способен никто, если он не носит Знак Шивы: ***мы откроем тебе Килкор, который позволит тебе мысленно повелевать обоими мастифами одновременно.***

Управлять собакой с помощью разума было бы невероятно для любого рационалистического мышления, но я считал это возможным и воспринимал как нечто само собой разумеющееся; непостижимым для меня было то, что я мог управлять ***"обоими мастифами одновременно"***. Гуру Висарага, продолжая объяснять особенности зловещего дара, вскоре развеял все мои сомнения.

-Не обманывайтесь их свирепым видом, - решительно сказал он.³⁹Это не обычные животные, а особая пара ***собак-даивов, уравновешенная*** в нашем монастыре по очень древним формулам, которыми владеет Круг Каула: собаки-даивы - это проявления архетипической пары небесных собак; каждая из них - точное отражение другой, и обе в совершенстве исходят от Пса Небесного; даже их эфирные тела принадлежат одной и той же Групповой Душе. Они похожи на ***пары проявленных противоположных принципов***, и обычно один из них нейтрализует другой без всяких средств. Во время очень древней войны, возможно, предшествовавшей той, о которой повествуется в "Махабхарате", Учителя тренировали собак-даивов как оружие, чтобы они нападали парами и не могли быть остановлены врагами низших варн: ***только кшатрии, духовные Герои, те, кто по своей Чистой Крови был "вне" противоположных принципов Кулы и Акулы, могли остановить собак-даивов.*** Вот что вы, носящие Знак Шивы, можете сделать сегодня с Кулой и Акулой!

Видите ли, - заключил Учитель, - хотя ваша способность остановить разъяренного мастифа командным голосом может показаться вам подвигом силы, это и есть подвиг силы.

³⁸ *Янтра* или *мандала* (тибетский: *Килкор*). Геометрическая фигура для ритуального или магического использования. Означает "окружение".

Термин "**килкор**" дает представление о "заключении" или "заключении в тюрьму". В более широком смысле килкор может быть стеной или укреплением, и это значение также распространяется на санскритское "мандала".
Собаки **даива**: "божественные" собаки, собаки богов.

Неподражаемо, и, возможно, именно на Западе, вы ничего не сможете сделать против пары даивов-псов. ~~И~~Конечно, я говорю об Инициатах в целом. Ибо ты, **Сладкий** Паломник, отличаешься от всех, ты обладаешь древним Дао, активной неподвижностью медитирующего Шивы: **ты можешь овладеть собаками даива умом, потому что твой Дух - за пределами Кулы и Акулы!**

Представьте себе, неффе Артуро, восемь стержней с **тризубом** или трезубцем на каждом конце, то есть восемь стержней и шестнадцать трезубцев, расположенных параллельно друг другу и отстоящих друг от друга на небольшие расстояния. Затем представьте еще один такой же набор, но с прутьями, расположенными перпендикулярно предыдущим. Наконец, наложите один набор на другой, чтобы получилась решетка, и вы получите основную форму янтры, которой меня научил Гуру Висарага: четырехугольную решетку с восемью трезубцами на каждой стороне и сорока девятью внутренними квадратами.

После этих объяснений Учитель, которого всегда сопровождала пара садхаков и свирепые собаки, привел меня в комнату, освещенную сотнями свечей, пол которой не был ничем вымощен. С одной из многочисленных полок, заставленных свечами, он взял несколько мешков, наполненных мелким песком разных цветов, и с необыкновенным мастерством высыпал их на пол, чтобы получился описанный Килкор.

Он спросил меня, смогу ли я вспомнить. Я кивнул, а затем сказал он:

-Сын Шивы: не удивляйся, что мы знаем твои секреты, потому что мы знаем о вас больше, чем вы сами предполагаете. Вы пришли из далекой страны, более далекой, чем Ассам Камарупа, который кажется нам таким далеким, но у вас много общего с кауликами: вы принадлежите к той же расе и варне, вы кшатрий; вы сражаетесь на нашей стороне против того же врага; вы посвящены в ту же древнюю Мудрость Шивы, Владыки войны и разрушения майи, Мудрость, на которой основана Каула-тантра. И для нас, Инициатов Каула-тантры, вы - **Тулку** Шивы, как я назвал вас минуту назад. Знаете ли вы, что такое Тулку?

-Я думаю, да, - ответил я без особого убеждения, - реинкарнация Бог.

-Нет! -запрещено с прочно сайт Гуру Висарага, хотя улыбнулся сострадательно. Вы должны сказать, что это, во всяком случае, одна из **одновременных** реинкарнаций Бога. Согласно тантрической доктрине, когда Бог в данную эпоху решает явить себя людям, он может и обычно делает это во множестве физических проявлений: тогда Бог обладает множеством тел, существуя как человек одновременно в разных местах и обстоятельствах. Эти люди, **как и вы**, в ы р а ж а ю т признаки Бога, но иногда не осознают, что они **Тулкусы**.

Поэтому одновременно существует несколько Тулкусов. Наш Тибет всегда б ы л богат Тулкусами благодаря высокой духовности арийцев и других рас, которые также овладели древней Мудростью; мы, возможно, единственные в мире Инициаты, умеющие читать знаки Тулкусов. Но теперь, в

конце Эпохи Калы, Боги переместились в страны того региона, откуда вы родом, и в другие, расположенные за темными океанами. Твоя родина, Германия, где сегодня живут самые сильные потомки

Вы, Тулку Шивы, - одна из последних земных ступеней, на которых Тулку будут разыгрывать драму Войны Небес! Не случайно ты выполняешь эту миссию, и не случайно мы помогаем тебе: **это другие Тулку, живущие вместе с тобой в твоём Народе, с великой Мудростью послали тебя преградить путь асурам Шамбалы.**

⁴⁰И именно потому, что мы признаем вас Тулку, мы дадим вам докша в Килкор свади.

Вы можете догадаться, Неффе, какие сомнения я испытывал по поводу верований Кауликаса. Я - тулку? Правда заключалась в том, что я ощущал себя проявлением **единого Духа**, но ни в коем случае не мог утверждать или отрицать, что я также являюсь его **единственным проявлением**. Мысль о такой тревожной возможности никогда не приходила мне в голову, но, по сути, я и не верил в нее в то время. Хотя я не отказался бы, например, причаститься в качестве Тулку к сущности фюрера и тем самым разделить его Судьбу Славы.

Гуру предложил мне чашу, сделанную из человеческого черепа, художественно выложенную изнутри серебряным листом и усыпанную изумрудами, которая была переполнена неприятным коктейлем. В ней был **нанг тхеуд** - тантрический вариант **сомы**, **амриты** или **медовухи**, то есть эликсир ритуалов посвящения, напиток богов (сиддхов) или полубогов (вирьев); нанг тхеуд используется главным образом в ритуале Пяти Вызовов, поскольку он готовится из пяти "запретных вещей": пяти видов мяса, включая человеческое; пяти рыб; пяти злаков; пяти вин; и пяти веществ, связанных с сексом, таких как моча, сперма, кровь, фекалии и костный мозг.

Я выпил его с явным недоверием, и Гуру Висарага, возможно, чтобы успокоить меня, продолжил свои объяснения еще немного:

-Существует множество видов Килкора: смерти, освобождения, зачарования, силы и так далее. И все они требуют владения Мантрам-йогой и совершенства в произнесении магических формул, которые **их оживляют**. Таким образом, существует три степени или способа утверждения слов силы или **биджа**: **॥⁴¹джапа вачика**, которая заключается в **выкрикивании биджа**, как **акустических команд**, на манер ваших военных "командных голосов"; это самая низкая из джап, и именно ее использовали для усмирения мастифов; **джапа упамшу**, которая призывает **произносить** биджа без крика и речи, как астральные команды; и, наконец, самая высокая из джап, которая призывает **произносить** биджа без крика и речи, как астральные команды; и, наконец, высшая из джап - **манаса**, действие которой не каузально, а синхронистично, т.е. **харизматически совпадает** с событием, на которое нужно воздействовать, как **несотворенные команды**. Как палочки И-Цзин **образуют** несотворенный смысл, раскрывающий или обнажающий замыслы Богов, смысл, **не** завещанный Богами, смысл, который **не был** заложен в судьбе, смысл, возникающий в результате акаузального совпадения между Неизвестным Высшим и Известным Низшим, смысл, вырванный силой Магов у Богов-предателей, так и джапа-манаса действует по единственному решению Инициатов, тех, кто находится за пределами Кулы и Акулы.

⁴⁰ Dar la *dikshā*: посвящение в Килкор *сеади*, или "Килкор собаки".

⁴¹ *Джапа*: рецитация биджа, звуков или магических слов.

Ты должен знать, о Шиватулку, что только великие Инициаты способны обрести мастерство в джапа-упамшу, втором уровне. Именно они обладают силой **тулпы**, или **мудратулпы**, способностью наделять реальностью упорядоченные идеи и заставлять их возникать в Мире: с помощью правильного Килкора и правильной джапы упамшу можно заставить появиться все виды материальных объектов или произвести бесконечные явления. Вот эти собаки-даивы, которых вы видите, - всего лишь **тулпы**, созданные нами, чтобы продемонстрировать вашу силу тулку.

-Не удивляйтесь; мы мысленно создали дого для вас, чтобы вы применяли на практике высшую джапу, джапу манаса, которая является особой добродетелью только сиддхов или вирьев и которой Тулку обладает от природы. Даивы-собаки Тулпамудры действительно реальны, но только ты, о Шиватулку, можешь управлять ими с помощью джапы Килкор свади. Кауликам требуется опасная дикша, и они способны лишь выражать джапа-упамшу, но тебе, который является вирьей, нужно лишь, чтобы мы **передали тебе вирьяйоджану Силу, которая позволяет тебе "давать жизнь" ментальным проекциям тулпы, ангура джапа-манаса**. Вы не каулика, а тантрика; и вы уже о б л а д а е т е силой джапа-манаса.

Затем он **дал мне ключ к 49 биджам, которые входили в соответствующие сектора Килкора**.

Магическая" процедура управления заключалась в следующем: Я должен был представить себе решетку Килькора и поместить в каждый квадрат биджу или **слово силы**; каждая биджу **была командой**, которой собаки подчинялись автоматически: биджу означало Тишина!, еще один, вперед!, еще один, стоп!, еще один, атака! и т.д. и т.п., пока не будет выполнено сорок девять.

Несмотря на мой первоначальный скептицизм и к радости монахов, я обнаружил, что система действительно безошибочна: как только я запомнил янтру, собаки стали продолжением моего собственного разума, и малейшего намека биджа было достаточно, чтобы заставить их повиноваться без хныканья, а точнее, без лая.

Поскольку этот эффект был логически удивительным, я не мог не задать Учителю вопрос о том, каким образом контроль сознания оказался эффективным.

Для нас это очень просто, - пояснил он, - мы нанесли килкор, подобный этому, на тонкое тело каждой собаки, и установили аналоговое соответствие между каждой биджа и определенными жизненными или двигательными функциями обоих животных. Если бы это было сделано с одним животным любого вида, Учитель или посвященный каулика мог бы овладеть им без помех. Но, как я уже говорил, с парой даива-собака дело обстоит иначе: они принадлежат к одному Архетипу собаки, и оба нормально уравновешены; **если мысленная команда отдается "ниже" архетипической Плоскости, одна нейтрализует другую и не оказывает никакого воздействия; только тот, кто способен мыслить "выше" архетипической Плоскости, за пределами Архетипа, созданного Богами Матери, выше относительной двойственности проявленного и абсолютного единства непроявленного, может заставить свою волю преобладать в действии собак дайва**. Никогда не забывайте: ни Владыка Иерархии, ни

тот, чья мысль состоит из противоположных принципов, не может остановить псов дайва!

Кула и Акула, неффе Артуро, - прапрапрадедушки Инь и Янь, собачек, которые напали на вас, когда вы так бесцеремонно проникли в поместье и я принял вас за врага. Как и их предки, они подчиняются мысленным командам янтры и **двигаются одновременно**, идеально синхронно.

Глава XXIII

В то утро доктор Паласиос снял гипс. Рука зажила, но все еще оставалось ужасное чувство слабости, напоминавшее мне о страшной эффективности тибетских собак. Последние рассказы дяди Курта все проясняли... и в то же время погружали меня в величайшую Тайну. Его посвящение, миссия в Тибете, сила знака происхождения, невероятное родство его инструктора Конрада Тарштейна с Белисеной Вилькой и вопрос о мопсах. Да, все становилось яснее, но в то же время Тайна моего собственного существования росла. С каждым мгновением в контекст моей жизни добавлялись новые элементы: незнакомые родственники, далекие страны, неизвестные доктрины, непримиримые враги. Но кем я был? В одном я теперь был уверен: у меня не было ни малейшего шанса избежать истории, я никогда не был свободен в выборе своей Судьбы, у меня не было ни капли свободы воли. Все это было иллюзией, притворством. Я чувствовал, что со мной играют, как в шахматы, нечеловеческие существа, которые, очевидно, знали правила игры и расположение фигур: доской была Тайна, которую я едва мог разглядеть, но которую не мог постичь, потому что был в нее вписан.

Я понимал, что должен выкинуть эти пессимистические мысли из головы, чтобы не сойти с ума. И, как ни парадоксально, когда дядя Курт не делился со мной своим рассказом, я развлекался тем, что наблюдал за собаками-даивами, которых больше не боялся: я ждал, что дядя Курт выполнит свое обещание и откроет мне биджа-янтра. По его словам, я мог управлять ими с помощью своего разума.

Глава XXIV

К этому времени, - продолжал дядя Курт вечером, - прошло три дня, и на холодном рассвете мы покинули монастырь и отправились в Тибет. **⚡** Теперь караван состоял из пяти офицеров, пяти носильщиков-холитов из Дакки, которые согласились идти в Тибет, и десяти каулика-лопасов, знатоков боевых искусств и тантрической магии. Переход через Гималаи осуществлялся по известному только монахам перевалу, который обходил стороной все населенные пункты в долине Гангри, но поднимался на высоту более 5 000 метров и проходил вдоль склонов Кула Гангри, величественной вершины высотой 7 600 метров.

Уже на тибетском плато, в стране **Лей-Юл**, мы должны были идти прямо на север; план фон Гроссена поначалу казался надуманным, хотя на первый взгляд таковым не являлся; и в действительности он принес ожидаемые результаты. Он заключался в том, чтобы достичь берегов Брахмапутры,

которая в долине Гангри течет параллельно Гималаям с запада на восток, и сесть на плот, чтобы переплыть ее бурное течение: точка, в которой нужно спуститься (если мы не

Мы потерпели кораблекрушение раньше) находится на 30° северной широты и 95° восточной долготы. В. д., где река "Сын Брахмы" круто поворачивает на юг и направляется к Бенгальским долинам. При такой тактике мы смогли бы вернуть часть времени, на которое опередили экспедицию Эрнста Шейффера.

По информации фон Гроссена, Шейффер и его люди передвигались по дороге Юнг-Лам, которая заканчивалась в Китае на 2000 км и была разрешена только курьерам или официальным тибетским чиновникам; торговцы же пользовались дорогой Чанг-Лам. Но операция Шейффера, одобренная Далай-ламой, была почти официальной миссией. Однако проехать по этому пути было нелегко, поскольку, прежде чем достичь озера Кьяринг, где находился Шамбала Кансел, нужно было преодолеть десятки препятствий; чтобы вы представляли себе, неффе Артуро, насколько сложными были эти пути сообщения, скажу, что всего через 600 км. Чтобы дать вам представление, нефф Артуро, о том, насколько трудными были эти дороги, скажу, что всего за 600 км пути из Лхасы в Чамдо дорога Чанг-Лам пересекла более сорока горных хребтов, преодолев перевалы высотой от 3 000 до 5 500 м; и это не считая бесчисленных потоков и рек, часто без мостов, которые стремительно текли через промежуточные долины.

В Чамдо караван Шейффера свернет с официальной дороги и пойдет по тропе лам-паломников, открытой параллельно правому берегу реки Меконг, которая приведет путешественников прямо к озеру Кьяринг. Добравшись до него, они направляются в монастырь, или **гомпу**, лам Куркума Боннет из племени дускха, хранителей Шамбалы. Этот монастырь, известный с древних времен как "Ашрам Джафрана" и подожженный нами, находился за городской стеной дускхов, тибетского народа, известного выращиваемым ими сортом шафрана, или куркумы, из которого они извлекали наркотическое средство для ритуального использования и краситель, которым они окрашивали чепцы или тиары своих лам. Если бы все прошло хорошо, то есть после принятия Необходимой Жертвы и **открытия Канцелярии**, экспедиция отправилась бы в окрестности озера Куку-Нур, где находится одна из южных оконечностей Великой Китайской стены, а также, **или именно поэтому**, одни из Врат Чанг-Шамбалы. Наша стратегия, конечно же, требовала, чтобы мы догнали Эрнста Шейффера до его прибытия в Джафранский ашрам, иначе мы бы безвозвратно потеряли Оскара Файла.

Как бы то ни было, операция, которую мы собирались предпринять, была тщательно изучена фон Гроссеном и Шмидтом, и, хотя тревога за спасение Оскара наполняла меня нетерпением, у меня не было другого выхода, кроме как поверить в их правоту. И вот, пока экспедиция Шейффера пробиралась к террасированным плато Восточного Тибета, пересеченным десятками горных хребтов, протянувшихся с севера на юг, и десятками переплетающихся долин, мы на максимальной скорости двигались по равнине долины Гангри, держа курс на север, стараясь как можно скорее достичь реки Яру-Занг-Бо, или Верхней Брахмапутры. По этой реке нам предстояло проплыть всего четыреста километров, но, по расчетам фон Гроссена, за четыре-пять дней мы преодолеем расстояние, которое по суше, по дороге Юнг-Лам, займет в пять раз больше времени.

В заранее выбранной точке побережья два прочно построенных плота, каждый из которых может перевозить 10 человек и тонну груза.

груза: более чем достаточно, чтобы покрыть наши потребности. Каулики договорились об их найме, и цена была высокой, ведь им нужно было заплатить за путешествие до Садиги и за буксиры, которые доставят их обратно в Верхнюю Брахмапутру.

Умелые лодочники, стимулированные обещанием дополнительного вознаграждения или напуганные опасностью со стороны монахов Каулики, искусно направляли плоты по центру русла, максимально используя скорость реки. И пока стремительное течение быстро приближало меня к цели миссии, я с восхищением смотрел на один из самых необычных ландшафтов на земле, сравнимый лишь в меньшей степени с плато Тиауанако в Америке. Ведь эта река, "сын Брахмы", протекавшая по холодной долине на высоте 4 000 метров над уровнем моря, упиралась своими берегами в берег плато Тиауанако в Америке. Справа простирались Гималаи, в системе которых, согласно азиатской традиции, находится гора Меру, Олимп индийцев; а слева возвышались горы Гангри, хребет, завершающийся на западе горой Кайлас, обителью Шивы.

Через неделю мы уже ехали в Юшу, на северо-западе страны, пытаясь ускорить путь за счет приобретения яков, поскольку существовал маршрут из перевалов и перевалов, позволявший двигаться дальше с такими животными. Пройдя через непрерывную череду небольших долин, пересекая многочисленные горные хребты, преодолевая могучую реку Салуэн и множество других мелких потоков, мы в один прекрасный день прибыли на берега Меконга, примерно в 80 км от Чамдо. К этому времени каулики узнали, что экспедиция Шеффера опережает нас всего на пятнадцать дней: не так уж много времени в тех широтах, где продолжительность путешествия измеряется месяцами; очень много времени, если речь шла о спасении жизни Оскара Файля.

К счастью, погода была прекрасной на протяжении всего пути и сохранялась до самого конца. Мы перешли на правый берег Меконга и свернули на Ламскую дорогу, надеясь сократить расстояние, отделяющее нас от Шеффера, идя быстрее его колонны и останавливаясь только для отдыха. Однако продвижение было медленным до изнеможения, так как знаменитая "дорога" представляла собой узкую, высокую дамбу, по которой едва могли пройти яки, и нам часто приходилось их разгружать. Где-то на этом пути, на высоте более 4 000 метров, мы пересекли китайскую границу. Наконец мы добрались до Юшу и обнаружили, что другая группа западных путешественников покинула город десятью днями ранее. Эта новость, вместо того чтобы радоваться выигранному времени, привела нас в отчаяние, поскольку этот город был пунктом на дороге Чанг-Лам, через которую проходила большая часть торговли Тибета с Китаем и по которой можно было проехать довольно быстро.

С июля 1937 года Китай подвергся нашествию японцев, которые еще со времен войны с Россией 1905 года господствовали в Корее и на Формозе. В конце 1938 года Япония захватила Маньчжурию и все южное побережье, угрожая распространиться вглубь страны: Кантон, Нанкин, Шанхай, Пекин и т. д. попали под их власть; грозным клещевым движением они стремились теперь занять огромную полосу между реками

Янг Тсе Кианг и Хоанг Хо, то есть между Голубой и Желтой реками. В стране царило социальное разложение, а в регионах, еще не контролируемых японцами, гражданская война разгоралась с особой жестокостью.

Юшу, расположенный на западной границе, находился вдали от японцев, но не от гражданской войны. В городе было беспокойно, и нам ни в коем случае не хотелось, чтобы нас слишком часто видели, поэтому мы спрятались в доме одной семьи Каулика. Именно они дали нам информацию о десятидневной форе, которую давала нам немецкая экспедиция.

Добраться до них, путешествуя в караване, как раньше, было невозможно. По словам фон Гроссена, оставалась только одна альтернатива: отделиться от груза и отправиться вперед верхом; вперед пойдут пять немцев и восемь монахов, а две лопы останутся охранять пять холитов, собак даивов, яков с грузом и недавно присоединенных жо, которые являются гибридными самцами, полученными в результате скрещивания яка с коровой. Следуя этому варианту плана, каулики приобрели самые крупные экземпляры маленьких тибетских лошадей, и каждый взял с собой минимум провизии на десять дней, поскольку на этом торговом пути часто чередовались деревни, места отдыха и провизии. Самым тяжелым грузом для нас было оружие, для которого выделили двух лошадей.

В тот же день мы покинули Юйшу, поспав посменно всего несколько часов. На следующий день мы перешли вброд реку Ян Цзе Кианг, или Голубую реку, и нашли лучшую дорогу после сорока дней пути, причем лошади теперь развивали значительную скорость.

Полагаю, от опытного офицера Карла фон Гроссена в Юшу не ускользнуло, что мы никогда не догоним Шеффера до озера Кяринг, если он будет опережать нас на десять дней. Он, несомненно, изо всех сил старался учесть мое желание спасти Оскара Файля живым, возможно, втайне веря в то, что по какой-то неясной причине наши преследователи остановятся надолго в какой-то точке маршрута. Но этого не произошло, и они продержались достаточно долго, чтобы добраться до ашрама Джафрана, доставить Оскара Файля и снова отправиться к озеру Куку Нур.

Когда дорога Чанг-Лам пересекает Хоанг-Хо, или Желтую реку, которая последовательно образует озера Кяринг и Нгоринг, она находится всего в 20 км от западного берега первого. У этого моста мы встретили человека, который сразу же привлек внимание монахов Каулики: это был один из шпионов, внедренных Кругом Каулы в экспедицию Шеффера и только что избежавших смерти от рук духов. От него мы узнали, что немцы покинули Ашрам тремя днями ранее под руководством мастера Джуал Кхула, иерархического члена Белого Братства, который должен был привести их к Вратам Шамбалы Куку Нур.

По рассказам отважного тибетца, Эрнст Шеффер отправил Оскара Файля в качестве передового отряда исследовать район Джафранского ашрама. Не успел он отправиться в путь, как был схвачен душкхами, которые заточили его в храме.

Оскар был еще жив! Неожиданно у нас появилось драгоценное время для изучения спасения.

Разумеется, все это было спланировано Шеффером в сотрудничестве с Духами: чтобы избежать обязательства открыто выдать Оскара, он заманил его в позорную ловушку, в результате которой тот даже не подозревал, что его предал начальник, но обмануть Эрнст Шеффер хотел не Оскара, поскольку тот все равно бы погиб, а некоторых немецких офицеров, которые, очевидно, не знали о его планах. Но Эрнст Шеффер намеревался обмануть не Оскара, поскольку тот все равно погиб бы, а некоторых немецких офицеров, которые, очевидно, не знали о его планах. Таким образом, негодяй обеспечил себе блестящее алиби, поскольку по возвращении в Германию они сообщат, что "каград Оскар Файль пропал без вести" в ходе операции "*Альтвестен*"!

Именно это сократило пребывание экспедиции в Ашраме, поскольку Шеффер не хотел рисковать тем, что духи случайно узнают, что Оскар находится в плену у духов. Именно при пособничестве духов, которые лицемерно поддались на эту шараду, восемнадцать его товарищей два дня пробивались через всю местность, пытаясь найти его. По всей видимости, только четыре офицера разделяли тайные цели Шеффера.

Эффективность этого каулика в шпионаже за Шеффером объяснялась тем, что он был не простым тибетским носильщиком, хотя и действовал так по приказу своих Учителей, а южноафриканцем непальского происхождения, который прекрасно понимал английский, немецкий и голландский языки. Его семья, принадлежавшая к гуркам, то есть индоарийской расе, дезертировала во время англо-бурской войны и укрывалась на немецких территориях, в конце концов бежав в Бутан после 1918 года, когда Германия лишилась своих колоний. И он, которого звали Банги, и его брат Ганги в детстве были отданы на попечение монахов Каулики, которые посвятили их в тантру и в конце концов направили в Лхасу в качестве тайных агентов на службу к радже Дхарме Бутана. Там им удалось наняться к Шефферу, который принял их за шерпов, несмотря на разницу в расах. Но это были не шерпы, а два воина-гуркха, которые в глубине души ненавидели британцев и терпеливо ждали новой британской войны, чтобы завербоваться на другую сторону.

Шпионы смогли услышать требования предателя к ламам Куркума Бонете и узнали, как Мастер Джуал Кхул выдвигает свои требования, соглашаясь как можно скорее пересечь Врата Шамбалы. Они также узнали о существовании "подношения Ригдену Джиепу" Эрнста Шеффера и поняли, что Оскар Файль был доставлен с помощью хитрости. Поскольку их собратья-каулики не успеют предотвратить жертвоприношение, они попытаются выяснить, где находится пленник, чтобы помочь ему, что было непросто в деревне, населенной 2 000 душкха и 500 ламами.

Братья с величайшей осторожностью осмотрели окрестности монастыря, правильно предположив, что пленника заперли не там, где находились экспедиторы. И действительно, они обнаружили, что один из внешних храмов, расположенный на островке в озере Кьяринг, был закрыт и охранялся вооруженной стражей.

Они сообщили эту новость немецким шпионам в С.Д., попросив их оказать содействие в раскрытии маневра и освобождении Оскара Файля. Ответ одного из них, типичный для западного секретного агента, заставил гуркхов перевести дух:

-Мы за несколько месяцев до этого сообщили Германии о планах Шеффера в отношении Оскара Файля, и полученные нами приказы были четкими и категоричными, как вам хорошо известно: "Ожидать специальных подкреплений, которые помешают Эрнсту Шефферу осуществить операцию **"Альтвестен"**". Подпись: Гейдрих, Гиммлер, Гитлер". Другими словами, нам ничего не было сказано об Оскаре Файле. Мы очень любим нашего товарища и очень сожалеем о его судьбе, но в подобных случаях предписания секретной службы не позволяют нам действовать по собственной инициативе, поскольку с абсолютной точностью установлено, что приоритетом нашей миссии является операция **"Альтвестен"**. Спасение Оскара Файля идет вразрез со свободой действий, которой мы должны придерживаться до конца операции **"Альтвестен"**, а также противоречит прямому приказу и является самоубийственной акцией, после которой в жертву этим дикарям, скорее всего, будут принесены не одна, а три жертвы. Короче говоря, мы ничего не будем предпринимать и просим вас действовать в том же духе, поскольку впереди еще долгий путь, и нам нужна ваша помощь, чтобы передать информацию через Тибет".

Гуркхи заверили, что не будут вмешиваться, но Обсудив это дело между собой, они пришли к выводу, что приказы немцев доходят до них не так, как клятвы, данные Шиве в борьбе с предательством и трусостью. Что значило нарушение холодного бюрократического предписания перед лицом гнева Шивы, который наказывал плохих воинов, лишая их доступа к Высшей Шакти? И разве они не поклялись сражаться до смерти с членами Белого братства? Их обязанности шпионов Джарма-раджи, уполномоченных Кругом Каулы, освобождали их от многих религиозных обязательств, но позволить принести человеческую жертву в жертву вождю Белого братства было выше всякой меры. Ни один сиддха не мог оправдать такой грех, и их непременно покарали бы в Бхардо. Нет. Если для немцев приоритетом было достижение Врат Шамбалы, обители демонов, то для них приоритетом была Кула, проявление Божественной Шакти. И Кула была бы потеряна, если бы они не действовали как истинные воины Акулы. Поэтому они готовы пойти на авантюру, чтобы помочь Оскару Фейлу.

Во вторую и последнюю ночь, которую группа Шеффера провела в ашраме Джафрана, гуркхи решили действовать. Не раздумывая, они погрузились в ледяные воды озера Кяринг и, бесшумно обогнув островок, вышли к задней части храма. Дозорные ничего не заметили. Они быстро взобрались на шестиконечную звезду, которая, выходя на восток, днем освещала огромную статую Ригдена Дьепо, а в день летнего солнцестояния направляла солнечные лучи прямо в Сердце Короля Мира. К счастью, это ужасное отверстие позволяло пройти человеку, и Ганги воспользовался этим, чтобы спуститься, бросив внутрь веревку; его брат оставался на страже на внешнем карнизе.

Оказавшись внутри, он увидел, что храм освещен факелами, а крепко связанный пеньковыми веревками Оскар Фейл спит.

на жертвенном камне. Перед ним вождь Владык Кармы, наслаждающийся **яджनावирьей** болью в предвкушении, - с содроганием подумал незванный гость, наблюдая за риктусом и дьявольским взглядом зловещего изваяния. Но он увидел и другое: внутри находилась стража. Она состояла из четырех душкха, хотя они находились довольно далеко, у единственной двери храма: двое спали на циновке, а двое других оживленно болтали. Гурка стал красться незаметно, стараясь держать жертвенный камень подальше от глаз душкха и держа во рту острый кинжал, чтобы разрезать привязь.

Мгновенно спрятавшись за каменным алтарем, гурка-каулика осторожно приподнялся и через тело Оскара взглянул на поведение духов: они по-прежнему были совершенно рассеяны и теперь занимались игрой в кости. Он провел рукой по лицу Оскара и плотно прижал ее ко рту, намереваясь не дать ему возможности говорить или издавать лишние звуки, когда он проснется. Однако, несмотря на то что пленника трясли с необычайной силой, он не приходил в себя. Наконец он открыл глаза, но Ганги увидел, что они белые, зрачки выпуклые, и с ужасом понял, что немец находится под действием наркотика.

Ничего не оставалось делать, как повернуть назад и покинуть Храм. Шива знал бы, как простить того, кто хотя бы рисковал жизнью, спасая жертву от демонов. Но было ясно, что боги предначертали гурке другую судьбу: когда он отнял руку от рта Оскара, полагая, что тот полностью исчез, случилось немислимое: он издал вопль, на мгновение забился в конвульсиях, но тут же снова потерял сознание.

Тело снова обмякло, но было уже поздно: дозорные с криками бежали к алтарю. Гурка набросился на первого и заколол его, но затем был вынужден сдаться под угрозой двух винтовок для устрашения. Другой стражник открыл дверь храма, и вскоре разъяренная толпа душкхов окружила незваного гостя. Если бы Ганги был вооружен оружием воинов Каулики, он мог бы оказать более достойное сопротивление, но, учитывая его роль носильщика в экспедиции, самое большее, что он мог унести, - это спрятанный в одежде нож. В тот страшный момент он желал только одного - чтобы его брат спасся.

И его желание было исполнено: второй гурка быстро спустился с уступа и вошел в озеро, незаметно добравшись до берега. Спрятавшись за мурильо, повторяющим контур берега, он наблюдал, как через несколько минут появился Эрнст Шеффер в сопровождении двух своих самых верных соратников и шести лам Куркума Бонет. Судьба его брата была предрешена.

В случае поимки оба согласились заявить, что нападение на храм было совершено исключительно с целью ограбления: "Они предполагали, что в храме, - говорили они, - найдутся ценности, которые можно будет вырвать из рук душкха, а затем обменять их в Китае или Индии и таким образом добиться благоприятных перемен в жизни двух бедных шерпов". Их, конечно, казнили бы за совершенное святотатство, тем более что Шеффер не мог оставить свидетелей присутствия Оскара Файла в храме. Но версия с ограблением сняла бы с него подозрения и не поставила бы под угрозу работу немецких шпионов.

Один из гуркхов, Банги, теперь был свободен, но на судьбу его брата надежды не было: его убьют, чтобы предотвратить смерть брата.

чтобы выступить и таким образом представить тело остальным членам экспедиции, утверждая, что он был убит, когда его поймали **с поличным** на краже из храма, причем не Ригдена Джиело, а другого, куда будет доставлено тело.

Он не ошибся: через некоторое время вышли двое стражников с безжизненным телом Ганги, а за ними немцы и ламы: в лунном свете он разглядел его шею, перерезанную от уха до уха, и вынужден был стиснуть зубы, чтобы не закричать от боли. Он утешал себя мыслью, что его брат в ладеет Кулой и скоро будет танцевать танец бессмертия с Шивой.

-Кали, о Кали! - мысленно зывал он, - сообщи мне свою Силу Смерти, преврати меня в **Шиндже Шеда**, Владыку Смерти, в **Дорджи Вигдже**, Владыку Ужаса, в **Шиву Бхайраву**; даруй мне, о Парвати, честь отомстить за кровь моего брата, верного слуги твоего; помоги мне вновь обрести достоинство кшатрия; преврати меня в **Калибалу**, Силу, уничтожающую врагов твоего Пути Кулы; вложи в мои руки Трисулу, трезубец Шивы, Ваджру, молнию Индры, и Гандиву, лук Арджуны, с Исудхи, двумя колчанами его стрел, которые никогда не промахиваются!"

Вознося молитвы Черной богине, гурка лихорадочно плыл прочь от проклятого ашрама Джафрана, зная, что вскоре его будут искать как сообщника брата и приговорят к той же казни.

За стенами он забрался на близлежащий холм, откуда на следующее утро наблюдал за поспешным отъездом экспедиции.

"Немцы, - подумал Банги, - теперь были в процессии демонов". С Шеффером, действительно, были мастер Джуал Кхул и **Скушок** из гомпы, своего рода тибетский настоятель, а также четыре ламы из Куркума Бонете.

В этот момент он понял, что у него есть две альтернативы: либо следовать за караваном на расстоянии, рискуя через несколько дней умереть от голода и холода; либо вернуться на дорогу Чанг-Лам и дожидаться объявленного подкрепления, рискуя потерять след экспедиции, поскольку Шамбала Кансел означала вход на тайный путь, возможно, пересекающий неизвестные измерения Пространства или уходящий в иные Миры. Однако он выбрал последний вариант: с момента его пребывания у моста Хоанг-Хо прошло всего три дня.

Глава XXV

Такова была примерно история, которую рассказал нам Гурка. Я полагаю, что фон Гроссен, как и его шпионы в экспедиции, был больше озабочен операцией **"Альтвестен"**, чем жизнью Оскара Файля. Согласно его приказам - приказам, под которыми подписывалось высшее руководство Третьего рейха, но о которых я не знал, что они исходили от "серых мозгов" режима, в том числе от Конрада Тарштейна, - было абсолютным приоритетом "установить контакт с экспедицией Шеффера", "заставить Курта фон Зюбермана присоединиться к ней". Другими словами, если бы все зависело от фон Гроссена, нам следовало бы бросить Оскара на произвол судьбы и сосредоточиться на следах Шеффера: это была лучшая

стратегия для выполнения приказов. Но меня больше заботила жизнь

Я не сдвинулся с места, пока не добьюсь его свободы.

Парадоксально, но "ключом" к операции "Первый ключ" был я, мое **добровольное** сотрудничество в отвлечении операции "**Альтвестен**" от ее скрытых целей. А для моего сотрудничества теперь требовалось предварительное освобождение Оскара Файля. Поэтому фон Гроссен с большим прагматизмом, не споря, принял факты и приступил к планированию операции по спасению.

Пятеро немцев, восемь монахов-лоппа и монах-гурка разбили лагерь на узкой поляне, в стороне от главной дороги, но всего в пяти километрах от ашрама Джафран. Там фон Гроссен часами расспрашивал гурку о деталях вражеской позиции и в конце концов разработал план операций, с которым мы все согласились. В основном стратегия была такова: **спасение должно быть осуществлено в разгар внезапной атаки.**

Согласно местным традициям, первым, чему поклонялся человек, был островок, на котором позже был возведен храм, посвященный Ригдену Джиэпо. Популярная легенда утверждала, что в далекие времена **Джаганнатх**, царь мира, Хогмин Дорджи Чанг, покинул Шамбалу, чтобы путешествовать по миру под своим журавлиным обликом. По возвращении он выбрал этот полузатонувший утес в озере Кьяринг, чтобы отдохнуть перед тем, как отправиться в последний путь к Чанг Шамбале.⁴² Миф рассказывает, что на берегу, соединенном с островом тонкой каменной дорожкой, стоял святой лама по имени Сумрак, который, сжалившись над измученной птицей, подошел к ней, чтобы накормить ее единственным, что было у него под рукой: мешочком с цветами куркумы. В благодарность Благословенный Владыка решил вознаградить Даска, сделав его отцом народа поклоняющихся Царю Мира и даровав всем Инициатам, вышедшим из его рода, хранение Пушка Шамбалы, **которое началось именно на этом священном острове.**

Другая версия легенды, несомненно, более древняя, гласила, что Божественный журавль полюбил Сумрачного ламу и хотел подарить ему потомство перед уходом. Проблема заключалась в том, что журавль был мужского пола, того же пола, что и лама, поэтому оплодотворение было невозможно. Тогда журавль Шамбалы, который в этой истории питался кровью ламы, вспомнил, что только совет с самцом змеи нага способен совершить чудо деторождения между представителями одного пола. Все еще находясь на островке озера Кьяринг, Журавль мысленно активировал свое Дордже Силы, которое находилось в Троне Царя Мира в Чанг-Шамбале, и превратил ламу в самца змеи нага. Затем они пылко спарились, и журавль Ригден Джиэпо был оплодотворен змеей нага. После этого гомосексуального акта, перед тем как уйти, божественный журавль отложил два яйца шафранового цвета.

Впоследствии, высиженные Сумрачным ламой под Аспектом Змеи Нага, оба яйца дали жизнь паре гибридных близнецов - на треть журавлю, на треть человеку и на треть змее - которые должны были стать Великими Предками душкха.

Неудивительно, что с такой верой они заявили о своем родстве с Королем Мира и стали его самыми фанатичными поклонниками, требуя, чтобы каждый, кто попытается пройти через Врата Мира, был допущен внутрь.

⁴² *Сумрак* означает *Боль*. Душкхи составляли "семью Сумрака", то есть Сынов Боли.

Шамбала - подношение человеческой жертвы, желанный дар тому, кто носит титулы "Отец человеческой боли", "Владыка Владык Кармы" и "Верховный Мастер Калачакры".

С тех пор дускхи, потомки мифического Сумрака, ревностно охраняли этот край и построили храм Ригден Джиэпо на "Белом острове", названном в честь Чанг Светадвипы, "Белого острова севера", невидимого для человеческих глаз, где находятся Врата Чанг Шамбалы, особняка бодхисаттв. С течением веков народ душкхов рос, росла и численность их общины лам, и они были вынуждены возвести огромную гомпу-ашрам Джафран, которую окружили прекрасными пагодами, посвященными поклонению различным божествам Белого братства. Остров с храмом находился в непосредственной близости от западного берега озера, перед ним на материке возвышался монастырь с кольцом пагод, а дальше, образуя широкий полукруг, который одновременно прикрывал и защищал комплекс культовых сооружений, располагалась деревня дусхов.

Хоанг Хо, или Желтая река, всегда была тройной границей между Тибетом, Монголией и Китаем. На протяжении тысячелетий армии захватчиков из того или иного королевства проходили перед ашрамом Джафран, часто уважая его статус как религиозной общины, но иногда пытаясь занять деревню или подвергнуть ее грабежу. Эта реальность заставила дусхов укрепить площадь, построив высокую каменную стену в форме буквы "U", идущую от берега до берега озера Кяринг: в отверстии "U", выходящем на открытое пространство озера между концами стены, находился Белый остров с храмом и пленником, которого мы стремились освободить.

В основании буквы "U", которая являлась фасадом города, находились огромные деревянные ворота, обрамленные двумя высокими башнями, служившими сторожевыми вышками, на которых постоянно находились вооруженные дозорные. По двум углам "U" также стояли башни с соответствующими дозорными.

Следует уточнить, что подобные меры безопасности возникли в силу обстоятельств, то есть из-за необходимости защитить храмы и Ашрам от возможных захватчиков, ведь у душкхов, несмотря на их свирепость в ритуальных жертвоприношениях, не было воинского призвания. Однако это был народ прирожденных жрецов, члены которого с раннего возраста приобщались к практике Культа и жили всегда аскетично, проявляя сверхмонтанную строгость. Они не только не были воинами, но война вызывала у них непреодолимый ужас, и они представляли ее как следствие человеческой ошибки, слепоты человека, не видящего, как и они, благодати Богов-Создателей Вселенной.

Их огнестрельное оружие состояло из нескольких сотен винтовок Мартини-Генри XIX века и шести небольших стационарных артиллерийских орудий, установленных на башнях крепостного вала: ручного огнестрельного оружия у них не было вообще. Столовые приборы, напротив, были многочисленны и разнообразны, и пользовались они ими с обычной ловкостью.

В дополнение к этим материальным недостаткам можно отметить слабое стратегическое видение этих несчастных, которые разместили весь свой гарнизон, около 100 человек, в двух казармах по обе стороны от главных ворот. Очевидно, вся тяжесть их обороны основывалась больше на

психологических, чем на реальных факторах, то есть они полагались на то, что отгонят своих

Сами артиллерийские орудия были скорее сдерживающим фактором, чем реальной опасностью для осаждающих. Сами артиллерийские орудия были скорее сдерживающим фактором, чем реальной опасностью для осаждающих, так как вряд ли сработали бы: и то при наличии идеальных условий - сухого пороха, боеприпасов и фитиля, а также при правильном их размещении.

Короче говоря, поскольку на данный момент в регионе было спокойно, и у них не было причин подозревать какое-либо нападение, охрана была сокращена до минимума: по одному человеку в каждой башне, то есть шесть дозорных; двое у главных ворот и по одному за каждыми из четырех боковых, то есть еще шесть стражников; еще шесть стражников у храма на Белом острове, два снаружи и четыре внутри; и сорок солдат, спящих в каждой из казарм, но готовых выйти при малейшей тревоге.

В эту ночь Калы воплотит в жизнь молитвы гурки. Не удары трезубца Шивы, не огонь молнии Индры, не уверенность стрел Арджуны, но месть Банги будет осуществлена с помощью других сил: ударов винтовочных пуль, огня гранат и уверенности стрел лопасов.

По численности соединение, которым командовал фон Гроссен, едва ли можно было назвать эскадром, но по боевому духу и самосознанию его следовало бы назвать фалангой или легионом. Легион, можно сказать, из-за его большой мобильности для блицкрига. Для начала мы атаковали бы раздельно: фон Гроссен возглавил бы основную часть эскадры, а эскадра п о д моим руководством действовала бы в Храме. На втором этапе плана отряд разделится на два взвода, а затем мы все встретимся в заранее оговоренной точке и отступим.

Только немцы шли на штурм, вооруженные огнестрельным оружием: по пистолету "Люгер" и пистолету-пулемету "Шмайссер" на голову, плюс две устаревшие винтовки "Маузер 1914", которые, как выяснилось, должны были использоваться не по назначению. В те в р е м е н а 9-миллиметровый "шмайссер" был секретным оружием, и только элитному корпусу вроде нашего разрешалось носить его за пределами Германии. У нас было пятьдесят магазинов по тридцать патронов в каждом, но я должен был нести только два, остальные оставались для моих товарищей, которые должны были держать основную часть атаки. //Естественно, все мы носили рыцарский кинжал, на лезвии которого было вырезано "Blut und Ehre".

Воины Каулики, напротив, пользовались тремя видами оружия: луком и стрелами, скимитаром и кинжалом. Как я уже говорил, эти монахи были экспертами в боевых искусствах, а их мастерство в стрельбе из лука не имело себе равных в Тибете, где никто не стеснялся приписывать стрелам магическую силу, и утверждалось, что они могут поразить цель днем или ночью, с завязанными глазами или с повязкой на глазах и так далее. Все они носили с собой пятьдесят стрел, ни одной больше и ни одной меньше, в колчане, который вешали на правую ногу: каждая стрела соответствовала одному из черепов ожерелья Калы и поэтому на ее древке была выгравирована одна из букв священного арийского алфавита. Скимитар представлял собой короткий меч длиной около 80 сантиметров с одноострым, изогнутым, выпуклым, противостоящим острию клинком, расклеванным на конце; рукоять была защищена у эфеса двумя ястребами,

имитирующими орлиный коготь, а эфес из черной слоновой кости имел изысканно выточенную рукоять, которая

изображал лик Калы как Мртью, Смерть. С левой стороны на балдрике висел скимитар в ножнах. И, наконец, в небольших ножнах, закрытых створкой, находился кинжал с пламенным клинком и рукоятью из слоновой кости, похожий по размеру на средневековый *Панцербрехер* или его современное "*Милосердие*".

Члены Круга Каула называли Шиву в своей Тантре "*Рудра*" - слово, возникшее в результате сокращения и слияния *Ру* и *Сумрака*, и означавшее "*Тот, кто уничтожает Боль*". Таким образом, Шива был врагом Боли, или врагом Сумрака; а его ученики, в свою очередь, были врагами Сумрака. Я поясню это, Неффе, потому что не мог не учитывать в балансе своего вооружения глубокую ненависть, которую каулики испытывали к душкам, как важный тактический элемент в их пользу. Каулики считали душкхов не более чем вампирами, живущими за счет человеческой боли, и были психологически предрасположены действовать с максимальной жесткостью против "семьи Сумрака": Шива Рудра одобрил бы и вознаградил проявление доблести его кауликами-кшатриями.

Солнце зашло за грозный хребет Баян-Кара, и ночь, непроницаемая в тусклом лунном свете убывающей четверти, опустилась на озеро Кяринг. В ноль часов мы оставили лошадей пристегнутыми за километр до Джафранского ашрама и отправились пешком, погрузив необходимые для атаки вещи. Она была назначена на час дня, к этому времени обе группы должны были быть на своих постах.

Гурка, который знал дорогу к храму, один из лопарей и я должны были спасти Оскара в тот самый момент, когда фон Гроссен и остальные начнут любовую атаку. Неожиданность была определяющим фактором успеха нашей стратегии, поэтому мы двигались с крайней осторожностью.

В четверть первого, примерно в трехстах метрах от сторожевой башни, мы вошли в озеро. //Все трое из нас были Инициатами и знали, как высвободить тепло огненной энергии Кундалини, чтобы избежать обморожения, но каулики, безусловно, опередили меня в этой высокогорной водной среде: практики Хата-йоги были сосредоточены в основном на сопротивлении низким сухим температурам Баварских Альп с помощью опрожденного тела. Поэтому я все еще дрожал от холода, когда через несколько минут мы прибыли на Белый остров, не услышанные душкхами.

В задней части храма мы, трое захватчиков, поднялись к звездному проему, через который четыре дня назад вошел несчастный Ганги. Был уже почти час ночи. С этого момента мы должны были действовать с математической точностью, поскольку существовала вероятность того, что внутренние стражи попытаются убить Оскара, пока он будет приходить в себя от неожиданности нападения.

В пять секунд первого, с германской точностью, мощный взрыв снаружи потряс Храм и парализовал хранителей ужасом. В тот же миг, пока снаружи творился ад, я выпрыгнул из окна, покатился по полу к алтарю, резко остановился и одним выстрелом из шмайсера прикончил четверых охранников. Все четверо получили пули в спину и умерли, не понимая, что происходит, прикованные к двери храма, к которой их повернули. Более справедливое подношение, чем Оскар Файль, получил теперь отвратительный идол, за которым я

Охранники находились в безопасном положении, чтобы предотвратить открытие двери и проникновение других охранников.

Каулики, прибывшие к алтарю несколько секунд спустя, позаботились о том, чтобы перерезать пути и вынуть кляп, не позволявший Оскару, уже утратившему действие наркотика, говорить.

-Курт! Курт фон Зюберманн! -кричал он в оцепенении. Это действительно вы, или я сплю?

-Это я, это я! -нетерпеливо сказал я. Собирайся, потому что мы должны уехать отсюда как можно скорее. Я объясню вам все позже.

Бедный Оскар не мог встать.

Семь дней его держали на алтаре и кормили лишь настолько, чтобы он дожил до дня казни живым. Мы с Лопой подставили ему плечо и вернулись в заднюю часть храма, подняв его на ноги. Тем временем гурка прислушивался к двери и, не чувствуя опасности, убедился своим кинжалом, что стражники мертвы.

По правде говоря, мы могли бы выйти через храмовые ворота, потому что внешняя стража, услышав взрывы, побежала в деревню; но мы тогда этого не знали и не хотели рисковать неравной схваткой. Вместо этого мы вылезли из окна, все четверо: сначала вылезла Лопя, потом Оскар, стоя на моих плечах, перебрался на внешний выступ, и, наконец, мы с Банги забрались наверх.

Мы окружили храм и обнаружили, что фасад не охраняется. Мы пересекли коридор, соединяющий Белый остров с пляжем, и спрятались за стеной, чтобы наблюдать в пятидесяти метрах впереди за тем, что происходит в монастыре. В ближайшие несколько минут мы снова встретимся с нашими товарищами!

Глава XXVI

Территория вокруг стены была очищена от камней, поэтому им пришлось проползти пятьдесят метров. //За пять минут до часа фон Гроссен, три офицера и три лимпета застряли на земле в двадцати метрах от главных ворот. Оставшимся четырем монахам было поручено ликвидировать соглядатаев, расположившихся на подходящих для этого позициях.

Их действия были очень быстрыми, и наблюдатели "ничего не видели", когда лопы со скоростью кобры появились из земли, опустились на одно колено и выпустили четыре стрелы. Четыре стрелы в ночи, четыре верные цели! Похоже, что эти священные стрелы стремились к сердцам поклонников Владыки Шамбалы.

Фон Гроссен и его отряд побежали в сторону ворот, присоединившись к двум лучникам; двое других отправились по отдельности, чтобы ликвидировать часовых на крайних башнях стены, возвышавшихся над водами озера. Все они прижались к стене, а Клостер и Ганс прикрепили к петлям и замкам четыре отбойных молотка. Главный вход в деревню охраняли огромные, тяжелые, одностворчатые ворота.

Это был крепкий забор, который выдержал бы не один таранный удар, но, конечно, неэффективен в современной войне против артиллерии или бомб, подобных тем, что мы установили. Это был, конечно, крепкий забор, который выдержал бы не один таранный удар, но, безусловно, неэффективный в современной войне против артиллерии или бомб, подобных тем, что мы установили. Клостер посмотрел на время: две минуты до часу; затем он привел в действие детонатор с двухминутной задержкой и прижался к стене рядом с фон Гроссеном.

Психологически две минуты могут длиться как мгновение, так и целую вечность, особенно если есть вероятность, что в итоге человек может погибнуть. Немцы, чтобы не думать ни о чем, кроме боя, посвятили себя тому, чтобы проверить, сняты ли пулеметы с предохранителя, в десятый раз убедиться, что магазины легко достаются из холщовых патронных ящиков, и убедиться, что гранаты-палки плавно соскальзывают с ремня и из горловины сапог. Таким образом, для немцев эти две минуты были ближе к мгновению, чем к вечности. Каулики, напротив, оставались абсолютно неподвижными, их мысли были сосредоточены на бесконечном единстве Кулы. Для них, избавившихся от сознания длительности, две минуты были сродни Вечности.

Но они все равно бежали, когда взрывались бомбы. И, в прямом смысле слова, **они устали убивать**.

Заряды, распределенные с исключительным мастерством, полностью вырвали ворота и разнесли их вдребезги, разбросав осколки на десятки ярдов вокруг. Дым от входа еще не успел рассеяться, а фон Гроссен и Хайнц уже стояли перед двумя единственными воротами казармы.

Внутри царило большое смятение, и лишь немногим удалось схватить оружие и попытаться выбраться наружу; но эта реакция оказалась слишком запоздалой, чтобы спасти их жизни. Клостер и Хайнц за минуту до этого бегали вокруг барака, выбрасывая гранаты из отверстий: на пятой гранате одновременно начали рушиться оба барака. Те, кто чудом остался не в реде им, в отчаянии пытались открыть двери и выбраться наружу, но падали на трупы своих предшественников, сраженных беспощадными взрывами Шмайссера. Ни один не избежал смертельной ловушки.

Когда у ворот больше не появилось ни одного охранника, фон Гроссен отдал приказ, и два каулика вошли в руины и принялись добивать раненых и выживших точными ножевыми ранениями. **Штандартенфюрер** посмотрел на свои наручные часы со светящимися стрелками: восемь минут первого. Всего за восемь минут, не дав им сделать ни одного выстрела, три офицера уничтожили гарнизон Дусха!

От главного входа на широкую площадь, где стоял монастырь, тянулась широкая аллея длиной 300 метров, по которой фон Гроссен планировал следующее наступление. За исключением двух оставшихся снаружи лопарей, в задачу которых входило забраться на башни, кауликам было поручено "расчистить" путь немцам. С этой целью, как только ворота были взорваны, трое из них направились прямо к ним, размахивая своими секирами, и с удивительным мастерством перерезали горло всем дусхам на своем пути. Они разделили путь, каждый из них прошел туда-сюда сотню ярдов или около того, нанося удары направо и налево. Первыми погибли, конечно же, жители домов, выходящих на проспект, которые совершили непоправимую ошибку, выйдя на улицу, когда услышали взрывы:

Старики, мужчины, женщины, дети - никого не пощадила скимитара каулики. После десяти минут первого, когда к двум лопарям, вернувшимся добывать раненых из гарнизона, добавились еще два, тела десятков целых семей лежали безжизненными вблизи своих жилищ.

Но в этот момент, после взрыва бомб, гранат и пулеметной стрельбы, в деревне Дусха воцарился хаос. Среди адских криков на дороге собралась толпа недоумевающих людей: одни - чтобы добраться до валов, другие - чтобы пробиться к монастырю. И хотя многие пришли, вооруженные кинжалами и саблями, и оказали мимолетное сопротивление монахам Каулики, последние неумолимо обрывали их жалкие жизни.

К тому времени, когда четверо офицеров мчались к монастырю, аллея превратилась в реку крови. Но дорога была фактически "свободна". Они сделали всего несколько выстрелов по толпам людей, стекавшимся по боковым улицам. За ними продвигались и "каулики", прекрасно выполняя свою функцию по обеспечению мобильности немцев.

В десять минут первого, пока немцы шли по проспекту, два лимпетских лучника вернулись извне и по каменной лестнице поднялись на башни, охранявшие разрушенные входные ворота. Там они разделились: один пошел по коридору слева, а другой - справа. Коридоры соединяли все башни между собой и состояли из узких консольных платформ, расположенных по периферии внутренней стороны стены. В каждой башне имелся примитивный очаг, который теперь был бесполезен для обогрева замерзших тел стражников. С первых башен каулики наблюдали за скоплением домов, которые компактно расположились в полосе шириной триста метров параллельно стене. С разных башен можно было рассмотреть каждую деталь - квартал, переулок, дом или храм - деревни дусха.

Весь предыдущий день ушел на изготовление зажигательных стрел. Это было несложно: достаточно намотать на наконечники обычных стрел шерстяную нить, пропитанную смесью горючего масла и сахара. Таких стрел у них было сто штук, потому что, по словам фон Гроссена, больше не требовалось; важно, объяснял *штандартенфюрер*, не количество стрел, а качество выбранных мишеней и степень успешности выстрелов. В соответствии с этой тактикой каулики выбирали одну за другой сто мишеней, стараясь целиться в легковоспламеняющиеся материалы, такие как дерево и ткань.

Двери, окна, маркизы, занавески, мешки с продуктами, тюки с кормом и ткацкие станки, установленные под широкими коридорами, постепенно начали приобретать различные категории горения. В некоторых местах пламя вскоре превысило высоту домов, и искры посыпались в непосредственной близости от них; огонь неумолимо распространялся, и пожар стал всеобщим.

К тому времени, когда два каулика добрались до последних башен, в двадцать минут первого, деревня дусха превратилась в гигантский костер. Неконтролируемая толпа в основном пыталась спастись от знойной жары и выбраться к озеру или за стены. Дозорные у боковых ворот, оказавшись между пламенем и толпой, открыли их и не смогли пропустить сотни перепуганных жителей деревни. В этот час два монаха Кауликаса

Они заняли совершенно разные позиции. Тот, кто находился в башне, крайней справа, спустился по веревке за стену и решительно направился к месту, где были спрятаны лошади, бесцеремонно сбивая смертоносными ударами скимитара замешкавшихся душкха на своем пути. Тот, кто находился в левой башне, приготовил веревку для спуска наружу, но затем спустился по каменной лестнице внутрь и в вихре смертоносных ударов очистил окрестности от врагов: он ожидал прибытия отряда фон Гроссена, который уже должен был там появиться.

Один пятнадцать. Большая толпа душкхов, собравшаяся у входа в монастырь, громко требовала присутствия лам Куркума Боннет. Не обращая внимания на крики своих собратьев, монахи забаррикадировались внутри и, вероятно, читали молитвы Ригдену Джиэпо и богам Белого братства.

Маловероятно, чтобы в гомпе, где располагается ашрам Джафран, было огнестрельное оружие, и еще более маловероятно, чтобы лама захотел защищать свое убежище с помощью оружия.

//Внезапное появление фон Гроссена и офицеров стало неожиданностью и вызвало панику среди жителей деревни. Две гранаты упали среди них и дополнили картину безымянного ужаса. Взрывы посреди толпы изуродовали ближайшие тела и разбросали во все стороны десятки осколков, металлические зубы жаждали прокусить и ранить плоть, слепые, крылатые чудовища убивали наугад. Фон Гроссену понадобилось лишь два жды выстрелить из пулемета, чтобы град пуль разметал обезумевшую толпу.

Вся группа укрылась под галереей красивой буддийской пагоды в тибетском стиле, чтобы подготовиться к следующему действию. Клостер и Ганс, находясь в центре круга из скимитаров Кауликаса, опустили рюкзаки и извлекли сорок винтовочных гранат. Затем они взяли маузеры 1914 года и вставили два из них в переходники для стволов.

Винтовочные гранаты содержали фосфорный заряд, который взрывался при ударе, и представляли собой высокоэффективную тактическую зажигательную бомбу. Стреляя из винтовки, похожей на маузер, можно было поражать точные цели на расстоянии 300 метров. Их цель - окна монастыря - позволяла выпускать снаряды всего на 25 метров вперед.

Гомпа стояла на квадратном основании в семьдесят метров по сторонам и имела три ряда окон на уровне над входной дверью, главный фасад которой мы видели спереди. В ней, как я уже говорил, находилось около 500 лам Куркума Бонете, многие из которых выглядывали наружу и толкали душкха, умоляя или приказывая сопротивляться врагу, реорганизовать оборону, не бежать и т. д. Пожалуй, самым парадоксальным из таких драматичных внушений было то, которое уверяло во имя Благословенного Господа, что вторгшиеся - не демоны, а простые смертные.

Кроме того, в здании имелась большая задняя дверь, ведущая на Белый остров, и две маленькие двери по обеим сторонам здания, которые запирались изнутри. Крыши, покрытые коричневой черепицей, имели пологий гиперболический наклон, а центральный двор был окружен галереями и изящными колоннами.

В этот момент ламы заметили пожар, охвативший деревню, и призвали людей бороться с ним, используя воду из внутренних прудов и каналов, которые можно было затопить в считанные минуты, открыв шлюзы, чтобы сдерживать напор озера. Конечно, некоторые душкха сохранили хладнокровие в эти трагические минуты и бросились выполнять приказы, которые ламы не осмелились выполнить сами; другие же тщетно пытались противостоять буйству огня. Но одно дело - остановить случайный пожар, случайно возникший в том или ином месте, и совсем другое - противостоять сотне преднамеренно разожженных костров.

В некоторых кварталах огонь стал неуправляемым, и жители в ужасе бежали, одни - наружу, другие - в сторону Ламастерио. Не обращая внимания на изрешеченные трупы, устилающие площадь, толпы людей с разных сторон сходились в каждый момент, чтобы обратиться за божественной помощью к своим богам, в то время как ламы п р и з ы в а л и их сражаться немедленно, против огня и против невидимых, но смертоносных врагов.

Однако, хотя стенания и крики отчаявшихся были оглушительными, за фоновым шумом горящих предметов больше не было слышно звуков оружия. Воодушевленные такой тишиной, ламы теперь выкрикивали молитвы и мантры почти из каждого окна.

Один и шестнадцать. Отряд фон Гроссена внезапно вынырнул из темноты Пагоды и в тесном строю по двое прошел несколько рядов. Мгновением позже Кластер и Ганс выпустили первые две зажигательные гранаты в два окна на втором этаже: одна попала в грудь ламы, который в это время произносил речь, и заставила его исчезнуть в ослепительном свете; другая проникла через соседнее отверстие и взорвалась внутри гомпы. И через оба окна, после того как потухло зарево взрыва, было видно, как пламя сжигает все вокруг.

//Но они не остановились, чтобы оценить эффект своей атаки. После первых двух они продолжали посылать гранаты в окна со скоростью десять на фронт, пока все сорок не были закончены. Кластер бежал справа, за ним следовали фон Гроссен и два каулика, останавливаясь через определенные промежутки времени, чтобы зарядить гранату и выстрелить. Ганс бежал слева, под защитой Хайнца и трех кауликов, ведя аналогичный огонь.

Никто не учел, что у монастыря может быть своя гвардия, которая осталась незамеченной для наблюдательного гурка. Впрочем, численность его была невелика, хотя его члены были хорошо обучены владению саблей. Там они понесли свою первую и единственную жертву, когда неожиданный косой удар оборвал жизнь лопы из группы фон Гроссена. Стражники, по двое или трое на ворота, остались снаружи и мужественно пытались предотвратить нападение на монастырь. Конечно, у них не было ни навыков, ни знаний, чтобы соперничать с кауликами, и когда они не были зарублены своими секирами, их пронзали неумолимые немецкие пули.

В считанные секунды монастырь был охвачен пламенем. Словно незванные гости в адской печи, словно молния Индры действительно обрушилась на мирный Джафран Ашрам, большинство лицемерных святых лам встретили ужасную смерть в те первые секунды своей жизни.

минут после нападения. Смерть, которая сопровождалась содрогаящимся концертом воплей боли.

Через две минуты оба взвода встретились у задней двери монастыря, обращенной к Белому острову и храму Ригден Джиепо. Часы пробили восемнадцать минут первого, и по пляжу медленным шагом приближалась третья группа: это была банда в составе Гурки, Лопы, Оскара Файля и меня!

Внезапно дверь открылась, и некоторые ламы сделали вид, что вышли наружу. Они кашляли и плакали от дыма, а их простые азиатские лица выражали ужас: фон Гроссен безжалостно обстреливал их и кричал:

-К другим воротам!

Действительно, остальные ворота тоже были открыты, но выживших оказалось очень мало: сильная жара и обрушение верхних этажей уничтожили большинство из них, прежде чем они успели добраться до выходов. Как и соглядатаи, как и гарнизон, все ламы Куркума Бонет были уничтожены нашей превосходящей военной силой.

Глава XXVII

Одна двадцать одна минута первого. Карл фон Гроссен, Хайнц, Клостер, Ганс, Оскар и я, вся пятерка лопарей и гурка, преодолели триста метров до левой башни. Нам пришлось с боем пробиваться сквозь разреженную толпу, которая все еще хаотично бегала, не зная, что делать, но тот путь бегства, который запланировал фон Гроссен, оказался если не единственно возможным, то одним из немногих, которые еще оставались. Другой путь спасения, например, мог бы заключаться в водной среде озера; что было бы неосуществимо, так это вернуться тем же путем, каким мы пришли, то есть по проспекту, поскольку последний теперь напоминал туннель с высокой температурой из-за воздействия общего пожара; эффект, предвиденный дальновидным фон Гроссеном.

В центре жуткого круга трупов, у подножия лестницы, мы наткнулись на монаха-каулику. Мы поднялись на башню колонной, впереди шел монах, и быстро спустились по веревке на внешнюю сторону стены.

Не встретив никаких препятствий, достойных упоминания, мы начали отступление в северном направлении. В пятистах ярдах дальше мы нашли монаха Каулику с лошадьми и, завершив отступление, помчались прочь от разрушенной деревни Дусха. Дорога вела вверх по склону холма, и я не мог не обернуться, чтобы в последний раз взглянуть на последствия нашей атаки. Образ, который я воспринял как следствие операции, был дантеевским: в мрачной рамке закрытой ночи можно было отчетливо различить площадь внутри стены, освещенную красноватым отблеском пожара, который все еще сохранял свою разрушительную силу; огонь, как голодный зверь, решил пожрать все, и все еще питался зловещим монастырем; здание, когда-то самое высокое в деревне, горело свободно, и его пламя проецировалось разноцветным веером на неизменное зеркало озера Кяринг;

В этом свете я даже смог различить проклятый храм Ригден Джиэпо, построенный исключительно из белых камней.

Успех атаки был бы полным, если бы удалось пойти по намеченному фон Гроссенем варианту, предусматривавшему подрыв этого сатанинского храма. Но для этого не было материального времени, то есть время было потрачено на прикрытие ворот гомпы, чтобы не дать ламам сбежать: реалист фон Гроссен считал, что практичнее убить всех лам, живых врагов, чем применять насилие к такому "инертному" символу, как храм. Но я не соглашался с таким критерием, поскольку считал, что Ламастерство имеет больший реальный вес как противник, чем ламы: Белому Братству было бы гораздо проще заменить лам, чем восстановить тысячелетний Храм! Впрочем, я не стал бы упрекать фон Гроссена, ведь благодаря его несомненному профессионализму Оскар Файль теперь скакал галопом рядом со мной.

Мощные восклицания резко отвлекли меня от этих мыслей. Только через некоторое время я понял, что все они поступили так же, как и я, и на секунду обернулись, чтобы полюбоваться последним видом на деревню дусха. И теперь, спустившись на другую сторону холма, они издавали неудержимые и ликующие крики радости. Естественно, я имею в виду немцев, поскольку азиаты оставались как всегда безучастными. Фон Гроссену пришлось прибегнуть к авторитету своего воинского звания, чтобы не дать исполнить вслух песню Бальдура фон Шираха "Гимн флагам гитлерюгенда". Я бы и сам с удовольствием спел ее в тот момент. И, вспоминая свое детство в Каире, я мысленно повторял ее, как это, несомненно, делали мои товарищи:

...Германия, в один прекрасный день вы восстанете в лучах солнца.

***Даже если нам придется умереть! Наши
знамена развеваются перед нами, наши
знамена - это знамена лучшего времени,
Наши знамена ведут нас в Вечность,
Да, наши знамена превосходят смерть!***

Да, наши знамена были выше самой Смерти; и они обрушивали Смерть на врага, как только что доказали ламы из Куркумы Боннет. Мы, немцы, развязали Смерть, потому что нас призвала к этому История; враг наших знамен навсегда пожалеет о том, что вонзил свои мерзкие когти в отечество. Я вспомнил "Песнь Ребата для немцев" Дитриха Эккарта, основателя Тулегезальшафта, о котором мне без усталости рассказывал Конрад Гарштейн, ведь он тоже был одним из подстрекателей Адольфа Гитлера:

***Вызов, призыв, тревога, восстание!
Змея на свободе!
Адский дракон!
Глупость и ложь разорвали свои цепи;
жадность к золоту покоится на страшном
сиденье!
Красные, как кровь, небеса пылают; с
ужасным треском
Стены рушатся.***

**Удар за ударом, и по Священным алтарям!
Дракон превращает их в руины.
Играйте в Rebatо сейчас или никогда!
Германия просыпается!**

**Вызов, призыв, тревога, восстание!
Звоните в колокола на всех башнях!
Звоните для молодых людей,
мужчины, пожилые люди,
Те, кто спит, выходят из своих комнат.
Постучите, чтобы матери вышли из
колыбелей, чтобы девочки спустились
вниз.
Пусть воздух грохочет и гудит,
Пусть ревет! Пусть гремит гром возмездия!
Постучите, чтобы мертвые
вышли из своих могил.
Германия просыпается!**

**Вызов, призыв, тревога, восстание!
Звоните в колокола на каждой башне!
Звоните, пока не полетят искры.
Иуда идет завоевывать Рейх. Играйте
до тех пор, пока канаты не станут
красными.
Вокруг пылает огонь, боль и
смерть.
Пусть земля восстанет
под громом Спасительной мести.
Горе тем, кто еще спит!
Германия просыпается!**

История призвала сильнейших сразиться со Злом, и мы оказались самыми сильными! В уникальный момент истории мы подняли Вечные Штандарты, как того требовал Бальдур фон Ширах. Вот почему фюрер стучался в Ребат, как того требовал Дитрих Эккарт. Горе тем народам, которые спят или предаются злу, как души, горе тем, кто не внял стуку Вечного Духа, кто испытает на себе гнев пробудившихся сынов Германии!

¶То, что произошло в Тибете, - тому пример: пять офицеров и восемь Инициаторов Каулики, сожалея лишь об одной жертве, уничтожили более тысячи свирепых врагов, один на тысячу: справедливое соотношение за жизнь павшего Инициатора и Оскара Файла, которого они намеревались забрать.

Наши враги, а точнее, Враг наших знамен, должны понять, что **Мы** не напрасно угрожали!

Глава XXVIII

Хочу предупредить читателя, что мне не повезло так же, как ему, потому

что рассказ дяди Курта об операции по спасению его товарища

Оскара Файля, заняло несколько дней. Не упоминая об этих перерывах, я переписал основные части по порядку, чтобы не вызывать нетерпения, подобного тому, которое, как вы можете ожидать, постигло меня в те дни.

Добавлю лишь, что, как, я уверен, и читатель, подвиг, в котором участвовал дядя Курт, сразу же вызвал у меня в памяти "Подвиг Нимрода", рассказанный Белисеной Вилькой. Несомненно, на тибетском приключении лежала печать *магического героизма*, стиля "безграничного бесстрашия", что делало его похожим на историю касситского царя. В остальном враг был тот же: враг Вечного Духа, враг Гиперборейской Мудрости, враг "наших знамен", как называл их дядя Курт, то есть Белого Братства Чанг Шамбалы и его земных агентов.

В следующих главах я также соберу самые интересные из историй дяди Курта, не прерывая их. Разумеется, я буду использовать этот критерий по мере возможности, то есть вплоть до Эпилога, когда история дяди Курта, да и любая другая история, должна была быть прервана. Я, со своей стороны, к этому времени был в добром здравии и ждал лишь кульминации истории, чтобы исполнить просьбу Белисены Вильки: моя решимость росла с каждым днем, ибо с каждым мгновением все необратимее становилась картина Гиперборейской Мудрости.

Насколько я помню, именно так дядя Курт поступил однажды утром:

Глава XXIX

Мы ехали без остановок, пока не пересекли дорогу Чанг-Лам. У моста через Желтую реку, на том же месте, где мы его нашли, мы оставили гурку. Он остался прятаться, ожидая остальных членов экспедиции, то есть двух монахов Каулики и пятерых носильщиков Холи. Мы же продолжили путь в нескольких километрах, чтобы разбить лагерь в горах на северо-востоке.

В данный момент мы не хотели показываться на глаза, поскольку нападение на деревню Душха вызвало бы тревогу в регионе, и мы не знали о реакции официальных тибетских властей, которые могли заподозрить наше вмешательство.

Когда мы остановились на рассвете, стало ясно, что хорошей погоде, которая сопутствовала нам до этого момента, пришел конец. Над головой стремительно неслись плотные облака, и ледяной ветер, пронизывающий до костей, возвещал о надвигающейся буре без всякого недопонимания. Это была метель, и самым защищенным местом, как ни парадоксально, была открытая местность: если бы мы разбили лагерь у скал оврага, нас могла бы засыпать лавина. В конце концов мы нашли возвышенное углубление - небольшую долину площадью 30 квадратных метров, окруженную пологими склонами, - и быстро установили высокогорные палатки.

К середине дня оставаться под открытым небом стало невозможно - ветер превратился в настоящую метель, и пришлось укрыться в палатках: только тибетские лошади, как сыновья Зефира, были способны противостоять непостоянству ветра. Этот отросток северо-западного муссона яростно сотрясал палатки и издавал высокочастотный, опустошающий вой, который, возможно, исходил из души Ригдена Джиэпо, оплакивавшего судьбу своих почитателей.

Внутри моей палатки грозила разразиться еще одна буря. Но вызвана она была не ветром, а буйным настроем фон Гроссена. Для **штандартенфюрера** операция против душкасов была чистой диверсией, пустой тратой времени. Его задача - догнать экспедицию Шеффера - не была выполнена, а время уходило бесполезно. По его логическим оценкам, сейчас мы находились в худшем положении, чем раньше: -Во-первых, - рассуждал он, - мы не знали тайной дороги, соединяющей Канал Шамбалы с Вратами Шамбалы у озера Куку Нур; во-вторых, казалось очевидным, что мы уже не сможем следовать за ними как прежде, то есть при сотрудничестве с сетью каулики, поскольку разведчики-гуркхи остались в стороне от экспедиции; в-третьих, следовало ожидать, что мы сможем следовать за ними как прежде; В-третьих, следовало ожидать, что на этой малолюдной дороге не будет жителей, которых можно было бы расспросить; но, в-четвертых, было бы крайне маловероятно, что если бы они и были, то дали бы нам необходимую информацию, после того как мы обнаружили свою антибелую принадлежность к Братству, уничтожив общину ламы Куркума Боннет.

-Как же мы должны были догнать их, согласно приказу III отдела **R.S.H.A.**?

Я сделал вид, что не замечаю этих вопросов, и удовлетворился тем, что объяснил Оскару Файлю истинные причины его похищения в руках духов: По правде говоря, он попал в засаду; ловушка была частью заговора Эрнста Шеффера и лам Куркума Боннет, целью которого было обеспечить человеческую жертву для культа Ригдена Джиэпо; но корни этого заговора ушли в Германию, к предателям, называвшим себя "Разумными силами Германии", которые планировали эту экспедицию и договаривались с Белым Братством о цене своей поддержки. **///**И цена эта, несомненно, была бы очень высока: чтобы пересечь Кансель, требовалось принести жертву, казнить символ Новой Германии, убить, уничтожить представителя Кровавой Аристократии Третьего рейха. Затем, в Шамбале, Шеффер узнает остальные условия: Окультиная Иерархия поддержит заговорщиков своими магическими силами и более эффективными синархическими организациями в обмен на разрушение духовных основ Третьего рейха. **////**Фюрер и его верхушка должны были не только умереть, а национал-социалистическая партия - быть распущенной, но и удалить ядро опухоли, то есть дезинтегрировать и уничтожить Черный Орден, безжалостно истребив его Инициатов. Да, скальпель Братства на этот раз будет интересоваться дном раны, выскребая, если потребуется, кости немецкой социальной структуры: только так, после серьезной операции, можно будет построить **Цивилизацию Любви** на пепелище нацистской Цивилизации Ненависти.

-Однако до сих пор это была лишь часть цены: с
Следуя этим указаниям, предатели лишь продемонстрируют свою готовность

сотрудничать с планом Белого Братства, - пояснил я Оскару. Полная поддержка будет оказана позже, если торжествующие заговорщики

Они продемонстрировали свою готовность идти до конца, и им предстояла глубокая трансформация немецкого общества, которая должна была стереть все следы нацистской культуры и гиперборейской мудрости: Немецкое общество, мирно интегрированное во Вселенскую Синархию второй половины XX века, потребует, чтобы быть открытым и заслуживающим доверия Белого Братства, демократической и либеральной формы правления и официальной культуры, в которой сионизм, иудео-масонство и иудео-марксизм, или идеологии, порожденные этими синархическими стволами, имели бы свободное выражение. Тогда, да, если правящие предатели выполняют эти условия пакта, Германия окажется на стороне Бога, Добра, Любви и Справедливости, а немцы будут навсегда отрезаны от своих злых божеств предков.

Все верно, Оскар, - заключил я. Эрнст Шеффер - один из большого числа предателей. Его функция в заговоре - подписать от имени "Звуковых сил Германии" синархический Культурный пакт с представителями Белого братства. Я не могу раскрыть вам, в чем состоит наша миссия, как мы собираемся сорвать их планы, но уверяю вас, что уже в Германии ваша судьба была решена. Вы никогда не пройдете через Отмену Шамбалы!

Оскар чувствовал себя нелепо, когда узнал, что Эрнст Шеффер с самого начала обрек его на смерть в Тибете, что, возможно, только для этого он позволил ему принять участие в операции "**Альтвестен**" и что его шпионаж в мою пользу, в свою очередь, курировали два профессиональных шпиона S.D., которые также принимали участие в экспедиции. И, что еще хуже, ему пришлось узнать, что он непреднамеренно стал причиной смерти Ганги.

-Я был дураком, - сказал он со стыдом. И подумать только, что **я осмелился советовать вам**, как поступить, и предложил посоветоваться с Рудольфом Гессом. Все сделали из меня дурака!

-Не мучай себя, Оскар, тем, что в то время я не знал об этих фактах. И до последнего момента я не знал о существовании среди вас других шпионов. Сейчас мы должны думать только о том, чтобы помешать бесславному предателю Шефферу выполнить свое адское задание. **Его планы уже провалились**: вы живы, и это главное. Вы пойдете с нами и узнаете конец истории, увидите провал его тщетных попыток уничтожить Новый порядок, - убежденно заверил я.

-Очень ясные мысли и восхитительная вера, фон Зюберманн, - вмешался фон Гроссен, возвращаясь к обвинению, - но вы еще не сказали мне, как мы найдем Шеффера в этом лабиринте гор, да еще когда зима почти наступила. Но вы еще не сказали мне, как мы найдем Шеффера в этом лабиринте гор, когда зима уже почти наступила. Как мы будем его искать? Неужели вы думаете, что можно плутать по такой местности наугад?

На самом деле у меня не было ни малейшего представления о том, что могло бы ответить на эти вопросы. Под давлением **штандартенфюрера** я мог только предлагать:

-Мы должны спросить у кауликов. Возможно, они знают, как обнаружить тех, кто перемещается по хорошо известным им территориям.

Карл фон Гроссен сжал голову руками, понимая, что его подозрения вполне обоснованы: у меня не было решения проблемы поиска Шеффера.

(Mein Gott: если бы они потерпели неудачу в этой задаче, они не могли бы мечтать о возвращении в Германию!) Эта операция, как ясно сказали ему Гиммлер и Гейдрих, **может стать дорогой без возврата**. Провал был недопустим. Если

Если ему это не удавалось, он должен был совершить своего рода хакари или сэппуку - почетное ритуальное самоубийство японских самураев.

Но фон Гроссен был не только жестким, но и хладнокровным человеком. Несмотря на свои опасения, он сказал:

-Хорошая идея, фон Зюберманн, мы постараемся немедленно воплотить ее в жизнь.

Не дожидаясь ответа, он отстегнул створки палатки и бросился наружу, делая энергичные прыжки, как лягушка. Снаружи бушевала метель. Я в недоумении последовал за ним и вошел вместе с ним в одну из соседних палаток лопарей. В отличие от нас, согревавшихся в своих спальных мешках, пятеро тибетцев, шедших впереди нас, были одеты в форму английского высокогорного носильщика: зеленое пальто, брюки и мокасины.

Я безучастно смотрел, как тает снег на его одежде, как вода капает и стекает по брезенту на пол в отверстие для сбора отходов, а фон Гроссен допрашивал тибетцев в бодскаде Джама. Естественно, внутри он взывал к богам, произнося молитву о том, чтобы чудо свершилось и каулики узнали ответы, которые преследовали *штандартенфюрера*.

Внезапно - и могу вас заверить, что впервые за те недели, что мы были вместе, - я увидел, что все лопари улыбаются в унисон - да, в этом не было никаких сомнений: они смотрели на нас и улыбались! И, обменявшись друг с другом многозначительными жестами соучастия, они снова посмотрели на нас и засмеялись еще громче. Наконец они наполнили палатку хором неудержимого смеха.

На суровом лице шефа отразилось оцепенение, и на моем, должно быть, тоже. Тем не менее мы оба терпеливо ждали, пока лимпиты не выдадут своего веселья по поводу вопроса фон Гроссена, надеясь увидеть в изумленной реакции положительный ответ.

-Что вы думаете об этом? - сказал я по-немецки.

-Полагаю, это вы, - загадочно ответил он. Полагаю, они думают, что вы знаете, как следить за Шеффером.

Так оно и было. В конце всеобщего веселья фон Гроссен повторил вопрос:

Можно ли как-то найти западную экспедицию после того, как они пересекли ворота Шамбалы? Они снова посмотрели друг на друга, испытывая искушение рассмеяться, но наконец один из монахов Каулики заговорил:

-Мы не насмехаемся над вами, хотя ваш вопрос кажется тем, что вы привыкли называть *шуткой*. Ибо нам кажется не более чем шуткой вопрос о том, как можно следить за кем-либо или кем-либо во Вселенной, когда вопрошающего сопровождает хозяин собак-даивов. Ответьте серьезно, кто мог бы спрятаться и где можно было бы спрятаться, если бы собаки даивы повиновались приказу Сына Шивы и бежали по его следам?

Фон Гроссен не знал, что ответить, и смотрел мне в глаза с выражением враждебно.

-Клянусь, я не знал! -Я извинился, потрясенный перед

Возможно, он подозревал, что я не хочу следовать за Эрнстом Шеффером.

-Скажите мне, что я должен сделать, и я сделаю это! -возмущенно крикнул я монахам. Ваш Гуру не дал мне никакой информации, кроме непонятной Янтры, а всего 60 дней назад я и понятия не имел о существовании собак!

Дайвас. Объясните мне, как я должен достать этих зверей, чтобы обнаружить немецкую экспедицию.

Лопы снова посмотрели друг на друга, но теперь их лица выражали обычное безразличие. Слово взял тот, кто говорил и кого звали **Шривирья**:

-Несомненно, ты тоже шутишь, о Свами. Ведь ты должен знать лучше, чем кто-либо другой, ты, кто находится за пределами Кулы и Акулы, как направлять собак-даивов. И если ты не знаешь этого или забыл, то тебе не составит труда узнать или вспомнить это, используя **Скротра Крам**, трансцендентное Ухо Тулкуса, которым ты наделен. Наш Гуру открыл тебе Килкор свади, с помощью которого можно составить **любое слово или название сотворенных вещей**; и ты знаешь **имя** своего врага. О Сахакаладай, магия - это сила, а слова и имена - орудия магии. Воспроизведи имя, к которому ты хочешь направить собак-даивов, с помощью магического языка Килкор свади, и они будут повиноваться тебе.

То ли потому, что он действительно считал это шуткой или каким-то испытанием, то ли потому, что не хотел говорить об этом дальше, но получить больше информации от лаконичного Шривирьи не удалось. Его последними словами были:

-О, Махешвара, тот, кто никогда не спорит, мы не понимаем, зачем ты запутываешь нас вопросами, ответы на которые можешь з н а т ь только ты. Кругу Каула известна магия, позволяющая собакам-даивам существовать, но никто, кроме Великого Гуру или Тулку, не может овладеть их разумом, единственным способом, которым они получают приказы: они слушают только внутренний голос Учителей и Богов, тех, кто находится за пределами Кулы и Акулы, тех, кто подобен Шиве; или **имеет его знак, как ты**. Я родился в монастыре Круга Каулы, и мой отец и дед были Инициатами Каулики; и ни я, ни мой отец, ни мой дед никогда не видели Учителя, способного говорить с собаками-даивами, пока Боги не послали к нам тебя. Если ты хочешь подтвердить это, мы гордимся тем, что знали тебя. Но не позорьте нас больше вопросами, которые подобает задавать богам. Мы знаем о своей слабости и заблуждении в аду майи и делаем все возможное, чтобы исправить это.

Верь нам, о Кшатрий: когда-нибудь мы выйдем из человеческих страданий, в которые погрузился Дух, и станем такими же, как ты! Тогда нам, как и тебе, будет открыта Скротра Крама, и мы будем знать все; и Боги откроют нам тайны Тантры; и свади-даивы будут повиноваться нам, как они повинуются тебе!

Мы вернулись в палатку под глубоким впечатлением, хотя и по разным причинам. Фон Гроссен был удивлен тем, что грозные каулики смягчились в моем присутствии и обращались со мной почти как с богом. У меня же это почтение вызвало нескрываемую досаду, возможно, потому, что я не до конца понимал, что происходит вокруг: с тех пор как меня в детстве похитили Офиты, до этого момента происходило так, что отдельные люди воспринимали во мне или через меня духовный смысл, который вырывал их из материального Мира и возносил на высочайшие высоты Вечного, Бесконечного, Несотворенного Духа. И этот смысл исходил от Знака, явленного мне или мною, - Знака, который Офиты называли "Люцифером", Конрад Тарштейн - "Истоком", а Каулики - "Шивой". Особые люди, воспринявшие его, согласно Тарштейну и

соглашаясь, как я вижу это сейчас, с Белисеной Вилькой, разделяли со мной
общее Происхождение

Духа и несли в своей Чистой Крови, бессознательно, Символ Происхождения. Вот почему они восприняли во мне Знак Происхождения; правда, **они не знали** его только что, но потом **узнали**, спроецировали его в меня, и тогда он стал - осознанным, обнаружив Присутствие Духа в Себе, раскрыв Тайну Происхождения. Но тот смысл, который я проявлял и который понимали эти конкретные люди, **был для меня незначителен**.

Строго говоря, я должен был бы сказать "**неважный**", ибо Знак был очень важен для меня, хотя я не мог его понять, не мог уловить его содержание своим сознанием. И это интеллектуальное бессилие было причиной того беспокойства, которое я по-прежнему испытывал, когда видел, что его воспринимают конкретные люди. Я мог терпеть это, как в случае с пагодой Каулики, но всегда выходил из этого опыта с плохим настроением.

На этот раз к возмущению чувств, вызванному значением Знака, добавился эффект невероятного знания Кауликаса о внутреннем ухе. Как они узнали, что я обладаю этой способностью - продуктом харизматической силы фюрера, - я так и не узнал. Но фон Гроссен был очарован этой темой, его сомнения развеялись после необычного объяснения Шривирьи, и вопрос о внутреннем ухе не ускользнул от него. Как только мы расположились в палатке, он в упор спросил:

-Что это за Скротра Крам, фон Зюберманн?

-Простите, мой **штандартенфюрер**, - сказал я на месте и не без грубости, - но я не могу ответить на этот вопрос. Да, я скажу вам, что сделаю все возможное, чтобы осуществить идею монахов Каулики. Если правда, что собаки дайвы способны выследить Эрнста Шеффера, будьте уверены, мы его найдем. С этого момента я буду работать над решением этой проблемы и, если понадобится, прибегну к помощи Скротра Крама. Это все, что я могу сказать.

Глаза фон Гроссена сверкнули, но, как обычно, он сохранил самообладание и не стал меня больше беспокоить. Несомненно, я не мог говорить с ним о Внутреннем Ухе, потому что Конрад Тарштейн взял с меня слово, что я буду делать это только с "членами моего собственного Круга", а шестое чувство громко и ясно предупреждало меня, что фон Гроссен таковым не является.

В ту ночь, когда все уже спали, я решил "использовать Скротра Крам", то есть пообщаться с Голосом капитана Киева. Как и в первый раз, как и всегда, меня вскоре затопила Мудрость. Так я понял, что биджа Янтра не только позволяет мне отдавать набор фиксированных команд, как открыл мне Учитель Висарага, но и представляет собой Алфавит Силы, с помощью которого можно составить "любое имя сотворенных вещей": каулики, очевидно, знали это свойство, но не знали алфавитного ключа, который упорядочивал 49 бидж и п о з в о л я л закодировать любое слово. Однако для них не составило бы труда обнаружить Алфавит Силы, проведя криптографический анализ "командных слов" для собак дайвов в их магических формулах.

Как бы то ни было, мне открылась вся тайна. Теперь я знал символ, похожий на план лабиринта, который, будучи нанесенным на Янтру, наделял биджа определенным порядком, к расположению которого должны были подстраиваться составляемые слова. Я проверил это несколько раз с

помощью "слов повеления" Учителя и, когда убедился, что не делаю ошибок, смог увидеть, не допустил ли я ошибку,

Я взял на себя труд перевести предложение "*следуй за Эрнстом Шеффером*" на язык янтра-свади.

Глава XXX

Вечером буря стихла, а утром небо было чистым, без малейших следов прошедшей бури. Даже ветер полностью утих, и вайю-таттва была безмятежна: в крошечной долине теперь царила полная тишина. Теплые лучи Суры, Солнца, едва успели растопить часть скопившегося снега. Но еще более сияющим, чем Солнце, был я, ибо, хотя я не спал всю ночь, я был уверен, что у меня есть решение вести собак даивов по стопам Эрнста Шеффера, и это достижение стимулировало и перевозбуждало меня.

Увидев меня, фон Гроссену не нужно было задавать никаких вопросов, чтобы понять, что проблема решена. Вместо этого он занялся тем, что послал лопу с просьбой освободить гурку и сообщить ему о местонахождении нашего лагеря; затем он сосредоточился на изучении дефицитных карт Тибета и Западного Китая. *У*тро я провел, болтая с Оскаром и другими офицерами, а в полдень мы обедали цампой - похлебкой, приготовленной монахами, и все вместе образовали большое колесо товарищей. Недавние приключения привели нас к опасности и смерти, а в качестве положительного баланса оставили здоровое товарищество, которое напомнило мне о временах *Гитлерюгенда*. Да, я даже могу заверить вас, неффе Артуро, что в тот момент нас переполняла беззаботная радость.

Уже стемнело, когда прибыли гурка, лопа, присланная фон Гроссеном, две лопы, оставленные нами в Юшу, и пять холитских носильщиков с яками, жо и ужасными дого. Мне кажется, я никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым, как в тот раз, когда получил обратно дайва. *П*рибытие было отмечено офицерами, так как, помимо еды, яки везли еще пятьдесят магазинов Шмайссера и патроны Люгера, чтобы пополнить боеприпасы, израсходованные против духов. Два монаха из Каулики принесли свежие новости о нападении, собранные на дороге Чанг-Лам.

Весь регион Тибета был потрясен этим событием. По дороге их перехватили войска так называемого "принца Куку Нур", но после объяснений им разрешили беспрепятственно уехать. Этот инцидент стал следствием гражданской войны: когда-то страна Тибет простиралась до озера Куку Нур; позже китайцы образовали провинцию с таким названием и отодвинули границу Тибета дальше к югу от реки Ян Цзе Кьянг; а в последнее время, после присоединения других мелких тибетских государств, княжеств или вотчин, они образовали большую провинцию Цинхай.

С началом войны между Японией и Китаем, а также в связи с отсутствием центральной власти из-за оккупации столицы *П о д н е б е с н о й*, тибетцы увидели возможность вернуть себе прежние владения, стать независимыми от Китая и вновь присоединиться к Тибету. В данном случае возродившийся принц Куку Нур был ревностным буддистом из тибетского племени лубум, представители которого принадлежат к ламаистской аристократии. Его преданность и уважение к

Далай-лама не знал границ, и нападение на духов сильно задело его: по этой причине он отправил несколько отрядов вооруженных людей на поиски нападавших.

-Мы, - сказал Лопы, - слуги богатого купца из Бутана, направляемся в Сининг, чтобы обменять его товары.

Они путешествовали с согласия Дхарма-раджи, для которого должны были выполнить определенные поручения. И они показали тибетским солдатам письмо от Дхарма-раджи со списком предметов, которые необходимо было приобрести.

Этого было достаточно. Лопы преподнесли в подарок бутылку бутанского бренди "**Сольджа**", а солдаты предоставили много информации. "Им пришлось быть осторожными во время путешествия, потому что в регионе действовала банда хорошо вооруженных бандитов. Недавно они напали на деревню мирных и святых лам и уничтожили ее, так что было ясно, что это не тибетцы и даже не религиозные люди, а нежелательные иностранцы. Если только они не были членами подпольной секты Каула, ненавидящей буддийских лам и индусов в о о б щ е ; но они никогда бы не осмелились на такое. Оставшиеся в живых душки утверждали, что на них напали асуры, но солдаты не были столь доверчивы и подозревали, что "демоны" на самом деле были западными бандитами, которых поддерживали китайские головорезы. Если они правы, то злоумышленники попытаются вернуться в Китай через неопределенную восточную границу, которую они собирались охранять впредь.

Они искали нас, и, как справедливо предсказывал фон Гроссен, долгое время нас не было видно. У монахов Каулики были другие новости.

Благодаря контактам с членами Круга Каулы они узнали, что в духовном Тибете существует глубокое подпольное движение, выражающее симпатию к нам. Многие восхищались той группой Инициатов, которая безжалостно убивала учеников Владыки Шамбалы. Возвращаться в Бутан тем же путем было бы очень трудно, но наши тибетские союзники гарантировали нам безопасный побег через Китай к японским границам. //Япония в то время была в прекрасных отношениях с Германией, и в немецком консульстве в Шанхае активно работала делегация Секретной службы. Если бы нам удалось туда добраться, мы могли бы спокойно отправиться в путь. Община Каулики в Сининге помогла бы нам в этом деле.

Но говорить об отъезде из Тибета было еще рано. Сначала нужно было найти Шеффера и нейтрализовать его планы.

-Мы можем выехать на рассвете, фон Зюберманн? - вежливо спросил фон Гроссен.

-Иваохк, мой **штандартенфюрер!** -уверенно ответил я.

Мы все подготовили, а на рассвете поставили палатки и отправились в путь. Фон Гроссен ожидал, что я дам ему четкое указание, но все, что мы могли сделать, - это сопровождать дайвов. Я дал ему это понять и занял место впереди колонны, держа поводья собак обеими руками. Из Беспредельности Духа, за пределами Кулы и Акулы, на языке янтра-свади спустилась команда "следуй за Эрнстом Шеффером", проникла во Вселенную сотворенных форм, прошла через таттву акаша и внедрилась в души-тела собак-дайвов. И

удивительных животных,

Словно нащупывая физический след, они напряглись и вытянули головы вверх, а затем, как стрелы, устремились в северном направлении.

Так мы путешествовали несколько дней, все время сопровождая собак Дайваса, а собаки Дайваса шли по невидимым следам немецкой экспедиции. Сначала фон Гроссен не возражал, но потом стал беспокоиться, подозревать и открыто намекать на то, что собаки сбились с пути. По правде говоря, я должен сказать, что его сомнения были небезосновательны, поскольку неустойчивый марш собак то на север, то на восток, то на юг, то на запад полностью дезориентировал его.

Его компас и карты были совершенно бесполезны, и однажды он резко сказал мне. -Мы заблудились в самом сердце Тибета, в месте, абсолютно неизвестном цивилизации, **возможно, в месте не от мира сего!** Дело было не в том, что рациональный фон Гроссен вдруг стал суеверным: собаки-даивы действительно вели нас по маршруту, который казался не от мира сего. В этот момент мы находились в огромной долине, украшенной регулярной растительностью и наделенной весенним климатом; там все было спокойно и прекрасно: **только это место не могло существовать там, где оно было.** Я увидел, как на дерево села маленькая птичка, увидел куст с желтыми цветами, взглянул на проворного зайца и понял, что этому обстоятельству нет объяснения. Только тогда я забеспокоился и признал правоту утверждений фон Гроссена.

"Где мы, черт возьми, находимся?" - подумал я, мысленно останавливая догонов. Фон Гроссен раздраженно уставился на меня.

-Недавно вы поняли, в чем дело! Я уже давно предупреждаю вас, что что-то не так, но вы меня не слушаете. Вы никого не слушаете. Вы обращаете внимание только на своих проклятых собак. Я не отрицаю, что во всем этом есть сверхъестественные факты, факты, которые, возможно, я не могу или не должен понимать: я принимаю это и даже не пытаюсь что-то изменить. Я знаю, что собаки поведут нас по странным, нелогичным тропам, чтобы добраться до тех, кто тоже идет по магическому пути. Я знаю это и не стремлюсь понять, как они это делают. Но послушайте, фон Зюберманн, разве не может быть так, что в этом или другом мире собаки могут дезориентироваться, заблудиться, потерять след Шеффера или пойти по ложному следу?

Может быть, есть и другие маги, наши враги, которые мешают им?

Ни в коем случае!" - сказала я, но он уже не слушал.

-Мы уже неделю идем предположительно к озеру Куку Нур, то есть на северо-восток. Вы знаете, в каком районе мы должны быть?

-Да, - неохотно согласился я. В Цинхае. Эта долина...

-Нет, фон Зюберманн, вы прекрасно знаете, что такой долины **в Цинхае не существует!** Если я правильно помню, вы - **остенфюрер**; я читал это в вашем досье. Вы много знаете о географии Азии. **Мы должны** быть в Цинхае, и иногда казалось, что мы там, но **это** точно **не Цинхай!** Мы даже не знаем, Тибет ли это!

Карл фон Гроссен истерически рассмеялся и продолжил. Я решил подождать, пока он успокоится.

-Посмотрите на компас. Помните большое озеро, которое мы видели вчера в бинокль и которое, как мы решили, может быть не чем иным, как Куку Нур? Так вот, восточный берег этого озера выходит на долину Цинхай, между горами Нань-Чан на севере и хребтом Куэнь-Лун на юге.

Знаете ли вы, какое расстояние между озером и горами Куэнь Лунь? Если хотите, можете обратиться к карте.

-С учетом того, что хребет Куэнь-Лунь идет параллельно с востока на запад, думаю, между озером и его восточной оконечностью, хребтом Амнэ-Ма-Чин, - сказал я по памяти, - около 30 км, а между восточным берегом и западной оконечностью Куэнь-Луны, хребтом Алтын-Таг, например, около 1 000 км.

-Вот именно! - торжествуя подтвердил он. Теперь посмотрите в бинокль на юг. Вы узнаете те горы, до которых не более пятнадцати километров?

Это же Алтын-Таг, - изумленно воскликнул я. - Западная оконечность горного хребта Куэнь-Лун!

-А как вы думаете, фон Зюберманн, удалось ли нам преодолеть 1000 км со вчерашнего дня до сегодняшнего?

-Нейн!

-Ну вот теперь вы разумны, - сказал он. Я скажу вам, сколько мы прошли, потому что я сделал точный расчет: **всего двадцать пять километров.**

Вы понимаете? **Мы соединили два места, которые обычно разделяет 1000 км, всего за 25 км.** Что случилось с обычным расстоянием? Оно сократилось? Фон Зюберманн: **на планете, где мы родились и учились, озеро Куку Нур находится не в 25 км, а в 1000 км от гор Алтын Таг. Это место - Тибет и Китай одновременно!**

Когда мы оказались перед горами **Алтын Таг** на западе хребта Куэнь Лунь, смысл кодового названия **Altwestenoperation**, под которым мы понимали операцию "Старый Запад", стал неожиданно ясен: китайское слово **Altyn** было ловко сокращено, чтобы образовать немецкое слово **Alt** - старый. Но затем, ближе к концу приключения, прояснился и истинный смысл: злополучная миссия на самом деле называлась "Операция **Алтын Таг**". Я глупо размышлял об этом, в то время как фон Гроссен настаивал на необходимости пересмотра стратегии операции "Первый ключ": он, который неделю назад заставил меня применить силу **Скротра Крама** и бросить собак-даивов на след Шеффера, теперь утверждал необходимость пересмотра самой стратегии: **Wahnsinn!**

//Мы начали разговаривать в стороне от остального каравана, но три офицера бесшумно подошли ближе, и теперь мы бы л и окружены ими. Фон Гроссен вздохнул и по-отечески положил руку мне на плечо.

-Посмотрите на тибетцев, - сказал он. Вам не кажется необычным их выражение лица? - Действительно, фон Гроссен не преувеличивал: поведение монахов Каулики, несомненно, было необычным. Естественное, невозмутимое спокойствие исчезло, они казались нервными и встревоженными; эти воины, не колеблящиеся перед лицом врага, превосходящего их во сто крат, неустанно шарахались во все стороны, словно ожидали, что сам Сатана ворвется к ним в спину! Я не заметил этого раньше, потому что все мое внимание привлекли собаки, как упрекнул меня фон Гроссен.

Я внутренне выругался и просто пробормотал:
-Смешно...

-Любопытно? Невероятно. Вы только сейчас это заметили, а они в таком состоянии уже целый день. Я пытался выяснить, в чем дело, но они отвечали уклончиво, но не откажутся ответить вам, которого они уважают.

-Я хочу знать, в чем дело, фон Зюберманн! -Я хочу знать, в чем дело, фон Зюберманн, - продолжал он, - прежде чем мы отправимся в это безумное путешествие; заблудились ли мы, или попали в другой мир, или что происходит с тибетцами, я хочу знать все об этом. Я не возражаю против возобновления похода с собаками, **но считаю, что вам необходимо поразмыслить и осознать, что происходит вокруг вас.**

Очевидно, на него подействовала моя рассеянность последних нескольких дней. Но фон Гроссен ошибался. Если я хотел найти Эрнста Шеффера, если я хотел, чтобы собаки даивы подчинялись правильным командам, то худшей ошибкой было бы "осознавать происходящее вокруг" и "размышлять". Именно так, секрет управления собаками заключался в умении поместить себя **далеко от всего "вокруг"**, вне Пространства и Времени, за пределами Кулы и Акулы; и прежде всего, для этого нужно было не думать, не замечать, **не "размышлять"**.

Сам того не понимая, **штандартенфюрер** хотел заставить меня погрузиться в Mâyû, иллюзию материальных форм, наполнявших наше "окружение", с о с т а в л я в ш и х контекст Великого Обмана. Но он был высокообразованным человеком, свободно говорил на Vril и понимал термины Духа: Вечность, Бесконечность, Абсолютная Свобода. Как же я мог объяснить ему то, что уже знал? Я решил молчать. Я не хотел причинять ему боль, ибо мог объяснить его забывчивость в отношении основных принципов Гиперборейской Мудрости лишь **сильным чувством ужаса.**

Я задам вопрос гурке, - предложил он. Он кажется мне наиболее близким с нами.

Фон Гроссен согласился, и мы сразу же позвонили ему. Как и ожидалось, Банги не отказался мне ответить.

-Мы находимся, - сказал он, - в Долине бессмертных демонов. Совсем рядом должны находиться Врата Чанг Шамбалы. У вас не развито ясновидение, и поэтому вы не видите святилище Королевы-Матери Запада. Но мы приближаемся к нему уже который день, и с каждым мгновением Каулики воспринимают его все яснее.

Гурка указал в сторону гор Куен Лун. Временами он говорил на бодскадском, а временами на английском и немецком языках, демонстрируя свое волнение.

-Да, здесь находится святилище Хси Ван Му, врага Кулы! -с содроганием подтвердил он. Она - та, кого другие называют Долма, Тара, Куань Инь, а также Бина, Мать смертных людей из глины. По традиции в эту Долину Бессмертных входят только те, кого Она любит и хочет сохранить для поклонения Брахме, Творцу, и служения Царю Мира, то есть только те, кто ненавидит Кулу, те, кто отвергает Вечную Свадьбу с Абсолютной Шакти, немужчины, не-девственники. Никогда еще каулика не ступал на этот путь, противоречащий **Дао, Пути и Концу Принципа**; никогда еще жених Кулы не ступал на столь жалкий путь, противоречащий самой Вруне!

Вы и собаки-даивы привели нас в Ад, чтобы в физическом теле разыграть величайшее испытание этой жизни. **Она попытается превратить нас в животных, но мы будем сражаться здесь, если**

придется; за Шиву, за тебя, сын Шивы, и за твоего фюрера, Владыку Абсолютной Воли. Но, прежде всего, мы будем сражаться, потому что знаем, что вы, давшие нам

привели к войне с асурами, вы не оставите нас в аду.

Вы - воин Неба и Ада, человек чести, и вы знаете, как вытащить нас отсюда! Такая убежденность, разумеется, произвела на меня глубокое впечатление.

-Мы в аду? Мы проделали долгий путь! -язвительно заметил фон Гроссен. Возможно, сукин сын Шеффер находится где-то поблизости, ведь это самое подходящее для него место.

Конечно, никто не предполагал, что шутка фон Гроссена соответствовала самой строгой реальности: предатель и немецкая экспедиция были рядом, совсем рядом. Однако путешествие возобновилось только на следующее утро, по моей инициативе. Я хотел, чтобы все отдохнули, и искал пустяковые предлоги, чтобы оправдать остановку. Я объяснил уже не столь торопливому **штандартенфюреру**, что мне нужно "обдумать" увиденное и услышанное, а также пересмотреть приказы даива-собак. И я думаю, что впервые за все время путешествия, начиная с Бутана, все были внутренне благодарны за то, что им пришлось потратить день на порог Долины бессмертных демонов.

Товарищество - это не количественная **связь**, не измеряемые **отношения**, не **причина** между товарищами. Это не просто аффективная связь, как дружба, а **духовное совпадение, тождество идеалов, которые реализуются одновременно**. Товарищество определяется абсолютными моментами: временем и пространством события; но у него нет широкого временного измерения, то есть товарищество не допускает категории длительности; постоянный товарищ, как и друг, немислим. Товарищество порождает товарищей по действию, по совпадающему обстоятельству; оно предполагает встречу двух или более, в один и тот же момент, с общим идеалом, который **становится конкретным**. Дружба, напротив, темпорально обширна и пространственно ограничена и всеобъемлюща; она состоит из плотной сентиментальной связи, почти измеримой, которая объединяет людей независимо от события, в котором они участвуют. Дружба не зависит ни от каких этических норм, потому что она, как и все аффективные отношения, исходит из сердца. В товариществе, с другой стороны, всегда присутствует Честь. Требуется не подвергать сомнению моральное поведение друга; с другой стороны, это обязанность соблюдать этическую позицию товарища: **Можно предать родину, опираясь на помощь друга. Но умереть за родину можно только с помощью товарища.**

О противопоставлении дружбы, аффективной, и товарищества, духовного,

Становится понятно, почему предателю удастся продлить свое предательство во времени, "навсегда", по аналогии с дружбой, и почему герой должен доказать свое мужество в акте мгновения, мгновения, которое честь и этика смирения заставляют забыть впоследствии: это мгновение героя, которое несет в себе все мужество, подразумеваемое в акте его возникновения, является абсолютной инстанцией товарищей, совершенным совпадением тех, кто собирается бороться за один и тот же идеал. Ибо, и это уточнение очевидно, мгновение героя - это время, свойственное кшатриям, воинам, то есть товарищам.

В окопе затаились начальник и десять солдат. Вдруг в окоп падает смертоносная граната. Солдат бросается на нее и смягчает взрыв своим телом: он мертв, но спас всех остальных; он

герой. В данном примере стоит отметить, что герой в абсолютном своем проявлении - это **харизматичный лидер** группы. Присмотримся внимательнее: это профессиональная армия, здесь есть иерархия и воинские звания, начальники и подчиненные, вожди и солдаты. Однако эта внешняя организация, этот поверхностный порядок не имеет значения для несокрушимой Смерти; внутренние силы человеческого порядка бессильны противостоять растворяющей силе Смерти. Когда падает граната, в окопе реальны только Смерть и люди, которым предстоит умереть: в этот миг ужаса существуют не начальники и подчиненные, не командиры и солдаты, а люди, которым предстоит умереть. Но кто-то решает противостоять Смерти своим телом. Он думает об этом в одно мгновение и решает: он остановит Смерть, он не позволит ей пройти мимо него. Это не самоубийство: это акт отказа от собственной жизни в пользу идеала. "Я умираю, чтобы они могли торжествовать".

Акт I: Граната падает в окоп, и граната - это Смерть: перед ней группа людей, которым предстоит умереть.

Акт II: Человек восстает из собственной человечности и решает "умереть в одиночку и спасти их", "чтобы они могли торжествовать". И человек, который это делает, - не вождь и не солдат, ибо мужество не требует иерархии, а герой. В этом и заключается чудо: **солдат овладевает абсолютной инстанцией, перестает быть солдатом и становится героем. И нет больше ни вождей, ни солдат, ни даже людей, которые идут на смерть, а есть герой и его товарищи.**

Его товарищи, вождь и солдат, - это товарищи, которые присоединяются к нему в акте смерти. Но над всеми поступками стоит цель войны, идеал воина, отечество или, возможно, национальная цель. Осуществление идеала, таким образом, требует акта жизни. Смерть, в данном случае, является врагом. Следовательно, остановить Смерть, не дать ей забрать жизни тех, кто сражается за идеал, - это акт служения идеалу, выходящий за рамки всех правил и предписаний. Если бы это было не так, поступок героя был бы простым самоубийством, а выжившие спасли бы бессмысленную жизнь. Но жизнь, спасенная от Смерти, имеет смысл: **торжество идеала.** Герой бросается на гранату, но он говорит им всем очень ясно: **"Я умираю, чтобы вы могли торжествовать"**, то есть "Я умираю, чтобы мы все могли торжествовать", "Я умираю, чтобы идеал мог торжествовать", "Торжествуйте!

И как он им говорит? **Харизматично.** Все слушают его с кровью; поэтому они чувствуют, что обязаны жизнью не герою, а победе, победе над Врагом, **выполнению его поручения.** Так есть порядок? Да, но не искусственный порядок военной организации, а формальность Мистики: в момент смелости герой - **харизматический лидер** своих товарищей, и его последняя мысль - **приказ**, которому все подчинится. Приказ, отданный вне военной иерархии, оторванный от субординации, но наделенный большей силой, чем любая внешняя диспозиция, потому что он был отдан внутри каждого, одновременно со взрывом Смерти. В мистической форме идеала товарищи в одно мгновение получили приказ харизматического лидера, который является таковым потому, что в этом абсолютном случае он превосходит их всех героической смелостью своего поступка.

Возвращаясь к приведенному выше сравнению, можно лучше понять разницу между дружбой и товариществом: **друзья могут дать нам многое,**

даже все, что у них есть; они могут даже отдать за нас свою жизнь; но только товарищи дадут нам нечто большее, чем их жизнь, даже большее, чем наша собственная жизнь, то есть идеал. Только герой или

Товарищ, он поверит в нас как в героев или товарищей и прикажет нам следовать идеалу, он укажет нам на идеал, он откроет нам идеал, он приблизит нас к идеалу.

Быть другом - значит быть привязанным к чужому сердцу. Быть товарищем - значит быть преданным идеалу;* значит в нужный момент взять на себя абсолютную инстанцию героя; при необходимости харизматично вести за собой товарищей, командовать шествием к идеалу, умереть за идеал. **"Германия, однажды ты восстанешь сияющей / Даже если нам придется умереть / ... / Да, наши стандарты выше смерти!"*

Но герои не всегда должны умирать. Герой - это еще и тот, кто в абсолютное мгновение ведет своих товарищей за собой и ведет их прямо к победе. И все они идут за ним, убежденные, увлеченные, покоренные, потому что харизматично, кровью знают, что он видел идеал и намерен его воплотить. Так исполняется универсальный принцип Гиперборейской Мудрости: **"Один ведет товарищей, и идеал воплощается в жизнь"**.

В нашем отряде царил военный порядок. Существовала шкала командования, которая начиналась с фон Гроссена, продолжалась мной, Гансом и Клостером и заканчивалась Хайнцем; у воинов Каулики тоже была своя иерархия, и их лидеры получали свои директивы от нас.

Однако, помимо военной организации, нас всех объединял общий идеал Духа, национал-социализма, фюрера. В определенный момент мы все были товарищами, и тогда мог произойти абсолютный случай героя. Во время плавания и нападения на духов эскадра действовала как военный орган, иерархия и звания соблюдались. Однако, когда искомая цель развоплотилась, а Смерть и безумие стали преследовать нас, и стало, наконец, очевидно, что ни фон Гроссен, ни кто-либо другой, кроме меня, не сможет вывести их из злоедей "Долины бессмертных демонов", иерархический порядок разрушился, и произошло харизматическое совпадение: я и товарищи. Все они верили в меня, ждали меня, доверяли мне.

Обстоятельства, конечно, требовали героя и лидера. Он понимал это и ***не собирался упускать возможность***. Вот почему я хотел, чтобы они отдохнули, прежде чем возобновить поиски Эрнста Шеффера: тогда уже не будет времени. Ибо в тот абсолютный миг, за которым без колебаний последовали бы мои товарищи, а я, в свою очередь, пошел бы по пути Кулы и Акулы, мы бросились бы в глотку врагу. Мы умрем или одержим победу, но в любом случае наша смерть или победа будут означать для товарищей Германии приказ осуществить идеал, победу фюрера. "Мы умрем, чтобы они могли торжествовать", - думал я, дрожа от героической решимости. Идеал? Как сказал бы Бальдур фон Ширах, идеал состоял из "наших стандартов".

Глава XXXI

Дальше все происходило очень быстро, и я расскажу вам об этом так же, неффе Артуро.

Рано утром мы были готовы возобновить погоню. Все воины приготовили свое оружие, как будто мы в любой момент должны были вступить в бой: тибетцы проверяли свои стрелы, а

Немцев снабдили магазинами и г р а н а т а м и , а винтовки Маузера заменили пистолетами-пулеметами Шмайссера. Хотя приказы Конрада Тарштейна, идентичные тем, что фон Гроссен получил от С.Д., требовали от меня мирного присоединения к экспедиции Эрнста Шеффера, я сомневался, что это возможно сейчас. //Фон Гроссен и другие офицеры также не считали это возможным. Не после того, как я п о б ы в а л в Долине Бессмертных, не после того, как увидел этот райский край посреди вечных снегов, этот оазис на высотах Куэнь-Луня. Такое место не могло существовать без охраны. И стражи не захотели бы позволить нам ни продвинуться, ни отступить. Хранители, которые, как мы чувствовали, будут гораздо опаснее духов.

Мы едва успели войти в Порог Долины, как остановились и разбили лагерь. Если за нами следят, то стражи Порога скоро начнут действовать; отсюда и наша готовность, и уверенность в том, что нам что-то угрожает и с этим надо разобраться. Мы искали Шеффера, это была главная цель, но реальность заключалась в том, что мы находились в Долине Ада.

-Ничто не указывает на то, что Шеффер прошел этот курс, и уж тем более на то, что он прошел этот путь, но я думаю, что теперь нет разницы, вперед или назад, - согласился фон Гроссен. Истина в том, что в нашем мире этой Долины не существует: нет никакой разницы в любом случае!

Холитские носильщики отказались идти дальше. Но и они не знали, как вернуться, и нам пришлось снова разделиться. С ними остались те же две лопы, пожилые, но такие же опасные монахи, яки, жо и все лошади. Хотя снега нигде не было, а погода стояла весенняя, вершины гор Куэн-Лун казались слишком близкими, чтобы лошади могли долго быть нам полезны.

Так мы и отправились в путь: пять немцев, семь лимпетов и гурка, товарищи Вечного Духа, тринадцать героев в их абсолютной инстанции. Я отдал мысленный приказ собакам-даивам, и они отправились в том же направлении, что и накануне.

-Невозможно отрицать, что вы настойчивы, - хмыкнул фон Гроссен, увидев, что курс пройден.

Но у меня не было времени заниматься ни им, ни кем-либо еще. Кала, Пожирющее Время, теперь стояло перед нами, как Смерть Мртью, - окончательный миг, в который мы либо погибнем, либо восторжествуем, без всякой середины. И в этот миг героям требовался Герой среди героев, лидер, который передал бы харизматичный приказ сражаться за идеал, "за наши знамена", "даже если нам придется умереть". Если идеал был окончательно реализован, умереть или жить означало честь или триумф, в зависимости от того, что было бы лучше. Ни смерть, ни жизнь не должны волновать никого, кроме осуществления идеала, всеобщего принесения наших знамен, победы нашей собственной Стратегии. Таков был харизматический приказ моим товарищам. Собакам-даивам я приказал: "Следуйте за Эрнстом Шеффером" на языке янтра-свади. И собаки Кула и Акула пошли по следу предателя в области, которых не было ни на Земле, ни на Небе. И я последовал за собаками даивов, за Кулой и Акулой. И мой

Двенадцать товарищей шли за мной, не заботясь ни о чем вокруг, не задумываясь ни о смерти, ни о жизни, думая только об идеале, о воплощении идеала, об окончательной победе наших стандартов.

С того момента, как мы покинули бивуак, дого становились все более возбужденными, как будто их добыча была все ближе и ближе. С большой уверенностью они вели нас по нескольким спускающимся тропам, пока мы не вышли к руслу бурного потока, стекающего с гор Куэн-Лун. Около часа мы шли параллельно его правому берегу, и монахам Каулики несколько раз приходилось рубить своими секирами, чтобы пробиться сквозь густые заросли колючек.

В конце концов мы подошли к великолепному водопаду с падением в 50 метров и получили первое доказательство того, что мы на верном пути. Перед нами возвышалась стена каменного оврага высотой 50-60 метров, по которому текли воды ручья, а у его основания виднелись несомненные следы пребывания человека. На небольшой поляне находилась *шахта* - одно из тех каменных углублений, похожих на южноамериканские *апачеты*, которые образуются в "священных местах" Тибета путем добавления всеми ламами-паломниками камня, исписанного знаками, с о о т в е т с т в у ю щ и м и биджам Калачакры. В нише, вырытой в каменной стене, находился мотив шахт: скульптура Живого Будды *Маггогпы*, Царя-мастера Шамбалы, Ригдена Джиэпо. Он был изображен сидящим в позе лотоса и медитирующим, а в его руках крошечная статуэтка шакти Какини держала кровоточащее Сердце, в центре которого был знак Звезды Давида, обозначающий чакру Анахата. Все это соответствовало символу Учения Сердца, Йоги Любви, которую должны практиковать все адепты, с т р е м я щ и е с я познать Калачакру. Его присутствие там было откровенно угрожающим и пугающим: только те, кто был Инициатом в Учении Сердца, могли продолжить свой путь к Вратам Шамбалы. Принятие такого условия было продемонстрировано добавлением камня с именем, написанным кровью, в курган рудников.

Мы остановились в этом месте всего на пятнадцать минут, так как дого Они упорно настаивали на продолжении поисков и требовали сверхчеловеческих усилий, чтобы сдержать их. За это время мои товарищи исследовали место и обнаружили, что здесь есть несколько тропинок: собаки-даивы, возможно, чтобы сократить путь, провели нас через участки, которые были совершенно непроходимы. Но было очевидно, что эти "Врата Шамбалы" посещались ч а с т о , учитывая объем шахт, или, по крайней мере, в течение многих лет.

-Фон Гроссен, фон Зюберманн, посмотрите на это! -крикнул Хайнц Шмидт, занятый осмотром камней в шахтах.

В руке у него был камень, и он протянул его мне. Я заметил, что он был исписан кровью с двух сторон: одна была неразборчива, так как ее знаки были мне неизвестны, но вторая надпись потрясла мое сердце: на ней было написано на правильном немецком языке: *Ernst Schaeffer*.

Не говоря ни слова, я передал его фон Гроссену и позвонил Шривирье и Банги. -

Вы можете сказать мне, на каком это языке? -спросил я.

-Это *зензар*, священный язык бодхисаттв Чанг-Шамбалы. Архат Джуал Кхул, который направляет немцев, должно быть, открыл им определенные формулы Кала-чакры для написания на камнях", - объяснил Шривирья.

И это было все, что там произошло. Мгновением позже собаки-даивы по двое поднимались по ступеням высеченной в камне лестницы, которая вела на вершину оврага.

В конце подъема открылась широкая терраса, на краю которой начинался склон горы, относящейся к восточной части системы Алтын-Таг. Место было столь же безлюдным, но с явными признаками человеческой деятельности. Всех нас удивило наличие внушительного **чортена** - священного тибетского памятника с квадратным основанием и удушенным колоколообразным телом, обычно увенчанным усеченным конусом, на вершине которого восседает изображение божества. На верхнем конусе чортена возвышалась ужасная статуя Богини, бесчисленное количество раз умноженная в себе и развернутая в сотни подобных профилей: бесчисленные лица, ноги и руки превращали ее в вихрь Присутствий, то есть, несомненно, обозначали Ее вездесущность. Богиня выражала один Аспект, неустанно повторяющийся: такой аспект, изолированный, показывал ее сострадательно улыбающейся нам, когда она танцевала на кровоточащем Сердце; ее волосы струились, и она носила корону королевы, глаз в середине лба, глаза в ладонях и на подошвах ног. Она была искусно раскрашена, и преобладающими цветами были белый и синий: белое тело, синие одежды.

Чортенс был высотой не менее 15 метров, а статуя богини была достаточно большой, чтобы мы могли оценить все ее детали. Мы, немцы, смотрели на нее молча, выражая свое недовольство красноречивыми жестами: *teufflich!*

Тибетцы также молча смотрели на происходящее. //Однако, совершив необычный поступок, гурка повернулся к группе офицеров:

-Вы впечатлены изображением Куань Инь, королевы-матери Запада? Мы впечатлены не меньше, но гораздо большее впечатление на нас **производит вид самой Богини**, заинтересованной в посетителях ее тысячелетнего святилища. Если хотите, я могу перевести для вас понятными словами то, что видит и чувствует этот скромный монах Каулика, воспринимая чортены Богини Милосердия в Долине Бессмертных.

Мы все согласились, не представляя, какие детали тайного заговора может раскрыть острое зрение монаха-каулика.

-Вчера я сказал двоим из вас, что если бы вы могли видеть тонкий мир, то увидели бы, что мы находимся на пути к святилищу Кси Ванг Му, - вспоминает Банги. Сегодня мы прошли некоторое расстояние и приближаемся к **Ней, Матери животной части человека**. Но вы все еще не видите Ее, **хотя Ее присутствие ощущается повсюду**. Впечатляет ли вас Ее образ? Ибо что бы с вами стало, если бы вы смогли приподнять завесу Маю и увидеть Куань Инь во всем ее Разуме и Величии, в ее полном **Милосердном Вездесущии**? Я скажу вам: вы не смогли бы устоять перед взглядом Богини Животной Любви, Сострадающей Сердцу!

И вы не сможете этого сделать, ибо ее взгляд - это взгляд многих глаз, сотен глаз, миллионов глаз, следящих за сердцем человека, или дживы, ожидающих, когда он приблизится и отождествит себя со своим атманом, Божественным Архетипом, созданным Брахмой по подобию Его Самого. И для этого Шакти Какини издает свой голос в звуке анахата шабда и говорит "**ом мани падме хум**", "о ты",

драгоценность, которая находится в лотосе", "О Мать, которая находится в чакре", "О Деви, которая находится в чакре Анахата". И если джива слышит эту мантру и произносит ее как анахата-джапу, он становится дживатманом; **и он также получает калагию, сигнал войти в Чанг Шамбалу и присоединиться к Белому Братству.**

В каждой точке реального Пространства находится маленький архетипический шар или атом, который точно символизирует единство Брахмы, Творца. А в центре каждого такого атома находится глаз, которым Единый созерцает Себя из всего сотворенного. Каждый глаз Отца Единого называется **Иод**, но каждый зрачок принадлежит Матери Куань Инь. Когда кровь человека заклеена Владыками Кармы, и боль проникает в глаза Единого, как приятная симфония, зрачки Матери Куань Инь смягчают страдальческие аккорды Милосердием Ее Сердца. Таким образом, Она - **Авалокитешвара**, Бодхисаттва Сострадания. Да, западные **камрады**: этот образ, который производит на вас впечатление, - лишь тусклое отражение Куань Инь за вуалью Mâyû. Прямо здесь, в этот момент, Богиня танцует Танец Жизни, и ее бесчисленные глаза смотрят в ваши Сердца, ища в них тепло Любви!

Куань Инь хочет почувствовать, как в ваших сердцах пульсирует Любовь к сотворенным вещам, как вы трепещете от сострадания к боли, терзающей человеческую жизнь, к боли, причиняемой теми, кто отступает от гармонии Вселенной, от Закона Единого! И что же собирают в ваших сердцах глаза Авалокитешвары? Только Холод и Ненависть, вместо Тепла и Любви к Жизни. И тогда глаза Матери отводятся в слезах, обещая помочь вам вернуться в животное состояние, в теплое Сердце тех, кто любит теплую Жизнь. Она - Мать людей-животных, пасу: её милосердие достигнет вас и согреет ваше Сердце своей Любовью, изгоняя Холод и Ненависть, твёрдый лёд! И она делает это, даже если ей придется повернуть Калачакру и превратить вас в примитивных обезьян!

Но здесь, с тобой, Ганеша, сын Шивы, которого ты называешь Куртом. Что же увидела Богиня-мать Запада в сердце сына Шивы? Тоже Холод и Ненависть, но образующие гнездо для маски Холодной Смерти, прибежище Калы, Черного. Да, в Сыне Шивы больше мерзости, ибо он приютил в своем сердце Смерть, маску Смерти, скрывающую обнаженную истину бесконечной черноты его самого. В сердце Ганеши, на мертвом теле пасу, сына Матери Куань Инь, Черный Калли танцует Танец Холодной Смерти; и в труп пасу, который является трупом, фаллос Шивы, алмазный лингам ваджры, все еще жив: перед символом абсолютной мужественности Калы раскрывается и позволяет проявиться Паурвати Фраيه, Истине после Чёрной Смерти; Паурвати Фраיה совершает йонимудру на лингаме Шивы, и Бхайрава воскресает в Сердце Сына Шивы; в Сердце Ганеши рождается Дитя Ваджры - аномально! Ребенок, рожденный Духом Шивы с Истиной за маской смерти! Дитя, зарождающееся в утробе Бесконечной Черноты Самого Себя! Дитя, рождающееся в разорванной вульве мертвого Сердца пасу! Дитя Ваджры, Дитя Алмаза, Дитя Камня, Дитя Молнии, Дитя Холодного Огня, Дитя **Бога!** Дитя, которое ест Несотворенная Вруна и которое находится за пределами Кулы и Акулы, за пределами времени и пространства, за пределами жизни и смерти, за пределами добра и зла, **определенно за пределами пасу, убитого Калы в Сердце Сына Шивы!**

Очень большое зло увидели миллионы глаз Авалокитешвары в сердце Сына Шивы. Зло, для которого недостаточно Его слез милосердия, Его сострадания и Его любви. Зло, от которого нет искупления ни в этой жизни, ни в другой жизни Колеса Жизни Шрипай Хорло.

Это зло того, кто бежит от заботы Отца и Матери, кто отрекается от Отца и Матери, кто обнаруживает, что у него нет ни Отца, ни Матери, кто находит обнажённую Истину о себе и стремится быть тем, кто он есть, а не тем, кем он должен быть по Закону. О, какая неблагодарность в том, кто таким образом охлаждает Сердце к Матери и питает ненависть к Отцу! Обнаженная Истина поселилась в сердце человека, как на ледяном ложе, и он стал вирьей, богом, соперничающим с Единым Богом. Но Она охладила Сердце, потому что Она - Враг Любви, и Мать Куань Инь не может этого допустить. Враг Любви причинил много вреда: с помощью Маски Калы она убила пасу, своего первенца; а с помощью Силы Обнаженной Истины она породила отвратительное существо, родившееся на трупе пасу, - Дитя Алмазного Камня, дитя, которое не является и никогда не будет человеком. Велик вред, причиненный Врагом, ужасно зло, что гнездится в сердце Сына Шивы.

Обязанность всевидящей Матери Куань Инь, чье милосердие распространяется на всех, - защищать своих детей-животных. Ведь ее дети, теплые сердцем и холодные умом, подобны овцам в стаде: они зависят от Пастыря и его посоха. А дети Камня, с ледяными сердцами и горячими умами, подобны голодным волкам: они преследуют стадо, чтобы зарезать ягнят, и убегают только перед посохом Пастыря.

-Что увидела Богиня-Мать Запада в сердце Сына Шивы? Волка, убийцу ягнят, Дитя Камня, Сына Самого Себя и Жениха Обнаженной Истины, отвратительное существование Тао-т'и за пределами Творения. Но, превыше всех зол, Куань Инь видела того, кто может явить миру Обнаженную Истину, открыть Запретную и Пьянящую Красоту Врага людей и распространить зло Мудрости подобно эпидемии. В глазах Матери Куань Инь Сын Шивы - это Демон Разрушения Человечества. Обнаженная Истина, которую Ганеша может явить спящим людям, вызовет в них новое жестокое падение в небытие Несотворенного. На руинах Человечества Любви Ганеша, преобразенный в Шиву, будет танцевать распад Сотворенного, разложение Mâuâ, окончательную смерть Иллюзии. И в Пралайе Любви и Милосердия Куань Инь, на Смерти Человечества, в Геттердаммерунге Братства, воскресшие Герои, полубожественные вирьи, Богочеловеки, возвеличивают Обнаженную Истину Себя, Врага Любви, Невесту Истока. О, как плачут миллионы глаз Авалокитешвары при осознании зла, живущего в сердце сына Шивы!

Изображение Авалокитешвары, изваянное в граните, храм Соккурам, Корея. 8 век

Но Куань Инь знает, что зло Ганеши слишком велико, чтобы его можно было простить; нет, для Курта фон Зюбермана нет возможности договориться, ибо его присутствие унижает достоинство Бодхисаттв, его присутствие бессовестно выставляет напоказ обнаженную Истину Истока! Никто из тех, кто стоит на стороне Единого, Брахмы, Творца, не примет такого оскорбления! И снова будет Милосердный, который заговорит в сердце Сына Шивы и объявит ему решение Богов, так говорит Богиня-Мать Куань Инь сердцу Сына Шивы Курта фон Зюбермана!

Как волк, ты будешь убивать
моих овец. Как каменное дитя,
Тао-т'ие,
тогда вы превратите их в таких же волков, как вы.
Для вас не будет пощады!
Безмятежно мое любящее
Сердце, мои многочисленные
глаза сухи! Монстр Запретной
Истины, преображающей
человеческий мир:
решение принято!
Вернитесь туда, откуда вы пришли!
Выйди из Пути Человека!
Свирепый волк, ты не должен подстергать моих овец!
Голая правда о
происхождении спящих
мужчин
Ваш Знак вы не раскроете!
Потому что вы вечны,
Хотя ты и не знаешь этого,
Ульфхеднар, ты не умрешь;
но если Путь Человека, по
которому вы собираетесь идти,
в мир людей вы
никогда не
вернетесь!
В мое святилище на земле

вам не войти!
Я - Мать человечества!
Я - внимательная пастушка.

И я ухаживаю за
своей паствой с
беспримерным
рвением!
Тот, кто приходит сюда, ищет бессмертия!
Он прошел все испытания и стал
ягненком в моем загоне;
это тот, кто предложил нежное сердце
Авалокитешваре;
это тот, кто любит и
страдает, тот, кто
следует своей Дхарме,
тот, кто является совершенным
человеком-животным; тот, кто
приходит в Мое Убежище
и Отец поклонится!
Ему я дарую
бессмертие!
Его я веду в
Братство!
Но ты, волк в
овечьей шкуре.
Что вы ищете?
Носитель Черной и Холодной
Смерти, в твоём Ледяном Сердце,
Скрытый враг уходит.
Боги не могут наказать тебя, но и
не желают больше видеть.
На этой территории нет
места волкам!
Клянусь милосердием моего
сутратма, ликантроп не
пройдет!
Вот я - Куань Инь, Ченрезигс,
богиня морских глубин!
Я храню Путь Дэвы Яны для
бессмертных Братства!
Ваш грех с камнем Фрайя
оскорбил, глаза мои добрые, и
отрезал тебе путь
по отношению к братству.
За ваше
отвратительное зло
сегодня я закрыл
Врата Чанг Шамбалы!
Я - Палден Дорджи Лхамо!

Мы все были поражены и удивлены словами монаха. Он называл это "переводом своих впечатлений от чортенов", когда казалось, что с нами говорит сама Богиня Куань Инь! Несомненно, Банги обладал высшими способностями, которые позволяли ему видеть и слышать бодхисаттв. Но именно меня это видение встревожило больше всего, ибо я обнаружил в нем аспекты, которые меня очень тронули, смыслы, которые заинтересовали Операцию Первого Ключа, концепции, которые я не мог понять и которые я не мог осознать.

имела смысл в рамках самой Стратегии. Гурка действительно передал мне какое-то послание, хотя сознательно или бессознательно, я не мог сказать.

Короче говоря, гурка сказал, и никто, кроме меня, не мог этого понять, что **мое присутствие в Долине Бессмертных вынуждает демонов закрыть Врата Чанг Шамбалы**, как того и ожидал Конрад Тарштейн. Иными словами, если бы Эрнст Шеффер еще не прошел, то его операция "**Альтвестен**" была бы точно приостановлена, ибо Богиня Куань Инь "сказала в моем Сердце": "Решение принято", "Сегодня я закрыла Врата Чанг Шамбалы".

Глава XXXII

Когда мы покинули чортены, был уже полдень. Собаки-даивы требовали, чтобы мы поднялись по западному склону одной из Алтын-Таг, но вскоре мы обнаружили скрытую тропу, которая позволила нам подняться на тысячу метров. Через четыре утомленных часа мы достигли вершины горы, заметив, что на севере она обрывается на тысячи метров в вертикальную стену: от основания во все стороны простиралась обширная пустынная равнина, кроме северо-запада, где виднелись голубые воды озера огромной площади.

-Тойфель! -воскликнул эффективный фон Гроссен. Нам посчастливилось смотреть на эту страну с привилегированной террасы на высоте 4 000 метров над уровнем моря. То, что мы видим, - это китайская провинция Синкианг, равнина - не что иное, как пустыня Такла-Макан, которая на востоке соединяется с монгольской пустыней Гоби, а озеро, если быть точным, - Лоп-Нур. Наконец-то географическая область, соответствующая реальности немецких карт!

Но если за пределами Долины Бессмертных мир оставался прежним, то в н у т р и него пространство и время были искажены, как и прежде, боги-предатели и жрецы Белого братства подстерегали нас, чтобы преградить путь или напасть, а нам еще предстояло найти Эрнста Шеффера. Последнее произошло раньше намеченного срока. И действительно, пока мы с удивлением смотрели на Синкианг, монахи Каулики исследовали сто квадратных метров вершины и через несколько минут принесли шокирующую новость: у подножия южного склона находился лагерь! Мы побежали туда и осмотрели его в бинокль - сомнений не было: это был немецкий лагерь!

Небольшое ущелье, больше похожее на теснину, имело около 500 метров в длину и 50 метров в ширину, а зимой оно служило для транспортировки снега с гигантского ледника, подобно титаническому каменному каналу. Он был ориентирован с востока на запад, и в каждом конце было по два ущелья, через которые можно было войти или выйти: изнутри было видно, что западное ущелье о к р у ж е н о скульптурами двух огромных вооруженных бодхисаттв. По какой-то причине экспедиция не решилась пересечь эти красноречиво украшенные каменные ворота и решила разбить лагерь в противоположном конце ущелья, рядом с входным ущельем. Было видно, что они находятся здесь уже несколько дней и, возможно, собираются

з а д е р ж а т ь с я , так как распаковали все вещи.

Лагерь был оборудован и рационально распределен после тщательной кастрации: у них даже было два дозора, один на востоке, другой на западе лагеря.

К долгожданному моменту встречи с экспедицией Шеффера фон Гроссен разработал план подхода, к которому нужно было добавить только тактические детали в зависимости от обстоятельств. В данном случае оставалось только утвердить позиции и функции каждого из нас, прежде чем эскадра будет готова к выполнению плана.

Соответственно, мы молча спустились к входу в овраг, откуда вниз вела тропа на вершину. Там фон Гроссен, Оскар Файль, гурка и я с собаками-дайвами на несколько минут затаились, а три офицера и восемь монахов-лимпетов разошлись по лагерю. Они должны были стоять на страже и прикрывать наше следующее продвижение, если вдруг возникнет недоразумение или что-то пойдет не так.

Ничего не подозревая, часовой курил, отвлекаясь на свои мысли, возможно, вспоминая далекую родину. Мы, трое немцев, внезапно появились перед ним, и он подумал, что видит сон. Но реагировать было уже поздно, особенно при виде черных дул "шмайссеров": люгер, кинжал и пистолет-пулемет MP40 перешли в руки фон Гроссена.

Мы офицеры Третьего рейха, - пояснил фон Гроссен, - но мы не можем рисковать. Хайль Гитлер! Теперь приближайтесь к лагерю, очень медленно, и доложите о нашем прибытии!

-Хайль Гитлер! -ответил осажденный часовой.

С изысканной деликатностью он заглядывал в каждую из шести палаток и сообщал их обитателям о происходящем. Многие могли предположить, что часовой бредит.

Через несколько секунд собралось 20 или более человек, но невозможно было определить, кто из них офицер, а кто унтер-офицер, поскольку все они были одеты в гражданскую одежду. Один из них издал восклицание и сделал несколько шагов ближе:

-Я знаю вас, **штандартенфюрер** Карл фон Гроссен! Какого черта вы делаете здесь, в подмышке Тибета?

-А я знаю, кто вы, **штандартенфюрер Райнхард фон Крупп**, - озорно ответил всегда хорошо информированный фон Гроссен, подчеркнув звание и имя офицера. Со времен службы в гестапо фон Гроссен сохранил дурную привычку делать определенный наводящий акцент на именах людей, подразумевая, что он владеет конфиденциальной или компрометирующей информацией о них.

-Мы здесь для того, чтобы... -Вон Гроссен собирался продолжить, но его прервало появление Эрнста Шеффера.

Возможно, и даже очень возможно, что Шеффер необратимо потерял рассудок, столкнувшись с этим неожиданным зрелищем. Чтобы понять это, нужно представить себе, каково ему было бы прибыть в Долину бессмертных, в двух шагах от святилища Королевы-Матери Запада и врат Чанг-Шамбалы, и обнаружить, что вместо архатов здесь находится группа немцев, один из которых был его заклятым врагом. А с ним, необъяснимым образом, пришли козел отпущения, Оскар Файль, и пропавшая гурка.

-Ахахахаха...! -безумно закричал он, - стреляйте, убивайте их, убивайте! все!

//Офицеры и солдаты подняли винтовки, но ждали подтверждения приказа от своего *штандартенфюрера*: Шеффер был офицером абвера и не имел прямого командования над Schutz Staffel. Эта нерешительность позволила предотвратить вооруженную конфронтацию с непредсказуемыми последствиями.

//«Это немцы, люди!» - попытался объяснить фон Крупп, ошеломленный изумленным отношением Эрнста Шеффера.

Но он уже вытащил свой "Люгер" и целился в меня, явно намереваясь устранив меня из мира живых.

Он не мог стрелять. //Быстрым движением двое членов экспедиции бросились на него и взяли в заложники: один выхватил пистолет и удерживал его, а другой приставил кинжал к его горлу. Это были два шпиона S.D.!

-Первому, кто шевельнется, мы перережем горло! -Выходите вперед, мой *штандартенфюрер*, и обезвредьте этих четверых! -добавил он, указывая на приспешников Шеффера.

Фон Гроссен не стал долго ждать и выкрикнул несколько приказов. К общему удивлению, Ганс и Клостер вышли из скал и быстро разделались с четверкой, которая не оказала никакого сопротивления. Шесть фигур, одетых в шафрановые одежды, с лицами и руками, покрытыми пеплом, попытались убежать в направлении западного выхода с поляны, но через несколько шагов упали, изрешеченные стрелами: это были скушоки из Джафранского ашрама и их ламы. Это стало последней каплей. Фон Крупп, в свою очередь, отдал приказ, и все его люди легли на землю; вскоре битва снова разгорелась.

Эскадрилья фон Круппа была вдвое больше нашей. Однако здравый смысл возобладал, и *штандартенфюрер* гневно переспросил фон Гроссена:

-Что это такое, фон Гроссен? Он приехал сюда, обращается с нами, как с врагами, и убивает тибетских проводников, которые рассчитывали на нашу защиту. Я полагаю, у него есть веское оправдание этому безобразию!

Мы ничего не имеем против вас, но против этой своры предателей, - сказал фон Гроссен. И если этого достаточно для оправдания, вот наши приказы, утвержденные фюрером.

Он протянул ему запечатанный конверт с надписью "*Altwestenoperation*". Райнхарт фон Крупп вскрыл его и достал письмо. Это был короткий указ. Он утвердительно покачал головой и прокомментировал его Шефферу:

-Они прибыли из Германии, чтобы возглавить экспедицию! Отныне безопасность и логистика находятся в руках *штандартенфюрера* Карла фон Гроссена.

Лицо Шеффера казалось белее снега Алтын-Тага.

Фон Крупп сказал это достаточно громким тоном, чтобы все услышали:

-Я не против. Я принимаю ваши приказы и принимаю командование. Но вы должны будете объяснить мне, что означает ваше обвинение в измене. И как Оскар Файль оказался рядом с вами.

//Он ослабил давление на нож. Люди фон Круппа встали и опустили винтовки, а Хайнц и восемь монахов-кауликов приблизились, причем у последних стрелы все еще были наложены на луки.

-Разум! -Разум! Вы, кровавые убийцы, вы не знаете, какой вред вы нанесли Германии и всему человечеству! Ахахахаха...!

Фон Зюберманн, сын дьявола, знал, что он намерен помешать нашему

Ты пришел, чтобы уничтожить нас: мы должны были убить тебя в Германии! Из-за тебя я буду наказан: Владыки никогда не простят мне твоего обреченного присутствия в этой Священной долине! Когда Архат Джуал Кхул ушёл, мне, должно быть, показалось, что происходит что-то ужасное! Это был ты! Ты и твоя непомерная Порча, оскорбляющая Святых Существ!

Будь ты проклят, тысячу раз проклятый фон Зюберманн, порождение ада, как ты меня нашел! -прорычал он, совершенно разъяренный. //Двое шпионов держали его за руки, чтобы он не бросился на меня.

-Отвратительный **герр Лерер**, последнее, чего бы я хотел в своей жизни, - это увидеть его снова, - искренне сказал я. Только благодаря этим благородным собакам мы зашли так далеко.

Затем я немного отпустил даивов, которые все еще подчинялись команде "принеси Эрнста Шеффера", и собаки вскочили и сделали два яростных выпада в нескольких дюймах от его шеи.

С глазами, полными ужаса, с лицом, перекошенным от ярости, Шеффер являл собой картину безумия.

- В ы видите: **только inferнальное существо могло сопровождать волков Вотана!** Не принимайте этот указ, фон Крупп, и убейте их всех. Вы еще успеете предотвратить страшное зло для Германии и всего мира. Уверяю вас, что с вами ничего не случится, если вы послушаете меня. Вернее, я гарантирую, что вы будете награждены как герои.

-Вы сошли с ума, Шеффер: в Германии нет никого выше фюрера! Если я не выполню этот приказ, то единственной наградой мне будет пеньковая веревка с узлом", - извинился фон Крупп.

-Нет, товарищ фон Крупп, - уточнил я, - это слова не сумасшедшего, а предателя. Он действительно верит, что существуют люди более могущественные, чем фюрер: именно они планируют гибель Третьего рейха, и они дали ему секретное задание, которое поможет довести предательство до конца. А что касается вас, **герр Лерер**, то верно, что Кула и Акула - не в о л к и Вотана, верно, что я происхожу из Ада и сейчас нахожусь в еще большем Аду; но эти псы, подобно Церберу, не позволят вам добраться до самого страшного Ада, того, что находится за теми Вратами в конце поляны, а именно - вашей любимой Чанг-Шамбалы, логова Бессмертных Демонов.

-Богохульство! Богохульство! Убейте их, фон Крупп! Убейте их сейчас и спасите их души! Убейте их, пока не стало слишком поздно, и выпустите Люцифера в мир! -взмолился он, полностью потеряв контроль над своими словами.

Фон Гроссен приказал поместить его в палатку под присмотром Ганса и Клостера. Уже стемнело, и монахи Каулика поспешили поставить палатки под изумленными взглядами эскадры фон Круппа. Фон Крупп подошел к нам и без особой деликатности спросил:

-Кто-нибудь может объяснить мне, что происходит? Я должен был возглавить и охранять научную экспедицию по исследованию восточных предков арийской расы. Ничего общего с тем, что я слышу: "демоны", "ад", "измена Третьему рейху". Что означает все это безумие? Как можно предать Третий рейх в таком глухом месте? И самое невероятное: где они нашли Оскара Файля, как они следили за нами, что это за Вотанские волки?

В течение получаса Карл фон Гроссен, как мог, развеивал все сомнения фон Круппа. После этого тот задал вопрос, на который у фон Гроссена не было ответа.

-Что мы теперь будем делать?

-Мой приказ, - сказал фон Гроссен, - гласит, что при установлении контакта с экспедицией я должен действовать в соответствии с указаниями *штурмбаннфюрера* Курта фон Зюбермана. А поскольку вы должны мне подчиняться, я избавляю себя от необходимости передавать вам эти инструкции, если мы оба будем знать их одновременно", - заключил он с непреодолимой логикой. Итак, фон Зюберманн, что вы хотите нам сообщить?

-Мы должны немедленно вернуться в Германию! -сказал я без колебаний. Завтра мы должны отправиться в обратный путь. Эрнст Шеффер и четверо его сообщников будут взяты под арест, но если они окажут сопротивление, то будут казнены под мою ответственность.

Карл фон Гроссен безоговорочно одобрил это решение, но наибольшее облегчение испытал фон Крупп.

-И это в се ? Возвращение в Германию? Это лучшая новость, которую я слышал за последний год. Я боялся, что он попросит продолжить исследование Тибета. Я полностью поддерживаю это предложение! По правде говоря, с меня было достаточно Эрнста Шеффера и его тайн.

Бедный фон Крупп! Ни фон Гроссен, ни я не предполагали тогда, что он никогда не вернется в Германию...

Глава XXXIII

Я не могу точно сказать, Неффе, восприняли ли мы сначала звук или свет, *или безошибочно сладкий, резкий запах сандалового дыма*, или же мы восприняли обе таттвы одновременно.

Люди фон Круппа, за исключением двух часовых, уже сгрудились в палатках. Гурка и лимпеты с помощью Хайнца заканчивали устанавливать наши палатки. А мы с двумя *штандартенфюрерами* все еще разговаривали. Солнце уже давно село, и умирающие сумерки быстро уступали место ледяной ночи тибетских вершин. Однако через мгновение с западного выхода поляна озарилась светом, как будто мы стали свидетелями рассвета нового ослепительного солнца.

Недоумевая, ошеломленные, загипнотизированные, мы втроем смотрели на шар света, который проникал через ущелье и продвигался по центру оврага на высоту не более ста метров. Хотя ореол вокруг светящегося ядра простирался на десятки метров, можно было разобрать, что центр состоит из четырех светящихся сфер, эксцентрично пересекающихся друг с другом. Но такое наблюдение было делом секунды, потому что звук, сопровождавший светящееся явление, сразу же лишил нас возможности дальнейшего восприятия.

По крайней мере, мне, проведшему детство на ферме в Каире, где содержались медоносные пчелы, эта вибрация была хорошо знакома: это *было классическое жужжание роя, находящегося в движении*. Он

начинался как слабый рокот, как и свет, который сначала был мягким свечением, но вскоре стал

невыносимым. Думаю, мы втроем закрыли уши руками, отчаянно убеждаясь, что ничто не может остановить проникновение звука. Зажав голову руками и сверля мозг убийственной волной, я упал на колени в полном оцепенении.

Я почувствовал, что вот-вот лишусь чувств, и, сделав над собой усилие, огляделся вокруг. Я увидел фон Гроссена, который все еще стоял, бился в конвульсиях и кричал, а в нескольких сантиметрах от меня лежало обмякшее тело Райнхарта фон Круппа. Я машинально положил руку ему на шею, нащупывая пульс, но понял, что он перестал существовать. Мой разум помутился; сильное головокружение вызвало ощущение, что все вокруг кружится; тошнота, начавшаяся в желудке, сотрясала меня в сильном позыве к рвоте; а нарастающая боль в сердце, которое уже было объявлено тахикардией, создавала впечатление, что орган хочет вскочить и убежать из моей груди. В конце концов, став жертвой психофизической атаки, от которой я не знал защиты, я потерял сознание без всяких лекарств. Смех демонов, музыка ада, гармония Бога-создателя Вселенной - перед лицом этой распадающей души силы что осталось от Героя, от харизматичного лидера, от Инициата, который за несколько часов до этого вел свой легион, готовый сражаться с врагами Земли или Неба? Очень мало, Неффе, очень мало. Едва ли искра воли.

Внезапно меня охватила сильная дрожь, и я не сразу понял, что Банги схватил меня за плечи и крепко трясет. Сквозь туман я узнал его, кричащего во весь голос; восемь лимпетов тоже были там: двое тащили Оскара Файля, двое других держали фон Гроссена, один бежал с собаками-даивами, которые были привязаны в одном конце лагеря, а остальные лихорадочно чертили на земле круги и знаки своими скимитарами, распевая мантры и принимая воинственные мудры. Шар света надвигался на нас, и жужжание пчел стало самым громким. То ли это был рой Банги, то ли воздействие янтр лимпетов, но я вновь обрел ясность ума, достаточную, чтобы понять драматические слова гурки.

-Шиватулку! *Шиватулку!* -нетерпеливо позвал он, продолжая трясти меня, что завершилось двумя сильными пощечинами. Покачав головой, я дал ему понять, что услышал его.

⁴³О Паво, уведи нас отсюда! Скорее, иначе *Вимана* Шамбалы уничтожит нас!

-Как? Как я могу, если я не могу встать? -заикался я в отчаянии.

-Собаки Дайваса. ⁴⁴О, Дубтоб! Прикажи собакам даивов *доставить* тебя в пункт назначения за пределами этого места! Ты меня понял?

Я кивнул, хотя и не совсем понял просьбу гурки.

-Что я должен сделать, чтобы дайвы *полетели*? -спросил я нелепо, но достаточно громко, чтобы Шривирья смог ответить. Лопа, очевидно, внимательно следил за моими реакциями.

-Назовите их так, как если бы они были похожи на Кюнгу, птицу Гаруду, которая перевозит богов, или на Лунгу, коня Пегаса, выполняющего ту же функцию! Назовите их *Свади-лунг*; Кула и Акула *Свади-лунг*; и они *будут летать!*

⁴³ Паво: по-тибетски означает "герой".

⁴⁴ Дубтоб: Маг.

Пункт назначения? Какой пункт назначения? Мне казалось, что моя голова сейчас взорвется. Может быть, это было бессознательное, может быть, Скротра Крам, но положительным моментом было то, что Внутренний голос сказал мне:

-Сининг, ты должен отправиться в Сининг", - подумал я в Янтре, представил ее, как мог, и перевел: "**Синингто, Кула и Акула Свади-лунг**".⁴⁵

Один из лопарей передал поводья мопсов в мои руки. Они были в ярости от присутствия злобной виманы и завывали так, словно и впрямь были волками Вотана. Когда я изобразил Янтру, они напряглись и выгнули головы вперед, готовые уйти в соответствии с приказом. А когда я скомандовал "Сининг-То, Кула и Акула свади-лунг", произошло невероятное чудо: собаки-даивы прыгнули в некую пропасть, которая необычным образом возникла перед ними.

Меня потащили за поводья, подняли в воздух и понесли на восток, погружая в непроглядную черноту, которая теперь занимала место, где несколько секунд назад возвышались горы Алтын-Таг. Когда меня подняли в воздух, ненормальная тяжесть на ногах заставила мое тело на мгновение напрячься. Я испуганно повернулся и заметил, что с моих конечностей свисает человеческая цепь: тибетцы в момент прыжка совершили серию **захватов**, схватив друг друга, а также подняв Карла фон Гроссена и Оскара Файля. Мой взгляд скользнул вниз, и я тупо уставился на поляну, освещенную машиной Шамбалы, а лагерь превратился в братскую могилу: Райнхарт фон Крупп - мертв, дозорные - мертвы, у входов в палатки разбросаны трупы тех, кто сумел выбраться, но не успел далеко уйти. Гул был оглушительным, страшным, парализующим; гул был зовом Смерти! Хайнц, Ганс, Клостер! Я вспомнил своих товарищей и, кажется, закричал от беспомощности, прежде чем погрузиться в черноту и потерять сознание.

Глава XXXIV

Несколько секунд спустя я пришел в себя: ни оглушительного звука, ни дьявольской вспышки не было. Сумерки еще не рассеялись, и я мог без всякого сомнения убедиться, что мы находимся совсем в другом месте, нежели на поляне, где разбил лагерь Шеффер. Я сразу вспомнил все, что произошло: и нападение смертоносного жужжания, и спасение благодаря собакам-дайвам. Чудом он остался жив! Но где он был? Ведь это был явно не Сининг, а берег реки, короткий пляж у подножия холма.

Я сидел на земле, все еще держа в руках безжизненные поводья собак-даивов. В нескольких дюймах от моих ног журчала река, исполняя мелодию природы. На фоне склона холма виднелись лопы, собирающие дрова и разжигающие импровизированный костер. Карл фон Гроссен и Оскар Файль остановились и молча, словно ошеломленные, наблюдали за этой сценой. Когда глаза **штандартенфюрера** встретились с моими, он отреагировал:

⁴⁵ "Мы летим в Сининг, Кулу и Акулу".

-Фон Зюберманн: Гот сеи данк! Где мы находимся?
други
е?

Я сел и ответил ему с неприкрытой откровенностью:

-Я не знаю. Я не знаю, что это за место. Мы, конечно, далеко от
Но, по крайней мере, мы еще живы. Ибо если я в чем-то и убежден, так это в том, что те, кто не пошел с нами, наверняка погибли на поляне - кто мог пережить такое нападение демонов, если даже монахи Каулики, знатоки подобной черной магии, боялись, что их ждет неминуемая смерть!

В этот момент мы втроем вспомнили о монахах и поискали их глазами: восемь из них стояли у костра, который они разожгли под прикрытием огромных камней, и спокойно наблюдали за нами. Карл и Оскар подошли к ним. Я хотел сделать то же самое, но поводья не позволили мне этого сделать. К своему ужасу, я обнаружил, что один из догов мертв, а другой, стоявший рядом с ним, издает периодические стоны боли.

Если я и был кому-то обязан своей жизнью в этом мире, кроме родителей, так это этим собакам, так что потеря одной из них была для меня понятной. Я позволил оставшемуся в живых псу продолжить свой жалобный вой - тоскливый реквием по отсутствующей паре - и подошел к группе. Без всякой вежливости я обратился к Шривирье с вопросом:

-Разве Гуру Висарага не уверял меня, что они оба представляют собой архетипическую пару, проявленный синтез пары противоположных принципов, существование которых **обязательно** должно быть одновременным? Если это так, разве они оба не должны были умереть? Или, скорее, почему они оба не живы?

-Наберись терпения, сын Шивы, - сочувственно посоветовал монах, - и помни, что эти собаки - тульпы, мысленные творения магов Круга Каулы. Поэтому они подчиняются не законам природы, а Воле Учителей. Несколько дней назад я говорил вам, что, хотя наш Орден знал тайну собак-даивов, до сих пор они не были спроецированы, потому что не было ни одного Инициата, подобного вам, способного управлять ими з а п р е д е л а м и Кулы и Акулы. Поэтому нам не хватало практической информации о том, что произойдет, когда их реализует Шиватулку. Иными словами, мы не знали, как они поведут себя на этой стадии Кали-юги: в последний раз собаки-даивы бродили по Земле в Атлантиде тысячи лет назад. Очевидно, этот Железный век несколько ослабил их Силу Полета, и один из них оказался под воздействием Силы Дордже. Но если мы не знали, сколько они проживут, то я могу ответить, почему один из них продолжал жить после полета легких-свади: это связано с особыми законами, управляющими их размножением.

Вы хорошо рассуждали, но не учли законов воспроизводства. Будучи идеальной, архетипически сбалансированной парой, эти две собаки действительно должны были умереть в унисон. **Но закон воспроизводства, установленный Учителями, требует, чтобы перед распадом эта пара породила и родила другую пару дайвов.** Тогда процесс будет выглядеть следующим образом: смерть одного из них б у д е т означать автоматическую метаморфозу другого в андрогинную особь; как если бы один из архетипических принципов, проявленный вовне, был включен в выжившего; и живой будет нести в своем лоне зародыш

Новая пара дайвов-собак, которая вырастет, созреет и родится в конце: тогда, после рождения, старая особь смертельно распадется. Теперь вы понимаете, почему один из них живет?

Я кивнул, с облегчением понимая, что скоро верну себе пару собак-дайвов.

-Ну, - добавил Шривирья, - тогда не забудьте, что в этот период, пока андрогинный дож будет руководить зачатием новой пары, вы должны обращаться к нему по имени "Вруна", поскольку он - единица Кулы и Акулы.

Я снова кивнул, поскольку это, несомненно, было логично. Затем фон Гроссен вспыхнул.

-Боже мой, фон Зюберманн! Вечно эти проклятые собаки! Вы переживаете из-за смерти собаки? А наши товарищи? Он сообщил мне о своем подозрении, что они тоже мертвы: он должен скорбеть о них! И он тоже не знает, где мы. Именно это я и пытался выяснить у тибетцев, когда вы прервали меня, чтобы поговорить о проклятых мастифах.

Я решил не отвечать на несправедливые обвинения фон Гроссена.

-Мы ничего не знаем о месте, в которое нас привел Шиватулку.

-сказал Шривирья. Отвечать должен он сам, ибо только ему известно, какой приказ он отдал дайвам.

Выражение лица фон Гроссена испортилось, когда он понял, что тема догонов неизбежна. Мне не нужно было думать об этом, чтобы раскрыть вопрос, который интриговал меня с тех пор, как я пришел в себя на том пляже.

-В Сининг! Я приказал дого отправляться в Сининг. Это было первое место, которое пришло мне на ум, возможно, потому, что два монаха, которые вели холитов, сказали, что оттуда они помогут нам добраться до Шанхая. Почему дайвы не повели нас в Сининг, мне не понятно.

-О, как странно устроен ум Шиватулку! -воскликнул Шривирья, не в силах понять, что мои действия были просто глупыми, каковыми они и были на самом деле. Если бы ты хотел отправиться в Шанхай, почему бы не послать собак, чтобы они привели тебя прямо туда, вместо того чтобы спрашивать его о местечке Сининг за две тысячи километров до него? Непостижимы замыслы богов! Ведь теперь, когда собаки-дайвы находятся в процессе размножения, вы уже не сможете использовать их для полета на легкой свипе: только будущие щенки однажды перенесут вас через Время и Пространство. Конечно, теперь мы будем знать, где находимся. Какой Сининг вы перевели в своем заказе?

-Что ты имеешь в виду, Сининг? Я не понимаю, что ты имеешь в виду, - сказал я, с ужасом ожидая, что будет дальше.

-Конечно, сын Шивы, - откровенно пояснил Шривирья, - в приказе было сказано отправиться в Сининг-Фу или Сининг-Хо, то есть в **город** Сининг или **на реку** Сининг?

Почему я так расплывчато определил цель, наложенную на воздушное путешествие собак-дайвов? Ответ очевиден: потому что приказ был сформулирован в критический момент, в разгар сильнейшего физического расстройства, которое не позволяло мне достаточно рассуждать. В этом ужасном обстоятельстве я забыл обо всем, не описал точно цель, потому что бессознательно полагал, что собаки поймут, что они точно истолкуют мои желания. А на самом деле все было совсем иначе: собаки были тульпами, йидами, магическими машинами, спроектированными твердой волей Магов

и требующими правильного управления своими функциями.

-Я, конечно, не уточнил, кто это - Сининг-Фу или Сининг-Хо, - сокрушенно признался я. Монах-каулика на секунду задумался и с улыбкой сказал:

-Тогда вполне вероятно, что мы находимся у реки Сининг. Получив приказ, дайвы обнаружили, что есть две разные цели с одинаковым названием. По причинам, которые слишком долго описывать, они выбрали более древнюю цель, которая соответствовала этому названию, - очевидно, реку. И это отсутствие определения также объясняет смерть одного из дого: причина кроется в дилемме, которой подверглись противоборствующие принципы, которые словно логическим клином пытались расколоть абсолютное единство архетипа собаки. Я считаю, что проблема заключается в степени реальности вещей, о которых идет речь. С одной стороны, собаки-дайвы не были идеальной парой, не могли быть ею на данном этапе Кали-юги и демонстрировали некоторую небольшую степень дисбаланса. С другой стороны, река Сининг оказалась чуть более реальной, в рамках иллюзии Mâyâ, чем город Сининг. Следствие: собаки-дайвы оказываются перед дилеммой и вынуждены выбирать; из-за предполагаемого дисбаланса одна из собак **стремится** к Сининг-Фу, а другая - к Сининг-Хо; поскольку магически реальным пунктом назначения является тот, который соответствует наиболее реальному названию, только одна из собак достигает Сининг-Хо, где мы находимся, а другая распадается, чтобы избежать невозможного изменения Архетипа. А поскольку собаки дайва могут существовать только парами, андрогинное настоящее также распадется после размножения.

-Так собаки отправились к реке Сининг, к которой соответствует течению, проходящему перед нами! -признался фон Гроссен, который наконец-то начал ориентироваться. Итак, камрад, я представлю вам картину: **Элементы в пользу нашей стратегии:** а) три немца и восемь тибетцев, участники ключевой операции номер один, все еще живы; б) возможно, что город Сининг находится недалеко отсюда, и вполне вероятно, что это наше конечное спасение, если нам удастся пережить ночь в этих условиях. **Элементы против нашей стратегии:** а) у нас пять жертв, три немца и два тибетца, плюс пять носильщиков-холитов и все снаряжение; б) если это место действительно находится к востоку от озера Куку Нур, оно удалено от Долины Бессмертных Демонов более чем на 1000 км, что делает невозможным на данный момент возвращение для осмотра или спасения тел и материалов. **Вывод:** почти наверняка персонал, руководивший операцией "Альтвестен", постигла та же участь, что и участников операции "Ключ-один", а именно: они погибли или пропали без вести. Этот вывод ставит точку в операции "Ключ-1" и возлагает на нас деликатную обязанность убедительно объяснить начальству с о б ы т и я в лагере Эрнста Шеффера.

Фон Гроссен многозначительно посмотрел на меня, как бы намекая, что Я буду главным ответственным за объяснения. Его последними словами были:

-С учетом дьявольского нападения, которому мы подверглись в этой адской долине, в свете приказов, полученных из Германии, и структуры операции "Ключ один" я сделал определенные выводы, которые сообщу вам в строгом секрете и на личной основе. Я полагаю, господа, что наши руководители в Германии довольно хорошо представляли себе, что произойдет в Тибете, если Курт фон Зюберман будет включен в операцию "Альтвестен". Более того, я считаю, что они, Гитлер, Гиммлер, Гейдрих,

Рудольф Гесс, и Бог знает, что они, Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, Рудольф Гесс,
и Бог знает, что они сделали.

Кто еще, как не они, знал, что некоторые враги отреагируют на обнаружение фон Зюбермана с особой жестокостью: враги, которые, возможно, являются взнезменными существами, обладающими ужасным оружием, несравнимым ни с одним земным арсеналом. Если они знали, что может произойти, то почему позволили врагу запереть нас в смертельной ловушке? Это вопрос, на который у меня нет ответа. Мне кажется, что они хотели конкретно проверить эффективность фон Зюбермана в вызывании реакций "Демонов" Чанг Шамбалы, и, возможно, они недооценили врага: возможно, они думали, что Белое Братство закроет проклятые двери своих логовищ, и отбросили возможность того, что Демоны попытаются убить нас всех. Как бы то ни было, я убежден, что фон Зюберманн никогда не откроет нам тайну, которая разжигает демонов. Короче говоря, на данный момент я считаю операцию "Первый ключ" завершенной; оценка ее результатов будет произведена в Германии соответствующим Генеральным штабом. **ИИ**, как **штандартенфюрер**, отвечающий за выполнение операции "Первый ключ", я приказываю немедленно вернуться в Германию. Согласны ли вы, Камераден, с ситуационной картиной и выводами?

Что еще мы с Оскаром Файлем могли сделать, кроме как принять безоговорочно подчиниться решениям фон Гроссена? Тибетские монахи, в свою очередь, никогда не оспаривали приказы и, опять же, были готовы поддержать наши планы.

Мы уходили на рассвете. Тем временем мы образовали круг вокруг костра и обнялись, чтобы передать друг другу тепло - такую позу принял и дого Вруна. Несмотря на раннюю утреннюю прохладу, нам всем удалось заснуть из-за сильной психологической усталости, накопившейся за последние несколько дней. У нас не было ни одеяла, ни плаща, только одежда на спине, и мы прижимались друг к другу, чтобы не замерзнуть, хотя было очевидно, что здесь не так холодно, как на вершинах гор Куэнь-Лунь. Что касается оружия, то у нас были только кинжалы и люгеры Карла, Оскара и меня, а также два пистолета-пулемета Шмайссера, которые мы носили на спине: для этого страшного оружия у нас было всего по два магазина, как и для люгеров. Недостаточно, чтобы пройти через всю страну, охваченную гражданской войной, но всегда лучше, чем ничего.

У всех кауликов, напротив, были свои кинжалы, секиры и туши с полусотней стрел. У остальных - ни еды, ни воды, ни каких-либо припасов, кроме тех, что были при нас, когда мы бежали из злополучного оврага. Их было мало, очень мало, если бы мы заблудились в Тибете гораздо больше; их хватило, чтобы добраться до Сининг-Фу.

Промерзнув до костей, мы с рассветом маршировали параллельно реке Синь-Хо. Фон Гроссен удивил нас всех, вытащив из-под пиджака холщовую визитницу и развернув карту Западного Китая. А из его карманов, как из неисчерпаемых ящиков Пандоры, появились неразлучные компас, складная скалиметрическая линейка и компас; бесполезные предметы, за исключением компаса и карты.

Перед уходом я насыпал курган из камней и похоронил несчастную собаку дайва. У меня не было привычки молиться, но в этот раз я сосредоточился на несколько минут и вознес свое "я" в сферу богов, используя Скротра Крам, чтобы заставить их слушать меня: затем я обратился к Вотану,

к нему

Да, я сказал богам: на этот раз они должны выпить за этих трех воинов Вечной Германии, принять их как героев в Валгалле; и, если возможно, они должны освободить место для собаки Дайвы, собаки Шивы, которая перевозила воинов, летящих, как Вайю, Ветер!

Беря начало в самых южных системах Нань-Чана, Синь-Хо спускается к югу и впадает в Татунг-Хо, пройдя под мостом Великой стены и омыв стены города Сининга: Татунг-Хо, напротив, продолжается на юго-восток и впадает в Хоанг-Хо или Желтую реку при впадении в Лан-Чеу. Около полудня мы прибыли в небольшую укрепленную деревню, окруженную рудиментарным земледелием: это был Хванг-юнг, один из постов на дороге Чанг-Лам!

В деревне был буддийский храм, несколько трактиров для паломников и торговцев, а также приличных размеров свободный рынок. Всадник принадлежал к кругу Каула, и в его заведение мы поспешили с готовностью. Там нас успокоили и дали первую за сутки горячую пищу. По его словам, люди принца Куку Нура искали нас несколько дней, а затем вернулись в Тибет. Им было бы трудно вернуться, если бы кто-то не вызвал их, а этого не произошло бы, если бы мы были осторожны и не показывались. В любом случае власть тибетских повстанцев простиралась лишь до Хванг-юнга, деревни на северной стороне Великой стены, в регионе, традиционно оспариваемом монголами и тибетцами. В нескольких километрах впереди, за Великой стеной, лежала китайская провинция Кансу и город Синин, где власть круга Каула была значительной.

Конечно, если в Сининг-Фу нам не приходилось опасаться преследований со стороны тибетцев, то в Сининг-Фу мы должны были избегать участия в непрекращающихся восстаниях ожесточенных китайских группировок. На этот раз логистику и тактику оставили кауликам, которые лучше знали местность и имели мощную инфраструктуру поддержки. В остальном их план был предельно прост: мы переночуем в конюшне, которая после предыдущей ночи казалась дворцом, а утром китаец и его сын отвезут нас в Синь-Хо, спрятав в двух повозках по четыре вола в каждой.

Монахи Каулики сообщили нам, что планируют вернуться в Тибет после того, как мы выберемся из опасности и отправимся в Шанхай. Они не будут возвращаться прямо в Бутан, так как попытаются найти двух своих спутников, которые встретились с холитами у порога Долины бессмертных демонов. Хотя у них не было собак-даивов, они многое знали о магии Килькора и твердо знали, что потерянная Долина лежит на западе, в землях Королевы-Матери Куань Инь: будь то на востоке, как мы, или на западе, они найдут способ войти туда и спасти своих товарищей или, возможно, отомстить за них. Затем, вернувшись, они удалялись в монастырь Бутан или в какой-нибудь другой монастырь, принадлежащий Кругу Каула, и размышляли обо всем, что произошло в этом приключении. Они сражались бок о бок с Шиватулку, были проведены в Долину бессмертных собаками-даивами и приняли участие в полете на лунг-свипе: им действительно повезло, боги улыбнулись им, и им оставалось только удалиться, чтобы помедитировать и поблагодарить.

Возразить против этого достойного восхищения решения было нечего, но Карл фон Гроссен думал иначе. Он отозвал Шривирю и Банги в сторону и назвал их "дезертирами". "Их миссия, - сказал он им, - будет завершена только тогда, когда **знающие люди** оценят результаты операции". А такие люди, разумеется, были в Германии: значит, им обоим предстояло сопровождать нас на родину и дать свои ценные показания. // После этого они могли бы свободно вернуться, и мы предоставили бы им все необходимые средства.

Когда монахи заколебались, фон Гроссен оказал на них моральное давление, заверив, что им все равно придется ехать с нами в Шанхай в качестве переводчиков с китайского, а там им "ничего не будет стоить" отправиться в Германию, "которая находится почти так же далеко, как Бутан". Но это было неправдой.

Шривирья и гурка действительно говорили по-китайски, но никто не знал ни слова по-японски, на языке тех, кто оккупировал половину Китая. Мы с Оскаром, с другой стороны, изучали китайский и японский на курсах "**Остенфюрер НАПОЛА**"; и мы оба свободно говорили на мандаринском и японском. Но в любом случае всегда оставался английский - язык, дискредитированный в Азии, но на котором фон Гроссен или любой из нас мог общаться. Универсальным языком Азии, как претендовали сыны вероломного Альбиона, должен был стать английский, но на самом деле на нем говорили только колониальные чиновники и обычные сепаи; среди образованных представителей азиатских народов, будь то Индия, Непал, Кашмир, Бутан, Китай, Бирма и т. д., английский язык вызывал сопротивление и оставался привычно неизвестным, чтобы не сказать скрытым и ненавистным.

Хотя мы не одобряли позицию фон Гроссена, ни Оскар, ни я не опровергли его доводы. Однако мы со смехом наблюдали, как два необычных Инициата постепенно сдавали свои позиции. Правда заключалась в том, что в глубине души мы все хотели, чтобы эти два монаха отправились с нами в Германию. К моменту нашего отъезда в Сининг на следующий день они были почти убеждены настойчивым **штандартенфюрером**.

Глава XXXV

Что за город, Неффе! В те времена он насчитывал не менее 130 000 жителей и имел периметр более 20 км. К его возвышающимся стенам вели пути со всей Азии: из Монголии, России, Туркестана, Джунгарии, Афганистана, Индии и т. д., помимо упомянутого выше Чанг-Лама из Лхасы, через который прибыли повозки, перевозившие нас. Наш путь, с тех пор как собаки-дайвы доставили нас к подножию хребта Чан-Нан, проходил по одному и тому же естественному руслу: вдоль хребта с одной стороны, который теперь простирался до гор Ма-ха-че, и реки Сининг с другой; на ее правом берегу находился Сининг-Фу, на высоте 2 500 метров.

Город Сининг представлял собой гигантский рынок, на суматохе которого не отразились ни гражданская война, ни национальная война с Японией. Единственное, что мешало, - это различные отряды, которые сосуществовали друг с другом с опаской и время от времени ввязывались в инциденты. Эти войска принадлежали множеству неизвестных лордов

или триад, и каждая контролировала свой сектор города: были даже националистические и коммунистические группировки, в дополнение к

аристократические или дворянские, традиционалистские, религиозные и мафиозные. Однако в то время Фу был "свободной площадью", то есть не находился под японским контролем. Парадоксально, но перед лицом внешнего нападения каждый отряд должен был позаботиться о защите своей части стены, и все различия были бы забыты, чтобы противостоять общему врагу.

Община Каулика в Сининг-Фу была очень важна. Мы убедились в этом, когда вошли в квартал "бледнолицых", названный так из-за цвета кожи их соседей, и восхитились огромным святилищем Шивы, которым они владели. Они предложили снабдить нас всем необходимым для новой экспедиции в Тибет: с особым энтузиазмом они восприняли идею о том, чтобы мы занялись уничтожением других гомпасов, подобных гомпасу душкхов. Они были разочарованы, когда мы объяснили им, что должны вернуться в Германию.

///⁴⁶Если наша Раса однажды придет к господству над Миром и останется верна Гиперборейской Мудрости, **на Земле не останется места для поклонников и слуг Сил Материи**: Вечный уничтожит их без пощады, и вы, героические каулики, будете с нами, нося, возможно, значок **Тотенкопфа**", - заверил я их, не подозревая, что последнее сбудется раньше, чем я предполагал.

Учитывая наше бесповоротное решение, каулики согласились поддержать поездку на Восток. Вкратце они обрисовали ситуацию. Двумя самыми мощными военными силами в Китае были "националисты" Чан Кай-ши и коммунисты Мао Цзэ-дуна. До 1937 года эти две армии вели ожесточенную борьбу, но теперь они вместе противостояли японскому врагу. Естественно, для любого, кто понимает политическую структуру Синархии, коммунистов Мао снабжал Советский Союз, а "националистов" Чанга - Великобритания и США, то есть англосаксонский империализм. И братски объединившись, как и их зарубежные партнеры по Синархии, правые и левые выступили против японского "фашизма": **в небольшом масштабе в китайской войне происходило то, что четыре года спустя должно было произойти во Второй мировой войне.**

Было только одно отличие, которое в данном случае не имеет никакого значения, поскольку пробужденный человек руководствуется фактами, а не именами: **это ярлык "националистов", который члены партии Чан Кай Ши взяли себе в качестве определения.** Интересно, что этих "националистов" поддерживали не мы, национал-социалисты, а англосаксонский либерализм. И это легко объяснимо, потому что именно такими были Чан и его сторонники: выразителями самого реакционного либерального правого крыла в Китае, то есть самого бипайского. В этом вопросе, когда речь идет о сепае, стороннике колониальных держав в ущерб собственному народу, следует признать, что Чан Кайши был почти так же велик, как Махатма Ганди, тот агент британской секретной службы, который сдал Индию в эксплуатацию хозяевам **Содружества** и не допустил там настоящей националистической, то есть национал-социалистической, революции.

Поэтому назвать Чанга "националистом" было бы шуткой, плохой шуткой, если бы не тот факт, что роль, которую ему отвели его синархистские боссы, в конечном итоге привела к краху тысячелетней китайской культуры в мелком

⁴⁶ *Тотепкорф*. значок с черепом.

и узкой марксистско-ленинской доктрины. Нет, Чан был не националистом, а сепаем. И всем, кто в этом сомневается, стоит посмотреть, что он сделал с Формозой, современным Тайванем, где нет народных корпораций и этических кодексов, характерных для национализма, а есть хищные действия транснациональных компаний и мирового банкинга, и неограниченная эксплуатация китайского народа, который полностью отстранен от решения судьбы своей "нации", поскольку она уже определена Синархией.

Если народ хочет быть империалистическим, история предлагает две классические модели, не менее понятные наблюдателям и не менее используемые во все времена. Одна из них - греко-римская модель, унаследованная от очень древней концепции "Вселенской империи" индоиранцев: эта модель, и Рим дал нам один из последних примеров, требует лишь военного, а не культурного покорения оставшихся народов; Таким образом, народы с различными идиосинкразиями могли быть интегрированы в Римскую империю, сохраняя свою культуру, язык и обычаи, и, если они были достаточно храбры, чтобы гордо сопротивляться *Pax Romana*, они могли получить экстраординарные уступки, такие как гражданство для галлов и испанцев, контроль над армией и всей империей, достигнутый германцами; это было возможно, потому что в этой модели империи храбрость парадоксальным образом основывалась на реальной храбрости народов: Самые храбрые - самые ценные; этот принцип был непререкаем, и никто не боялся имперского возвышения храброго народа, поскольку было очевидно, что такой народ ценен для Империи.

Иными словами, в этой первой модели не было бы необходимости практиковать культурную индоктринацию побежденных, использовать промывание мозгов, уничтожать их морально, развращать, держать в варварстве или возвращать в дикость: ***это никого не устроило бы, это противоречило бы юридической сути Арийской Универсальной Империи, то есть противоречило бы Чести.*** И вот в чем суть дела: этической основой вышеупомянутого принципа и всех тех, что составляют Вселенскую Империю, является Принцип Принципов, Высший Принцип, который является краеугольным камнем юридико-социальной структуры национального государства: ***Принцип Чести. Справедливость, с которой Империя будет относиться к завоеванному или союзному народу, от которого будет зависеть ее существование и развитие, требует лишь гарантии Чести.*** Например, Александру, империалисту с честью, не нужно было ни расчленять Египет, ни навязывать египтянам греческий язык, ни истреблять их, ни обращать в рабство, ни разрушать их пирамиды, чтобы принять их без ущерба для себя в качестве федератов Македонской империи. И римляне, когда они окончательно покорили галлов, которые кровожадно сопротивлялись на протяжении веков, действовали так же благородно: они настолько открыли для них ворота империи, что через некоторое время о них заговорили уже не как о галлах, а как о галло-римлянах.

Другая модель империи - карфагенская, ***типично неарийская***, унаследованная финикийцами от их семитских предков в Ассирии, Вавилоне и Шумере. Эту концепцию стоит понять, потому что карфагенской модели придерживаются англичане и американцы - народы, основательно иудаизированные в результате систематической и неустанной работы Белого Братства.

Белисена Вилька уже говорил о карфагенянах в своем письме: народ

купцов, лишенный этических принципов, искусный только в торговле и пиратстве, знаменитый человеческими жертвами, которые они приносили своему накаленному железному идолу. Карфагеняне, англичане, янки: как и их предшественники в Ассиро-Вавилонской империи, они думали о других народах Земли как о

товар для их ненасытных appetitов! Этот принцип эквивалентен принципу ценности народов в греко-римской модели: для карфагенян, англичан и янки покоренные народы не имеют ценности сами по себе, а лишь **в той мере, в какой они полезны для империи**. Таким образом, завоеванные или доминирующие народы порабощены, унижены, дегуманизированы, и лишены собственной ценности, **превращены в инструмент, утварь: они ценны до тех пор, пока они полезны империи**. Иудейский принцип ценности, который не случайно оказался на вершине англосаксонского империализма. Если "колониальный" народ **служит**, то его нужно эксплуатировать без ограничений; **если он может служить**, то его нужно внушить, чтобы он был полезен, что представляет собой инвестиции, которые нужно защищать и возвращать с процентами. Если что-то противостоит эксплуатации, оно должно быть нейтрализовано: **если этого не сделать, то это будет лицемерным оправданием, это не будет "помощью" этим людям в восстановлении их ценности, то есть полезности**. У человека, как и у товара, есть цена: он **стоит того, что делает, и может стоить больше за то, что способен сделать**. Карфагенско-англосаксонская империя будет стремиться извлекать из людей максимальную утилитарную ценность, давая им возможность стоить много, производя много. Все, что противостоит этой великодушной уступке держателей мировой власти, будет уничтожено: ради тех, кто покорен, но может доказать свою ценность; в защиту возможности быть полезным империалистам, возможности, которую они искренне называют "демократической свободой". Что же мешает этим никчемным людям сделать себя ценными, быть полезными империи, служить, производить, позволить империи захватить их богатство, если оно у них есть, или воздержаться от траты его на собственные нужды, если оно нужно империи сейчас или завтра?

Их собственная культура является препятствием? Тогда она будет перекультурана всеми

Является ли врагом национальное сознание? Ну, атаке подвергнется сущность национального Я: она начнется с дискредитации или отрицания того, что хорошо в себе, и превознесения того, что хорошо в других; наоборот, то, что плохо в других, будет преуменьшено, а то, что плохо в себе, будет преувеличено до преувеличения; таким образом, уверенность в национальной судьбе рухнет, и народ будет подавлен, чтобы поверить, что культурная дистанция между его собственной национальной слабостью и силой и величием других непреодолима. Второй шаг будет заключаться в целенаправленной атаке на опоры национального "Я": территориальность, патристические символы, традиции и т. д. Границы будут смещены или поставлены под угрозу, чтобы создать ощущение, что нация "не закончена", что это что-то наполовину построенное, что ее не существует; великие люди нации, которые внесли свой вклад в ее существование, плохой или хороший, будут оклеветаны, чтобы народ стыдился своего прошлого; С другой стороны, их современники-империалисты будут сравниваться, чтобы народ отвергал своих героев, восхищался гринго и сетовал: что мы делали, пока они строили свои могучие империи?

Является ли препятствием расовое единство? Народ будет деградирован, если он будет благоприятствовать иммиграции низших рас. Это национальное единство? Оно будет разрушено путем подкупа или покупки лидеров, натравливания их друг на друга и создания хаоса, свидетельствующего о том, что "это народ, члены которого не могут

договориться между собой".

Как видите, *peffe*, карфагенская модель демонстрирует целый ***modus operandi*** в действиях империалистов. В то время как в греко-римской модели "самым ценным был самый храбрый", а храбрые народы могли расти и развиваться без проблем, в соответствии с собственными культурными образцами,

В карфагенско-англосаксонской модели постоянно действует принцип "пока служит", который заставляет подчинять себе побежденные или доминирующие народы с помощью самых мерзких методов. И здесь мы снова подходим к сути дела: правовой опорой вышеупомянутого принципа и всех тех, что составляют карфагенско-англосаксонскую империю, является принцип синархических принципов, высший принцип, который является краеугольным камнем юридико-социальной структуры синархического государства: **принцип разделения**.

Разделение чего? Всего, потому что принцип разделения дает императору или королю, карфагенянину, англичанину или янки, **право** делить структуру народов. Принцип чести греко-римских империалистов был по сути **этическим** и создавал **обязанность** обеспечивать общее благо, ценить достоинства доблестных людей; напротив, принцип раздела карфагенско-англосаксонских империалистов был по сути юридическим и аморальным и создавал **право делить**, чтобы обеспечить достоинства тех, кто служит, чтобы защитить демократическую свободу быть достойным быть полезным, производить, служить.

Здесь кроются фундаментальные различия двух моделей: этическая против правовой и аморальной; моральное обязательство добиваться общего блага против аморального права делить общее благо, чтобы извлечь из него утилитарную ценность. Греко-римский империализм порождает "граждан империи" - почетное звание, которое никоим образом не подрывало их национальность или расовую гордость. Карфагенско-англосаксонский империализм породил "граждан мира" - двусмысленное и позорное звание, за которым чаще всего скрывается невыразимое предательство.

Мы уже знаем граждан Империи из истории. Однако интересно узнать, что же представляют собой "граждане Мира" - титул, аналогичный "рабу Синархии"? Ну, это существа, сформированные по карфагенско-англосаксонской модели, то есть существа, испытывавшие на себе все режимы Принципа Разделения. Они привычно **интернационалисты**, потому что их национальность была **разделена** и распалась: они верят, что **интернационал** преодолевает разрыв между народами. Они решительные **пацифисты**, потому что их психическая структура была **разделена** фрейденически, а инстинкт войны квалифицируется как "примитивные агрессивные тенденции, берущие начало в коре головного мозга животных и возникающие через Бессознательное": Для психоаналитической культуры инстинкт воина - это постыдный, почти животный импульс, чрезвычайно опасный, "потому что он может воплотиться в мифе о герое" и стать доминирующим в сознании; те, кто подвергся такой индоктринации, отождествляют войну с дикостью и верят, что мир должен быть достигнут любой ценой, потому что в таком социальном состоянии можно продемонстрировать **полезность**, служа пацифистскому империализму, мировому правительству, синархии, или как там называется система, которая их эксплуатирует. Эти особи не имеют цвета кожи и национальности, у них заблокирован инстинкт воина, поэтому им не хватает героизма, способности к патриотической реакции, это психологически искаленные существа, которые верят в объединение различных понятий, невозможных при карфагенско-англосаксонском империализме: мир, счастье, созидание, прогресс, свобода, цивилизация любви, всеобщее братство и т. д. Естественно, в наше время они могут быть хорошими коммунистами или

хорошими либералами, неважно.

Но наряду с *интернационалистами* и *пацифистами* они могут быть Сотрудники карфагенской имперской системы, действующие изнутри своих наций, в которые они не верят, чтобы отдать предпочтение утилитарным ценностям.

Империалисты назначили их народом или страной; или же они могут быть международными агентами империализма и посвятить себя осуществлению его планов. В любом случае их задачей будет, изнутри или извне, **разделение**, то есть применение принципа разделения везде, где есть хоть что-то единое, противостоящее карфагенско-англосаксонскому империализму: интриги, коррупция, макиавеллизм, подкуп, коварство, клевета, огласка, дезинформация и т. д., все средства и преступления будут действовать, чтобы **разделить** всех и укрепить те части, которые **полезны** и **служат** иностранному империализму. В формировании лакеев такого рода карфагенско-англосаксонский империализм всегда преуспевал: **классический тип - "сепай"**. Конечно, я имею в виду не индийского сепоя, отдельного человека, который часто с невероятным мужеством пытался избавиться от английских грабителей, а **тип** сепоя, такого **"ценного на службе"** человека, которого англичане хотели произвести, разделив все свои принципы. В Карфагене были тысячи таких наемников. В Азии и Африке англичане собирались производить их сотнями тысяч.

И вот мы приходим к Чан Кай Ши, который был классическим типом сепая на службе англосаксонско-карфагенской колониальной державы, и видим, что при правильном определении терминов такой персонаж не может иметь в себе ничего от "националиста" и много от империалистического агента. Он, как и Ганди в Индии, Маркос на Филиппинах, Ф. Дювалье на Гаити, Реза Пехлеви в Иране, Тито в Югославии, Фидель Кастро на Кубе и многие другие бесчисленные тираны в Азии, Африке и Латинской Америке, были великими сепаями, которые систематически разделяли истинные националистические движения в своих странах и затем подавляли их часть за частью; понятно: национализм - злейший враг карфагенско-англосаксонского империализма.

Итак, Нефф: я показал вам, что верховный принцип карфагенско-англосаксонского империализма - это принцип разделения, и я противопоставил его принципу чести, который является основой Арийской Вселенской Империи. Что ж: можно добавить, что такой "Принцип Разделения" **по сути своей неарийский**.

Но это не просто предположение, факт, что карфагеняне, а также финикийцы, египтяне, ассирийцы, вавилоняне и т. д. глубоко использовали его, поскольку в арийских царствах, где жреческое лицемерие преобладало в течение какого-либо периода, принцип разделения также использовался, поскольку жреческие касты и синархия регистрировали общие интересы. Доказательством его неарийского происхождения служит, как это не удивительно, его библейское происхождение. Иными словами, принцип, дающий **право на разделение**, хоть и древний и неарийский, находит свою юридическую формулировку в народе, который поклоняется Богу Праведности, Тому, кто закладывает Скрижали Закона; и этот народ - Израиль, избранный народ Иеговы-Сатаны.

Чтобы представить принцип разделения, Доктора Закона выражают его с помощью метафоры в Первой книге Царств. Из этой фигуры Принцип будет извлечен и юридически регламентирован, он **станет Божественным правом королей и императоров; а в современном виде - необъявленным правом иерархов карфагенско-англосаксонского империализма**.

Логично, что раз это право, то его санкционирование должно

происходить в ходе судебного разбирательства. Причем суда, в котором судья не подлежит обжалованию, причем таким образом, что осуществляемое право становится высшим принципом, первым законом. Таким судьей может быть только "мудрейший человек на Земле и в истории"; и

должен быть также королем, потому что принцип разделения предоставляет это право только государям карфагенского образца.

Человеком, который соответствовал этим условиям, был, конечно же, царь Соломон:

"Твой слуга Соломон находится среди избранного народа, который так многочислен, что его множество не поддается исчислению. Поэтому даруй рабу твоему мудрое сердце, чтобы он умел судить и различать добро и зло. Ибо кто может судить этот народ твой, столь многочисленный?"

"Господу было угодно, чтобы Соломон обратился с этой просьбой из-за того, что он сказал:

...Я дам тебе то, чего ты просишь: дам тебе сердце такое мудрое и разумное, какого не было до тебя и не будет после тебя". (1 Царств 3:7).

Характер уже представлен: он мудр по Божьему предписанию, его суждения безапелляционны, и он - король. Затем он должен воспользоваться **правом на разделение**, чтобы оно стало высшим принципом, первым законом. Такую возможность предоставляют две еврейские проститутки, спорящие о материнстве ребенка: одна из них подменила своего мертвого ребенка ребенком другой.

Тогда царь сказал: "Эта говорит: "Мой сын - живой, а твой сын - мертвый". Но она сказала: неправда; твой сын - мертвый, а мой - живой. И сказал царь: принеси мне меч и скажи: раздели живого ребенка надвое и отдай одну половину одному, а другую - другому" (1 Царств 3, 23).

Это знаменитое "Соломоново решение", которое узаконивает право короля на разделение, **если оно полезно**; в данном случае полезность заключается в знании правды, которая поможет матери с ее ребенком восстановить службу. Следует отметить, что священнический характер инвеституры был ясно выражен: король не носит меч: он просит его; он - священник. Давайте помнить, что Библия - это Священная Книга, и в ней каждая йота имеет значение. Мы ежедневно слышим, как проповедники-евангелисты называют Библию "Словом Божиим". Но есть и те, кто слепо верит, что это правда: это раввины-каббалисты, те самые, которые тайно управляют масонством и десятками тайных обществ Синархии, организаций, членами которых, по случайному совпадению, являются "государственные деятели", управляющие англо-карфагенско-карфагенским империализмом.

Поэтому принцип, вытекающий из библейской метафоры, очень серьезен. Что означают эти образы в равнинистическом понимании? Что царь-священник имеет **право** призывать меч и **разделять: и что этот факт справедлив**. Не только справедлив, но и является источником справедливости. В начале процесса справедливость не проявляется, неизвестно, кто на самом деле мать: **справедливость появилась после того, как царь-священник воспользовался правом разделения**. Короче говоря: **Царь-жрец берет меч, "власть государства", и пользуется правом разделить тело ребенка, "малого народа", и это справедливо, это порождает Справедливость, саму основу Царя-жреца; вывод: право Царя разделить свои основания оправдывает разрушение и укрепляет Трон.**

С присущим им реализмом раввинские врачи интерпретировали соломоново решение таким образом и обобщили его в Талмуде, откуда Макиавелли, несомненно, почерпнул его: **"Государь должен разделять, чтобы править"**.

Этот неарийский, иудейский и аморальный принцип стал руководящей аксиомой карфагенско-англосаксонских империалистов. Они делят все, как

Я уже показывал выше, и даже когда они уходят, например, из колонии, они оставляют ее разделенной во всех возможных отношениях, от территориальных до политических и экономических, полагаясь, конечно, на свои когорты сепаратистов для выполнения этой задачи.

Помните, Нефф, что знаменитое *"Международное разделение труда"* - это концепция английского либерализма XIX века. Теперь вы видите, что она вдохновлена талмудическими принципами: *"Король, если он мудр, должен разделить своих подчиненных, чтобы царствовать"*; *"Король - единственное целое, которого не может достичь ни одна из частей"*; *"Части Королевства стоят до тех пор, пока они служат"*. Естественно, это Царство - Малхут, десятый сефирот.

Глава XXXVI

Коммунисты и гоминьдановские националисты, объяснил нам Сининг Каулика, объединившись в борьбе с японцами, вели ожесточенные столкновения друг с другом во внутренних районах Китая. Япония контролировала все восточное побережье к югу от Кантона и занимала такие важные города, как Шанхай, Нанкин, Ханькоу, Пекин и так далее. Но захватить Китай было нелегко: в бесчисленных городах господствовали войска Чан Кай Ши, в то время как коммунисты были необычайно сильны в сельской местности, где пользовались безоговорочной симпатией китайского крестьянства; это было результатом 20-летней прозелитической работы в деревне, противоречившей постулатам марксизма-ленинизма, утверждавшим революционный примат пролетариата или городского рабочего класса: ⁴⁷Эта политическая тактическая мудрость была делом рук Мао Цзэдуна; и вот небольшое партизанское движение, начавшееся в южных провинциях Киангси и Фукиен и распространившееся после "долгого марша" в центральную часть Чечвана, превратилось в мощную нерегулярную военную силу, под контролем которой находились еще три провинции вокруг Енаня: Шэньси, Нинся и Кансу, в которой мы находились.

Это означало, что коммунисты управляли сельской местностью и охраняли дороги в этом регионе. С другой стороны, войска Чан Кай Ши, сильные в городах, также патрулировали дороги, иногда вступая в боевые действия с коммунистами. Такая ситуация создавала определенные риски для тех, кто пытался двигаться на восток, не будучи зачисленным в ряды одной из противоборствующих сторон. Шивагуру из Сининга предложил способ добраться до Шанхая:

-Поскольку вы не считаете японцев своими врагами, я предложу вам способ добраться до них, не погибнув при этом от рук коммунистов или националистов. Еще несколько месяцев назад это было бы очень просто - по дорогам на северо-восток и по судоходным участкам Желтой реки. ⁴⁸Но теперь случилось ужасное несчастье, сделавшее этот регион непроходимым: **Тун Чих** Чан Кай-ши, да сжалится Куан Инь над его пылким сердцем, только что взорвал плотины реки Хоанг-Хо, чтобы остановить продвижение японцев, но эта акция стоила страшных жертв в виде жизней невинных китайцев.

⁴⁷ Пример китайского названия: *Kiang*: река; *Si*: запад; Kiangsi: западная река.

⁴⁸ *Тунг Чих*: Товарищ.

Действительно, Нефф: в 1938 году Чан затопил долину Желтой реки и приговорил к утоплению 880 000 человек. Да, почти миллион погибших по одному приказу: ***и я не слышал, чтобы кто-то привлек его к суду за "преступления против человечности" в 1945 году.*** Если этого не произошло, то следует признать, что он был заранее оправдан и что помилование было дано в знак признания его высоких качеств как сепая.

-При нынешнем положении дел, - продолжал Шивагуру, - я советую вам доехать до Лан-Чен-Фу, города в 200 км к востоку. Оттуда можно добраться до Шанхая ***различными путями: вам расскажут, как это сделать.*** Напомню, что в мирное время эти 200 км до Шанхая можно было проехать по железной дороге. ⁴⁹Теперь это невозможно, потому что участок до Лань-Чен-Фу был отрезан взрывом моста через Желтую реку; а от Лань-Чен-Фу есть только одна ветка, которая идет не дальше Ченг-Чоу, в провинции Хонань. В итоге вам придется пересечь верхом на лошади 200 км по дороге, кишущей партизанами или "националистами", и вам, возможно, придется убивать представителей обеих сторон; но не волнуйтесь, в наши дни убийства - обычное дело!

-Вас одиннадцать человек: я добавлю к вам 25 человек, вооруженных винтовками, из войск, охраняющих наш район. Теперь давайте поговорим о том, что вы будете делать в Лань-Чен-Фу. Вы слышали о ***"Зеленой банде"***?

-Это касается гильдии разбойников? спросил фон Гроссен, который, очевидно, что-то знал об э т о м . Шивагуру сочувственно улыбнулся.

-Не будьте к нам строги. Зеленая банда - это тайное общество. А тайные общества для Китая - это то же самое, что ароматы для цветов. Зеленая банда" - это общество посвященных, которые разделяют нашу Тантру и согласны с одним и тем же Дао: многие из ее членов были или являются монахами Каулики. Только они, в силу своей специфической идиосинкразии, выбрали путь, который уходит гораздо глубже в Мир спящих. Но они, конечно же, не могли принять и исполнять законы этого мира, не став при этом летаргическими. И они не стали! Они действуют по-своему, в соответствии со своим кодексом чести, и именно поэтому спящие называют их "бандитами". Но не стоит их недооценивать, ибо быть Властелином Себя посреди удовольствий и соблазнов требует огромного мужества: только тот, кто вкусил и овладел желанием Пяти Запретных Вещей, обладает достаточной волей, чтобы действовать по Зеленой Полосе.

Этот путь, повторяю, не для всех. Я, например, предпочитаю спокойствие наших монастырей, безмятежность залов боевых искусств, ***а не постоянно опасный путь Зеленой группы.*** Однако мы все нуждаемся друг в друге, если хотим идти к одной цели. Поэтому Зеленая группа помогает Кругу Каула в том, что является его сильной стороной: в освоении материальных ценностей. ⁵⁰А Круг Каулы помогает Зеленой группе в том, что у нее получается лучше всего: ***ша.*** Естественно, для нас, как и для Кришны, сына Индры, ***убийство ничего не значит, если дух убицы находится за пределами Mâyû, Иллюзии Жизни; если, когда наш скимитар разрушает жалкую жизнь, дух танцует с Шивой Танец Разрушения.***

⁴⁹ Хо: река; нан: юг; хонан: Южная река.

⁵⁰ Ша: убить.

Я знаю, что не должен объяснять эти вещи вам, просвещенным Шивой и совершившим чудесный подвиг истребления вампиров-душканов. Я спросил вас о Зеленой группе не для того, чтобы узнать ваше мнение, а чтобы сообщить, что именно они приведут вас в Шанхай. В Лан-Чен-Фу мы свяжем вас с Зеленой бандой, и с этого момента вы будете находиться в их руках, которые заслуживают абсолютного доверия. Если хотите, они могут вывезти вас из Китая через Гонконг, но если вы настаиваете на том, чтобы иметь дело с японцами, вы все равно можете отправиться в Шанхай.

Перед отъездом Шивагуру из Сининга напутствовал нас замечательными размышлениями:

-Вы, немцы, ошибаетесь, доверяя японцам: рано или поздно они вас предадут! Мы знаем их тысячелетиями и поэтому можем с уверенностью сказать: **в душе они жалкие буддисты, даже если кичатся своими самурайскими традициями.** Когда-то они были храбрыми воинами, это правда, но об этом осталась только память, а калеки и старики живут воспоминаниями. **Над ними поработали буддийские священники Белого братства, их "морализовали", то есть смягчили, ослабили, укротили, умиротворили.** Сегодня под кажущейся **аскетичностью** пульсирует дракон зависти к роскоши и западной культуре; под маской **смирения** задыхается буржуа, жаждущий всех удовольствий; под маской **воина**, преданного тяготам борьбы, скрывается пассивное лицо того, кто любит комфорт мира; под исповедуемой **честью** скрывается вероломство. Запомни мои слова, Шиватулку, и повтори их своему фюреру, если сможешь. **Твой естественный союзник - не Япония, а Китай: здесь проходит дао!**

О, неффе Артуро, как прав был этот каулицкий монах в 1938 году! Как объяснил мне фюрер в тот выпускной вечер в канцелярии, и это было общеизвестно, он был первым, кто снял внутреннюю броню Синархии и обнажил ее еврейское ядро. В центре был сионизм, эзотерически поддерживаемый сионскими мудрецами из Великого Синедриона; чтобы господствовать над миром, у Синархии было два тактических крыла - правое, или иудео-либеральное, и левое, или иудео-марксистское; правое крыло эзотерически поддерживалось масонством и сотнями родственных сект; марксизм напрямую контролировался членами Избранного народа, поэтому его эзотерическая основа была бы просто раввинистической. По мнению фюрера, самого политически просвещенного человека в истории, именно так органично функционировал Великий еврейский заговор или Вселенская синархия. Но одно дело - утверждать, а другое - доказывать: как заставить врага, врага, способного разработать стратегию на века и вовлечь в нее народы, страны и нации, разоблачить себя? Как заставить врага отказаться от всякой осторожности и обнажить свой теневой альянс?

Как спровоцировать его на то, чтобы он отдал себя таким образом?

Фюрер нашел решение. "Если Сионские мудрецы, Синархия, Белое братство и сам Творец, Иегова-Сатана, никогда не допустят ничего подобного, **то это то, что коммунизм должен погибнуть**", - таково было более или менее гениальное рассуждение. Действительно, коммунизм, самое чистое политическое выражение еврейского менталитета, не мог погибнуть: такая возможность для Синархии была

естественно, немислимо. И с такой политической точки зрения "коммунизмом", следовательно, **был Советский Союз**. Короче говоря, **тактический удар по советскому коммунизму заставил бы все государства, участвующие в Синархии, броситься на помощь своему союзнику**. Таким образом, нападение на Советский Союз было главной стратегической целью Вселенской синархии. Фюрер знал это и действовал сознательно, предвидя, что тотальная война Третьего рейха против Синархии будет войной Высших принципов: Вечного Духа против Сил Материи. Во время войны он со свойственной ему точностью предвидел грядущие события: **"Если мы выиграем войну, еврейская мировая держава исчезнет навсегда; если мы проиграем, ее триумф будет недолгим, поскольку ее организация будет окончательно разоблачена"**.

А что же сделали японские "товарищи" для реализации стратегии фюрера? Давайте вспомним. Германия вторгается в Советский Союз 22 июня 1941 года. Кто-нибудь мог бы подумать, что с таким "союзником", как Япония, оккупировавшим Китай с 1937 года, Советский Союз окажется под перекрестным огнем. Ведь 13 апреля 1941 года, "случайно" за два месяца до операции "Барбаросса", Япония подписала **"японо-советско-российский пакт о нейтралитете"**, предусматривавший демилитаризацию Маньчжурии и Монголии. Очевидно, что если бы Япония действительно разделяла нашу **точку зрения**, она бы напала на Советский Союз одновременно с немцами: немецкие армии на Западе и японские орды на Востоке задушили бы советский коммунизм в смертоносных национал-социалистических клещах.

Конечно, после 1945 года я много размышлял над словами Шива-гуру из Сининга, и трудно было не признать их правоту, поскольку факты подтверждали их. Конечно, перед лицом бесчестного отношения Японии нам было бы лучше иметь в союзниках китайцев: они в те годы хотели уничтожить советский коммунизм почти так же сильно, как и избавиться от японцев. Совершил ли фюрер ошибку, доверившись Японии, ошибку, которая стоила бы ему Русской кампании и исхода мировой войны? Я считаю, что такой ошибки не было, и что стратегия фюрера была настолько блестящей, что имела невероятный эффект раскрытия "еврейского менталитета", где бы он ни находился, даже среди собственных "союзников" Германии. В войне высших принципов, предложенной фюрером, речь шла не о "победе" или "поражении" на земле, на материальном плане, а о навязывании духовного **weltanschauung**, ценность которого лежала совершенно вне материального плана: Если **weltanschauung**, гиперборейская концепция Мира, "наши стандарты", будут поняты человеком Чести, то война будет выиграна, даже если будет понесена материальная неудача; если **weltanschauung** не будет понят или будет забыт, то война будет проиграна, даже если удача оружия будет благосклонна к нам. В этой войне Высших Принципов жизнь без Чести не будет представлять никакого интереса: это будет исторический момент, когда каждый народ продемонстрирует свое истинное "я" и то, каким он хотел бы быть. Необыкновенный человек, возможно, Бог, тот, кого каулики называли Владыкой Абсолютной Воли, создал обстоятельства, которые заставили бы каждый народ проявить свою сущность, которые обняли бы Синархию, которые созрели бы в иудейском гное и вывели его наружу там, где инкубировалась его развращающая культура. Ошибся ли фюрер, или он был удивительно прав, заставив Японию разоблачить себя перед

Мир и история и показать его скрытое лицо, которое сегодня вызывает восхищение синархии?

В истории не бывает неожиданностей. Исторические события фиксируют причины, которые иногда уходят в глубь веков или тысячелетий. Сегодня Япония - это гигантский кибуц, "еврейский менталитет" закрепился во всех областях, как и в Англии, и существует общее мнение, что страна должна оставаться в синархии, принадлежать к Трехсторонней комиссии, ООН, НАТО и т. д.; все там говорят о иене, мире, потреблении, туризме, братстве, свободе, братстве и т. д. Является ли эта "перемена", очевидно "удивительная", учитывая "воинственное" призвание японцев до Второй мировой войны, действительно переменой, вызванной уроком Хиросимы и Нагасаки, или проявлением истинной природы японцев, которые, возможно, из-за своего рода коллективной травмы веками хотели быть теми, кем они не были, то есть кшатриями, самураями, и в итоге притворились, играли роль воинов? Ведь все исторические явления, как и эта мнимая "перемена" японцев, имеют древние причины, которые их оправдывают: **никто не становится евреем в одночасье, даже если он обрезан; чтобы быть хорошим сыном Израиля, требуется много "добродетелей", таких как ростовщичество и любовь к наживе, которые развиваются долго.** Но за столь короткий срок японцы оказались такими же хорошими евреями, как израильтяне и англичане. Не означает ли это, что в Японии еврейский менталитет был дремлющим и что жар Хиросимы и Нагасаки лишь в ы з в а л его метаморфозу, рождение синархической куколки, которая сегодня уже является прекрасной бабочкой в рое Белого Братства?

Дорогой Неффе, вы молодой идеалист и хорошо знаете свою историю. Прислушайтесь к этому принципу, доказанному старым человеком, прожившим слишком много лет, который подводит итог тому, что я рассказал вам об отношении японцев: **ни один народ никогда не теряет свою честь в один момент; в истории нет ни одного примера, доказывающего обратное. Народы, как и все живые существа, следуют законам природы, и среди них, как и среди обитателей джунглей, есть народы львов и народы овец, народы кондоров и народы крыс; и, как и среди животных, ни один лев не становится вдруг овцой, ни один кондор не становится вдруг крысой: если бы такое "изменение" было действительно возможно, оно потребовало бы долгой, тысячелетней эволюции.** Конечно, как и в баснях, овцы иногда могут маскироваться под львов, а крысы - под кондоров. Вот что я считаю: **стратегия фюрера ознаменовала исторический час, подобный тому, как на балах-маскарадах принято снимать маски, когда нам дано наблюдать овец, крыс и множество других паразитов под красочными и обманчивыми костюмами льва, кондора и других хищников.**

Я верю, Нефф, что японцы уже до мировой войны были такими, какими они являются сегодня; что они ни на йоту не "изменились"; что Шивагуру был прав в своих опасениях, но не до конца понимал стратегию фюрера; что они действительно предали нас, ибо их сердца были с Белым Братством, даже если их уста говорили о стратегических действиях, противоречащих нашему **weltanschauung**; и что это было предсказуемо, особенно для китайцев, которые тысячелетиями знали, на каких волах они пашут.

Но предательство заключалось не только в скрупулезно соблюдаемом позорном пакте, который оставлял Советам право иметь дело только с Германией. Вспомним также, что 7 декабря 1941 года, когда немцы переживали страшную Русскую зиму в упорном противостоянии с большевиками, японские "товарищи" напали на США в Перл-Харборе, дав тем самым этой колоссальной и глупой синархической державе возможность напрямую вмешаться в мировую борьбу.

Согласно классической модели иудейского правосудия, "грех" народа по отношению к Иегове искупается ритуальным жертвоприношением части его членов и подчинением остальных Закону. Хотя японцы не пользовались непосредственно щедротами иудейской культуры, их увлечение буддизмом и всеми формами религии, основанными на Калачакре из Чанг Шамбалы, показывает, что их отход от Закона не так уж велик: более тяжкий грех, несомненно, заключался в их недавнем союзе с нацизмом и фашизмом. Но это преступление требовало лишь огненного чистилища, в отличие от вечного проклятия, которое раввины намеревались применить к немецкому национал-социализму.

Как очистить целый народ от греха, оскорбляющего Творца? С помощью щелока, отвечают раввины; смыть грех всей Расы с помощью человеческого щелока, полученного в Единой Жертве, а затем вернуть всю Расу из чистилища в Рай Вселенной Синархии. Цена, которую придется заплатить, не будет очень высокой: достаточно 250-300 тысяч человек, чтобы сделать достаточное количество пепла. Раввины и японские священники Белого Братства заключают договор, и вот 6 августа 1945 года и 9 августа 1945 года атомные бомбы падают на Хиросиму и Нагасаки: пепел тысяч людей, соль Земли и Неба, вода Неба и Земли, человеческая щелочь, которая смывает грех человека против Иеговы Бога и против Закона Божьего.

Именно еврейский президент Соединенных Штатов Гарри **Соломон** Трумэн, чья настоящая фамилия **Шиппе**, отдает приказ о мини-огненном холокосте японцев. Масон 33-й степени, он пользуется оккультными советами Великого Сахнедрина и евреев и масонов типа Дина Ачерсона, генерала Маршалла, Снайдера, Розенмана и т. д., которых бессовестно поддерживает еврейская банда Баруха, Элеоноры Рузвельт, Герберта Лемана, Хаверелла Гарримана, Пола Хоффмана, Уолтера Липмана и т. д. Ибо настоящая синархическая работа Соединенных Штатов во Второй войне была разработана не Трумэном, который пришел к власти только 12 апреля 1945 года, после внезапной смерти еврея Рузвельта: он был реальным исполнителем еврейских планов. Потомок Клаеса Мартенсена Розенвельта, полнокровного иудея, эмигрировавшего в Нью-Йорк в 1644 году, Франклин Делано Рузвельт имел двойное еврейское происхождение: и его отец, Джеймс Рузвельт, и мать, Сара Делано, принадлежали к избранному народу. Как и его жена Элеонора, дочь евреев Эллиота и Анны Холл. Еврейская мафия, развязавшая кризис 1929 года, катапультировала его к власти: некоторые из коллаборационистов того времени были евреями чрезвычайной опасности и безымянного зла, такие как Бернард Барух, Герберт Леман, Хаверелл Гарриман, Сол Блун, Сэмюэл Розенман, Генри Марджентан, Оскар Страус, Мариос Дэвис, Трумэн и т. д., обладавшие исключительной властью в Белом доме.

Жертва была принесена, грех Японии был смыт человеческим щелоком

в Хиросиме и Нагасаки, предстояла награда, которая уже налицо: план реконструкции еврейского Маршалла, конец японского "милитаризма", интеграция Японии в Европейский союз.

международная синархическая система, обмен самураев на иены, повышение уровня их жизни, словом, открытие истинного лица Японии, как это мудро сформулировал Шива-гуру из Сининга.

Конечно, эти обвинения в адрес Японии нельзя смягчить или уменьшить тем фактом, что во время войны многие японцы сражались с беспримерным героизмом, например, камикадзе. Мы должны называть лопату лопатой и признавать исключения из правил: как в лояльной Германии было бесчисленное множество предателей, так и в предательской Японии было много храбрых и верных воинов, которые с честью отличились.

Глава XXXVII

Если Сининг-Фу поразил меня своими размерами, то что уж говорить о Лан-Чеу-Фу, который был в четыре раза больше? Но это были два разных города: Сининг-Фу представлял собой типичный пограничный город, расположенный на важной торговой дороге; его жизнь зависела в основном от движения товаров, и он не был особенно заинтересован в производстве; поэтому он напоминал, как я уже сказал, огромный рынок. Лан-Чеу-Фу, напротив, представлял собой классический мегаполис: он был столицей провинции Кансу и, хотя торговал столько же или даже больше, чем Сининг, обладал ключевыми отраслями промышленности, такими как текстильная и металлургическая, и имел широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции. Расположенный на правом берегу Желтой реки, он производил впечатление средневекового европейского города с его зубчатыми стенами и высокими башнями, но плотность населения была беспрецедентной: около

1 000 000 жителей. За стеной находилась основная часть города: около 80 000 великолепно украшенных деревянных домов, все улицы вымощены мрамором или зеленым гранитом. Националисты поспешили занять его, разместив здесь полк из 10 000 солдат; причина - контроль над знаменитым заводом тяжелых пушек и другими пороховыми и ружейными фабриками.

Китайские штучки. Или, возможно, конфуцианский рационализм. Любопытно, что в стене Лан-Чеу-Фу были Шен-Хэй, или "**черные ворота**", которые получили свое название не из-за цвета, в который были покрашены, а потому что принадлежали к **черному рынку**.⁵¹ Цун Ту, проявив образцовую практичность, договорился с главарями преступной группировки о передаче ворот. Согласно договоренности, гангстеры будут держать постоянную охрану, согласованную с националистической охраной у других ворот; тогда они смогут переправлять через Шен Хэй всю контрабанду, которую захотят, не беспокоясь о полиции. Выгода Цун-Ту от этого оригинального договора заключалась в спокойствии его войск, которые он мог использовать в войне против японцев или в борьбе с коммунистами. Преступные тайные общества были старыми, как Китай, и с ними всегда было легко жить: они представляли собой меньшее зло. Однако с коммунистами или японцами мирное сосуществование было бы невозможным. Передав им суверенитет над Черными воротами, он в некотором смысле легализовал незаконную деятельность и добился

надзор за неконтролируемым трафиком Черного рынка. Если этого не сделать и вынудить Общества действовать подпольно, то потребуются круглосуточное наблюдение за стенами и периодические вооруженные столкновения с контрабандистами.

Сининги-каулики направились прямо к Шен-Хею и там громко произнесли пароль. Они тут же уступили нам дорогу. Но, оказавшись внутри, мы попали не к грубому негодяю, главе "разбойничьего братства", как можно было бы предположить по определению фон Гроссена. Предводитель "зеленой банды" был пожилой китаец с изысканными манерами, который красным рубином на своей официальной шапке объявил себя мандарином первого ранга и первого класса: такой знак означал высший ранг китайской аристократии; мы также различили на его костюме изображение богато вышитого единорога, знак отличия военного Куана: гражданский Куан носил знаки отличия птиц.

Его звали Тхиен-ма, то есть Небесный конь, и он удивил нас своей осведомленностью о каждом нашем шаге: он знал, что мы немцы, что мы пришли из Бутана, что мы исследовали Тибет одновременно с другой немецкой экспедицией из Индии, что мы разрушили деревню Дускха, что мы таинственным образом появились в долине Кан-чеу и достигли Сининга и что теперь мы просим помощи, чтобы добраться до Шанхая. Он говорил на культурном мандаринском языке, и вокруг его сообщений образовался ореол интриги.

Мы находились в огромном, роскошном доме, который мог бы сойти за дворец. Слуги как раз заканчивали накрывать на стол, и Куан пригласил нас сесть.

-Я буду рад пообедать с вами. Я понимаю, что вы **доктора**, люди образованные, а также воины. Я тоже: несколько лет назад я получил степень Хамлина, что эквивалентно тому, что вы называете **профессором**, - высшее звание, присуждаемое Пекинским университетом. Мои специальности - математика и философия. Я глубоко изучил даосизм и исповедую его: наше общество можно считать даосским. Именно благодаря этому мы являемся естественными союзниками тибетского Круга Каула: мы считаем, что они знают скрытую часть даосизма; из всех дао - Дао; из всех путей - Путь; стратегический Путь, который ведет Дух к освобождению от материальных уз. Многие члены Зеленой группы, выйдя на пенсию, часто уединяются в монастырях Каулики.

Мы с фон Гроссеном, встретившись с Тьен-ма, согласились, что необходимо провести новое исследование китайских преступных обществ. Очевидно, существовала некая путаница, возможно, вызванная тем, что общим источником знаний о Китае для нас, европейцев, были многочисленные отчеты англичан, которые содержали неправдивую и ложную информацию.

В конце концов, для англичан это было еще и преступное Тайное общество! Ведь Тьен-ма меньше всего можно было обвинить в том, что он типичный преступник, даже если действия его организации противоречили закону. Он и все члены его "Банды" были идеалистами, у них была духовная цель, к которой они стремились; и они оказались в дьявольском мире. В таких гностических обстоятельствах решение всегда одно: духовная цель оправдывает любые средства, используемые для проникновения на

вражескую территорию.

25 человек из Сининг-Фу и шесть лимпетов обедали в соседнем доме. Тхиен-ма сопровождали фон Гроссен, Оскар Файль, Шривирья, Банги и я - те, кто продолжал путь в Шанхай; первые возвращались в Сининг в тот же день после обеда вместе с лопасами, направлявшимися в Тибет. Главарь "Зеленой банды" прекрасно говорил по-английски, хотя ничуть этим не гордился и предпочитал выражаться на мандаринском. Мы узнали об этом только во время обеда, так как он согласился общаться на этом языке с фон Гроссеном. Мы провели весь день в беседе с этим пожилым человеком, одаренным любопытством ребенка, и когда философские и религиозные темы были исчерпаны, мы, естественно, перешли к политическому вопросу, то есть к реальности. После этого прошло несколько часов, в течение которых мы пытались заставить его понять национал-социализм и его гиперборейскую сущность. У него, к о н е ч н о , была информация, но мы предоставили ему все детали, о которых он просил.

Наконец, удовлетворившись совершенно необычной для тех краев конференцией, он заверил нас, что готов рассказать, как он собирается доставить нас в Шанхай. Но сначала он рассказал нам о ситуации у себя на родине.

⁵²О, Цин: то, что вы рассказываете мне о вашем фюрере и его правительстве, поддерживаемом патриотическими массами, наводит меня на мрачные мысли о будущем Китая. Фюрер поставил перед немцами свою героическую и славную традицию, и они приняли ее с гордостью. С другой стороны, Мао-Цзе-Дун прививает крестьянам теории евреев Маркса, Энгельса и Ленина и учит их восхищаться русскими - народом, который был дикарем, когда в Китае уже существовала развитая цивилизация. ⁵³А с другой стороны, Чан Кай-ши оказался "мягким камнем", потому что он принял христианство, отрекшись от наших тысячелетних традиций: возможно, если бы он, как ваш фюрер, поставил перед китайцами китайскую культуру, они бы его массово поддержали. Но вместо этого он предлагает им манящие и обманчивые образы чужой культуры. Культуры, которая принадлежит тем, кто еще вчера эксплуатировал нас как рабов. Мао и Чан, оба китайские ренегаты, ослепленные иностранными богами, оба представляют народу свои иностранные идеалы. И как вы думаете, кого выберут китайцы: тех, кто наверняка снова будет угнетать нас, как они уже делали, или тех, кто обещает сделать что-то для народа? Я не хочу преждевременно отвечать на этот судьбоносный вопрос, но уже сейчас могу сказать, что народ больше поддерживает Мао, чем Чанга, потому что Мао верит в народ и умеет выразить эту веру, тогда как Чанг верит только в Иисуса, Англию и Соединенные Штаты.

Господи! ⁵⁴Вот еще один еврей, совершенно незнакомый с историей и традициями Китая, но что это за проклятие, постигшее Поднебесную? Неужели у Китая не было другого выбора, кроме еврея Иисуса или еврея Маркса? Никто из нас не ответил на эти драматические вопросы, но я пообещал себе достать для него английское издание "Майн кампф", книги фюрера.

⁵² Доктор.

⁵³ *Кай-Шек* означает "твердый камень". Заявление Тьенмы имело иронический смысл.

⁵⁴ *Чин*: Среднее королевство.

-Я не хочу обременять своих гостей стариковскими сожалениями, - извинился Тьен-ма, - но вы поймете, что, несмотря на то, что мы "преступная группировка", как называют нас иностранцы, мы, "зеленые", глубоко любим Китай и заботимся о его будущем. ⁵⁵Мы предвидим, что иностранные силы, которые мы называем Пай-Лунг-Ях, попытаются убить спящего китайского слона, **прежде чем он проснется**".

Я расскажу вам, как добраться до Шанхая. Вы должны знать, что существует Тао-Хэй, или **черный путь**, по которому в обоих направлениях идет контрабанда к Западному морю. Он почти официальный, потому что на всем пути встречаются подкупленные чиновники, и пересекает те же японские линии, ведь даже японцы не прочь заработать несколько лишних йен. Через два дня отсюда отправляется поезд, который идет только до Ченг Чоу. ⁵⁶Но вы сойдете первыми, в городе Сиань, провинция Шэньси. ⁵⁷Оттуда вы отправитесь на юг, через горы Цин-Линг, разделяющие Желтую и Голубую реки, в деревню Хань-Кiang, расположенную на правом берегу реки Хань-Кiang. Там вы вступите в контакт с нашими людьми, которые посадят вас на транспорт, обычно перевозящий контрабанду.

Вы проплывете по водам Хань-Кiangа и, в месте слияния с Янцзе-Кiangом, отправитесь по Янцзе-Кiangу в Шанхай. Как видите, это очень простой план.

-Непременно, - ответил дотошный фон Гроссен. Но позвольте задать вам несколько вопросов.

Он кивнул, наклонив голову вперед китайским жестом.

-Вы говорите о 500 км на поезде. Не может ли кто-нибудь нас заподозрить и допросить? Что мы тогда будем делать? Ведь у нас нет официальных немецких документов, и мы находимся в Китае под прикрытием.

-Ах, Цин, ты должен воспитывать в себе добродетель терпения! - с наивной суровостью порицал Тьен-ма. Я уже говорил вам, что поезд отправляется через два дня: к тому времени у трех немцев будут бумаги о том, что они - три англичанина, аккредитованные в Китае Лигой Наций, с дипломатической миссией наблюдать за местной ситуацией и представлять отчеты для будущего посредничества. На них будут стоять въездные штампы из Гонконга, и они будут написаны на английском и мандаринском языках: но не бойтесь, никто из тех, кто может допросить вас отсюда до Шанхая, не знает английского настолько, чтобы понять, что вы немцы! Мы также дадим вам дипломатическую пропускную грамоту и пропуск для двух тибетцев, указав, что вы наняли их в Сининг-Фу.

Мы также дадим вам деньги, много китайских и японских денег. Все поддельное, и бумаги, и деньги. Все самого лучшего качества. Но дальше вы поедете не один: до Шанхая вас будет сопровождать Грин. Он посадит вас в поезд через Шен-Хея и разместит в вагоне, который находится под нашим контролем. Единственный случай, когда вас могут допросить, - это высадка в Сиане, что очень маловероятно, потому что вы выйдете только при наличии сигналов безопасности, или если поезд остановят в пути, что возможно и довольно часто, но обычно все решается щедрой раздачей. Будь то националисты или коммунисты, в бедном Китае никто не сопротивляется взяткам. Большевики

⁵⁵ *Пай-Лунг-Ях*: Белый Дракон Иегова.

⁵⁶ *Шэнь*: проход, ворота; *си*: запад; Шэньси: Западный проход.

⁵⁷ *Цин* или *Чин*: средний; *Линг*: горы; Цин-Линг: средние горы.

Они не были оригинальны и в этом, поскольку присоединились к старому институту взяточничества, изменив название, которое сохранило их достоинство: они называют его "вкладом в Революцию". Однако, если вас все же реквизируют, вы будете отстаивать свои бумаги и свои самые ценные таланты. Согласны ли вы? Если нет, я расскажу вам подробности; но вы должны доверять "Зеленой банде", которая знает Китай как никто другой.

Фон Гроссен остался при своем мнении: материально-техническая поддержка, на которую мы могли бы рассчитывать, была бы аналогична той, что оказывает Секретная служба. Однако он не растерялся и вернулся к делу с другим вопросом:

-Я полагаю, что остальная часть путешествия будет освещена не менее подробно, верно? Поверьте, мы вам доверяем; мои вопросы имеют довольно... профессиональную цель. Именно так: профессиональную! Я офицер разведки и не могу обойтись без допроса. По правде говоря, единственный, кому мы полностью доверяем, - это Круг Каула, и они отдали нас в их руки. Поэтому **мы должны** доверять Зеленой банде.

-Вы правы, что отдаете нам должное. Мы вас не подведем. И я уверяю вас, что наш человек благополучно доставит вас в Шанхай: он знает проход через горы Цин-Линг и жителей Хан-Кианга, а также японских пограничников в Нанкине. Но на всякий случай, прежде чем вы уедете отсюда, я дам вам пароль для связного в Хань-Киане и скажу, где его найти.

На данный момент фон Гроссен был удовлетворен, и нас пятерых проводили в большую комнату для гостей, где присутствовали заботливые и осмотрительные китайские дамы. В ближайшие дни у **штандартенфюрера** будет возможность вытянуть из Тьен-ма всю интересующую его информацию.

Глава XXXVIII

Могу сказать, что "зеленые" без всяких неудобств поставили нас у самых ворот немецкого консульства в Шанхае. План был осуществлен, как и предвидел Тьен-ма. Через шесть дней мы уже плыли на крепкой, прочной джонке по мутному течению Янцзе-Кианга. Мы спокойно миновали Нанкин и возле города Чин-Кианг подошли к месту впадения реки Ву-Санг. С большим искусством капитан повернул руль и вошел в нисходящее течение последней реки, ибо в 500 км дальше, на ее левом берегу, возвышается многолюдный Шанхай.

Груз, перевозимый этой невинной джонкой, просто немыслим. Конечно, если внимательно осмотреть его и полюбоваться на ряд пушек по левому и правому бортам, а также на два тяжелых пулемета в носовой и кормовой частях, это будет не так страшно. Но меры предосторожности были не лишними, ведь на корабле контрабандой перевозили оружие, взрывчатку, тонкие ткани, фарфор, металлы, минералы, специи, продукты питания, опиум, даже дезертиров с обеих китайских сторон или обычных информаторов, а также классический груз китайских проституток, без которых не обходилась ни одна подобная организация. На фоне таких разнородных и опасных предметов мы были незначительной помехой. Мы поняли это только в Хань-Киане, когда поднялись на борт джонки и увидели огромный объем товаров, которыми

торговала "Зеленая банда": как и джонка, сообщил нам наш гид, Общество обладало всеми товарами, которые были в его распоряжении.

флот только на Янцзы-Кианге, не считая тех, что плавали по другим рекам и морю, доходил до Гонконга, Кантона и Макао.

По реке Ву-Санг мы миновали множество скромных деревень, занимающихся земледелием и выращиванием сельскохозяйственных культур, и озеро Тай-Ху, которое она наполняет своими водами. Через 200 км мы достигли Шанхая и пришвартовались у небольшого частного причала с большой хижинкой для хранения вещей. Другие члены группы, дисциплинированно ожидавшие нас, занимались разгрузкой и укладкой вещей, а также забирали проституток и беглецов. Нас удивило отсутствие японского контроля, которого мы не видели ни в Нанкине, ни где-либо еще. Японцев уже **обмазали**, - сказал нам гид на своем поразительном **пиджине**, смеси португальского и английского сленга, на котором говорят на морских побережьях Китая: очевидно, называть **обмазывание** взяткой - ирония, свойственная Португалии и Испании. - Неужели господин Тьен-ма не объяснил вам этого? Я ответил на том же языке, что да, но что мы были поражены силой, которую **паста** "Зеленая полоса" оказывала на **намазанных** людей. Он улыбнулся и сказал, чтобы мы немедленно отправлялись в Шанхай.

Выехав из портового района по улицам, которые гид, похоже, знал очень хорошо, мы попали на огромную рыночную площадь, где находилось естественное скопление сотен "инь-кириков" - японских машин, запряженных людьми, по форме напоминающих индивидуальные рикши и известных англичанам как **"рикши"**. То, что шесть из них стояли поодаль и ждали нас, казалось верхом организованности и дисциплины - несомненно, их предупредили "зеленые", покинувшие гавань раньше. Я бросил косою взгляд на фон Гроссена, но он ничего не заметил.

Эти негодяи действительно умеют добиваться своего, - проворчал он. Нам стоит приехать и поучиться у них.

Я не обратил внимания на это преувеличение, так как мы уже ехали со значительной скоростью, и я был полностью поглощен видом великого города: с 5 000 000 жителей в 1938 году, Шанхай для британцев, Чангай для французов и Ксангай для португальцев и испанцев, он был огромным городом для любой пары западных глаз. Теперь мы направлялись в "Образцовую колонию", или **бунд**, - остров, который западникам удалось воздвигнуть посреди нездорового болота и который был единственным местом, уступленным китайцами по Нанкинскому договору 1842 года, подписанному с чистым оружием британцами, которые в том же году заняли Шанхай, несмотря на 250 орудий батарей на Ву-Санге: Пираты высадили пехоту, которая нейтрализовала орудия и пошла на город, в то время как корабли вошли через северные ворота, а китайцы бежали через южные.

На болотистой местности была построена великолепная европейская цитадель, обнесенная стеной, с мощеными водоканалами, мощеными и освещенными улицами. Были возведены гигантские здания, принадлежащие трем оккупационным державам: Англии, Соединенным Штатам и Франции; и вскоре возникли три района, характерные для этих национальностей, в дополнение к повсеместно распространенному **Чайнатоу**, который китайцы называют Нангао. Три колониальные державы получили большие участки частной гавани для своих внешнеторговых компаний, чтобы открыть там торговые пункты. Когда немцы попытались войти в этот бизнес, порт уже был полностью поделен, и они были вынуждены платить франшизу своим

конкурентам. Как бы то ни было, не так уж много торговли Германия вела с

Шанхай, хотя и достаточный, чтобы потребовать присутствия консула; посольство находилось в Нанкине. Естественно, присутствие японцев в Шанхае и их недоверие к карфагенским империалистическим державам, действовавшим в регионе, открывали для Германии многообещающие перспективы на большую долю добычи.

Рикши промчались через решетчатую ограду, пересекли ухоженный сад и остановились перед воротами особняка в рейнском стиле. Когда мы спустились, к нам подошел сержант-кригмарин.

-Хайль Гитлер! -прокричал фон Гроссен. **¶¶** *штандартенфюрер* Карл фон Гроссен с особым заданием, сержант. Нам нужно срочно встретиться с консулом.

-Да, сэр, - сказал моряк. Пожалуйста, передайте мне ваши документы, и вами сразу же займутся.

-У нас нет документов, сержант! Вот список с именами и воинскими званиями этих джентльменов, которые находятся со мной и моими. Мы все офицеры. **¶¶**

Дальновидный фон Гроссен составил записку для консула, предвидя возможные бюрократические препоны. Она гласила:

Господин консул Третьего
рейха, Шанхай,

¶¶¶ **¶¶**Представляем вам и просим немедленно репатриировать в Германию *штандартенфюрера* Карла фон Гроссена, *штурмбаннфюрера* Курта фон Зюбермана, *гауптштурмфюрера* Оскара Файля и людей из Бутана, гурку Банги и лопу Шривирья, всех участников операции "Ключ один", **ультраконфиденциальной**, код **A I R.S.H.A.**, уполномоченные: Гитлер, Гиммлер, Гейдрих.

Подпись: Карл фон Гроссен
Командующий операцией "Ключ-один".

Подождите минутку, сэр, - попросил моряк и поспешил в здание. Снаружи оставался еще один охранник.

Кажется, все в порядке, - сказал Грин. Сейчас я ухожу, но еще день пробуду в Шанхае. Если возникнут проблемы, ищите меня в порту, а если я уже уехал, то оставляю вам имя связного, которого предупрежу, что вы находитесь под защитой банды Зеленых. Помните, что мы всегда можем вытащить вас из Китая.

К счастью, не пришлось снова прибегать к помощи тайного общества китайского преступного мира. Пока мы ждали сержанта, фон Гроссен расспрашивал матроса. Он сообщил ему, что консульство находится в конце французского квартала, почти у ручья Оанг-Кин-Пан, в окружении филиалов немногих немецких компаний, которые торговали с Шанхаем. Он также сообщил ему, что в гавани стоят на якоре два немецких корабля, которые должны были отплыть через три и семь дней.

Сержант вернулся в сопровождении дипломатического секретаря.

Пожалуйста, входите, джентльмены, - приказал он.

Мы впятером вошли в уютную комнату ожидания.

-Присаживайтесь, вас скоро обслужат, - приказал он и вышел через дверь, но не сразу, бросив подозрительный взгляд на Банги, Шрививирию и собаку-даива.

Нам пришлось ждать целый час, прежде чем секретарь наконец вернулся и провел нас в кабинет консула. Он был карьерным дипломатом из Кельна, направленным в Шанхай, несомненно, для того, чтобы воспользоваться своим знанием французского и университетского английского. Безупречно одетый в черный костюм, он был не старше 40 лет и выглядел спокойным.

-Я прошу прощения за задержку, но мне нужно было позвонить в Нанкин. Вы не можете себе представить, как посол, барон Генрих фон Баден, протестовал против того, что он считает вмешательством **R.S.H.R.** в работу Министерства иностранных дел: он не принимает извинений за то, что его не проинформировали о секретной миссии "Ключ один".

-Но операция должна была проходить не в Китае, а в Тибете, - перебил фон Гроссен. Мы прибыли сюда бегом.

-Не волнуйтесь, **штандартенфюрер**: фон Баден всегда протестует, - с улыбкой успокоил его консул. Позвольте мне закончить. **///**Военный атташе проконсультировался и подтвердил, что их имена и звания есть в зашифрованном списке на сайте. О чем он, конечно, не знал ни слова, так это об операции "Ключ один". Поэтому в Германию был отправлен запрос на предоставление отчетов, и мы ожидаем ответа. Как только телеграмма придет, ваша ситуация будет разрешена.

-И сколько времени это займет? -спросил я иррационально.

-Откуда мы знаем? Если это правда, что они те, за кого себя выдают, они поймут, что Берлин может ответить через час, через день или не ответить и **что-то сделать**. Когда речь идет о **R.S.H.R.**, никто не может предугадать их реакцию. **///И** имейте в виду, что я не выступаю с критикой, поскольку я тоже из... - оборвал он себя.

///Почетный штурмбаннфюрер: я получил это звание в 1936 году, благодаря усилиям нынешнего министра иностранных дел Иохима фон Риббентропа.

-Очень хорошо! -согласился фон Гроссен.

///Да, я из "И", и поэтому я посоветую вам, что делать дальше. Если вы останетесь здесь, я буду вынужден взять вас под стражу, что будет для вас очень неприятно. Вместо этого я отвезу вас в гостиницу в четырехстах ярдах отсюда, где вам будет удобно, пока не придут новости из Германии или Нанкина. Я скажу послу, что не мог их задержать и что они в любом случае в безопасности. У них не было **настоящих** документов.

Но есть ли у них другие документы, деньги? Мне кажется, что они должны быть у них, иначе они не смогли бы проехать через Китай.

-Действительно, **штурмбаннфюрер консул**: у нас фальшивые документы и деньги. Хорошие деньги, как нам сказали, потому что они тоже фальшивые, - язвительно подтвердил фон Гроссен. Мы благодарим вас за совет и будем следовать ему до конца, ибо он кажется очень разумным. После нескольких месяцев изучения Азии мы не могли продержаться в плену и часа.

-А от чего, позвольте спросить, они бежали через Китай? От

КОММУНИСТОВ?

Я думаю, Нефф, что все пятеро из нас в тот момент подумали о Долине бессмертных демонов, о вимане Шамбалы, о смертельном гуле и разразились хохотом.

-Ха, ха, ха, ха, от коммунистов? **Нет, герр консул: мы бежали от ваших начальников**, - ответил я со слезами на глазах, - ха, ха, ха. **Но мы не можем открыть вам, кто они такие: вы не поверите!**

Карл фон Гроссен с усмешкой кивнул, и этот жест повторили Оскар, Банги и Шривирья. Удивленный консул решил больше не задавать вопросов и попросил секретаря сопроводить нас в ближайший отель.

Все было улажено в течение следующих нескольких дней. Из Германии пришел строгий приказ, согласно которому мы должны были отправиться в путь немедленно и без обсуждения. Через семь дней мы оказались на грузовом судне, которое должно было сделать первую из бесконечной череды коммерческих остановок в Макао. Однако капитан сообщил нам, что "где-то в Индийском океане", координаты которого будут переданы ему по радио, нас пересадят на военный корабль. Так и случилось в нескольких милях от Суматры: озадаченный адмирал подобрал нас на своем крейсере и взял прямой курс на Германию. Корабль направлялся в Аргентину вместе с двумя другими, выполняя давно запланированный маневр. У Кейптауна он получил приказ отклониться в Индийский океан, чтобы забрать пятерых пассажиров. Его новая миссия была классифицирована как "максимальная безопасность", и с момента посадки загадочных персонажей на борт он должен был передавать сверхсекретный код и избегать любых контактов с другими кораблями или наземными станциями. Никто не должен был обнаружить крейсер, иначе существовал шанс, что его "пустят в ход". -Кто может напасть на нас в мирное время? -Должно быть, это очередная штабная игра, секретный испытательный маневр для "Кригмарине".

Адмирал не предполагал, что если бы синархистские силы знали о местонахождении его корабля и личности его обитателей, они бы потопили его на месте.

Глава XXXIX

Через двадцать дней после отъезда из Шанхая мы высадились в Гамбурге. Там нас ждал офицер внешней СД, командовавший взводом; его приказ: отвезти Карла фон Гроссена, Оскара Файля, Шривирю и Банги на двух машинах в Берлин. Я должен был покинуть группу и на третьей машине отправиться в местный аэропорт, откуда самолет также доставит меня в Берлин.

Мы собирались расстаться впервые за несколько месяцев, и этот опыт был болезненным. Мы все вместе теряли товарищей и подвергались смертельным опасностям; пережитые приключения сблизили нас. Перед тем как покинуть их, фон Гроссен захотел поговорить со мной наедине.

-Я так и знал! -сказал он взволнованным тоном. Фон Зюберманн: Вы были первым ключом к операции "Первый ключ"! И "Тулегезальшафт" будет заботиться только о вас. Отныне мы будем отрезаны от остальных членов

организации, чтобы не проболтаться. Мы много знаем, Курт,

возможно, больше, чем хотели бы знать посвященные Черного ордена! У меня такое чувство, что мы можем больше никогда не встретиться, - мрачно заключил он.

-Вы бредите, мой *штандартенфюрер!* -В ужасе воскликнул я. -Этого не может быть! Мы вернулись с важного задания, я полагаю, успешно, и нет никаких причин, чтобы вместо одобрения начальства кого-то наказывать. Вы устали, фон Гроссен, говорю вам с уважением! Вы увидите, что скоро мы встретимся в пивной на Фридрихштрассе, чтобы отпраздновать это событие. Конечно, сначала мы должны отчитаться перед своими подразделениями, но после этих логических формальностей у нас будет время встретиться снова.

Фон Гроссен покачал головой, словно не желая, чтобы мои доводы проникли в его уши.

-Нет, нет! Фон Зюберманн, вы снова не понимаете ситуации. Слушайте меня внимательно, потому что вероятность того, что мы можем расстаться навсегда, вполне реальна. Я говорю вам об этом совершенно сознательно и с учетом всего моего предыдущего опыта секретных операций. Я не настолько устал, чтобы не предвидеть, что может произойти: *нас уничтожат*. То есть если ты не спасешь нас, Курт. Поверь, мы останемся в живых, только если ты заверишь своих боссов, что мы никому не расскажем о том, что видели. Это та гарантия, которая им нужна, чтобы отпустить нас на свободу: противоположность тому, что ты предполагаешь! Ха-ха-ха-ха: отчет! Вы меня смешите, фон Зюберманн: кого волнует, что я сделаю доклад о том, что я видел в Тибете, и о том, что я видел, как вы делали?

Неужели вы думаете, что посвященные Чёрного ордена позволят опубликовать официальный доклад о вимане Шамбалы, или о собаках-даивах, или о вашем Скротра-Краме? Нет, фон Зюберманн: из-за вас мы приговорены к смерти. И только вы можете спасти нас. Вопреки вашим наивным предположениям, заверьте своих шефов, что ни Оскар Файль, ни я не будем делать никаких заявлений, и мы сможем таким образом сохранить наши жизни!

Я успокоил его, как мог, подтвердив свою преданность: я никогда не допущу, чтобы с ними что-то случилось из-за меня! И мы уехали, по отдельности, в Берлин.

В берлинском аэропорту ждал канцелярский "Мерседес Бенц" с мотоциклетным эскортом. //Когда я увидел его, то подумал, что он ожидает министра или генерала, но был удивлен, увидев стоящего у двери *оберфюрера* Паппа.

-Курт фон Зюберманн! -воскликнул он, тепло улыбаясь. Я не мог не вспомнить, как впервые увидел его в хижине Рудольфа Гесса на Оберзальсберге в Берхтесгадене. Он тоже вспомнил, потому что, как только я подошел, сказал:

-Шесть лет, Курт. Слишком долго или слишком коротко? Шесть лет, и ты вернулся со своей первой миссии. Мы боялись за тебя, ты знаешь. Для всех на земле было облегчением получить весточку от тебя. Но из Шанхая! Ха. Никто не мог в это поверить. Вы расскажете мне, как они добрались до Китая.

Машина пересекла Шпрее по Замковому мосту и начала кружить вокруг *Люстгартена*. Я удивленно посмотрела на Эдвина, но не успела ничего сказать:

-Я подумал, что вы захотите прогуляться по городу до прибытия в Канцелярию; это поднимет вам настроение после стольких месяцев в Азии!

Эдвин Папп правильно истолковал мои чувства. Невозможно описать, как я был счастлив вернуться на родину, с которой не раз за последние несколько недель прощался, полагая, что никогда не вернусь. Мерседес повернул на запад и развернулся перед Бранденбургскими воротами, которые были покрыты флагами со свастикой и гирляндами, оставшимися после недавних празднеств. Теперь я ехал на восток, по **Унтер-дер-Линден**, или Липовому проспекту: я видел, как мимо проплывают Парижская площадь и статуя Фридриха Великого. В конце проспекта мы свернули на Оперную площадь, где находились Императорский дворец, Королевская библиотека, Берлинская опера, католическая церковь Святой Хедвиг, университет и несколько военных зданий. Наконец, от липовых деревьев и площади Оперы машина въехала в район **Фридрихштадт** и начала катиться по **Вильгельмштрассе**, которая является его восточной границей. Поездка была окончена.

-Вы можете себе представить, кто послал меня встретить вас в аэропорту, не так ли? Ваш родственник очень страдал, когда мы думали, что вы потерялись, и ему не терпится встретить и обнять вас. Он не хотел, чтобы кто-то отвлекал вас, поэтому прислал свою машину, чтобы встретить вас, и поручил мне, по строгому приказу, - пошутил он, - охранять вас в целостности и сохранности у него под боком.

Через несколько минут мы прибыли на **Вильгельмштрассе, 77**. На ⁵⁹⁶⁰**В Рейхсканцлере** нас ждал **стелльвертретер** фюрера.

Через час, попрощавшись с **оберфюрером** Эдвином Паппом, я выходил из канцелярии в компании Рудольфа Гесса. Он был очень тронут встречей со мной, и именно тогда я понял, как сильно этот бывший папин товарищ любил меня. В течение шести лет, когда он руководил моей работой в Германии, он не только был мне как отец, но и так же сильно любил меня. Теперь мы ехали на Грегорштрассе 239, чтобы навестить Конрада Тарштейна.

Мы впервые ехали вместе, и, поскольку Рудольф Гесс мог быть легко узнаваем публикой и не хотел привлекать внимание к адресу Тарштейна, он настоял на том, чтобы я вел "Мерседес", а он незаметно сидел на заднем сиденье. По правде говоря, не только с Рудольфом Гессом, но и ни с кем, кроме Тарштейна, я никогда не был в таинственном особняке. Я даже подозревал, что посвященные Черного ордена собираются в другом месте, потому что за два года, что я часто бывал в этом доме, там никогда не было никого, кроме нас двоих. Но в этот раз все будет иначе.

Словно повторяя ритуал, я ударил по заплесневелому кольцу в бронзовой манжете, и пронзительный голос Конрада Тарштейна раздался откуда-то из-за шаткой двери.

-Да?

Я Курт фон Зюберманн, - представился я, обращаясь к крошечному глазку, в котором неуловимо маленькие глазки Великого Инициата проверяли мою личность.

Дверь открылась, и появилась маленькая приземистая фигурка Конрада Тарштейна с вежливо протянутой рукой, чтобы поприветствовать меня.

-Курт, Рудольф, рад вас видеть, - сказал он, нарушая ритуал, - входите:

Мы ждали их.

59 Рейскаңцелярия.
60 Лейтенант.

Шел январь 1939 года. Новый год мы встречали в открытом море, с фон Гроссенем и другими товарищами. Я думал о них, пока Тарштейн вел меня в комнату, в которую я никогда не заходил, расположенную на верхнем этаже. Я думал о них и вспоминал новости, которые он принес: по моему мнению, экспедиция Эрнста Шеффера провалилась в своей цели - скрепить пакт между "здравомыслящими силами Германии" и Белым Братством Чанг Шамбалы. Если я не ошибаюсь, Врата Шамбалы были закрыты до того, как было достигнуто соглашение, а значит, уничтожение Третьего рейха и всеобщее установление Синархии не были гарантированы Врагу.

Это был январь 1939 года, а в сентябре того же года должна была начаться Вторая мировая война.

Вокруг странного стола в форме полумесяца сидели ¶16 Инициаты Черного ордена. Кроме Тарштейна и Рудольфа Гесса, я узнал только четверых высокопоставленных деятелей Третьего рейха: остальные десять были мне доселе совершенно неизвестны. Все они были одеты в гражданскую одежду, но я предположил, что некоторые из них были военными, хотя другие, несомненно, должны были быть гражданами, особенно азиат, чье присутствие наполнило меня благоговением.

Меня представил Тарштейн, и Инициаты приветливо встретили меня, **но ни разу не назвали своих имен**. Напротив, они назвали себя такими псевдонимами, как **Аквилея, Лео, Серпенс, Драконис, Корвус, Паво, Цикнус** и так далее. Азиат сказал, что его зовут **Аве Феникс**.

Они пригласили меня сесть напротив них, в кресло в выпуклой части полумесяца.

- Так что, **Люпус**, что случилось с операцией Эрнста Шеффера "Альтвестен" и людьми, погибшими в операции "Ключ один"? - спросил Тарштейн, окрестив меня так.

- Все мертвы или пропали без вести, - сказал я. И те, кто участвовал в операции "Альтвестен", и наши собственные. Но позвольте мне, господа, изложить вам пошаговый отчет о событиях, произошедших с тех пор, как я покинул Германию.

Никто и глазом не повел, когда я рассказывал о судьбе отсутствующих. Не дрогнул никто и в последующие часы, проведенные за рассказом, в котором я старался изложить основные детали и представить информацию как можно более объективно. Тарштейн оживил долгий вечер двумя порциями кофе, последняя из которых сопровождалась вкуснейшим вареньем. Меня почти не прерывали, разве что для уточнений. Как я понял позже, этим людям не нужно было задавать никаких вопросов, поскольку все они были необыкновенными ясновидящими; они обладали тем, что в Тулегезальштафт называли **Факультетом Анамнезии**, то есть силой, свойственной Гиперборейским Инициатам, которая позволяла им **исследовать Акашические Культурные Записи**.

Оттуда, с Грегорштрассе 239, они **видели** то, что я рассказывал им о наших приключениях в Азии.

- Не поймите меня превратно, дорогой Люпус, - сказал наконец Тарштейн, - но мы попросим вас подождать внизу. Мы должны провести совет.

Размышления продолжались еще час, пока меня снова не вызвали.

Диалог открыл Конрад Тарштейн:

-Я поздравляю тебя, Люпус: мы единодушно согласны, что операция "Ключ-1" прошла успешно. Несмотря на потери, которые ничего не стоят по сравнению с духовной пользой от срыва планов демонов. Трое павших, Хайнц, Ганс и Клостер, будут награждены, как и фон Крупп и его люди, ибо они не участвовали в заговоре Шеффера.

-Позвольте мне прервать вас, Камерад Единорог. Это очень хорошо - украшать мертвых, но что делать с живыми? Что с Карлом фон Гроссенем, Оскаром Файлем и двумя тибетцами? Где они сейчас?

-Инкоммуникадо, разумеется, - обреченно подтвердил Тарштейн. Послушай, Люпус, мы сможем освободить их и даже продвинуть по службе, только если ты проследишь за тем, чтобы они не говорили без умолку.

-И как я мог отдать должное?

-Например, Оскар Файль отныне будет вашим помощником, а вы будете контролировать его язык. Точно так же Карл фон Гроссен будет готовить элитную команду для поддержки вас в ваших будущих миссиях и будет находиться с вами в постоянном контакте.

Согласен, - сказал я с облегчением, - и очень рад; ведь эти люди заслуживают самого лучшего обращения: они храбрые и бесценные патриоты. Но теперь, джентльмены, после того как я уладил этот волнующий меня вопрос, могу ли я задать несколько вопросов?

-Конечно, - согласился Тарштейн "Единорог".

-Ну. Похоже, вы знаете, что произошло в той долине в Тибете. Не могли бы вы тогда прояснить для меня некоторые сомнения, например, почему на нас напали и кто? Например, почему на нас напали и кто? И еще у меня есть вопрос, возможно, не такой "серьезный", как предыдущие, но который я не стесняюсь здесь поднимать: он касается будущего собаки дайва. Не могу отрицать, господа, что мне было очень неприятно оставлять Вруну в клетке в Гамбурге, учитывая, что она - уникальный экземпляр на Земле и вот-вот должна родить.

-Ты прав, Люпус! -согласился Тарштейн. //Завтра рано утром мы отправим лучшего ветеринарного врача и его команду помощников с заданием позаботиться о собаке Дайва и доставить ее в целостности и сохранности в Берлин. Вы можете быть уверены, что мы ценим это животное по достоинству и рассматриваем его как **секретное оружие** Третьего рейха.

А что касается того, о чем вы спросили в первую очередь, - продолжал Тарштейн, - то на вас напали друиды!

-Потому что друиды? Я недоверчиво повторил: - Но мы же были в Тибете!

-Вы помните, о чем я предупреждал вас в первый день, когда вы пришли в этот дом: **"среди охотников Синархии друиды отвечают за сбор дичи своего рода"... своего рода, фон Зюберманн**. Вы удивлены, что они устроили вам засаду в Тибете, но вы должны помнить, что вы вошли в "Врата Бера и Бирса", то есть в зловещее отверстие, через которое жрецы Мельхиседека входят в Шамбалу. Эрнст Шеффер хотел постучать именно в эти врата, потому что именно оттуда тысячелетия назад пришли архисвященники и архи-друиды европейских орденов Белого Братства.

-Бера и Бирса? -спросил я, недоумеваю.

Конечно, Бера и Бирса, - ответил азиат, которого мы называли "Птица Феникс".

-Помните, Люпус, разве вы не видели два величественных образа, по одному с каждой стороны Врат?

-Полагаю, вы имеете в виду фигуры крылатых бодхисаттв, которые были вырезаны на стенах ущелья, или двара, или шен, то есть в проеме между горами в конце долины. Я хорошо помню их: на обеих стенах выходного ущелья, на высоте около 25 или 30 метров, были два барельефа, изображающие существ божественной природы, своего рода вооруженных "ангелов" или "бодхисаттв".

Я замолчал на несколько секунд, вспоминая то незабываемое зрелище. Затем я добавил:

-У них были крылья: у каждого из двух ангелов было по голубиному крылу. И они были одеты в белые одежды до щиколоток: да, это была одежда друидов или эфод левитов! На груди они носили **четырёхлистный клевер**, а на нагрудных пластинах - маленькие звезды, солнца и полумесяцы. А еще я помню их оружие: правая рука каждого была сомкнута на рукоятки, из которой по обе стороны торчали два глобуса. Сцена была очень запоминающейся, и именно поэтому я помню ее так ясно: я стоял у входа в ущелье, когда все было улажено с фон Круппом; затем я посмотрел на запад, в конец ущелья, и увидел вершину перевала, или перевала, с флангов которого стояли эти колоссальные скульптуры. Оба они указывали указательным пальцем левой руки на выход, **как бы приглашая нас пройти, - жест, который они также сопровождали выражением своих дьявольских лиц; но правые руки продолжали направлять свои глобусы в сторону всех возможных посетителей**, то есть к центру оврага. Мне кажется, я как раз смотрел на ущелье Запада и на его ужасных стражей, когда из него появился шар света, который тибетцы называют "виманой Шамбалы".

-Теперь нет никаких сомнений, что ты побывал перед вратами Беры и Бирсы, - сказала Птица Феникс. Таинственные "ангелы", которых ты описал, не являются таковыми, как и бодхисаттвы, это Демоны худшего рода, обычно называемые "бессмертными". Бера и Бирса - два бессмертных Демона, которые тысячелетиями действовали в Европе и Азии и чей образ ты имел счастье или несчастье, как тебе кажется, лицезреть в той долине в Тибете. Их хозяин, Мельхиседек, назначил их тысячелетия назад работать на Вселенскую Синархию Избранного Народа, особенно для поддержания заговора внутри народов индоевропейского, индоиранского и индуистского происхождения. В европейском контексте Они были Арх-Друидами - Высшими Существами, тайно возглавлявшими Друидический Орден, и именно поэтому Единороги и другие Инициаты также называют их "Друидами" или "Голенами". Но они гораздо более могущественные существа, чем друиды, которыми они командуют.

Например, Ригден Джиэпо, король мира, наделил их силой Дордже, самым страшным оружием в Солнечной системе. Дорджи:

Именно это оружие, похожее на два шара, соединенных рукояткой, ты видел на барельефах Бессмертных! Но ты, Люпус, не только воспринимал высеченные в камне дорджи: **ты испытал их смертоносную силу на собственном опыте.**

Я вытаращился на него. А Эйв Феникс пояснил то, что мои уши отказывались слышать.

-В частности, Люпус: жужжание пчел, которое он почувствовал и которое стало причиной смерти его товарищей, есть не что иное, как акустическое проявление Силы Дордже, которая также действует на остальные четыре таттвы; с помощью Дордже можно произнести заключительное **ом** или **юд**, монослог растворения Сотворенных Форм, который идентичен биджа Принципа Творения. Вполне возможно, что именно Демон Бера применил Силу Дордже к его сердцу. Короче говоря, будьте уверены, что он стоял перед Вратами Беры и Бирсы, в ущелье Тибета, известном с древних времен как **"Ла Бреа"**. Конечно, до Ла Бреа нелегко добраться, то есть нелегко достичь его восточного ущелья, но любопытно, что на многих древних картах оно обозначено там, где вы его нашли, - у гор Алтын Таг.

Этого не может быть", - иррационально отрицал я. Я увидел летающий аппарат, взвешенной корабль; не знаю, что это было, но жужжание определенно исходило от него.

-Это так, дорогой Люпус: **явление, которое ты видел, было демоном Берой во всей его силе. Это был не летающий корабль, не неведомая вимана или аэроплан, а "абсолютная единица энергии" Вселенной, оживленная инфернальным "Разумом" Беры, который есть Сефира Бина. Абсолютная единица энергии", "архетипический атом", принятый Берой, чтобы появиться и высвободить растворяющую Силу Дордже: вот чему вы были свидетелями, хотя вам казалось, что вы видели нечто иное.**

-Это невозможно, - повторил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не признать, что это смертное присутствие действительно было Демоном, "Бессмертным", и что этот монстр наконец-то вышел на мой след. Я начинал понимать, что имел в виду Тарштейн, когда предупредил меня об **"охотниках за синархией"**, которые будут стремиться собрать **"таких, как я"**.

Невозмутимый, Феникс продолжал объяснять:

-Архетипический атом - это Первозданная Форма par excellence, Яйцо Брахмы, монада, созданная по образу и подобию Единого: все реальные атомы и все атомные формы, все единицы, происходят от него и участвуют в его образцовом существовании. И знаете ли вы, почему Бера принял эту форму, чтобы явить себя вам и использовать Силу Дордже? **Потому что у такого Демона, как он, предателя Духа Человеческого, остался единственный способ противостоять проявленному вами Знаку Происхождения - заключить себя в абсолютное единство Сотворенной Монады.** Но вы видели результат этой тактики, товарищ Люпус: **она подвела вас, Знак Истока, которым вы обладаете, и Врата Шамбалы оказались закрыты для наших врагов.**

-Ох, я бы не был столь оптимистичен, товарищ Птица Феникс, - предложил я, содрогаясь от старых и новых ужасов. Напомню, что если я и остался жив, то не благодаря Знаку, а благодаря вмешательству этих невероятных воинов, монахов Каулики, и неопенимой помощи собак-даивов, которые вытащили нас из ущелья Алтын-Тага.

-Ах, товарищ Люпус, боюсь, вы не понимаете ситуации.

Аве Феникс обращался ко мне с тем же упреком, что и Карл фон

Гроссен. Очевидно, я ничего или очень мало понимал из того, что происходило вокруг меня. Либо все притворялись, что понимают происходящее лучше меня. Либо я становился крайне упрямым или глупым. Но как бы то ни было ,

Одно я понимал, и в этом не ошибался: причиной всех моих бед, которые еще вчера я считал чудесной привилегией, был неуловимый Знак происхождения. Отличие богов или клеймо? Передо мной самые важные люди Третьего рейха утверждали, что рассчитывают на меня и на мой Знак в осуществлении планов фюрера. Но, и это я теперь начинал понимать, самые ужасные Силы Ада, Силы, которые я видел вблизи в Тибете, **априори считали меня своим смертельным врагом и собирались развить против меня невообразимую атаку.**

Аллегорически говоря, такая ситуация, единственная ситуация, которую я, возможно, понимал, заключалась в том, что Третий рейх готовился к походу на мир, как циклопическая фаланга, и что я буду играть роль **знаменосца**. Да, я буду **знаменосцем** Третьего рейха, и знамя, под которым я буду идти, будет Знак Истока, Знак Люцифера, Знак Вотана, Знак Шивы, **мой Знак**. И, как в любой действующей армии, Враг стремился бы захватить флаги, **наши знамена**, стремился бы сбить **без предупреждения** знаменосца, стремился бы отнять у него Священный знак Духа, стремился бы отнять его жизнь, стремился бы отнять его знамя, стремился бы отнять у него **мою жизнь**, стремился бы отнять у него **мой Знак**.

Я не стал протестовать против замечания Феникса, и он продолжил:

-Дорогой волчонок: Ты никому не обязан своим "спасением", кроме себя самого.

Неужели вы забыли, что если и существовала Операция "Ключ Один" и собаки дайва, то только **потому, что ранее уже был Инициат, Курт фон Зюберманн, который нес Знак Происхождения?** Собаки дайва и вы - одно и то же, ибо без вас не было бы ни собак дайва, ни Знака Истока, ни Знака Шивы, ни того, кто **способен поместить свое Я за пределы Кулы и Акулы**. Демон Бера напал на вас с яростью виманы, а вы думаете, что спаслись "благодаря" собакам-дайвам: знайте, что это ваша собственная неуверенность, неверие в себя, **непонимание ситуации** заставляют вас придерживаться такого ошибочного убеждения! Ибо если бы вы действительно были Инициатором, каким должны быть, **уверенным в себе перед лицом Смерти, а за Смертью - даже перед Истоком**, вы бы без сомнения знали, что ваш Знак сделал вас неуязвимым для нападения любого сотворенного существа, даже самого могущественного Бога! Если бы ты был один, столкнувшись с демонами Бера и Бирса или другими подобными им, и они обрушили бы на твое сердце всю мощь Дордже, ты бы легко вышел из-под их контроля, поместив себя за пределы Кулы и Акулы, в Исток, **или создав с помощью тупламудры своих собственных собак дайва, или лунгла "лошадей дайва", или любую подобную иллюзию!**

-Хорошо, хорошо, я сдаюсь! -предложил я, грустно улыбаясь; и прежде чем претензии Инициатов Черного Ордена стали неоспоримыми. Я постараюсь понять их точку зрения, - пообещал я.

Ты действительно веришь, что эти проклятые Бессмертные не только атаковали меня до смерти, но и закрыли дверь в свое логово?

-Это верно, Люпус, - сказал Тарстейн. Я расскажу вам, что произошло, согласно совпадающему мнению всех присутствующих здесь Инициатов. В принципе, и это вас удивит, у нас есть основания полагать, что Эрнст Шеффер не погиб в Ла-Бреа. А если бы он погиб во время нападения, мы уверены, что Бессмертные воскресили бы его. Для чего? **Чтобы вернуться в Европу и**

найти его голову. Никогда, пойми это хорошенько, Люпус, ведь на кону твоя жизнь, они никогда не позволят такому, как ты, существовать в синархическом обществе. Напротив, если ты будешь вовлечен в это дело, не будет заключен договор между Белым братством и

Тайные общества Синархии; и, следовательно, никакой конституции Синархии не будет. Несомненно, Эрнст Шеффер или какой-нибудь подобный глупец будет делегирован Демонами, чтобы озвучить их условия на Западе: **и на этих новых условиях будет потребовано уничтожение вас и всех, кто, подобно вам, является носителем Знака Происхождения, который они не могут нести.**

Вселенская Синархия последних времен должна увидеть, как Боги-предатели будут править миром, как во времена Атлантиды, бок о бок с Великими Раввинами Избранного Народа: **но они не смогут этого сделать, пока в мире существуют духовные люди, поднимающие знамя Истока, говорящие Рунами Вотана.** Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что операция "Ключ-1" увенчалась успехом: мы привели Инициата со Знаком Истока в Ла-Бреа, напротив Врат Бера и Бирса Чанг Шамбалы; и мы спасли его для стратегии Третьего Рейха. Одним словом, мы бросили Врагу величайший вызов на его собственной земле: теперь он не может желать ничего, кроме мести. И его возмездие больше не будет дипломатическим или политическим, он больше не будет заключать тайные пакты, поддерживающие государственные перевороты или дворцовые интриги: Третий рейх должен будет подготовиться к противостоянию грозному военному потенциалу.

А что касается тебя, Люпус: излишне говорить, что ты представляешь для нас. Иметь тебя - значит иметь **стратегическое преимущество** для осуществления планов Черного Ордена. Исходя из этого, мы должны стараться держать вас подальше от опасности - это было бы логичнее всего. Однако мы поступим наоборот: мы не станем пренебрегать вашей безопасностью, но и не помешаем вам выполнить свою миссию - **миссию, возложенную на вас Богами, когда они отметили вас Знаком Происхождения.** Вы будете продолжать рисковать! Мы тщательно изучим ваши будущие операции и отправим вас закрыть своим Божественным Знаком врата Ада! Теперь мы знаем, что вы **можете** это сделать, но сделаете ли вы это?

Шестнадцать пар глаз сверлили мой мозг. Я смотрел на Рудольфа Гесса, почти отца для меня, в чем я мог ему отказать? И на Конрада Тарштейна, моего гиперборейского учителя, мудреца, открывшего мне столько тайн, - что я мог не дать ему, который ни в чем не нуждался и ничего не просил для себя? **И** остальным Инициатам, Тайным Архитекторам Новой Германии, Главам Черного Ордена: отказать им в чем-либо означало отказать в служении Отечеству. В тот момент, неффе Артуро, мой ответ мог быть только один:

-Хайль Гитлер! -воскликнул я и поднял правую руку, чтобы недвусмысленно кивнуть. **И**Мой ответ, неффе, и это поняли все, был клятвой, рыцарским обетом.

Когда через полчаса все ушли и на Грегорштрассе 239 остались только хозяин, Рудольф Гесс и я, мы попрощались с Тарштейном и отправились в "Мерседес". Как и прежде, я вел машину, а Рудольф Гесс остался на заднем сиденье. Мне не терпелось поприветствовать Ильзу, и я отбросил мысль о том, что мы едем к Рудольфу домой, но Рудольф тут же предупредил меня: "В

отель "Кайзерхоф"". Я непонимающе посмотрел на него в зеркало заднего вида.

-Не догадываетесь, кто нас там ждет? -спросил он, насмешливо улыбаясь. Я вздрогнула от этого вопроса:

-Папа?

-Да, Курт. Ваш отец собственной персоной. Барон фон Зюберманн специально прибыл из Египта, чтобы допросить своего неуловимого сына.

-О, какая радость, какая радость. Я еще не могу в это поверить. Вы ведь предупреждали его, не так ли? Скажите мне правду, вы, тафгай?

-Я уведомил его, когда мы узнали, что вы в море, что он может приехать в Берлин через 20 дней, что он и сделал, не задерживаясь ни на минуту. И он так и поступил, не пропустив ни одного удара. Что в этом плохого? Хорошо бы, чтобы отец видел вас хотя бы раз в год. Или по окончании операции, в ходе которой вы чуть не лишились жизни. Вы одобряете мое решение, не так ли?

-О, да, Тауфпат. Ты преподнес мне самый прекрасный подарок, на который я только мог надеяться.

Это была одна из лучших ночей в моей жизни. ⁶¹С папой, Рудолфом, Ильзе и маленьким Вольфом Рюдигером в Берлине в январе 1939 года мир, казалось, был в наших руках. Я до сих пор помню, как во время ужина папа объявил, что его дочь вышла замуж за немецко-аргентинского инженера и что скоро они уедут в Аргентину, где Зигнагелям принадлежит винодельня. **ИИ** еще Рудольф объявил, что в ближайшие дни меня повысят в иерархии, присвоив звание *штандартенфюрера*, минуя промежуточное звание *оберштурмбаннфюрера*. **ИИ** Я буду, по его словам, одним из самых молодых *штандартенфюреров* или полковников в Ваффен.

Глава XL

ИИ Дорогой Нефф, так закончилась моя первая миссия для Третьего рейха. Во время нее стал очевиден загадочный характер того Знака происхождения, который вызывал преданность одних и ужас других. К этому времени многие из ваших первоначальных сомнений рассеялись. Надеюсь, вы поняли, что история Белицены и моя собственная история построены на одной и той же броне, на инфраструктуре под названием "Гиперборейская мудрость". И вы поймете - это необходимо, чтобы вы поняли! - **что обе истории продолжают в вас, что Гиперборейская Мудрость проходит через вас, что Боги отметили вас Знаком Происхождения.**

Ваша история и моя, Неффе Артуро, отчасти параллельны: во-первых, мы оба принадлежим к одной семье; мы оба пережили шокирующий опыт: я - интервью с фюрером, а вы - смерть Белисены Вильки; и эти впечатления заставили нас обоих искать истину в себе, в глубинах Я: Меня - во время каникул в Египте, в 1937 году, когда во мне пробудилась Скротра Крам, а тебя - сейчас, в 1980 году, в тот бесконечный миг духовного **восторга** от Девы Агарты. Да, Неффе: я верю, что в тот момент мы оба **самоиницировались**. Я знаю, что Ритуал Гиперборейской Инициации призван привести избранного в контакт с Врунами Навутаны, но, поскольку такие Знаки уже были в нас, мы смогли совершить чудо **самораскрытия Обнаженной Истины Себя.**

⁶¹ Двухлетний сын Рудольфа Гесса.

Параллельность событий, пережитых нами обоими, завершается коррелятивностью инициационного опыта: мы оба, отныне и навсегда, неразрывно связаны с Духовным, Вечным и Бесконечным Источником, с Благодатью Девы Агарты, с Гиперборейской Мудростью Богов. Поэтому, **как я поднял их в свое время, так и вы должны отныне поднимать "наши знамена", которые являются знаменами Духа.** В своей квартире в Сальте вы спрашивали себя: к кому обратиться за духовной помощью? Кто является представителями Гиперборейской Мудрости в этом мире? Что ж, теперь у вас есть самый ясный ответ. **Фюрер дал ответ: ответ - это**
Черный орден помнит, что фюрер вернется, неффе, даже Белисена Вилька сообщает об этом в своем письме:

"Великий Белый Вождь, Владыка Абсолютной Воли и Мужества, придет раз, два, три раза в ваш Мир. В первый раз он прервет Историю, но уйдет, вызвав глупый смех демонов (эта часть пророчества, как мне кажется, уже исполнилась); во второй он поднимет Финальную Битву, но уйдет под рею ужаса демонов (и я полагаю, Артур, что именно это и произойдет очень скоро); третий поведет Расу Духов к Истоку, но уйдет навсегда, оставив после себя Огненный Холокост, в который превратятся последователи Единого Бога - люди, души и демоны. Но те, кто следует за посланником военачальника, будут вечны!" (И здесь я могу только спросить **"фиат, фиат"**, неффе Артуро).

Это слова капитана Киева, которые будут неумолимо исполнены. Вы разыщете Тиродальский Орден и принесете их Инициатам Устав Белицены Вильки. Это будет как нельзя кстати, ведь они тоже ищут Нойю и Мудрый Меч, чтобы начать Последнюю Битву. **Но ты принесешь им нечто более важное, чем Грамота Белисены Вильки: Знак Происхождения, который закроет Врата Шамбалы и откроет Врата Агарты, через которые Фюрер и Вечный вернутся, чтобы сразиться в Последней Битве!**

Вот **истинная** причина великого маневра, Неффе! Чтобы вы приблизились к тем, кто ждет в нужный момент кайроса Последней Битвы! Таков духовный смысл всей этой череды совпадений: **приблизить Знак Истока к кайросу Последней Битвы!**

И как Дом Тарсиса, и как я, Неффе, ты должен понимать, что они еще больше постараются убрать тебя с дороги. Друиды будут охотиться за тобой! Возможно, сами Бера и Бирса!

Поэтому я хочу предложить вам уехать как можно скорее. Из моих рассказов, пусть и неполных, вы уже сделаете достаточно выводов. Позже, если позволят обстоятельства, я подробно расскажу вам о следующих событиях вплоть до 1947 года, когда я приехал в Аргентину и с тех пор скрывался.

Вкратце, в общих чертах, вот что произошло с 1939 года и далее.

Банги и Шривирья получили немецкое гражданство и были награждены Железным крестом I класса. **Они также были приняты в Ваффен в звании унтерштурмфюрера.** До лета 1939 года они оставались в Берлине, где проходили обучение криптографии.

И связанные с ними задания секретной службы, и, наконец, они отправились в Тибет и, воссоединившись с лимпетами, ушедшими в нашу экспедицию, с рвением посвятили себя возложенной на них миссии: подготовке элитного корпуса, который бы действовал как Иностранный легион в составе Ваффен. И Из него должен был выйти знаменитый **Тибетский легион**, который тайно зависел от **1-й панцердивизии "Лейбштандарте Адольф Гитлер"** и один из батальонов которого в апреле 1945 года насмерть защищал бункер фюрера.

Карл фон Гроссен также вернется в Азию. Из Индии и Китая он незаметно снабжал Тибетский легион, чье естественное поселение находилось в Ассаме, во владениях князя Каулики, который был злейшим врагом британцев. И В этом маленьком королевстве на границе с Бутаном инструкторы, особенно из Германии, дополнили наступательный арсенал монахов Каулики, состоящий из стрел, кинжалов и скимитаров, современным оружием тактического назначения - гранатами, пистолетами и автоматами. Однако максимальная эффективность этих страшных воинов всегда сопровождалась использованием их традиционного оружия, по которому у них не было конкурентов в Тибете. В любом случае, стоит отметить, что численность корпуса никогда не превышала ста человек.

Но задолго до того, как Тибетский легион был готов, Вруна родила в Берлине двух прекрасных щенков дайва и умерла при родах. И Другой легион, ветеринаров, под жесточайшими угрозами добился того, что близнецы выжили. Несмотря на наши сомнения, они выросли без проблем, и я окрестила их **Юм** и **Яб**. Они хорошо поддавались обычной дрессировке и еще лучше - использованию килкорского свади, понимая и повинуюсь моим малейшим желаниям.

В сентябре Германия вторгается в Польшу, и начинается Вторая мировая война. 14 июня следующего, 1940 года, войска Третьего рейха вошли в Париж. Ни Тибетский легион, ни я не принимали участия в этих действиях, поскольку в Черном ордене нам было сказано, что **"истинный и единственный фронт Третьего рейха находится на Востоке"**.

Тогда, вопреки движению наших армий, мы сосредоточились на планировании азиатских операций, во всех отношениях схожих с "Ключом один", в котором я принял боевое крещение. Наконец, в августе 1940 года я получил приказ провести операцию "Ключ два", целью которой было достижение горы Эльбрус, где, согласно индоарийской традиции, **арию родились дважды**. Но это был не прямой путь на Кавказ, а **стратегическое приближение к нему с помощью собак-дайвов, чтобы достичь Врат, расположенных в другом измерении**.

В тот раз я отправился из Германии вместе с Оскаром Файлем, **гауптштурмфюрером** Цезарем фон Лоссовым и собаками Юмом и Ябом. На Памирском плато, у истоков реки Пьянды, нас ждал Карл фон Гроссен с **гебирсьегерским** отрядом.

⁶² Тибетского легиона, всего около пятидесяти человек. Оттуда мы отправились в одно из тех безумных путешествий, которые обычно совершают собаки дайвы, чтобы добраться куда-то. Я не знаю, какими путями они шли, потому что вместо того, чтобы пройти через Таджикистан, Афганистан, Туркменистан, Иран, Армению и Грузию и преодолеть 3 000 км, дого нашли Грузию в 500 км от нас. Хотите верить, хотите нет, но в 500 км от реки Пианды мы прибыли в Грозный, город, расположенный у

ПОДНОЖИЯ ГОРЫ.

⁶² Отряд "Высокие горы".

Эльбруз; конечно, превратности и перипетии до этого момента, которые я не могу сейчас перечислить, заняли у нас несколько месяцев.

В отличие от Ла Бреа, **на горе Эльбрус был Путь в Агарту, или на Венеру, что одно и то же**. Задача Тарштейна и посвящённых Чёрного ордена состояла в том, чтобы **найти кавказские врата Агарты и связать это место с городом Растенбург в Восточной Пруссии**. Как? С помощью даивов-собак; приказав догам на Кавказе достичь Растенбурга, совершив прыжок через Время и Пространство. Таким образом, согласно предположениям Тарштейна, расстояние между Эльбрусом и Растенбургом было бы **устранено**, или, другими словами, Врата Агарты "остались" бы в Растенбурге.

Насколько важен был Растенбург, чтобы требовать проведения такой операции? В то время мы этого не знали, поскольку нас попросили выполнить план только до мая 1941 года, но с 22 июня, когда Третий рейх начнет вторжение в Советский Союз, штаб-квартира фюрера будет находиться в Растенбурге.

Кодовое имя фюрера - **Вольф, Волк**, и поэтому его восточная штаб-квартира, трон, с которого он будет противостоять силой духа темным силам материи, будет называться **Führerhauptquartier Wolfsschanze**, то есть Верховный штаб Сильного Волка. Это было в прусской провинции Кенингсберг, бывшей резиденции Тевтонского ордена, посреди лесов, растущих на берегах Губера, и там Карл фон Гроссен, Оскар Файль, Банги, Шривирья и я высадились однажды в мае 1941 года: остальная часть легиона осталась в лагере на горе Эльбруз, в 2000 км от нас. Как и их отцы в Тибете, Юн и Яб откликнулись на приказ **лететь** и в одно мгновение преодолели установленное расстояние. Добравшись до Растенбурга, мы наметили точное место спуска даивов, поскольку там, где бы оно ни находилось, должна была быть проложена железнодорожная колея для стоянки кареты фюрера. Мы получили строгий приказ не двигаться с места, пока нас не обнаружат войска, размещенные Гиммлером и постоянно патрулирующие местность. Один взвод обнаружил нас, и целый батальон немедленно занял территорию, на которой несколько недель спустя будет размещен "Вольфшанце". Стоит вспомнить, что на этом же месте 20 июля 1944 года группа генералов-предателей, тех самых, что поддерживали Эрнста Шеффера, попыталась убить фюрера, заложив мощную бомбу всего в нескольких метрах от него. Конечно, тем, кто не знает, что представляли собой Кавказские ворота Растенбурга, до сих пор непонятно, как фюрер избежал нападения целым и невредимым.

Когда в августе 1941 года я наконец вернулся в Берлин, было уже слишком поздно.

попрощаться с Рудольфом Гессом: 10 мая мой тауфпат прилетел в Англию, чтобы попытаться нейтрализовать стратегию Голена, которая держала в своих тисках британское верховное командование. Его полет был организован между членами английского тайного общества "Золотая заря" и инициатами Тулегезальшафта, но едва он приземлился, как был схвачен друидами благодаря предательству немца Абрехта Хаусхофера и британского герцога Гамильтона и заключен в военную тюрьму. Мир между Англией и Германией и их союз против Советского Союза - проект, которым Рудольф Гесс был уполномочен руководить, - стал бы катастрофой для Синархии. Поэтому в годы войны его держали под стражей без связи с внешним миром, а предполагаемое сумасшествие было предано огласке, пока предпринимались

попытки уничтожить

Голены смогли эффективно изменить его психику с помощью наркотиков, подобных тем, о которых упоминал Белисена Вилька. Как и в случае с Белисеной Вилькой, в случае с таким Великим Инициатором, как Рудольф, Голены не достигли своей цели.

Да, Неффе, в августе 1941 года пришло время вспомнить слова Тарштейна, сказанные мне четыремя годами ранее: **"Мы все должны надеяться, что его шанс никогда не представится, ибо, когда Парсифаль отправится выполнять свою миссию, это будет означать, что король Артур ранен... и что Королевство - terra gasta"**. Да, Рудольф, чистый безумец, как и Парсифаль, отправился на Альбион, в Англию, на Белый остров, который каким-то образом представлял собой Чанг Шамбалу, обитель демонов: Тарштейн предсказал мне это, потому что знал, что это возможно, потому что знал эзотерический смысл, который объяснял глубокий символизм этого путешествия. О том, что дипломат Абрехт Хаусхофер был предателем, членом группы "здравомыслящих сил Германии", мы уже давно знали из отчетов, составленных Гейдрихом в С.Д.: Абрехт был сыном профессора Карла Хаусхофера и еврейки по имени Марта Майер-Досс.⁶³ И то, что тайное общество "Золотая заря", которое на рубеже веков было связано с эйнхериями и тулегезами, попало в руки друидов после рейда, проведенного священником Алейстером Кроули, мы тоже знали. Так что Рудольфа вряд ли мог заставить врасплох исход его миссии, но у его жертвы должна была быть более глубокая и тайная причина.

Я напрямую спросил Тарштейна, но на этот раз он уклонился от разъяснений.

Он снова заговорил со мной на символическом языке, несомненно, для того, чтобы не затронуть Миф, чтобы Миф продолжал действовать.

- "Король Артур, фюрер, может быть предан Гвиневрой-Германией, и такое бесчестие сделает Королевство слабым против нападения элементарей, орды **Elementalwessen**, пришедшей с Востока. Чтобы предотвратить уничтожение королевства, королю Артуру необходимо положиться на силу Грала. Но Грал не появлялся в мире Спящих уже 700 лет. Что же делать? Как в фильме "Вольфрам фон Эшенбах", фюрер говорит:

**"Человек, который вглядывается в строку:
der muoz mînhalp von iu geschehen".⁶⁴**

И Парсифаль отправляется в замок Сигуне, откуда выходят силы, оживляющие недочеловеков, угрожающих королевству. И там, подобно Иосифу Аримафейскому, король Крудель захватывает его и приговаривает к 48 годам заключения вместе с его рыцарями. Но затем, в тюрьме, Иосиф Аримафейский вступает в контакт с генералом, и тот духовно питает его в течение всего срока заключения: таким образом, стихийные силы в какой-то степени сдерживаются, поскольку рыцарь генерала, все еще находящийся в заключении, обладает достаточными духовными силами, чтобы передать их королю Артуру и поддержать его в его королевской функции. Однажды рыцарь Иосиф Аримафейский будет освобожден из своего несправедливого заточения и выйдет на свободу с Гральным камнем, прочитав на нем Имя Фюрера и восстановив свой суверенитет в Королевстве. Именно в этот момент Фредерик II, носитель Камня Чингисхана, встретится с Владыкой Пса, Престером Иоанном, Владыкой Катая или К'Таагара, то есть Владыкой

⁶³ Золотой рассвет.

⁶⁴ Будет казаться, что это я сражаюсь, но на самом деле это Ты делаешь это во мне.

Агарты. Тогда стихийные силы будут окончательно побеждены на Земле.

От Тарштейна я смог добиться лишь символических заявлений такого рода, которые не слишком помогли мне понять скрытый смысл его миссии, хотя я и догадывался о нем. Но с 1940 года я больше не видел своего тауфпата. Естественно, во время Нюрнбергского процесса 1945/46 годов Рудольфа допрашивали лицемерные союзные судьи, и он, конечно, ни словом не обмолвился о генерале или короле Артуре. Вместо этого он много рассказывал о промывании мозгов и лечении наркотиками, которому его подвергали британцы:

"... Естественно, я продолжал думать о том, чем можно объяснить чудовищное поведение окружающих меня людей. Я исключил возможность того, что они были преступниками, поскольку в социальном плане они производили очень хорошее впечатление. Но, с другой стороны, их прошлое также противоречило этому навязыванию.

.....

"Мне пришла в голову мысль, что эти люди были загипнотизированы, хотя в то время я не знал, что можно вызвать столь интенсивное и продолжительное состояние гипноза. Я открыто высказал это подозрение майору Ф., который, очевидно, воспринял его как забавную шутку. Он сказал, что он и все окружающие меня люди были абсолютно нормальными и что, к сожалению, я стал жертвой самовнушения.

.....

"Моя головная боль не прекращалась. Я продолжал притворяться, что потерял память. Я учился на своих ошибках. Я полагал, что не должен узнавать людей, которых видел более четырнадцати дней назад, даже если это были врачи, которые были со мной в течение нескольких лет. Отсюда можно сделать вывод, какой страшный яд они мне дали, яд, от которого не было противоядия...".

"Вскоре я больше не совершал ошибок. Я прошел через такие испытания, как внезапное появление людей, которых я встречал раньше, и я делал вид, что не узнаю их, хотя находился в состоянии гипнотического сна. Я должен был быть начеку днем и ночью. В конце концов я стал готов отвечать на вопросы ложно, даже во сне, упорно симулируя потерю памяти.

.....

"19 апреля 1945 года бригадный генерал доктор Рис снова пришел ко мне. Он снова пытался убедить меня в том, что мои выводы и страдания - всего лишь результат навязчивых маний. Я прервал его, сказав, что его слова бесполезны, **потому что я знаю, что происходит**. Тем временем у меня появились новые убеждения, которые оправдывали мои подозрения. Отвратительные зверства, которые во время англо-бурской войны англичане совершали над женщинами и детьми в концентрационных лагерях, также можно бы л о отнести на счет **секретного химиката**.

"Бригадный генерал Риз несколько мгновений размышлял с мрачным выражением лица. Затем он вскочил на ноги и поспешил к выходу,

пробормотав: "Вы очень проницательны; желаю вам удачи".

"Вот уже четыре года я нахожусь в заточении в компании сумасшедших и во власти их пыток, не имея возможности никому сообщить об этом, не имея возможности убедить швейцарского посланника в истинности происходящего, не говоря уже о том, что я не мог проинструктировать сумасшедших об их состоянии. Это было хуже, чем оказаться в руках преступников, потому что у преступников, по крайней мере, есть какая-то причина в каком-то темном уголке мозга, какое-то чувство в каком-то темном уголке сердца и какая-то совесть. В случае с моими сумасшедшими об этом не могло быть и речи. Но хуже всего были врачи, которые использовали свои научные знания для самых изощренных пыток. По сути, за эти четыре года у меня не было ни одного врача, потому что у тех, кто называл себя этим именем, не было другой задачи, кроме как причинять мне страдания и, если что, усугублять их. Точно так же я оставался все это время без лекарств, потому что то, что они давали мне под этим именем, служило лишь той же цели и, более того, было ядом".

"Перед моим садом прогуливались сумасшедшие или одурманенные люди с заряженными винтовками, сумасшедшие окружали меня в доме, когда я выходил на прогулку, меня опережали и сопровождали сумасшедшие, все в форме британской армии, и мы проходили мимо колонн заключенных из близлежащего сумасшедшего дома, которых везли на работу. Мои спутники относились к ним с симпатией **и не понимали, что они принадлежат к той же колонне**; что доктор, который управлял больницей и одновременно руководил психушкой, уже давно должен был быть их собственным пациентом. Они не понимали, что сами достойны сострадания, и не понимали этого, потому что были одурманены и загипнотизированы. Мне было искренне жаль их; честные люди превращались там в преступников".

"Но какое это имело значение для евреев? Их это волновало так же мало, как короля Англии и британский народ. **Ведь за всем этим стояли евреи**. Если бы одной вероятности было недостаточно, чтобы доказать это, то то, о чем я сейчас расскажу, доказало бы это. Мне дали книгу, написанную одним евреем, о том, как с ним обращались в Германии, а также отчеты британских консульств об обращении с евреями в Германии, описанные самими евреями. Доктор Дикс сказал, что моя навязчивая мания была следствием угрызений совести за обращение с евреями, за которое я нес ответственность, на что я ответил, что в мою компетенцию не входило принимать решения об обращении с евреями. Однако если бы это было так, я **бы сделал все возможное, чтобы защитить свой народ от этих преступников, и я не испытывал бы угрызений совести по этому поводу**. Лейтенант А.К. из шотландской гвардии, который находился со мной для моей защиты от имени короля, сказал мне однажды: "С вами обращаются так же, как гестапо обращается со своими политическими врагами". Доктор Дикс и медсестра, сержант Эверетт, присутствовали при этом и с улыбкой кивнули. Поскольку они отошли от своей роли, так как всегда утверждали, что мои страдания были мнимыми, доктор и офицер вскоре были освобождены".

"В своей ноте протеста от 5 сентября 1941 года я упомянул о Выражение, использованное А.С. из шотландской гвардии, и добавил, что для евреев типично утверждать, что их враги делают то, что они делают сами, без указания евреями мотива, и обвинять своих врагов в преступлениях, которые они на самом деле привыкли совершать. Венгерский епископ Прохаска обнаружил это уже после большевистского господства в Венгрии в 1919 году.

Он сообщил, что в тот период грузовики с изуродованными телами были

Священникам прибили к голове стальными гвоздями чепцы, вырвали ногти и выкололи глаза, а шутка заключалась в том, что, поскольку они должны были отправиться на тот свет с открытыми глазами, их отвели к мостам через Дунай, а их груз бросили в реку. Все ответственные, во главе с Бела Куном, были евреями. Мировая пресса замалчивалась или находилась в руках евреев. Однако, когда после краха большевистского правительства некоторые из виновных предстали перед судом, та же мировая пресса возопила о белом терроре в Венгрии. Так было всегда, - заключил Прохаска, - когда народу приходилось бороться с евреями".

⁶⁵В то время я не мог предвидеть, что евреи, чтобы получить пропагандистский материал против Германии, пойдут так далеко, используя секретное химическое вещество, **чтобы заставить охранников немецких концентрационных лагерей обращаться с заключенными так, как это делали G.P.V.**: каждое преступное действие такого рода должно быть приписано использованию секретных наркотиков, которые евреи применяли внутри самой Германии. Когда меня спрашивали о причинах преступлений, совершенных против меня, я подозревал следующее: Во-первых, британское правительство было загипнотизировано, пытаясь превратить меня в сумасшедшего, чтобы в случае необходимости представить меня таковым, если их будут упрекать в том, что они не приняли мою попытку достичь взаимопонимания, благодаря которому Англия могла бы избежать многих жертв. Во-вторых, общая склонность евреев или неевреев, которых они склоняли к жестокому обращению со мной и мести мне за то, что национал-социалистическая Германия защищалась от евреев. В-третьих, месть за то, что я попытался - слишком рано - положить конец войне, которую евреи так старательно развязали, и тем самым помешать им достичь своих военных целей. В-четвертых, мне не позволял обнародовать откровения, содержащиеся в этом докладе".⁶⁶

.....

В этих высказываниях Рудольфа Гесса, возможно, кроется тайная правда о знаменитом "Холокосте 6 000 000 евреев". Действительно, примечательно, что члены избранного народа стали жертвами типично еврейского геноцида, способа истребления, который, как показывает Белисена Вилька в своем письме, раввины тысячелетиями утверждали, что применяли к "язычникам" или "гоям". Но Рудольф Гесс справедливо заметил, "что для евреев было типично утверждать, что их враги делали то, что они делали сами, без того, чтобы евреи давали им мотив, и обвинять своих врагов в преступлениях, которые на самом деле они привыкли совершать". **¶** Такое отношение евреев является обычным, подтверждается сотнями исторических доказательств и объясняет невероятные обвинения в том, что евреи устроили им огненный мини-холокост, спроецировав на концентрационные лагеря образ окончательной смерти, с помощью которой они сами мечтают уничтожить духовное, то есть нееврейское, человечество. Короче говоря, неффе Артуро, только типично еврейский менталитет мог придумать такой способ уничтожения, который никогда не приходил в голову ни Генриху Гиммлеру, ни, р а з у м е е т с я , фюреру. А что касается немцев, которые якобы "признались" в этом

⁶⁵ Советская тайная полиция, начальниками которой неизменно являются евреи, отличающиеся беспримерной жестокостью.

⁶⁶ Выдержки из "Доклада Рудольфа Гесса", зачитанного Рудольфом Гессом на Нюрнбергском процессе в 1946 году.

Если существует множество очевидных объяснений, почему кто-то может свидетельствовать против себя или своей родины, то очевидно, что истинная причина кроется в секретных наркотиках, известных друидам, чьим главным логовом на протяжении тысячелетий была сама Англия. Как вы видели, Рудольф Гесс сам разоблачил это в 1945 году, когда заявил, что свидетелей не только накачивали наркотиками и гипнотизировали, чтобы они свидетельствовали против себя, но что если в немецком К.З. действительно было совершено какое-либо преступление, то это следует отнести на счет введения наркотиков перед падением Третьего рейха, чтобы потревожить охрану для дальнейшей пропагандистской выгоды.

Наконец, хотя после возвращения в Эльбрус-Растенбург я больше не видел Рудольфа Гесса, я слышал о проклятом Эрнсте Шеффере: он тихо вернулся, как и предвидел Тарштейн, и находился в оккупированной Франции. Его охраняла секретная служба адмирала Канариса, абвер, который находился вне юрисдикции иностранного СД. Согласно отчетам, имевшимся у Вальтера Шелленберга, вполне вероятно, что его также сопровождали четыре его приспешника, хотя один из них **"потерял бы зрение в Тибете"** из-за того, что его глаза подверглись воздействию **"интенсивного и неизвестного источника света"**.

Естественно, я сразу же предложил провести тайную операцию по казни его и его сообщников, но меня отговорил Тарштейн, который утверждал, что предатель более ценен живым, чем мертвым: "Если он будет жив, то сможет донести до синархистских сил, что с Третьим рейхом у них только один путь: война, - объяснил Тарштейн. Белое Братство поддержит союз против Германии, но только если после ее полного уничтожения в течение короткого времени будет сформирована Вселенская Синархия Избранного Народа. Если эта цель будет реализована, Германия, несомненно, будет принесена в жертву, но это Мировое Правительство будет означать конец Истории: Германия возродится вновь, возможно, не как нация, но ее Дух, ее Фюрер, ее Бог-Вотан, будет поддержан Богами, Верными Духу Человека, **и Последняя Битва будет вестись на Земле.**

Эрнст Шеффер вернулся Мастером Белой Иерархии, то есть духовно мертвым. Его посвящение в Тибете принесло ему признание многочисленных синархических тайных обществ, таких как английское масонство, которое присвоило ему 33-ю степень и должность президента Великого Востока Древнего и Принятого Шотландского Обряда. Уничтожение операции "Альтвестен" в газетах объяснялось несчастными случаями, обычными для такого рода разведок, и Шеффер спокойно жил до конца войны: его родственники до сих пор проживают в Аргентине.

Свобода, которой он пользовался под защитой групп сопротивления фюрера, позволила ему, как мы в "Черном ордене" и рассчитывали, спланировать и осуществить множество нападений на меня. //Никто точно не знает, сколько нападений было совершено на фюрера, но те, от которых я пострадал в те годы, не отставали: отравления, бомбы, снайперы, засады, саботаж моего оборудования и постоянные угрозы: либо я покину Дефект, покину Германию навсегда, покину святые места для священников навсегда, **либо на земле не останется места, где я мог бы скрыться от неизбежного равнинского возмездия.**

Конечно, я не поддавался на угрозы и выполнял свои приказы до конца, даже те, которые мне не нравились, как, например, последний, обязывавший меня пробыть 35 лет в Санта-Мария-де-Катамарка.

Глава XLl

Я не буду говорить о промежуточных операциях, поскольку это будет мое последнее упоминание о напряженных эзотерических начинаниях тех лет. Напомню лишь, что в 1945 году мы работали в Южной Италии, в области Апулия, где находился восьмиугольный замок императора Фридриха II Гогенштауфена, правившего с 1215 по 1244 год, о котором много пишет в своем письме Белисена Вилька. Наша миссия не была напрямую связана с войной, поскольку мало что можно было сделать, чтобы изменить все более неблагоприятную ситуацию. В те дни Германия отступала на всех фронтах; но на всех фронтах, впервые в истории, можно было указать на одного и того же еврейского врага: капиталисты, коммунисты, сионисты, все союзные нации, независимо от их идеологии, показывали одни и те же еврейские лица, истинный профиль Синархии.

ИИИИ в разгар этого колоссального поражения, в то время как Германия уступала силам, превосходящим ее в тысячу раз, силам, выступавшим под маской Иеговы Сатаны, мы работали уже не для Германии, чтобы закрыть врата демонических врагов Германии, а **для Будущего**. В чем заключалась наша миссия в Южной Италии? В чем-то необычном: мы должны были искать **камень Чингисхана**.

Да, это не заблуждение. Конрад Тарштейн располагает конкретной и древней информацией о том, что в 1221 году Чингисхан послал Фридриху II, при его дворе на Сицилии, Камень из Агарты, на котором был выгравирован трехсторонний пакт о создании Вселенской Империи; тремя сторонами были: Чингисхан, император Азии; Фридрих II, император Запада; и Верные Боги Агарты, для подземных сил Земли. Перед смертью в 1244 году Фридрих построил странный восьмиугольный замок и навсегда спрятал Камень. Теперь Конрад Тарштейн объяснил нам, что в замке, при его строительстве, был спрятан ключ, позволяющий найти Камень, который находился недалеко от площади. И действительно, в 800 метрах от него, под пологим травянистым склоном, собаки-дайвы нашли каменную крипту, в которой находился сундук королевы Констанции и вождельный Камень Чингисхана, выгравированный вигурскими иероглифами и германскими рунами.

Найти его было непросто: потребовались глубокие раскопки и тригонометрические измерения с помощью теодолита. Измерения проводились апостериори, в попытке обнаружить ключ к строительству путем стратегического противостояния, что позволило **защитить** ценный объект, поместив его **за стены**.

Времени на завершение измерений не было, так как 5 апреля 1945 года началось вторжение союзников в Италию. Таким образом, мы отступали на север, но на каждом шагу видели масштабы катастрофы. Война была проиграна для Германии и скоро должна была закончиться. Мы решили разделиться. Карл фон Гроссен и Оскар Файль под протестом должны были

остаться в подполье.

//в францисканском монастыре, настоятель которого симпатизировал Германии и арабам: обоим пришлось поменять черную форму на коричневую рясу **серафима**. На их попечение были оставлены и собаки-дайвы.

Пока наши товарищи оставались в Неаполитанском монастыре, Тибетский легион отправился в Берлин. В него входили Банги, Шривирья, пятьдесят командос и я. После многочисленных стычек с коммунистическими партизанами, заполонившими дороги, нам удалось добраться до Вероны, откуда через Альпы вело несколько троп. Мы выбрали одну из них, ведущую в Больцано, которая через день привела нас прямо в Берхтесгаден.

//25 апреля комендант Берхтесгадена получил телеграмму от Бормана с приказом арестовать маршала Геринга. Когда мы прибыли на место, там не оказалось никого, кто мог бы нам помочь или дать какую-либо информацию. Тогда мы направились в Оберзальцберг, но перед самым нашим прибытием судьба, та трагическая судьба, которая всегда преследовала меня, решила сыграть свою лучшую роль: 318 бомбардировщиков "Ланкастер" прибыли первыми и начали сбрасывать тонны бомб на мирную альпийскую деревню. Парализованный горем, пронзенный жгучей ностальгией и, кажется, кричащий от бессилия, я увидел, как дом Рудольфа Гесса и другие близлежащие дома разлетелись на куски - дом, куда 12 лет назад мы приехали с отцом, чтобы навестить стеллвертретера фюрера и попросить помощи, чтобы поставить мою карьеру на правильный путь! Там отец доверил ему медаль Офицера. Что бы с ней стало? Может быть, они были у Илзе, ее и мои?

Столько воспоминаний...

Проклятые англичане, проклятые янки, проклятые русские, проклятая еврейская синархия! Зачем было уничтожать эту деревню Оберзальцберг? Может быть, чтобы подавить символ? Но ведь можно нарушить только форму символов, нарушить их видимость, потому что содержание метафизично, трансцендентно и никогда не может быть поражено ланкастерской бомбой.

Наконец, не в силах сдержать слезы, я посмотрел на дымящиеся руины Бегхофа, штаб-квартиры фюрера, которая в то время пустовала, потому что, как знали союзники, фюрер находился в бункере в Берлине, на останки домов Бормана и Геринга, а также многих жителей деревни, не имевших ничего общего с нацизмом и Третьим рейхом. Мы вернулись в Берхтесгаден и на следующий день были перевезены в Мюнхен. Там я встретился с генералом Коллером, который сообщил мне о катастрофической ситуации в Берлине: русские достигли берегов Эльбы, а Эйзенхауэр остановил американскую армию у Торгау с явной целью сровнять Берлин с землей славянскими ордами. "Это, - оправдывался проклятый еврей, - было то, о чем договорились в Ялте.

Берлин был осажден русскими, и войти или выйти из него по суше было практически невозможно. Тогда Тибетский легион войдет в Берлин! - решительно заявил я.

-Вам не придется так рисковать, **бригадефюрер** фон Зюберманн: только что пришел приказ отправиться в Плауэн. **Рейхсфюрер** Гиммлер желает видеть вас там лично". Генерал Коллер, к моему удивлению, вручил мне телеграмму Гиммлера. Откуда **рейхсфюрер** узнал, что мы должны встретиться в Мюнхене? Ответ был только один: офицер С.Д. в Берхтесгадене сообщил о нашем проезде. Я выругался про себя и допросил Коллера.

-Есть ли телефонная связь с *рейхсфюрером*?

-Только в случае крайней необходимости.

-Ну, вот и все, генерал. Это чрезвычайная ситуация.

-Бригадир, хорошо. Свяжитесь по радию, и я дам разрешение на вызов. Я вздохнул с облегчением: мне необходимо было подтвердить свои

впер
ед!
подозрения, прежде чем

-Это **бригаденфюрер** Курт фон Зюберманн, мой **рейхсфюрер**, - поприветствовал я,

через неслышную линию.

-Вон Зюберманн, я так рад слышать вас в этот момент! Я поздравляю вас с тем, что вы добрались до Мюнхена - как раз вовремя! Так вот, **бригаденфюрер** фон Зюберманн, послушайте меня: *здесь, в Германии, все изменилось, и теперь я отвечаю за операцию "Фридрих II". Поэтому вы должны приехать как можно скорее и привезти мне королевскую реликвию. Прилетайте самолетом.* До скорой встречи. Соедините меня с генералом Коллером, чтобы он дал вам необходимые инструкции.

-До свидания, мой **рейхсфюрер**! -прощался я в самых черных предчувствиях.

Я встретил Банги и Шривирию. К счастью, самолетов в то время не было. Что мне делать? Было очевидно, что Гиммлер планировал захватить Камень Чингисхана, чтобы использовать его в личных целях. //Но Камень Агарты принадлежал не ему, а Черному ордену, Тулегезальшафту, Германии. Я очень уважал **рейхсфюрера**, гиперборейского Инициата, преданного фюреру и верного нашим стандартам: если бы падение Германии расстроило его, это было бы понятно. Но в Черном Ордене мне никогда не простили бы потерю предмета, который Фридрих II Гогенштауфен оберегал 700 лет.

-Товарищи, у меня неприятности, - сообщил я начальникам Тибетского легиона. Мне непременно придется нарушить приказ **рейхсфюрера**, и я не хочу, чтобы вы были в этом замешаны. //Я подумал о том, чтобы передать вас местному командиру и продолжить путь в Берлин в одиночку. Мой долг - передать сундук, который мы нашли в Апулии, посвящённым Чёрного ордена, которые также являются членами Тулегеза, и для этого я должен ехать в Берлин; напротив, **рейхсфюрер** намерен, чтобы я передал реликвию ему одному, в городе Плауэн.

-А как ты поедешь в Берлин, Шиватулку?

-Ну, по суше, потому что по воздуху туда не добраться. Я сделаю вид, что еду в Плауэн, но потом поверну на север и попытаюсь каким-то образом прорваться через русское окружение.

-Тогда мы последуем за вами в Берлин. Подумайте: мы будем полезны вам в совершении задуманного вами подвига. Да и вообще, какое нам дело до обвинений в неповиновении, даже если это означает смерть? Мы прожили достаточно долго, и смерть нас не пугает!

Слова гурки вернули меня к реальности. Те дни, несомненно, означали конец Третьего рейха. И, скорее всего, они будут означать наш собственный конец. Да, все шло к концу, и, возможно, нам тоже придет конец. Сейчас или позже нам придется поставить на карту свою жизнь против множества врагов - русских, англичан, янки, французов, кто, клянусь Вотаном, отнимет у нас жизнь? Оставить Тибетский легион в Мюнхене означало лишь продлить их жизнь еще на день или два: такова была реальность.

Я принял решение на месте. Мы должны были действовать до того, как

генерал Коллер получит самолет.

Я собрал их всех в отдаленном дворе и заговорил с ними:

-Тибетский легион! Через несколько минут мы приступаем к операции. Наша цель - дойти до Берлина, и нам необходимо снаряжение на месте. **Но мы не можем официально запросить такие поставки.** Поэтому мы захватим их.

Прежде всего, необходимо завладеть двумя артиллерийскими грузовиками с запасными шинами и достаточным количеством боеприпасов. Банги и пятнадцать человек займутся этим, стараясь не причинить потерь ни той, ни другой стороне, а это та же сторона, что и Германия. Схватите и заткните рот тем, кого вам придется украсть, и спрячьте их в грузовиках, так как мы освободим их перед отъездом. У вас есть десять минут на выполнение задания и парковку перед складом Квартермейстера.

Шривирья и 20 человек совершают налет на склад, взяв только самое необходимое для 600-километрового путешествия и 50 солдат: гранаты, винтовки, боеприпасы и минимальные припасы. Они бездвигают всех и, когда приезжают грузовики, грузят все и встречают нас в здании общежития рядом с казино. Через пятнадцать минут они должны быть там! -приказал я.

Мы с пятнадцатью тибетцами стали собирать свое снаряжение и одежду и складывать все у дверей казармы. Через пятнадцать минут мы покидали мюнхенские казармы. Первая группа взяла четырех пленных. Самым старшим был **шартфюрер**: ему я передал письмо на имя генерала Коллера. В нем я извинялся за совершенное безобразие и сообщал, что **"не могу подчиниться приказу рейхсфюрера Гимmlера, так как он противоречит предыдущему приказу, обязывающему меня отправиться в Берлин".** Автором первого приказа был начальник секретной службы, о котором я имел право упомянуть только его кодовое имя: **Юникорнис**". Я попросил дословно передать это сообщение **рейхсфюреру** и любезно попрощался с генералом Коллером. Я не надеялся, что Коллер простит меня за насмешки над его людьми, но я верил, что Гимmlер скорее оставит все как есть, чем столкнется со **скрытыми мозгами Третьего рейха**. Поэтому мы отпустили растерянных солдат на северном въезде в Мюнхен, сказав им, чтобы они как можно скорее передали это письмо генералу Коллеру.

Мои расчеты оказались верными, потому что Гимmlер ничего не предпринял после получения лаконичного сообщения. **Мы** даже столкнулись с войсками с русского фронта, которые вообще не были предупреждены о нас.

Итак, наступило 28 апреля, и я думаю, что это был последний день, когда оставался хоть малейший шанс добраться до Берлина по дороге. Наш маршрут был похож на марш по острию зубов синархистского дракона: по всей дороге шли вражеские авангарды: сначала авангарды французов и янки, наступавшие с запада, а затем русские авангарды с востока, столкнувшиеся с колоннами янки на берегах Эльбы. Мюнхен падет перед франко-янки 30 апреля, то есть через два дня после нашего отъезда.

Как бы то ни было, с регулярными боями против янки и русских мы достигли Потсдама в сумерках. **Мы** невозможно пробраться через русские линии на двух немецких грузовиках и с легионом. Еще два часа ушло на то, чтобы найти подходящий русский лагерь и получить необходимый камуфляж: около 60 русских пехотинцев спали в ряду палаток, охраняемых четырьмя часовыми.

Все они были зарезаны, большинству из них перерезали горло, поскольку

Никто не хотел портить маскировку. **¶**Однако ни один легионер не хотел снимать с себя форму, и русскую одежду приходилось надевать поверх нее, часто помогая ей проникать внутрь щедрыми ударами ножа.

Одетые таким образом, мы более или менее открыто маршировали в направлении Шпрее. Следуя по ее берегу, мы подошли к мосту Вайндендаммер, который был перекрыт детьми гитлерюгенда Артура Аксмана. **¶**Мне потребовалось десять минут, чтобы убедить 12-летнего **оберштурмфюрера**, что мы - легион и что он должен нас пропустить. Наконец мы перешли, и тут же все, кроме меня, которому предстоял еще долгий путь, сняли с себя русскую одежду.

Потому что мы решили разделить навсегда. **¶**Тибетский легион входил в Лейбштандарте Адольф Гитлер, корпус, отвечавший за личную охрану фюрера, и было вполне логично, что именно этот корпус должен был направиться к бункеру, чтобы помочь его защитить. Берлин выглядел катастрофически: целые кварталы города, разрушенные воздушными бомбардировками и огнем русских пушек, улицы, заваленные обломками, отблески различных пожаров дополняли сумерки рассвета того рокового 29 апреля 1945 года. Мы молча прошли несколько кварталов, пока не вышли на Фредрихштрассе, или то, что от нее осталось. Идея заключалась в том, чтобы идти по этой дороге до высоты станции метро, а затем спуститься и уйти под землю; на станции Вильгельмплац мы должны были подняться и оказаться в нескольких метрах от Канцелярии. Этот простой план не удалось реализовать, потому что на улице Фредерика шло страшное танковое сражение. Тогда мы попытались бегом добраться до Вильгельмштрассе, когда Фортуна, столь неуловимая до этого момента, пришла нам на помощь.

И действительно, по перекрестку улиц, по которому мы шли, к нам начала разворачиваться колонна танков. **¶**Командовал ею **оберфюрер** по имени Отто Майер, которого мы знали потому, что фон Гроссен организовал для него лекцию по тактике бронекавалерии тремя годами ранее: это был молодой офицер, отличавшийся легендарной храбростью и высоким профессионализмом в руководстве моторизованными войсками. Он воевал во Франции и России, выжил и нанес противнику тяжелые потери. Когда Рудольф после моего первого задания сказал, что я буду одним из самых молодых **оберфюреров** в немецкой армии, он, несомненно, включил Отто Мейера в свое множественное понятие. Теперь он был призван на битву за Берлин, последнюю, и наверняка погибнет.

Он остановил свой панцер и вышел из башни: "Курт фон Зюберманн и Тибетский легион! Ха, ха, ха. Никогда бы не подумал, что найду тебя здесь, **секретный агент!**

Куда, черт возьми, они направляются?

-Отто Мейер! -воскликнул я. Я и представить себе не мог, что увижу вас снова. О, Отто, это охрана фюрера. Вы должны попасть в канцелярию!

-Но это же всего несколько кварталов! Не волнуйтесь, они доберутся. Скажи им, чтобы шли под охраной панцеров, а я оставлю их у ворот. А вы поднимайтесь в хижину, я хочу поговорить с кем-нибудь, кто еще не сошел с ума, как сошли с ума все в этом городе.

Через пятнадцать минут пять панцеров остановились перед зданием канцелярии, которое теперь практически не существовало, за исключением подземных бункеров, и тибетский легион сформировался в саду. **¶**Удивление

бригадного фюрера Монке, коменданта канцелярии, не знало границ, когда он смотрел на этот о т р я д азиатских лиц.

//Тибетский легион, специальное формирование 1-й панцердивизии "Лейбштандарте Адольф Гитлер", стоит на страже бункерфюрера!

Хайль Гитлер, мой **бригаденфюрер**! -представился я и громко отдал честь.

Монке с подозрением отнесся к этому подкреплению, о котором у него не было никаких новостей, и подумал о возможном дезертирстве с фронта, но его успокоили, когда я доказал ему, что нашим пунктом назначения была Италия, откуда мы должны бы л и отступить, и я сказал ему, что Гиммлеру сообщили о нашем походе на Берлин.

-А теперь, если позволите, я должен выполнить задание, которое мне поручила Секретная служба, - попросил я.

-Что касается меня, то исполняйте свой долг, **бригаденфюрер**. Больше здесь делать нечего, - мрачно сказал он.

Было 10 часов утра. Я слышал, как Отто Мейеру сказали, что фюрер отдыхает и что он не сможет с ним встретиться. Героический Мейер пытался увидеть Гитлера перед тем, как отправиться в турне, из которого он, возможно, никогда не вернется. Я попросил его подождать меня немного и навсегда попрощался с Банги, Шривирьей и пятьюдесятью воинами-лоппа из Тибетского легиона. Что можно сказать об этом прощании? Достаточно сказать, что даже спустя 35 лет я ясно вижу их в саду разрушенной канцелярии, поднимающих руки в воинском приветствии, и слышу голос гурки: "Прощай, Шиватулку, не страдай по нам, ибо скоро мы окажемся на другой войне, сражаясь рядом с богами!"

-Грегорштрассе? -повторил Майер вопросительным тоном. ⁶⁷⁶⁸Но это в Гипфельштадте: вам нужно пройти через Бранденбургские ворота и пересечь Тиргартен. Послушайте, Курт, вот уже несколько дней русские пытаются занять Тиргартен, но им не удается прорваться через наши противотанковые батареи. Поэтому они установили и свои батареи. Вывод: никто не может прорваться, потому что там ад перекрестного огня. Но не обольщайтесь: пешком тоже не прорваться, потому что мы заминировали все поля и дороги в зоопарке.

Я бросил на него тоскливый взгляд, и это вызвало у него еще один из его обычных смешков.

-Успокойся, Курт, успокойся, еще не все потеряно. Даже если танцеры не смогут прорваться, это не значит, что **ничего не** случится. Ты слышал о камикадзе? -спросил он, как всегда шутя.

Да: это японские летчики-смертники.

-Ну, мой дорогой товарищ, если вы осмелитесь стать **байкером-камикадзе**, мы сможем переправить вас через Гипфельштадт!

Я начал понимать.

План элементарен, нужен только камикадзе, который его осуществит, - сказал он, улыбаясь.

Я кивнул, подразумевая, что буду играть роль пилота-смертника.

-Тогда говорить больше не о чем. Вы берете эскорт мотоциклов, которые сейчас совершенно бесполезны, и мчитесь по Большому проспекту, пересекаете Бранденбургские ворота и въезжаете в Тиргартен; если повезет, через десять минут вы окажетесь на Грегорштрассе. Конечно, ехать по Тиргартену нужно на большой скорости, более ста километров в час, чтобы русские не смогли настроиться на волну.

⁶⁷ Район Ла-Кумбре.

⁶⁸ Берлинский зоологический сад.

меткости. А пока мы будем развлекать их стрельбой по желанию. Вы согласны?

-Я абсолютно согласен. План действительно самоубийственный, но единственный, который дает мне хоть какой-то шанс, - согласился я.

-Вы хорошо сделали, что сохранили этот русский костюм: он офицерский. Он может пригодиться вам в будущем. Он может пригодиться и вам, ведь там, куда вы направляетесь, нет немцев, только русские. А вы говорите на языке недочеловеков, не так ли?

Я кивнул. Мне больше не хотелось ни разговаривать, ни шутить, я просто хотел отправиться в суицидальное приключение. Я понимал, что все поставлено на карту, и просто хотел уйти.

Отто Мейер понял это именно так, но не переставал шутить до самого конца.

-Прощай, товарищ, - улыбнулся он на прощание, - в следующий раз, когда мы встретимся, ты прокатишь меня на мотоколяске. Ха, ха, ха, ха.

-А ты в карусельном панцире. Ха, ха, ха, ха.

В конце мы оба рассмеялись и попрощались навсегда.

Глава XLII

Я пересек главную аллею Тьергартена, лежа на огненном шаре, несущемся со скоростью более ста километров в час, уворачиваясь от тысяч выбоин на пологом на лунный пейзаж ландшафте с мгновенными рефлексамии. Немецкие батареи, предупрежденные Отто Мейером, открыли огонь, делая вид, что пытаются попасть в меня, что привело русских в замешательство и заставило их сосредоточить огонь на них, позволив мне уйти.

Через десять минут я уже въезжал в Гипфельштадт и ехал на обычной скорости по Грегорштрассе. Я остановился перед домом 239, поднял очки и оглядел обе стороны улицы: ни души. Но самое любопытное заключалось в том, что в отличие от других кварталов, подвергшихся разрушительной бомбардировке, тот, в котором находился дом Конрада Тарштейна, был цел и невредим, словно война не обошла его стороной.

Снова, как в тысячу раз повторенном обряде, я нанес удар, заплесневелое кольцо закрутилось в бронзовом кулаке.

-Да? -пронзительный голос Тарштейна доносился сквозь щель в старой двери.

-Я Курт фон Зюберманн; то есть Люпус, я - Люпус, товарищ Единорог.

Дверь открылась, и Тарштейн, находясь в апогее своего спокойствия, еще раз повторил

больше.

-Входите, я вас ждал. Сейчас 4 часа дня. Вы как раз вовремя, чтобы выпить чашку чая.

Если вас не затруднит перевести английское время на час вперед? -сказал он язвительно.

-Нет, нет. С чаем все будет в порядке. Вы не представляете, через что мне пришлось пройти, чтобы попасть сюда: я буквально пробирался через ущелье с тяжелыми боеприпасами. Я не знал тогда, доберусь ли я сюда; и я

также не знал, что я здесь найду. Можете представить мое удивление, когда я обнаружил, что вы не отступили от своих привычек.

Мой дорогой Люпус, для здоровья такого старика, как я, вредно менять образ жизни на данном этапе, - объяснил он с новой иронией. Идемте,

Пойдемте на кухню, выпьем чаю и надолго забудем о том, что происходит снаружи. Оставьте все на этом диване, кроме седельной сумки с камнем Чингисхана. Ведь именно за ним вы приехали, не так ли? Ты тысячу раз рисковал жизнью, выполняя Черный орден: ты достойный восхищения Курт фон Зюберманн, рыцарь, достойный фюрера, Инициат, достойный богов.

Как и раньше, я вошел в современную кухню и сел за небольшой стол, покрытый белоснежной льняной скатертью. Тарштейн приготовил настой в шанхайском фарфоровом чайнике и наполнил чашки чаем из того же источника. Потягивая его, я наблюдал за тем, как Тарштейн рассматривает камень Чингисхана. Он казался тронутым, что было для него необычно. Наконец он спросил:

-Знаете ли вы, что это такое? Это доказательство того, что у человечества есть возможность, конкретное свидетельство того, что Боги Духа согласились иметь дело с Великими Инициаторами, которые пытались создать Вселенскую Империю. Если бы им это удалось в XIII веке, история человечества была бы совсем другой, и у Врага не было бы шансов создать Вселенскую Синархию в XIV веке: например, Филиппу Справедливому не пришлось бы распускать тамплиеров между 1307 и 1314 годами, так как Фридриху II пришлось бы ликвидировать их, в хорошем смысле этого слова, в 1227 году. И знаете ли вы, почему этого не произошло? Ну, потому что этот камень, который вы принесли, был утерян в течение семи ключевых лет, с 1221 по 1228 год. На самом деле он был не потерян, а утерян из-за провала имперских планов. Увы, Люпус: если бы этот камень вовремя попал к императору Фридриху II, возможно, мой род, дом Тарсисов, не был бы истреблен в 1268 году!

Я, конечно, мало что понимал во всем этом. Только теперь, после прочтения письма Белисены Вильки, слова Тарштейна приобрели свой истинный и драматический смысл. В тот момент Конрад Тарштейн, должно быть, заметил недоумение на моем лице, потому что он попытался другими словами разъяснить смысл этой невероятной реликвии.

-Вы помните историю императора Фридриха II Гогенштауфена? - бодро спросил он.

-Да. То есть я помню некоторые важные факты, - нерешительно ответила я.

-Ну, это очень важный факт. Это очень важный факт. Вы помните, что случилось с вашей клятвой крестоносца?

О, да, - подтвердил я, довольный тем, что не был совсем уж невежественным. Полагаю, Фридрих II был коронован в Аахене в 1214 году и там же дал Иннокентию III роковую клятву предпринять крестовый поход в Святую землю; по разным причинам он не выполнил это обещание до 1228 года, что стоило ему бесчисленных осложнений с папами, приведших к отлучению от церкви и войнам.

-Даты верны, Люпус. То, чего вы точно не знаете, потому что до сих пор это оставалось тайной и было достоянием лишь некоторых тайных обществ, - это **истинная** причина, по которой Фридрих II отложил свое путешествие в Палестину. **А причина эта такова: камень Чингисхана.** С 1221 года Фридрих II ждал прибытия монгольского Посвященного, который должен был стать носителем письменного договора между Императором Востока и Императором Запада: этот Посвященный так и не прибыл на Сицилию, и

причиной тому стало его убийство во франкской Сирии по приказу католических друидов. Когда Фридрих II наконец решил отправиться на Ближний Восток, он сделал это с целью спасти камень Чингисхана, который находился во владениях владыки Бейрута. Но заключать договор было уже поздно.

метафизический, чтобы подчинить Мировой Порядок Вселенской Империи: Чингисхан умер в 1227 году, а его преемники, не являвшиеся Инициатами, быстро попали в руки Жрецов Белого Братства.

Стоит знать историю во всех ее подробностях, ибо сейчас, 700 лет спустя, вновь представилась возможность воздвигнуть Вселенскую Империю. И, как и тогда, настоящая борьба идет в плоскости Великих Инициаторов и Высоких Доктрин: Вселенская Империя против Вселенской Синархии; Гиперборейская Мудрость против Иудейской Культуры; пакт Фюрера с Верными Богами Агарты против пакта горстки ничтожеств - Черчилля, Рузвельта, Сталина, Де Голля и т. д. - с Богами-предателями Чанг Шамбалы. Огромная резня сражающихся масс впечатляет, но она не важна перед лицом противостояния Инициатов и Богов. Этот камень, который вы нашли в замке Фридриха II, был договором Императоров с Богами Агарты, который должен был сделать возможной реализацию Вселенской Империи в XIII веке. Фредерик II спрятал его у Гиперборейских Инициаторов, экспертов по строительству литавр, с указанием, что найти его должен только будущий Вселенский Император. Этот камень, как вы понимаете, принадлежит Фюреру.

-Тогда надо было отдать ему лично, когда я проходил мимо бункера несколько часов назад, - глупо размышлял я.

-Нет, Люпус! Этот камень будет доставлен Фюреру в антарктический оазис, где он сейчас и находится. Фюрер в бункере, вероятно, уже мертв.

Я не понимаю, - признался я, зная, что мои слова вызовут раздражение у Конрада Тарштейна.

-Ну, вы должны понять! -Он вскричал с предсказуемым гневом: -В конце концов, ты тоже **тулку!** У тулку, мой дорогой Люпус, есть несколько тел. И никто не знает, сколько их и где. Как вам правильно сказали в Тибете, в Третьем рейхе существует странное явление, что есть много "реинкарнированных богов"; **много Тулку**, Курт фон Зюберманн. Фюрер - тулку, и нет ничего странного в том, что он умирает в Берлине и в то же время живет в Антарктиде. Этому Фюреру, могучему и сильному, каким он был в возрасте двадцати пяти или тридцати лет, мы пошлем Камень Кровавого Договора с Агартой.

Он был сильнее меня, и мне пришлось вмешаться:

-Но осознавал ли Фюрер, что обладает такой необычной властью?

-Знаете ли вы, "Шиватулку", где происходят ваши другие, необходимые, существования?

-Конечно, нет.

-Ибо в этом кроется ответ, который вы ищете. Если вы, то есть вы, не в состоянии ответить, как вы хотите, чтобы я узнал процесс тулку?

Но я дам вам одну идею, - уступил он. Вот как я представляю себе процесс тулкусов: особый случай **метаморфоза**. Давайте установим аналогию между тулкусами и лепидоптерообразными насекомыми и предположим, что **вся жизнь особи тулкуса, такой как Фюрер, вы или Рудольф Гесс, аналогична жизни лепидоптерообразной бабочки**. Давайте также предположим, что существует набор личинок-близнецов, которые, по закону, присущему тулку, остаются в спящем состоянии, пока бабочка развивает свою активную жизнь. И, наконец, предположим, что особые законы тулкусов

определить, что когда бабочка умирает, одна из личинок автоматически возобновляет процесс метаморфозы и превращается в куколку, порождая новую активную жизнь **и новую реальность**. Конечно, поскольку личиночная жизнь - это скрытая жизнь, а активная жизнь бабочек и тулкусов - это **реальная жизнь: поэтому реальность жизни - это жизнь бабочек-тулкусов; личинки-тулкусы живут в плоскости существования, которое не реально, но возможно: такое существование не имеет той же степени, что и то, которое демонстрируют бабочки-тулкусы. Только если Тулку-бабочка умирает или если действует закон Тулкуса, требующий существования двух или более Тулку-бабочек, Тулку-лярва становится реальной**. Но, мой дорогой Люпус, кто знает законы Тулкуса? Кто знает, сколько Тулку-людей может существовать в личиночном состоянии? Обычный человек может принять только одно решение в данном времени и пространстве: если альтернатив две, он должен без колебаний сказать: "Я сделаю это" или "Я сделаю то". Тулку, с другой стороны, **может выбрать для реализации обе возможности, хотя для этого ему логически необходимо иметь в своем распоряжении две одновременные реальности**. Тулку может, например, сказать: **"Я останусь в Берлине и умру там, если Третий рейх проиграет войну"**, а также сказать: **"Я отступлю в антарктические оазисы вместе с элитой, чтобы подготовиться к последней битве против Вселенской Синархии"**, и **выполнить оба заявления**. Для обычного человека выполнить оба предложения было бы невозможно, но для **фюрертулка** это вполне возможно.

Конечно, Люпус, что две или три реальности Тулку **будут иметь только совпадать в самом Тулку, в контексте, который придает ему смысл и который он обозначает**. За пределами тулку реальности живых тулку могут не совпадать, время может сжиматься или расширяться, вещи могут смещаться, история может противоречить сама себе. То, что находится в реальности живого Тулку, то есть реального, образцового Тулку, Тулку-бабочки, за пределами Тулку, **может не находиться в реальности другого реального Тулку, но отличаться от первого; или, наоборот, оно может быть очень хорошо в его контексте**. Я поясняю это, чтобы предупредить вас, что отныне **сторонники Гиперборейской Мудрости должны будут определить, к какой реальности они относятся: к реальности ли мертвого Фюрера в бункере Канцелярии в Берлине или к реальности живого Фюрера, вечно молодого в своем Магическом убежище, где он ожидает исторических времен Последней Битвы**. И я ожидаю, что отныне те, кто предпочтет жить в первой реальности, будут считаться предателями, независимо от того, насколько сильно они провозглашают себя "национал-социалистами" или "нацистами".

Сверкнув глазами, Конрад Тарштейн сделал секундную паузу, чтобы налить себе еще чаю.

-Рудольф Гесс? ?

-Да, Рудольф Гесс тоже тулку, и именно поэтому он сейчас находится с фюрером в Тайном убежище: он такой, каким вы его знаете; он ничуть не изменился. А поскольку он тулку, он может быть с фюрером и **при этом оставаться в плену у англичан**.

Но оставим на время Тулкуса и вернемся к Камню Чингисхана. Я уже

говорил вам, что стоит узнать эту историю в деталях. Вы нашли его и заслуживаете того, чтобы знать эту историю лучше, чем кто-либо другой, даже если сейчас не самый подходящий случай для ее рассказа. Однако я вкратце изложу ее вам, будьте внимательны:

В Монголии, в пустыне Гоби, есть место, которое Гиперборейская Мудрость называет **"Тарские Врата"**, напрямую сообщающиеся с Королевством Агарта. Во времена Чингисхана и Фридриха II Преданные Сиддхи одобрили план Гиперборейских Инициаторов, известный как **Стратегия Тура**, по основанию Вселенской Империи на Земле: Избранным на Востоке для этого был принц Темуджин, который получил Гиперборейское посвящение в юности от Сиддхов, пришедших из Тарских Врат. Помните, что отец Темуджина, Есугей, был отравлен татарами до смерти, когда юному принцу было всего 9 лет, и с тех пор до совершеннолетия он влачил жалкое существование с матерью и братьями в пустынных землях Верхнего Онона. Как и все Великие Избранники Истории, именно в этот период сиддхи наставляли и посвящали его.

Согласно местной традиции, Великими Предками монголов были Серый Волк и Косуля, что означает, что их Предки не были людьми, или, другими словами, что они были Богами. В священной пещере Эркен-Кон Серый волк взял в жены козулю, пришедшую из окрестностей Байкала. Впоследствии изначальная пара переселилась на священную гору Бурган-Калдун, нынешний Кентей, бывшую обитель **Кёк-Кева**, Бога Бесконечности.

⁶⁹Если его великие предки были богами, то его ближайшие родственники были не менее могущественны: его дед - Кабул-хан, первый организатор монгольских племен и военный завоеватель, а его отец, Есугей, получив прозвище Баатур, то есть "Храбрый". Его мать Хёлюн родила его в "год свиньи" 1167 года, то есть он был на 27 лет старше Фридриха II, родившегося в 1194 году.

Его **Чистота Крови** была столь высока, что он стал достоин **изображения** Знака Происхождения, высшей гиперборейской награды тринадцатого века после Граля, который был доверен окситанским катарам. Вот почему, когда в 1206 году в Каракоруме собрался Съезд монгольских вождей и царей и избрал его Ханом, Темуджин с гордостью показал знак, который дал ему победу над врагами и позволил достичь единства его Расы: этот знак, который он носил на своей кольчуге и знамени, был не чем иным, как **леворожденной свастикой**, той самой, которую семьсот лет спустя будет носить в самых славных деяниях другой гиперборейский народ, но на этот раз Белой Расы.

На Чингисхана была возложена историческая миссия, которую он выполнил во всех ее аспектах, так что его вряд ли можно винить в провале стратегии "Тир". Напротив, этот провал обусловлен почти исключительно превосходным контрастоплением, развязанным на Западе силами противника, действовавшими под прикрытием католической церкви. Эта историческая миссия заключалась в том, чтобы основать Великое Монгольское Королевство на Востоке, охватывающее всю Северную и Центральную Азию, **одновременно** с возвышением Великого Белого Королевства на Западе.

Когда основание этих королевств будет завершено, настанет время скрепить пактом создание Вселенской империи, в которой монголы будут подчинены истинному королю Белого мира и где желтые массы оставят за собой право продвигаться на запад, а менее многочисленная, но более культурная белая Элита будет продвигаться на восток. Там, в Монголии, Короне Земли, будет процветать

⁶⁹ Хан, от la'an: император.

гиперборейская цивилизация, невиданная со времен Атлантиды. Таковы, вкратце, предполагаемые цели Стратегии Тира.

Сейчас я покажу тебе, Люпус, как Чингисхан играет свою роль в стратегии Тира. В 1206 году он объединяет все монгольские племена и начинает завоевание Китая, а в 1215 году, захватив Пекин, достигает восточной границы Азии. С этого момента оставалось только установить контакт с "королем Запада". Но кто этот король? Как его можно признать, если на Западе, далеко не едином, существует запутанная феодальная организация? Я напоминаю тебе, Люпус, что, согласно Гиперборейской Мудрости, **эффекты Кали-Юги не одинаково интенсивны во всех географических точках**; напротив, существует **Трасса Кали-Юги**, которая спиралью огибает сферическую поверхность Земли и на которой Кали-Юга "более интенсивна" или более актуальна. Эта зона является ориентируемой, а в рассматриваемом нами регионе - ориентируемой "с Востока на Запад", т. е. эффекты Кали-Юги более интенсивны на Западе, чем на Востоке: **движение на Восток усиливает "духовность", а движение на Запад - "материализм" Кали-Юги**. Именно на основании этих принципов Тарские ворота в пустыне Гоби также называют "Центром меньшей интенсивности Кали-юги".

Чтобы поставить себя перед дилеммой Чингисхана, нужно учесть, что "Царь Запада" должен быть "Великим" силой Духа, каким был Тэмуджин, и задуматься о том, как трудно **смотреть** из Восточной Азии на Запад Запада. Чингисхан **"на западе" "видел"** только духовную тьму... и царства. Много царств, но нет "Великого царства". Царство персов, которое вскоре должно было пасть, царство византийских греков, которое едва сопротивлялось арабской и турецкой осаде: очень маленькое и слабое царство, с царями без инициативы, которые любили называть себя "императорами". Славянские королевства русских и поляков даже не могли мечтать о том, чтобы занять лидирующее положение среди народов Запада, и, напротив, стали бы легкой добычей Золотой Орды. По этой же причине можно исключить Армению, Грузию, Болгарию, Венгрию и т. д.

Оставались германские королевства Европы, несомненно, самые сильные, но там, согласно видению Чингисхана, царила абсолютная тьма. Если Великий Царь находился там, необходимо было отличить его по внешним признакам, а для этого нужно было располагать достаточной информацией. С этой целью к нему приводили многих путешественников, купцов или религиозных деятелей, и он сурово расспрашивал их, но безрезультатно. Но из их рассказов он узнал, что на самом деле существовало два великих христианских королевства: франкское и романо-германское. Франкское королевство было тем, которое в течение столетия вело эту абсурдную войну с арабами, в ходе которой они захватили Сирию и Палестину.

Чингисхан решил обратиться к франкскому и германскому королям, но оставалось еще одно сомнение: оба короля утверждали, что они "христиане" и слуги первосвященника по имени Папа; не был ли этот Папа истинным королем мира? Чтобы поставить мнение о христианстве и Папе, он послал за несторианскими священниками из Армении и несколькими греческими православными, которые были рабами в Пекине; от них он узнал и с т о р ю Иисуса Христа и узнал, что Папа был не воином, а пастырем, что он не убивал,

а приказывал убивать, и что он не ездил со своим народом во время войн, а оставался всю свою жизнь в безопасных и отдаленных монастырях. Ү

С гримасой отвращения Чингисхан отверг Папу как достойного духовного авторитета, с которым он мог бы иметь дело.

Еще до 1220 года Чингисхан знал, что из двух королей - франкского и германского - его планам соответствует обращение к последнему. Это убеждение он получил, оценив религиозную информацию, предоставленную ему одним из его многочисленных эзотерических доверенных лиц.⁷⁰ Но здесь стоит сделать уточнение: при жизни Чингисхана его окружали три религии, которым он уделял особое внимание: несторианское христианство, персидское манихейство и, прежде всего, даосизм. Религию Конфуция он отверг как реакционную, а в буддизме сразу распознал систему, основанную на Калачакре из Чанг-Шамбалы, от которой его рано предостерегли его гиперборейские наставники.

Однажды манихейский священник сообщил ему, что "за пределами королевства франков, в вотчинах короля Арагона, который сам является вассалом германского короля, существует могущественная манихейская община, которой ангелы передали на хранение каменный сосуд не от мира сего". Эта новость потрясла Чингисхана, как и известие о том, что войска короля франков с благословения папы римского занимаются истреблением тех манихеев на Западе, которых называют "катарами", то есть "чистыми". Целый "манихейский путь" позволил этим новостям достичь Азии: из Лангедока в Италию, к миланским общинам катаров и богомилов; оттуда в Болгарию, центр богомильского манихейства; а с Балкан богомилы и миссионеры-павликиане донесли эту весть до Армении и Ирана.

Катары считали, что материальный мир был создан Иеговой-Сатаной с помощью двора демонов; они верили в истинного Бога, который был непознаваем из-за состояния духовной нечистоты, которое влечет за собой воплощение; они верили в Христа-Свет, которого они называли Люцибелем, и в Параклита или Святого Духа, агента, абсолютно трансцендентного по отношению к материальной сфере. В соответствии с этими убеждениями они отвергали Ветхий Завет Библии как повествующий о сотворении мира Иеговой-Сатаной, злым Демидургом, и не упоминающий истинного Бога; из Нового Завета они принимали только Евангелие от Иоанна и Апокалипсис. Римскую церковь они считали "синагогой сатаны", прибежищем демонов и их слуг, в котором не сияет ни лучика духовного света.

Конечно, если верующие в столь ясное учение были приговорены к смерти Папой Римским и подавлены до полного истребления войсками франкского короля, не могло быть никаких сомнений в том, что последние сами являются с т о р о н н и к а м и демидурга Иеговы Сатаны. Но из Монголии все выглядело не так однозначно; действительно, было подозрительно, что франкский король Филипп Август не был лично вовлечен в резню катаров и, что еще более поразительно, что вся Франция была поставлена под вопрос в 1200-1213 годах Иннокентием III из-за сожительства короля с любовницей. Кто же из королей, германский или франкский, был, в конце концов, союзником, упомянутым сиддхами?

⁷⁰ Манихейство, которое в XIII веке успело распространиться вплоть до Китая, пользовалось уважением Чингисхана, но не его преемников, которые вели с ним ожесточенную борьбу вплоть до его исчезновения; даосизм впоследствии подвергался таким же гонениям.

Видя, что Запад погружен во тьму Калы-юги, Чингисхан решил отправить трех послов - к Иннокентию III, Филиппу Августу и Фридриху II - с миссией наладить дипломатические отношения и поручил им незаметно прозондировать вопрос о союзе между Востоком и Западом. Он сделал это, чтобы выиграть время, пока другие его посланники отправятся в "центр меньшей интенсивности", чтобы получить желаемые ответы.

К 1220 году Чингисхан знал, что сделка должна быть заключена с германским королем. Но такой договор, который был бы не политическим, а духовным и заключался бы сразу в нескольких мирах, требовал большей уверенности, чем простое человеческое убеждение: в 1221 году даосский мудрец Чиу Чучи вернулся через два года из экспедиции в "центр меньшей интенсивности". В лагере монголов на берегу реки Голд мудрец рассказал Чингисхану о своем невероятном приключении: Сиддхи уполномочили его посетить царство Агарта; ведомые таинственными монгольскими посвященными, они прошли сотни миль по пустыне Гоби, требовал совершенной безлюдности и бесплодного места, где, казалось, не было ни малейших признаков растительной или животной жизни; в таком месте, видимо, посреди пустыни, монахи решили разбить лагерь, и, хотя это казалось самоубийством, китайский мудрец не посмел им возразить; Они оставались там несколько дней, и он потерял счет их количеству, пока однажды ночью, когда он крепко спал, пытаясь восстановить силы, которые днем безжалостно отнимало у него палящее солнце, его грубо разбудили; не выходя из оцепенения, монахи, которых сопровождали неизвестно откуда взявшиеся страшные воины, предложили ему пойти с ними в пустыню в определенном направлении; Но далеко они не ушли, потому что совсем недалеко от лагеря, в месте, которое он часто наблюдал в те дни, где **не было ничего, кроме песка**, из земли поднималось белесое сияние; ночь была ясная, луна проливая потоки серебристого света на извилистую поверхность пустыни; Однако, и это мудрец Шантунга повторял много раз, когда он подошел к нему на расстояние нескольких шагов, **свет, струившийся из-под земли, был в сто раз интенсивнее лунного**, настолько, что из-за его ослепительного сияния невозможно было различить, что или кто его производит; Пошатываясь, он остановился рядом с источником света, и лишь через несколько секунд, когда глаза привыкли к нему, увидел на полу очертания идеального прямоугольника, в котором была вырублена тяжелая каменная плита; свет исходил из этого отверстия, которое вело прямо к спускающейся лестнице, ступени которой быстро терялись из виду в глубине земли.

Несмотря на фантастичность истории, Чингисхан принял ее без колебаний.

потому что мудрец Чиу Чучи заслуживал его полного доверия, и главным образом **потому, что его миссия была успешной**: он принес с собой **послание от сиддхов**, и его сопровождал **житель Агарты**, чтобы истолковать это послание монгольскому хану. По словам Чиу Чучи, спустившись на невероятную глубину в эту пустынную ловушку, они добрались до прекрасно освещенного горизонтального туннеля, где сели на "колесницу, быстро передвигающуюся без колес и лошадей", которая через несколько минут привела их в "Город Во-Танга, Владыки Войны", где "несмотря на то, что он находится под землей, можно увидеть небо и звезды". В Агарте "сам повелитель войны" принял Чиу Чучи, который, по его словам, "ждал, чтобы передать ему **волшебную формулу, дающую власть над людьми**". Такая

формула, пояснил Во Танг, *уже*

была известна Чингисхану еще со времен его гиперборейского посвящения. Новизна заключалась в том, что формула **"была наделена новым, более интенсивным светом, так что ее можно было прочесть даже в самой непроницаемой темноте"**.

В синтезе: Во-Танг подарил Чиу Чучи зеленый камень, похожий на нефрит, на котором были вырезаны две параллельные колонны из тринадцати знаков, потому что, объяснил Во-Танг, и язык вигуров, на котором говорил Чингисхан, и язык Великого Царя Запада, которому предназначался камень, происходят от древнего священного языка под названием **"H"**, то есть **eta**.⁷¹ Камень был единственным **"pactio verborum"**, ибо при прочтении каждым из королей, монгольским и западным, написанной формулы, скреплялся метафизический договор, включающий не тело и материальные блага, а Дух Народов, и обязывающий Владыку Войны и его армию Ангелов вступить в поединок. Такой договор, несомненно, был в тысячу раз могущественнее и прочнее, чем слабые и сомнительные союзы людей. Чтобы охранять камень и следить за тем, чтобы формула была произнесена с должным ритуалом, один из этих странных обитателей Агарты, с монгольскими чертами лица и румяной кожей, должен был сопровождать Чиу-Чучи в лагерь Чингис-хана.

В 1221 году, когда Чингисхан произнес тринадцать слов в нужном порядке и в нужное время, его роль в стратегии Тира была окончательно завершена; с этого момента все зависело от белых рас Запада: если они были достаточно чисты, то без колебаний последовали бы за Вселенским Императором из своего рода, **как только он произнес бы тринадцать слов**, которые также были тринадцатью Рунами. Уже год назад, во время возвращения Чиу Чучи из пустыни Гоби, посланцы хана отправились в далекую Сицилию, чтобы сообщить германскому императору о будущем прибытии Инициата, который должен был принести послание "из другого мира". И в течение последующих лет, с 1222 по 1228 год, этого посланника тщетно ждали на Западе, что не раз откладывало крестовый поход, который германский император должен был предпринять в Святую землю, и в конце концов привело к его отлучению от церкви.

Что случилось с гонцом и Камнем? Четыре года Фридрих II бесплодно ждал его прибытия, но "татарин" был поглощен землей. Прекрасные берберские ясновидящие, которых император держал при своем дворе в Палермо, не раз сообщали ему, что посланник хана "арестован в Святой земле", но Фридрих II отказывался верить таким предзнаменованиям, приписывая их скорее антипатии, которую франки вызывали у сарацинов. Однако он воспользовался своим недавним вдовством и в 1225 году женился на Изабелле Бриеннской, дочери Иоанна Бриеннского, франкского короля Иерусалима. Елизавета принесла в качестве приданого Иерусалимское королевство, но Фредерика II эта корона интересовала меньше, чем местонахождение камня Чингисхана. Через жену ему удалось выяснить: его дядя, Иоанн и Филипп Ибелинские, подстрекаемые папским легатом, захватили Посланника и его Послание. Но для стратегии Тира было уже слишком поздно: Фридрих II узнал правду только в 1227 году, в год смерти Чингисхана, и то после того, как пригрозил Елизавете отречением.

⁷¹ Pactio verborum: согласованная формула; условия соглашения.

Полный решимости найти камень, он отправился в Святую землю, но не успел быть отлученным от церкви папой Григорием IX. В том же году несчастная королева Изабелла умерла при родах, родив будущего короля Конрадина IV, впоследствии отца несчастного Конрадина. Узнав, что Иоанн Ибелинский находится на Кипре, он ворвался на остров с 800 тевтонскими рыцарями и захватил его сыновей, Бейлана и Балдуина Ибелинских. Прибыв в лагерь императора для переговоров, Фридрих II потребовал вернуть Камень и посланника Чингисхана, на что Иоанн Ибелинский ответил, что монгол уже давно мертв, а Камень находится в его замке в Бейруте, во франкской Палестине. Тогда Фридрих поставил молодых принцев на дыбу и пригрозил им пытками, если Камень не будет возвращен ему в течение короткого времени, на что владыка Бейрута безоговорочно согласился.

Получив Камень, он смог узнать о корне заговора. Он возник в Ордене Храма: Великий магистр уверил Папу и многих благочестивых франкских рыцарей, что Фридрих II планирует заключить союз с монголами, чтобы склонить мир к своей воле; следующим шагом должно было стать уничтожение католической церкви. Эта информация, хотя и не совсем ложная, была злонамеренной и недоброжелательной, и ее целью было предотвратить заключение такого договора. Но заговор был разработан шестью годами ранее и после смерти Чингисхана уже не подлежал исправлению.

Таким образом, он потерпел поражение в том, что было духовной целью его жизни,

Фридрих II высадился в Святой земле, готовый как можно скорее взять реванш. Парадоксально, но этот император христианских королей столкнулся со всеобщим восстанием франкских владык, разжигаемым орденами тамплиеров и госпитальеров, и при этом пользовался большим уважением у арабов. В течение многих лет Фридрих II переписывался с султаном Египта Маликаль-Камилем, который считал его "величайшим принцем христианства" и "святым". По этому случаю он без колебаний уступил ему три святых города, Иерусалим, Вифлеем и Назарет, которые находились в его владении; в 1229 году был подписан Яффский договор, подтверждающий эту уступку ***при условии, что опека будет возложена на рыцарей Тевтонского ордена.***

Но Фридрих II не довольствовался таким унижением франков: он хотел, чтобы вся Сирия перешла в руки тевтонских рыцарей, и использовал для этого все доступные ему средства, включая обещание, данное султанам, разделить святые места с магометанами; в действительности он позволил мечетям оставаться открытыми в Иерусалиме, как и в других городах, которые он отвоевал. В Иерусалиме он совершил самый раздражающий поступок, когда взял королевскую корону, находившуюся на Гробе Господнем, и короновался сам, водрузив ее на свою голову в присутствии Великого магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца и сотен немецких и сицилийских рыцарей.

Не удовлетворившись этим, он отправился в святого Иоанна Акрского, оплот тамплиеров, и занял его своими войсками. В королевском дворце, который он захватил, поскольку был государем Иерусалима, он устроил большой пир, на который пригласил многочисленных вождей сарацинской армии, и во время которого выставил напоказ десятки христианских проституток, спасенных из тамплиерских борделей. Эта инициатива показала лицемерие франкских рыцарей, которые, с одной стороны, провозглашали целомудрие и даже практиковали содомию, а с другой стороны

Крещеные женщины подвергались всевозможным искушениям и грехам. Такая грубая реальность шокировала даже не слишком добродетельных сарацинов, и престиж тамплиеров упал как никогда.

Конечно, целью императора было заставить тамплиеров потерять терпение и дать ему повод сразиться с ними. И его тактика сработала, потому что они попытались убить его, а он в ответ напал на Дом Храма и замок Шатель-Пелерин. И если они не были все истреблены под гнетом Фридриха II, который не замедлил призвать на помощь арабов, то это произошло потому, что он получил удар в спину, узнав, что его тесть Иоанн Бриеннский вторгся в Сицилию по приказу папы Григория IX, а его сын Генрих II, король Германии, предал его, поддержав гвельфов. Эти плохие новости заставили его вернуться на Сицилию, где он, имея гораздо более сильные войска, разбил Папу и заставил его снять отлучение от церкви, а затем отправился в Германию, где сверг Генриха и заменил его младенцем Конрадом IV.

В последующие годы он приказал гиперборейским Инициаторам построить замок Короля Мира и закопать в нем Камень, который вы сейчас нашли, Люпус.

Но не забывайте, что Фридрих II был еще и тулку, что в его время было принято всеми, поскольку народ не смирился с его смертью и веками ждал "его возвращения". И куда же, по мнению гибеллинов, отправился император? Не иначе как в царство Престера Иоанна, то есть в царство Чингисхана, великого императора Катая, К'Таагара или Агарты: мифическое царство Катигара, которое, как говорили, находилось "в Китае".

Во времена Фридриха II Великий Хан был также Великим "Каном", то есть Повелителем Псов, Хранителем Небесного Камня, Королем Вселенской Империи "Востока", о чем я говорил вам несколько лет назад, по случаю бегства Рудольфа Гесса в Англию. Когда Фридрих II "уходил" после 1250 года, и особенно во время Междоусобия, сотни трубадуров и менестрелей пели куплеты, повествующие о путешествии Императора в Королевство Престера Иоанна, и проливались слезы и причитания о том, что два Короля наконец-то не "встретились", что привело бы к Новому Порядку Вселенской Империи: "Тем не менее, уверяли в рощах, однажды Фридрих II, неся свой Камень Венеры, *lapist exilis*, встретится с Чингисханом, чтобы основать Всемирную Империю".

В заключение хочу напомнить, что вышеупомянутый союз между Романо-германской и Монгольской империями был открытым секретом в XIII веке, хотя позднее синархическое мракобесие скрыло истину фактов. Но достаточно обратиться к свидетельствам, чтобы узнать правду: как только на Западе стало известно о смерти Чингисхана и положении его преемника, Озгодея, ни о чем другом, кроме как о заключении очередного союза, на этот раз благоприятного для синархийских планов, и думать не стали. За этим, конечно же, стояло Белое братство. В 1245 году папа Иннокентий IV, укrywшийся в Лионе, городе друидов, спасаясь от Фридриха II, провозгласил Генеральный собор, чтобы отлучить его от церкви и лишить императорской инвеституры: Это был знаменитый Лионский собор, своего рода "Базельский конгресс" того времени, то есть подобный тому, который равнины провели в 1897 году и о котором упоминается в "Протоколах Сионских старцев", на котором они обсуждали, как быстрее всего покончить со Швабским домом и установить Вселенскую синархию. Но никто не связывает с

этим тот ф а к т , что на том Соборе, созванном исключительно для обсуждения этого вопроса, Фридрих II,

Папа Иннокентий IV предложил отправить посольство к монгольскому императору: от Лионского собора исходили директивы, которым следовали францисканский монах Иоанн из План-Карпина и монахи Бенедикт из Польши и Стефан из Венгрии, которые в 1246 году прибыли в Монголию, пройдя через Россию. И если синархический контрсююз тогда не состоялся, то лишь потому, что Оегодей умер, а Гуюка, его преемника, совсем не убедили письма Папы, о которых предупреждал его дед Чингисхан.

Позже Святой Престол отправит монаха Асцелина с той же миссией, чтобы убедить монголов в преимуществах Синархии, а сам Людовик Святой отправит рыцарей в Монголию, но только для того, чтобы попросить помощи против арабов: среди представителей Людовика были Андре де Лонжюмо и монах Вильгельм из Рубрука. Они отправились в 1253 году и достигли Каракорума по Черноморскому пути, но потерпели неудачу, поскольку в то время правил Монгка-хан, которого Сартак, правнук Чингисхана и христианин-несториянин, советовал против Римского папы.

Папа Николай IV под давлением ордена проповедников отправляет в Багдад доминиканца Рикольда де Монте-Круа, который заключает плодотворную сделку с монголами и добивается основания монастыря в Марге. В результате этого посольства турецкий епископ Рабан Кома отправился в Париж от имени монгольского царя Персии Аргуна. В то время во Франции правил внук Людовика Святого, Филипп Справедливый, ярый гибеллинец и сторонник Вселенской империи, поэтому на этот раз союз имел все шансы на успех. Однако, несмотря на поддержание постоянной дипломатической связи с Монголией, Филиппу Справедливому не удалось реализовать этот проект из-за падения в 1291 г. церкви Святого Иоанна Акрского от рук мамлюков султана Аль-Ахрафа, который привел тамплиеров в Европу. Филипп Справедливый хотел стать вселенским императором, как Фридрих II Швабский, но это было бы возможно, только если бы он сначала покончил с властью тамплиеров и пап; ужасные столкновения с Бонифацием VIII и чрезвычайно сложная задача по демонтажу инфраструктуры Ордена Храма не давали ему покоя до самой смерти. Возможно, исторические возможности Фридриха II еще сохранялись во времена Филиппа Красивого, но ему не хватало материального времени, чтобы укрепиться в Европе и объединиться с духовными силами Азии.

Короче говоря, Люпус, все это доказывает, что было большое движение. Эзотерическое приключение между Европой и Монголией-Китаем было задолго до широко разрекламированного и растиражированного приключения венецианских торговцев Поло в XIV веке: их приключение было лишь выгодным материалистическим приключением, лишенным какого-либо трансцендентного содержания, и, несомненно, именно поэтому оно поставлено на первое место. Привычные обскурантистские методы используются для того, чтобы игнорировать то, что не хочется принимать за реальность, отрицать или не отвечать на тревожный вопрос о военной мощи монголов: их тактическое превосходство, неизменно сметавшее средневековые формирования, неоспоримо, но нанесло европейцам коллективную травму. Откуда может взяться превосходство в стратегии, если не из Духа, ясного Разума и беспредельного Мужества? Если бы монголы были такими варварами, какими их выставляют, они бы никогда не вышли за Урал. Но и про нас скажут, что мы были варварами и ели человеческую плоть;

или кто знает, какие еще варварства. Не забывайте, что мы действовали так же, как монголы Ч и н г и с х а н а , и против самого Врага, и

Даже наша лучшая тактика, **блицкриг**, вдохновлена быстрым и точным движением монгольской орды.

Подожди минутку, Люпус, я схожу за тем, что приготовил для тебя.

Только что проведенный Тарштейном мастер-класс заставил меня забыть о войне, о неминуемом военном поражении Третьего рейха и даже о той черной реальности, что я не знал, что мне делать дальше: идти ли умирать в бункер, как героически решил Тибетский легион, или бежать на встречу неопределенной судьбе в Мир без Третьего рейха, то есть в синархический Мир. Я даже не хотел рассматривать последнюю возможность. Вместо этого я лелеял тайную надежду, что посвященные Чёрного ордена решили взять меня с собой в антарктическое убежище фюрера: разве я не сделал достаточно, чтобы заслужить такое отличие? Кроме того, там же находился Рудольф Гесс, мой защитник, - неужели он не одобрит моего присутствия? Я не до конца понимал таинственный бизнес Тулкусов и их способность обладать несколькими телами. Я уже говорил вам, Неффе, что ощущал себя единой личностью, и это восприятие не менялось до сегодняшнего дня, и тогда я не видел, какая может быть проблема в том, чтобы к Тулку, готовящемуся к Последней Битве, присоединился еще один Тулку.

Прежде чем я продолжу рассказ о том, что произошло в тот день, последний день моего пребывания там, на Грегорштрассе, 239, я хочу обратить ваше внимание на то, что информация, предоставленная Тарштейном о Фридрихе II, делает совершенно понятными слова Белисены Вильки, написанные на Девятнадцатый день его Письма: там он говорит, что "причины (враждебности Фридриха II к Голенской Церкви) были две: положительная реакция Наследства его Чистой Крови **благодаря исторической близости Граля**, концепцию которой я сейчас объясню; **и влияние некоторых Гиперборейских Инициатов, которых сам Фридрих II привез к своему двору в Палермо из далеких стран Азии, и историю которых я не могу прекратить излагать в этом письме**".

//Вы принесли нечто очень ценное для фюрера и сегодняшнего дня, - начал Тарштейн, протягивая мне кожаный футляр с серебряной фурнитурой и замком-ключом, - а я награжу вас чем-то несравненно меньшим, но не менее ценным для меня. //Возьми, Люпус, Курт, мою неопубликованную книгу "Тайная история Тулегезельшафта": в ней изложена история последних 630 лет германской ветви Дома Тарсиса и содержатся свидетельства ее выдающегося вмешательства в основание средневекового Ордена эйнхериев, которому предстояло просуществовать несколько столетий и дать начало в двадцатом веке Тулегезельшафту, а затем Черному Ордену. Я отдаю ее вам, потому что советовался с сиддхами, и они сказали мне, что вам суждено узнать все тайны моего Стирпа: возможно, вам будет дано узнать то, чего не удалось достичь даже мне, - проследить тысячелетнюю историю Дома Тарсиса и раскрыть миссию, возложенную на вас вашими Великими Предками.

Он понимал, что для Тарштейна эта отстраненность была очень важна, Но я также понимал, что он тонко отстраняется от меня, и именно этого я боялся. Мне было жаль, что Тарштейн так чувствителен, но я должен был в се прояснить. Я взял книгу и проигнорировал его речь.

Вы говорите так, будто мы никогда больше не встретимся, но в то же время так, будто я проживу достаточно долго, чтобы прочитать эту книгу", - сурово сказал я.

Тарштейн не растерялся и решил ответить на мои разглагольствования иронично, но с той же резкостью.

-Очень пронизательно, Люпус! Но мы действительно больше не встретимся в этой жизни, хотя вскоре воссоединимся в Последней битве: такова неоднозначность судьбы Тулкусов! Мне было очень трудно донести это до вас, поверьте, но я рад, что вы поняли суть. **Теперь я скажу вам откровенно, как обстоят дела: *вы по-прежнему офицер и должны выполнять приказы, как и все остальные.* А приказ у вас такой: *немедленно бежать из Германии и скрываться в Аргентинской Республике, где живет ваша сестра.***

Нет!" - крикнул я, прерывая директивы.

Вы не можете так со мной поступить. До сих пор я делал все, что мне приказывали, со всей преданностью и мужеством, на которые был способен, но эти приказы чрезмерны. Я в тысячу раз предпочел бы умереть, чем выжить в мире, где господствуют евреи. Это не недостаток мужества, не нелояльность, это отвращение, товарищ Тарштейн, простое отвращение и ужас перед жизнью в мире без чести, где наши знамена нигде не развеваются: с детства в Египте, когда я вступил в гитлерюгенд, я непрерывно дышал Мистикой национал-социализма; никто не готовил нас к этому! Нет, товарищ, мы не созданы для того, чтобы быть побежденными inferнальными силами и выживать под их империей. Еще минуту назад я надеялся, что мне позволят эвакуироваться в убежище фюрера - Тулку, как вы его называете; но теперь вы заморозили меня своим приказом скрываться в Аргентине. **Я был офицером, я был Инициатором, я развил в себе удивительные способности, но теперь я вижу, что был лишь орудием судьбы, игрушкой богов. И знаете, почему я так себя чувствую? Потому что, несмотря на все, что я сделал и сделал, правда в том, что я ничего не понимаю, как и не могу увидеть Знак, который есть я сам и который вы так восхищаетесь. Я прошу вас, товарищ Тарштейн, если я не могу пойти с вами к фюреру, попросите меня умереть, дайте мне разрешение умереть с честью, или пусть меня убьют!**

-Смотри, Курт, ты становишься трудным, и мне придется прервать твою презентацию.

приказываю прояснить несколько моментов. Прежде всего, я уже предупредил вас, что отныне ***приверженцы Гиперборейской Мудрости должны будут определить, к какой реальности они относятся: к реальности мертвого фюрера или к реальности живого фюрера.*** И я предвидел, что тех, кто решит жить в первой реальности, ***Черный Орден*** сочтет предателями. Вы, мой дорогой Курт, выдвигая аргументы в пользу выживания в мире, где Третий рейх потерпел поражение, участвуете в первой реальности. Конечно, я не собираюсь превращать это в силлогизм и делать вывод, что вы предатель, потому что я знаю, что это не так. Только то, что, по сути, вы "не понимаете ситуации", - обвинение, которое, как вы мне сказали, уже было высказано вам другими людьми. **Что ж, я проясню ситуацию так, чтобы у тебя не осталось никаких сомнений: ты не останешься в том мире, который ты себе представляешь, как приговоренный, *но будешь действовать как тайный агент Черного Ордена в фактически еврейском мире; и ты будешь действовать как представитель живого фюрера, как его пятая колонна, как Инициат, внедренный на вражескую территорию, ничем не отличаясь от тех миссий, которые ты выполнял до сих пор. Послушай моего совета, Курт, Люпус, не верь в падение бункера и***

самоубийство фюрера! Только так он сможет выполнить свой приказ.

Во-вторых, и вы должны мне поверить, мы с радостью взяли бы вас в убежище фюрера, но сиддхи говорят, что вы **должны выполнить последнюю миссию**. Как я уже говорил вам много лет назад, вы не просто важны: вы являетесь первоклассной поддержкой для Стратегии фюрера. И Стратегия не может позволить себе обойтись без вас там, где вы должны быть, только потому, что вы страдаете от тошноты и юдофобии. То, о чем мы вас просим, не является для вас невыполнимым, и я знаю, что вы справитесь: Вы нужны им здесь. И именно Верные Боги решают, кто отправится в убежище фюрера, а кто нет: такой отбор совершенно не подвластен воле Инициатов Черного Ордена.

В-третьих, вы ошибочно полагаете, что я тоже отправляюсь в "Хижину фюрера", но я должен повторить то, что сказал в самом начале: "Мы больше не встретимся в этой жизни. Это не значит, что я имею право уехать отсюда: как и вы, я должен оставаться в этом мире, в этом доме в Восточном Берлине, который никогда не будет найден русскими, даже если они разгромят все дома в квартале. *Однако вы не должны приходить ко мне, как и никто другой из Ваффен, кроме вашего дорогого товарища Оскара Файля. Насчет Карла фон Гроссена я скажу тебе, что приказано. Это все, Курт, ты меня понял? Если да, то я продолжу излагать твои приказы.*

-Предположим, пройдут годы, ничего не произойдет, и я послушаюсь и решу прийти к тебе, - перебила я.

-Вы **никогда не найдете этот дом!** Попробуйте, выйдя из дома, пройти несколько кварталов в любом направлении, обойти квартал, сделать все, что вам нравится, а затем вернуться на Грегорштрассе и попытаться найти 239: вы обнаружите, что его не существует, вы найдете другой дом, возможно, разбомбленный. Если вы смогли попасть сюда, то это потому, что я ждал вас, но когда ваше Присутствие не нужно для Стратегии, вы никогда не совпадете со мной и этим домом: **такова сила абсолютного расположения, которой обладают существа, посвященные в Гиперборейскую Стратегию; только существа, совпадение которых стратегически значимо, совпадают в пространстве и времени; и это реальность существующих существ; а другие созданные существа, даже если они связаны друг с другом в пространстве и времени, если они не стратегически значимы, не существуют для Духа, они - майя, иллюзия.** Вы, как Инициат, должны знать это; разве вы забыли, что это война между Духом и Силами Материи?

Но я не прислушался к голосу разума. Конечно, я понимал, что такой гиперборейский понтифик, как Тарштейн, обладает властью помещать себя в другие измерения иллюзорной реальности Майи, в том числе и в дом Тулегезальшафта, и что я никогда не найду его, если он сам этого не захочет. Но я настаивал еще раз.

-А что, если я воспользуюсь собаками дайва, прослежу за вами через измерения и подойду к вам, даже если это будет не на Грегорштрассе, 239?

Тарштейн рассмеялся.

-Он действительно упрям, Курт. Если он воспользуется собаками дайва, то обязательно найдет меня. Точно так же, если он **полетит** с ними к хижине фюрера, они непременно приведут его туда. Но я не хочу преувеличивать, как кто-либо из нас воспримет такое отношение с твоей стороны. Прими это раз и навсегда!

//Вы военный и останетесь им отныне, никто вас не уволит! И как военный вы должны подчиняться приказам, которые я вам сейчас передам и которые вы будете неукоснительно выполнять! Приказы, которые, если вы их не выполните, станут поводом для увольнения.

казнь без суда и следствия или суд чести! Если вы выступите на моей стороне или отправитесь в убежище фюрера, вас ждет казнь без суда и следствия, но, что для посвященного хуже смерти, **вы будете изгнаны из Черного ордена!**
//

Я знаю, что вам тяжело, но вы должны принять это и вести себя как военный человек, как Мудрый Воин. Ранее вы жаловались, что Третий рейх не предписывал вам жить под властью Вселенской Синархии. Это правда. Но если мы и просветили его, то только в различии между Сердцем и эгоистическим Разумом, то есть между разумом Сердца и разумом Я; между эмоциями или чувствами Сердца и чистыми идеями духовного Я. И в Ноологической Этике Гиперборейской Мудрости мы показали ему духовное превосходство "Я" над сердцем, мы научили его господствовать над сердцем с помощью "Я", мы лишили его чувств и выковали для него новое стальное сердце.

Мы вложили камень в его Сердце, Курт! И в обмен на причину Сердца, которая слаба и очаровательна, мы заставили тебя присоединиться к Абсолютной Чести Духа, основе товарищества. Я напоминаю тебе об этих этикологических принципах, потому что, прости за откровенность, нахожу твое отношение пассионарным, продуктом жалкой аффективной связи, боязни отказаться от иллюзорных отношений между гиперборейскими Инициатами, недостатка веры в себя. Правда, суровая правда Курта, заключается в том, что **мы не друзья и никогда ими не будем; мы, однако, товарищи, сторонники мистических идеалов Стратегии Фюрера. И если мы не друзья, а стратегические приказы требуют, чтобы мы больше не виделись в этой жизни, то скажи мне, по какой духовной причине ты хочешь встретиться со мной вне кайроса?**

Я потерял дар речи. Я больше не стал отвечать на этот безответный вопрос, потому что вспомнил свое отношение к операции "Ключ-1", когда, ведомый псами дайва, я стал харизматичным лидером, героем и повел товарищей в ад Долины бессмертных демонов. Какая разная мораль тогда и сейчас. Конечно, война еще не началась, и Третий рейх казался непобедимым в военном отношении. Я прекрасно понимал, что трудно переварить, даже если понимать стратегические мотивы фюрера и разделять их, уничтожение Третьего рейха и возможное создание Вселенской синархии. Не то чтобы мое сердце смягчилось, но война, ее очевидный исход привели меня в замешательство. И из этого смятения сформировалось то нигилистическое отношение, которое я представил к приказам Тарштейна. Тогда я понял, Мудрость Тарштейна заставила меня понять. Поэтому его вопрос так и остался без ответа. Но это не означало, что я откажусь от своего негативного отношения. Как я уже говорил, Неффе, реальность 1945 года было очень трудно переварить, хотя Тарштейн и советовал мне не верить в нее.

Когда ответа не последовало, Конрад Тарштейн без лишних слов продолжил выполнение приказа.

-Ну что ж, Курт, я выполню твой приказ. Первое, что вы сделаете, уехав отсюда, - вернетесь в Италию, в монастырь наших товарищей-францисканцев, где скрывались фон Гроссен и Файль. //Вы трое находитесь в секретном списке, который ведет организация, известная под кодовым названием "Паук". //Эта организация была создана для поддержки членов Ваффен, которые после войны подвергаются преследованиям со стороны евреев. При

общении с ними следует соблюдать осторожность, поскольку они состоят из группы

экзотериков, которые не знают о Черном Ордена почти ничего, кроме новостей из вторых рук. **¶¶**К вашему несчастью, я подтвержу, что 775 Инициатов Черного Ордена и их Инструкторы были или будут эвакуированы из Западной цивилизации, ибо, хотя не все они приняты в Убежище Фюрера, есть другие подходящие убежища, где можно переждать Последнюю Битву: 15 000 Чистокровных детей, продуктов расовых экспериментов Дарре и Розенберга, были переведены в такие места. Вас же просят остаться в этом Мире, и я не знаю ни одного Инициата, получившего такой приказ, хотя не исключаю, что в будущем Инициаты могут быть отправлены на специальные миссии: Боги будут знать, почему они так решили, и Им придется это предъявить. **¶¶**А пока вы должны быть осторожны, очень осторожны, ибо те, кто останется представлять, будут Товарищами без эзотерического обучения Гиперборейской Мудрости, многие из которых не понимали и не поймут истинной Стратегии Фюрера. Обратите внимание, что, хотя Фюрер предлагал сопротивляться до последней капли крови и разрушить Германию до основания, а не позволить ей попасть в руки врага, наш самый ценный человеческий капитал, а именно великие ученые, был оставлен в распоряжении союзников. **¶¶**Мы могли бы казнить их всех, но защитили их и подали на блюдечке союзникам. Почему, спросите вы? Потому что все они получили приказ фюрера раскрыть врагу и стимулировать их строительство секрет самого страшного оружия, какое только может придумать человеческий разум. В различных странах, куда их доставят, они будут способствовать конкуренции изошренных вооружений и разрабатывать невиданные виды оружия, которые будут натравливать друг на друга из-за естественного невежества военных и поставят под угрозу всеобщий синархический союз. Планов, которые они уже разработали для Третьего рейха, достаточно, чтобы приступить к такой тактике. Тактика, которая служит стратегической цели создания определенного состояния мировой напряженности, когда будет объявлена Всеобщая Синархия. **¶¶**Тогда вмешаются Боги; духовные течения человечества, находящиеся в крайнем напряжении из-за постоянной опасности конца цивилизации, отреагируют на иудейский террор, в котором будет утверждена Синархия; и начнется Последняя Битва, во время которой вернутся Фюрер и Вечный.

Вы понимаете эту простую, но сверхсекретную тактику, которая представляет собой

Неизбежная ловушка, в которую попадут союзники, но сколько еще людей поймут это? **¶¶**Вы увидите, как многие так называемые нацисты, и даже бывшие члены, будут утверждать, что наши ученые - предатели. Но они не способны понять стратегию фюрера, а значит, не понимают действий тех, кто действует в стратегических целях. **Они еще меньше поймут вас, если узнают, кто вы такой, дорогой Люпус.**

Ему придется быть осторожным и терпимым к тем товарищам, **которые предпочли реальность мертвого фюрера.** Как только они найдут его, вы отключитесь от них и никогда больше не будете с ними связываться. Это будет элементарный способ предотвратить ненужный риск, ведь у вас и так достаточно страшных врагов: Белое Братство, Бессмертные Бера и Бирса, друиды и евреи, которые будут искать вас, чтобы уничтожить. Как я уже говорил, они будут ждать в Италии, пока не получат ваши аргентинские паспорта и билеты. Паук положит в банки Буэнос-Айреса сумму денег, которая позволит каждому из них без проблем обосноваться в стране;

они должны немедленно снять эти средства, чтобы избежать возможных следов и расследований. Что касается вас, то сиддхи говорят

что он должен искать место, освященное Девой Агарты, неподалеку от своей семьи. Вы сможете встретиться с сестрой, но используйте все формы прикрытия, описанные в Руководстве по секретной службе: это на благо вам обоим; подумайте, что е с л и враг обнаружит вашу сестру, он может попытаться выведать ее местонахождение насильственными методами и даже оказать на вас давление, и что если вы будете хорошо прикрыты, но выдадите сестру, они смогут отомстить ей при отсутствии какой-либо возможности захватить вас, а если вы будете хорошо прикрыты, но выдадите сестру, они смогут отомстить ей при отсутствии какой-либо возможности захватить вас.

Те же меры предосторожности должны быть приняты и при встрече с Оскаром Файлем, который должен жить в месте, удаленном от их дома. Им запрещено вступать в любые коммерческие партнерства, даже через третьих лиц, и заниматься общей деятельностью, которая может случайно свести их вместе. Они будут встречаться только как товарищи, чтобы делиться своими духовными идеалами. Что касается фон Гроссена, то вам придется навсегда распрощаться с ним в Аргентине. С Оскаром Файлем можно будет поддерживать связь, но желательно, чтобы он тоже уехал, так как старый лис не будет стоять на месте и попытается вести свою личную войну против Синархии. Возможно, он станет советником по вопросам разведки и контршпионажа и поставит себя на службу псевдофашистским режимам, к о т о р ы х немало в Южной Америке. Ничего, что могло бы вас устроить.

И наконец: держите собак даивов, но не используйте их, кроме как в случае крайней необходимости. То же самое относится и к вашим инициатическим способностям: будьте бдительны, хорошо обучены, но не действуйте, кроме как в крайних случаях. Таков, вкратце, ваш приказ: *ждать*, выживать, защищать себя и *ждать*!

-Во имя всех богов! воскликнул я, не выдержав: - Чего ждать?

-Я не могу дать вам больше информации, - бесстрастно ответил Тарштейн.

Выполняйте заказы, и вы узнаете!

Он пожал мне руку и, как будто этого было недостаточно, обнял меня.

- П р о щ а й, Курт фон Зюберманн. // Будьте уверены, что ваш вклад в дело Черного ордена был неocenим. Третий рейх наградил вас Железным крестом, но Орден однажды наградит вас еще более ценным знаком отличия, который вы заслуженно получили. Повторяю: скоро мы встретимся снова, во время Последней битвы, даже если больше не встретимся в этой жизни.

Мы стояли у двери. Я вышел и держал в руках бесполезный мотоцикл, слыша, как Конрад Тарштейн произносит почти те же слова, что и гурка Банги. Мне хотелось плакать от бессилия перед лицом этого абсурда: все либо умирали, либо уходили. Только я, немой свидетель страшной и тайной реальности, должен был остаться в аду. И сам не зная почему.

-Хайль Гитлер! -прокричал я в знак приветствия, когда дверь на Грегорштрассе 239 закрылась за мной навсегда.

Я завел мотоцикл и, уворачиваясь от осколков, объехал квартал. Не успел я проехать и третий квартал, как кто-то выстрелил в меня с террасы. Пуля перебила вилку, и переднее колесо пролетело насквозь; я затормозил и

пролетел несколько метров вперед. Все еще катясь, я спрятался за сгоревшим шасси автомобиля, преследуемый градом пуль. "Я забыл, что на мне русская форма и что я иду по

одинокая берлинская улица без всякой защиты". Я несколько раз выругался и побежал за угол, держась за стены. Я снова оказался на Грегорштрассе. Я был бы уже далеко, если бы не решил напоследок взглянуть на дом Тарштейна. Я прошел несколько метров, отделявших меня от него, поочередно заглядывая в оба угла. Было темно, но не тихо; 30 апреля должны были начаться самые тяжелые бои, и звук пуль, снарядов и бомб был оглушительным.

К своему ужасу, я вскоре обнаружил, что предупреждение Тарштейна было не напрасным. На самом деле улицы Грегорштрассе 239 *теперь* не существовало. Но место, где я вышел, существовало, о чем свидетельствовали свежие следы шин мотоцикла на тротуаре и на улице. Но ворот 239, перед которыми были следы, больше не было. На их месте находилась закрытая дверь предприятия в довольно хорошем состоянии. ⁷²Я снял рукой слой пыли, покрывавший вывеску, и прочитал: "*Buchhandlung Hyperborea*". Я почувствовал приближающиеся шаги: возможно, это были снайперы, стрелявшие в меня несколько минут назад. Делать там было нечего, и я побежал в противоположном направлении.

Повторяю, что время поджигает, Неффе, поэтому я оставляю рассказ о своих приключениях в Италии для другого случая. Упомяну лишь, что в июне 1945 года я встретился с Карлом фон Гроссенем и Оскаром Файлем во францисканском монастыре на юге Италии и оставался там до февраля 1947 года. В то время наш контакт с Ла-Араньей познакомил нас с офицером аргентинской армии по имени Сапалла, который снабдил нас паспортами и билетами и, конечно, новыми именами: я стал, как вы знаете, Черино Сангедольче, Оскар - Доминго Пьетратеста, а Карл фон Гроссен - Карло де Гранди. Мы все трое выдавали себя за итальянских иммигрантов, отсюда и лингвистическая принадлежность имен.

Как только мы оказались в этой стране, все произошло так, как и предполагал Тарштейн: деньги были переданы нам в Буэнос-Айресе, и каждый из нас отправился жить в свою провинцию. //Фон Гроссен остался в Буэнос-Айресе и, как рассказывал Тарштейн, вскоре занялся организацией секретной службы в компании другого своего бывшего товарища по гестапо, *штандартенфюрера* Юстиниано фон Гросмана. Оскар Файль выбрал Кордову, и, видимо, боги вели его, потому что спустя годы он нашел там орден рыцарей Тиродаля, который руководил его последними днями; а я, зная, что Зигнагели живут в Сальте, решил, что "Санта-Мария-де-ла-Канделария" - хороший титул для Девы Агарты, и приобрел это поместье, где и живу с тех пор.

Гербы аргентинских провинций.

Мендоса

Ла-Пампа

Неукен

Рио-Негро

Чубут

Санта-Крус

Когда мировая война осталась позади, и мне пришлось придерживаться "приказа", я занялся традиционной семейной профессией кондитера и до сих пор скрывался, размышляя все эти годы о том, что произошло в первой половине моей жизни. Единственными моими вылазками были спорадические визиты твоих родителей или Оскара в заранее обговоренные нейтральные места для коротких, очень коротких встреч. А единственными постоянными спутниками моей жизни, пусть и верными, были собаки дайва: Инг и Янг - третье аргентинское поколение, правнуки Юна и Яба.

И никогда, никогда с тех пор, как я излучал в Аргентине, за исключением неудачной попытки установить контакт с Нимродом из Росарио в Кордове, уступив просьбе Оскара, никто не призывал меня выполнить последнюю миссию Гиперборейской Мудрости, пока вы не появились здесь с письмом Белисены Вильки. Не стыжусь признаться: я уже потерял всякую надежду на то, что объявления Конрада Тарштейна будут исполнены.⁷³ Тем не менее, я был начеку, как он меня наставлял, и как вы, к сожалению, доказали: ***Meine Ehre heist True!***

⁷³ Клятва Черного ордена, также вырезанная на рыцарском кинжале: "Моя честь называется верностью".

ЭПИЛОГ

из фантастической книги
"Тайна Белисены Вильки",
посвященная им.

... 0

ПРОЛОГ

королевской мистерии Белисены
Вильки, посвященной Нам,
те из нас, кто чувствует, как в наших
жилах течет Кровь Тарсиса.

Глава I

И это все, что дядя Курт успел рассказать мне об истории своей жизни. В то время он, как показали события, правильно торопился, но опустил самое интересное: подробности своих секретных миссий во время войны и таинственную миссию своего крестного отца Рудольфа Гесса. Логично, что он также надеялся завершить свои рассказы в будущем. Но было написано, что такой случай никогда не представится.

Однако в тот, последний вечер, когда мы говорили об этом и он рассказал мне о своем приезде в Аргентину, мне удалось задать ему два вопроса, которые я до сих пор отчетливо помню. Было уже поздно, около одиннадцати часов вечера 21 марта, ровно через два месяца после духовного вознесения 21 января, и мы решили лечь спать, после долгого дня беседы. Именно тогда я задал вопрос, который вызвал у меня сильное недоумение.

-Скажите мне, дядя Курт: если вы получили в 1945 году неопубликованную книгу Конрада Тарштейна "Тайная история Тулегезальштафта", в которой излагается немецкая история дома Тарсис, то как получилось, что вы остались равнодушны, когда мы впервые заговорили о Хартии Белисены-Вилки, подразумевая, что вы не знали о ее важном историческом участии? Я прекрасно помню, что вы только удивились, услышав название "Тарсис", но ничего не сказали о немецком Тарсисе. Тем не менее, вы должны были знать часть истории, возможно, столь же богатую нюансами, как и та, которую я знал от Белисены Вильки. И вы очень старались ничего не говорить об этом, даже до сих пор. Я не считаю ваше поведение правильным, дядя Курт! -сказал я тоном болезненного упрека.

Дядя Курт удивленно посмотрел на меня и разразился одним из своих грозных смешков.

-Но я не читал его! -извинился он.

Что? Спустя тридцать пять лет вы так и не прочитали книгу Тарштейна?
-спросил я ошеломленно.

-Я же говорил тебе, Неффе, что был очень зол из-за приказов Тарштейна! Здесь, в Санта-Марии, я просто отложил книгу, чтобы прочитать ее в тот день, когда предсказания Тарштейна сбудутся, то есть когда я каким-то образом получу доступ к остальной части истории его Стиракса. И этот день наступил с вашим визитом и письмом от Белисены Вильки. Вот почему я читал его, действительно, в те дни, когда был заперт в своей комнате, после того как узнал содержание письма: все совпало, это действительно была недостающая часть истории Белисены, связь между Врунальдинской ветвью Дома Тарсис и Тулегезальшафт! История поиска фюрера, начатая в Средние века, и его местонахождение и Инициация в двадцатом веке! Но если я ничего не сказал вам впоследствии об этом, то лишь потому, что надеялся рассказать вам о своей собственной жизни и дать вам понять, что эта работа все еще существует у меня; я желаю, чтобы вы сами прочли ее и затем сохранили как часть своего наследия! Кому, если не вам, она принадлежит по праву? Вы должны присоединить его к письму Белисены Вильки и отвезти в Кордову, чтобы рыцари Тиродала и, если возможно, Нойо Вилька могли узнать о нем.

Я был ошеломлен невероятным ответом моего дяди: тридцать пять лет не читать книгу Тарштейна! Ха! Это называется **упрямство!**

Дядя Курт ушел в свою комнату и вернулся с кожаным футляром и серебряной фурнитурой, в которой хранилась драгоценная работа. Он безоговорочно вручил его мне, и тут я задал второй вопрос:

-Мне было очень интересно узнать, что стало с Тибетским легионом.

Если вы не против потратить минуту, расскажите мне, что с ними случилось.

-Я расскажу вам. И рассказывать недолго. Та часть Легиона, которая осталась на своей базе в Ассаме, на границе с Бутаном, по окончании войны тихо разошлась: одни вернулись в монастыри Каулики, другие присоединились к последующим войнам в Азии - войне Чан Кай Ши против Мао, Кореи и Вьетнама - в качестве наемников. Эти люди, в принципе, пережили Вторую мировую войну. Но вы, наверное, спрашиваете меня о судьбе Банги, Шривьеры и пятидесяти легионеров, оставшихся в Берлине охранять бункерфюрера: о них я должен с гордостью признаться, что все они погибли, сражаясь с русскими. Это забавный эпизод: согласно тому, что мне рассказывали в те дни, когда мне еще предстояло бежать из Германии, 30 апреля русским удалось взять бункер лишь при ужасающем счете десять к одному. Стоит сказать, что тибетцы уничтожили батальон пехоты численностью более пятисот человек. **И** настолько шокирующими были последствия этой бойни, учиненной азиатским легионом, что Сталин сам приказал вывезти и спрятать тибетские трупы и договорился с союзниками об официальном пресечении всех новостей о тибетском легионе из бункера. Тем не менее, многие независимые исследователи упоминают о существовании легиона и его мужественной решимости защищать бункер до конца. Конечно, если обратиться к "официальным историкам", тем, кто вынужден жить академическими или журналистскими предположениями, версия будет совершенно иной: русские нашли бы бункер практически неохраняемым, а Тибетского легиона никогда не существовало.

Глава II

Мы попрощались до следующего дня, получив указание немедленно выехать в Тукуман. В конце концов, прошло уже почти три месяца с момента убийства Белисены Вильки, а я все еще не попытался выполнить ее просьбу. Я мысленно подсчитал: 74 дня. 74 дня! Может быть, для Нойо Вильки это и было долго, и я сожалел об этом. Но для меня это были бы самые плодотворные семьдесят четыре дня в моей жизни. Мне было смешно и жалко вспоминать, каким я был до 6 января, в этой зловещей психоневрологической больнице: "Доктор Артуро Сигнагель, один из наших лучших интернов", - представляли меня медсестры. Во что превратила меня система! До 6 января у меня было все, в материальном плане, но не было четких идеалов: мне промыли мозги! Напротив, теперь у меня не было ничего, по сравнению с престижным доктором, которым я был, **у меня не было материального будущего, не было предсказуемого будущего по законам системы; но у меня был идеал Гиперборейской Мудрости**, и с этим идеалом, который у меня теперь был, мне не нужно было обладать ничем другим в жизни, меньше всего - решимостью на **посредственное будущее!**

Как все изменилось к лучшему! Как я изменился к лучшему! Ночь была звездной и немного прохладной, возможно, предвещая начало осени. Сначала я подумал о том, чтобы почитать книгу Конрада Тарштейна, но потом сдержался. К тому же я немного устал и не хотел окончательно выходить из себя, не хотел быть полностью поглощенным нынешней радостью: если дядя Курт не давал себе прочесть ее 35 лет, то почему я должен быть нетерпеливым? разве я не могу подождать еще один день? И вот, породив такие глупые мысли, я выключил свет и лег спать.

О боги, каким же дураком я стал, если не считать "просветленного гиперборейской мудростью", которая, кстати, не имела к случившемуся никакого отношения. Это я, моя неумеренная гордыня, эффект всего того, что я узнал за столь короткое время и что раздуло мое оперение, как у павлина, были полностью виноваты в затаившемся в ту ночь Позоре. Конечно, я не сбрасываю со счетов и не недооцениваю поразительную бдительность, которую враг поддерживает над всем миром, или "над многими мирами", согласно понятиям, которые капитан Киев использовал в отношении Белисены Вильки. Нет, я не буду недооценивать тщательное наблюдение, которое Демоны вели, пытаюсь определить местонахождение дяди Курта; возможно, это наблюдение однажды принесло бы свои плоды, и они бы нашли его каким-то образом. **Но за то, что произошло той ночью, я нес главную ответственность! Сто раз, тысячу раз, для меня было бы предпочтительнее прочитать книгу Тарштейна, как я "обычно" хотел, вместо того, чтобы делать то, что я делал!!!!**

Как я уже сказал, я выключил свет и улегся спать. Увидев сквозь стекло звездное небо, я закрыл глаза. Но, будучи еще довольно нервным, а также уставшим, я **решил задремать, думая о килкорском свади. И это было бы роковой ошибкой!**

Дядя Курт открыл мне форму килкора и продемонстрировал, как он позволяет овладеть собаками-даивами. Тогда я понял, что "свисток", с помощью которого на меня набросились собаки, когда я пробрался на его ферму, на самом деле не был слышимым звуком: это моя бессознательная предрасположенность воспринимать символы килкора "за пределами Кулы и Акулы" заставила меня воспринять команду дяди Курта. То же самое было и с поскуливанием тибетских собак, выражавшим их сдерживаемое желание напасть: все это были ментальные, экстрасенсорные восприятия, символы, которые невежество моего разума переводило как происходящие от звуков, иллюзии звуков. Конечно, услышать их мог только я или тот, кто обладал, как я, "знаком происхождения": любой "нормальный" человек, как бы хорошо ни было натренировано его слуховое восприятие, заметил бы присутствие собак только тогда, когда смертоносные челюсти сомкнулись на его конечностях.

Короче говоря, дядя Курт, как и многие другие *не завершенные* вещи, оставил его мне, чтобы я использовал его в соответствии с его указаниями; но случай не представился, и я не получил никакой практики на дого. В тот вечер, в пятнадцать или двадцать минут двенадцатого, я долго развлекался, фиксируя в уме образ Килькора, а затем, не раздумывая, отдал команду. То есть я составил слова приказа, не представляя, что он будет неумолимо исполнен. Это была простая директива, "*лай*", подумал я, которая ни в коем случае не допускала никаких предположений о том, к чему она приведет.

Мгновенно собаки издали волчий, душераздирающий вой и начали лаять дуэтом, *не переставая*. Их рев был сотрясающим и очень сильным, и я сел в постели, застыв от ужаса и отчаяния. "Они разбудят дядю Курта", - глупо подумал я и снова сосредоточился на Янтре, пытаюсь составить слово, которое остановит собачий концерт. Мне казалось, что этим словом будет "*тишина*", но я не был *уверен*, что *именно* нужно сказать.

Как сказать "*молчание*" на санскрите или тибетском - единственных языках, на которые это понятие можно перевести с помощью ключа Килкор свади? Дядя Курт мне сказал, - заверил я с *е б я*, безуспешно пытаюсь вспомнить. И именно тогда произошло первое из целой серии гнусных явлений, которые произойдут в ту адскую ночь.

Это произошло так, словно мое сознание вдруг безгранично расширилось: я окинул *всю комнату одним взглядом*, но не глядя, словно воля, более сильная, чем моя собственная, заставляла меня сделать это. Затем я увидел снаружи дом, финку, *все сразу*; и город Санта-Мария, и дорогу на Сальту, и свою собственную финку в Серрильос. Я видел папу, маму, Каталину, Энрике и Федерико, моих племянников и даже собаку Кануто. Слово загипнотизированный, я видел все и не мог перестать видеть. Вдруг из глубины моего поля зрения, прямо передо мной, словно вынырнув из-за епископских высот, с огромной скоростью начала расти точка, которая заняла все мое внимание. Я никогда этого не забуду! Пользуясь словами принцессы Изы, обращенными к Нимроду, я бы утверждал, что это было *"самое отвратительное и мерзкое чудовище, какое только можно вообразить в вечности безумия"*, такое, *"которое ни один смертный не сможет описать, не потеряв рассудка"*.

И что же спасло меня от этого адского присутствия? Несомненно, Дева Агарта, каменное семя, которое Она вложила 21 января в сердце.

человека и смертного; Семя, которое, несмотря ни на что, проросло и сделало меня тем, кем я сейчас являюсь.

Ведь раньше я бы умерла прямо на глазах у Демона, который взирал на меня с такой ненавистью, о которой я и не подозревала. Но теперь я был достаточно силен, чтобы встретиться с ним лицом к лицу и оттолкнуть его от себя. Да, он исчез из виду, и видение рассеялось. Я снова оказался в комнате Святой Марии, сидел на кровати и слушал непрекращающийся вой дого. В одно мгновение я понял, что мой разум, пытаюсь заставить замолчать даива-собаку, был "проигнорирован", предложил слабый фланг и был "настроен", захвачен Демоном Белого Братства, представителем Сил Материи, возможно, Бессмертным Берой, возможно, Ригденом Джиэпо, возможно, самим Энлилем-Иеговой-Сатаной.

Очевидно, я не был полностью расфокусирован, потому что услышал или мне показалось, что услышал, как голос дяди Курта прогрохотал слова "*Nischala miravâta svadi*" прямо в мою психику, после чего собаки немедленно прекратили лаять. Дело было в том, что мгновение спустя дядя Курт действительно ворвался в мою комнату с криком "Артур!".

-Артур, ты в порядке, слава богам! -Что ты наделал, Артуро? Демон Бера нашел тебя! На мгновение мне показалось, что это было как тогда, в ущелье Ла Бреа в Тибете!

Я упомянул о его безрассудном использовании Янтры.

О, Артур, - изумился он, - ты был очень силен, чтобы избавиться от него. Но я не думаю, что этого будет достаточно. Боюсь, друиды обнаружили этот дом. Нам придется убираться отсюда как можно скорее.

Я не знал, что сказать. В раздражении я поднял наручные часы, лежащие на прикроватной тумбочке, и спросил время: "0.10", - сказал я и повернул голову к дяде Курту, который смотрел на меня дикими глазами.

Вскоре я понял причину их ужаса: **это было жужжание, безошибочное жужжание медоносных пчел**. По правде говоря, этот благозвучный звук Дордже был замечен только тогда, когда уже происходило его дополнительное воздействие. Сначала я его не заметил, но потом, естественно, после того как дядя Курт его воспринял, я отчетливо услышал его, наполнив атмосферу ощущением прибытия несметного роя. Но в тот момент отреагировать было невозможно, так как давление на сердце не позволяло отвлекаться. Я позволил себе откинуться назад, пока голова не коснулась подушки, и расслабился, как только мог; неосознанно я закрыл уши руками, но смертоносный звук все равно проникал внутрь, с каждым мгновением все сильнее, а сердце, полностью вышедшее из-под контроля, казалось, хотело вырваться из груди. И самое страшное было еще впереди.

Я ощущал нарастающий паралич во всем теле и уже на исходе психического сопротивления рассудил, что лучшей ментальной тактикой борьбы с мощной силой воли демонов будет концентрация мыслей на идее, чуждой ужасной реальности Дорджа. Подумать о чем-то другом, но о чем? О боги, насколько жадным до идей может стать причудливое воображение вроде моего в такой предельной ситуации, когда на карту поставлена жизнь животных! И насколько более жадным оно должно стать, если, как уверяет нас гиперборейская мудрость, сотворенная душа готова предать нас, ибо ее сущность - это часть Творца, участник Его Архетипа по образу и подобию Его

Архетипа!

подобие! Тут я убедился: Душа всегда предаст Дух, Самость, чтобы исполнить волю демонов, принадлежащих к Белой Иерархии, в которой развернут и закован Творец-Единый! И вдруг ко мне пришла спасительная идея: это было воспоминание о том, как я учился в университете, посещая занятия по биологии. И я увлекся этим воспоминанием; на мгновение мне показалось, что я освободился от давления Дордже. Да, Душа, хозяйка памяти и воспоминаний, наконец подчинилась воле Я и вытащила меня из этой смертоносной реальности. Это был урок биологии, я прекрасно его помнил; меня окружали десятки одноклассников; каков был предмет урока? Ах, да, физиология насекомых! Сейчас в аудиторию вошел профессор Хакобо Каньяс и начал вести урок. Тема: "**Пчела обыкновенная**"; классифицируется также под названиями *Apis mellifica* по Линнею; *Apis domestica* по Реомюру; *Apis cerifera* по Скополи; *Apis gregaria* по Жоффруа; и многими другими названиями, которыми великие натуралисты обозначали это же насекомое".

Мне не хватало сил вынырнуть из воспоминаний. Кто-то внутри меня, тот же, кто пытался ввергнуть меня в Бездну в ночь землетрясения в Сальте, снова предал меня. Ах, если бы я только вознесся за помощью к Деве Агарты, как тогда, если бы только позволил похитить себя Ее Божественной Милости! Конечно, это похищение Абсолютной Женщины каулики называли Кулой. Кула превратила бы меня в Акулу, в живого Шиву, а Дух был бы "за пределами Кулы и Акулы". Конечно, тогда это был истинный путь спасения из окружения демонов, который я сначала не знал, как найти из-за явного неверия в Себя, из-за недоверия к тому, что мой Дух действительно может быть любим Богиней Вечного Избавления.

С другой стороны, он остался в классе профессора Хакобо Каньяса: "Гул **перепончатокрылых** обычно представляет собой комбинацию трех различных тонов, генерируемых в разных органах. Наиболее интенсивным является гул крыльев, хотя я и наименее частый: у одной и той же особи *Apis mellifica* он статистически колеблется между **ля** в 440 циклов в секунду и **ми** той же октавы в 330 циклов в секунду; первый тон соответствует пчеле - отдохнувшей, в момент выхода из улья; последний - пчеле усталой, в конце рабочего дня". Я слышал именно эти тона; я отчетливо слышал звук хлопающих крыльев; **гиганоптеры** летели ко мне: "Второй тон, составляющий характерный жужжащий звук, производится вибрацией стигм, проводящих воздух к легочным трахеям: обычно это **В** 594 цикла в секунду, заметно выше, чем тон крыльев, но менее интенсивный". Теперь я слышал жужжание пчелы, жужжание роя; жужжание насыщало мои чувства, парализовало мое тело, вторгалось в мой разум; жужжание завладело моим сердцебиением и синхронизировалось с его частотой! Жужжание убивало меня!

"Третий тон, очень слабый, происходит от движения брюшных колец"... Я никогда не закончу вспоминать урок профессора Хакобо Каньяса. В пароксизме сердечного криза я испытал невыносимое, ужасное ощущение жара, как будто мое тело внезапно бросили в раскаленную печь. Но нет; за то мгновение, что длилась тепловая конвульсия, я заметил, что Огонь не снаружи, а внутри меня, что он и пропитал все мое тело.

как пылающая жидкость, разлагающаяся на горящие газы. И этой горячей жидкостью была моя кровь.

Мгновение длился теплый импульс, сотрясавший меня в ритме пчелиного жужжания, но я, конечно, думал, что умираю: как последнее мучительное видение, передо мной возникли лица мамы, Каталины, моих племянников и многих других родственников, неизвестных до тех пор, но чье родство было очевидным. Но все лица были похожи друг на друга не в силу генетического сходства, а из-за общего выражения, которое они демонстрировали, вероятно, идентичного моему в тот момент: **все они были агонизированными лицами, лицами человеческих существ, умирающих от сильной боли; их выражения воспроизводили выражение смерти.** А потом все закончилось.

Глава III

Другими словами, я имею в виду, что потом феномен закончился, то есть жужжание прекратилось, и давление на сердце прекратилось. Пульс постепенно пришел в норму, и я смог двигаться по своему усмотрению. Все еще ошеломленный, я отреагировал и сел, вспомнив о дяде Курте: я опасался худшего.

Однако в этот момент он тоже пришел в себя, и я увидел, что он упал на колени, как это случилось с ним в тибетском ущелье Ла-Бреа более 40 лет назад. Несколько минут я оставался неподвижным, разбираясь со своими мыслями, пока вдруг не вспомнил последний момент явления, когда я переживал свою собственную агонию и агонию всех моих близких. **И тогда я понял. Я понял, что это правда, что с моей семьей случилось что-то непоправимое.** В панике я взглянул на дядю Курта и вопросительно посмотрел на него: **ужас, который я прочел в его глазах, сказал мне, что я был прав.**

Наконец я смог сформулировать свои мысли и закричал:

-Мама, Каталина! О, дядя Курт, в семье случилось что-то ужасное!

Что случилось, дядя Курт, что случилось?

-Мне кажется, Артуро, это жуткая вещь. Не хочу тебя пугать, но мне кажется, что демону Бера не удалось выяснить ни твое, ни мое местонахождение, но боюсь, что того, что он увидел в твоей психике, ему хватило, чтобы найти финку Беатрис в Серрильосе. Если это так, то нашей семье грозит серьезная опасность.

Мы должны немедленно отправиться в Сальту, Артуро! Попроси позвонить, пока я готовлю **джип!**

"В Сальту, задержка тридцать минут", - таков был лаконичный ответ оператора. Я также попросил срочной связи и умолял ее активировать ее каждые десять минут. Затем она сообщила мне время выполнения моего запроса, и я с трудом поверил: было всего 0.30 утра. За пятнадцать или двадцать минут все произошло. Могло ли это быть? Могли ли демоны действовать за такое короткое время? Это сомнение, несовместимое с реальностью, давало мне некоторую надежду. Но это было только до тех пор,

пока дядя Курт не вернулся из гаража и я не рассказал ему о своей тревоге.

Он покачал головой в отрицательном и обескураживающем жесте и сказал мне:

-Я хотел бы подтвердить вашу надежду, но не могу вас обмануть. Мы ни в коем случае не должны быть оптимистами: Бессмертные властвуют над Временем и Пространством,

Они владеют искусством перемещения в бесчисленных мирах Маиковой Иллюзии. Они не могут найти нас, как не могли найти Белисену и Нойо Вилку, потому что наши Инициированные Духи на самом деле отрезаны от Времени и Пространства Рунами Вотана; или Врунами Навутана, если хотите. Они не знают нашей Реальности, Мира, который Дух утверждает от Истока, и это сбивает их с толку, не позволяет им определить наше местонахождение; но как только **они получают реальный ориентир данного Мира, они могут отправиться к нему и достичь его в любом Времени и Пространстве.**

Не знаю, зачем я спрашивал, если знал, что это так. Но на мгновение я обманулся, поверив, что мои рассуждения имеют ценность, и напрасно надеясь, что разум возобладает над иррациональностью, овладевшей моей жизнью. Звонок телефона вывел меня из этих горьких размышлений.

-Ваш разговор с Сальтой, - лаконично объявил оператор.

В течение десяти долгих минут я слушал гудки в телефоне, но никто не отвечал в Серрильосе, что было ненормально! Даже в час ночи кто-то должен отвечать за гораздо меньшее время: тысячу раз я делал подобные звонки из Сальты и всегда получал ответ через три-четыре минуты!

"Ваш номер не отвечает", - перебил оператор. "Может, перезвоним позже?" Я не знал, что ответить. Я бросил взгляд в сторону дяди Курта и увидел, как он явно сигналил мне ключами от джила.

-Нет, мисс, я отменяю его сейчас. В этом доме, должно быть, никого нет, - с горечью предположила я.

Глава IV

Пятнадцать минут спустя я обнаружил, что второй раз в жизни качу по улице Эскью: это были дядя Курт, я и собаки Дайвас. "Надо взять их с собой на случай, если они устроят нам ловушку, - объяснил он, - но эти демоны горды и полагают, что никогда не пропустят ни одного удара; возможно, они уже в Чанг-Шамбале или выполняют очередную свою макабрическую миссию". Он на мгновение задумался, а затем скорбным тоном добавил:

-Как вы думаете, куда они направятся дальше, если, как мы опасаемся, они уже прошли через Серрильос?

В Тукуман, в Тафи-дель-Валье, в чакру Белисены Вильки", - не задумываясь, ответил я.

Эта вероятность, а также то, что могло произойти в Серрильосе, отбили у нас желание разговаривать до конца поездки. Это было утомительное путешествие, учитывая ночной график, плохие дороги, то, что мы не спали сутки, и недавнее физическое напряжение, вызванное нападением Демона.

Колокола церкви Серрильос звонили к восьмичасовой мессе, когда мы проезжали мимо нее. А за сто метров до того, как мы достигли ворот

В Финке мы уже знали, что действительно произошло нечто ужасное: вращающиеся фары на крыше полицейских машин трагически подтверждали наши подозрения и опасения. Не обращая внимания на полицейских, охранявших въезд, дядя Курт свернул джип и на большой скорости понесся по дороге в сторону корпуса. Очевидно, теперь для него ничего не имело значения: ни стратегическое прикрытие, ни возможное преследование, если его обнаружат, ни то, что, согласно его новой личности, ничто не связывало его с Зигнагелем-фон Зюберманном. Бедный дядя Курт!

За тридцать пять лет он ни разу не осмелился пересечь эти ворота, чтобы навестить свою единственную сестру, а теперь должен сделать это на ее похоронах!

Потому что они все умерли, даже моя мать, то есть ее сестра Беатрис! И самым ужасным образом!

Рядом с финкой, за деревьями лапачо, где я получил роковое письмо Белисены Вильки от моей матери, стояли четыре машины: два полицейских патруля и две машины скорой помощи. Рядом с моим любимым деревом лапачо, под благословенной тенью которого я изучал свои университетские дипломы и размышлял о тайне человека и его жалкой земной жизни, лежало безжизненное тело Кануто, прикрытое окровавленными газетами. Как изменилось это место всего за два месяца! Радость и счастье семьи превратились в смерть и траур! Проклятое письмо Белисены Вильки! Если бы я только не прочитал его! Оно бесполезно мучило меня. Как я уже сказал в самом начале: **"В жизни некоторых людей есть тщательно расставленные ловушки: достаточно прикоснуться к их пружине, чтобы запустить необратимые механизмы"**.

На звук мотора джипа из дома вышло несколько человек. Один из них был комиссаром полиции Серрильоса, который знал меня еще ребенком.

-Иисус, Артуро Зигнагель, как раз вовремя! -сказал он, не задумываясь, потому что потом опустил глаза, посмотрел вверх, положил руку мне на плечо и заговорил со мной осторожно, то есть так деликатно, как только может говорить полицейский, столкнувшийся с галлюцинаторным множественным убийством. Дядя Курт оставался рядом со мной.

-Простите меня, Артуро. Правда в том, что **вы не приехали вовремя**. Я сказал это только для того, чтобы провести расследование, так как мы не знали, где вас искать. Я не знаю, как это сказать, вы же понимаете, что я полицейский, а не священник, но вы должны знать, что вся ваша семья была убита **странным** образом.

Я пригрозил зайти в дом, видя, что тела еще не погружены в машины скорой помощи, но комиссар остановил меня. "Подождите, Артуро, но я обязан вас допросить: вы знали, что здесь что-то произошло? Откуда вы сейчас идете?"

-О да, - поспешно сказал я, - я знал, что что-то не так, потому что сегодня утром в час никто не отвечал на звонки в финке. Поэтому мы сразу же уехали отсюда.

-Но откуда вы звонили, где вы были? -Я хотел знать это без отговорок.

-Ну, в финке этого друга, сеньора Серино Сангедольсе, производителя кондитерских изделий в Санта-Мария-де-Катамарка, с которым я договаривался о продаже ему излишков нашего суслу. Я пробыл там несколько дней.

Хорошо, Артуро, я проверю это, - сказал он, убирая блокнот, в который записывал все данные.

-Ну, они могут пройти. Вы врач и должны быть "хладнокровным", но это другое дело: он или убийцы, несомненно, **психопаты**,

возможно, сбежали из больницы, где вы работали. Они совершали преступления с невиданной доселе жестокостью. Вам лучше идти подготовленным.

Внутри царил полный беспорядок после того, как неизвестные полицейские провели свой еще более неизвестный осмотр. В столовой края двух столов были сдвинуты вместе, и на них лежали пять трупов. Обнаженные тела были прикрыты простынями. Дядя Курт сжал мою руку своей жесткой рукой и сам раскрыл первый труп.

-Беатрис! -закричал он.

-Мама, о мама, что они с тобой сделали? -в отчаянии воскликнула я, увидев милое лицо матери, перерезанное от уха до уха, которое теперь подергивалось гримасой неопишущего ужаса.

-Вы видите? -неожиданно прокомментировал комиссар. Это самый отвратительный преступный акт, который я когда-либо видел, непостижимый, несомненно, продукт больного разума.

Следующими были тела моей сестры Каталины и двух ее сыновей, Энрике и Федерико. На них не было никаких следов насилия.

-Мы думали, что они отравлены, и как раз везли их в местный морг для вскрытия, когда вы приехали. Теперь, когда вы их увидели, я отдам приказ погрузить их в машины скорой помощи. Остальных забирать не нужно, поскольку их смерть очевидна и уже установлена коронером: горло вашей матери было перерезано, как вы сами установили, а ваш отец умер от раздробленного черепа, вероятно, сопротивляясь нападению: Есть ли у вас возражения против этого диагноза?

Я отрицательно покачал головой и раскрыл тело отца: удар **был** нанесен **сверху**, тупым предметом, с которым умело обращались, так как он погрузился всего на два сантиметра в свод черепа, на уровне мозга.

Дядя Курт стоял перед безжизненным телом сестры, словно отрешенный. Машины скорой помощи уже увезли Каталину и ее детей, а полицейские начали расходиться. Я пригласил комиссара выпить и указал на несколько ящиков нашего лучшего "**Совиньона**", сказав ему, чтобы он раздал их своим людям - акт вежливости, запрещенный полицейскими правилами, но который был бы воспринят как негостеприимный жест, если бы его не предложили. Комиссару не потребовалось много времени, чтобы погрузить ящики с вином и присоединиться ко мне на кухне. Охлажденное "**Шабли**" и прошутто поглощались в огромных количествах, одновременно развязывая язык полицейскому. Через некоторое время к нам присоединился дядя Курт.

-Кто сообщил новость? -спросил я.

-Первым прибыл креол по имени Хорхе Луна. Он с удивлением заметил, что в доме горит весь свет, "как на вечеринке", как он заявил; затем он подошел к кухне, где ваш отец всегда пил мате с 4.30 утра, но никого не увидел. Тогда он начал обходить дом, думая, что ваш отец находится снаружи. Первым признаком того, что случилось что-то плохое, стало то, что он наткнулся на тело собаки, буквально разорванное на две части, возле деревьев лапачо. В нескольких метрах от него лежало тело дона Зигнагеля с проломленным черепом.

На первый взгляд и немного рассуждая, - продолжал комиссар, - я бы сказал, что в деле участвовали по меньшей мере два сообщника, а может

быть, и три. Двое необходимы, чтобы восстановить события с определенной логикой, поскольку очевидно, что

что ваш отец вышел из дома по просьбе вашей матери, возможно, в ответ на ее испуганный крик, и был удивлен убийственным ударом в дверь. Как только он выглянул, он получил удар, который, по словам коронера, убил его мгновенно. Хорхе Луна нашел его на месте и на велосипеде помчался в полицейский участок за помощью, а остальных прибывших рабочих предупредил, чтобы они держались подальше от фермы. Мы нашли донью Беатрис рядом с винным прессом. Предположительно, она звонила оттуда вашему отцу перед тем, как ее убили, и мы считаем, что ее обманом заставили выйти из дома: на момент преступления было уже за полночь, неподходящее время для людей, которые привыкли вставать в пять утра, чтобы добровольно покинуть дом. Конечно, это всего лишь предположение. Пока не будет собрано больше элементов и не будут получены результаты экспертиз, мы не сможем точно оценить факты", - сказал он, как делает любой профессиональный полицейский, не желающий компрометировать свое мнение.

Я призвал комиссара продолжить описание случившегося, пока разносились ломтики ветчины и бокалы с "Шабли".

-Прости меня, Господи, ты спрашиваешь, и мне придется ответить тебе грубо, Артуро. Безумец, схвативший твою мать, притащил ее к винограднику, возможно, с кляпом во рту, и оттуда позволил ей кричать, чтобы заманить дону Сигнагеля в ловушку, расставленную для него его сообщником. Когда ваш отец был мертв, они встретились, чтобы убить донью Беатрис. Вы можете спросить, почему я так уверен? Ну, потому что, **как заключил судебный врач, чтобы убить таким образом, нужны четыре руки: две, чтобы держать жертву, и две, чтобы отработать такой идеальный разрез от уха до уха.** Четыре руки были бы не нужны, если бы жертва была без сознания, но это не так, поскольку не было обнаружено ни ударов по голове, ни следов наркотиков - нам нужно дожидаться анализа, чтобы быть абсолютно уверенными, - и, более того, есть отпечатки ног, которые свидетельствуют об отчаянном сопротивлении до последнего вздоха.

У меня кружилась голова, все вокруг кружилось, тошнота подкатывала к желудку, к горлу... Я заколебался в своем кресле, находясь на грани рвоты.

-Выпей, Артуро! Давай, выпей! Тебе это необходимо! -призывал меня комиссар, протягивая бокал хорошего белого вина.

Я выпил его одним глотком, и мне еще никогда не было так хорошо от одного из наших напряжений.

-Вы могли предвидеть, что сломаетесь, это было слишком страшно и Отвратительно то, что произошло в вашем доме сегодня вечером. Вы уверены, что хотите узнать все сейчас? Вы можете отдохнуть несколько часов и узнать все позже, когда успокоитесь.

-Нет, нет! Пожалуйста, комиссар! -умолял я. Это было просто мимолетное головокружение. Расскажите мне все сейчас, чем скорее, тем лучше.

Дядя Курт жестом поддержал эту просьбу.

-А вот и самое страшное, Артуро: донью Беатрис держали так, что, когда ее резали, убийцы успели вылить всю кровь в виночерпий, до последней капли!

Комиссар смотрел на нас озадаченно. Он ожидал удивить нас этой мрачной информацией, но мы были невозмутимы, поскольку представляли

себе ритуальные маневры Беры и Бирсы и предполагали, что их целью было

воспользоваться драгоценной чистой кровью фон Зюберманов, чтобы попытаться истребить всю Штирию, как они сделали это в XIII веке с домом Тарсисов.

С другой стороны, - сказал комиссар, - я хотел бы, чтобы вы объяснили то, что нас всех заинтриговало.

-Все, что вы хотите знать, комиссар.

-Это о винодельне; какова ее вместимость?

-Ну, если я правильно помню, около 20 000 литров, - ответил я.

-А для чего, черт возьми, они наполнили его смолой?

Глава V

Я сидел на диване в гостиной и дремал. Я принял 3 мг транквилизатора, и моя нервная система была достаточно успокоена. Было около десяти часов вечера, и во сне я слышал, как дядя Курт говорит на арабском и немецком языках. Но это был не сон: в полдень дядя Курт запросил международный звонок и только что был соединен. Через несколько минут он подошел ко мне и бесцеремонно встряхнул меня.

Все они мертвы, Артур! Все! Мы с тобой - единственные живые фон Зюберманы!

Я смотрел на него как в тумане. Он продолжал:

-Мои дяди и кузены в Египте, даже дальние родственники, живущие и обучающиеся в Европе, все умерли сегодня в 0.15 утра!

Дядя Курт не повышал голоса, но его жесты были красноречивы: он был вне себя. Я попытался успокоить его, передать свои фармакологические заверения, но добился лишь того, что снова стал нервничать: ярость дяди Курта была заражительна!

В нескольких шагах от него, в столовой, где я видел своих умерших родителей, на подставках стояли два гроба; венки, цветочные пальмы, канделябры с зажженными свечами и кресты завершали церемониальные элементы католических похорон. Мой отец был известен в этой деревне с детства, а мать - с 1938 года, поэтому процессия соседей и друзей, желающих проститься с ним, была непрерывной. Многие, принадлежавшие к более скромным слоям населения, но на которых всегда рассчитывали за тяжелую работу в поле, оставались на ночь.

Кто-то нанял профессиональных плакальщиц из Ла Мерсед, известных своей сентиментальностью и пылкостью, которые они накладывали на свои причитания, и в тот момент они посвятили себя выполнению своей функции.

Это был ужасный момент беспомощности, когда мы видели, как наши враги нападают на нас, и не могли ответить им тем же. Удивительно, но суровый дядя Курт наконец уселся на другой диван и временами всхлипывал от горя. Мне предстояло принять соболезнования от посетителей, согласно традиционному обычаю, которые перед уходом оставляли свое имя на открытке, что гарантировало получение почтовой благодарности не более чем через десять дней. Обычаи, привычки, сложившиеся с незапамятных времен, от которых я не мог отступить, не вызвав большого скандала.

К полуночи дом был заполнен людьми. Соседи любезно взяли на себя приготовление кофе и обслуживание знакомых. Различные группы друзей собиравшись, чтобы обсудить ужасные преступления, и самые необычные слухи передавались из уст в уста в суеверном районе индейцев и метисов. Мы с дядей Куртом тщетно пытались заставить полицию отдать тела Каталины и детей, опасаясь, что через несколько часов они будут развращены, как это произошло с членами Дома Тарсиса. Но наши усилия оказались тщетными. Вскрытие было закончено только на следующий день. И хотя полиция не хотела этого признавать, мы знали причину задержки: судебные медики не могли установить причину смерти. Мою сестру и племянников нашли в их комнатах на верхнем этаже дома, и, предположительно, они умерли, не зная о происходящих снаружи жутких убийствах; они умерли бы, как и непосвященные члены Дома Тарсис, в тот момент, когда сила Дордже Бера превратила кровь виночерпия в Тар, то есть в 0.15 часов. И, очевидно, это не было известно судебным медикам.

Тогда мы смирились с тем, что будем оплакивать только моих родителей, хотя и поручили похоронной компании периодически навещать в морт и забирать тела. Подъехала машина, из которой вышел знакомый человек, но которого я никак не ожидал там увидеть: офицер Майдана, полицейский, который вмешался в дело Белисены Вильки! Увидев меня, он бросился ко мне и, как обычно, выразил "свои глубочайшие соболезнования". А затем он подробно рассказал о причинах, побудивших его принять решение присутствовать на похоронах, говоря в своем особом стиле, просто и откровенно.

-Доктор Зигнагель, это дело, как вы понимаете, потрясло всю провинцию: мы все хотели бы задержать безумных убийц вашей семьи. Но на данный момент этот вопрос не входит в мою компетенцию: я являюсь комиссаром Департамента расследований, но не главой отдела. Этим разъяснением я хочу заверить вас, что пришел сюда не как полицейский, а как друг. Вы меня понимаете, доктор?

Я кивнул, не понимая, к чему он клонит. Дядя Курт встал рядом со мной и с любопытством посмотрел на комиссара Майдану.

-Тогда я перейду к делу: у вас проблемы? Вам нужна помощь? Что бы это ни было, не стесняйтесь довериться мне. У меня есть дружелюбные, смелые и преданные люди, проверенные в антиподрывной борьбе, которые готовы действовать, скажем так, не по правилам, чтобы свести счеты с евреями или с тем, кто вас преследует.

Дядя Курт нахмурился, и на мгновение я испугался, что он разразится одним из своих громогласных рыданий; но он был слишком обижен для этого и милостиво улыбнулся. Я же, в свою очередь, был раздражен и ошарашен; раздражен не предложением Майданы, которое я оценил, потому что оно было хоть и абсурдным, но искренним, а тем, что мне пришлось пережить всю эту умопомрачительную ситуацию, включая похороны; а ошарашен, потому что не мог представить, как офицер пришел к выводу, что мне нужна такая помощь.

-Он не отвечает мне? Он сказал в замешательстве: - Или ты не доверяешь мне? Но я знаю, что вас преследуют, хотя вы это отрицаете. Выяснять такие вещи - моя профессия. Я знаю об этом со вчерашнего дня, когда получил отчет из Следственного управления о том, что произошло в Серрильосе. Тогда я вспомнил о вас и о деле большой Белисены Вильки. В

скобках я признаюсь вам, что вы единственный, кто смог узнать об этом деле.

Он был прав, когда говорил, что в этом преступлении был неясный момент: этот момент так и не был прояснен; но верно и то, что никто не был заинтересован в его прояснении, и что у полиции есть более важные неотложные дела, которые нужно решать на деньги налогоплательщиков. Я знаю: вас это не волнует; вы хотите, чтобы справедливость восторжествовала; вас очень интересует Белисена Вилька, потому что это дело было близко вашему сердцу. Но нам приходится рассматривать сотни дел, и это было лишь еще одно, которое, повторяю, никого не интересовало. Я говорю вам об этом, потому что в какой-то мере согласен с вами, доктор. Поймите меня правильно! Я действительно хотел похоронить это дело, потому что оно было неважным. **Но теперь я знаю, что лучше!**

-Что вы имеете в виду? -спросил я неохотно.

-Ну, чтобы закрыть скобку, которую я открыл, чтобы извиниться перед вами, так получилось, что сегодня утром я попытался связаться с ним в нейропсихиатрической больнице, где **он работал**, и там мне сообщили, что он уволился два месяца назад, во время своего отпуска. Затем я позвонил в университет и узнал, что он попросил оставить предметы, которые он изучал, и что он отказался от медицинской ординатуры. Очень странные поступки для человека с сайта..... Именно тогда, в середине утра, я решил взять выходной и провести небольшое собственное расследование. Я выяснил, что вы продали свою квартиру в Серро-Сан-Бернардо, не сообщив никому о своем новом адресе, и что ваши друзья получили от ваших родителей известие о том, что вы "самостоятельно исследуете археологический объект в Катамарке"; все это очень туманно, доктор Зигнагель. Закрытые банковские счета, смена адреса, отказ от работы, учебы, дружеских отношений: **казалось бы, это действия человека, который хочет проследить свой путь, человека, находящегося в бегах**. Но вы не преступник, у вас не **было** ни мотивов, ни врагов, которые заставили бы вас бежать два месяца назад. Или таинственные враги появились **тогда**?

Да, доктор Зигнагель. Я несколько смягчил свою позицию и связал его странное поведение с преступлением в психоневрологической больнице. "Возможно, там происходило что-то еще, что-то, что заставило доктора Зигнагеля бежать", - сказал я себе и начал перечитывать дело об убийстве Белисены Вильки. И что же я обнаружил? Ну, что мы не обратили ни малейшего внимания на **еврейские** медали на концах смертоносной веревки. Я захотел как можно скорее узнать, что гласят надписи, и, не обращая внимания на сестру, отправился в университет и стал исследовать лабиринты в одном из отделов, кажется, он назывался факультетом филологии, пока не наткнулся на невероятного персонажа по имени "профессор Рамирес". И что же рассказал мне доктор Рамирес? Ну, бедняга сбежал, когда узнал, что я полицейский, и когда увидел фотографии медалей. Мне пришлось часами уговаривать его поговорить. В конце концов выяснилось, что он хорошо вас знает, что вы три месяца назад консультировались с ним по поводу тех же надписей, но без упоминания о преступлении (он хорошо сделал, потому что, когда узнал об этом, его рот автоматически закрылся). И что за всем этим стоит удивительная история, в которой, **как я уже говорил, доктор Зигнагель**, есть проклятые евреи.

Да, да. Я знаю, что вы думаете. Что я не отличаю друидов от евреев и не способен понять универсальную структуру Синархии. Вы, как и все немцы,

считаете нас идиотами (друидами? кажется, так их называл профессор Рамирес). Послушайте, вполне возможно, что я не знаю, что такое друид. Но я предвижу, что только что провел шесть или семь часов с профессором Рамиресом, в течение которых он настойчиво доказывал мне, что друид - это то же самое, что еврей, если я не ошибаюсь в его последнем синтезе. Итак, для

Это одно и то же, интеллектуальные тонкости. Я был прав: Белисена Вилька был ликвидирован евреями, особенными евреями, но все же евреями. И вы также были правы, когда сказали мне, что способ убийства, *modus operandi*, был квазимасонским. Да, вы были правы, а я вас не послушал.

Но теперь я не повторю этой ошибки, потому что я задумался. Я размышлял о том, что произошло три месяца назад, о ваших последующих шагах и о том, что случилось здесь вчера. И знаете, к какому выводу я пришел?

Не смею даже представить, - честно призналась я ему.

Ведь убийство его семьи - *это ритуальное преступление*.

Я не могу этого отрицать, - согласился я, поскольку полицейский заслуживал подтверждения своих выводов.

-И *такое же, как убийство Белисены Вильки, возможно, совершенное теми же убийцами?*

-Я не могу этого доказать, но уверен, что ответ положительный, - признал я.

-Только лучше, доктор Зигнагель! Я уже говорил вам, что я здесь не как полицейский, а как друг. Я понимаю, что по каким-то причинам вы не можете донести правду, и поэтому я пришел предложить свою помощь, свою и моих товарищей-националистов. У меня есть оперативная группа, готовая приступить к работе в любой момент! -сказал он, понизив тон голоса до неслышимого уровня.

Как это ни невероятно, но я все еще не понимал, что предлагает мне офицер Майдана.

-А что вы хотите делать? -спросил я, не маскируясь.

-И вы просите меня, доктор? Помочь вам против ваших врагов, которые, безусловно, наши враги, и враги страны! Мы предлагаем вам конкретную помощь, людей, оружие, снаряжение! *Все, что от вас требуется, - это назвать имена убийц, дать нам подсказку, раскрыть вашу организацию*. Разве вы не хотите отомстить за свою семью? Мы сделаем это за вас или вместе с вами!

Как я мог объяснить ему реальность Беры и Бирсы? Безусловно, в голове полицейского не укладывалось, что за убийцами стоит сверхъестественная причина. Он не признавал реального существования магии, а эзотерика, по его мнению, была лишь методом разведки, направленным на достижение "психологического воздействия" и "культурного проникновения". Короче говоря, офицер Майдана, как добрый ветеран националистической *фраготы*, представлял себе только врагов из плоти и крови, сплошных белых, евреев, марксистов, масонов, сионистов или кого угодно, но врагов, проницаемых для артиллерии разных калибров и для тротила.

-Я благодарю вас за ваше предложение, Майдана. Я глубоко признателен вам, потому что знаю, что оно честное и бескорыстное. Но вы не можете нам помочь, а я не могу дать вам никакой информации. Поверьте, лучше оставить все как есть. Теперь речь идет не просто о стажере из психиатрической клиники, а о моей семье, о Майдане, обо *всей моей семье*. Если вы можете мне помочь, как я могу не согласиться? Но теперь я тот, кто хочет оставить все как есть. Я знаю, что говорю.

-Что значит, мы не можем вам помочь? -Майдана запротестовала: "Вы

знаете, что я думаю: что вы боитесь! Я не знаю, кто совершил эти преступления. Но очевидно, что вы знаете и не хотите делиться секретом. А почему вы это делаете? Ну, потому что вы считаете, что враг слишком "силен" для нас, неуклюжих южноамериканцев. Я понимаю, вы немец и у вас есть предубеждение против аргентинского национализма.

Фауна имбецилов и предателей ввела нас в заблуждение; я не могу отвечать за эти обвинения. Но вы ошибаетесь, если полагаете, что так будет всегда! Мы живем в другую эпоху, и есть другие люди: **наше поколение, доктор Зигнагель, нельзя остановить материально**, - твердо сказал он. Нас много, у нас есть идеалы, и мы сыты по горло коррупцией и материализмом; наступает день, когда мы устроим синархическим силам великое национальное наказание. Доверьтесь нам, и вы не пожалеете об этом! Ни один враг не слишком силен на нашей родине, чтобы мы не нанесли ему незабываемый удар; мы можем не выиграть войну, но мы можем частично наказать его, ранить его гордость, сломить его высокомерие, не дать ему насладиться триумфом его преступлений! Что вы скажете, доктор? Это Моссад? Британская MI5? С.И.А.?

Что сказать комиссару Майдане?

-Я скажу вам только это, и только это, - сказал я, - **если бы Враг был человеком, я уверен, что ваша помощь была бы эффективной**. Да, Майдана: если бы Враг был человеком, уверяю тебя, он получил бы твою поддержку. Этого должно быть достаточно для него.

-Но что вы хотите сказать?" - спросил он насмешливым тоном. Меня удивляет, что вы, человек, которого я уважаю за искренность, показываете мне, что прибегаете к простому эскапизму, чтобы избежать угрозы убийц. Вы боитесь и не хотите признать, что рано или поздно на вас тоже нападут убийцы! **Потому что в противном случае, если бы вы были в здравом уме, вы бы поняли, что убийцы - вполне люди**.

Как?" - невольно воскликнул я.

-Да, доктор, реагируйте, - попросил Майдана. Убийцы - люди: **если бы это было не так, зачем бы они использовали ножи и дубинки?** -спросил он с неопровержимой полицейской логикой.

Это был простой, абсурдный и элементарно простой вывод. Вот почему я не мог принять его, я отказал ему в доступе к моему разуму; вот почему, а также потому, что он исходил от Майданы, простого полицейского из Сальты.

Нет! Нет!" - упрямо отрицал я, - "Вы не понимаете природу Врага. Ты не сможешь нам помочь.

Я зажмурился и стал жалким ребенком, когда вмешательство дяди Курта удивило нас обоих.

-Да, он может нам помочь! - сказал он. Мы вытаращились на него.

Возможно, мне удастся вернуть нам тела Каталины и детей, - предложил он.

-Ах, - вздохнул Майдана. Это бюрократическая формальность. Я пришел предложить вам помощь иного рода, но не думайте, что я откажу вам, если вы попросите меня об одолжении.

Он посмотрел на свои наручные часы и добавил:

-Сейчас 2.15. Плохое время, чтобы заниматься делами. Но я пойду в местный полицейский участок, выясню, что происходит с этими телами, а потом вернусь. Не забудьте, что я вам сказал, доктор! А пока подумайте над моим предложением.

Глава VI

Машина комиссара Майданы поднялась по склону выездной дороги и через двести метров въехала на провинциальную трассу. Две толстые женщины, которые терпеливо ждали, подошли и обняли меня, обе одновременно: это были "молочные матери" Каталены и мои "мадрес де лече" (молочные матери). Там было очень важно быть "молочной матерью", "молочным сыном" или "молочным братом"; все начиналось с того, что у хорошей матери "кончалось молоко" для своего ребенка или его не хватало: тогда другая мать, более сильная, родившая ребенка примерно в то же время, была призвана кормить обоих младенцев. Молочная мать, хотя и более сильная, часто была и более бедной, поскольку обычно это была креолка или индианка, возможно, уже многодетная мать, которая охотно помогала ей. И, конечно, ей платили за ее услуги. Но вознаграждение - это одно, как правило, подарки для собственных детей, одежда и еда, а материнская любовь - совсем другое: ее нельзя было оплатить ничем, и поэтому возникали связи, выходящие за рамки простой коммерческой сделки: "комадрасго де лече" (комадрасго молока). Фактически, молочная мать обычно становилась "товарищем" настоящей матери и пользовалась определенной дружбой или предпочтением по отношению к другим женщинам в долине Кальчаки. Это многовековые обычаи, восходящие к временам испанцев или, возможно, индейцев.

Из тех двух женщин, что обнимали меня, одна была "моей молочной мамой", а другая - "моей молочной мамой".

Другая принадлежала Каталены. У меня ничего нет, - сказала первая, - и я не похожа на донью Беатрис, но все мое - твое, Артурито, вся моя любовь. Я крепко сжал креолку, которая видела мое рождение, и расцеловал ее в обе щеки. "Спасибо, сеньора Исабель, большое спасибо", - сказал я ей, растроганный, в то время как плакальщицы Ла Мерсед подпевали мне своими болезненными причитаниями.

Я оставил товарищей перекреститься у гробов и удалился в укромный уголок в компании дяди Курта. С момента ухода комиссара Майданы мною овладело нарастающее возбуждение. У меня возникла идея, идея, рожденная рациональным выводом полицейского, которую я хотел без промедления донести до дяди Курта. Естественно, если я не хотел принимать предложения Майданы, то дядя Курт их даже не слышал. Поэтому я повторил их ему:

-Дядя Курт! Дядя Курт! -Я напугал его. Вдумайтесь в слова полицейского: они похожи на силлогизм. Он сказал: "Убийцы - люди"; почему? "Потому что они используют ножи и дубинки, то есть материальное оружие", - сделал он вывод. В то время я категорически отрицал такую возможность, но теперь считаю вывод комиссара Майданы не иначе как гениальным.

-Ты с ума сошла, Неффе, ты сошла с ума! -Дядя Курт лишил меня права высказывать свое мнение.

Они бессмертны! Бера и Бирса бессмертны! Ничто не означает, что они использовали кинжал: он был необходим для Ритуала Жертвоприношения.

-Боги, дядя Курт, не обращайся со мной как с имбецилом! -Я защищался. Я знаю, что они Бессмертные: **но, как сказала Белисена Вилька в истории о Нимроде, они таковыми являются лишь до тех пор, пока их не убивают, "пока над ними не совершают физического насилия". "Эти Бессмертные тоже могут умереть".**

-Ты сошла с ума! -Прошлой ночью вы не проверили силу демона Бера, - повторил он, еще более настойчиво. Мы ничего не можем против них

сделать. Вы очень хорошо сделали, что обескуражили полицейского!

-О, **мой бог!** -Я поклялся: "Нет, дядя Курт, я не сошел с ума! Это вы упрямитесь! Но вы выслушаете меня. И вы позволите мне высказать свою идею;

выпить?

Да, да, - неубедительно пообещал он.

-Тогда слушайте. Моя концепция заключается в том, что существуют две несводимые плоскости, которые сейчас, в результате ошибочного и субъективного восприятия реальности, были вмешаны или смешаны. Этими плоскостями являются: **плоскость реальности духа** и **плоскость человеческой реальности**. Между этими двумя плоскостями не может быть никаких отношений или связей, только **беспричинные**: все связи или причины иллюзорны, а не реальны. Но есть и закон, который является **причиной неразумности**, который защищает и утверждает абсолютную реальность плоскостей. И этот закон, поддерживающий причину неразумия между такими плоскостями, является единственным ориентиром для того, чтобы не потерять разум и не сойти с ума. Этот закон здравомыслия требует: **не преступать плоскости. Не переносить в плоскость Реальности Духа сущности, принадлежащие плоскости Человеческой Реальности;** и наоборот: **не проецировать в плоскость Человеческой Реальности идеи, принадлежащие плоскости Реальности Духа.**

В этом дьявольском деле Бера и Бирса, мой дорогой дядя Курт, мне кажется, что планы спутались, что мы больше не знаем, какой плоскости угрожают Бессмертные. Но я скажу тебе, дядя Курт. Расскажу так ясно, что вы больше не сможете повторять, что я сошел с ума, но вам придется признать, что я слишком здравомыслящий. Вот что: давайте сначала посмотрим на плоскость Реальности Духа: там **истина** является Истоком, Символом Истока; из-за этой истины, из-за того, что они не могут противостоять весу этой истины, из-за того, что они отрицают или не могут вынести присутствие этой истины, Бессмертные вынуждены проявлять **архетипическую монадическую** форму, такую, какую вы видели в Ла-Бреа. Форма монады, единство Света, позволяет им мощно существовать **вне плоскости человеческой реальности** и избегать конфронтации с истиной Истока, с Символом Истока; и эта мощная форма, несомненно, является самой опасной, какую только можно себе представить; я согласен, что такая опасность также реальна.

Но давайте перейдем в плоскость человеческой реальности: там **истина** - это "Я", то есть психическое и волевое проявление Духа, прикованное к Материи. А ложь, иллюзия человека, но и его душевный двигатель, - это **Боль**. Бог-Творец питается силой, называемой **человеческой болью**, а человек производит **боль** и **страдания**, чтобы питать Творца Великой Иллюзии. Обычный человек производит мало боли, потому что для того, чтобы страдать от иллюзии боли, требуется уязвленное благородство Духа. Поэтому Великие Люди, Великие Духи, воплощенные в жизнь, способны порождать Великую боль, Великие страдания, Великие несчастья, Великие муки: **голод по Богу, по Иегове-Богу, требует от Великих Людей вклада боли. И те люди, которые способны на величайшие страдания, должны быть также способны принести величайшую жертву: их боль должна быть священной для Бога, для Иеговы-Бога. Для этого нужны представители Иеговы-Бога, Жрецы Иеговы-Бога, те, кто обладает**

властью освящать Великую боль, например, Бера и Бирса. Ибо всегда будет необходимо, чтобы на плоскости человеческой реальности существовали Жрецы Бога, посвящающие Великую Боль Великого Человека единству Бога, Иеговы-Бога. Только так можно будет **принести в жертву** Великого Человека, чтобы его освященная Великая Боль питала единство Единого, Бога-Создателя Иеговы-Бога.

Короче говоря, дядя Курт, одно дело Бессмертные, столкнувшиеся с плоскостью Реальности Духа, где у них нет иного выбора, кроме как проявиться монадически, как единица Света, чтобы избежать истины Происхождения: как это случилось с Берой и с вами, у него не было другого выхода, кроме как **облачиться в Одеяния Единого**, то есть **в свою Монаду Света**. Вы возразите мне, сказав, что подобное проявление имело место и на плоскости человеческой реальности, но я отвечу, что вы - нетипичный случай, и вы это знаете. **Вы подобны раненому человеку, чья необычная рана обнажает одну из его сокровенных костей; те, кто видит ее, глубоко впечатлены тем, что воспринимают интимную реальность, которая обычно ускользает от внимания: точно так же те, кто видел Знак Происхождения, который вы невольно демонстрируете, были глубоко впечатлены, потому что почувствовали в этом открытии откровение другой, интимной и чуждой Реальности**. Короче говоря, дядя Курт, ваш опыт не имеет общей ценности; это опыт того, кто способен проявить на плоскости человеческой Реальности знаки идей, зародившихся в Мире Духа, возможно, Шиватупку.

Но в царстве обычных человеческих существ, таких как непосвященные члены Дома Тарсиса, как мама, Каталина и я, все происходит по вышеупомянутому закону: **боль должна быть освящена и принесена в жертву Иегове-Богу; а для этого нужны Жрецы из плоти и крови**. Поэтому во всем своем письме Белисена Вилька всегда описывает Бессмертных как **Дьявольских Жрецов: для Жертвоприношения Боли должен быть проведен Ритуал Смерти; а для проведения Ритуала Смерти нужны Жрецы-жертвы!**

-К чему вы клоните? Или, скорее, к чему, по-твоему, приведут меня твои аргументы? -спросил дядя Курт, подозревая, что я хочу заманить его в диалектическую ловушку.

-Просто: **мой вывод заключается в том, и я считаю, что доказал его, что для совершения ритуальных убийств, подобных тем, что были совершены вчера, Бессмертные должны предстать в человеческом облике священников**. Одним словом, я считаю, что комиссар Майдана прав: убийцы моих родителей были людьми, жрецами Преступления, которые должны использовать кинжалы и физическую силу, чтобы расправиться со своими жертвами.

-... Хотя это звучит безумно, я должен признать, что в этом нет никакого смысла. Ну, предположим, что имеет: и что мы от этого выиграем? Где будет разница в ситуации?

-Ах... -вздыхнул я торжествуя. Ваш вопрос связан с тем, что вы даже не рассматриваете возможность **нападения**, не так ли?

-Атаковать? По-моему, вы сошли с ума, - предрешил он.

Да! Атакуйте, атакуйте демонов! Что с тобой, малыш? Тридцать пять лет вынужденного отдыха сделали тебя мягким? -насмешливо произнес я. Ты только что признал, что демоны, выступая в роли жрецов, превращаются в людей, так что же мешает нам казнить их, забирая вместе с их мерзкими жизнями весь ущерб, который они нам причинили?

-Но как, Артур, как мы это сделаем? Где мы их найдем?" - Я оставил дядю Курта практически в недоумении, не зная, какие аргументы привести против моей дикой идеи. И даже если предположить, что мы сможем это

сделать, что это даст нам, что это даст Стратегии Сиддха? Разве мы не согласны?

уже, то лучше последовать примеру Нойо Вильки и выполнить просьбу Белисены Вильки?

-Шшши, - прохрипел я, прикрывая рот указательным пальцем в знак молчания, **- все равно! Ты сам получишь ответы на все эти вопросы, когда узнаешь план.**

-Какой... **какой план?** -испуганно спросил дядя Курт.

-Мой план! Мой план нападения на демонов! Но я не буду говорить о нем, пока не закончатся похороны. Тогда я объясню его тебе, и мы обсудим его.

Ничуть не убежденный, дядя Курт с комичным беспокойством покачивал головой. Если бы мы не находились в столь трагических обстоятельствах, я бы от души посмеялся над его жестами, которые должны были выразить, что он серьезный человек, попавший в руки сумасшедшего.

Глава VII

В 5.30 утра прибыли два катафалка с Каталиной и ее детьми. Три гроба сразу же поставили рядом с гробами моих родителей, что вдохновило плакальщиц на новые литании с особым пафосом. Через пятнадцать минут появился комиссар Майдана, автор этого невероятного бюрократического подвига.

-Как вам это удалось, комиссар? -спросил я.

-Ну, это было не так уж сложно, учитывая, что отчеты о судебно-медицинской экспертизе уже были готовы, хотя и без подписи: никто не любит подписывать отчет без диагноза. Потому что именно этого у них и **не** было: **ничего**. Иными словами, они не знали, от чего умерли их сестра и племянники. Моей единственной заслугой было убедить врачей, которые приехали только в 5.00, что у меня есть конфиденциальная информация, благодаря которой дело будет похоронено по приказу начальства. Несмотря на это, мне пришлось разбудить уважаемого судью, чтобы получить устное разрешение на передачу тел комиссару; однако, поскольку судебно-медицинские заключения были готовы, препятствий для завершения процедуры не было, и судья согласился получить их утром и подписать разрешение. А вот и их несчастные родственники, доктор; и знаете, какой диагноз был поставлен? **Остановка сердца**. Глупо, ведь мы все согласны, что это многоэпизодное убийство, но эти врачи не смогли определить причину смерти: на вашем месте я бы попросил провести тщательное исследование в университете Сальты, но раз уж вы так торопитесь закончить похороны, все должно остаться как есть.

-Конечно, комиссар Майдана. Так и будет; для всеобщего блага, - уверяю я. В любом случае убийцы заплатят за то, что они сделали с моими родителями.

-Вот об этом я и хотел поговорить с тобой, Зигнагель! -сказал Майдана с эйфорией, полностью изменив свое отношение к делу.

Простите меня, если я склоняюсь к оптимизму, - оправдывался он, - **но я люблю выигрывать** споры или пари, особенно когда противником является такой уважаемый человек, как вы: **это наполняет меня гордостью,** -

наивно признался он.

-А как он выиграл? -спросил я, недоумевая.

-Возможно, для вас это не имеет значения, но я сделал вам предложение перед отъездом, - вспоминает он, - и я до сих пор помню ваши необычные слова, нелепо предположившие, что **"убийцы не будут людьми"**. "Если бы они были людьми, - сказал он, - он бы принял мою помощь". Вы сказали это!

-Успокойтесь, Майдана, я не собираюсь вам противоречить! Действительно, я так и думал, хотя позже изменил свое мнение и теперь практически согласен с вами, что убийцы были бы людьми, порочными и позорными людьми.

-Браво, доктор Зигнагель! Я рад, что вы изменили свое мнение; теперь вам будет легче признать, что я был прав. В этом деле появились новые элементы, доктор!

-Какие элементы?

-Свидетели, **доктор Зигнагель. Появились два свидетеля, которые прекрасно видели убийц**, - доложил он профессиональным тоном. В данный момент они дают показания и составляют описание, которое позволит нам восстановить лица преступников: как только идентификатор будет составлен, тысячи из них будут распространены по всей провинции и остальной части страны, и начнется операция по поиску их передвижений.

Дядя Курт пришел в ярость. Я же, напротив, посчитал эту новость полезной для своих планов.

-Кто свидетели? -Я хотел бы знать.

-Я расскажу вам это в полной тайне, так как дело находится под грифом "секретно" в рамках судебного расследования. Это были два швейцара из Табачной компании, которые должны были войти в полночь в 300 метрах отсюда, и они проехали перед входными воротами почти в это время. Поскольку они соседи, то всегда преодолевают этот маршрут в компании, каждый со своим велосипедом. И как все ранние утра, вчерашнее утро тоже казалось тихим: **пока они не увидели машину, подъехав сюда**.

-Машина! -Мы кричали вдвоем, дядя Курт и я. "Какая машина?"

-Вы видите, что ваши убийцы вполне человечны, **настолько, что даже разъезжают на огромном импортном автомобиле**.

-Не могли бы вы рассказать нам подробности? -прошептала я.

-Наберитесь терпения, доктор, и я расскажу вам все, что знаю, а это не так уж много. Примерно в 11.59 или 0.00 двое мужчин начали катить свои велосипеды перед этой финкой. Очень скоро они заметили огромный черный автомобиль, который медленно ехал впереди; он ехал медленно, как будто искал какой-то дом, и велосипедисты не поехали вперед из чистого любопытства. Так они и ехали, пока, подъехав к воротам, машина не свернула с дороги и не припарковалась на подъездной аллее. Тогда они хорошо рассмотрели ее обитателей: **это были двое мужчин "восточной внешности"**, безупречно одетые в черные костюмы; один из них даже вышел, чтобы открыть ворота, и был явно замечен ими обоими.

Свидетели находятся под стражей со вчерашнего полудня, но вам не сообщали о ходе расследования. Важно то, что через монитор компьютера была запущена этнографическая программа и что швейцары опознали второго персонажа как какого-то "турка" или выходца с Ближнего Востока. Что я вам говорил, доктор? Я не ошибся, когда предположил, что они могут быть членами Моссада.

Нет, Бера и Бирса не были членами израильского Моссада, но они, безусловно, могли быть руководителями этой зловещей еврейской "Службы разведки" или "Эскадрона смерти": они более чем подходили для этого. Разумеется, они были уроженцами Ближнего Востока, где, по словам Белисены Вильки, они были королями в древние времена. Поэтому не оставалось никаких сомнений в том, в каком виде первосвященники Мелхиседека прибыли в Серрильос: как "человеческие существа", в современной одежде и на роскошном автомобиле. Получив эту новость, дядя Курт потерял дар речи.

-Какой марки была машина? -спросил я.

-Нет ни марки, ни модели. Интересно, что свидетели согласились дать подробное описание автомобиля, но не смогли назвать его марку; они также не отметили, есть ли у него номерной знак. Из их показаний можно сделать вывод, что это был очень большой автомобиль, "Кадиллак" или "Линкольн", который, не будучи частым типом в нашей стране, затруднил бы идентификацию.

Когда Майдана закончил передавать мне полицейскую информацию, полученную им за столь короткое время, он вернулся к своему: он хотел, чтобы я отплатил ему такой же преданностью и рассказал все, что знал об убийствах и таинственных убийцах. Конечно, я не мог сказать ему правду, невероятную правду, и поэтому оказался в моральном плену.

В 7.05 утра прибыл комиссар Серрильос. Он пришел поприветствовать меня и выполнить просьбу Майданы, который также разбудил его в 3.00 утра.

-Здравствуйте, Артуро. Доброе утро, сеньор Сангедольче. Доброе утро, сеньор Сангедольче. Как поживаешь, Майдана? - Я не знал, что вы друг Артуро. Я принес то, что вы просили, но поскольку вы друг, помните, что все остается в тайне. Судья пытается пролить свет на дело, которое стало очень странным, и только утром он отдаст распоряжения, которые позволят нам действовать. До тех пор дело держится в секрете.

Он протянул Майдане конверт, который тот поспешил вскрыть. В нем находились личные данные убийц и несколько рисунков, изображающих сцены, которые видели свидетели.

На портретах были изображены два лица несомненно восточной внешности: круглые, с высокими скулами, редкими бровями, слегка раскосыми глазами, толстыми губами. Они были чисто выбриты и, судя по всему, без волос. Последнее нельзя было утверждать с уверенностью, **поскольку, как ни странно, преступники носили плотно прилегающие грибовидные шляпы.**

-Есть вещи, которые не укладываются, не согласуются с общими закономерностями криминологии, - возразил комиссар Серрильос. Мы ищем двух свирепых убийц, виновных в расправе над безобидной семьей. Два свидетеля видели, как они в момент преступления входили в дом. Пока все хорошо, все "нормально". Затем мы просим свидетелей описать предполагаемых преступников. Они согласились, и на этом обычная типология закончилась: случай не вписывался ни в какие общие рамки; ни криминологическая казуистика, ни прецеденты, ни накопленный опыт не помогли нам понять событие. Поначалу свидетели вызывали подозрения, но затем их способность давать показания была проверена: это безупречные

люди, не употребляющие ни капли алкоголя, учитывая, что им приходится работать на посту наблюдения, и в довершение всего они бывшие полицейские, то есть отставные, обученные наблюдать за преступлением.

и привык рассказывать подробности. Но его история была слишком невероятной. -Посмотрите на эту картину, где пассажир вышел, чтобы открыть ворота, а водитель сидит за рулем большой черной машины, - что видели свидетели? Не двух "обычных" преступников, которые собираются тайно убить семью, а двух элегантно одетых **джентльменов**, которые входят в дом так, словно посещают поместье Зигнагелей. На самом деле судья вчера днем обследовал их у психиатров, но заключение положительное: они в прекрасном психическом состоянии. Они даже подверглись допросу под гипнозом, который также дал положительные результаты: они **говорят правду**; что бы они ни видели, они верят в то, что говорят.

Я бросил взгляд в сторону комиссара Майдана, потому что в нем чувствовался знакомый запах убийства Белисены Вильки. Но он был невозмутим; очевидно, у него тоже было рациональное объяснение любопытному одеянию "агентов Моссада".

-Посмотрите на это, сеньоры! -Может ли быть что-то более нелепое, чем убийцы, одетые в черные костюмы-тройки, черные туфли, черные шляпы, черные шляпы-котелки, черные галстуки и белые рубашки? Да, я знаю, что такие убийцы есть: в Гонконге, в Стамбуле, в Лондоне, в Нью-Йорке и в тысяче других мест в мире, **но здесь, в Серрильосе?** В случае с другими типами людей можно было бы даже смириться с их присутствием в этом районе: например, если бы они были руководителями транснациональной компании, приехавшими по делам, чтобы разграбить часть нашего сырья. Таких преступников легко представить. Но в данном случае они легко выбиваются из общей картины фермеров-убийц.

Комиссар посмотрел на часы и попрощался: "Мне пора идти. До встречи, Артуро; простите меня за все это. Увидимся сегодня днем на кладбище. Извините за светскую беседу, но это Майдана пришел разворошить осиное гнездо; я бы не стал беспокоить вас **до похорон**. Естественно, судья тоже хотел бы с вами поговорить, и он скоро вас вызовет, когда пройдет этот трагический момент, **конечно**."

Последние слова комиссара Серрильоса вызвали у меня глубокую тревогу: чего хочет полиция? Неужели они собираются убить мою семью, а допрашивать будут меня?

Успокойтесь, доктор, ничего страшного, - заверил его Майдана. Это обычная рутина. Полиция ничего не понимает и хочет знать ваше мнение. То же самое касается и судьи; вот почему он не хотел отдавать тела. Я могу высказать множество гипотез о том, чего не сказал комиссар и что, вероятно, произошло: например, они почти наверняка передали по радио описание черной машины и не смогли выяснить ее местонахождение; они даже не знают, покинула ли она провинцию. Это их озадачивает; это редкая машина, и они полагают, что кто-то должен был ее видеть. **Но они не продвигаются вперед, потому что занимаются профессиональным расследованием. Мы с вами знаем, что, вопреки утверждениям комиссара и судьи, это действительно классический случай: классический случай в международной разведке и контрразведке.**

Майдана был убежден в своей теории, и я должен был дать ему ответ без промедления.

Глава VIII

Восемь тридцать утра. Я находился на кухне финки де Серрильос, завтракая с дядей Куртом и комиссаром Майданой. Я с грустью вспомнил, что в последний раз видел своих родителей вместе в этой комнате: последний образ реальности, которая никогда не повторится; в результате путешествия, которое я совершил в то утро, мои родители теперь лежали в соседней комнате, каждый в гробу. *Воспоминание причиняло мне боль, но, по словам дяди Курта, в этом и заключалась **слабость**: Гиперборейские Инициаты, Рыцари, говорил он мне в Санта-Марии, **не могут иметь семью**, а тем более любить ее: это означало бы сделать ее мишенью для Врага, подвергнуть ее верному уничтожению, и, что еще хуже, это было бы нашим **слабым местом**. Тогда я недооценил его предостережения, но теперь я понял, сколько правды было в его словах; вот почему он был так настойчив: тот, кто знал Врага, знал, как знал теперь я, что ни один совет не может быть достаточным для защиты от Него. Он 35 лет лишал себя возможности видаться с сестрой, усердно оберегая ее, и только я, сын, должен был безрассудно отправить ее к палачу. **Это сводило с ума. Но я не мог сойти с ума. За смерть своей семьи я нес определенную ответственность, допущенную по неосторожности. Но я не должен забывать, что объективные убийства были совершены врагом. Тогда мы были на войне: и в стратегии этой войны у меня была миссия, которую я должен был выполнить!***

После завтрака Майдана проведет некоторое время в штаб-квартире Полиция в Сальте, а затем он отправится на покой. Он обещал вернуться к шести часам вечера для погребения. Однако он торопился принять немедленное решение по поводу своего предложения о помощи. Для него нельзя было терять время, ведь каждая минута, которая проходила, давала преимущество убийцам в их тактике бегства. Если же я не хочу ловить материальных убийц, а хочу нанести удар по подстрекателям, то мы можем поговорить в другой, менее драматичный момент, так как он гарантировал, что его националистическая группа также поддержит меня.

Ждать было незачем: я уже принял решение:

-Комиссар Майдана, не будете ли вы так любезны подождать еще полчаса и не откажете мне в удовольствии поговорить с господином Сангедольче наедине? -спросил я его.

-Я не возражаю, - уверенно сказал он. Затем, когда дядя Курт направился к лестнице, он приблизился к моему уху и добавил: - Намеренно тихо, но не думайте, что я глуп. Я внимательно наблюдал за ним и могу поклясться, что он не итальянец. Возможно, он немец или выходец из какой-нибудь северной страны. А может, он ваш родственник или один из тех нацистских героев, которых евреи ищут, чтобы уничтожить. Может быть, он - скрытая цель восточных убийц: "контракт" Мосссада, почему бы и нет?

Я ушел, не став больше слушать. С Майданой было очень трудно иметь дело: он был умен, образован, обладал интуицией, но упорно придерживался ошибочной позиции, когда все факты облекались в поверхностную политическую концепцию. Мне пришлось думать не о нем, а о речи, которую я собирался произнести перед дядей Куртом.

Мы встретились в моей комнате - месте, пропитанном болезненными воспоминаниями. Дядя Курт лег на кровать, а я сел на стул. Прежде чем я успел произнести первое слово, он дал мне понять, что настроен против меня. Но я был готов к тому, что он...

Он уже несколько дней понимал, почему Тарштейн назвал его **упрямым**.

-Я представляю, что ты собираешься сказать, Неффе. С тех пор как появился полицейский Майдана и ты подтвердил невероятную идею о "человечности" Беры и Бирсы, я с ужасом жду "твоего плана". И знаешь, почему? Потому что я могу себе это представить. Но не волнуйтесь, я выслушаю ваш план и рассмотрю его с наилучшими пожеланиями. Только хочу заранее заложить один принцип, от которого я не отступлю, несмотря ни на что: **бессмертные не могут умереть**.

Бессмертные не могут умереть", и дядя Курт, упрямо стоящий на этом принципе, никогда не согласится с моим планом. Как и вся его "добрая воля". Но, как я и предполагал, я был готов к его реакции и уже нашел способ сделать так, чтобы будущее не зависело от его "доброй воли": я восхищался дядей Куртом, но считал его вполне способным подождать еще 35 лет, прежде чем начать действовать. Я отпустил свою речь:

-Мой дорогой дядя Курт, перед нами две точки зрения, и чтобы сдвинуться с места, одна из них должна возобладать над другой. Но ни один из нас не уступит своей позиции, **да и нецелесообразно это делать**. Ты - потому что, хотя ты и упрям до крайности, ты обладаешь силой, которой нет ни у кого другого, и Инициатическим знанием, которое следует уважать. Я - потому что, о тавтология, я могу быть прав, а могу и ошибаться; никто не знает, даже вы. Не просто так я был призван сейчас Богами, не просто так я получил письмо Белисены Вильки, не просто так я фон Зюберманн, не просто так я терплю эту боль, нападение демонов на мою семью; не просто так все это может быть, но их самих по себе недостаточно, чтобы решить, прав я или нет. Вы склонны считать, что все, что со мной происходит, происходит из-за вас, но у меня другое представление о себе, и я думаю, что я тоже существую; и если я существую, то для чего-то: для чего-то, чего мы не знаем, но, возможно, это тот факт, что я прав в своем плане, что также означает, что я буду прав, выполняя просьбу Белисены Вильки, что я найду ее сына, Нойо Мудрого Меча.

Как я могу узнать правду, если после того, что случилось с моей семьей, и после доказательства того, что Бера и Бирса перевоплотились, чтобы напасть, я ни за что не соглашусь с тем, что дальнейшие шаги будут определяться вашей "доброй волей", и не буду решать за себя? Я объясню вам, **как мы узнаем**. И простите меня, если я буду строг с вами, дядя Курт. Вы заложили свой принцип, от которого не отступите, а я заложу свой, от которого не отступлю: **я приму, и только приму, Волю Богов!** Пусть они решают!

С точки зрения логики, я не предлагаю "Испытание Богов", Ордалии, чтобы выяснить Волю Богов. Ибо есть одна вещь, которой я готов доверять, - это ваша Честь, Честь вашего Вечного Духа. **И ты можешь говорить с Богами с помощью способности Скротра Крам**, хотя я уверен, что **ты** ни разу, по упрямству, не использовал ее со времен падения Третьего рейха. Тогда поговорите с богами, с капитаном Киевом и спросите о нашем будущем, спросите, какие шаги мы должны предпринять! Какой бы ответ они вам ни дали, я приму его. И я приму его от вас: **я поверю в то, что вы мне скажете**.

На самом деле я полагался на то, что честь дяди Курта не позволит ему обмануть меня. А если, несмотря ни на что, он все же обманет меня, то так тому и быть: фюрер, который передал ему Скротра Крам, позаботится о нем.

Вместо того чтобы убеждать его

С помощью красноречия я надеялся, что моя речь заведет дядю Курта в диалектическую ловушку, которая заставит его выбирать между атакой на демонов и предательством стратегии фюрера. Это если мой план окажется верным. Но если нет, и если дядя Курт утверждал, что для капитана Киева это не так, **я никогда не узнаю**. С точки зрения логики я был так же уверен в правильности своего плана, как и он в том, что разговор с комиссаром Майданой нарушил мой рассудок.

На данный момент дядя Курт молчал. Я вывел его из задумчивости, потому что мне нужно было получить его одобрение, прежде чем объяснять план. Чтобы не провалиться, я прибег к драматическому перевороту.

-Вы поговорите с капитаном Киевом и передадите его послание? Вы хотите, чтобы я просил? Мне не стыдно просить: сделайте это за меня. Помните, когда я отправился в Сент-Мэри и вы чуть было не убили меня собаками Дайваса, вы уверяли меня, что, если бы я умер, вы бы убили себя: что может быть хуже этого или того, что случилось с нами потом, когда демоны истребили наш Стироп? Да, дядя Курт, я прошу тебя: **хоть раз в жизни ослабь свое упрямство!**

Минуточку, - прервал он меня, - ничего страшного. Вы не должны преувеличивать. Я считаю ваше предложение справедливым и с радостью принимаю его. Я снова воспользуюсь Скротра Крамом, которым, разумеется, не пользовался со времен Второй войны, и попытаюсь узнать Волю Богов. Вот только мне трудно даже представить себе полезность вашего плана: **Бессмертные не могут умереть**. Но, возможно, вы, прежде всего, правы, и ваша **безумная** идея действительно должна быть реализована. А теперь не могли бы вы подробно подтвердить то, что интуиция уже подсказала мне, чтобы у меня не возникло сомнений в том, с чем мне следует посоветоваться?

Я убедил его; птица была в мешке, козел попал в петлю! Я задрожал от радости, но ни жестом не выдал своего душевного состояния, которое было сравнимо с состоянием Цицерона, когда он убеждал сенат в необходимости войны Рима с Карфагеном: если он уловил мои мысли, я ничего не мог поделать, но я старался не делать ничего, что могло бы его оскорбить. Хотя он не упускал случая указать мне на то, что мой план мог исходить только от безумца.

Стратегически, - объяснил я, - мой план основан на принципе двух реальностей, о котором я говорил вам ранее. Если говорить более четко, то я утверждаю, что для того, чтобы напасть на нас, демонам пришлось **спуститься** на плоскость человеческой реальности, и это сделало их уязвимыми **на этой плоскости**. Это не так уж много, но чего еще мы можем просить? Гиперборейская Мудрость учит, что природа страха по сути своей животная, то есть душевная, человеческая, свойственная Бессмертной Душе; напротив, Вечный Дух - это чистое мужество, **не знающее страха, который по сути своей ему чужд**. Итак, Бера и Бирса - две высокоразвитые Бессмертные Души, **но природа страха им не чужда**; напротив, они должны быть способны испытывать страх, и очень сильно; когда? когда их одолевает **сила**. Это потому, что, как и все души-сущности, они понимают только один язык: **язык силы**. Конечно, они сознают свою силу, и поэтому не боятся врага, который, как они знают, уступает **им в силе**, как духи, прикованные к материи, как духовные люди. Поэтому они правы, не опасаясь людей, **если Они сами являются сверхлюдьми**; и это правда, что глупо пытаться атаковать Бера и

Бирсу ***вне плоскости человеческой реальности***. Но теперь дело обстоит иначе, поскольку Они поместили Себя на плоскость человеческой реальности, став

На мгновение они превращаются в людей, предлагая слабое место в их Стратегии: **теперь мы можем атаковать их в их человеческой слабости, как они атаковали нас.**

Что мы получим, если, как вы говорите, в конце концов **"Бессмертные не могут умереть"**? Если рассматривать вопрос таким образом, как вы его решаете, т.е. **исходя из первых принципов**, то, лишив их человеческой жизни, мы лишь развоплотим их бессмертные души. То есть мы бы ничего не получили. Но я считаю, что так отвечать на этот вопрос не следует, поскольку, цепляясь за один принцип, мы пренебрегаем другими, не менее важными принципами, чем принцип бессмертия души, которые, если их учитывать, **могут дать нам относительное стратегическое преимущество.** В частности, я имею в виду уже упомянутый **принцип страха** и **"лавинный эффект", который имеет место в ужасающем явлении, то есть панике:** Как практик психических явлений, я хорошо знаю, что ощущение страха растет по экспоненциальной кривой, которая обратна волевой кривой; в определенный момент обе кривые пересекаются, и тогда страх доминирует над волей, или, другими словами, воля ослабевает против инстинктивной силы, и наступает паника, во время которой психическое состояние выходит из-под рационального контроля, оно становится иррациональным.

Моя теория такова: Обычно у нас не хватает сил, чтобы напасть на Бессмертные Души Бера и Бирса и вызвать у них страх, который заставил бы их бежать. Ненормально то, что Они поместили себя в плоскость человеческой реальности, воплотились в человеческих существах, стали Жрецами: дьявольскими Жрецами, но все же людьми, с их видением, ограниченным разумом **и инстинктом страха.** Против людей, какими бы дьявольскими они ни были, у нас есть оружие, которым мы можем сражаться, **и достаточно силы, чтобы вызвать у них сильный страх; такой страх, который переходит в ужас; такой ужас, который разрушает их сатанинскую гордость, их магическую уверенность в том, что они не могут быть побеждены людьми, и вселяет в них панику; такую панику, которая мгновенно выводит из-под контроля бессмертные души Бера и Бирса: Как в лавине, небольшая начальная сила будет усилена в большую конечную силу; как в космической панике, небольшой начальный, человеческий страх будет усилен в большой конечный ужас, на уровне Бессмертных Душ.**

Ты знаешь, что такое Время, дядя Курт: чистая иллюзия. Единственная реальность Времени в плоскости Творца Времени - это Начало и Конец Времени, которые идентичны. И ты знаешь, что такое безопасность для Мага: источник силы; Маг не может сомневаться ни разу, ибо его магическая сила прервется; **Маг должен всегда верить, что он могущественен, с каждым мгновением все более могущественен: это "сатанинская гордость";** одно мгновение сомнения - и эта вера разрушена, "сатанинская гордость сломлена", эволюция, достигнутая в результате последующего метафизического падения, потеряна. И согласно моей теории, если нам удастся внушить Бэру и Бирсу этот миг паники, **это будет равносильно их собственному магическому уничтожению и автоматическому переподчинению Принципу Времени из-за потери мгновенной эволюции.** Я не знаю, смогут ли две эволюционировавшие Бессмертные Души, такие как Бера и Бирса, когда-нибудь вернуться из такой ситуации

полной инволюции. Но если мы хотим принять Гиперборейскую Мудрость, мы должны помнить, что она учит, что в Начале Времени, как и в Конце, есть Махапраляя, Непроявление или Окончательная Смерть всего анимического. Таким образом, в Начале Времени у Беры и Бирсы было бы два пути: первый - **не вступать в**

Время и погрузиться в Махапралайю; и два - войти во Время, вынужденные восстановить свою утраченную эволюцию "во" Времени, то есть, проявляясь монадически в элементарных Мирах и затем эволюционируя к архетипическому Окончательному Совершенству в течение эонов, последовательно достигая Минерального, Животного и Человеческого Царств, в планетарных кругах и цепочках, в манвантарах и калпах.

Вывод из моей теории: **они больше никогда не смогут напасть на нас.**

Реализовать эту теорию на практике можно с помощью моего плана, который я вам сейчас объясню. Он очень прост, и я начну с определения его цели: **убить "восточных убийц", то есть священников Бера и Бирса, в ходе операции коммандос.** Для достижения этой цели необходимо выполнить четыре условия, которые я назову, а затем расскажу, как их можно выполнить: во-первых, иметь тупое оружие ближнего действия; во-вторых, определить местонахождение убийц; в-третьих, подойти к ним д о с т а т о ч н о близко, чтобы быть уверенным в том, что в них стреляют; и, в-четвертых, иметь элемент неожиданности.

Первое условие, как мне кажется, я смогу выполнить с помощью комиссара Майданы, которого я уже считаю, даже если вы не согласны с моими критериями, **посланником богов**; разумеется, посланником, не знающим о своей миссии.

Второе не требует расследования, потому что мы оба уверены, что отсюда они ушли в направлении Чакра-де-Белисена-Вилка: именно там мы их и поймаем; и туда, во всяком случае, мы должны идти. Я лишь прошу вас **подтвердить** наше предположение в вашем запросе капитану Киеву.

Третье зависит от вас, от вашей способности контролировать и направлять собак-даивов. Я рассчитываю на них, на то, что прыжок **свадилунга** позволит нам приблизиться на нужное расстояние, чтобы не пропустить убийц.

Четвертое, конечно, зависит от третьего, а также от вас, от того, как вы построите мысленные команды с помощью Килкор свади, которым будут подчиняться собаки-даивы. Логично, что если в этих приказах вы упомянете, просто упомянете, Бера и Бирсу, они обнаружат вас, как и меня, и насторожатся. Фактор неожиданности требует, таким образом, не направлять собак к Бера и Бирсе. Как же нам к ним обращаться? Мы должны исключить возможность направить даивов непосредственно к Чакре де Белисене Вильке, поскольку рискуем не совпасть в нужный момент, то есть **когда оба будут находиться в доме.** Нельзя забывать, что такой момент **уже прошел**, что убийцы **уже были в Чакре**, и что собакам придется прыгать не только в пространстве, но и во времени, возвращаясь в нужный отрезок времени назад. Как же нам тогда подойти с неожиданной стороны? Направляя собак-даивов к **машине убийц**, к **пустой** черной машине **в Чакре**. Этого можно достичь в несколько этапов, первый из которых состоит в том, чтобы заставить собак даивас определить след черного автомобиля **прямо здесь, в Серрильосе.** Таким образом, они будут обладать **в абстрактусе** "идеей" или "именем" черного автомобиля априори до окончательного приказа. А окончательный заказ будет точной математической конструкцией, которая имплантирует идею, или закодированное имя, черного автомобиля в контекст Чакры. Мы

должны подумать над решением проблемы, дядя Курт! Но я уверен, что непреодолимых трудностей не возникнет, поскольку Янтра чрезвычайно универсальна в построении любых, даже самых сложных, приказов.

Глава IX

Дядя Курт потребовал, чтобы меня оставили в комнате одного. Он собирался немедленно посоветоваться с капитаном Киева и его Скротра Крамом, стоит ли осуществлять мой **безумный** план. Я был убежден, что если моя теория верна, то мой план будет одобрен богами, как бы это ни тяготило дядю Курта. С другой стороны, и сам дядя Курт, казалось, несколько утратил свое негативное отношение: когда я закончил свою речь, он лишь улыбнулся, впервые за два дня, и сказал:

-Я ошибался, Неффе. Вы не просто похожи на меня, как я думал в Санта-Марии. Вы также похожи на Конрада Тарштейна. И вы напомнили мне о нем сейчас, дав мне, как вы это сделали, одну из его **безумных** миссий. Слушая его тогда, как я слушаю вас сегодня, я был уверен, что попал в руки безумца. Но потом все пошло по плану, и мне пришлось сдаться тому, кто обладал "лучшим стратегическим видением, чем я". Действительно, поскольку вы этого заслуживаете, я хотел бы, чтобы сегодня все было так же и чтобы вы были правы. **Что касается меня, то я всегда буду считать, что этим планам чего-то не хватает, что они неполны, что они не могут принести хороших результатов.** А если их удастся довести до успешного завершения, **меня всегда будет мучить ощущение, что успех зависит не от плана, не от его большего или меньшего совершенства, а от Божественного вмешательства, от чуда, которое спасет нас в последний момент.**

Как бы то ни было, это был мой дядя Курт, и никто уже не мог его изменить. Я удалился в соседнюю комнату, комнату покойной Каталины, пока он общался с богами, верными духу человека.

Прошло не более семи или восьми минут, но я уже крепко спал, когда вошел дядя Курт. Возможно, потому, что я так устал, возможно, чтобы не думать о Каталине, которая несколько часов назад находилась в этой комнате со своими детьми, пока не почувствовала, что ее кровь становится огненной, но на самом деле, как только я положил голову на подушку, мне начал сниться сон. Это был символический сон, странный, но очень наводящий на размышления: Я очутилась, сама не зная как, в здании с множеством этажей, соединенных бесчисленными лестницами; я что-то искала и поднималась и спускалась по лестнице, не находя ее местонахождения; вдруг, поднявшись по каким-то зеленым каменным ступеням, я попала на квадратную площадку, откуда не было выхода; Я уже собирался возвращаться, когда заметил едва уловимое движение в одной из стен, окружавших платформу; я обернулся и, присмотревшись, понял, что стена на самом деле была зеркалом; сначала зеркало отражало меня, мой внешний облик, и то, что произошло дальше, застало меня врасплох: Парализованный ужасом, я обнаружил, что огромный и страшный черный паук наблюдает за мной с не меньшим вниманием; я сразу догадался, что **этот паук - я сам или что-то вроде меня, отраженное снаружи**; преодолевая охватившее меня опасение, я робко протянул руку к зеркалу, а паук выдвинул в этом направлении левую переднюю лапу; На зеркальной поверхности мы

соприкоснулись друг с другом; затем паук оцетинился, как бы намереваясь укусить, и в самый разгар моего ужаса прыгнул вперед, выскочил из зеркала и упал на меня, внутрь меня, погрузившись в глубину меня самого; ужас заставил меня закрыть глаза, но затем я снова открыл их, все еще

Меня парализовало, и я снова увидел зеркало: Я сразу узнал его, это был Мудрый меч Дома Тарсиса, безошибочно узнаваемый по двум ястребам на рукояти, камню Венеры, рукояти из слоновой кости, спиральной рукояти из рога единорога и легенде "Honor et Mortis"; Он был словно одушевлен, словно наделян жизнью, которая скрытно подглядывала за символической формой; я снова поднес руку к зеркалу, с изумлением отметив, что теперь могу пронзить его поверхность; Я потянулся к мечу, намереваясь взять его, но когда я коснулся его, он внезапно преобразился и также прыгнул ко мне, вошел в меня, переместился вглубь меня самого; Но на этот раз это был не паук, а Дама, самая прекрасная из всех, что я когда-либо представлял, сравнимая лишь с Несотворенной Красотой Девы Агарты, которая **вновь вошла в меня**, и которую я видел лишь мельком, когда Она позволила воспринять Свою Вечную Жизнь под символическим, Вруническим Облачением Мудрого Меча; в тот брачный миг, увидев Ее в первый и последний раз в жизни, я воскликнул, сам не зная почему: "Я вновь обрел тебя!" и Она **поцеловала меня, проходя мимо**, теряя Себя в Бесконечной Черноте Себя, и оставляя меня в неопишемом экстазе, более ледяного, чем когда-либо, более твердого, чем когда-либо, более полного, чем когда-либо: **Камень Льда, Человек Камня, Женщина Калибур, Мудрый Меч, Кали; ОН Káli!** "О, Кали!", - пробормотал я, когда вошел дядя Курт и перенес меня в горькую реальность похорон в Серрильбсе. Я изо всех сил старался вернуть себе ясность после этого яркого сна и, словно во сне, услышал, как дядя Курт пересказывает сообщение капитана Киева. Разумеется, он не стал этого делать, не высказав своего личного протеста.

-Я говорил с капитаном Киевом, как 35 или 40 лет назад! И я говорил! Вы были правы: **выполнять свой план удобно, стратегически удобно!** Но это вовсе не означает, что план хорош. Так что не радуйся слишком сильно, потому что Владыка Венеры дал мне предупреждение, **двуусмысленное, как и все предупреждения богов**. Но прежде чем обратиться к нему, скажу, что за столько лет **ничего не изменилось, что для меня все осталось по-прежнему, то есть в самой непрозрачной туманности**; и что мне надоела эта жизнь, в которой у меня есть власть, но, не понимая своей власти, не принимая Символа Истока, которым я являюсь, я не могу рационально вписать себя в стратегию, в Великую стратегию Верных Сиддхов и Фюрера. История повторилась снова; когда я сказал капитану Киеву, что не верю в эффективность этого плана, а тем более после предупреждения, которое он мне сделал, он **ответил мне дословно, "что я не понимаю ситуации"**. Ты это понимаешь, Неффе? **-Боги подтверждают диагноз Тарштейна, фон Гроссена, Кауликса и многих других!** Я не понимаю ситуации, **любой ситуации**, кажется! Я знаю это, и это вызывает у меня сожаление, но им, похоже, наплевать на мое сожаление: им достаточно того, что я отдаю им свою силу для осуществления их **безумных** планов, даже если я их не понимаю. И капитан Киев разделяет это отношение: **моя роль не в том, чтобы понимать, а в том, чтобы действовать, выполнять приказы до мелочей**. Понять Стратегию могут такие люди, как вы и Тарштейн, подражатели Нимрода, касситского царя, безумцы, которые планируют и преуспевают в ведении войны на Небесах и в штурме Небес. Конечно, при незаменимом сотрудничестве с нами, могущественными, которые не знают, как применить силу, которые не "понимают

Но мы должны использовать все свои силы, чтобы спасти шкуры мудрецов.

И так он продолжал протестовать довольно долго, пока я терпеливо ждал его. Наконец он перешел к тому, что нас срочно интересовало.

-Короче говоря, Нефф, за неимением большего понимания, я буду придерживаться самого ясного для меня принципа: **бессмертные не могут умереть**. А вот предупреждение капитана Киева. В целом я одобряю то, что вы предлагаете сделать, но он сказал мне такие загадочные слова: **"В конце операции вы увидите только то, чего не предполагали в начале, но что, если бы вы увидели это в начале, помешало бы вам закончить операцию"**. Скажите мне, на кого уповают боги, что он имел в виду под таким двусмысленным предупреждением.

-Дорогой дядя Курт, я должен быть честен с тобой: я не знаю точно, но предполагаю, что он предупреждает нас о **недостатках** в плане; о чем-то, о важной детали, которую **я упустил из виду и которая, если бы я ее рассмотрел, возможно, помешала бы мне действовать**. Но все же он советует нам действовать, и мы так и сделаем. Но я не перестану думать об этом; я буду тысячу раз размышлять над планом, пытаюсь обнаружить то, что скрыто от моего стратегического видения: я не хотел бы получить сюрприз в конце; и я не стал бы рисковать ничем ради мира, если бы не был уверен, что мы победим. Сюрприз, дядя Курт, должны получить убийцы! Мы должны овладеть всеми переменными атаки, чтобы в то же время не быть удивленными! И я клянусь, что не оставлю ни одного непродуманного элемента, пока не добьюсь максимальной безопасности в операции!

Через сорок пять минут после того, как мы поднялись наверх, мы вернулись к комиссару Майдане: он мирно спал на диване, где мы его и оставили. Спустившись по лестнице, дядя Курт спросил меня, какую тактику я выберу, чтобы добиться от него той конкретной помощи, которая нам нужна.

-Вы подумали о том, что вы ему скажете? Вы же не собираетесь рассказывать ему подробности операции.

не так ли? -Он насытил меня своими сомнениями. Послушай, Нефф: я не доверяю ни ему, ни кому-то вроде него. Они страдают от большой идеологической путаницы и не могут быть настоящими товарищами: сегодня они с тобой, а завтра неизвестно, перед кем они будут отчитываться.

-Притормози, дядя Курт, притормози! -Я пытался его успокоить. Не надо смотреть свысока на того, кто представляет собой нашу единственную поддержку. Здесь, в Аргентине, он один из лучших: мы больше не в Третьем рейхе! С этим покончено! Фюрера **больше нет на виду, чтобы вызвать безграничную преданность, которую вы чувствуете**. Фюрера видим только мы, Инициаты! **И** мы не можем требовать от них, чтобы они вели себя как рыцари, если они вынуждены жить в мире досинархического Универсала: помните, что вы сами скорее умрете, чем выживете в этом мире! Так что будьте немного терпимее; и не волнуйтесь, я **скажу ему только то, что он хочет услышать**. Вы понимаете, дядя Курт, что я не должен лгать, но и не могу сказать ему **всю правду**. Тогда я открою ему **часть правды, ту часть, которую он жаждет знать и которая не касается нас, чтобы он знал**.

Я разбудил Майдану с чашкой кофе в руках. Он извинился за свою "несдержанность" и мгновенно взял себя в руки. Он пил кофе как воду и за

несколько минут выпил три чашки, слушая мое предложение.

-Я буду говорить с вами как товарищ националиста, комиссар Майдана,
- уточнил я. Мы договорились с моим другом, что вы действительно можете
предоставить нам

в какой помощи мы нуждаемся. Разумеется, чтобы достичь соглашения, мне придется выложить на стол несколько карт, поэтому я начну с убийства Белисены Вильки. Прежде всего я укажу на мотив преступления: **ее сын Нойо Вилька**. Убийцы пытались выяснить местонахождение Нойо Вильки. Почему? Потому что молодой человек был агентом разведки, внедрявшимся в подрывные организации.

Я знала, что во всем этом есть что-то конкретное! -торжествуяще воскликнула Майдана. За всем этим безумием и обилием ложных следов должен был скрываться конкретный мотив.

-А вы знаете, на кого работал Нойо Вилька? Ни на кого иного, как на аргентинскую армию. Более того, он был армейским офицером, капитаном G2.

-Мать Божья! -А почему этой информации не было в полицейском досье Белисены Вильки?

-Потому что о сокрытии информации позаботилась могущественная синархическая организация, действующая на всех уровнях армии. Не забывайте, что и м е н н о армия заперла ее в психушке. Убийцы Белисены Вильки и моей семьи принадлежат к этой организации, состоящей **не только из евреев**. Вы должны знать, поскольку это позволит вам обнаружить связь между двумя преступлениями, что Нойо Вилька скрывается от правосудия, потому что Синархия пытается подавить его, чтобы он не смог **применить на практике свои сверхконфиденциальные знания**. И что его мать перед смертью дала мне подсказки, как его найти.

-Теперь все ясно! -Я поздравляю вас, доктор Зигнагель! Вы настоящий мужчина: вы поставили себя на карту ради национального дела, и международные убийцы заставили вас дорого за это заплатить! Вы правильно сделали, что доверились мне. Отныне мы сможем вместе бороться с этой организацией и помогать Нойо Вильке.

-Не продолжай, Майдана, я не так все понимаю, - остановил я его. Мы хотим попросить вас не о поддержке вас и вашей группы, а о чем-то другом. В этом смысле, **и на данный момент**, вы останетесь вне нашей акции: это будет основой сделки; никаких обсуждений: **берите или уходите**. Мое предложение заключается в следующем: Нойо Вилька входил в сверхсекретную националистическую группу в армии: я знаю его контакт и готов раскрыть его вам, чтобы ваша группа и его группа могли договориться о совместной работе. Таким образом, вы не останетесь в стороне от дела: но да, и пока, повторяю, вам придется позволить нам действовать против убийц.

-Что вы имеете в виду, говоря **"на данный момент"**? -поинтересовался Майдана, который не сосал большой палец.

-Я хочу сказать, что ограничения, которые я накладываю на вас, носят временный характер и продиктованы предположением, что у нас будет больше шансов на успех, если мы будем действовать в одиночку. Но о том, что мы вам доверяем, свидетельствует контакт, который я собираюсь вам предоставить. И я также **даю** вам **честное слово, что если наши действия не увенчаются успехом и останется другая возможность, мы безоговорочно обратимся к вам**.

В принципе, я согласен, - согласился Майдана. Кто у нас связной?

Сначала вы должны заверить меня, что выполните услугу, о которой мы вас попросим, - предупредил я.

-Ну так расскажите мне, в чем дело! -раздраженно потребовал он.

-Оружие, комиссар Майдана. Нам нужно как можно скорее получить хотя бы два оружия.

-Какое оружие? -Я не знаю, почему вы не передадите это в руки профессионалов, доктор. Вы действуете не по своей специальности; как будто я сейчас занимаюсь психиатрическим лечением.

-Я сказал тебе, Майдана, каковы условия сделки: **бери или уходи**.

-У меня нет выбора, Зигнагель! Конечно, я могу одолжить вам оружие.

У нас есть все виды оружия! Просто скажите мне, какое оружие вам нужно.

-Нам нужен такой тип оружия, который был бы очень эффективен в ближнем бою и уничтожал бы тела. Два рецидивирующих дробовика были бы идеальным вариантом, - предложил я.

-Я могу доставить два "Итака" сегодня днем. -Что еще?

-Ну... боеприпасы для дробовиков и... Можно ли получить и пистолеты? -

Я понял, что мне не хватает военной подготовки, чтобы четко сформулировать просьбу. Дядя Курт, который был специалистом в этом вопросе, промолчал, чтобы не привлекать внимания к своим знаниям.

-Оружие? В вашем распоряжении сотни пистолетов, но, если вы позволите мне вмешаться в этот вопрос с моим опытом, думаю, вам лучше рассказать мне, что вы собираетесь делать, и позволить мне позаботиться о снаряжении.

Я, конечно, не мог объяснить план. Но я мог показать ему некоторые общие детали.

-Это операция спецназа против убийц.

-Какого рода оперативник?

Засада, - определил я.

Поэтому им нужен не просто ручной пулемет, а пистолеты-пулеметы. И еще они должны иметь при себе осколочные гранаты. Послушайте, Зигнагель: я подготовлю для вас две группы спецназа, подходящие для такой операции. Там, где вы будете действовать, вы сможете надеть боевую куртку?

-Да... Думаю, да, - ответила я. Краем глаза я взглянул на дядю Курта и увидел, как он кивнул. Какое это имеет значение?

В мешках, которые я вам одалживаю, есть все необходимые карманы, кольца и крючки, - пояснил он. Пистолеты-пулеметы, которые очень малы, несмотря на то что стреляют тысячей патронов в минуту, они будут носить в кобуре и использовать их только в случае необходимости, поскольку в руках у них будут итакасы. Itakas можно использовать как с наплечным ремнем, так и с ножной кобурой, но в данном случае я рекомендую наплечный ремень. Они вмещают 8 патронов, что дает им чертовски много огневой мощи; одного заряда должно хватить для засады, но если вам придется вести перестрелку, то в куртке найдется больше патронов. Запасные магазины к пистолетам-пулеметам будут в других карманах, а десять осколочных гранат - на поясе. На случай, если вам придется что-то разрушать, я также выдам вам два тротила с электронными детонаторами на каждом, которые также будут прикреплены к куртке. Экипировку дополнят два кустарных ножа, ножны которых вшиты во внутреннюю часть куртки. Согласны, доктор Зигнагель?

-Когда вы сможете дать мне такое оборудование? -спросил я в восхищении.

-Сегодня днем. Теперь назовите мне имя связного.

-Капитан Диего Фернандес. В 1978 году я служил в Тукумане. Он не знает меня и, конечно, не знает, что случилось с Белисеной Вилькой три года назад.

месяцев. Он не откажется поговорить с вами, если знает, что мы пытаемся защитить его товарища.

Глава X

В 6 часов вечера состоялось мучительное погребение. У Зигнагелей был большой мавзолей на местном кладбище, куда и должны были поместить пять гробов: кремация не приветствовалась деревенскими священниками. Сначала похоронная процессия, согласно обычаю, прошла мимо церкви, и там была отслужена месса за "вечное упокоение их душ" - формула Голена, до сих пор не утратившая своей актуальности. Старый священник, друг моих родителей, попытался утешить меня в связи с огромной потерей, которую я понес, и завуалированно намекнул, что мой отход от Церкви может быть связан с нынешним несчастьем. Я пообещал вернуться к воскресным мессам, как в детстве, ходить на исповедь и причащаться, пока добрый человек не будет удовлетворен.

Большая толпа, как любопытных, так и печальных, собралась у некрополя, чтобы проститься с бранными останками. Майдана и комиссар Серрильоса подоспели вовремя. Последний вручил мне предсказуемую повестку.

-Простите, что беспокою вас в такое время, Артуро, но вы же понимаете, что у нас есть долг. Завтра вы можете прийти для дачи показаний в полицейский участок. Это будет в 11 часов: вас будет ждать судья, который тоже хочет вас допросить.

Я пообещал, что все будет в точности, и комиссар удалился довольный. После панихиды священник тоже ушел, а за ним разошелся и народ, но не прежде чем повторить свои соболезнования. Когда я закрыл ключ от мавзолея, в нем остались только дядя Курт, Майдана и я.

Мы снова встретились в финке. Майдана с предельной осторожностью выгрузил четыре аэропланые холщовые сумки с оборудованием спецназа. Он дал нам тысячу рекомендаций по осторожному обращению с этим имуществом и несколько практических разъяснений. Там было все, что нам обещали, и даже больше: он добавил ботинки, брюки, рубашки и береты, словом, все снаряжение спецназовца, окрашенное в оттенки, подходящие для камуфляжа в буже.

Я выполнил свою часть сделки, - сказал он, - и желаю вам удачи в операции. Я не смог отдохнуть, потому что мне пришлось сделать это за такое короткое время, так что я уйду, потому что не могу стоять на ногах. А, я искал офицера Диего Фернандеса! Он на действительной службе. Сейчас он майор G2 и служит в 702-м разведывательном батальоне в Буэнос-Айресе. Завтра или послезавтра я поеду и поговорю с ним лично.

-Ну, прощайте, товарищи! -Когда вы вернетесь, доктор Зигнагель, не расскажете ли вы мне о тех двух непонятных моментах в деле Белисены Вильки, о тех иррациональных фактах, из-за которых застопорилось все расследование? Я имею в виду историю с убийством в герметично закрытой камере и украшенную драгоценностями веревку, использованную при удушении. Я знаю, что ритуальные преступления существуют и что те, кто их

практикует, по праву являются членами синархических организаций. Но что

Важно ли было придать ритуальную форму смерти бедной отчужденной женщины или многочисленным убийствам ее семьи? Вот чего я не совсем понимаю.

Как я мог объяснить ему, что ритуалы будут эффективны, если их проведут волшебники уровня Беры и Бирсы? Должно быть, он прочел на моем лице разочарование, потому что поднял руки в **остановившемся** выражении и с улыбкой удалился к своей машине.

-Не сейчас, не сейчас, доктор. Вы устали так же, как и я, и не стоит продолжать излагать гипотезы, а лучше как можно скорее лечь спать. **Когда я вернулся**, я сказал.

Тогда он найдет способ объяснить мне это! Он сразу же ушел, и больше я его не видела.

В тот вечер на ферме воцарилась смертельная тишина. Дядя Курт целый час осматривал оружие, а я в это время хоронил Канута. Мой верный пес получил что-то вроде молнии в середину тела, возможно, удар из Дордже, и превратился в развалину: он больше никогда не будет ждать меня у ворот, чтобы подарить мне свою ласку, ведь эти двести ярдов до дома принадлежали только ему. И никогда больше я не увижу своих родителей, сестру и ее детей в конце дороги, проклятых демонов Бера и Бирса, проклятых жрецов Единого Иеговы Сатаны, проклятых жертвоприношений, проклятых священных жертвоприношений! Скоро, очень скоро мы встретимся снова, и они будут казнены. Не "Бера и Бирса", ибо, как повторял дядя Курт, "Бессмертные не могут умереть", а "восточные убийцы" моей семьи, человеческое проявление Бера и Бирсы. Они познали бы мою ярость, ярость дяди Курта и ярость всех членов Дома Тарсиса, которых они убивали, мучили и преследовали и которые теперь, казалось, пришли мне на помощь и ободрили меня. И если у меня хватило силы воли навязаться дяде Курту и заставить его принять мой план, то, несомненно, по этой причине: я был уверен, что уничтожение восточных убийц - дело чести, превыше всего; и я явственно ощущал, что в этом стремлении меня духовно сопровождает Дом Тарсиса. Я ясно видел Белисену Вилку и слышал, как она говорит со мной, обращаясь к последним словам своего письма: "Да, доктор Зигнагель, это дело чести - покончить с Берой и Бирсой! Они совершили ошибку, и вы должны воспользоваться ею; Дом Тарсиса с вами в вашем решении! Теперь вы докажете, что вы кшатрий! И тогда, очень скоро, мы встретимся снова во время Последней Битвы или в Валгалле!

Дух Белисены Вильки вел меня, я был уверен в этом; возможно Именно она так удачно привезла комиссара Майдану в Серрильос. Я закончил хоронить Канута у подножия моего любимого дерева лапачо и вернулся в дом.

Дядя Курт удалился в верхнюю комнату, прихватив с собой все оборудование. Я пил уже десятый кофе за день и гасил свет, пока не добрался до своей комнаты, то есть комнаты, принадлежавшей Каталине, и быстро погрузился в спокойное безразличие сна.

Глава XI

6 января 1980 года Белисена Вилька была убита.

21 января 1980 года я испытал духовный восторг от Девы Агарты.

28 января 1980 года я узнал, что у меня есть дядя Курт фон Зюберманн, и уехал в Санта-Марию.

21 марта 1980 года дядя Курт завершил свою историю жизни, и в ту же ночь меня обнаружил демон Бера.

22 марта 1980 года, в 0.15 утра, демоны пытаются уничтожить фон Зюберманов. В результате погибают все члены семьи, кроме дяди Курта и меня.

22 марта, в 8.00 утра, мы прибыли в Серрильос и стали свидетелями пятикратного убийства, согласно полицейской версии.

23 марта в 0.30 утра прибыл комиссар Майдана, чтобы выразить свои соболезнования и предоставить вооруженную охрану.

23 марта в 5.45 утра комиссар Майдана сообщил нам о существовании "восточных убийц" и их странного автомобиля.

23 марта, в 7.05, комиссар Серрильос показал нам идентификаторы восточных убийц. К тому времени я уже продумал свой план до мельчайших деталей.

23 марта, в 8.45 утра, я уговариваю дядю Курта посоветоваться с капитаном Киевом по поводу моего плана.

23 марта в 10.30 утра мы заключили сделку с комиссаром Майданой: он окажет нам материальную помощь в обмен на то, что мы останемся в деле.

23 марта в 20.00 комиссар Майдана покинул Серрильос, передав мне командные пункты; больше я его не видел.

23 марта, в 11 часов вечера, я впервые заснул после злополучной ночи 21-го.

24 марта в 11 часов утра я пришел в полицейский участок Серрильос и дал показания. Я мало что знал об убийствах, и у них не было сомнений в этом, поскольку они проверили мое алиби: послали двух полицейских, которые поехали в другую сторону Санта-Марии, собрали показания о нашем путешествии с 0.30 до 8.00 утра, допросили телефонистку, которая знала мой голос по моим частым звонкам в Серрильос, и допросили Хосе Толабу и его жену, дворецких дяди Курта. Нет, они не сомневались в моем отсутствии на месте преступления и не подозревали дядю Курта; **они предполагали, и полиция, и судья, что я знаю мотив преступления, которое они отвергли как обычное преступление.** Могла ли это быть ошибка? Была ли это неизвестная политическая цель? Что я замышлял? Каковы были мои идеи и деятельность? Почему я оставил церковь? Получали ли мои родители угрозы раньше? Было ли это вымогательство?

Так, донимая меня подобными вопросами, они продержали меня до 17.00 и обещали вызвать снова.

24 марта, в 10.00, пока я собирался в полицейский участок, дядя Курт начал работать с Инг и Ян. Когда он вернулся во второй половине дня, собаки-дайвы уже успели выделить след черной машины: дядя Курт обозначил его кодовым словом и, мысленно подтвердив его, наглядно продемонстрировал мне, как собаки-дайвы вышли прямо к месту, где она была припаркована.

Весь день 25 марта дядя Курт посвятил составлению приказа килькорским свади: от точности этого приказа зависела вся операция, и его скрупулезность была понятна. Всего несколько часов он потратил на то, чтобы согласовать со мной действия, которые мы предпримем перед лицом врага. Например, мы договорились, что он будет стрелять первым и всегда слева, а я должен прикрывать справа.

25 марта было полностью посвящено о б у с т р о й с т в у финки.

Некоторые соседи, получив долю от урожая, с радостью согласились позаботиться о виноградниках и будущем сборе винограда; это было несложно, поскольку у отца были отлажены производственные механизмы, и вся работа свелась бы к управлению полями и надзору за рабочими. Мы подписали импровизированный контракт, в который я включил совершенно необычный пункт: они обязывались чистить винный пресс **и вливать виноград в лозы.**

20 000 литров дегтя в один из колодцев фермы, уровень воды в котором иссяк много лет назад, а устье все еще было открыто цистерной. Я сделал это, потому что не мог рисковать тем, что гудрон будет продан или использован для получения энергии: **я ни на минуту не забывал, что это озеро асфальта было органическим синтезом нашей крови, которая представляла собой кровь фон Зюберманнов Штирии.**

25 марта в 18.00 я наконец приобрел единственный предмет, который дядя Курт попросил для пополнения тактического снаряжения: тефлоновую бутылку с герметичной резьбой, наполненную пятью литрами серной кислоты.

26 марта 1980 года мы были готовы начать операцию.

Глава XII

Мы могли бы действовать тем же утром, но дядя Курт предпочел дожидаться ночи и провести день, прорабатывая каждую деталь операции "Бумеранг". Мы окрестили ее так, немного в шутку и немного всерьез, считая, что, подобно австралийскому оружию, удары Бера и Бирсы вернутся к тем, кто их нанес.

К 19.00 мы погрузили свое снаряжение и были готовы к отъезду. В 19.30 мы вышли из дома, так как умирающие сумерки не позволят никому удивиться, увидев нас в военном облачении. Лежа рядом с деревьями лапачо, догавляли собой образ собачьего спокойствия. Мы тоже были спокойны. И мы уже ни о чем не думали. Мы знали все детали того, что нам предстояло сделать, и единственное, что нас волновало, - это действовать как можно скорее.

Дядя Курт взял поводья дайвов и привел их в боевую готовность. Они резко остановились и, двигаясь с удивительной синхронностью, напрягли мышцы и задрали головы вверх, словно приносиваясь к в о з д у х у в поисках немислимого запаха. Я стоял позади дяди Курта, неся на спине, закрепленный веревками, кувшин с кислотой, а через плечо, готовый к стрельбе, - неумолимую Итаку. В конце концов мы решили одеться в форму командос, как более практичную для действий, хотя позже

Если бы нас увидели другие люди, это было бы проблемой. Но какое значение имел этот риск перед лицом возможности подавить восточных убийц? Если бы судьба оружия была против нас, возврата не было бы; а если бы мы преуспели, то нашли бы способ раздобыть другую одежду. Или убийцы тоже не маскировались, не заботясь о том, что думают свидетели?

Таким образом, у меня были свободны обе руки, чтобы выполнить указания дядя Курта: **"Ты должен ухватиться за мою талию, как только я начну подниматься. А когда мы окажемся в космосе, помни, что ты должен постоянно концентрировать свое внимание на мне: нельзя отвлекаться ни на секунду, так как ты рискуешь отделиться от меня и потеряться в одном из бесчисленных Миров Иллюзий, через которые мы будем проходить". "Как только мы выйдем из привычного контекста наших жизней, единственным способом для нас обоих продолжать жить вместе, совпадая во Времени и Пространстве, будет поддержание волевой связи между нами: именно это ты и будешь делать, п о д д е р ж и в а я со мной визуальный и тактильный контакт.**

Казалось, мы вот-вот уйдем, и я была готова схватить его за талию, как только он двинется, но он снова повернулся ко мне, чтобы дать рекомендации. Как только вы ступите на территорию Чакры, вы должны отпустить ее и забрать оружие!

-Да, чувак, да.

-Неффе Артуро? -позвал он другим, странно ласковым тоном.

-Да, дядя Курт.

-Возможно, мы видимся в последний раз. Я не хочу быть пессимистом, но на всякий случай давайте прощаемся здесь.

-Нет, нет, - в ужасе воскликнула я, пытаюсь отогнать зловещие мысли. После того что случилось с моей семьей, я не мог думать без содрогания о том, что могу потерять и дядю Курта. С нами не случится ничего плохого, дорогой дядя Курт: триумф несомненен! Мы будем подобны бумерангу, который возвращается к тому, кто его бросил, ударяет в ответ и останавливается!

Но мои доводы были бесполезны. Дядя Курт уже п о в е р н у л с я и с восторгом обнимал меня.

-Прощай, Неффе, - тоскливо сказал он. Жизнь не дала нам возможности узнать друг друга получше. Однако было очень хорошо, что в те месяцы вы были в Санта-Марии. Вы вернули мне веру в гиперборейскую мудрость, принесли ответы, которых я ждал 35 лет. Теперь я буду рисковать последними силами, выполняя самую **безумную** из всех миссий, которые мне когда-либо поручали. И это тоже необходимо для стратегии фюрера; как всегда, я не понимаю, почему, но знаю, что так надо. Прощай, неффе Артуро: мы увидимся в конце, **в конце операции "Бумеранг" или в финальной битве.**

В горле стоял комок; у меня не хватало смелости попрощаться. Я просто крепко обняла его.

Однако дядя Курт был все таким же упрямым, как и прежде.

Тогда давайте отправимся в путь, - предложил он. Помните только, что, несмотря ни на что, я не отступлю от единственного понятного мне принципа.

-Да, я знаю, дядя Курт; ради Вотана, не говори так больше!
"Бессмертные не могут умереть"!

Было 7.45 вечера 26 марта 1980 года, и в Серрильосе уже совсем стемнело. Дядя Курт дал первую команду "Инь и Ян", и тут же началось явление: дайвы и дядя Курт, у которого, казалось, была эффективная опора под ногами, медленно левитировали вверх. Мне такая опора была не по силам, поэтому я поспешил ухватиться за его талию, буквально болтаясь в пространстве без опоры, и обнаружил, что дядя Курт попятился назад под моим мертвым весом.

Подъем длился несколько секунд, пока я не потерял счет высоте. Тем временем краем глаза я успел разглядеть верхушки деревьев в лапачо, крыши финки и, мельком, город Серрильос, искусственно освещенный уличными фонарями. Мы двигались неравномерно, но подъем ускорялся по мере набора высоты. В какой-то момент дядя Курт, помимо Кулы и Акулы, воплотил сложные мысленные приказы, и собаки-дайвы, не прекращая движения, выполнили полет Свиапа-Лунга. Команда, исходящая от Вечного Духа, произвела эффект удара хлыстом, и не только на собак дайва: я тоже это почувствовал; и я увидел **силу**, страшную силу, которую способен продемонстрировать гиперборейский Инициат, Богочеловек.

Если бы я говорил о времени, то сказал бы, что полет сквозь Время и Пространство длился не более секунды. Однако это погружение в непроницаемую черноту вызывало ощущение не временности, а вечности, пребывания вне жизни и смерти, всего проходящего.

После этого вневременного мгновения, в котором я, несомненно, испытал впечатление прыжка, начался замедленный спуск, во время которого я снова различал привычные объекты, небо, горы, дома, деревья, огни. Таким образом, путешествие состояло из трех фаз: первая - ускоренный подъем с постоянным восприятием неба и звезд; вторая - сам прыжок свади-лунга, во время которого я лишился всякого контекстуального зрения, за исключением дяди Курта; и третья - замедленный спуск, во время которого я вновь ощутил над собой космическую утробу звездного неба.

Было около 10 или 11 часов вечера 22 марта 1980 года, когда мои ноги коснулись земли в вилле Чакра-де-Белисена, в Тафи-дель-Валье. Я ступил на твердую землю, и, тем не менее, мои колени немного ослабли, пока не приземлился дядя Курт, чьи ноги все время находились на метр выше моих: повторяю, я путешествовал, "вися" на его талии.

Но как только я вновь обрел устойчивость, я отпустил дядю Курта и схватил Итаку. Я все еще не мог сориентироваться, поэтому послушался его жеста пригнуться. До меня быстро дошло: мы находились позади огромной черной машины - машины восточных убийц!

Дядя Курт закрыл мне рот пальцем и велел молчать, а затем указал прямо вперед, за машину. Я заглянул под капот и увидел не более чем в тридцати шагах от нас дом, проливавший обильный свет на черноту снаружи через ряд из трех боковых окон. Машина была припаркована параллельно вершине угла дома, что открывало нам вид не только на окна с одной стороны, но и на входную дверь с другой. Закрытая дверь была обрамлена плоскостью под углом сорок пять градусов влево, и именно туда нам предстояло отправиться.

Несомненно, мы рассчитывали на фактор неожиданности. Собаки прижались к земле, как змеи, по мысленному приказу дяди Курта, и оставались на месте. Мы уже собирались двинуться к двери, чтобы начать атаку, как вдруг человеческий крик, пронзительный вопль боли, пригвоздил нас к месту: Они мучили кого-то внутри! Поэтому мы как можно тише побежали к двери.

Когда мы приблизились, наше внимание привлек резкий сладковатый запах. Это был аромат, похожий на сандаловое дерево или ладан, и он казался настолько неуместным здесь, что мы в недоумении посмотрели друг на друга. Мы оба сразу же узнали эти духи, почувствовав их раньше при разных драматических обстоятельствах: дядя Курт - в тибетской долине Ла-Бреа, а я - в камере Белисены Вильки, в ночь его смерти. Но это длилось лишь мгновение, поскольку то, что произошло потом, сосредоточило на себе все наше внимание.

Глава XIII

Но было ясно, что это не обычные люди. На полпути, когда мы еще не покинули плоскость двери и не были полностью видны из-за нее, дверь распахнулась, явив двух мужчин огромного телосложения. Один из них выскочил наружу, а другой встал в дверном проеме: в контрастном свете изнутри перед нами предстали два восточных джентльмена, безупречно одетые в свои сшитые на заказ английские костюмы.

Первым появился Бера, держа в руках рукоятку с двумя шариками - смертельным Дордже. Мгновенно он поднял оружие в сторону дяди Курта, и лицо его исказилось от ужаса. Я понял, что человеческий Демон увидел не дядю Курта, а Знак Истока, Абсолютную Истину Духа, растворяющую сущностную ложь его собственного иллюзорного существования.

Он собирался выстрелить из луча смерти, но дядя Курт оказался проворнее. На бегу, почти не целясь, он нажал на курок один раз, и этого оказалось достаточно. Пуля попала Бэру в середину груди, по д н я л а его на метр и отбросила еще на несколько метров. Одновременно я, не совсем профессиональный спецназовец, остановился, прицелился и выстрелил дважды, попав демону Бирсе в живот и грудь. Восемнадцать патронов, грамотно распределенных этим великолепным оружием, разбили Бирсу о дверную коробку, не дав ему времени что-либо предпринять.

-Быстрее! -Кричал дядя Курт, видя, что я стою на месте, не желая верить, что все закончилось, - Быстрее, готовь кислоту, Артуро! Быстрее, **пока Авалокитешвара не проявился!**

-Авалокитеш...? **-Бог!** Авалокитешвара, Милосердный! **Это был изъян в моем плане, о котором нас завуалированно предупреждал капитан Киев! Я забыл об Авалокитешваре, теперь мне это стало ясно, и эта забывчивость могла сорвать мой план, даже стоит нам жизни! Великая Мать никогда бы не позволила уничтожить двух своих лучших сыновей, если бы могла это предотвратить; это была лишь одна из ее космических функций: защищать своих сыновей-животных, успокаивать**

А если ей удастся лишить Бера и Бирсу страха или хотя бы ослабить его, весь мой план рухнет как карточный домик! Мы даже можем подвергнуться контратаке со стороны выздоровевших демонов, которые тогда узнают, в каком мире мы окажемся!

Оценка этих возможностей парализовала меня. Я с трудом развязал веревки и спустил со спины канистру с кислотой. Дядя Курт с необыкновенным мастерством уже извлек сердце Бера, оставив на его месте ужасную зияющую дыру, через которую хлынула кровь и растеклась по труп. Он поместил дымящееся сердце в шляпу-котелок, которая плавала на крови, как гротескная копия лодки Харона, и быстро опустился на безжизненное тело Бирсы. Резкими движениями кустарного ножа он срезал тонкий английский кашемировый жилет и не менее ценную китайскую шелковую рубашку; добравшись до плоти, он сделал глубокий центральный разрез, который затем расширил, чтобы обнажить конец ребер и грудную полость: оттуда он перерезал артерии сердца, которое у этих демонов располагалось с правой стороны тела.

-Дядя Курт знал! -к своему ужасу обнаружил я. Он не только знал, что мы можем потерпеть неудачу, он знал, почему мы можем потерпеть неудачу. И хотя он знал, но молчал, чтобы выполнить приказ владыки Венеры. Я вспомнил предупреждение капитана Киева: **"В конце операции вы увидите только то, чего не предполагали в начале, но что, если бы вы увидели это в начале, помешало бы вам закончить операцию"**.

Авалокитешвара, именно о ней я не подумал вначале, ведь если бы я предполагал, что ее милость поможет демонам преодолеть панику, я бы не стал проводить операцию "Бумеранг"! И дядя Курт понял это тогда, он, который жаловался, что ничего не понимает, но молчал, потому что знал, как сильно я хочу напасть на демонов. Вот почему он заставил меня купить серную кислоту, не дав мне никаких дополнительных объяснений: у него тоже была теория; он знал алхимический способ нейтрализовать защиту Великой Матери Бины; или он знал, как держать демонов в панике. Скоро он узнает ответ.

О серной кислоте он сказал мне только, что она **"закрепляет органическую материю в Сатурне"**: "Вводя сердце, местонахождение Души, в серную кислоту, мы созвездием Душу в Сатурне, помещаем ее в начало Вселенной и способствуем ее инволюционному регрессу". Согласно плану, именно я должен был внести сердца в графин с кислотой. Но теперь я предполагал, что эта рекомендация была направлена на достижение другой цели, помимо той, которую озвучил дядя Курт.

Я поставил графин на порог двери и открыл его; взял шляпу-котелок, в которой только что было второе сердце, и положил ее рядом; и, не без некоторого отвращения, приготовился взять дьявольские органы. И тут я остановился в восхищении, а затем меня парализовал ужас.

Написано: **"Сердца принадлежат Авалокитешваре"**. Сердце человека-животного, человека из грязи, получает защиту Великой Матери Бины через **Интеллегенцию ЙХВХ**; а его сумеречное **сознание** получает больше света через **Сапиенцию** Великого Отца Хохмы.

Глава XIV

Как я уже сказал, я уже собирался взять человеческие сердца Беры и Бирсы, как вдруг остановился в восхищении: причиной тому были *scintilla luminis*, или искры света, которые начали вырываться из них. Тысячи искр, прыгающих во все стороны, то кружась, то закручиваясь в спирали, то вычерчивая блестящие кривые причудливой формы, не позволяли мне различить ни дна шляпы, ни даже самой шляпы. Очарованный зрелищем, замороженный, возможно, околдованный, я невольно вспомнил определение алхимика Хунрата: это, по его словам, "*Scintillae Animae Mundi igneae, Luminis nimirum Naturae*", то есть "**зажигательные искры души мира, свет, явный в природе**". Такие **сцинтиллы** всегда сопровождают фазы Алхимии; а в то время присутствовали все элементы опуса: в Кабинете Природы находилась *prima materia* сердца, *aqua permanens Sulphur Philosophorum*, и присутствовал Меркурий, великий трансмутирующий *Artifex*, то есть дядя Курта *Шуватулку*, представитель Вотана, который есть Гермес, и который есть Меркурий.

Кружась в гипнотическом вихре, *scintillae luminis* покрывали все поле моего зрения. Золотые искры, вспыхивающие со всех сторон, бороздили пространство, пока не исчезали, - пространство, странно лишенное ветра и звуков, как будто вся природа была занята проявлением своего **естественного света**. Я оторвал взгляд от шляпы-котелка и графина с кислотой, невидимых под светящимся склоном, и, полуобнаженный, огляделся: казалось, что из всего мира поднимаются **цинналии**. От дома, от земли, от деревьев, которых я раньше не видел, но которые стояли в десяти шагах от меня, - от всего исходила золотистая, мерцающая аура, состоящая из миллионов **светящихся сцинтилл**. Или это видение означало внезапную активность нового чувства, которое позволило воспринять *Anima Mundi, luminositas sensus naturae*?

Но еще большее сияние привлекло мое внимание. Над трупами восточных убийц начали подниматься два облака эктоплазменного пара, также сверкающие благодаря испусканию и поглощению тысяч **сцинтилл**; высотой в метр, эти облака продолжали вращаться по спирали и постоянно подпитывались молочным паром, исходящим из луж крови. Как на картинах импрессионистов, как на работах Анри Матисса, я видел Реальность, разбитую на миллионы цветных точек, искры света, кружащиеся в форме *elementum primordiale, massa confusa, chaos naturae*. Когда мое зрение было насыщено кипящими **цинниллами**, я почувствовал, что внутри, иррационально, со мной говорит голос; он сказал: "**Йод, йод, каждая циннилла - это йод, глаз Авалокитешвары**"; "**и среди всех циннилл есть две, которые являются Единым, они - цинниллы, монады Бера и Бирса, которые не могут умереть**".

И без того ошарашенный тем, что произошло в Санта-Мари, я должен был лишь слушать эти голоса, исходящие из Души, из моей собственной Души, находящейся под эмоциональным влиянием Великой Матери, и направляющие меня к Деве Агарты. Да: я закрыл уши, как мог, ибо не мог обойтись без великого **маленького сияния**, и отдался восторгу Девы Каменного Младенца, чья духовная помощь позволила мне выстоять в тот

страшный момент. Судя по тому, что произошло дальше, я, несомненно, лишился бы рассудка, если бы она не поддержала мой дух.

от Истока. Ибо в этот момент, когда количество и множественность **сцинтилл** достигли своего максимального возвышения, **все они раскрылись в унисон и показали лишенный выражения глаз, глаз, который был одним и тем же глазом, безумно повторяющимся во всех точках пространства.** В ся Природа, все дифференцированные вещи, все, что я мог видеть и воспринимать, теперь кипело лишенными выражения глазами, глазами ихтиев, которые, несомненно, смотрели на нас: **и эти миллионы рыбьих глаз, oculi piscium, были глазами Милосердной, открывающимися, чтобы увидеть души ее возлюбленных сыновей, души Бера и Бирсы, которые были развоплощены в великом ужасе.**

Подумайте о сцене: в общей форме сущностей ничего не изменилось, все различимы и узнаваемы, все можно назвать, как и прежде; дерево, пол, дом, Небо, облако, тела - все предметы все те же; **но теперь, более того, они наполнены жизнью, кишащей Божественными глазами, глазами, которые смотрят с естественной Любовью.** Подумайте о дереве, состоящем из глаз, и о доме, или о Небе, также состоящем из глаз, и подумайте, что **тысячи взглядов от дерева к дому, от дома к дереву и от обоих к Небу - это узы, связывающие и скрепляющие объекты вместе и составляющие надстройку реальности:** структуру объектов, скрепленных Волей Творца и естественной Любовью Великой Матери.

Если вы представляли себе это, то теперь должны думать, что я был в той сцене, напуганный вездесущими глазами Авалокитешвары, "всевидящего", и потрясенный до глубины души, взбудораженный в своей эмоциональной природе интенсивной Любовью Великой Матери, Ее безграничным Милосердием. Итак, сначала я был очарован **сцинтиллами**, а затем испуган **паноптическим** кипением; и самым большим испугом было обнаружить, что мое собственное тело состоит из миллионов сострадательных глаз. И этот феномен, ужасный, безумный, объясняет, почему моя рука остановилась, прежде чем достать сердца из шляпы-котелка.

-Неффе! Артур! -голос дяди Курта слышался на расстоянии нескольких метров. Я знал, что это произойдет, и знаю, что вы видите. Не бойтесь, что это все иллюзия: мы все еще можем достичь нашей цели, вы слышите меня?

-Да, дядя Курт, - ответил я, ошеломленный. Я слышу ваш голос как будто издалека и нахожусь в полном оцепенении от этого изобилия глаз, которое демонстрирует природа, от этого чудовища, в которое превратился мир.

-Слушай меня внимательно, Артур: ты будешь делать то, о чем я тебя прошу, и отвечать на мои вопросы. **Ты скажешь Мне, что ты увидишь, ибо здесь нет глаз, кроме твоих собственных: все глаза Авалокитешвары - иллюзорные, проекции твоей собственной эмоциональной слабости.**

Я сделал над собой усилие и повернулся в ту сторону, откуда доносился его голос. Я увидел миллионы светящихся глаз, я увидел, что вся Реальность по-прежнему состоит из рыбьих глаз, но там, где был дядя Курт, где должны были быть его глаза, я увидел только две пустые глазницы, два кратера непроницаемой черноты, два открытых окна в Другой мир: я испустил крик ужаса и перевел взгляд вперед.

-Ты со мной, Артур? -нехарактерно спросил дядя Курт.

-Да, дядя Курт, - снова ответил я.

-Ты выполнишь работу: я лишь поставлю в начале Знак происхождения

на Огненном камне!

Я вспомнил слова Бирсы из "Письма Белисены Вильки": "Смертные люди, Люди из глины, развивающиеся из глины, из Огненного Камня Начала, отражающего монаду, подобную Единому, в конце станут личностями, идентичными Огненному Камню, подобно Метатрону, Небесному Человеку, реализованному Архетипу, Агнцу, Сыну Бины; Они будут такими, когда Храм будет готов, и каждый займет свое место в здании, согласно символу Мессии; они будут такими в те дни, когда Царство **ЙХВХ** будет реализовано на Земле, и Царь-Мессия будет царствовать, **и Шехина будет проявлена**". Так много глаз! Да, это проявление Авалокитешвары, Великой Матери Бины, также было Шехиной, как описал это Захария: "**эти оптические корни Древа ЙХВХ представляют Израильскую Шехину!**" В начале времен сотворенный человек был похож на глиняную конструкцию, а в конце - на огненный камень. Такие камни **необратимо формировались** Знаком Происхождения, превращая их в Холодный Камень, в Несозданный Камень, как скандалили Демоны, помечая их Мерзким Знаком: "Они, **выгравировав Мерзкий Знак** на Огненном Камне, на котором сидела каждая Душа Грязевых Людей. И отвратительный знак **охладил** Огненный Камень, **Абен Эш**, и удалил его из Конца. Так что, Коэны, **Камень, который должен быть омыт целиком в Конце, - это Холодный Камень, который не должен быть там, где он есть, потому что он не был помещен в Начало Единим Творцом.**" "Проклятый камень, камень злословия, камень-семя: они посадили его после Начала в душу глиняного человека, и теперь он находится в Начале".

-Transmutemini de lapidibus in vivos lapides philosophicos!⁷⁴ -

Я слышал, как дядя Курт повторял слова Магистра Дорна: "Загляните в **матрицу!**"

-Я вижу золотую воду, aqua aurens, взволнованную бесчисленными искрами света: это **anima panoptes!**

-Поместите сердца в **матрицу!**

Не задумываясь, я нащупал шляпу, извлек склизкие органы и ввел их в горлышко карболки. Не успели они погрузиться в серную кислоту, как испускание ядовитых паров заставило меня отдернуть голову: через отверстие матки **философа** на мгновение поднялся **светлый** пар, создавший впечатление, что жидкость сгорела; однако он вскоре утих, и изнутри карболки заструилось новое сияние, на этот раз черное. В тот момент я едва обратил на него внимание, потому что дядя Курт хотел, чтобы я не поднимал глаз от кислоты и ее жуткого содержимого, но было очевидно, что оно значительно уменьшило общее **морфопатическое** проявление.

-Что вы видите сейчас? -спросил он со своего поста.

-Звездный небосвод!

Действительно, кислота изменила цвет, и теперь в графине была черная жидкость, **nigredo**, с блестящей поверхностью, освещенной бесконечным числом неподвижных **сцинтилл**, искр света, которые были звездами конкретного микрокосма.

-Что вы видите сейчас? -повторил он.

-Зодиак! -Сотни, тысячи созвездий, все архетипы Вселенной были в этом раю!

-Что вы видите сейчас? -настаивал он.

⁷⁴ Давайте превратимся из мертвых камней в живые философские камни.

-Две звезды, которые выделяются! Две звезды, более яркие, чем все остальные, выдвигаются вперед и занимают центральное положение, под стопами Девы Колоса, рядом с Вороном!

-Что ты видишь сейчас? -спросил он.

-Созвездия кажутся как никогда живыми, Архетипы вибрируют в небе, животные всех видов **готовятся к спуску!** Я вижу их и слышу их звуки!

Действительно, звуки небесных животных стали настолько реальными, что, лишь на мгновение оторвав взгляд от матрицы, я понял, что некоторые из них действительно присутствуют вокруг меня: я различил три рева и перевел мимолетный взгляд на окрестности; это были **хрюканье свиньи, лай собаки и рев медведя**. С нарастающим ужасом я увидел, что эктоплазменные облака, витавшие над трупами Беры и Бирсы, приняли безошибочную форму **кабана**: над трупами восточных убийц материализовались два огромных белых кабана, грозно рычащих и демонстрирующих на своих телах тысячу глаз Авалокитешвары, тысячу глаз Анима Мунди, тысячу глаз Единого, тысячу глаз Пуруши. Подошли собаки даивы, которых, несомненно, позвал дядя Курт, и, похоже, они увидели их без труда, так как лаяли на них с неудержимой прытью.

Но самое большое впечатление на меня произвел взгляд дяди Курта. Как объяснить то, что я увидел? Пожалуй, только тем, **что его форма менялась**; иногда он был дядей Куртом, **а иногда огромным разъяренным медведем, ursus terrificus**. Но такое объяснение было бы не совсем верным, потому что дядя Курт действительно стал **человеком-медведем**: это была **ярость** дяди Курта, **ярость воина-медведя, berserkr gangr**, сила, которая превратила его. Я искал дядю Курта глазами и обнаружил **берсеркра**, воина ордена эйнхерьяров Вотана, гиперборейского посвященного во Вруны Навутана. И взгляд испуганно вернулся в его глаза, сопровождаемый яростным ревом и ритмичными, почти ритуальными движениями его могучих лап. Но когда он заговорил, это снова был дядя Курт.

-Что вы видите? -потребовал он.

Две самые яркие звезды превратились в кабанов-близнецов!

-Что вы видите сейчас?

-Кабаны в ужасе бегут и ищут защиты у своей Матери, Дракона Вселенной!

-Что вы видите сейчас?

-Я вижу кабанов, укрывающихся на коленях дракона! И вижу я дракона: у него тысяча голов и тысяча глаз; и на каждой голове звезда Давида; и на каждой голове лик Бины; и тысяча уст его поют песнь Агнца. Дракон держит Агнца на руках, а кабаны, справа и слева, рычат без остановки. И в хоре с Драконом и Кабанами три четверти звезд небесных поют так:

Авалокитешвара.

Великая Мать Бина!

Оно идет, оно идет.

Окончательный Холокост!

-Что вы видите сейчас?

-Дракон Бина держит Агнца в правой руке, а левой берет чашу, переполненную человеческим щелоком. Теперь вылейте содержимое чаши на землю!

-Что вы видите сейчас?

-Сами звезды поют:

Авалокитешвара,

Великая Мать

Бина!

Ваше милосердие, ваше милосердие!

Омыть землю щелоком Иеговы!

-Что вы видите сейчас?

-Щелок падает на землю. Два белых кабана проносятся по небу с востока на запад, громко возвещая: "**Чума, чума!**" Все, к чему прикасается щелок, погибает: **Земля превращается в каменную пустыню!** Выживают только сто сорок четыре тысячи человек, принадлежащих к дому Израиля: они бегут из пустыни и укрываются в долине, которую потом затопит щелок; и дракон, и кабаны разгневаны **тем, что камни пустыни все еще остаются**, потому что щелок не прокалил и не растворил их, как остальных живых существ!

-Что вы видите сейчас?

Дракон посылает Агнца, охраняемого его братьями, кабанами-близнецами, пастись на Земле, но Земля бесплодна, и Агнец томится среди камней, не имея возможности питаться!

-Что вы видите сейчас?

-Дракон, обладатель страшного гнева, проклинает Камни и Пустыню Камней! И кричит, что будет искать Агнца, прежде чем Пустыня станет причиной его смерти!

-Что вы видите сейчас?

Мерзкая щелочь, упавшая с небес, и грязь, которую она успела сорвать с земли, стекала в долину, к востоку от Пустыни Камней, и образовала великое море! Эдем и Рай - это названия того моря; а Тартар и Тарсис - названия Пустыни Камней!

-Что вы видите сейчас?

-Пустыня пригнала Агнца к своему берегу, который также является берегом моря во ржи! Небесный Дракон снова кричит, что он поможет своему сыну, который находится между Эдемом и Тартаром!

-Что вы видите сейчас?

-Тысяча глаз дракона, сияющих, как солнца, устремляются на Пустыню Камней, и Камни страдают от смертельного удушья; большинство Камней размягчается и тает, а Пустыня превращается в огромное озеро кипящей лавы: только самые твердые Камни остаются на месте, упорно сохраняя свою отдельную форму!

-Что вы видите сейчас?

-Ужасный крик поднимается из Пустыни и уходит за Дракона: Камни взывают к Незнаемому о помощи против Агнца и против Матери Агнца, Дракона Бины, которая вылила на них щелок Иеговы и забрала у них Землю, и намеревается сжечь их в Пустыне **за то, что они не служат пищей для Агнца!**

-Что вы видите сейчас?

-На небе появилось знамение: **Дева, чернее ночи**, с луной под ногами и в короне из тринадцати несозданных звезд!

Это Дева Агарта пришла на помощь Камням во имя Непознаваемого!

-Что вы видите сейчас?

-Спуск Девы как бы накидывает мантию освежающей черноты на Пустыню, превратившуюся в озеро раскаленной лавы, и приносит камням немедленное облегчение. Присутствие Девы освежает и вновь закаляет камни, ибо она заступает своей тьмой перед тысячей горящих глаз Дракона! И Дева несет в руке колос кукурузы; и она роняет зерна на пустыню Камней; и Камни, получившие зерна, становятся неуязвимыми для Небесного Огня, их больше нельзя размягчить, и они отмечены Знаком, уникальным Знаком, который означает черное, твердое и холодное. И Знак Девы называется "Знак Врила".

-Что вы видите сейчас?

-Теперь Агнец потерян среди тьмы, твердости и холода камней. И в отчаянии взывает он к своей Матери, дракону Бине, ибо камни грозят задушить его горло **или погрузить** в море щелока.

-Что вы видите сейчас?

-Дева рождает, и плачет от болей и мук родовых. И другое знамение явилось на небе: дракон огненно-красный, имеющий тысячу голов и тысячу очей, и тысячу звезд Давидовых на головах его. Хвост его сметает три четверти звезд небесных и бросает их на землю; и спускаются они на море щелочное, которым повелевает звезда Тубан. И дракон также спускается, чтобы охранять Агнца и напасть на Деву.

-Что вы видите сейчас?

-Дракон предстал перед Девой, которая должна была родить, чтобы пожрать ее дитя, когда она родит. **И она родила Каменного ребенка, того, кто будет править всеми народами с помощью трезубца Врэджа: Фюрер - имя Каменного ребенка.** Но ее сын был защищен от Дракона тем, что запутался среди камней пустыни. А Дева укрылась в Пустыне, где у нее есть место, устроенное Непознаваемым, чтобы прожить две тысячи сто восемьдесят восемь дней.

-Что вы видите сейчас?

-На Небесах идет битва. Крестос-Люцифер, и капитан Киев, и верные сиддхи поднялись на борьбу с Драконом. Дракон сражался, и его бессмертные ангелы, и кабаны, и звезды тоже. Но он не одержал победу, и на Небесах для них не нашлось места. Великий Дракон был **низвергнут**, тот, кого называют Иеговой и Сатаной, тот, кто организует всю Вселенную; он был **низвергнут** на Землю, и его Ангелы были **низвергнуты** вместе с ним.

-Что вы видите сейчас?

-Я слышу великий голос на небесах:

"Избавление пришло!

и Сила, и Царство Непознаваемого, и Империя его Крестоса.

Потому что приковывание наших товарищей было **поспешным**,

тот, кто день и ночь указывал на них перед лицом Непознаваемого.

Но преданные сиддхи победили его с
помощью Чистой крови,
и за свидетельство мужества,
которое они дали; ведь они не
любили теплую жизнь так сильно,
чтобы избегать смерти.
Так бойтесь же, о небеса, и вы, живущие на них!
Горе земле и морю!
Ибо дьявол сошел к вам в великой
ярости,
зная, что у него осталось мало времени.

-Что вы видите сейчас?

-Когда Дракон был **сброшен** на Землю, он преследовал Деву, родившую Каменного Младенца. Но у Девы были два крыла Великого Кондора, и она могла улететь в Пустыню, к себе домой, где она выдерживала **один цикл, и два цикла, и полцикла**, вдали от присутствия Дракона. Дракон извергал из своих пастей, стоя за Девой, щелочь, как река, чтобы река унесла ее. Но Пустыня помогла Деве. И открыла Пустыня рот свой и поглотила новую реку щелочи, которую изверг Дракон, и влила ее в море щелочи, где были Агнец и сто сорок четыре тысячи. И разгневался Дракон на Деву **и пошел воевать против остального ее потомства, тех, кто имеет знак его и свидетельство Крестоса Люцифера**. И встал он на берегу моря щелочного.

-Что вы видите сейчас?

-Я вижу, как из пустыни выходит человек с силой зверя! Это существо наполовину человек, наполовину медведь, наполовину человек, наполовину волк; временами он похож на медведя, временами на волка; когда он должен противостоять пчелам Израиля, он похож на медведя, а когда он должен сражаться с Агнцем, он похож на волка! Он - сын Девы Агарты, выросший как камень в пустыне; он - фюрер, вернувшийся, чтобы вести войну против Агнца и ста сорока четырех тысяч! Его рев гремит по Земле, и вслед за ним поднимаются Камни Пустыни, те, кто носит знак Вриля! А Камни, замороженные Девой Агарты, - это еще и оборотни, воюющие от неудержимой ярости! Я ничуть не преувеличиваю, если уверяю вас, что рев, раздавшийся в тот момент с того места, где стоял дядя Курт и монотонно спрашивал: "Что ты видишь сейчас? Я описывал то, что видел на поверхности **аквавита** в графине, но мои слова приобрели пророческую форму, которая оформилась прямо в бессознательном. Я уже давно перестал рассуждать о том, что говорю: я просто выражал то, что заполняло мой разум, который в тот момент не мог объяснить, вижу ли я это на самом деле или воображаю. Что, конечно, не было плодом моего воображения, так это трансмутация дяди Курта с его звериным ревом и воем, а также двух эктоплазменных кабанов, которые, все более отчетливо и ясно, материализовались над трупами двух восточные убийцы.

На рев человека-медведя кабаны отвечали проклятым пчелиным гулом, который я теперь знал; но когда завыл оборотень, кабаны задрожали в панике, их шерсть встала дыбом от ужаса, и они зарычали в отчаянии. А я, понимая, что происходит вокруг, старался гипнотически удерживать взгляд на **матрице** с кислотой и сердцами, созерцая видения, которые, какими бы

фантастическими они ни были, я не мог не видеть, и которые я не мог не видеть.

но они были менее ужасны, чем реальность Чакры Белисены Вильки.

-Что ты видишь сейчас? -четко спросил голос дяди Курта.

-Я вижу, как надвигается огромная армия, состоящая из тех, кто носит знак Девы и подобен Зверю, врагам Агнца. И я вижу, что их ведет Фюрер, подобный яростному волку, и сопровождает Дева, которая летит над ними со знаменем Знака Врил и Шипа; и армия волков приближается к морю щелочи, а Агнец и сто сорок четыре тысячи членов Избранного Народа поселяются на Белом острове, расположенном в центре моря щелочи, образованном вершиной горы Сион! Небесный Иерусалим и Чанг Шамбала - вот названия этого острова.

-Что вы видите сейчас?

Агнцу, стоящему на горе Сион, и с Ним ста сорока четырем тысячам, у которых имя Его и имя Отца Его написано на челах их. И слышу я голоса с небес, звучащие в гармонии многообразной природы. И они поют **новую** песнь перед Троном Иеговы, перед десятью сефирами, перед Старейшинами Израиля и перед Шехиной. Никто не может выучить Песнь Творения, кроме тех ста сорока четырех тысяч, которые были выкуплены с Земли. Это те, кто не знает любви к женщине, потому что они - содомитские священники. Это те, кто следует за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они составляют Иерархию душ, от человека до Иеговы и Агнца. Они не знают Истины Творения. Они - совершенные люди-животные.

-Что вы видите сейчас?

-Сейчас я наблюдаю Эпоху, предшествующую падению Дракона: на Земле видны **люди, уже имеющие Знак Врил**, и Ангелы Дракона угрожают им с Небес. Один из них, тот, что летает выше всех на Небесах, несет Евангелие Агнца и объявляет Огненную Катастрофу жителям Земли, каждому народу и племени, и языку и народу, и говорит громким голосом: "Я видел Ангелов Дракона, и я видел Ангелов Дракона, и я видел Ангелов Дракона, и я видел Ангелов Дракона:

"Бойтесь Господа и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его. Поклоняйтесь **Тому, Кто сотворил небо и землю, море и источники вод**".

И другой Ангел, второй, последовал за ним: **"Пал Вавилон великий, пал, о н а , которая давала пить вино из Всеобщая империя для всех народов"**.

И другой Ангел, третий, последовал за ним, говоря громким голосом: "Если кто поклонится зверю и образу его и примет знак его на чело свое или на руку свою, то **и он будет пить вино гнева Господня, чистое вино, концентрированное, человеческий щелок, в чаше гнева Своего**.

И будут мучиться **в огне и сере**.
в присутствии Святых Ангелов и в

присутствии Агнца.
***Дым их мучений
поднимается во веки веков;***

и не имеют покоя ни **днем, ни ночью**
тех, кто поклоняется зверю и образу его,
и те, которые примут знак имени Его".

"Вот стойкость избранного народа, тех, кто соблюдает
заповеди Иеговы и веру в Мессию!"

-Что вы видите сейчас?

-Он указывает на город, который находится на горе Сион, посреди моря
льда, и говорит: "Вот невеста, жена Агнца!"

Этот Ангел обращается к тем, кто поклоняется Агнцу, и обещает им
спасение от оборотней, скрывающихся в Городе Иеговы. Так он обращается к
ним:

"На горе Сион сойдет с
неба город,
от Иеговы.

Сияние его будет подобно драгоценнейшему камню,
подобно яшме, испускающей кристаллические
искры. У него будет большая и высокая стена,
в котором будет двенадцать ворот;
и над вратами двенадцать
Ангелов, и над ними написаны
имена, которые есть

**двенадцати колен сынов Израилевых. На
востоке - трое ворот, на юге - трое
ворот, на западе - трое ворот.**

Стена города будет иметь двенадцать
оснований, и на них будут двенадцать
имен, имена двенадцати Апостолов
Агнца".

И Ангел с помощью золотой тростинки измеряет город, его ворота и
стену.

"Город должен быть построен четырехугольный; длина его будет
равна ширине.

И измеряет город тростником, и он равен двенадцати тысячам
вёрст. Длина его, и ширина его, и высота его равны. А стена - сто сорок четыре
локтя, по мере человека, которая есть мера Ангела. И говорит Ангел:

"Материалом для стен будет яспис, а город будет из чистого золота,
как чистый кристалл. Основания городских стен должны быть украшены
всякими драгоценными камнями. Первое основание будет яспис, второе -
сапфир, третье - халцедон, четвертое - изумруд, пятое - сардоникс, шестое -
сердолик, седьмое - хризолит, восьмое - берилл, девятое - топаз, десятое -
агат, одиннадцатое - гиацинт, двенадцатое - аметист. Двенадцать ворот будут
двенадцатью жемчужинами; каждые из ворот будут из одной жемчужины,
подобной сверкающему кристаллу. Не будет в нем святилища, ибо святилище
его - Элохим, Иегова Себаот и Агнец. И не нужно будет городу **ни солнца, ни
луны, чтобы освещать его**; ибо **слава Сефирот Господних будет
освещать его**, и светильник его - Агнец. **И народы будут ходить в свете
его, и цари земные принесут славу свою в него. Врата ее никогда не
будут затворены днем**, и никогда не будет там ночи. И внесут они в него

-Что вы видите
сейчас?

славу и честь народов. **Не войдет в нее ничто нечистое, ни освященные священниками Израиля**, ни те, которые носят мерзкое знамение, **но те, которые написаны в книге жизни** Агнца".

-Что вы видите
сейчас?

Река живой воды, из которой вытекают все сотворенные вещи, выходящая из **Кетер-стебля** Иеговы и Агнца. Ангел произносит последние слова:

"Посреди площади и по обе стороны реки этой должно быть Древо жизни, приносящее двенадцать плодов, по одному в каждый месяц. И листья гранатового дерева будут служить для исцеления народов от греха против Господа. И не будет уже осуждения ни для кого, и будет в нем Логово Господа и Агнца, и поклонятся Ему рабы Его. Они увидят лицо Его, и имя Е г о будет на челах их. И не будет более ни ночи, **ни тьмы без конца, и не будут нуждаться н и в свете светильника, ни в свете солнца, ибо Господь Элохим даст им свет, **и будут царствовать во веки веков.**"**

-Что вы видите сейчас?

-Я вижу финальную битву. Я вижу, как фюрер и его армия оборотней штурмуют остров Сион, застанут врасплох Небесный Иерусалим, который является Чанг Шамбалой, и устраивают великую резню среди его обитателей. Даже Тубан и три четверти гарнизона Небес не могут остановить разбушевавшуюся стаю!

Агнец и сто сорок четыре тысячи жрецов загнаны в Проклятый город, **построенный из тела Дракона!** И они гибнут тысячами: они скорее умрут, чем увидят Vril-знак оборотней! А Город Драконов корчится и корчится, не в силах избавиться от оборотней. И бессмертные глаза Дракона проливают бесчисленные слезы; слезы, которые катятся к четырехкратной Стене Плача; слезы жалости к детям Израиля. Но оборотни не сдаются и вонзают свои клыки в Детей Израиля, в Агнца и в Дракона. И Дева Агарта вонзает свой штандарт в Стену Плача, которая подобна Сердцу Бины, владычицы всех сердец: да, в Сердце Авалокитешвары был заложен Знак Врила, Знак, вызывающий Черные, Твердые и Холодные Камни, и по Стене Плача текут Ее слезы, как из чудесного водопада. И на Сион опускается жесткая и л е д я н а я тьма: это холодная смерть Девы; смерть, уносящая тепло сердец Агнца и ста сорока четырех тысяч Святых Израиля; смерть, развязанная теми, кто видит во тьме, каменными оборотнями, составляющими армию фюрера.

-Что вы видите сейчас?

-На Земле продолжается Последняя Битва, но я уже не вижу, что там происходит, **ибо вижу, как Белые Кабаны в панике бегут, чтобы спрятаться в Небе: их преследует часть армии оборотней-каменщиков! Но в Небе осталась лишь четверть звезд!**

-Время пришло! Конец равен началу! -удивленно воскликнул дядя Курт.

Глава XV

Я был поражен неожиданными словами дяди Курта. Однако он спросил дальше:

-Что вы видите сейчас?

-Кабаны-близнецы поднялись на звездное небо в поисках Дракона. Но Дракон не на небе, а в Последней Битве. И Кабаны снова стали звездами и расположились под ногами Девы, рядом с Вороном. И много созвездий пропало на небе, как книжка с вырванными страницами.

-Что вы видите сейчас?

-Звезды на небе, **все оставшиеся** звезды, покидают свои посты и вращаются вокруг двух звезд - **первозданного хаоса, массы путаницы!**

-**Я спроецирую Знак происхождения на растерянного маса!** - крикнул дядя Курт. Казалось, он стоял теперь совсем близко от меня, у меня за спиной. Я представил себе его пустые черные глазницы, глубокие и бесконечные, заглядывающие в алхимический сосуд, на сияющей поверхности которого непременно будет храниться **то, чем он был: Знак Истока, Знак Врилы, Знак Девы, Знак Люцифера, Знак Шивы.** Он представил себе это, ибо не хотел смотреть на него и видеть, как прежде, Смерть Фрая, Человека-Медведя и Человека-Волка.

В **матрице** на поверхности **Sulphur Philosophorum** появилось изображение вихря **lumen naturae**, вращающегося вокруг звезд-близнецов, **монад Бера и Бирса.** Когда первая Руна отразилась от них, они потеряли большую часть своей яркости и начали **застывать.** И так они продолжали, тускнея и застывая, по мере того как за ними следовали следующие Руны. И тогда, наконец, все тринадцать Рун обрели форму, две звезды претерпели метаморфозу и превратились в **Каменные цветы.** Затем, словно дядя Курт задал мне вопрос, я описал вслух то, что увидел:

Звезды - это два каменных цветка; это две **падмы** или лотосы: Эстер - так называются эти камни. И тринадцать Рун движутся и соединяются друг с другом непостижимым образом. И тринадцать Рун образуют Знак, который разрушает водоворот, **хаос confusum**, и заменяет его самой непроницаемой тьмой; только каменные цветы остались в **Sulphur Philosophorum:** и теперь они **устремляются** на дно **матрицы. Opus consumatum est!**⁷⁵

-Теперь вы обладаете двумя **lapis philosophorum!** -Вы завершили Работу через Деву, **потому что вы видели Работу!**

⁷⁶И вы получили **descensus spiritus sancti creator!** Вы подобны Мне, а Я подобен вам! **Naturalissimum et perfectissimum opus est generare tale quale ipsum est!** Внезапно я осознал, что рев, рычание и лай прекратились. Я резко повернулся и поискал глазами дядю Курта: его нигде не было видно. Вместо этого я увидел две белые точки, удаляющиеся в небо. Я поднял голову и подумал, что вижу двух кабанов, которые в панике бегут прочь, их шерсть встала дыбом, и они рычат от ужаса. Природа успокоилась, и эктоплазменные облака больше не висели над трупами восточных убийц; кабаны были душами Беры и Бирсы, бежавшими к Началу Времени! Неужели план все-таки удался, несмотря на вмешательство Авалокитешвары? Как дядя Курту удалось это сделать, как он сумел помешать Жалости **Матери Деа** успокоить панику бессмертных Беры и Бирсы? Да, теперь он вспомнил: **с их сердцами в**

⁷⁵ Работа закончена.

⁷⁶ Самая естественная и совершенная работа заключается в создании чего-то равного себе.

Сера Философорум со своими Душами в сосуде алхимических проекций перенесла Бера и Бирсу в будущее, к Последней Битве, когда Дракон потеряет свою Силу; и там они испытали больший ужас, чем смерть их физических тел от взрывов наших ружей.

Из всех возможных Будущих одно, как можно ожидать, соответствует Миру, **"который Ватан утверждает с самого начала"**, Миру, который составляет **"Реальность Крови Тарсиса"**. В это будущее, в котором Дух восторжествует над Силами Материи, алхимическим путем были перенесены души Бера и Бирсы: в Битву за Чанг Шамбалу, в Финальную Битву; в Поражение Чанг Шамбалы, в Поражение Сиона; и Ужас перед Концом Чанг Шамбалы, перед Концом Сиона вызвал возвращение Беры и Бирсы в Начало Времени, в точку, где сидят все возможные Будущие и где Чанг Шамбала или Сион не определили свой Конец до Конца Времени. Ибо то, что я видел в **матрице**, - это Несозданное Будущее, не предусмотренное Творцом, возможное только в Мире Крови Тарсиса, в Мире Реальности Фюрера: **и дядя Курт проявил слепую веру в это Несозданное Будущее, в котором духовные люди восстанут, как дикие звери, против Агнца и "ста сорока четырех тысяч" Священников Израиля.** Я полагаю, что успех алхимической трансмутации и ужас, вселившийся в бессмертных Бера и Бирса, были обусловлены прежде всего той непоколебимой верой, которую дядя Курт исповедовал в фюрера и его будущее.

Хотя он, как ни странно, утверждал, что работа принадлежит мне. Но я лелеял уверенность, что именно он отметил Горячие Камни, Души Бера и Бирса, монад Изначального Хаоса, Знаком Происхождения, "Отвратительным Знаком", которого боялись Демоны. И их Души осадил Камень Начала, **lapis ignis**, и теперь **они должны быть в Начале. В панике, в Начале:** цель плана. Я забыл о Милосердии Авалокитешвары, но **благодаря** дяде Курту цель была достигнута.

Где же был дядя Курт? Я уже начала волноваться, когда услышала его голос: он **доносился сверху**, звучал иронично и спокойно.

-Я был прав, Неффе: **бессмертные не могут умереть.** И ты был прав: **их страх заставит их бежать к Началу.** Ничья, не так ли? Теперь я должен идти за ними, Медведь против Пчел, Волк против Свиной, я должен преследовать их до Начала: **только тогда Конец будет равен Началу, Сила станет Действием, Возможное станет Реальным, Работа будет присутствовать между Концом и Началом; и ты сможешь выполнить свою миссию.**

Я знал, что происходит: дядя Курт поднимался вместе с собаками-даивами, пока не оказался вне пределов моей досягаемости. Поэтому его решение было бесповоротным. Я почувствовал, что умираю от тоски и опустошенности. Ноги затекли. В горле застрял комок. Тем не менее я беспомощно закричал:

-Дядя Курт, не уходи! Не оставляй меня здесь **одну!**

Затем я услышал громовой хохот, который дядя издавал с неизбежной непосредственностью: это была не насмешка, а выражение его настроения.

-И это ты усомнился в моем **упрямстве**, когда я не захотел оставаться **один** в этом аду после Второй войны? -спросил он, смеясь. Помни, что я терпел 35 лет: тебе придется терпеть гораздо меньше. Давай, будь храбрым, неффе Артуро! Или мне придется, как Белисене Вильке, спрашивать тебя,

способен ли ты быть кшатрием? Но я знаю, что вы понимаете, почему

Да: это *часть стратегии фюрера. Охоте, которую я начинаю, вскоре будут подражать тысячи Каменных Обратней. Я буду удостоен чести определить конец эпохи кабана и пчелы, так же как колос Девы уничтожит эпоху голубя.* Ты такой, какой я есть, и я такой, какой ты есть, а если я есть, то и ты есть: *такова была великая стратегия Стира фон Зюбермана, которую мы не могли узнать до сих пор; тайна Тулкуса.* Сегодня знак Истока находится в тебе, *в твоих мочках ушей; и те, кто обладает Чистой Кровью, увидят его.* Вот почему *Iapis philosophorum* принял форму *каменных цветов*: потому что *такие лотосы - украшение серег Авалокитешвары, серег, которые Милосердный вкладывает в уши тех, кто отмечен знаком Истока, чтобы прикрыть знак Истока.* Вы получили их в *матрице* проекций, потому что ваш собственный Знак Истока *был раскрыт: его покровы спали! И это Великая Работа! Теперь вы - Знак Истока, и вы, в Истоке Вечного и Несотворенного Духа, то же самое, что и я!* Я никогда не мог видеть Знак Истока, помните; но *сегодня мы оба видели его: вы во мне, и я в вас, в проекции на Горячем Камне.* По отдельности мы бы никогда его не увидели. Вот почему было хорошо быть с тобой, Неффе; потому что вместе мы выполним миссию нашего Стира: *мы сделаем это ради Чести, поскольку мы видели Исток, и у нас есть Исток, и мы можем вернуться, когда захотим вернуться к Истоку.* Я больше не нужен вам, как не нужен вам никто и ничто. Прощай, Неффе; мы встретимся снова во время последней битвы. Хайль Гитлер!

-Хайль Гитлер! -Механически ответил я, когда раздался рев "Фиеры".

Неописуемый гром разнесся в пространстве, и неземной, ледяной ветер ударил меня, как хлыст, сотрясая деревья и поднимая тучи пыли.

Я посмотрел в ту сторону, куда убежали кабаны, то есть на юг, и, клянусь, в последний раз увидел дядю Курта. Или, по крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление. На фоне звездного неба я увидел - или мне показалось, что увидел, - дикого зверя, бегущего за двумя яркими звездами, которые в ужасе разбегались в стороны: он был похож на медведя или волка; его рев и вой становились все менее громкими, пока не утихли совсем. *Я почувствовал себя в здравом уме: это уходила Чума.*

В раздумье, все еще глядя на Южный Крест, я вспомнил письмо Белисены Вильки, ту часть, где рабби Биньямин упоминает о тайне слабости избранного народа: "Господь предупредил народ Израиля о четырех видах бедствий, против которых он будет **слаб**: Берегитесь меча, ибо он может убить вас; берегитесь собак, ибо они могут растерзать вас; берегитесь птиц небесных, ибо они могут пожрать вас; берегитесь зверей земных, ибо они могут истребить вас (*Иер. 15*)". Там, на полу Чакры, лежали безжизненные человеческие тела Беры и Бирсы: они были **слабы**, стратегически **слабы**. И в их дело вмешались символы, о которых предупреждал Иегова, причем все четыре сразу:

Меч: Мудрый меч Дома Тарсиса.

Собаки: собаки дайва.

Птицы: Дева Агарта и каждая леди Калибур, чья бесконечная чернота пожирают свет душ.

Звери: **Берсерк** и **Ульфхеднар**, то есть люди-медведи и люди-волки,

из Фрая Стоуна.

И предложенные Берой "лекарства": "Мир золота", "Иллюзия гнева", "Иллюзия земли" и "Иллюзия неба" - не помогли им в этом случае.

Мы выиграли игру у "Демонов", но я больше никогда, до сегодняшнего дня, не видел дядю Курта.

Глава XVI

Затем произошло явление, которое я решил объяснить отдельно, поскольку пока не нашел ему убедительного объяснения. Как я уже сказал, я все еще смотрел на небо, на Южный Крест, и думал о том, о чем уже упоминал, пытаюсь справиться с ностальгией по отъезду дяди Курта, пытаюсь преодолеть нервную депрессию.

Удар был сильным, мощным, в центр черепа, на несколько сантиметров выше того места, где дядя Курт нанес свой точный удар по моей голове. Я упал на землю, видя звезды, которые точно не были продуктом алхимического процесса, **но понимая, что что-то упало с небес на мою голову, что-то небольшого размера и значительного веса.** Я поднялся, все еще ошеломленный, и начал осматриваться с помощью перочинного фонарика. Мне не потребовалось много времени, чтобы найти снаряд, вызвавший шишку, болезненные последствия которой длились несколько дней и шрам от которой у меня остался: как вы можете легко представить, это был камень.

Но это был художественно вырезанный камень, и было очевидно, что он принадлежал к более крупному целому, от которого был отколот. ⁷⁷⁷⁸**Это была рука каменного ребенка, изуродованная у запястья и выражающая Бала-мудру, внутреннее приветствие Дома Тарсиса: указательный и большой пальцы вытянуты под прямым углом, а средний, безымянный и мизинец согнуты над ладонью.**

Когда я нашел каменную руку, то сразу вспомнил тридцать третий день письма Белисены Вильки, а потом проверил, перечитав этот пункт снова и снова: в этот день Белисена рассказывал об истреблении своего Стириона Берой и Бирсой, превративших непосвященных членов Дома Тарсиса, как и членов моей семьи, в **битум Иудеи**. Именно тогда Нойо, Носо де Тарсис, прибыл в церковь Девы Грота в Турдеше, чтобы спасти образ от всеобщего разграбления Луго де Брага. И именно во время выполнения этого задания он обнаружил, что у Каменного ребенка была отсечена рука, выражающая Вруна Бала. **Но это исчезновение произошло в XIII веке, семьсот лет назад: связывать этот факт с тем выглядело, по меньшей мере, авантюрно, не говоря уже об абсурде.** И все же, вопреки всем логическим доводам, это происшествие показалось мне наводящим на размышления. И я не изменил своего мнения: я вправил руку в серебряную **ручку**, добавил к ней цепочку и повесил на шею. Как она упала мне на голову и откуда, я не знаю; та ли это рука тринадцатого века, я не знаю; и что значит, что она упала мне на голову в тот момент, я не знаю; и что значит, что она упала мне на голову в тот момент, я не знаю.

⁷⁷ Сила.

⁷⁸ Выражение.

относится к области самых мрачных загадок. Но произведение мне нравится, и я буду носить его с собой до конца.

Глава XVII

Мне почти нечего добавить к этому Эпilogу или Прологу. После того шока, который, несомненно, вызвал у меня отъезд дяди Курта, Об этом свидетельствовало то ненормальное спокойствие, с которым я начал размышлять о символах Меча, Собак, Птиц и Зверей, и, преодолев болезненный эффект от удара по голове, я начал осознавать реальность, и моя нервная система пришла в жестокий кризис. Внутри я чувствовал, что разваливаюсь на части, а снаружи пытался держать себя в руках, выкрикивая тысячи оскорблений и клятв в адрес всех наших врагов, из которых в конце концов не были исключены наши товарищи и союзники: Белисена Вилька, его сын Нойо, капитан Киев, верные сиддхи, фюрер и даже Непознаваемый - все были охвачены моими невоспроизводимыми богохульствами. Я не буду оправдываться, ибо известные события объясняют эту иррациональную реакцию. Как могла не сломиться моя воля, когда в течение четырех дней была зверски убита моя семья, вся моя семья, ближние и дальние родственники, а единственный оставшийся в живых, кроме меня, дядя Курт, только что ушел, чтобы никогда не вернуться?

Я впал в ярость. Я выкрикивал оскорбления и беспомощно пинал трупы восточных убийц. С иррациональной агрессией я уже собирался разрядить заряды бесполезного пистолета-пулемета в эти дьявольские тела, как вдруг стоны изнутри провиденциально вернули меня к реальности. Я был не один! Я вдруг вспомнил, что во время атаки мы слышали крики боли.

С лицом, все еще перекошенным от ярости, с безумным блеском в глазах и с пистолетом в руке я решительно вошел в дом, вызвав тревогу у человека, который лежал связанным на обеденном столе. Это был Сегундо, потомок индейцев из Пуэбло-де-ла-Луна, о котором Белисена Вилька упоминал в своем письме и которого я видел пару раз в качестве посетителя психоневрологической больницы в Сальте.

Он выглядел ужасно, потому что Бера и Бирса вырвали ему ногти на руках и ногах; но он должен быть благодарен богам и операции "Бумеранг", потому что у демонов не было времени отрезать ему язык и уши, выколоть глаза и, наконец, снять кожу или перерезать горло. Когда я развязал его и спросил, есть ли здесь аптечка, индеец вновь обрел дар речи.

-А двое мужчин? -осторожно спросил он.

-Это были не люди, - хрипло ответил я, - а демоны Бера и Бирса. Они оба мертвы: мы убили их выстрелами, которые вы слышали. И теперь мой дядя преследует их до самого дна Центральной Бездны Вселенной, до адского места, откуда они, возможно, никогда не вернуться.

Теперь я понимаю, что такой ответ был неуместен и абсурден. неизвестному индийцу, который, вероятно, не имел ни малейшего представления о том, о чем я говорю. Но я страдал от последствий шока и кризиса и не знал, что делать.

Я остановился, чтобы обдумать свои слова. Напротив, я постоянно проклинал себя за все свои ошибки: за то, что послужил причиной обнаружения демонами Мира и дома, где жила моя семья; за то, что забыл в плане нападения учесть сострадательное действие Авалокитешвары; и за то, что не прислушался к дурному предчувствию, возникшему у меня при прощании с дядей Куртом в Серрильосе, перед его левитацией с собаками-даивами: **Дядя Курт знал, что произойдет, что нас ждет испытание материнской страстью Авалокитешвары, который будет благочестиво защищать Бессмертных, и что, по всей вероятности, он должен отправиться в погоню за Демонами, чтобы не нагнетать страх; вот почему он хотел взять свой отпуск, прежде чем приступить к работе!** А я был глупцом, который довел план до конца, несмотря ни на что, недооценив возможности дяди Курта! Теперь я был один, еще более один, чем дядя Курт в своем изгнании, хотя он утверждал обратное, чтобы утешить меня и придать мне мужества!

Именно такие мысли занимали мой ум, когда я отвечал индейцу в упомянутой манере. К счастью, я был не совсем одинок: индеец повторил, еще более осторожно:

-Берай и Бирчай?

Возможно, только в этот момент его осенило, что индеец настоящий.

-Бераж...? - повторил я, пытаюсь вспомнить, где я уже слышал это произношение. Потом я вспомнил письмо Белисены Вильки и историю Народа Луны. Ты, конечно, тоже их знаешь! Эти Сыны Шлюхи истребили твою семью, а также Дом Тарсиса и мой собственный Стиракс! - воскликнул я с преувеличенным восторгом.

-А откуда вы это знаете? Индеец спросил с наигранным изумлением: - Разве в ы не из армии?

-Ха-ха-ха, - искренне рассмеялся я, поняв, какое впечатление произвела форма командос. Нет, парень, нет. Я не принадлежу к вооруженным силам. Тот, кто служил в армии, был Нойю Вилька, как вам хорошо известно. Вы меня не помните? Я Артуро Сигнагель, психиатр, который лечил Белисену Вилька в Сальте. Она рассказала мне все в длинном письме: например, я знаю, что вы происходите от Людей Луны, которые жили на острове Коати в озере Титикака, и что ваши далекие предки жили в Скандинавии, в стране короля Коллмана из рода Скиольда.

-Ах, Доктор. Да, я помню. Мне было известно, что донья Белисена пишет письмо с информацией о Доме Тарсис, но я не знал, кто будет адресатом.

И вы говорите, - добавил он, - что эти мучители - те самые Берадж и Бирчадж, которые более шестисот лет назад возглавляли малонов из Диагиты - древнееврейских индейцев под командованием касика Кари - во время вторжения на остров Исла-дель-Соль?

-Они были, - поправил я его. Действительно, они были теми же самыми, хотя, возможно, они использовали другие тела; я точно не знаю. Но что точно, так это то, что три месяца назад они убили Белисену Вилька в Госпитале, а всего через четыре дня покончили со всей моей семьей; из-за этих проклятых Демонов в живых остались только трое из трех духовных Стихий: Нойю Вилька из Дома Тарсис, Сегундо из Дома Скиольд и Артуро Зигнагель из Дома фон Зюберманн. Белисена Вилька в своем письме просит меня разыскать Нойю Вильку в Кордове и заверяет, что вы мне поможете. Она также советует мне

быть очень осторожным с Берой и Бирсой, которые были могущественными Демонами; но вы видите: несмотря на

Нам нанесли удары, но благодаря помощи богов мы смогли на время покончить с ними. Будут и другие демоны, которые, несомненно, будут преследовать нас, и тысяча неизвестных опасностей, но вряд ли Бера и Бирса вернутся в Мир Крови Тарсиса; **в других мирах Иллюзии, однако, они все еще будут существовать; и горе тем людям-духам, которые не найдут вскоре Мир Дома Тарсиса!** Что ты думаешь, Второй, сможешь ли ты мне?

-Конечно, была! Вы должны знать, доктор Зигнагель, что для людей моей расы она была королевой: ее желания - мои приказы. Она просила меня больше не ходить в больницу в Сальте, потому что за ней следили и она подозревала, что ее хотят убить: и я выполнил ее приказ в точности; я больше не ходил в Сальту и не отвечал на корреспонденцию из больницы, от судьи, из полиции и т. д. **И никто не приходил сюда, потому что этот дом очень трудно найти.** Должно быть, ваши силы очень велики, раз вы приехали вот так, врасплох, и вам удалось **избавиться от** демонов. Вы спасли мне жизнь и, конечно, заранее избавили меня от ужасных страданий! Но я не знаю, как вас благодарить, ведь, как вы понимаете, я уже достаточно пожил.

Я прекрасно его понимал, ведь мне тоже надоело жить, и если я продолжал жить, как тот германский индеец, то исключительно ради чести, потому что честью было остаться, чтобы выполнить миссию, возложенную на человека Богами, руководившими Сущностной войной, и потому что после Последней битвы, когда будут сведены счёты с Силами Материи, мы окончательно вернемся к Истоку Несотворенного Духа. Увидев, что лицо Сегундо исказилось от боли, я побежал в соседний сарай за аптечкой, которая лежала в бардачке пикапа. Терпеливо продезинфицировав двадцать пальцев, я перевязал их один за другим. У меня были с собой успокоительные таблетки, и я заставил его проглотить две: четыре миллиграмма, чтобы он проспал до полудня.

Не успело лекарство закончиться, как он уже дремал, поэтому я отнесла его в комнату, наступая на пятки, и уложила на его скромную рожковую кровать.

Я подогрела кофе и уже спокойнее пила его, сидя на стуле в кухне. Встреча с Сегундо сильно успокоила меня, и теперь я обдумывал дальнейшие действия. На стол я поставил графин с кислотой, трансмутировавшей в очень черную жидкость, но с легкой густотой. Чтобы извлечь каменные розы - серги Авалокитешвары, - я вылил непригодную субстанцию в таз, а остатки кислоты нейтрализовал с помощью мощного концентрированного мощного средства, которое обнаружил в шкафу. Через минуту серги Эстер лежали в моем кармане, уже без оружия. С артиллерией мы, конечно, переборщили, и теперь на столе лежали "Итака" с пятьюдесятью патронами, пистолет-пулемет с громоздкой кобурой, магазины к нему, десять осколочных гранат, тротилловые бомбы и кустарный нож. Ослабив тело, я незаметно для себя убедился, что Сегундо находится в Глубоком сне, и решил заняться ликвидацией остатков восточных убийц. Вооружившись мощным двенадцатифункциональным факелом, я обследовал окрестности Чакры.

Затем я обнаружил, что здание дома действительно повторяет планировку древней пукары Тарси, а крепость по периметру была уменьшена

до

низкая стена высотой не более метра, чтобы скрыть ее функцию защиты освобожденной площади. Внутри все еще находился древний кромлех, камни которого образовывали огромный круг, в котором легко поместилось бы растение Чакра. Но меня интриговала судьба Менира Тарси, посаженного белыми атлантами для заключения Договора Крови с Тарсисом Стирионом и определения их семейной миссии. Измерив диаметр кромлеха, я поискал в его пересечениях центр и с интригой обнаружил, что центральное место находится внутри чакры. Наконец, у меня не осталось сомнений, что центральное место находится внутри огромного герметично закрытого сарая. Я срезал цепи и замки подходящими щипцами и открыл двери сарая: удивительно, но спустя века и тысячелетия меандр Тарси все еще находился на своем прежнем месте. Он был сделан из зеленого камня, и на его основании красовалась тысячелетняя апахета Вультана: *purihuaca voltan guanancha unanchan huañuy*. На апахете четыреста сорок три года находился Мудрый Меч Дома Тарсиса, охраняемый, как и в Уэльве, неутомимыми нойосами и врайасами, потомками Лито де Тарсиса. Перед лицом этого отношения уважения и доверия к Верным Богам, принятого за тысячелетия терпеливой охраны, что значили мои нынешние тревоги, мои эгоистичные тревоги? Внушительный меонир и его деревенский каменный алтарь пристыдили меня за себя, за мои человеческие слабости и укрепили мою волю идти до конца.

Учитывая все тщетные и жестокие усилия, предпринятые в прошлом Ненависть, которую они испытывали бы к той Чакре, где члены Дома Тарсиса жили вне пределов их досягаемости, храня камень Венеры Мудрого Меча, неудивительна. Но они опоздали, они всегда опаздывали в Америку: им не удалось истребить род Скиольдов вместе с Диагуитами-Гебрами, ни с испанцами Диего де Альмагро, Диего де Рохас и многими другими; не помогло им и убийство Белисены Вильки, ибо она мудро ввела их в заблуждение; не позволило им истребление фон Зюберманов, чтобы разделаться с дядей Куртом. Америка оказалась для них роковой! Они не знали, где находится Нойо Вилька с Мудрым Мечом, и хотели отомстить индейцу Сегундо, чтобы принести его в жертву через ужасное испытание, прежде чем покинуть непредсказуемый мир Дома Тарсис. На них напали и убили, когда они меньше всего этого ожидали. Как бумеранг, их собственные удары вернулись к ним; **как удар джиу-джитсу**, их враги воспользовались их собственными приемами и обратили свои силы против них.

В сарае, где стоял пикап, лежали всевозможные инструменты. Я пошел туда, взял широкую лопату и стал искать подходящее место для рытья могил. В пятидесяти метрах от дома росла густая заросль камыша такуары, которая показалась мне идеальным местом: проникнуть под корневой слой будет непросто, но через несколько дней никто не сможет обнаружить ни малейших следов вывоза. Я дважды возвращался к дому и грузил проклятые трупы в тачку для удобства транспортировки; в последнюю поездку я также взял мачете, чтобы вскрыть пикаду. Я посмотрел на часы в доме и увидел, что они показывают 3 часа 23 апреля. Мои же, напротив, показывали 1.30 ночи 26 апреля. Логично, что я синхронизировал свои часы с местным квадрантом.

Итак, в шесть часов, спустя три часа, я закончил макабрическую задачу по захоронению растерзанных трупов восточных убийц. Уже рассвело, и

Я чувствовал себя измотанным, психологически и физически истощенным. А ведь оставалось еще несколько дел, неизбежных и не терпящих отлагательств. Одним из них было уничтожение черной машины убийц, чтобы избежать полицейской слежки: но для этого мне нужна была помощь Сегундо.

Я выпил свежую чашку кофе, а затем принялся выливать во двор ведра с мыльной водой, чтобы убрать следы крови - эта мера предосторожности, которая не столько позволяла избежать полицейского расследования, сколько была направлена на предотвращение еще более страшного действия тукуманских мух. При свете дня я обнаружил у дерева, в пятнадцати шагах от двери дома, куртку дяди Курта и все его оружие: очевидно, он оставил их перед уходом, когда молча позвал собак даива. В тот момент мне показалось, что моя воля снова ломается. Но я взял себя в руки и сложил эти вещи вместе с остальным снаряжением.

Я больше не мог продолжать одеваться как командос, особенно если мне предстояло выйти из Чакры, поэтому я предался тщательному осмотру внутренних помещений дома. Я отбросил одежду индейца, так как она была значительно меньше моей, и надеялся, что Нойо Вилька был более крупного телосложения и сохранил свою одежду. Наконец, миновав комнату покойного Белисены, я наткнулся на его комнату и обнаружил, по сути, хорошо укомплектованный гардероб: я нашел пару джинсов, более или менее моего размера, и такую же рубашку. Сапоги Майданы я решил оставить себе, а из оружия и боевой одежды сделал два больших пакета, оставив только четыре тротилловые бомбы в развернутом виде.

В коробке из самого гнусного картона я положил гнусный Дордже, Скипетр Власти, который Ригден Джиэпо отдал демонам Бера и Бирса, а также каменные падмы, серьги Эстер Авалокитешвары.

И вот, закончив эти мелкие дела, я направился к черной машине, чтобы утолить понятное любопытство, которое она вызывала у меня с того момента, как я впервые узнал о ее существовании.

Если смотреть издалека, то можно было не сомневаться, что это классический американский лимузин. Однако при ближайшем рассмотрении возникла путаница, поскольку ни марку, ни модель установить не удалось, как утверждала полиция Сальты; ведь у него была марка, причем очень заметная: **"Aviant"**. Но кто знал эту марку? Какой стране она принадлежала? У меня сразу же возникло подозрение, что машина не из этого мира, что она из реальности, параллельной нашей, где "джентльмены" вроде Бера и Бирсы разъезжали на автомобилях **"Авиант"**. Но был ли это действительно автомобиль? Да, это был автомобиль. Настоящий и превосходный роскошный автомобиль, явно только что с завода. Я поднял капот и увидел мощный восьмилитровый двигатель **"V"**. Ключи были в замке зажигания; я завел его, и он заработал ровно. Проверять, что внутри, было бесполезно, потому что у демонов не было с собой ничего - ни документов, ни багажа: в о о б щ е ничего, что указывало бы на то, что их не собираются останавливать или допрашивать на дорогах; **или что они вообще не путешествуют по дорогам и маршрутам человеческой цивилизации.**

В 8.30 утра я прилег в кресло в столовой и проспал безмятежно до 13.30. Я сварил еще кофе, поджарил хлеб и разбудил Сегундо на поздний завтрак. Я сварила еще кофе, поджарила хлеб и разбудила Сегундо к

позднему завтраку. Он был поражен, узнав, что я работал всю ночь и

что следов смерти убийц больше не осталось. За чашкой кофе я осмотрел его раны; особенно меня заинтересовали его ноги: они сильно распухли:

-Как вы думаете, вы сможете управлять пикапом? -спросил я.

Я сделаю все, что потребуется, - храбро сказал он. Не обращайтесь внимания на боль.

-Сумерки наступят, - объяснил я. Вам придется проехать пятнадцать или двадцать километров, чтобы избавиться от машины убийц. Но сначала я привезу вам лекарства и обезболивающие: просто скажите мне, где находится ближайшая аптека.

Она находилась в Тафи-дель-Валье, в пяти километрах. В три часа дня, зажарив курицу и съев ее вместе, я отправился в аптеку на пикапе и купил противостолбнячную вакцину, шприцы, противовоспалительные и обезболивающие средства.

В 19.00 мы выехали из Чакры. Сегундо ехал впереди, на пикапе, а я следовал за ним в **Aviant**. Мы поехали по второстепенным дорогам, обычно непроезжим, потому что успех маневра зависел от того, что никто не увидит черную машину, никто не сможет сообщить о ней в полицию; и уж тем более полиция, у которой уже будет ее описание.

Но все шло хорошо. Во-вторых, с перевязанными пальцами и босиком, так как я не мог надеть эспадрильи, я ловко вел грузовик в направлении Сьерра-дель-Аконкия. Мы пересекли Рио-Тафи-дель-Валье, Рио-Бланко и въехали на почти непроходимую дорогу, которая поднималась к вершине Серро-Ла-Овехерия. Мне приходилось совершать подвиги с огромным лимузином, чтобы преодолевать резкие повороты карнизной дороги. Наконец, за несколько километров до вершины, мы подъехали к идеальному месту: краю пропасти глубиной в тысячу метров и более. Я припарковал черный автомобиль, а Сегундо отъехал на пикапе на несколько метров назад: тропинка была настолько узкой, что нам пришлось бы проехать сотни метров назад, пока мы не нашли бы расширение, которое позволило бы нам свернуть.

Возвращение Сегундо было необходимо, чтобы предотвратить возможный обвал дороги, в результате которого пикап окажется в изоляции и не сможет спуститься в Серро. Потому что я планировал заложить динамит в **Авианте**, и это могло случиться, что и произошло.

Я вылил в машину содержимое десятилитрового газового баллона, установил электронные детонаторы на пять минут и заложил одну бомбу в блок двигателя, одну в салон, одну в багажник и одну под шасси. Затем я закрыл капот, двери и багажник и побежал к пикапу, который ждал меня в ста метрах позади.

Взрыв четырех килограммов тротила был впечатляющим в этих давно отзвучавших горах. Машину так и не нашли, потому что лишь ее остатки лежали, разбросанные на сотни метров недоступного обрыва. Когда взрыв прекратился, мы подошли поближе и убедились, что так оно и будет, потому что там, где стояла машина, дорога исчезла, а лавина камней снесла крупные обломки на дно ущелья, похоронив их навсегда.

Я пробыл на ферме Белисены Вилька десять дней, за это время я много разговаривал с Сегундо, и мы договорились о дальнейших действиях.

Я сослался на последние части письма Белисены Вильки и объяснил, что у меня есть определенные указания на возможное место жительства Нойо Вильки: все дело в том, чтобы найти таинственный Орден рыцарей Тиродаля и его понтифика, Нимрода из Росарио. Поскольку глава в моей жизни была закрыта и пути назад уже не было, мне оставалось только продолжить приключение и начать поиски ордена в провинции Кордова. Сегундо был полон решимости сопровождать меня в этой миссии. Помимо того, что он был гиперборейским Инициатом, учеником Белисены Вильки и обладал логичным духовным интересом к этому вопросу, индеец, которому было пятьдесят лет, знал Нойо Вильку с самого детства и сделал бы все возможное, чтобы снова увидеть его или оказать ему помощь.

Таким образом, мы разработали простой план, чтобы решить последние оставшиеся проблемы перед тем, как окончательно перебраться в Кордову. В Чакре находилось целое состояние ингского золота, о котором упоминал Белисена Вилька в своем письме. Сегундо показал мне тайник возле Менира, где хранилось 250 кг золота в слитках: первоначально, объяснил мне индеец, это была посуда принцессы Кильи, поскольку инга не придавали этому металлу денежной ценности; уже в Тукумане, чтобы избежать возможных сюрпризов, потомки Лито де Тарсиса в XVII веке переплавили всю посуду и спрятали слитки там, где их до сих пор можно найти. Семья никогда не нуждалась в этом запасе, но мы могли взять все, что хотели, поскольку таково было завещание Белисены Вилька.

Однако, как я понял, это богатство принадлежало Нойо де Тарсису, и до поры до времени его нельзя было трогать. Того, что оставил мне дядя Курт, нам с лихвой хватало для начала. Поэтому необходимо было обеспечить уход за Чакрой, даже если мы будем отсутствовать долгое время. Об этом позаботился Сегундо, привезший из Тафи-дель-Валье большую группу родственников, которые уже жили там в других случаях: они поселились в служебном доме и присматривали за домом.

В таком виде мы отправились 4 мая в Санта-Марию на пикапе Сегундо. Я не собирался возвращаться в Сальту, но дела дяди Курта нужно было непременно отменить. Кроме того, что в финке моего дяди меня ждали две самые дорогие вещи, которые остались в моей жизни: рукопись Белисены Вильки, воспроизведенная в этой книге, и рукопись неопубликованной книги Конрада Тарштейна "Тайная история Тулегезальшафт", которую я надеюсь опубликовать в будущем.

Финка де Санта-Мария не могла быть продана, поскольку дядя Курт не умер, а "исчез", и его завещание в мою пользу в этом случае ничего не значило. Но я мог сдать ее в аренду, что я и сделал, заключив договор с семьей Толаба, которая столько лет сопровождала моего дядю Курта: они возьмут на себя заботу о маленькой кондитерской фабрике и хранение вещей моего дяди. Они будут платить лишь умеренную годовую арендную плату. Конечно, в будущем, если бы мне понадобилось свести эту собственность к твердым деньгам, я бы прибег к известному способу - подделать свидетельство о смерти "Серино Сангедольче" и привести в исполнение завещание. Но будущее все еще в руках богов.

Но что я мог продать, так это финку де Серрильос, которую я не хотел оставлять у себя ни на минуту. Поэтому я написал своим адвокатам в Сальте,

чтобы они немедленно выставили ее на продажу и ликвидировали как можно скорее. Шесть месяцев спустя, в Кордове, я подписал окончательные документы о сделке и получил

значительную сумму денег. И в последний день пребывания в Санта-Марии я отправил обе посылки посылкой Майдане, сообщив ему в краткой записке, что операция коммандос прошла успешно и что искать "восточных убийц" больше бесполезно; и что, не оправившись от боли, вызванной гибелью моей семьи, я отправляюсь в спокойное путешествие и присоединюсь к нему по возвращении. Конечно, это "белая ложь", но что еще я мог сказать Майдане? Возможно, в будущем; возможно, если так решат боги.

Глава XVIII

Гербы аргентинских провинций.

Кордова

Буэнос-Айрес

Санта-Фе

Сан-Луис

И вот мы в Кордове, пытаемся найти благословенный орден.

Сегодня 30 мая 1981 года. Значит, прошло уже больше года с тех пор, как я купил квартиру в центре, где живу с Сегундо. Я только что закончил эту книгу, в главе XVII Эпилога, или Пролога, и многие зададутся вопросом, как и почему я ее написал. Ответ прост: эта книга - плод размышлений, письменный пересказ моего необыкновенного опыта общения с Гиперборейской Мудростью. Я был вынужден сделать это, когда все попытки найти Орден тиродальских рыцарей провалились. Месяцы назад, столкнувшись с нулевыми результатами поисков, я спросил себя, не я ли причина несовпадения с орденом, не я ли не смог прийти к **предыдущему** выводу. И я решил для себя все прояснить. И я сказал себе: "Что может быть лучше, чем изложить их в письменном виде". И я начал записывать свои воспоминания, начиная с убийства Белисены Вильки, с которого все и началось.

И сейчас, заканчивая работу, я понимаю, что интуиция была права, **что я не воспринял многое из того, что усвоил за столь короткое время, и что мой дух все еще пребывал в шоке**: в таком состоянии духа мне не позволили бы найти Орден. Но написание этой книги помогло мне, и именно поэтому я решил сделать ее известной: **...чтобы другие, как и я сейчас, могли найти Мир Крови Тарсуса**".

ГИПЕРЭПИЛОГ

Кордова, 7 июня 1981 года.

Читателю этой книги:

В самом деле, я намеревался завершить "Тайну гиперборейской мудрости" на предыдущей странице. На тот момент мне больше нечего было сказать. Но сегодня, неделю спустя, произошло нечто, что пролило новый свет на занимавшую меня проблему - местонахождение Ордена Тиродальских Рыцарей: **я полагаю, что получил, наконец, верную подсказку**. И я считаю своим долгом чести поделиться ею с читателем, дать ему такую же возможность, какая есть у меня сейчас.

Но прежде чем рассказать об этом, я вкратце поведаю о том, что произошло со мной вчера.

Я искал внутреннего просветления, потому что внешние поиски ни к чему не привели. Именно поэтому я написал эту книгу; и только закончив ее, я, уже гораздо более спокойный, решил попробовать способ, который еще не пробовал. Вчера днем, без всякого предупреждения, я отправился в дом Оскара Файля, покойного друга дяди Курта и того, кто первым основал Орден тиродальских рыцарей. Как я и предполагал, его жена, добрая и отзывчивая женщина итальянской национальности, была в неведении относительно того, где находится Тиродальский орден. Она заверила меня, что Оскар умер естественной смертью, но очень счастливой из-за духовного удовлетворения, которое он получил в последние годы жизни.

Я знал о существовании Ордена и многое другое о нем. Я объяснил, что у нас было мало времени, чтобы поговорить с дядей Куртом, и что он оставил много вопросов без ответа: он никогда не даст мне ответа. Я объяснил, что у нас мало времени, чтобы поговорить с дядей Куртом, и что он оставил много вопросов нерешенными, на которые он никогда не даст мне ответа:

-Но что случилось с Куртом? -спросила она. Он мертв? Если да, то я расскажу вам все, что знаю, а этого недостаточно, и гораздо меньше, чем вы ищете. Послушай, я знаю о тебе: я знаю, что ты племянник из Сальты, сын твоей сестры и аргентинского немца, и знаешь, откуда я это знаю? Не от Курта, который никогда бы ничего не сказал, а от доброго Оскара, который любил тебя как брата и поделился со мной всей твоей историей. Итак, я расскажу вам то, что он вам не рассказал: я итальянец, это очевидно; что не так очевидно, так это то, что я был послушником в монастыре, где фон Гроссен и Оскар Файль вынуждены были укрываться в течение двух лет после 1945 года, в компании их дяди Курта. Мы с Оскаром полюбили друг друга, и когда он приехал в Аргентину, я вскоре последовала за ним и вышла за него замуж в этой стране, где мы были очень счастливы: у нас родилась пара детей, которые уже учатся в университете. Поэтому я удивлена, что он не упомянул обо мне, ведь его дядя знал меня почти так же хорошо, как Оскар. А что с ним случилось? Скажите мне по секрету, пришлось ли ему бежать от тех

страшных врагов, которые, по словам Оскара, не переставали искать его до самой смерти?

-Нет, мадам, - уточнил я. К счастью, дядя Курт не умер, даже если то, что вы считаете правдой: те "ужасные враги" не мертвы.

В конце концов они нашли его и уничтожили всю его семью, которая была и моей семьей. То есть вся моя семья - родители, сестра, племянники, племянницы и дальние родственники - была убита год назад, но убийцам не удалось стереть нас с лица земли. И по этой причине дядя Курт ушел больше года назад, сказав, что никогда не вернется. Остался только я, которому поручено найти рыцарей Тиродала.

-Я очень сожалею о случившемся, ведь я знал, как сильно он любил свою сестру Беатрис! Он избегал встреч с ней, боясь скомпрометировать ее и ненамеренно причинить ей вред.

Я кусал губы, когда слышал эту правду: дядя Курт защищал ее 35 лет, а я в один миг отдал ее в руки палачей. Новости госпожи Фейль, напротив, были не слишком обнадеживающими в отношении Ордена:

-Боюсь, я ничем не могу вам помочь, поскольку Оскар очень мало рассказал об Ордене тиродальских рыцарей. Он не дал мне никакой информации ни о его членах, ни о местах его собраний.

Я смотрел на нее, не в силах скрыть свое разочарование. Она сочла мое выражение лица комичным, потому что улыбнулась и призвала меня надеяться: шанс есть.

Мы что-нибудь сделаем, доктор Зигнагель; это единственное, что в моих силах; и молитесь своим богам, чтобы это сработало. У Оскара в столе был сейф, в котором он хранил вещи Ордена. Несколько раз он советовал мне, что если с ним что-то случится и кто-то из Ордена явится за его вещами, то он должен без обсуждения вернуть им содержимое этого сундука. Но до сих пор никто, кроме вас, не просил отчетов об Ордене, поэтому я ни разу не открывал его сейф. Тогда мы изучим содержимое шкатулки и попытаемся найти какую-нибудь зацепку.

Мы сразу же отправились в кабинет покойного Оскара, и я с нарастающим беспокойством ждал, пока миссис Фейль введет комбинацию на замке. Наконец он открылся, и взору предстали заветные предметы. Скучное эзотерическое наследство Оскара Файля состояло из двух предметов: книги и вульгарного журнала.

Никому не удастся передать мое недоумение по поводу в то время. Это была книга "Основы гиперборейской мудрости" Нимрода из Розарио, точно такая же, как та, которую дядя Курт дал мне почитать в Санта-Марии и которая теперь была у меня в руках. А журнал - это был номер "**Снома**" трехлетней давности.

В конце концов госпожа Фейль разделила мое беспокойство и, не зная, как удовлетворить меня, и желая поскорее закончить беседу, передала мне две публикации. По ее словам, она была уверена, что Оскар Файль одобрит ее действия, ведь я был племянником ее самого дорогого товарища, которому она ни в чем не могла отказать.

Нет нужды говорить, что я просматривал книгу страница за страницей, строка за строкой в поисках какого-то тайного ключа, какого-то криптографического послания, какого-то скрытого указания, какого-то ключа, который могут истолковать только Гиперборейские Инициаты. Очень скоро мне пришлось исключить, что книга предоставляет такую возможность.

И нет нужды говорить, что я читал и изучал все статьи в журнале в поисках подсказки об ордене рыцарей Тиродала. Очень скоро я пришел к тем же результатам, что и в случае с книгой: ничего, ни единого намека. Неприятная задача, ведь **Spot's** - это сенсационный журнал с а м о г о низкого интеллектуального или морального уровня.

Грубо проправительственный в своей общей политической линии, он не имеет определенных редакционных критериев, поскольку его статьи пишутся с явной ц е л ь ю вызвать низкий удар или скандал, что, естественно, радует его читателей.

2 000 000 читателей. Этические пределы развития тематики, как и следовало ожидать, определяются лишь юридической защитой, с помощью которой его жертвам удается защититься в случае нападения, или размером взяток, которые платят "друзья" дешевой рекламы. Логично, что такой журнал не может принадлежать кому попало: его редактор-владелец - известный желтый журналист, не совсем "восточный", Сэмюэл Айзексон, приверженец самой черствой ивритской проституции и заклятый сионист. Из экземпляра, попавшего мне в руки, я узнал о подробностях восьми расставаний не очень близких пар актеров и актрис; узнал о претензиях Национального движения освобождения гомосексуалистов; прочитал две разные статьи об O.V.N.I.S., в которых два "профессора парапсихологии" утверждали, что члены их команды собираются спасти человечество; я узнал подробности пяти убийств, трех изнасилований и одного изнасилования; я узнал о преступлениях нацизма благодаря биографии Анны Франк и сокращенному изложению ее апокрифического "дневника"; я увидел пять критических статей, которые на самом деле содержали скрытую рекламу, о левых фильмах, и еще пять статей об экологии и пацифизме; и т. д. и т. п. По правде говоря, не было практически ни одной темы, на которую журнал не набросился бы со своей обычной отвратительной вульгарностью.

Что это была за помойная я м а ! В чем ее смысл?

Как Оскар Фейл мог хранить эту копию? Должна быть причина. И эта возможность была моей единственной надеждой.

Но по какой причине? Я уже несколько раз перечитал ее: семьдесят с лишним статей и заметок с указанным синархическим оттенком. И я не упомянул о невероятной и разнообразной череде рекламы порносалонов и афро-бразильского колдовства; о бесконечном списке **стран**, учителей, гуру, магов, хиромантов, тарологов и т. д., предлагающих все виды "духовной помощи", от "решения проблем в отношениях" или "импотенции" до сложных психологических "разблокировок". Конечно, я не обращал на эти объявления столько же внимания, сколько на газетные статьи: их было так много - сотни!

А вот и решение загадки, настолько очевидное, что оно выглядело как шутка - розыгрыш Нимрода из Розарио!

Внезапно там, где я меньше всего ожидал этого, на листе бумаги, испещренном плакатами с предложениями "услуг" различных эзотерических школ и учителей, на листе бумаги, на который я много раз смотрел, ничего не замечая, появилась фраза "Гиперборейская Мудрость". Внимательно изучив объявление, я с удивлением прочитал следующее:

¡¡NO DESTRUYA UNA PARTE SI PUEDE DESTRUIRLO TODO!!

En efecto:
Si su odio hacia el Mundo es tan intenso que Ud. ha pensado seriamente en suicidarse o convertirse en múltiple asesino; o si planea destruir bienes culturales o naturales, o sumarse a grupos nihilistas que practican el terrorismo de cualquier signo...

¡¡NO LO HAGA!!
... pues desaprovecharía su esfuerzo, gastaría pólvora en chimangos!

Es muy posible que Ud. esté preparado espiritualmente para conocer la Sabiduría Hiperbórea. Esta Ciencia milenaria le revelará quién es su verdadero Enemigo y le demostrará el modo de trabajar positivamente para conseguir la **destrucción TOTAL del Universo creado**. La realización de tan magnífico objetivo significará la liberación absoluta y definitiva de su Espíritu de todo lazo material, la Eternidad del Espíritu fuera del maligno Universo material que Ud. odia. ¡Reflexione y acuda a nosotros! Incluso si ha sufrido algún tipo de lavado de cerebro que haya debilitado momentáneamente su agresividad; ¡lo ayudaremos a recuperar su odio!

Tenga presente que **no queda mucho tiempo**, que el día de la Batalla Final está cercano: entonces será destruido el todo y no meras partes. Y en ese momento, esperamos tenerlo a Ud. destruyendo junto a nosotros y danzando como Shiva sobre las ruinas del Cosmos reducido a Caos.

❖ **¡Detenga el dedo en el gatillo!** ❖
❖ **¡Guarde el puñal!** ❖
❖ **¡No beba la estricnina ni se la dé a gustar a sus parientes y amigos!** ❖
❖ **¡No arroje el fósforo sobre la nafta!** ❖
❖ **¡No lance su cóctel molotov!** ❖
❖ **¡Pare el timer de su excelente bomba casera tipo "caño"!** ❖

Sólo dirijase a la Casilla de Correo Central... Si su espiritualidad es verdadera, y su repulsión hacia la Cultura actual, hacia el Mundo actual, o hacia el Universo actual, es auténtica, Ud. tendrá la oportunidad de ingresar a una Orden de Guerreros Sabios, y ser Ud. también un Guerrero Sabio, y participar del más grandioso esfuerzo protagonizado por el hombre de todas las Epocas para destruir totalmente la Obra del Dios Creador del Universo Material.

C.C.C.

¡¡Ud. no está solo! ¡Otros comparten su misma aspiración y saben cómo hacerlo!

Было ли это похоже на шутку или нет? Ответ может быть только утвердительным, тем более если учесть, в какой брошюре она была опубликована. Однако ничто из того, что утверждалось или предлагалось в рекламе, не было чуждо Гиперборейской Мудрости: любой, кто читал эту книгу, согласится со мной. Что делало текст абсурдным и невероятным, так это его прочтение вне контекста Гиперборейской Мудрости или в контексте синархической журналистики, характерной для памфлетов **Снома** или других подобных изданий. Но от меня не ускользнуло, что такого эффекта намеренно добивались тиродальские рыцари. С какой целью? Я не знал и не осмеливался предполагать: возможно, уведомление было паролем; возможно, оно действительно предназначалось для духовных особ, наделенных высокой степенью интуиции.

Какой бы ни была правда, факт оставался фактом: у меня

не было иного выбора, кроме как написать на таинственный почтовый ящик. Я уже сделал это, прежде чем

чтобы написать этот "Гиперэпилог". И теперь я буду ждать ответа, который, несомненно, все прояснит. Но, как я уже сказал в самом начале, я не хотел завершать эту книгу, не предоставив читателям ту же возможность, которой обладаю я. Это также способ компенсировать им трудную задачу усвоения элементов представленной здесь Гиперборейской Мудрости, чтобы тот, кто пожелает и осмелится, смог продлить это знание в Реальности, которая, однако, столь же иллюзорна, как и вымысел этой книги.

Короче говоря, моя интуиция подсказывает мне, что шкатулка принадлежит Ордену рыцарей Тиродала или общается с ними. Каждый сможет проверить это сам, как это сделаю я. И этим открытием, которое является последней и единственной подсказкой, которую я получил об ордене тиродальских рыцарей, я завершаю "Тайну Белисены Вильки" и прощаюсь со всеми читателями с пожеланием, чтобы у них хватило **смелости** написать и **духовности**, необходимой для того, чтобы заслужить ответ ордена.

Доктор Артуро Зигнагель

Post Scriptum

Кордова, 4 сентября 1987 года:

ИНДЕКС

Книга первая

"Исчезнувшие из Тафи-дель-Валье".

Глава I.....	5
Глава II.....	6
Глава III.....	8
Глава IV.....	9
Глава V.....	11
Глава VI.....	13
Глава VII.....	15
Глава VIII.....	16

Книга вторая

"Хартия Белисены Вильки".

Первый день.....	19
Второй день.....	20
Третий день.....	29
Четвертый день.....	35
Пятый день.....	40
Шестой день.....	43
Седьмой день.....	50
Восьмой день.....	55
Девятый день.....	61
Десятый день.....	63
Одиннадцатый день.....	71
Двенадцатый день.....	76
Тринадцатый день.....	83
Четырнадцатый день.....	90
Пятнадцатый день.....	93
Шестнадцатый день.....	101
Семнадцатый день.....	107
Восемнадцатый день.....	113
Девятнадцатый день.....	116
Двадцатый день.....	120
Двадцать первый день.....	124
Двадцать второй день.....	129
Двадцать третий день.....	133
Двадцать четвертый день.....	140
Двадцать пятый день.....	148
Двадцать шестой день.....	154
Двадцать седьмой день.....	162
Двадцать восьмой день.....	168
Двадцать девятый день.....	174
Тридцатый день.....	178

Тридцать первый день.....	184
Тридцать второй день.....	187
Тридцать третий день.....	191
Тридцать четвертый день	199
Тридцать пятый день.....	205
Тридцать шестой день.....	210
Тридцать седьмой день.....	217
Тридцать восьмой день	222
Тридцать девятый день	227
Сороковой день.....	233
Сорок первый день	239
Сорок второй день	244
Сорок третий день.....	250
Сорок четвертый день	258
Сорок пятый день.....	263
Сорок шестой день.....	272
Сорок седьмой день.....	289
Сорок восьмой день.....	297
Сорок девятый день.....	303
Пятидесятый день.....	308
Пятьдесят первый день	314
52-й день.....	320
Пятьдесят третий день	329
Пятьдесят четвертый день.....	343
Пятьдесят пятый день	352
Пятьдесят шестой день	358
Пятьдесят седьмой день	364
Пятьдесят восьмой день	370
Пятьдесят девятый день	376
Шестидесятый день	383
61-й день.....	390
Шестьдесят второй день	397
Шестьдесят третий день.....	403
Шестьдесят четвертый день	406

Книга третья

"В поисках дяди Курта

Глава I.....	409
Глава II.....	411
Глава III.....	413
Глава IV.....	427
Глава V.....	431
Глава VI.....	434
Глава VII.....	435
Глава VIII.....	440
Глава IX.....	445
Глава X.....	455

Книга четвертая

"История Курта фон Суберманна".

Глава I	463
Глава II	467
Глава III	470
Глава IV	475
Глава V	477
Глава VI	480
Глава VII	485
Глава VIII	487
Глава IX	493
Глава X	496
Глава XI	500
Глава XII	509
Глава XIII	512
Глава XIV	516
Глава XV	522
Глава XVI	527
Глава XVII	529
Глава XVIII	550
Глава XIX	552
Глава XX	555
Глава XXI	561
Глава XXII	568
Глава XXIII	573
Глава XXIV	573
Глава XXV	580
Глава XXVI	585
Глава XXVII	590
Глава XXVIII	592
Глава XXIX	593
Глава XXX	599
Глава XXXI	606
Глава XXXII	614
Глава XXXIII	618
Глава XXXIV	620
Глава XXXV	626
Глава XXXVI	633
Глава XXXVII	639
Глава XXXVIII	643
Глава XXXIX	647
Глава XL	656
Глава XLI	665
Глава XLII	671

Книга пятая

"Эпилог... или пролог".

Глава I	691
Глава II	693
Глава III	697
Глава IV	698
Глава V	702
Глава VI	706
Глава VII	710
Глава VIII	714
Глава IX	719
Глава X	724
Глава XI	725
Глава XII	727
Глава XIII	730
Глава XIV	732
Глава XV	741
Глава XVI	745
Глава XVII	746
Глава XVIII	753

Гиперэпилог

Письмо читателю	755
-----------------------	-----

BERSERKER

BOOKS

